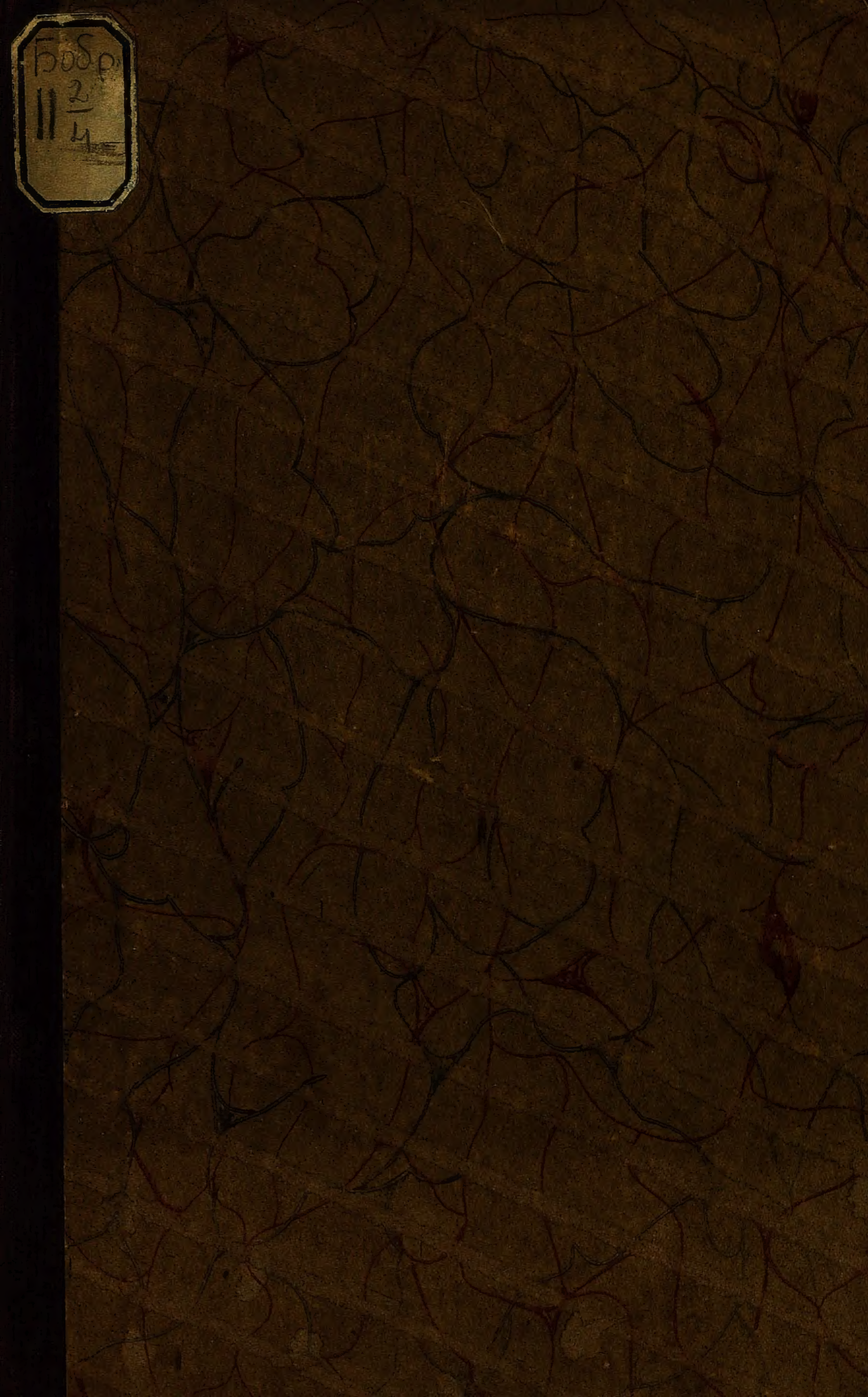

Бобр.
II 2/4

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXXVII. Вып. 1.
Подъ редакціею д. чл. А. А. Шахматова.

Ю. А. ЯВОРСКІЙ.

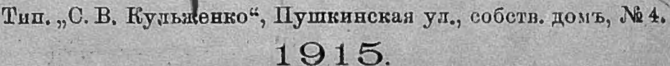
ПАМЯТНИКИ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I. Легенды. II. Сказки. III. Разсказы и анекдоты.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

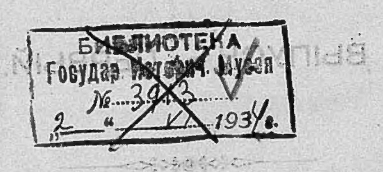

КІЕВЪ.
Тип. „С. В. Кульженко", Пушкинская ул., собств. домъ, № 4.
1915.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 3913
„2" VI 1934 г.

По сложившимся временно, въ связи съ переживаемыми историческими событіями, особымъ обстоятельствамъ, лишающимъ издателя на продолжительное время возможности непосредственнаго личнаго наблюденія за дальнѣйшимъ печатаніемъ настоящаго сборника,—Отдѣленіемъ Этнографіи признано своевременнымъ и цѣлесообразнымъ выпустить отпечатанные уже листы послѣдняго теперь-же, въ видѣ перваго выпуска XXXVII-го тома „Записокъ“ Отдѣленія, съ тѣмъ, что остальная часть сборника, содержащая, кромѣ окончанія начатаго уже въ этомъ выпускѣ обзора литературныхъ темъ и мотивовъ и свода параллелей къ нимъ, также еще библіографическій указатель использованной литературы, словарь областныхъ словъ и общее предисловіе и оглавленіе къ цѣлому сборнику, будетъ издана, въ качествѣ второго выпуска того-же тома, при первой возможности отдѣльно.

Январь 1915 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: ЛЕГЕНДЫ.

1.

Люди изъ яицъ.

За тóе, що Эва скусы́ла Адáма, Богъ прокля́ў йи, щобы́ опá на зэмлы́ рóдыла дíты въ бóляхъ, á по смэ́рты абы́ кóждого дня нэслá тíлько яéцъ, кíлько людэ́й на-дэнь умыраé, такъ до вíку. Тай бэрэ́ Богъ тотí я́йця, розкрáвуе на двп половы́ци п мэ́чэ на зэ́млю. Зъ еднóп половы́ци рóдытся хлóпэць, а зъ дрýгоп дíўка, и оны́ ся потóму, якъ пидростýтъ, жэ́нятъ. Алэ то й такъ буваé, що еднá половы́ця я́йця ўпáдэ на мóрэ, а дрýга на зэ́млю, áбо що еднý половы́цю зъызíстъ якíй зьвиръ, то вжэ той чоловíкъ зъ тóп дрýгоп половы́ци, що нэ пропáла, нэ мáе своéп пáры и лышáеся цилэ́ жытьé пáробкомъ áбо дíўкою.

(Отъ Татьяны Голубъ въ Борусовѣ.)

2.

Великаны и маленькіе люди.

Даўнó (отъ, видъ насъ, такъ трэ́тогo поколíння) бýлы такí вэ́лыты, що подáў зъ Йíлова чэ́рэзъ горý сокы́ру сюды́, такý рýку маў. То въ Кохáвынп въ косьцéлп стойтъ щэ пы́нька такá ногá вэ́лыта, видъ зэмлí ажъ до повáлы.

А якъ щэ бýло мáло такíхъ малы́хъ людэ́й, отъ, якъ мы, то разъ вы́йшоў орáты чоловíкъ на пóлэ. А випъ надíйшóў, той вэ́лытъ, тай такъ взяў на пры́горщи тóго господáря, и вóлы, й плугъ, и прынóсытъ до мáмы: „Дывы́ся, мáмо, кáжэ, якí ту хробачкí ры́ютъ пóлэ!“

А по насъ зно́ву таки́ бу́дутъ малэ́ньки лю́дэ, що со́рокъ ихъ мо́жэ въ пьецу молоты́ты. Алэ то вжэ мо́жэ ажъ тогды́, якъ які́й по́топъ бу́дэ, а́бо що́,—хто то мо́жэ знаты Бо́жу во́лю?

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

———

3.

Премудрый Соломонъ.

Маў ци́саръ одно́го сы́на, тай той сынъ ду́жэ му́дрый ся вы́вчыў, ещэ́ мудрі́йшій, якъ самъ та́то. И той хло́пэць вы́йшоў пидъ ха́ту и зробы́ў сы ва́жкі́ зъ бля́хи и взяў ва́жыты ба́бынъ ро́зумъ и пэ́сье гивно́. И вы́йшла акура́тъ идъ не́му цисаро́ва, его́ ма́ты власты́ва, и пыта́еся его́: „Що́ ты ту ро́бышь, сыну́ню?“—„Ва́жу, ка́жэ, ба́бськый ро́зумъ и пэ́сье гивно́“.—„А котрэ́ тя́жшэ?“—„Пэ́сье гивно́ тя́жшэ“. А ма́ты ка́жэ: „Оў, сыну́ню, та́-жэ и я ба́ба!“—„Вшы́стко ру́вно!“

По́тимъ винъ узя́ў тай ся забра́ў съ тымъ тай пишо́ў помэ́жы ха́ты. А она́ его́ каза́ла шука́ты и зйима́ты и вы́вэсты въ лисъ. Тай тамъ каза́ла его́ зари́заты и прынэ́сты йій сэ́рцэ и мизэ́рный па́лэць зъ руки́ на знакъ. Алэ винъ маў пэска́, и той пэсо́къ съ нымъ разъ-на́-разъ ходы́ў. И якъ го слу́гы взя́лы въ лисъ тра́тыты, то пэсо́къ пишо́ў исъ нымъ у лисъ. Тамъ у ли́си винъ ка́жэ: „Лю́дэ, не ри́жтэ мэнэ́, лышэ́ возьми́тъ зъ пэска́ сэ́рцэ, а мизэ́рный па́лэць вжэ вамъ му́шу да́ты!“ И тымъ слуга́мъ ся жаль зробы́ло и оны его́ послу́халы: зари́залы пэска́ и взя́лы зъ не́го сэ́рцэ, а пото́му винъ сы вжэ самъ видри́заў па́лэць. И оны́ то понэ́слы его́ ма́тэры на знакъ.

А винъ тогды́ забра́ўся и пишо́ў, нэ вка́зуваўся до сво́го витця́ а́ни до сво́йи ма́тэры. Купы́ў сы квочку съ ку́рятамы и взяў, позолоты́ў ихъ, и тогды́ прыйшо́ў до то́го ми́ста, дэ маў витця́ и ма́тирь, и си́въ сы на ми́сти и ко́ло сэ́бэ розпусты́ў кво́чку и ку́рята и даў йимъ йи́сты. Якъ ту лю́дэ то повы́дилы, да́лы зна́ты до ци́сара, що які́й-сь паны́чъ ма́е таки́ ку́ры, що таки́хъ щэ нихто́ нэ вы́диў. Прыхо́дытъ до

нёго ёго мáты и кáжэ: „Щó панъ хóчэ за ти кýры?“ А винъ кáжэ: „Ницъ нэ хóчу, лышэ́ щобы́ пáни однý ничь зо мноў спáла!“ А онá кáжэ: „Нэ хóчу!“ Якъ онá то сказáла, що нэ хóчэ, винъ тогды́ тоты́ кýры тамъ подарувáў якóму-сь бíдному и забрáўся зноў у сьвитъ.

Тай вы́мыслыў звэрцьёдла, такú, що сутъ ны́ни. Прыйшóў до тóго мúста зноў, обстáвыўся наўкóла ны́мы. Тамъ лю́дэ повы́дилы тотó, — хто подывы́тся, вы́дытъ сэбэ́ кóждый, — то дáлы зноў знáты до цúсара. А мáты зноў пишлá идъ нёмý, áлэ винъ ся видмины́ў зноў инáкшэ. Кáжэ цисарóва: „Щó хóчэтэ за тоты́ звэрцьёдла?“ А винъ кáжэ: „Ницъ нэ хóчу, лышэ́ абы́ пáни зо мноў еднý ничь спáла!“ Тогды́ онá кáжэ: „Бýду!“ И лягла́ кóло нёго вжэ въ почы́ спáты и взя́ла ёгó рýку и прытýлювала до сэ́бэ кóло пýпця, а винъ кáжэ: „Я ту нóсомъ порóў!“ А взя́ла го пидъ грудьмы́, а винъ кáжэ: „Я на тимъ сэ́рцы лэжáў!“ А онá здумúлася дýжэ. Рáно винъ ся умывáў, а онá то увы́дила, що винъ пáльця нэ мáе, тай кáжэ до нёго: „Чомý ты пáльця нэ мáешь?“ А винъ кáжэ: „Я малы́мъ хлóпцёмъ бáвыўся съ дитьмы́, та мы дúты пáлэць обтя́лы“. А онá кáжэ: „Въ мэ́нэ е пáлэць, мóжэ бы ся тобí прыдáў?“ Тогды́ онá побúгла до дóму, пáлэць прынэ́сла, прытулы́ла ёмý до рукú, и пáлэць ся зáразъ прыхóпыў, прырíсъ до рукú. А онá тогды́ почáла крыкъ и йимы́ла го, хотúла го ўтры́маты, бо вжэ повы́дила, щó то сй сынъ буў. Алэ винъ ся вы́рваў видъ нэ́и и ўтикъ. И зноў пишóў сы въ сьвитъ.

Онá взя́ла, спрáвыла комáшнию и заклы́кала людэ́й и дáла имъ такú лы́жки дóўги, ажъ пидъ стэ́лю. И кáжэ: „Якъ нэ вы́йистэ тотý стрáву, то бýдэтэ вси потрáчэни!“—Хто вóзьмэ йúсты, запрэ́ лы́жкоў о стэ́лю, нэ мóжутъ йúсты. Алэ той прэмýдрый Соломóнъ о тимъ знаў о всимъ тай ўбигъ тай кáжэ: „Лю́дэ, едэ́нъ дрýгого годýйтэ: ты зъ-за столá давáй тóму на той бикъ йúсты, а зъ тамтóго бóку най зачырáе тай тóму най даé видъ стины́!“ Ухóдытъ она, а мы́ски сухú. Кáжэ: „Хто васъ такъ порáдыў?“ Кáжутъ йúй лю́дэ: „Ту якíй-сь панъ ўбигъ тай насъ такъ порáдыў.“ Онá кáжэ: „То мíй сынъ буў, чомý-сьтэ нэ йимáлы?“—„Мы нэ знáлы!“

Тогды́ онá взя́ла, насы́пала по помóсти грóши. И кáжэ лю́дёмъ: „Абы́-сьтэ позбырáлы и нэ згынáлыся, а якъ нэ позбырáетэ, вси потрáчэни бýдэтэ!“ Оны́ ся ту мý-

чатъ, нэ мо́жутъ. А винъ ся ўхо́пыў тай ка́жэ: „Смоло́ў ходаки́ намасты́ и по гро́шохъ ходы́ и пидойми́ едну́ но́гу, а на дру́гій стій; якъ познима́ешь гро́ши зъ той ногы́, то зно́ву да́льшэ по гро́шохъ ходы́ и збыра́й!“ И самъ ся забра́ў и ўтикъ. Ухо́дытъ тота́ цисаро́ва—гро́ши позбы́рани. Пыта́еся: „Хто васъ такъ нара́дыў?“—„Які́й-сь панъ!“ „Чому́-сьтэ нэ йима́лы? то мій сынъ!“—„Мы нэ зна́лы!“—И лю́дэ повидправля́лыся и пишлы́ гэтъ.

Тогды́ каза́ла зробы́ты золоты́й плугъ и золоти́ колэсня́та. И каза́ла двомъ хло́памъ тягну́ты, а трэ́тому иты́ за плу́гомъ, сьвитъ обтягну́ты тымъ плу́гомъ. „Хто ўгада́е, що́ то кошту́е гро́шэй, абы́-сьтэ то́го бра́лы, то мій сынъ!“—Оны́ обтягну́лы сьвитъ, нихто́ нэ ўгада́ў. Такъ блы́зько ко́ло то́го ми́ста буў госты́нецъ чэ́рэзъ лисъ. А винъ то повы́диў, той прэму́дрый Соломо́нъ, и взяў, си́ў для сэ́бэ въ тимъ ли́си и взяў сы́ра и хли́ба и йисть. И ся пыта́ютъ тоты́ его́: „Мо́жэ вы ўгада́етэ, що́ той плугъ кошту́е тай колэсня́та?“ А винъ ка́жэ: „Якъ нэ бу́дэ бэ́рэзня вэ́рэмя, а ма́я дощу́, то той плугъ нэ ва́рта й то́го, що я на нимъ сы́джу!“ И оны́ ся забра́лы съ тымъ плу́гомъ и прыйшлы́ ажъ до до́му, до цисаро́вои. И пыта́еся она́: „Цы ўгада́ў хто?“—„Нэ ўгада́ў, ка́жутъ, нихто́, лышь ту недалэ́ко въ ли́си сыди́ў які́й-сь для сэ́бэ тай сказа́ў: якъ нэ бу́дэ бэ́рэзня вэ́рэмя, а ма́я дощу́, то той плугъ ницъ нэ ва́рта!“—„Чому́-сьтэ го нэ бра́лы, то мій сынъ!“—„Мы нэ зна́лы.“—И она́ вжэ да́ла по́кій всёму.

А винъ забра́уся тогды́, найми́ў сы два орлы́ и годува́ў ихъ. И зробы́ў сы скры́ню и зари́заў два волы́ и запакува́ў мя́со до скры́ни. И тогды́ орлы́ запря́гъ и лети́ў такъ до нэ́ба. Хоти́ў змье́ряты, якъ за высо́ко видъ зэмли́ до нэ́ба. Що котры́й зсла́бнэ орэ́лъ, то винъ ўри́жэ ку́снывъ мя́са и вэ́ржэ орло́вы въ пы́сокъ и лэты́тъ да́ли. Ви́дтамъ зача́лы сьвяти́ крыча́ты: „Прему́дрый Соломо́нэ, вэрны́ся! бо, ка́жутъ, ту такъ со́нцэ палы́тъ, що твои́мъ орла́мъ кры́ла опалы́тъ, и ты ви́дты упа́дэшь и ся розы́бьешь!“ И винъ послу́хаў ихъ и вэрну́ўся. Щэ на долы́ну трэ́ба бу́ло да́ты разъ йисты орла́мъ, а вжэ нэ бу́ло мя́са. Тогды́ винъ взуў чо́битъ и видри́заў зъ своеи ногы́ лытки и даў имъ йисты, и тогды́ злэти́ў вжэ на зэ́млю. И тогды́ орлы́ пусты́ў у сьвитъ, а самъ пишо́ў.

Хотиу змьеряты морэ, якъ за глубоке. Купыу сы ланцъ на 1200 сяжэнь доугый, казау ковалямъ зробыты стоупъ зелизный на 150 ликтиу грубый, а 90 сяжэнь доугый. И казау той стоупъ забыты въ зэмлю надъ тымъ морэмъ. И зладыу сы щэ таку бочку, абы тамъ мау дэ сыдиты. И тогды пишоу дали, такъ пэдалэко, подывытыся, чы нэ повыдиу бы ёго очыма, якъ оно за доугэ, тото морэ. А тамъ мала дитына чэрпае воду варышкоу у товарячій слидъ. А тото нэ дитына була, ай самъ Господь. Випъ кажэ: „Що ты, малэ дзьецко, робышь?" „А дитына кажэ: „Чэрпаю воду у тоту ямку, абы-мъ йи вычэрпау всю!" А винъ ся осьмихнуу и повидае: „Малэ дзьецко, яке ты глупэ, жэ ты хочэшь таку воду вэлыку вычэрпаты въ таку малэньку ямку!"

И обэрнууся тогды назадъ и купыу сы курку и когута. И пишоу и до той бочки всадыу курку и когута: якъ курка на розсьвитю журытся, абы знау, котра пора, цы пичь, цы дэнь, тай якъ когутъ пiе. И уняу ланцъ до стоупа и до бочки и пустыуся въ бочци въ прэсподни. На розсьвитю курка ся журытъ, когутъ пiе. И якъ вжэ въ прэсподни стау на дни, прыйшоу морськiй ракъ и пэрэтяу ланцъ. Такъ винъ тамъ плачэ, бо ся на гору нэ дистанэ.

Тогды прыходитъ идъ нёму злый дiявулъ и кажэ: „Выдышь, прэмудрый Соломонэ, якiй-сесь мудрый, а пынька-сь дурный! Алэ, кажэ, пидпышы мы ся, то тя вынэсу на гору!" Винъ ся пидпысау и дiявулъ го вынисъ на гору. Якъ го вынисъ на гору, тогды прэмудрый Соломонъ такъ кажэ до дiявола: „Ты знаешь, яка въ мэни е сыла, бо-сь мя вжэ нисъ, алэ я нэ знаю, яка сыла въ тоби. Ходы, кажэ, я тэбэ бэру въ шкиряный михъ и буду нэсты бэзъ кусэнь дорогы, а хто ся будэ пытаты, що я нэсу, я буду казаты, що дзвинъ. А якъ бы хто ударыу въ тэбэ, то абы ты тамъ дзвоныу!" Идэ, нэсэ ёго. Хто ся пытае: „що нэсэшь въ миху?" винъ кажэ: „дзвинъ!" И такъ идэ, а тры молотильныки пэрэдъ стодолоу молотятъ, а винъ кажэ: „Я маю ту троха жыта въ миху, абы вы мэни вымолотылы!" Тогды молотильныкы кажутъ: „Кладитъ!" Якъ оны зачалы молотыты, той дiявулъ зачау тамъ дужэ ґваутоваты, кажэ: „Всё ты видпущаю. лышэ мы даруй жытье!" Тогды молотильныки ся упудылы и кажутъ: „Що нанъ намъ таке дау молотыты?" А Соломонъ кажэ: „Молотитъ, нэ пытайтэ, я вамъ за то вэлыки

грóши заплачу!“ Оны́ стáлы молоты́ты, з б ы́ л ы н а р óп у. Винъ тогды́ взяў михъ, вы́трясъ рóпу, заплаты́ў имъ и пишóў.

Потóму винъ собí сиў на конí, х о т и́ ў к о н ё м ъ у в э́ с ь с ь в и т ъ о б и́ й х а т ы. Йидэ чэ́рэзъ лисъ, якъ т р á ф ы ў н а г ы л ю́ д у б ó в у, ўдáрыла го гыля́ по шы́йи, з л о м ы́ ў с ы γ а р к ъ. И тогды́ вжэ скиньчы́ў своé жытьé.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

4.

Почему жиды не ѣдятъ свинины.

С у с ъ Х р ы с т ó с ъ х о д ы́ ў п о с ь в и́ т и съ сьвяты́мъ Пэтрóмъ. Ж ы д ы́ вжэ знáлы, що то Сусъ Христóсъ, а всэ н э в ь é р ы л ы. Тай разъ жыдъ до жы́да кáжэ: „Колы́ винъ такíй прорóкъ, то п о л о ж и́ м о ж ы д и́ ў к у съ д и т ы́ н о ў п и д ъ к о р ы́ т о (бо жыди́ўка булá въ полóзи), н а й ў г а д á е“. Тай жыдъ кáжэ до Сýса: „Анý, ты такíй прорóкъ, то ўгадáй, щó ту е пидъ коры́томъ?“ А Сусъ Христóсъ кáжэ: „Лёха съ пацьé-тьомъ!“ Тай видслоны́лы коры́то, то ж ы д и́ ў к а с я з р о б ы́ л а л ё х о ў, а ж ы д я́ п а ц ь é т ь о м ъ. То т о м у́ ж ы д ы́ т э п э́ р ь н э й и д я́ т ъ с в ы н и́.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

5.

Почему жиды цѣлуютъ косякъ двери.

То у ж ы́ д а с л у ж ы́ л а зъ нáшои вьéры д и́ ў к а. Тай всэ си жыды́ збыткувáлы надъ нэў, тай всэ йiй дэ́-що говоры́лы. Разъ жыды́ кáжутъ: „Що тотó за прорóкъ? Анý, колы́ ты кáжешь, що С у с ъ Х р ы с т ó с ъ по зэмлы́ хóдытъ, то н а й в и н ъ з р ó б ы т ъ, а б ы́ з ъ т ы х ъ п э ч э́ н ы х ъ я́ е ц ъ к у́ р я т а в ы́ л и з л ы, а т о й з в а р э́ н ы й к о г у́ т ъ а б ы́ з а п и́ ў!“ Алэ онá кáжэ до ныхъ: „Якí вы, жыды́, дурнí! Якъ бы такъ Гóсподь даў, тó бы такъ бýло!“ А ж ы д ъ взяў тай у н ю в э р г ъ н о ж ó м ъ.

Алэ она́ утика́ла въ двэ́ри, а нижъ застря́гъ у о́двирокъ. А ку́рята за́разъ вы́лизлы зъ тыхъ яе́цъ пэчэ́ныхъ тай зацинкалы, а когу́тъ варэ́ный запи́ў. Жыды́ тогды́ стоўпо́мъ постава́лы. Тай той о́двирокъ тэпэ́рь жыды́ цилу́ютъ, тоту́ ра́ну, що тамъ жыдъ вэргъ за ди́ўкоў ножо́мъ.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

6.

Ангелъ между людьми.

Такъ Го́сподь Богъ вы́правыў по едну́ ду́шу а́нгэла. И той а́нгэлъ пишо́ў та́мка и маў бра́ты ма́му, а́лэ тамъ ду́жэ булы́ дрибни́ ди́ты и ду́жэ пла́калы, а винъ пожа́луваў и нэ браў имъ ма́мы. Прыйшо́ў до Бо́га и ка́жэ: „Я нэ взяў души́. бо тамъ сами́ дрибни́ ди́ты, такъ пла́чутъ!“ Тогды́ Го́сподь Богъ ка́жэ: „На́-тоби́ пруто́къ и йды у мо́рэ и уда́рышь нымъ по мо́рахъ. И тамъ е такі́й камэнэ́ць на спо́ди, той камэнэ́ць вы́ймэшь и на́-тоби́ дру́гый пруто́къ—и уда́рышь тымъ прутко́мъ по каминьцы́: що въ тимъ каминьцы́ бу́дэ?“ И винъ такъ зробы́ў, прыйшо́ў до Бо́га и ка́жэ: „Буў въ каминьцы́ хробачо́къ“.— „Вы́дышь, ка́жэ Го́сподь, я знаў за то́го хробачка́, що тамъ е, то я бы и за тоты́ ди́ты буў знаў. Иды́-жъ ты соби́, ка́жэ, гэть, за то, що ты мэнэ́ нэ послу́хаў, на цилы́й рикъ. Шука́й души́ яко́и, якъ на́йдэшъ, то ту прыйдѐшь зноў!“ А по ту ду́шу вы́правыў Го́сподь Богъ глухо́го а́нгэла, и ту ду́шу взяў.

А той а́нгэлъ пишо́ў и найм́ы́ўся у одно́го ксёндза. И прыйшло́ такъ разъ, вы́йшло, що йи́халы до ми́ста. Йи́дутъ, прыйиджа́ютъ до одно́го сэла́. Тамъ цэ́рковь така́ вэлы́ка, бога́та ду́жэ, а въ тій цэ́рквы була́ видпра́ва, мо́лятся. А той слуга́ ксёндзивъ злизъ зъ во́за и набра́ў соби́ ками́ння и мэта́ў ны́мы у цэ́рковь. И йи́дутъ зноў, прыйиджа́ютъ до дру́гого сэла́. Тамъ сэло́ таке́ малэ́ньке и цэ́рковь вжэ би́дна, малэ́нька, а въ тій цэ́рквы сами́ убо́ги ся мо́лятъ. А той злизъ изъ во́за, помолы́ўся пидъ тоў цэ́рковьоў и пойи́хаў. Йи́дутъ-йи́дутъ, а въ

еднимъ сэли вэсильé идэ́, богача́ едно́го, таке́ гучнэ, спива́ютъ. А той набра́ў каминя тай мэ́чэ въ ныхъ. И пойихаў. Прыйиждж́ают дальше, а тамъ би́днэ вэсильé йдэ, тако́й и бэзъ музы́ки. А винъ встаў, излизъ, помолы́ўся, абы имъ ся до́брэ вэло́, и ихъ поблагословы́ў, сиў и пойихаў. Зноў до одно́го сэла́ прыйиждж́ают, тамъ вэзу́тъ умэрло́го, и людэ́й ду́жэ бога́то идэ́,—то богача́ ховалы. А винъ мэ́чэ ками́нье и въ тыхъ, въ то́го у́мэрло́го. Прыйиждж́ают зноў до едно́го сэла́—вэзу́тъ у́мэрло́го, тако́го би́дного, на́вить кс́ёндза нэма́. А винъ стаў, помолы́ўся и пойихаў вжэ до ми́ста. Та́мки покупы́лы дэ́-що и прыйихалы до до́му вжэ. И ксёндзъ его́ ся ужэ́ нэ пытаў самъ, лышэ́ заста́выў дру́гого ксёндза, абы́ го ся запыта́ў, на́-що винъ таке́ робы́ў въ доро́зи. А самъ пидъ двэрмы́ слу́хаў.

А винъ ка́жэ: „Тамъ, дэ така́ бога́та цэ́рковь була́, сами́ богачи́ ся молы́лы, то на даху́ на цэ́рквы чорты́ сыди́лы, то я ихъ зганя́ў. А тамъ така́ малэ́нька цэ́рковь була́, тамъ сами́ убо́ги ся молы́лы, то та цэ́рковь счислы́ва, то ѝ я ся помолы́ў. А тамъ, ка́жэ, гучнэ́ вэсильé ишло́, то я мэта́ў ками́нёмъ, бо тамъ сами́ чорты́ йшлы за ны́мы. А ишло́ би́днэ вэсильé, то булы́ до́бри, счислы́ви лю́дэ, то я помолы́ўся и ихъ поблагословы́ў. А тамъ вэзлы́ богача́ на катафа́льку, а то чортъ той бога́чъ, то я взяў тай мэта́ў ками́нёмъ. А тамъ би́дного вэзлы́ мэрло́го, то я помолы́ўся, бо то счислы́вый умэ́ръ“.

Тогды́ вжэ той ксёндзъ, що го ся допы́туваў, ка́жэ му: „Иды́-жъ тэпэ́рь, каза́ў твій ксёндзъ, до ми́ста и купы́ для нього таки́ чо́боты, абы́ въ ныхъ ци́лый рикъ мо́жна ходы́ты!“ А той а́нгэлъ тогды́ ка́жэ: „На́-що мо́му ксёндзовы чоби́тъ, колы́ винъ вжэ у́мэръ!“ И такъ бу́ло. Ксёндзъ лэжа́ў мэрлы́й пидъ двэрмы́: у́мэръ за́разъ тогды́, якъ стаў слу́хаты пидъ двэрмы́. И той а́нгэлъ тогды́ соби́ взяў то́ту кс́ёндзову ду́шу, сиў на викно́, спэрхну́ў крыламы и полэ́тиў на нэ́бо.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

7.

Смерть кума.

а). Буў бидный чоловикъ и ёму даў Панъ-бигъ гараздъ. Винъ ходыў по сэли всюда, просыў, щобы му хто дэржаў до хрэсту дитыну, алэ нихто нэ пишоў.—„Чого тамъ пиду до нэго, кажутъ, нэма чого!“—Два дны вжэ тота дитына була нэхрэщэна, и прыйшоў той бидный до жинки тай кажэ: „Ходыў-емъ за кумамы вжэ вчора, нынька, и нихто нэ пидэ!“ А жинка тогды кажэ такъ: „Иды-но на другэ сэло, можэ хоть звидтамъ кого прывэдэшь; а ни, то можэ дэ на дорози дида здыблэшь, або кого, щобы дитына нэ була такъ бэзъ хрэсту!“ И винъ идэ на другэ сэло.

Здыбае ёго кобита. „Дэ ты йдэшь, чоловичэ?“—пытаеся. Взяў винъ йий оповидаты: „Даў мы, кажэ, Панъ-бигъ гараздъ, и вжэ другый дэнь дитына нэхрэщэна, нихто нэ хочэ йты за кума!“ А она кажэ такъ: „Вэрныся, я ты буду сама за куму!“ И вэрнулася съ нымъ до дому, щэ здыбалы одного бидного чоловика и взялы го съ собоў и охрэстылы вжэ тотў дитыну. Вжэ тогды буў въ хати и хлибъ, и мука: такъ Панъ-бигъ даў, що ся вжэ зъявыло. Була тота кобита у ныхъ два дны. Кажэ: „Ну, що-жъ, тэпэрь я вжэ, кумэ, мушу йты. Алэ я тэбэ зроблю вэлыкимъ дохторёмъ, кажэ, бо то я е смэрть! Ты соби якого зиля накопай, якого-будь, жэбы-сь йно маў, а якъ я прыйду по душу браты, то найпэрэдъ будэшь ся дывыў: якъ я буду хорому въ головахъ, то жебы-сь заразъ тымъ зилёмъ личыў, и кажы, що той чоловикъ выйдэ. А якъ я буду въ ногахъ, то кажы: шкода личыты и всёго, бо той чоловикъ вжэ умрэ. А щобы було, кажэ щэ, й сто душъ въ хати, то я ся никому нэ покажу, йно тоби!“ Тогды забралася и пишла.

Нэзадоўго потому захоруваў въ сэли едэнъ богачъ. Дохторну звожуютъ, рижнэ, кажутъ: „Нэ выйдэ вжэ, умрэ!“ Той тогды накопаў зиля и пишоў до того богача. Прыходытъ до хаты, а тамъ людэ плачутъ, заводятъ. Дывытся винъ, а смэрть стойтъ въ головахъ слабого. Винъ тогды кажэ: „Хоть казаў дохторъ, що той вжэ нэ выйдэ, а я ёму таки пораджу!“ Пишоў, того зиля навaрыў, даў му

ся напыты, -э-э, вжэ той за тры-чотыры годыны встае, ходытъ, гэтъ здороў. Тогды ёму далы пару корцнў збижа, пару рыньскихъ,—пу, вжэ бидный ся запомигъ. Тогды винъ ся вжэ взяў и до папиў личыты. Такий вжэ винъ найлийшый дохторъ буў, найслаўнийшый видъ усихъ. А такимъ ся папомъ зробыў, паляцы повыставляў, гроши, маеткп таки, що и дидыча такого нэ було, якъ винъ.

Ажъ-ту далэко дэсь цисаръ захоруваў. И той тогды пустыўся йихаты до того цисара. Цилый дэнь йихаў-йихаў, нигдэ нэ можъ було сэла здыбаты, ни миста. И въ ночы вжэ йихаў бэзъ лисъ. Йихаў, а тамъ здалэку сьвитытся сьвитло. Кажэ винъ тогды до фирмана: „Йидьмо тамъ, вжэ тамъ будэмъ почуваты.“ И прыйихаў тамъ до того сьвитла, тай гай зъ брычки, и идэ вжэ тамъ до тои хатыны. Дывытся бэзъ викно, а тамъ тилько сьвичокъ горытъ, якъ на нэби зьвизды, алэ нэ вси еднако: одна вжэ догарае, друга йно-що засьвитылася, а йнчи до половыны, то-якъ. И винъ дывытся, а тамъ сыдытъ тота сама кобита, що ёму дитыну до хрэсту трымала. Тай винъ тогды клычэ, щобы ёму творыла. Тай она выйшла и отворыла му. И винъ соби сиў коло нэи тай сыдытъ. Пытае йи ся за ти сьвичкн: що то е такого? А она ёму такъ повидае: „Выдышь, кумэ, то сутъ всё людськи души; тота сьвичка, що йно засьвитытся тай заразъ клыпнэ, то е душа дитыны, що якъ ся уродытъ тай заразъ ўмрэ, навить цыцьки нэ возьмэ мамынои; а тота, що до половыны горытъ, то чоловикъ въ сэрэдныхъ литахъ щэ, щэ будэ жыты доўго; а та, кажэ, що цалкомъ выгорытъ, то вжэ старый чоловикъ, нэзадоўго вжэ мае ўмэрты!“ А винъ тогды пытаеся: „Ну, колы-жъ ту такъ души вси е, то кажы, котра е моя сьвичка?“ А она кажэ: „Дывыся, твоя вжэ таки догарае цалкомъ, ось щэ зъ мипуту, тай згорытъ!“ Вэртайся, кажэ, назадъ до дому, нэ йидь нигдэ, бо такой на дорози умрэшь!“ А винъ ся взяў просыты, кажэ: „Я такъ пэршэ бидуваў, я нэ маў кусныка хлиба, тай жыў, а тэпэрь маю таке панство, тай вмырай? Щэ щобы-мъ, кажэ, хоть рикъ-два прожыў тай диты пидховаў!“—„То ты, кажэ смэрть, ницъ нэ поможэ, йно ся вэртай, бо мусышь ўмыраты!“

Тогды́ винъ ся наза́дъ навэрну́ў до до́му. Тай прыйнжджа́е до до́му, каза́ў склы́каты майстры́: такэ́ сы лі́жко зробы́ты ка́жэ, що якъ ного́ў ру́шытъ, то оно́ ся будэ́ обэрта́ты, ки́лько хочь, чы разъ, чы два, абы́ йно но́гоў ру́шыў. И за́разъ захорува́ў, то му за́разъ майстры́ лі́жко зробы́лы, и винъ въ тимъ лі́жку вжэ лэжы́тъ хо́рый. И ды́вытся, а тота́ кума́ прыйшла́ и сыды́тъ ёму́ въ нога́хъ, вжэ хо́чэ бра́ты. А той тогды́ ру́шыў ного́ў, а то лі́жко до нэ́и ся обэрну́ло голово́ў, а туды́ нога́мы. Она́ зноў пэрэйшла́ въ но́гы и си́ла, а винъ зно́ву покруты́ў и зноў прыйшо́ў до нэ́и голово́ў. И такъ му́чылася съ нымъ смэрть цилы́й дэнь. А пото́му ўхо́пыла го вжэ за шы́ю, задушы́ла тай ка́жэ: „Ой, ку́мэ, куда́ вэрты́, туда́ вэрты́, трэ́ба ўмэ́рты!“

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

б). Такъ буў би́дный едэ́нъ чолови́къ. Тай маў дыты́ну, ўро́дыла му жи́нка. То винъ ходы́ў по кумы́, и нихто́ нэ хоти́ў иты́ ку́мыты. Понэслы́ до ксёндза хрэсты́ты, здыба́е винъ ба́бу, а то смэрть була́. А она́ ся пыта́е до то́го хло́па: „Та чому́ вы йно́ ба́ба тай вы идэ́тэ до хрэсту́?“ Винъ ка́жэ: „Бо я би́дный чолови́къ, то нихто́ нэ хоти́ў иты́!“ Тота́ ба́ба ка́жэ до нёго: „То я пи́ду!“ — „Та ходи́тэ!“

Прыйшлы́ вжэ видъ хрэсту́ до до́му, тай засады́ў тоту́ куму́ за стиў, а́лэ ницъ нэ дае́ їи́й ї́исты ни пы́ты. Ажъ ба́ба ка́жэ до нёго: „Та идитэ, ґа́здо, да́йтэ що́ ї́исты тай пы́ты, ба а якъ-жэ-жъ?“ — „Зъ щы́рого бы-мъ вамъ сэ́рци даў, та нэма́ ницъ, нэма́ на язы́къ що́ положы́ты!“ — „Иди́тъ лышэ́ до комо́ры, тамъ е, ки́лько хочь, а вы такъ ка́жэтэ.“ — Винъ пийшо́ў до комо́ры, а тамъ и вынό е, гори́вка, мя́со, хлибъ. Тай винъ то ўнисъ до ха́ты, зача́ў го́стыты. А она́ ка́жэ: „Я то ї́исты нэ бу́ду, а́ни пы́ты, бо я, ка́жэ, е смэрть! Вы́дышь, то я тоби́ да́ла ти́лько всёго, колы́ ты мэнэ́ заклы́каў въ куму́; то щэ мы ся пидпышы́, то бу́дэшь ма́ты всёго маётку мно́го, ки́лько хо́чэшь!“ Тай винъ ї́ий ся пидпыса́ў. Тогды́ она́ ка́жэ: „Я ти зро́блю до́хторомъ: то бу́дэшь по слабы́хъ лю́дёхъ ходы́ў, якъ я бу́ду

въ голови́, то бу́дэшь каза́ты, що умрэ́, а якъ въ ногáхъ, то поду́жае!“

То вжэ винъ такъ всэ ходы́ў съ нэў. Якъ дэ буў слабы́й хрэстьяны́нъ, то всэ ии́халы по нéго. Одно́му даў ра́ду, дру́гому, тай таки́й ся бога́чъ зробы́ў вэлы́кій, страхъ! Тай винъ исъ нэў хо́дытъ тай хо́дытъ, тай разъ пытáеся ей: „Смэ́ртэ, що́ бы тоби́ зробы́ты, абы́ ты людэ́й нэ пожыра́ла?“ А она́ ка́жэ такъ до нéго: „Мэни́ бы нихто́ ницъ нэ зробы́ў изъ людэ́й, хиба́ бы хто мэнэ́ спо́собомъ на чэрво́ну я́блоню вы́садыў и тэ́рнёмъ обложы́ў, то я бы вжэ, ка́жэ, ни́гды нэ злíзла!“ Тай у нéго була́ заба́ва вэлы́ка тай смэрть була́ въ нéго. Винъ соби́ взяў тай вы́лизъ на я́блинку тай кли́чэ до смэ́рты: „Ку́мо, та ходи́тэ й вы на я́блинку, туй вы́дно всё такъ фа́йно, ходи́тъ!“ Такъ смэрть вы́лизла на я́блинку, а винъ борзэ́нько тай излíзъ, обложы́ў я́блинку тэ́рнёмъ тай тамъ йи лышы́ў. Смэрть така́ голо́дна, що-сь два ро́ки сыды́тъ на я́блонци. Така́ голо́дна, такъ страхъ про́ситъ ёго́: „Ку́мэ, пусты́ мьи, бо я вжэ нэ мо́жу ды́хаты!“ Алэ винъ йи нэ хоти́ў пусты́ты. Тогды́ она́ до нéго ка́жэ: „Якъ ты мэнэ́ пу́стышь, то бу́дэ цилы́й съвитъ твій.“ Тай она́ злíзла и ёго́ на са́мый пэ́рэдъ хоти́ла затя́ты. Тай ка́жэ до нéго: „Я вжэ ду́жэ зголодни́ла, то ма́ю ся твоимъ ти́ломъ пожывы́ты, а кро́вью напо́йты!“ Алэ винъ ся щэ вы́просыў на едэ́нъ дэнь жы́ты.

Тогды́ винъ сы зробы́ў таку́ колы́ску, такъ, що ся обэрта́е. Якъ смэрть пры́йдэ до головы́, то винъ ся нога́мы обэ́рнэ. Тай всэ ся такъ обэрта́ў, а смэрть така́ голо́дна, що страхъ! А ту нико́го нэ во́льно йій бра́ты, йно ёго́. Тай винъ всэ такъ робы́ў, що-сь чы тры ро́ки, чы шты́ры. А потому́ она́ взя́ла тай зробы́ла такъ, абы́ винъ би́дный буў. Такъ збидни́ў цилко́мъ, якъ пэ́ршэ буў. Тай якъ вжэ такъ би́дный стаў, то йій ся тогды́ даў тай за́разъ у́мэръ. Тай вжэ тогды́ такъ лю́дэ умыра́лы, що-дня́ по двайцятэ́ро, по трыйцятэ́ро, такъ ся ду́жэ смэрть розйи́ла. Тай такъ вжэ умыра́ютъ и до ны́нишнёго дня.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

— — —

8.

Солдатъ получилъ отъ Бога карты и сумку.

Такъ буў жоўняръ у войську. Виделужыў свое, що маў служыты, а потому щэ служыў за грошп дви капэталяцьи. Тай якъ видслужыў, тоты грошп ўзяў, тай пэ йшоў до дому, алэ такъ у карты програў вси грошп; пэ лышылося му ницъ, лышь една шўстка му ся въ кэшэны затрясла, а винъ о нїй пэ знаў. Тай винъ пйшоў собй такъ по сьвити и банує дужэ за тымы гришмы и Бога дужэ просытъ. И здыбалы его сьвятый Пэтро и Павло и самъ Господь, вси тры. Тай прыйшлы вси штыры вжэ до воды, до такои вэлыкои, тай журятся: якъ-жэ мы ту пэрэйдэмо? А той жоўняръ зняў наптылёпы зъ сэбэ тай кажэ: „Я васъ пэрэнэсу!“ Тай попэрэносыў усйхъ трохъ.

Прыйшлы вжэ до корчмы, тай той жоўняръ зачаў шукаты по кэшэнёхъ тай найшоў тоту шўстку. Взяў за нэи кватырку горйуки тай хлибэня, выпыў самъ тай частуе и йихъ, тай ему ся здавало, жэ й оны пылы, а то винъ усю самъ выпыў. Тай ся розійшлы, а Пэтро кажэ: „Божэ, винъ такій бидпэнькій, а такій щырый: маў тоту едну шўстку, тай щэ и насъ частуваў!“ Алэ Господь кажэ: „Ну, що-жъ я ему маю даты, колы винъ ничого пэ жадаў?“ Алэ ся зійшлы зноў съ тымъ самымъ ўразъ. Тай пытаєся го Господь: „Що-жъ ты жадаешь, добрый чоловичэ, за то, що ты насъ чэрэзъ воду пэрэнисъ тай есь насъ частуваў?“ А винъ кажэ: „Ницъ пэ жадаю, лышь жадаю карты такй, абы-мъ дэ пишоў карты граты, абы-мъ уси грошп выграў!“ Тай му Господь даў такй карты, алэ щэ зняў зъ сэбэ торбу и такой му даў. И кажэ: „Маешь тоты карты, якъ пидэшь, то вси грошп выграешь; а съ тоў торбоў то ся пигдэ ницъ пэ бій съ нэў, бо якъ бы тя хто хтиў быты, бы-сь торбу отворыў и казаў: гопъ до торбы! А зъ сэбэ, кажэ, абы-сь пиуды тоту торбу пэ зняў!“

Идэ винъ дорогоў, шморнуў у кэшэню, а тамъ штыры ерйбни мае у кэшэны: такъ му Панъ-бигъ даў. Прыходытъ до едного мйста, тамъ въ единймъ доми такъ паны карты грають, страхъ! И кажутъ ему паны: „Можэ хочь, дйду, карты

гра́ты?“—„Чому́ пье?“—Тай го взя́лы до сэ́бэ, винъ ка́жэ: „Я ма́ю свои ка́рты!“ Якъ ста́лы гра́ты, пригра́ў винъ всё, нэ лышы́лося ёму́ зъ тыхъ штыро́хъ сри́бныхъ ницъ, лышь пять шу́стокъ щэ, всё програ́ў. Винъ щэ тыхъ 5 шу́стокъ якъ поста́выў, в с и г р о́ ш и в ы́ г р а ў д о с э́ б э. Тай гра́лы щэ цилу́ до́бу, п р и г р а́ л ы п а н ы́ в с ё с в о́ е п а́ н с т в о, а на оста́тку щэ на фирма́ны тай на ко́ни поста́вылы, ка́жуть: „Му́сымо свое видогра́ты!“ Пригра́лы фирма́ны и ко́ни. Винъ тогды́ спро́даў то всё, що вы́граў, а самъ г р о́ ш и з а б р а́ ў у к э ш э́ н ю и п и ш о́ ў с ы. Тоты́ паны́ ра́да-въ-ра́ду, ка́жуть: „Ходи́мъ мы, ёго́ за́бьемо и видбэ́рэмо свою́ пра́цю!“ Пэрэйшлы́ оны́ ёго́, з а с и́ л ы с я б ы́ т ы, а́лэ винъ увы́диў тай ка́жэ: „Гопъ до то́рбы!“ П о с к а к а́ л ы п а н ы́ д о т о́ р б ы, а винъ якъ зача́ў бы́ты ихъ тамъ у то́рби! Оны́ ся про́сятъ: „Пусты́ насъ!“ Пусты́ў ихъ, оны́ ся забра́лы тай пишлы́.

Винъ п р ы й ш о́ ў т а к ъ д о е д н о́ г о п а́ н а, а́лэ той панъ ка́жэ: „Ту е в ъ м о́ й и м ъ д о́ м и 2 4 би́ды, нэ мо́жу сы ра́ды съ ны́мы да́ты. Я к ъ м ы в ы́ ж э н э ш ь т и б и́ д ы, т о с я б у д э́ ш ь с ъ м о е́ ў д о н ь к о́ ў п о б ы р а́ т ы!“ Винъ ся пыта́е: „Дэ ти би́ды сыдя́тъ?“—„Ту́тка запакува́лыся въ едни́мъ поко́йы!“—Винъ пишо́ў до то́го поко́ю, ка́жэ: „Гопъ до то́рбы!“ Б и́ д ы п о с к а к а́ л ы д о т о́ р б ы, винъ зача́ў бы́ты, гэть и з б ы́ ў в с ё н а р о́ п у. Тай тогды́ винъ ся п и б р а́ ў с ъ т о ў д о н ь к о́ ў, о с т а́ ў вжэ п а́ н о м ъ.

А́лэ п р ы й ш л а́ с м э р т ь п о н е́ г о тай ка́жэ: „Ходы́, вжэ ты часъ иты́ до до́му!“ А винъ ка́жэ: „Гопъ до то́рбы!“ С м э р т ь ў с к о́ ч ы л а д о т о́ р б ы, винъ зача́ў бы́ты, такъ и з б ы́ ў, лэ́двэ щэ дри́бку пыщы́тъ. Тай тогды́ йи пусты́ў гэть, и она́ п о л э́ т и л а. Тай той соби́ такъ ж ы́ ў д о́ ў г ы й в и к ъ, ажъ Го́сподь ка́жэ до смэ́рты: „Иды́ вжэ по не́го, вжэ часъ!“ А́лэ смэрть ка́жэ: „Я нэ пи́ду, бо винъ ду́жэ бье!“ П р ы й ш о́ ў Г о́ с п о д ь с а м ъ, т а й г о п х н у́ ў н а т а м т о́ й с ь в и т ъ в ъ п э́ к л о. Та́мки зли его́ повы́дилы тай ка́жуть: „Що ты ту хочь у на́съ? ты насъ тамъ бы́ў, щэ й ту бу́дэшь бы́ты; забыра́йся, ка́жуть, гэть ви́дты!“ А винъ ка́жэ: „Я ся забэ́ру, лышэ́нь мы о-ты́хъ сухари́ў да́йтэ!“ Д а́ л ы о н ы́ м у с у х а р и́ ў, в ы́ н и с ъ в и н ъ з ъ п э́ к л а, а т о с я п о р о б ы́ л ы д у́ ш и. Винъ тогды́ з а т ы́ м ы д у́ ш а м ы п и ш о́ ў, вжэ го П а́ н ъ - б и г ъ п р ы й м ы́ ў с ъ т и́ л о м ъ д о ц а́ р с т в а.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

9.

Божій судъ.

Такъ булы два братьи: едэнъ буў бидный, а другый богачъ. Тай бидный пишоў до богача, абы му даў пшэныци на сьвятый вэчиръ. А той кажэ: „Робы на пшэныцю, я свои диты маю.“ Тай му нэ даў. Посидалы вжэ у того бидного на сьвятый вэчиръ, а винъ кажэ: „Гэй-гэй! нэ зпаты, чы дочэкаю до другого св. вэчэра? я того вэчэра пшэныци нэ йиў!“ Тай кажэ: „Господы, кобы ся мэни пшэныця ўродыла, я бы й ёму щэ даў!“

Тай той бидный умэръ, алэ му ся дужэ пшэныця ўродыла, а у того богача ся нэ ўродыла; а булы такъ побичъ на едній ныви. И богачъ кажэ до тои вдовыци: „То моя нива, то ся на мойій ныви пшэныця такъ ўродыла.“—„Та дэ твоя, та-жэ то моя пшэныця!“ Тай ся вжэ такъ на тій пшэныци грызутъ. Винъ кажэ: „моя“, а она кажэ: „моя.“ Ажъ той кажэ: „Почкай, пидэмо заўтра вэчиръ на ныву: якъ будэ ся що обзываты, чыя то ныва, то будэ або твоя, або моя.“ А винъ взяў свого сына тай закопаў тамъ на ныви въ зэмлю, таку яму выкопаў.— „Абы-сь, кажэ, якъ я ся буду пытаты: „чы то моя ныва?“ казаў: „твоя,“ а якъ она ся будэ пытаты, то абы-сь казаў, що то нэ ейи.“

Тай оны выйшлы, а вдовыця кажэ: „Божэ, Божэ, чыя пшэныця?“ А той хлопэць зъ ямы кажэ: „То нэ твоя!“ Ажъ той ся богачъ пытаe: „Божэ, Божэ, чыя пшэныця?“—„Твоя!“

Выходытъ богачъ другои дныны, хочэ хлопця видкопуваты, а хлопця нэма. А хлопэць ся зробыў кэртыноў тай доныни рые.

(Отъ Маріи Стецёвки въ Доброгостовѣ.)

10.

Нива богатаго и бѣднаго.

Було два брáтьи и мáлы богáтство тай ся подилы́лы тымъ богáтствомъ. Стáршый братъ сіе, тай му ся рóдытъ, всэ зъ копы́ выдае́ корэ́ць. А молóдшому пицъ ся пэ хóчэ рóдыты, тай пэ мáютъ щó ййсты ёгó дйты. Тай випъ за кйлька рóкпў спродаў всё свóму брáту. А видтáкъ пишóў до тóго брáта тай хóчэ ся наймы́ты за слугў. Алэ братъ пэ хотйў го прыймы́ты тай щэ кажэ свóимъ слýгамъ: „Возьмйтъ, пайлютійши псы видоннйтъ, пай го роздэрýтъ!“

Той пишóў до дóму, такъ плáчэ, тай кáжэ до свóго áнгола: „Иды́, спытáйся до Гóспода Бóга, що я тэпэ́рь бýду робы́ты?“ Ангэлъ пишóў до Гóспода и ёмý такъ Гóсподь сказáў: „Иды́ и кажы́ му, пай идэ́ до свóго брáта молоты́ты, лышэ́ за такý заплáту, щó му упáдэ за ходáкъ пшэны́ци.“ Тай той пишóў и го братъ прыймы́ў. Молоты́ў винъ цилы́й рикъ, намолоты́ў прыгорщу пшэны́ци. Тогды́ винъ прыйшóў и пытáеся áнгола: „Иды́, кажы́ до Гóспода Бóга, щó я тэпэ́рь бýду робы́ты съ тоў пшэны́цэў?“ Гóсподь кáжэ: „Иды́, пай му богáчъ дасть тйлько ны́вы, абы́ засіяты ту пшэны́цю.“ Тай той пишóў до свóго брáта просы́ты ны́вы на ту пшэны́цю. Тогды́ братъ зачáў ся сьміяты зъ пéго, гадáе сы: щó винъ тоў прыгорщэў пшэны́ци засіе? Тай кáжэ: „Ну, иды́, вы́бэры сы що пайбйльшу ны́ву.“ Винъ пишóў, зачáў сіяты, сіяў тотý пшэны́цю цилы́й дэнь и щэ му ся лышы́ла цилá прыгорща, що сы заробы́ў у брáта. И потóму егó ся братъ пытáе: „Цы засіяў-есь пшэны́цю?“ Винъ кáжэ: Засіяў-емъ цилý вэлы́ку ны́ву и щэ мы ся та прыгорща лышы́ла“. Тогды́ братъ пишóў, подывы́уся: засіяна вся ны́ва.

Тай тóму бидному такá ся пшэны́ця файна показáла зъ зэмли́, а въ тóго богачá вжэ нэ такъ зроды́ла. Тогды́ богáчъ кáжэ: „Я тобй тóп пшэны́ци пэ дамъ, ты сы возьмы́ мóю!“ Тогды́ винъ пишóў до áнгола свóго: „Иды́ ся пытáй до Гóспода, щó я тэпэ́рь мáю робы́ты?“ Гóсподь кáже: „Кажы́ му, пай винъ бэрэ́ ту пшэны́цю.“ А самъ спусты́ў Гóсподь градъ и вы́быў тóго бога-

ча́ пшэныцю, тоту́ файну, що видобра́ў би́дному. Тогды́ богачъ ка́жэ: „Я тэпэ́рь то́и пшэны́ци нэ хо́чу, возьмы́ сы наза́дъ свою́!“ Тогды́ Го́сподь зача́ў дощь спуща́ты на то́го би́дного пшэны́цю, що гра́домъ була́ побы́та, тай тота́ пшэны́ця ста́ла дэ́сять рази́ў ли́пша, нижъ у богача́.

Тай видтогды́ зача́ў той богачъ биднı́ты, а той би́дный зача́ў богаты́ты. Тай стаў ди́дычомъ той би́дный, а той бога́чъ му́сиў пты́ за жэ́браныйъ хли́бомъ. Тогды́ той жэбра́къ прыйшо́ў просы́ты слу́жбы у сво́го бра́та. Алэ той подилы́ўся съ нымъ ґру́нтомъ и прыйнмы́ў го на свое́ господа́рство.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

11.

Кровосмѣситель.

Бу́лы стари́ лю́дэ, нэ ма́лы дитэ́й. Тай ду́жэ Бо́га просы́лы, абы́ имъ Па́нъ-Би́гъ дитэ́й даў. Алэ пото́му ба́ба зайшла́ въ тяжь и ма́ла вжэ родыты. Тай въ ночы́ прылэ́тилы а́нгэлы тай ка́жуть: „Якъ бы дитына бу́ла въ тıй годы́ни, то́ бы бу́ла вэлы́кимъ богачо́мъ“. Алэ дитына ся щэ нэ ўроды́ла. Тай пото́му зноў прылэ́тилы тай ка́жуть: „Якъ бы ся тэпэ́рь дитына ўроды́ла, то витця́ за́бье, а съ ма́тирью ґаздува́ты бу́дэ.“ Тай тогды́ ся хло́пэць уроды́ў, а́лэ стары́й отэ́ць ся ду́жэ засмуты́ў, бо винъ чуў, що а́нгэлы говоры́лы. Та жи́нка его́ ся пыта́е: „Ты чо́го, чолови́че, та́къ-есь ся засмуты́ў?“ — „Бо а́нгэлы каза́лы, ка́жэ, жэ той хло́пэць мэнэ́ за́бье, а съ тобо́ў ґаздува́ты бу́дэ.“

Тай тогды́ оны́ взя́лы, вы́льлялы зъ во́ску скры́ню, тай тоту́ дитыну положы́лы въ скры́ню, тай замклы́, тай прыбы́лы папи́ръ, жэ хло́пцёвы имя́: Грыць. Тай пусты́лы тоту́ скры́ню на Дуна́й. Прыплыло́ то дэсь на дру́гэ чы на трэ́тэ сэло́, тай та́мки го йимы́лы. Тамъ буў едэ́нъ ґа́зда, то сы купы́ў тоту́ дитыну тай даў дитыну до ма́мки.

Вы́плэкалы, тай вжэ вы́рисъ, насту́хъ ся зробы́ў. Тай винъ пасъ това́ръ, а ди́ты му разъ ка́жуть:

„Потоплэ́нныку, иды́ товáръ завэрны́!“ Винъ прыйшóў до дóму тай кáжэ: „Тáту, чому́ мэнэ́ такъ ди́ты называ́ютъ потоплэ́нныкомъ?“ А той кáжэ: „Бо я тэбэ́ купы́ў, тэбэ́ йимы́лы на води́, я́къ-сь въ скры́ны плыў“. Тогды́ винъ кáжэ: „Заплати́тъ мы за той часъ, що я туй робы́ў, най я соби́ йду гэтъ, абы́ мэнэ́ нэ прозывáлы потоплэ́нныкомъ.“ Винъ ёму́ заплаты́ў, тай хлóпэць пишóў.

Прыйшóў до ми́ста тай сы купы́ў фу́зью. Тай прыйшóў до самóго тóго сэлá, дэ егó отэ́ць буў, до кóрчмы. А тáмка въ кóрчми буў егó отэ́ць, áлэ опы́ ся нэ знáютъ обá. А егó отэ́ць ся ду́жэ маётный зробы́ў, вжэ й пáсику мáе, áлэ му всэ хóдытъ дыкъ до пáсики мидъ йисты. Тай винъ кáжэ въ кóрчми, що въ нэ́го дыкъ до пáсики хóдытъ, а той хлóпэць кáжэ: „О-тó, я пи́ду на нэ́го на полювáнье!“ Тай пишóў до тóи пáсики пыльнувáты. А самъ отэ́ць пишóў до хáты тай кáжэ до жи́нки: „Прыви́ўемъ сы якóго-сь подорóжного папычá, казáў, жэ ды́ка зáбье въ пáсици“. Алэ жи́нка кáже: „Иды́-йды, отъ, пэ́ўнэ якiй-сь злóдiй, мóжэ й стриля́ты нэ вмiе. Ану́, кáжэ, завы́пься въ кожу́хъ тай лизь до пáсики, чы́ ты що́ зрóбытъ?“ Винъ ся завы́ў у кожу́хъ, поли́зъ у пáсику тай всэ гуркоты́тъ. А той сы наладовáў фу́зью, стри́лыў тай витця́ зáбыў,—гадáў сы, що то дыкъ. Вхóдытъ до хáты и кáжэ до ɣазды́ни, жэ ды́ка зáбыў. А онá вжэ ницъ нэ казáла ёму́. Выхóдятъ рáно, а то винъ ɣáзду зáбыў. Гáзду поховáлы, а потóму оны́ обóе рáзомъ ɣаздувáлы цилы́й рикъ, на вьéру сыди́лы. Ажъ у рикъ онá ся егó пытáе: „Щó ты е за едэ́нъ?“ А винъ кáжэ: „Я плыў на води́, а мэнэ́ едэ́нъ ɣáзда взяў, зъ малóи дити́ны вы́плэкаў, áлэ потóму-мъ пишóў гэтъ, якъ мы ɣáзда сказáў, що я нэ ёгó сынъ“. Тогды́ онá кáжэ: „Та то ты е мiй сынъ!“

Винъ тогды́ пишóў до ковали́, казáў сы зробы́ты зэли́зный обру́чъ, забы́ты на гóлову и прыбы́ты у гóлову штырмá цьвёкамы. Тай тогды́ такъ забрáўся и пишóў. Пры дорóзи зды́баў каплы́цю тай тамъ пишóў до тóи каплы́ци и цилы́й рикъ нэ мы́ўся, нэ йиў, лышь ся Бóгу молы́ў. Тай въ рикъ розскóчыў му ся на голови́ обру́чъ, тай вжэ винъ ся зробы́ў сьвяты́мъ, тай тáки съ ти́ломъ взяў го Богъ до цáрства.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

12.

Заколдованный охотникъ.

Буў едэнъ злисный, ходыў по лиси. И дужэ быў такъ дэ-що, цы заяця, цы що, що нидъ руки. Алэ разъ ёго чортъ пэрэбигъ, тай кажэ ёму: „Ты щэ дужчэ будэшь быты, алэ, кажэ, якъ будэшь браты прычастые, то абы-сь тото плюнуў въ руки и вынисъ у лисъ на дуба и въ тото будэшь стриляты. Якъ, кажэ, въ тото стрилышь, то потому щэ дужчэ будэшь всё быты.“

И винъ такъ зробыў. Пишоў до сповиды и высповидаўся и браў прычастые. И браў и плюнуў въ руку тото прычастые. Тай взяў сы стрильбу и понисъ тото въ лисъ и тамъ положыў на дуба, у самый вэрхъ мёжы гыльё. И взяў тогды въ тото стриляты и стрилыў. Алэ тогды му ся такъ стэмэнило въ очахъ и того вжэ ты нэ выдиў. И такъ потому зийшоў зъ розуму, нэ спамятаўся, дэ винъ е.

И винъ такъ ходыў, ты дурный, по лиси и бье рижнэ, алэ що ўбье, прыходытъ дъ тому, а ту нэма ничъ. Симь литъ такъ ходыў по лиси. А въ 7 литъ такъ булы одной дныны дужэ дощи, грымоты, блыскае дужэ, алэ винъ собй стаў за дуба тай стоитъ, дывытся. Тай увыдиў таку плытку на зэмлы, а зъ-пидъ той плыткы всэ такій малый чортъ выхопытся тай ся глумытъ всэ до того, що блыскае. Алэ той злисный прыдывыўся тай собй стрильбу паладыў тай у того чортыка—баўхъ! Тай забыў ёго. Тай тогды йдэ дъ тому—вжэ коло той плыткы лышэ ропа. Алэ тогды вжэ такъ ся выяснило, зробылося на двори файно.

И винъ тогды вжэ пропамятаўся, жэ винъ въ лиси блукае и жэ такъ и такъ зробыў. Тай пишоў вжэ до дому, вжэ тогды пизнаў дорогу. Тай пишоў видразу и высповидаўся и вжэ тогды буў зноў такъ, якъ енчи люде.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

13.

Великій грѣшникъ.

Буў едэнъ купэцъ тай винъ гандлюваў по цилимъ краю. мало колы й дома буў, всэ йиздыў. И винъ вжэ добрэ знаў свою дорогу. А разъ въ ночы йидэ тоў дорогоў самоў, а тамъ му ся така вода зробыла. Днистэръ, що й пэрэйихаты нэ можна. А тамъ николы жаднои воды нэ було, ажъ тэпэрь. И винъ злизъ, а ту пэрэдъ нымъ така вода шумытъ, и винъ тогды кажэ: „Ой-ой-ой, кобы мэнэ звидсы хто выратуваў, вжэ бы-мъ му нэ-знаты-що даў!“ Ино винъ то вымовыў, заразъ ся коло нэго зъявыў панъ. Тай той панъ кажэ до нэго: „Я тя выратую, алэ ты мэни мусышь то даты, що ты маешь у дому, алэ ницъ о тимъ щэ нэ знаешь.“ А винъ сы гадае: „Що-жъ, я о всимъ, що маю, добрэ знаю, и худобу, и збижэ, и чэлядь; а то, що нэ знаю, най винъ соби тото возьмэ.“ И винъ ёму тогды тамъ нидпысаў, що му то дае, що е въ доми, а винъ ёго нэ знае. Тай той го выратуваў чэрэзъ воду и винъ пойихаў сы дали. Вэртае винъ вжэ назадъ тоў дорогоў до дому, а тамъ така дорога чыста и риўна, нэма вжэ нигдэ воды.

Прыйихаў до дому, оповидае жинци свою оказью, а жинка му тогды кажэ: „Ой, злэ ты зробыў, злэ! Ты пэўно запысаў му тотў дытыну, що я буду маты.“ Бо она за той часъ зайшла въ цьенжы. И прыйшоў вжэ той часъ, народыўся хлопэцъ. Такъ той хлопэцъ ростэ, якъ зъ воды. Даў го вжэ тато до школы, такъ ся винъ ўчытъ, такъ ся ўчытъ, надъ усп школяри. Вжэ ся вывчыў гэтъ-гэтъ, вжэ туйтуй мае выйты за ксендза, а ту ани-рушъ, остатныхъ слиў нэ годэнъ ся доўчыты. А ему ся въ сни прысныло, що винъ ся нэ выўчытъ николы на ксендза, бо винъ щэ въ мамыний утроби запысаный діяволовы, то нэ годэнъ буты ксендзомъ. Прыйиздытъ винъ до дому, повидае татовы, що нэ годэнъ ся доўчыты и що му ся въ сни прыснило: що то въ тимъ е? А тато взяў и повиў му всю правду.—„Нэ знаў-емъ, кажэ, що то тэбэ, тай запысаўемъ скусьныковы.“ Тогды винъ йидэ назадъ до миста, радытыся ксендзиў, що ёму тэпэрь робыты? Обрадылыся оны тай кажутъ: „Таку бы найтвэрдшу воду, яка е, осьвя-

тыты, тогды возьмэшь тотў воду и ийдэшь до того чорта по пысьмо." Вжэ му повилы, якъ мае йты, всё.

Тай винъ взяў тотў воду и пишоў до того мисця, дэ е тоти дияволы. Прыйшоў тамъ, покропыў тоў твэрдоў водоў, и заразъ му ся отворылы едни двэри, и другп, и трэтп двэрп. Взяў тамъ кропыты тоў водоў чортиў, а той найстаршый чортъ вжэ му просытся: „Що хочэшь, то ты дамо, йно насъ нэ пэчы такъ." А винъ кажэ: „Ницъ нэ хочу, йно мы то пысьмо виддай!" Заразъ му той пысьмо виддаў. Прыйижджае вжэ до дому, сказаў татовы, а потому пойихаў до миста, выўчыўся вжэ до киньця и стаў за ксёндза.

И буў вжэ ксёндзомъ. Трафыло му ся такъ разъ, въ дорогу йихаў. Йидэ бэзъ дэнь, до пиўночы, и нигдэ нэ можэ сэла здыбаты. Ажъ дывытся, въ лиси е хатчына и тамъ сьвитытся. Винъ тамъ прыйижджае до того сьвитла тай до хаты пишоў. А тамъ стара кобита сыдытъ на лавци. Пизнала, жэ то ксёндзъ, тай кажэ: „Ой-ой, то вы ту, сумость, дужэ злэ трафылы до тои хаты!" А тамъ гайдамахи жылы въ тiй хати. И якъ она то говорытъ, прыходытъ той найстаршый гайдамаха. Тай тота стара взяла просыты его, абы вжэ того ксёндза нэ забыў. А той кажэ такъ до ксёндза: „Якъ мы дашь розгрiшэньe, то тя пущу, а якъ ни, то тя забью!" Тогды ксёндзъ пытае го ся: „Ну, повиджъ-жэ ты мэни, яки ты грихы на сьвити заробыў?" А винъ каже: „Я вжэ видъ пятнайцятого року зачаў-емъ гайдамашыты". Тай взяў повидаты, килько винъ людэй забыў, бэзъ лику, дэ кого здыбаў. Тай кажэ: „А я щэ й тата и маму забыў! О-тоў палыцэў вси-мъ людэ побыў, тоў самоў!" И ксёндзъ тогды взяў его и кажэ: „Ходы-жъ ты зо мноў!" И видвиў го 20 крокиў видъ тои хаты и казаў му тамъ тотў палыцю пхаты въ зэмлю, килько можэ. И тогды му кажэ такъ: „Тэпэрь маешь ту тотў палыцю пидлываты, и якъ она ся прыймэ и яблука зродытъ, тогды ты дамъ розгрiшэньe." Тай по тимъ ксёндзъ взяў тай пойихаў.

Дэсь такъ за 10 литъ трафылося тому ксёндзу зноў разъ йихаты тоў самоў дорогоў, дэ той жыў гайдамаха. Йихаў тамда, а о тимъ гайдамаци и о палыцы вжэ й забуў. И помынуў тотў хатку. Ажъ ту въ лиси такъ яблока пахнутъ, якъ бы дэ въ сади. Тай ксёндзъ тогды

ка́жэ до фи́рмана: „Ста́нь-но!“ —Ста́нуў.—„Злі́зь-но, ка́жэ, подывы́ся, що́ то за я́бка?“ Той злизъ, пишо́ў, а тамъ е таки́ фа́йни я́блока, а пидъ я́блонэў сыды́тъ сы́вый дидъ, такі́й вжэ стары́й, що ся ажъ трясэ́. И той прыхо́дытъ фи́рманъ, повида́е ксёндзовы: „Е тамъ фа́йни я́блока, а пидъ дэ́рэвомъ сыды́тъ які́й-сь дидъ стары́й, сы́вый, якъ го́лубь.“ Той тогды́ ксёндзъ нагада́ў сы за то́го гайдама́ху, зирва́ўся зъ во́за тай идэ́ вжэ до то́го ди́да. А то та па́лыця ся прыйм́ыла тай зроды́ла я́бка. Тай ксёндзъ тамъ прыйшо́ў, а той дидъ ка́жэ: „Ой, то я до́ўго на васъ, еуо́мость, чэка́ю.“—„Встава́й, ка́жэ му ксёндзъ, трясы́ тоти́ я́бка!“ Винъ тогды́ взяў, якъ потря́съ, вси я́бка облэ́тилы, и́но дви я́бци ся лышы́лы. И трясэ́, и трясэ́, ни́цъ нэ хо́чутъ упа́сты. Тогды́ ксёндзъ ка́жэ: „О, вы́дышь, то ты Па́нъ-бигъ вси грихы́ видпусты́ў, и́но та́та й ма́му нэ видпусты́ў“. Тай тогды́ взяў, вы́сповидаў го, и тогды́ зъ нэ́го ся вжэ стаў и́но по́рохъ.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

14.

Панщина.

Даў хлопъ сы́на ўчы́ты до шко́лы. И всэ тамъ возы́ў ри́жного, хли́ба, муки́, гро́ши, и всэ каза́ў: „Учи́тъ го, та нэ бы́йтэ!“ И такъ 15 литъ ўчы́ўся той сынъ въ ми́сти. И тамъ ёго́ ницъ нэ бы́лы, и винъ ничо́го нэ ўмиў. Якъ вжэ тоти́ лита́ вы́йшлы, що́ вжэ тамъ вси покиньчы́лы свойи́ шко́лы, тогды́ и ёго́ вжэ выганя́ютъ, а винъ ничо́го нэ ўмі́е, ницъ-а́ни-разъ. Тогды́ прыйшо́ў винъ до та́та. Буў до́ма ми́сяць, а́бо й два, робы́ты до́ма ницъ нэ ро́бытъ, бо нэ ўмі́е ницъ, зма́лэньку нэ буў пры ɣоспода́рстви. До слу́жбы жа́днои тако́жъ нэ мо́жэ йты, бо ницъ пысьма́ нэ зна́е. То забра́ўся, пишо́ў гайдама́шыты.

Пишо́ў сы въ лисъ и тамъ, якъ лю́дэ йшлы зъ торгу́ а́бо що́, то рабува́ў и здыра́ў зъ ныхъ всё. И такъ ходы́ў-ходы́ў лиса́мы ки́лька литъ, тай зноў разъ вы́йшоў пидъ то сэло́, дэ ёго́ та́то буў. А та́то тогды́ акура́тъ буў въ ли́си,

пойи́хаў собі́ за дрова́мы. И тамъ ся обыдва́ зды́балы въ ли́си. Сынъ та́та пизна́ў, а той вжэ ёго́ нье. Тай сынъ взяў крыча́ты на старо́го, якъ-бы якы́й лисны́чый: „Що́ ту хо́дышь по ли́си, чого?“ А стары́й взя́ўся просы́ты: „Папоньку, я за патычомъ шука́ю, я ницъ!“ Про́сится. Алэ той ганьбы́тъ-ганьбы́тъ, а пото́му ка́жэ: „Я тэбэ́ за́бью!“ А да́ли вжэ ка́жэ: „А ты зна́ешь, що я твій сынъ, а ты мій та́то?“—„Ну, ка́жэ стары́й, то я твій та́то, а ты мэнэ́ за́бьешь?“ Ка́жэ винъ тогды́ до старо́го: Абы́-сь знаў, що тя за́бью! За то́е тя за́бью, що ты всэ каза́ў въ шко́ли, абы́ мэнэ́ нэ бы́лы!“ Отъ-тогды́ той стары́й ка́жэ такъ: „Та ходы́ до до́му, е тры ґру́нты, бу́дэшь ґоспода́рыў, на́що тобі́ по ли́си ла́зыты?“ Алэ той ка-жэ: „А я́къ-жэ я тэпэ́рь бу́ду ґоспода́рыў, колы́ нэ учы́ўся? вжэ за пі́зно!“ Тай взяў тогды́ старо́го, прыви́ў до гра́ба, тако́го, що щэ тонкы́й буў, миркува́ў сы, абы́ стары́й мигъ го прыгну́ты до зэмли́. Тай той стары́й то́го грабка́ прыгну́ў до само́й зэмли́. Прыви́ў го тогды́ сынъ до гру-бо́го гра́ба, а́лэ стары́й му́чится-му́чытъ, нэ мо́жэ вжэ прыгну́ты. Тогды́ сынъ ка́жэ до нэ́го такъ: „Отъ, ды-вы́ся, то́нкого-сь прыгну́ў, а гру́бого ни; а ты мэнэ́ за-ма́лку ницъ нэ ўчы́ў и щэ дру́гымъ нэ дава́ў учы́ты, а тэпэ́рь хо́чешь, абы́ я ся браў до ґоспо-да́рства?“ Тай тогды́ взяў, па́лыцэў тара́хнуў, тай за́быў та́та, загрэба́ў та́та пидъ лы́стье. Тай по тимъ щэ такъ пять литъ ходы́ў по лиса́хъ, гайдама́шыў. Тай щэ наконэ́цъ ии́хаў чэ́рэзъ той лисъ ксёндзъ, тай винъ тамъ щэ то́го ксёндза за́быў.

А вжэ по́тимъ му ся змэ́рзыло и вжэ пэрэста́ў гайдама́шыты. Тай тогды́ пишо́ў такъ до двора́ тай ста́ў въ двори́ служы́ты. И разъ го панъ писла́ў съ ко́шомъ до ми́ста по мя́со. Винъ прыни́съ, поста́выў у ку́хны тай вы́йшоў. Бэрэ́ ку́харъ мя́со, хо́чэ вары́ты, а ту мя́са нэма́, и́но ксёндзова голова́ ся зробы́ла зъ то́го мя́са. Иду́тъ за нымъ: що́ такэ́ ста́лося? Винъ ка́жэ: „Та́-жэ-мъ мя́со фа́йнэ прыни́съ, якъ ма́е бу́ты“. А то ёму́ такъ Панъ-бигъ пэрэ-мины́ў на ксёндзову го́лову, грихы́ му ёго́ прыга-да́ў. Взя́лы ёго́ тамъ прытыска́ты, тай винъ ся прызна́ў, вжэ нэ мигъ ся видпыра́ты. Розповы́ў всё: „Ти́лько, ка́жэ, убы́ў-емъ лю́да, и та́та, а вжэ на сами́мъ кинцы́ то́го ксёндза, та́й вжэ-мъ тогды́ пэрэста́ў гайдама́шыты.“ Посклыка́ў тогды́ панъ ра́ду,

ксёндзиў, па́нство: що́ бы съ нымъ тэпэ́рь робы́ты, яку́ бы му ка́ру да́ты? Взя́лы суды́ты, такъ му ўсуды́лы таку́ ка́ру: таки́ то́рбы му каза́лы ўшы́ты шкиря́ни и ти́лько въ ныхъками́ня накла́сты, абы́ йно мигъ тя́гатыся съ тымъ по сьви́ти. И прывяза́лы му ти то́рбы на плэ́чи мотуза́мы зъ ба́йволиў и ка́жутъ такъ: „Носы́-жъ ты ти то́рбы такъ до́ўго, поки оны́ сами́ нэ облэ́тятъ; якъ вжэ облэ́тятъ сами́, тогды́ вжэ ма́ешь розгришэ́нье за твой грихы́!“

И винъ такъ ходы́ў съ ты́мы торба́мы по сьви́ти вжэ пять литъ. Тай тогды́ до одного сэла́ тра́фыў, и въ тимъ сэли́ була́ сла́бисть. И тамъ ти́лько людэ́й поўмыра́ло, що и па́нщыны па́новы нэ видбу́лы. И панъ зо-зло́сты чэ́рэзъ то набы́ў гумэ́нного, а той пишо́ў до ко́рчмы тай ся папы́ў гори́ўки и пото́му пишо́ў на цмы́нтарь и бье па́лыцэў по гроба́хъ, го́нытъ мэрлы́хъ на па́нщыну. А той надійшо́ў съ торба́мы тай ся ды́вытъ на тото́. Тай гада́е сы: „А то що́? вжэ-мъ ти́лько сьви́та зійшо́ў, а́ щэ-мъ нэ вы́диў, абы́ хто мэрлы́хъ на па́нщыну гоны́ў; до́сыть, ка́жэ, вжэ ма́ю грихи́ў на душы́, алэ вжэ то́го нэ вы́трымаю, щэ й то́го за́бью!“ Идэ́ про́сто на цмы́нтарь, тара́хъ, и то́го за́быў. Якъ его́ за́быў, тогды́ зъ нэ́го вжэ то́рбы пообли́талы, а зъ нэ́го само́го зробы́ўся йно по́рохъ, ницъ нэ бу́ло ни костэ́й, ни ти́ла, все ся въ зэ́млю розсы́пало. Такъ му Панъ-бигъ даў розгришэ́нье щэ на ти́мъ сьви́ти.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

15.

Когда лучше страдать: съ молоду или на старость?

Такъ бу́лы бога́цьки ди́ты и ся обо́е пожэ́нылы. Стари́ побудува́лы ихъ, да́лы имъ тамъ худо́бу, дэ́-що, а́лэ оны́ нэ моглы́ ся ничо́го дороби́ты: худо́ба имъ гы́бла, все въ долы́ну имъ па́дало. Тай оны́ цпу́ко́мъ збидни́лы, до ра́зу, жэ вжэ нэ ма́ютъ чымъ жы́ты, бо вжэ нэ хотя́тъ ихъ

запомагáты витцí. Зибрáлы оны́ ся и пишлы́ до ворóжки. Тотá ворóжка самá цэ казáла, áлэ свóго ворожбы́та мáла въ комóри. И пытáе ихъ ся той ворожбы́тъ: „Въ котрíмъ вику́ оны́ хотя́тъ бидувáты?“ Випъ повидáе: „На стáристь“. Алэ жíнка пэрэхóпыла тай кáжэ: „Я пэ хóчу на стáристь, хто насъ бу́дэ заходы́ты на стáристь?“—„Або въ сэрэ́днимъ вику́“, кáжэ чоловíкъ. Алэ жíнка пэ хóчэ и въ сэрэ́днимъ.—„Въ молодíмъ вику́, кáжэ, хóчу бидувáты!“

Забрáлы оны́ ся и пишлы́ въ сьвитъ. И ходы́лы собí, кóшыки плэлы́ такъ изъ пру́тья, абы́ жы́лы. Такъ оны дóўгый часъ жы́лы. Алэ йдутъ оны́ гостúнцёмъ, такъ надíйихаў панъ, ёму́ сакéўку-грóши вэргъ, а жíнку ўхóпыў на визъ тай пойíхаў. Зистáў винъ ся тогды́ самъ-едэ́нъ, áлэ всэ тоты́ грóши съ собóў нóсытъ, абы́ пэ згубы́ў. Алэ лягъ воды́ пы́ты, сакéвокъ положы́ў кóло сэ́бэ, прылэтíў крукъ, хóпыў грóши и полэ́тиў. Хóдытъ винъ такъ по сьвíти бíдный бэзъ дóўгый часъ. И прыхóдытъ до еднóго мíста, а тамъ майштрíў двапáйцять будýе димъ. Мэ́жы ты́мы майштрáмы едэ́нъ найстáршый: якъ той найстáршый пэ рóбытъ, и оны́ пэ рóбятъ. Винъ кáжэ: „Мóжэ бы я съ вáмы щó робы́ў?“ —„А що-жъ ты ўмíешь?“—„Майштровáты пэ ўмíю.“—„То що-жъ бýдэшь робы́ты?“—„Бýду вамъ файкí запкáты.“—„Що-жъ ты за то хóчэшь плáты?“ А винъ кáжэ: „Такъ, абы́-мъ жыў.“ Оны́ ёгó прыймы́лы. Такъ винъ ся ды́вытъ, якъ оны́ то рóбятъ, ўчытся за пы́мы. Дэ-сь найстáршый мáйштэръ пишóў на забáву, а дрýги вжэ ниць пэ рóбятъ. Винъ тогды́ кáжэ: „Йой, лю́дэ, якъ вы дармýетэ!“ А оны́ ёмý кáжутъ: „Отъ, закуры́ фáйку тай покажы́ намъ дорóгу!“ Винъ тогды́ вы́лизъ на дахъ, зачáў робы́ты. Такъ ся той дахъ дýжэ ўдаў, жэ щэ такóго дахý пэ бýло. Выхóдытъ той найстáршый зъ забáвы, ажъ ся забýў.—„Хто тотó такъ изробы́ў?“ Оны́ повидáютъ: „Той намъ показáў, що файкí запкáе.“ Винъ повидáе тогды́ до нёго: „Но, то робы́ ты тэпэ́рь съ нáмы!“ Рóбятъ оны́ такъ по мíсти фуртъ, будýютъ.

Прыхóдятъ оны́ до еднóго мíста, до тóго пáна, що тамъ ёгó жíнка бýла. Алэ винъ ей пэ знáе, а онá ёгó пэ знáе, бо вжэ дóўгый часъ. Въ тóго пáна мáлы стáвыты двиръ, áлэ дýбы рубáты пишлы́ самí въ лисъ. Рубáютъ оны́ дýбы, порубáлы. Алэ той увы́дпў щэ еднóго дýба звíдного (такóго, що с два вэрхí) и кáжэ: „Щэ тóго дýба трэ́ба“. Винъ зрубáў,

тай дубъ упáў, а тамъ грóши егó, тоты́ съ сакéўкоў лэжáтъ. Винъ узя́ў, кáжэ: „То мои́ грóши!“ Пры́ходятъ до тóго пáна, áлэ той-панъ пои́йхаў на забáву, на дрýгэ сэлó. И тоты́ повидáютъ майштры́ до тóи пáни, жэ той найшóў грóши у ли́си. А онá до нéго такъ повидáе: „Якъ то твои́ грóши?“ Алэ винъ кáжэ: „Грóши мои́!“ Тай розпови́ў и́ій всё, якъ емý панъ ти грóши вэргъ, а жи́нку ўзяў, тай тоты́ грóши потóму крукъ хóпыў тай поии́съ. А онá тогды́ встáла, кáжэ: „Колы́ то такъ твои́ грóши, то ты мій чолови́къ!“ Пры-хóдытъ зъ дрýгого сэлá ви́домость, жэ панъ тáмой на забáви ўмэръ. И оны́ ся вжэ обóе тáмой въ тыхъ дóбрахъ зистáлы и γаздувáлы.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

16.

Какъ чертъ соблазнилъ праведника въ церкви.

Буў одэ́нъ пáрубокъ, котры́й маў 20 литъ и нэ буў áни рáзу въ цэ́ркви. Зачáлы лю́дэ гудкувáты, що такы́й вэлы́кый, а до цэ́ркви нэ хóдытъ. Отэ́ць и мáты напэ́рлы на нэ́го, щобы́ конэ́чнэ ишóў до цэ́ркви. Послýхаў винъ отцá и мáтэры тай зибрáўся до цэ́ркви. Трэ́ба бýло пэрэходы́ты чэ́рэзъ вóду, áлэ винъ нэ ззувáўся, а тáки пэрэйшóў чэ́рэзъ вэрхъ воды́ и нэ замочы́ў ходаки́ў. Прыйшóў у цэ́рковь, стáнуў соби́ зъ-бóку тай щы́ро ся Бóгу мóлытъ. Посходы́лыся и лю́дэ, прыйшóў ксёндзъ, зачáлася слýжба-бóжа. Ажъ ту вы́лизъ изъ кýтыка чóртыкъ съ волóвоў скúроў и зачáў на ній всё запы́сувáты, що лю́дэ робы́лы: якъ ся сьміялы, одни́ дрýгыхъ обмавлялы, обзырáлыся на вси бокú и т. и. Такъ дóўго запы́суваў, ажъ му и скúры нэ стáло. Тогды́ чóртыкъ прыступы́ў скúру ногáмы, а дрýгый конэ́ць взяў у зýбы и хоти́ў ей натягнýты, щобы́ бýло би́льшэ мúсця, а скúра вы́хопыла му ся изъ зуби́ў, и винъ пэрэвэрнýўся горины́ць. Той пáрубокъ нэ мигъ вы́трыматы тай засьміяўся тай ужэ нэвы́дыў би́льшэ чóртыка. Якъ ся

слу́жба-бо́жа скиньчы́ла, вэрта́еся до до́му, хо́чэ зно́ву пэрэйты́ во́ду чэ́рэзъ вэрхъ, а́лэ упа́ў ужэ́ по са́мп коли́на и замочы́ўся. И ка́жэ: „Отжэ-жъ такъ! по́ки-мъ нэ ходы́ў до цэ́рквы, лышь до́ма щы́ро ся Бо́гу молы́ў, то бу́ў-емъ сьвяты́й, а пишо́ў разъ до цэ́рквы, тай согрпшы́ў!“

(Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

17.

Какъ выходитъ душа изъ тѣла.

Служы́ў едэ́нъ хлопъ 12 литъ пры во́йську. И вы́служыў 12 литъ и пэ йшоў до до́му. Такъ пишо́ў по сэ́лахъ: що́ въ сьви́тп ся ді́е? И обходы́ў усі́й сьвитъ и знаў вжэ, що дэ ді́еся, и тогды́ прыйшо́ў до сво́го сэла́, до до́му. Прыйшо́ў и такъ самъ до сэ́бэ гада́е: „Я всё вжэ зна́ю, що́ ся въ сьви́ти ді́е, лышэ́ нэ зна́ю, якъ то зъ чолови́ка душа́ выхо́дытъ?“ И пишо́ў пыта́тыся до ксёндза; якъ зъ чолови́ка душа́ выхо́дытъ? И ксёндзъ му такъ сказа́ў: „Я тобі́ заўда́мъ па цилы́й рикъ пистъ; якъ ты той пистъ вы́жыешь, то бу́дэшь то зна́ты.“ И вы́сповидалы го, да́лы прыча́стіе и ка́жутъ такъ: „Цилы́й рикъ ма́ешь такъ по́стыты: лышэ́ ку́спыкъ хли́ба и лы́жку воды́ па до́бу ма́ешь ма́ты!“

И винъ такъ цилы́й рикъ вы́постыў той пистъ. И прыйшо́ў тогды́ до ксёндза и вы́сповидаўся зноў. Тогды́ ксёндзъ ка́жэ: „Иды́, тамъ и тамъ въ ха́ти бу́дэ умыра́ты чолови́къ; тамъ пры́йдэшь до то́и ха́ты и ся́дэшь собі́ мэ́жы ві́кна, то тэбэ́ нихто́ нэ увы́дытъ, а ты бу́дэшь вы́диты, якъ зъ то́го чолови́ка бу́дэ душа́ выходы́ты.“ И винъ тамъ пишо́ў, сіў сы мэ́жы ві́кна и ёго́ нихто́ нэ вы́диў. Ды́вытся, ды́вытся, а го́лубь прылэ́тиў сы́вый крузь викно́ и полэ́тиў за образы́. И зъ-за образі́ў вылэтиў и сиў до то́го слабо́го па тварь и цилю́е его́: то вжэ браў го́лубь ду́шу видъ нёго. То вжэ той вы́диў, якъ зъ едно́го чолови́ка душа́ выхо́дытъ.

И ка́жэ му ксёндзъ: „Тэпэ́рь иды́ щэ до тако́и ха́ты, тамъ бу́дэ една́ ба́ба умыра́ты; то сы зноў такъ сядь мэ́жы ві́кна и

дывы́ся!“ И винъ пишо́ў до тои ха́ты и ды́вытся. А го́лубь чо́рный вы́лэтиў зъ ко́мына и на ту ба́бу сиў, на тварь, и такъ кры́ламы ду́жэ бье и куса́е.

И винъ пишо́ў тогды́ до ксе́ндза, той чоловикъ. И сказа́ў ксе́ндзу, що́ вы́диў. А ксе́ндзъ ёму́ сказа́ў такъ: „То, вы́дышь, такъ: тамъ, дэ той сы́вый го́лубь цилюва́ў хло́па, то душа́ счислы́ва выходы́ла зъ не́го; а зъ то́и ба́бы, що го́лубь чо́рный йи кусáў, то вжэ нэчы́ста душа́, то чортъ бра́ў ей ду́шу.“ И винъ вжэ потому пишо́ў. „Вжэ, ка́жэ, зна́ю все́, що́ ся ді́е въ сьви́ти!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

18.

Въ гостяхъ у мертвеца.

Ходы́лы два па́рубки до одно́и ди́ўки, оба́ ей любы́лы. И ка́жэ едэ́нъ до дру́гого: „Мы оба́ нэ бу́демъ ей бра́ты, лышэ́ едэ́нъ зъ насъ; то, ка́жэ, якъ бы я пэ́ршэ ў́мэръ, то абы́ ты мэнэ́ на вэсильє́ просы́ў зъ гро́бу, а якъ бы ты пэ́ршэ ў́мэръ, то я тэбэ́ бу́ду просы́ты.“ И такъ, цы за ты́ждэнь, цы що́, едэ́нъ ў́мэръ. А той дру́гый взяў ся жэны́ты и ходы́ў по хата́хъ, просы́ў па вэсильє́. А за то́го умэрло́го забу́ў. И якъ вжэ иду́тъ до шлю́бу, ма́лы йты вжэ до цэ́рквы, прыгада́ў сы.—„Йой, ка́жэ, що я зробы́ў? я маў просы́ты сво́го камра́та па вэсильє́, та-мъ забу́ў; я, ка́жэ, би́жу по не́го!“

И пишо́ў по не́го па цвы́нтарь. И грибъ ся отворы́ў, и винъ тамъ пишо́ў до сэрэды́ны. И про́сытъ то́го умэрло́го, и оны́ ся тамъ звыта́лы оба́, и тамъ взя́лося пэ́рэдъ нымы по скля́нци вына́ и по бу́лци. Оны́ вы́пылы тото́ вино́ и бу́лки ззилы. Тогды́ зноў идэ́ дру́га скля́нка и щэ по бу́лци. И вжэ оны́ й дру́гу вы́пылы и ззи́лы.—„Ой, ка́жэ той, това́рышу, я вжэ йду, я ся вжэ ту заба́вы́ў зо́-тры годы́ны у тэ́бэ, трэ́ба йты!“

Вы́йшоў винъ зъ гро́бу и пишо́ў. Прыхо́дытъ до сэла́, вжэ нэ спизнае́, дэ́ винъ е. Вжэ тогды́ ся пытае людэ́й.

А тоты́ лю́дэ, що винъ маў бра́ты шлюбъ, ди́вка й сваты́, всп вжэ й поумыра́лы. То винъ въ гро́би у свого́ камра́та буў 30 литъ. Тогды́ каза́лы му лю́дэ: „Иды́ ся вы́сповидай!“ И винъ пшоу́ пэ́рэдъ ксе́ндза, вы́сповидаў ся и пото́му ўпаў и зробы́ўся зъ нэ́го самы́й по́рохъ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

19.

Нерожденныя дѣти.

Зачыны́ла сы ба́ба ди́ты, ходы́ла по ксёндза́хъ по штыры ра́зы на́-рикъ до спо́виды. Нэ хоти́лы йій нигдэ́ ксёндзы́ розгришэ́ня да́ты, ажъ свій ксёндзъ даў йій розгришэ́нье. И каза́ў йій на поку́ту тры но́чы въ цы́ркві почува́ты: „Якъ ты, ка́жэ, нэ бу́дэ трэ́тои но́чы нычъ, то гриху́ вжэ жа́дного нэ ма́ешь!“

Прыйшла́ вжэ ба́ба до паламаря́, кобы́ йшоў, йій цы́рковь розимкну́ў, абы́ вжэ́ йшла пэ́ршу ничь почува́ты. Вы́йшоў паламаръ, розимо́къ цы́рковь, запалы́ў йій дви сьви́чки ко́ло прэсто́ла, пото́му замо́къ цы́рковь, и ба́ба сыди́ла ца́лу ничь. Ра́но розимо́къ цы́рковь и вы́пустыў йи. Прыйшла́ она́ до ксёндза, пыта́еся йи ксёндзъ, чы нэ бу́ло йій тамъ що въ цы́ркві? Она ка́жэ: „Нычъ-имъ нэ вы́дила.“ Зробы́ўся вы́чиръ, пишла́ она́ до паламаря́, абы́ йій йшоў розимкну́ты цы́рковь. Вы́йшоў винъ, йій цы́рковь розимо́къ, запалы́ў йій дви сьви́чки ко́ло прэсто́ла; она́ собі́ си́ла, а винъ замо́къ цы́рковь и пишоу́ доми́. Вжэ она́ сыды́ть. Вы́йшла гу́ска зъ-пидъ мо́сту исъ гу́сяты, походы́ла ко́ло нэи, походы́ла, нычъ йій нэ каза́ла и спря́талася. Вчыны́ўся дэнь, пишла́ она́ до ксёндза. Пыта́е йи ся ксёндзъ: „Ну, що́-жъ, ба́бо, вы́дила ты що́?“ Она ёму́ вжэ повила, якъ бу́ло, а ксёндзъ йій ка́жэ: „Ну, до́брэ! щэ ма́ешь одну́ ничь спа́ты; якъ ты нычъ нэ бу́дэ, то нэ ма́ешь гриху́.“ Вжэ зробы́ўся вы́чиръ, вжэ идэ́ она́ на трэ́ту ничь почува́ты въ цы́рковь. Вы́йшоў паламаръ, розимо́къ йій цы́рковь, запалы́ў йій дви сьви́чки ко́ло прэсто́ла, по́тимъ замо́къ и пишоу́ доми́. Сыды́ть она́, сыды́ть, ды́вытся: идэ́ гу́ска зъ-пидъ мо́сту, така́ вэлы́ка, би́ла,

съ гу́сяты, хо́дять ко́ло нэп, хо́дять, якъ я́лы йи дзю́баты дзю́бкамы, я́лы йий прыповида́ты: „я́ бы быў собі́ замолоты́ў, закосы́ў, я́ бы быў у сьвітти жыў!“ а гу́ски: „я бы бы́ла собі́ запря́ла, я́ бы бы́ла собі́ зашы́ла, я́ бы собі́ въ сьвітти жы́ла!“ Тай якъ я́лы йи скубсты́, рва́ты, то такъ йи розтырмалы, що пычъ ся нэ лышы́ло, лышъ го́ли ко́сты. Зробы́ўся дэнь, вы́йшлы вжэ йи выпуска́ты зъ цы́рквы, а тамъ нэма́ нычъ, лышъ го́ли ко́сты зъ ба́бы.

(Отъ Татьяны Михайловичъ въ Головецкѣ.)

20.

Скатерть, баранчикъ и коробъ.

Було́ два бра́тьи, едэ́нъ буў би́дный, а дру́гый бога́тый. Бога́чъ зари́заў свыню́, а би́дный прыйшо́ў тай ка́жэ: „Бра́тэ, дай мэні́ тро́ха солоны́ны!“ Такъ го ду́жэ про́сытъ, а́лэ бога́чъ нэ хо́чэ да́ты. А пото́му вжэ ури́заў ку́сныкъ солоны́ны, даў би́дному и ка́жэ: „Нэсы́ до ди́дька!“

Тай винъ узя́ў ту солоны́ну тай понісъ йи до ди́дька. Нэсэ́-нэсэ́, ажъ прыхо́дытъ до воды́: така́ вода́ вэлы́ка, жэ ніякъ нэ мо́жна пэрэйты́. Тай винъ стаў и стоитъ. Ды́вытся, а дъ нёму идэ́ стары́й дидъ сы́вый. Тай пытáе го ся той дидъ: „Чого́ ты ту стоишь?“—„Та даў мы, ка́жэ, братъ солоны́ны, абы́-мъ нисъ до ди́дька, тай нэсу́, а́лэ ту пэрэйты́ нэ мо́жна чэ́рэзъ во́ду.“ Тогды́ дидъ ка́жэ: „Сида́й на мэ́нэ, я тя пэрэвэ́зу.“ Винъ сиў на ди́да, пэрэйи́хаў чэ́рэзъ во́ду тай тамъ вжэ злизъ. А дидъ тогды́ ка́жэ до нёго: „Якъ тамъ дашь ди́дьковы солоны́ну, то винъ тобі́ за то будэ́ дава́ты гро́ши, а́лэ абы́-сь то́го нэ браў; будэ́шь, ка́жэ, каза́ты, абы́ тобі́ даў баранця́ и таку́ кобі́вочку стару́ и обру́сыкъ, тай щэ абы́ тобі́ тры ра́зы у подо́локъ шква́ркиў вэргъ.“

И винъ понисъ тогды́ ту солоны́ну и даў само́му найста́ршому ди́дьковы. Такъ ся тамъ зли ду́хи тоў солоны́ноў утíшылы тай зача́лы ся балюва́ты. А пото́му вжэ даютъ

ему́ бога́то гро́шэй, ска́рбы рі́жни, а́лэ винъ то́го нэ хо́чэ бра́ты. То оны́ ся его́ пыта́ють: „А що́-жъ бы тобі́ да́ты?“— „Да́йтэ мы, ка́жэ, баранця́, кобі́вочку и обру́сыкъ и тры ра́зы въ полу́ шква́ркиу.“ Алэ чорты́ нэ хоті́лы ему́ то́го да́ты. Тогды́ винъ ка́жэ: „Ну, то е́нчого ницъ нэ хо́чу!“ Тай хоти́у вжэ пты́ гэтъ. Тогды́ той найста́ршый ді́дько ка́жэ: „Та да́йтэ му, да́йтэ, най сы вжэ бэ́рэ, що́ хо́чэ!“ Тай тогды́ ему́ да́лы то́го баранця́ и кобі́вочку и обру́сыкъ, тай вэ́рглы му тры пры́горщи шква́ркиу у полу́.

И винъ съ тымъ пишо́у тай прыйшо́у идъ тій водí зно́ву. А той дидъ та́мки вжэ буу коло воды́ и ка́жэ: „Сида́й на мэ́нэ, я тя пэрэвэ́зу!“ И пэрэві́зъ его́ и ка́жэ: „Якъ схо́чэшь гро́шэй, то ска́жэшь: потрясы́ся, бара́нцю!— то ты бара́нъ натрясэ́ гро́шэй, кі́лько хочь; а якъ схо́чэшь йи́сты чы пы́ты, то ска́жэшь: пристры́ся, обру́сыку!—то на тимъ обру́сыку всё бу́дэшь ма́ты; а якъ бу́дэшь въ які́й пры́годи, то ска́жэшь: па́уки зъ коба́уки!—то за́разъ ты помо́жуть; а тоты́ шква́рки, ка́жэ, то та́кой нэсы́ въ то́рби до до́му!“

Тай тогды́ дидъ счэзъ, а винъ собі́ пишо́у да́ли своё́у доро́гоу. Идэ́-идэ́, тай му ся схоті́ло спа́ты. Винъ лягъ тай приспа́уся тро́ха, а́лэ проха́пуеся, а ту ко́ло нёго ті́лько бара́ні́у тай овэ́ць—ци́лэ по́лэ у́крылы; а то зъ тыхъ шква́ркиу поробы́лыся бараны́ й ві́уци, бо то булы́ всё ду́ши. Алэ винъ ся ду́жэ напу́дыу тай зача́у утика́ты видъ ныхъ, а оны́ за нымъ лэтя́ть. Тогды́ той самы́й дидъ зъявы́уся, а то буу самъ Го́сподь. Тай ка́жэ: „Чого́ ты такъ біжы́шь?“—„А-о́, ка́жэ, які́-сь ся бараны́ мэнэ́ у́чипы́лы, щэ бу́дуть лю́дэ каза́ты, що-мъ у́краў.“—Тогды́ Го́сподь ка́жэ: „Стань на мо́ю но́гу тай дывы́ся до-горы́ до нэ́ба!—вы́дышь що́?“—„Вы́жу драбы́ну.“—Тай тоты́ бараны́ и ві́уци всн, едно́ за дру́гымъ, такъ го́ри тоу драбы́ноу ска́чуть, тай поскака́лы всн до нэ́ба. Тогды́ Го́сподь ка́жэ до нёго: „То ты, якъ умрэ́шь, за ти ду́ши пидэ́шь до ца́рства!“ Тай тогды́ вжэ счэзъ и тота́ драбы́на за нымъ счэ́зла. А винъ пишо́у собі́ до-до́му.

Прыхо́дыть до-до́му, а жі́нка ка́жэ: „Та дэ́ ты буу такі́ вікі́? йої́, вжэ ді́ты зъ-го́лоду умыра́ють!“ Алэ винъ ка́жэ: „Цы́тьтэ, ді́ты! змо́утэ молытвы́, за́разъ будэ́мо йи́сты!“ И поси-

да́лы за стиў. Винъ положы́ў обру́сыкъ на стиў и ка́жэ: „Пристры́ся, обру́сыку!“ Тай обру́сыкъ ся простэ́ръ и бу́ло тамъ ри́жного йи́диня и пытья́ до́ста. Якъ ся найи́лы й напы́лы, тогды́ винъ сказа́ў: „Законты́ся, обру́сыку!“ И закоты́ўся наза́дъ. Пото́му винъ пысла́ў жи́нку до бра́та, до то́го богача́, абы́ прыйшо́ў, и ёго́ жи́нка и ди́ты, то ся бу́дутъ балюва́ты. Привэла́ она́ бра́та съ жи́нкоў тай съ дитьмы́. Тогды́ винъ ихъ посады́ў за сти́ў и ка́жэ: „Пристры́ся, обру́сыку!“ И бу́ло бога́то йи́сты и пыты, до́брый буў баль. А пото́му братъ ся пыта́е: „А ви́дки ты то диста́ў?“ Тогды́ винъ му сказа́ў, жэ пони́съ тоту́ солоны́ну до ди́дька тай диста́ў за то обру́сыкъ. Алэ ка́жэ: „Я щэ й баранця́ диста́ў.“ И каза́ў до баранця́: „Потряся́ся, бара́нцю!“ И натря́съ бара́нъ ци́лу ку́пу гро́шэй. Даў тоты́ гро́ши бра́товы, и братъ пишо́ў.

Алэ за́разъ пишо́ў и даў зна́ты до па́на, що той би́дный ма́е такі́й обру́сыкъ и баранця́, то бы то до́брэ бу́ло для па́на. Тай панъ пысла́ў слугу́ до то́го хло́па, абы́ прыни́съ обру́сыкъ и баранця́, абы́ му то показа́ў. И винъ пишо́ў до па́на, тай тамъ вжэ на нэ́го чэка́ло мно́го пани́ў, позйижджа́лыся на баль. Винъ положы́ў той обру́сыкъ на стиў и зача́ў тоты́ паны́ балюва́ты. А пото́му зноў поста́вы́ў баранця́ и насы́паў имъ гро́шэй. Тай вжэ хо́чэ иты́ до-до́му, а́лэ паны́ тогды́ го нэ пусты́лы, а́лэ видобра́лы му обру́сыкъ и баранця́, а ёго́ набы́лы-набы́лы тай вы́вэрглы ёго́ на-дви́ръ. Тогды́ винъ вжэ розлю́тыўся тай пишо́ў до до́му, взяў сы тоту́ коби́ўку и вэрну́ўся мэ́жы пани́ў. Тай ка́жэ: „Видда́йтэ мэни́ обру́сыкъ тай баранця́!“ Паны́ ся зноў до нэ́го ўзя́лы бы́ты, а винъ тогды́ кры́кну́ў: „Па́ўки зъ коба́ўки!“ Якъ ся вы́хопылы тры хлопы́, якъ зача́лы пани́ў бы́ты, тогды́ му вжэ видда́лы все̇. И винъ собі́ пишо́ў до-до́му,—и вжэ спо́кій.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ: СКАЗКИ.

21.

Волшебный конь.

Маў едэ́нъ та́то дванайцять сыни́ў. Якъ вжэ тоти́ сыны́ дійшлы́ до литъ, пишлы́ и наймылыся всп 12 до двора́ на слу́жбу. Съ тымъ ся па́номъ такъ згоды́лы, щобы́ винъ за рикъ слу́жбы ко́ждому даў по конэ́вы. Якъ оны́ вжэ вы́служылы той рикъ, ка́жэ имъ панъ: „Ну, выбыра́йтэ собі́ ко́ждый по конэ́вы!“ Тай оны́ пишлы́ на по́лэ, дэ ся па́ньски ко́ни па́слы, и вы́браў собі́ ко́ждый коня́, яко́го хтиў. А наймолодшый братъ буў тро́ха гы дурны́й, то винъ собі́ вы́браў пайгі́ршого коня́, тако́го сухо́го, що лэ́дво ды́хаў.

Тогды́ оны́ вжэ пойі́халы до сво́го та́та тай ка́жутъ до нёго такъ: „Та́ту, шука́й намъ тэпэ́рь 12 сэстэ́ръ, абы́ мы ся съ ны́мы пожэны́ли.“ Тай старый пишо́ў шука́ты. Идэ́-идэ́ тай здыбуе яку́-сь па́цю на доро́зи. Тай тота́ па́ни ка́жэ: „Дэ ты йдэшь, чолові́чэ?“ Винъ тогды́ ка́жэ: „Ма́ю 12 сыни́ў и оны́ хотя́тъ жэны́тыся, а́лэ такъ хотя́тъ, абы́-мъ имъ знайшо́ў 12 сэстэ́ръ ра́зомъ.“ Тогды́ па́ни ка́жэ: „Я ма́ю 12 донёкъ, то пай у мэ́пэ сва́таютъ!“ Старый ся ўті́шыў тай пытае́ся: „А дэ-жъ вы мэ́шкаетэ?“ А па́ни ка́жэ: „Ході́тъ до мо́го паля́цу, тамъ ся поды́вытэ па днўча́та, чы вамъ ся сподо́баютъ?“ Тай винъ пишо́ў съ нэў до тыхъ паля́циў, тай го тамъ вжэ тота́ па́ни зача́ла прыйма́ты, да́ла йі́сты, пы́ты, якъ ся налэ́жытъ. А пото́му показа́ла му свои до́ньки: одына́йцять бу́лы такі́, якъ ма́е бу́ты, лышэ́ наймоло́дша—вжэ симна́йцять литъ ма́е, а щэ лэжы́тъ въ колы́сци. А па́ни ка́жэ: „То будэ́ для ва́шого дурно́го сы́на жі́нка!“ Якъ ся вжэ стары́й отэ́ць тамъ тро́ха побалюва́ў, пишо́ў тогды́ до до́му за сына́мы.

Прыхо́дытъ до-до́му, пыта́ются го за́разъ сыны́: „А що́, та́ту, найшлы́-сьтэ?“—„Найшо́ў-емъ, ка́жэ, збыра́йтэся жы́во тай йі́дьтэ!“—Тай нові́ў имъ всё—дэ и якъ ма́ютъ йі́хаты. Тогды́ оны́ ся вы́бралы въ доро́гу тай йі́дутъ. Одына́йцять бра́тиў поубыра́лы собі́ ко́пи красно́, йі́дутъ, якъ паны́, а дур-

ный на своїй сухій шкапп лэдво лизэ, гэтъ лышыўся сзаду за братима. Тогды той ёго кинь до нэго промовыў: „Спыны своихъ братиў, абы зачэкалы на тэбэ, бо тота пани, дэ вы йидэтэ свататы, е опырыця, зийисты васъ хочэ. То, кажэ, якъ прыйидэтэ до нэи, то она вышлэ 12 лёкалиў до конэй,—абы-жъ вы тымъ лёкалямъ конэй нэ далы въ рукн. Потому вышлэ вамъ тры бутэлци вына и тры бохонци хлиба, алэ абы вы тилько два бохонци зийилы и дви бутэлцп выпылы, а трэтои ни, тай абы на зэмлю ни дрибка хлиба ни выпа нэ упала!“ Тогды дурный зачаў на братнў крычаты: „Зачэкайтэ, но-о-о!“ Алэ братья кажутъ: „Та чого мы будэмъ на нёго чэкаты, на дурного?“ Тай йихалы дали, нэ чэкалы. Тогды винъ зноў клычэ: „Та чэкайтэ, но-о!“ А найстаршый братъ кажэ: „Э, почкаймо, можэ винъ намъ що скажэ?“ Тай зачэкалы на нёго. Винъ имъ заразъ всё тото розповиў, що му кинь наказуваў, абы зналы, що робыты, якъ прыйидутъ тамъ до опырыци.

Тай оны прыйиждж аютъ вжэ тамъ пидъ ти паляцы. Заразъ до ныхъ выбиглы 12 лёкалиў, кождый до коня йшоў. Алэ оны кажутъ: „Мы собн сами лёкали до своихъ кониў.“ Тай сами прывязалы кони до жолоба тай далы имъ йисты. Тогды вжэ опырыця выслала имъ тры фляшки вына и тры бохонци хлиба. Оны йно дви фляшки выпылы и двоє хлиба зйилы, а рэшту видослалы йий пазадъ; тай уважалы, абы ни дрибка на зэмлю нэ ўпала. Потому ихъ вжэ опырыця заклыкала до покойиў, посадыла за стиў и дала имъ йисты, пыты, що потрэба.

Якъ вжэ понайидалыся, понапывалыся, тогды вжэ кождого спарувала съ едноў донькоў и поклала ихъ всихъ па пидлози спаты, а того дурного положыла въ колыску до наймолодшои донькй; алэ кожду донькў клала у ливый бикъ, а зятя у правый. Тай кажэ: „Спитъ кождый съ своёў, чы вамъ ся сподобае?“ Якъ вжэ вси полягалы, взяла и загасыла сьвичкй, а сама полэтила на граныцю, тамъ дэ ся вси опыри и чариўныки злитаютъ. И тоти братья заснулы, алэ кинь того дурного брата прыйшоў пэрэдъ двэри и тры разы заирзаў. Тай той встаў зъ колыски и выйшоў. Тогды кинь промовыў до нёго: „Кажы своимъ братьимъ, абы ся пэрэминялы съ жинкамы на мисця: сами абы ля-

глы́на ливы́й бикъ, а ихъ абы́ на правы́й поклалы.“ Винъ тогды́ побудыў братиў и сказаў имъ, то ся вси заразъ пэрэминялы на ливы́й бикъ. Тай тота опыры́ця прылитае вжэ назадъ, взяла сы мэчъ и на-потэмки всимъ донькамъ, що вжэ лэжалы у правимъ боци, головы постынала, гадала сы, що то зятьимъ. Тогды́ пишла щэ до колы́ски и тамъ хотила голову стяты, але вжэ нэ стынала, погадала сы такъ: „Ни, тому дурному вжэ нэ буду, най ся лы́шытъ, то можэ мы хоть воды́ подастъ!“ Тай тогды́ вжэ полэтила зноў на граны́цю до опыриў. А кинь зноў прыйшоў пидъ двэри и тры разы заирзаў. Винъ вы́йшоў зъ колы́ски, а кинь му кажэ: „Утикайтэ тэпэрь гэтъ, що можэтэ, бо якъ опыры́ця вэрнэ тай увы́дытъ, що то она свои доньки поризала, то вамъ щэ гиршэ будэ!“ Тай оны́ вси зирвалыся, посидалы на конэй и пигналы. А дурны́й ся сзаду лишыў, бо кинь нэ годэнъ буў бичы.

Тай она прылэтила вжэ съ граны́ци, засьвитыла въ покою, ды́вытся, а ту тыхъ братиў нэма, йно вси ей доньки лэжатъ бэзъ голоў, тилько тота въ колы́сци жыва една. Тай она мала такого коня, що на трёхъ ланьцухахъ буў ўпнятый, то сила на того коня и пигнала за братьямы. Тай взяла съ собоў съ золотои качки пюро и съ тои наймолодшои доньки золоты́й волосъ, абы йий ся видъ того въ дорози вы́дко було, бо то сьвиты́ло такъ, якъ соньцэ. Тай гоныть за ны́мы, але вжэ тоты́ старши братья пэрэйихалы за ей граны́цю, то ихъ вжэ нэ могла дистаты. Тилько той дурны́й щэ ся сзаду лышы́ў, алэ ся сховаў въ корчи, то го нэ ўвы́дила тай мынула. И по-дорози, якъ лэтила, загубы́ла той золоты́й волосъ и то пюро золотэ, а си кинь загубы́ў золоту пидкову. Тай вэрнулася назадъ до свого дому.

А той дурны́й йидэ и здыбае на дорози той волосъ — блы́щы́тся, якъ у дэнь. И злизъ и хочэ ёго браты, алэ кинь до нэго такъ промовы́ў: „Нэ бэры́ тото, бо будэ бида!“ Нэ слухаў, взяў волосъ. Йидэ дали, здыбае пюро. Знову злизае и бэрэ, а кинь кажэ: „Эй, нэ бэры́, будэ бида!“ Взяў и пойихаў дали, здыбаў пидкову золоту. Зноў кинь кажэ: „Ой, нэ бэры́, бо будэ вэлы́ка бида!“ Винъ нэ послухаў, взяў и пид-

кову. Тай прыйихаў ажъ до-дому, а братья вжэ тамъ е. И зачалы му тогды братья дяковаты, що ихъ видъ смэрты видкупыў.

Потому тоты братья ся вжэ лышылы дома, а дурный пишоў собі до едного пана на службу. И такъ ся зго-дыў у пана, абы й ёго кинь пры нимъ буў, тай стаў тогды тамъ на службу. Алэ повисыў сы въ своїій стайны золотэ пюро и вжэ николы нэ потрэбуваў ани лятарни, ани сьвички, такъ ажъ блыскъ быў видъ того пюра. Тогды слугы то пидозрилы, и якъ обачылы у нэго тото пюро, пишлы до пана и ўповилы му. Казаў го панъ заклыкаты до сэбэ и кажэ: „Абы ты мэни то пюро сюда прынисъ!“ Винъ клэпэся, що нэ мае жадного пюра, видпыраеся, якъ можэ. Алэ ницъ нэ помогло, а панъ кажэ такъ: „Якъ мэни то заразъ нэ прынэсэшь, то тя страчу!“ Тай винъ вжэ пишоў до стайни, взяў пюро тай прынисъ до пана. Тогды панъ кажэ: „Мусышь мэни щэ ту качку прынэсты, що зъ нэи то пюро е!“ Прыходытъ винъ до свого коня тай плачэ. А кинь му кажэ: „А выдышь, нэ послухаў-есь мэнэ, то тэпэрь биду маешь; ну, алэ що робыты? пойидэмо!“ Тай пойихалы до тои самои опырыци, що видъ нэи ўтиклы. Прыйихалы пидъ той паляцъ, тогды кинь кажэ: „Бухнэшь въ едни двэри — оны тобі ся отворутъ, бухнэшь въ други — зноў ся отворутъ, а въ трэтимъ покою е тота качка у койцы; алэ, кажэ, справуйся тыхо, абы ся опырыця нэ збудыла!“ Тай винъ такъ пишоў, качку пидъ паху забраў, тай выбигъ на-двиръ, на коня тай въ ногы. Тогды прывизъ качку до пана и даў му. Панъ ся дужэ ўтишыў, даў ёму богато грошэй тай видослаў го зноў до службы до стайни.

А винъ взяў тай собі тоту пидкову золоту повисыў въ стайны, абы му сьвитыла. Тогды слугы зноў пидбачылы, пишлы до пана тай ўповилы. Панъ казаў му показаты ту пидкову, а потому кажэ: „Томусышь мэни щэ дистаты того коня, що видъ нэго пидкова!“ Тай винъ пишоў до коня тай плачэ. А кинь тогды кажэ: „Ой, тэпэрь бида, бо якъ-жэ того коня взяты, колы винъ на трехъ ланцахъ ўпнятый? алэ, кажэ, иды ты до пана, най тобі дастъ 12 шкиръ и 12 бочокъ смолы, то пойидэмо по того коня.“ Панъ даў ёму 12 шкиръ и 12 бочокъ смолы, тогды винъ вжэ пойихаў до опырыци за конёмъ. Прыйиха-

лы тамъ пидъ пáляцъ, тогды́ кинь кáжэ: „Бэры́ лопáту и копáй такý я́му, абы́ я по сáми колíна стояý въ тій я́ми.“ Винъ вы́копаў, тогды́ кинь влизъ по колíна въ я́му и стоíтъ. Тогды́ кáжэ: „Поклады́ тэпэ́рь на мэ́нэ еднý шкíру и лій еднý бóчку смолы́ на ту шкíру!“ И такъ винъ тыхъ 12 шкиръ, еднý за дрýгоў, на нéго положы́ў и на кóжду шкíру вы́ліяў бóчку смолы́. Тогды́ кинь кáжэ: „Ты лизъ тэпэ́рь на дэ́рэво, а я заржý, то той кинь зáразъ прылэ́тытъ.“ Винъ вы́лизъ, а кинь запрзáў разъ, то тамтóму конэ́вы урвáўся едэ́нъ ланцъ; запрзáў дрýгый разъ — урвáўся дрýгый ланцъ; якъ запрзáў трэ́тый разъ, то тамтóму урвáўся вжэ трэ́тый ланцъ, тай зáразъ кинь прылэ́тиў. А винъ маў на лóкоть зýбы, то кéнуўся на тóго коня́ въ я́ми и запусты́ў зýбы въ нéго чэ́рэзъ вси 12 шкиръ, ажъ до-спóду. Алэ го нэ мигъ укусы́ты, тíлько такъ загря́зъ зубáмы въ смолý, що ихъ вжэ нэ мигъ вы́тягнуты. Рвáўся, рваў, áлэ змýчыўся и стáнуў. А той зáразъ злизъ съ дэ́рэва тай сиў сы на свóго коня́ и пойі́хаў, а тамтóй кинь мýсиў вжэ йты такóжъ за ны́мы сбóку, бо щэ зубíў нэ мигъ вы́ймыты. Тай такъ прывэзлы́ до пáна тóго золотóго коня́. Тогды́ му панъ вжэ даў грóшэй пáру сотóкъ, тай винъ зноў пишóў до свóйи стáйни.

Тогды́ винъ вжэ собí той золоты́й вóлосъ въ стáйны повíсыў. Слýгы зноў о тимъ пáну повíлы и панъ казáў му прынэ́сты той вóлосъ. Винъ прынисъ, тогды́ панъ кáжэ: „Щэ мэнí докóньчэ прывэзы́ тотý пáнну, що той вóлосъ згубы́ла!“ Винъ прыйшóў до коня́, такъ плáчэ. А кинь кáжэ: „То всё чэ́рэзъ то, що-сь мэнэ́ нэ слýхаў; тэпэ́рь йі́дьмо за пáнноў!“ Тай пойі́халы. Прыйі́халы пидъ пáляцъ до опыры́ци. Тогды́ кинь кáжэ: „Иды́ до покóю, дэ тотá пáнна въ колы́сци лэжы́тъ, тотá твоя́ жíнка; áлэ абы́-сь йи́ нэ браў, пóки я нэ заржý пидъ викнóмъ, а якъ я заржý, бэры́ йи́ и нэ бíйся ницъ!“ Тай винъ пишóў, стáнуў тамъ кóло колы́ски и чэкáе. Ажъ ту кинь запрзáў, тогды́ винъ ўхопы́ў пáнну съ колы́скоў пидъ пáху, вы́нисъ на-двíръ, сиў на коня́ тай пойі́хаў.

Тай прывíзъ йи́ до пáна, áлэ му йи́ нэ хотíў дáты, лышэ́ кáжэ такъ: „Пáнова кáчка и пáниў кинь, áлэ пáн-

на то моя́, бо то моя́ жи́нка!" А панъ ся на тимъ сло́ви ду́жэ застановы́ў тай ка́жэ такъ: „Я ка́жу зо всёи сталпыны молоко́ вы́цэркаты, у вэлы́кій котэ́лъ нальяты и зо всихъ сторо́нъ пидъ тымъ китло́мъ палы́ты, абы́ то молоко́ ажъ кипи́ло, ажъ ся пэрэвэрта́ло; якъ ты въ тимъ молоци́ ся скупа́ешь и вы́лизэшь жывы́й, тогды́ бу́дэ та па́нна твоя́!" Винъ пишо́ў съ тымъ до коня́ тай му то розповида́е.—„Вжэ мэни́, ка́жэ, смэрть ажъ тэпэ́рь бу́дэ!"—А кинь ка́жэ: „Нэ бі́йся ницъ, лизь у котэ́лъ, а́лэ абы́ я буў пры тимъ!" Тай винъ пишо́ў до то́го китла́ и прыпрова́дыў сво́го коня́, ка́жэ: „Най хоть мій кинь мо́ю смэрть вы́дытъ!" Якъ винъ вжэ ся розибра́ў, вжэ маў у молоко́ ли́зты, тогды́ кинь фо́ркнуў надъ тымъ молоко́мъ, разъ, и дру́гый, и трэ́тый, а молоко́ за́разъ засты́гло. Винъ тогды́ ско́чыў, скупа́ўся въ тимъ молоци́ и вы́лизъ щэ ладні́йшый, якъ пэ́ршэ буў. Тогды́ панъ соби́ гада́е: „Оў, колы́ винъ щэ ладні́йшый вы́лизъ зъ кипя́чого молока́, то и я ся скупа́ю, мо́жэ видмолоднію видъ то́го." Тай за́разъ ся панъ розибра́ў и ско́чыў у молоко́, а кинь тогды́ зноў тры ра́зы фо́ркнуў, и то молоко́ зноў ста́ло таке́ горя́чэ, якъ окри́пъ, ажъ пидска́куе. За́разъ ся панъ спа́рыў на-смэ́рть, лышэ́ зъ нэ́го кисткы́ повытяга́лы. Тогды́ той ся вжэ съ своёў па́нноў ожэны́ў и зоста́лыся обо́е на па́ньскихъ мае́ткахъ.

Тай вжэ потому ка́жэ кинь до нёго: „Я тэбэ́ зробы́ў таки́мъ па́номъ, то тэпэ́рь ты мэни́ що-сь зробы́: вы́вэды мэнэ́, ка́жэ, на по́лэ, тай застри́ль мэнэ́!" А винъ стаў пла́каты и ка́жэ: „Та дэ бы я тэбэ́ стриля́ў? ты мій найли́пшый прыя́тиль!" Алэ кинь ка́жэ: „Якъ ты мэнэ́ нэ за́бьешь, то и самъ нэ бу́дэшь жыў!" Тогды́ винъ го вжэ вы́виў въ по́лэ и за́стрилыў. Тай тогды́ ся зъ коня́ по́рохъ зробы́ў тай розлэ́тиўся съ ви́тромъ.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

22.

Джунджаловичъ и сыроѣдъ.

Маў едэнъ богачъ 12 сыні̆у. Кáжэ до ныхъ: „Я нэ бу́ду васъ жэны́ты, покинэ на́йду 12 донёкъ у едно́го γа́зды, абы́-мъ васъ всихъ ра́зомъ пожэны́ў.“ Пишлы́ сыны́ шука́ты, ходы́лы по сьви́ти, ажъ найшлы́ 12 донёкъ у едно́го сыройи́да. *) Тай засады́ў ихъ сыройи́дъ за стиў, даў имъ йи́сты й пы́ты. Повэчэ́рялы тай поляга́лы спа́ты, ко́ждый съ едно́ў ди́ўкоў; тай хло́пци спа́лы въ шапка́хъ, а диўкй въ хустка́хъ. Въ ночы́ той сыройи́дъ кáжэ: „Чы спышь, Джунджало́вычъ?“ А то ся найста́ршый братъ называ́ў Джунджало́вычъ. Тай винъ кáжэ: „Ой, нэ сплю, я ду́мки гада́ю!“ Зноў за якій-сь часъ кáжэ сыройи́дъ: „Джунджало́вычъ, чы спышь?“ А той нэ спаў, áлэ ся нэ видзыва́ў ницъ. Тогды́ кáжэ сыройи́дъ до сыройи́дыхи: „Остри́мо ножи́, бо вжэ усну́лы, то ихъ будэ́мъ ри́заты!“ Пишлы́ остры́ты ножи́, а Джунджало́вычъ то чуў тай борзэ́нько шапки́ съ брати́ў позакру́чуваў на диўки́, а бра́тьимъ пообвыва́ў хустки́; тай собі́ такъ зробы́ў тай лягъ спа́ты. Прыйшо́ў сыройи́дъ съ сыройи́дыхоў, пори́залы свои́ доньки́, бо гада́лы сы, що то хло́пци въ шапка́хъ. А пото́му ляглы́ обо́е спа́ты тай засну́лы. Тогды́ той брати́ў побуды́ў, тай вси кризь викно́ поска-ка́лы и утиклы гэть до-до́му.

Алэ видта́къ кáжэ той Джунджало́вычъ: „Я иду́ щэ до сыройи́да, щэ ёго́ жи́нку зари́жу!“ Пишо́ў до сыройи́да тай кáжэ: „То я твои доньки́ зари́заў!“ Кáжэ сыройи́дъ: „То я тэбэ́ тэпэ́рь зари́жу!“—„Ни, ты мэнэ́ тэпэ́рь нэ рижь, бо я сухы́й; году́й мэнэ́ волоскими ори́хамы, бу́лкамы й цу́кромъ, абы́ я бу́ў тлу́стый, то тогды́ вжэ будэ́шь маў до́бру пэчэ́ню зъ мэ-нэ.“ Тай сыройи́дъ послу́хаў: годува́ў го фа́йно, вы́годуваў тако́го тлу́стого. Вжэ хо́чэ ри́заты, робы́ты кома́шню. Тай лышы́ў жи́нку, абы́ ёго́ спэкла́, а самъ пишо́ў за го́стьма. Тогды́ кáжэ сыройи́дыха до нёго: „Ляга́й у

*) На вопросъ: что́ такое сыройи́дъ?—разсказчица отвѣтила: „такы́й сыройи́дъ, жэ съ едны́мъ о́комъ,“—но больше ничего о немъ сказать не умѣла.

возо́къ, най тя завэ́зу у пичь!“ Тай лягъ винъ, а́лэ всэ то ца́пки ста́нэ, то на-понэрэ́къ ся кладэ́, тай нэ мо́жэ ся влı́зты въ пичь. Тогды́ она́ влı́зла сама́ въ тачкı́ тай ка́жэ: „О-та́къ лягáй, якъ я!“ А винъ тогды́ взяў, шаркнуў йи въ пичь тай спикъ ба́бу. Тай покра́яў йи на тарı́ль и покла́ў на стиў, а самъ утı́къ. Прыйшо́ў сыройи́дъ съ дру́гымы сыройи́дамы на кома́шню, позасида́лы за стиў тай йидя́тъ тоту́ пэчэ́ню, балю́ются. А пото́му едэ́нъ ка́жэ до то́го сыройи́да: „Та клы́чтэ куму́ до сто́лу!“ —„Э, она́ ся змýчыла съ тымъ Джунджало́вычомъ, то ся пэ́вно положы́ла тро́хи спа́ты.“ Алэ йдэ, ды́вытся до лı́жка — нэма́; шука́е, клы́чэ — нэма́! —„Ой, ка́жэ, то мы ба́бу зйи́лы!“

А Джунджало́вычъ зноў до́ма ка́жэ: „Я щэ пı́ду, щэ сыройи́да зако́плю жыво́го въ зэ́млю.“ Прыйшо́ў винъ до то́го сыройи́да пэ́рэдъ ха́ту тай руба́е ялы́цю. Руба́е тай клы́чэ сыройи́да: „Ходы́-но ялы́цю руба́ты на то́го Джунджало́вча, бо винъ тобı́ зарı́заў 12 донёкъ тай ба́бу спикъ, а щэ й тэбэ́ хо́чэ закопа́ты.“ А той вы́йшоў, нэ знаў, що то е самъ той Джунджало́вычъ. Вы́йшоў сыройи́дъ, поми́гъ му руба́ты ялы́цю, ка́жэ: „До́брэ, я бы ты гро́шэй даў, кı́лько схо́чэшь, лышэ́ его́ въ трýмну забы́й!“ Тай пишо́ў до ковалı́, тото́ трýмно окова́лы. Тогды́ той ка́жэ до сыройи́да: „Нэ-знаў, котры́й мицнı́йшый, чы ты, чы винъ?“ —„О, та́-же я!“ —„Ану́, лягáй въ трýмно, спрубýй, чы го розı́бьешь? щобы́ той Джунджало́вычъ щэ нэ розбы́ў, бо бы бýла бида́!“ Лягъ сыройи́дъ, а той го тамъ замкнýў тай пусты́ў го такъ долı́ водо́ў.

(Отъ Марiи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

23.

Волшебный волкъ.

а). Едэ́нъ ци́саръ маў золоту́ гру́шку, а́лэ що-по́чы прылитаў до нэ́и золоты́й птахъ и всэ краў зъ нэ́и едну́ гру́шку. А той ци́саръ маў донькý. И прыйшлы́ до то́и доньки́ тры царэ́вычи, хоти́лы йи свататы: два бу́лы розу́мни, а едэ́нъ буў мэ́жы ни́мы гэй дурны́й. Тогды́ имъ ци́саръ ка́жэ такъ: „Вси тры ся съ мо́еў донько́ў жэны́ты нэ мо́жэтэ; то котры́й мини́ дистанэ пта́ха, що мы грушки́ крадэ́, той бу́дэ ся съ нэў жэны́ў.“

Тогды́ оны́ забра́лыся вси тры и пойи́халы за тымъ пта́хомъ. Тоти́ два му́дри ма́лы до́бри ко́ни и гро́ши, а дурны́й нэ маў ницъ, инó старо́го коня́, пса и кота́. Оны́ такъ йи́халы бэзъ дэнь, а пэ́рэдъ вэ́чэромъ тра́фыў имъ ся лисъ. Йи́дутъ по тимъ ли́си—тай ни́чь ся зробы́ла ци́уко́мъ. А ту нэма́ а́ни ха́ты, а́ни ничо́го. Тогды́ вжэ пора́дылыся ночува́ты въ ли́си. Накла́лы сы огню́, ко́ни прыпия́лы до дэ́рэва, звары́лы соби́ йи́сты и ля́глы спа́ты. А дурно́го дъ со́би нэ пусты́лы и йи́сты му нэ да́лы. Тай винъ такъ на-бо́ци сво́го коня́ прыпня́ў и вжэ соби́ лэжы́ть. Ажъ въ ночы́ прыхо́дытъ до нэ́го воўкъ и ка́жэ: „Я тэбэ́ ззимъ!“ А винъ ка́жэ: „Нэ йижъ ты мэнэ́, на́-тоби́ пса!“ Воўкъ взяў пса, ззиў и пишо́ў соби́ гэтъ. Якъ имъ ся вжэ дэнь зробы́ў, ру́шылыся и пойи́халы да́ли; ти два впэрэ́дъ, а дурны́й сза́ду. И зноў заблуды́лыся въ ли́си, а на́-ничь зноў на самэ́ то ми́сцэ тра́фылы. Накла́лы огню́, зйи́лы вэчэ́ру тай полига́лы. А дурны́й соби́ на-бо́ци лягъ, якъ вчо́ра. Той воўкъ прыхо́дытъ знову и ка́жэ: „Я тэбэ́ ззимъ!“ — „Нэ йижъ ты мэнэ́, я тоби́ дамъ кота́.“ И воўкъ кота́ взяў и ззиў. Зноў ся дэнь зробы́ў, зноў оны́ йи́здылы цилы́й дэнь по ли́си тай нэ моглы́ вы́йихаты. А пидъ вэ́чиръ зноў на то самэ́ ми́сцэ тра́фылы ночува́ты. И той воўкъ прыйшо́ў идъ дурно́му и ка́жэ: „Я тэбэ́ ззимъ!“ — „Нэ йижъ ты мэнэ́, йижъ мо́го коня́!“—И воўкъ зйиў коня́ и пишо́ў. Тогды́ ся дэнь зробы́ў, оны́ забра́лыся и пойи́халы вжэ про́стоў доро́гоў, нэ блуды́лы.

А дурны́й идэ́ за ны́мы сза́ду пи́шки. Тай той самы́й воу́къ его́ здыбае и пытаеся: „Дэ ты йдэшь?“ А той му ка́жэ, жэ йдэ за золоты́мъ пта́хомъ. Тогды́ той воу́къ ка́жэ: „Сида́й на мэ́нэ, пойи́дэмо по то́го пта́ха!“ Винъ сиу́ и полэ́тилы, тыхъ двохъ бра́тиу́ далэ́ко сза́ду лышы́лы. Якъ вжэ прыййхалы пидъ па́ляцъ, дэ той птахъ буу́, ка́жэ воу́къ: „Тепэ́рь тамъ пидэ́шь до паля́цу и тамъ той птахъ бу́дэ въ золоті́й кли́тци; а́лэ жэбы́-сь то́го золото́го пта́ха нэ брау́, ино́ тамъ е въ дру́гій кли́тци такі́й малэ́нькі́й е́нчій пта́шокъ, то лышэ́ то́го абы́-сь брау́, а за ны́мъ прылэ́тытъ и самъ тамто́й. Тай тогды́, ка́жэ, скачы́ крузь викно́ на-долы́ну, ницъ ся нэ бій, бо я ся розкря́чу такъ, що упа́дэшь на мэ́нэ, якъ на по́душку“. Тай винъ пишо́у́ по то́го пта́ха, стау́ тай гадае сы: „На́-що я бу́ду брау́ то́го мало́го пта́ха? я возьму́ сы то́го, по котро́го-мъ прыйшо́у́, золото́го.“ И винъ ино́ ру́шыу́ за ту золоту́ кли́тку, а ту дзвинки́ за́разъ — дзэлэ́нь-дзэлэ́нь! Вартивныки́ ся посха́пувалы, злапа́лы го и завэлы́ пэ́рэдъ ци́сара. Тай ци́саръ ся пытае: „Чого́ ты ту́тка хо́чэшь?“ Винъ му тогды́ всё розповиу́: „Прыйшо́у́-емъ, ка́жэ, за пта́хомъ золоты́мъ.“ А ци́саръ ка́жэ такъ: „Якъ мэни́ золото́го пса прынэсэ́шь, то ты дамъ пта́ха.“ Винъ тогды́ пишо́у́ до во́у́ка и сказау́ му той антэ́рэсъ. А воу́къ ка́жэ: „А чы я тоби́ нэ казау́, абы́-сь нэ ру́шау́ то́го пта́ха? ну, а́лэ сида́й, пойи́дэмъ щэ за псомъ“. Прыйи́халы до то́го паля́цу, дэ буу́ золоты́й пэсъ. Тогды́ воу́къ ка́жэ: „Памята́й сы, нэ бэры́ само́го золото́го пса, ино́ тамъ е дру́гый — паршы́вый, то то́го бэры́, а пото́му скачы́ на мэ́нэ чэ́рэзъ викно́, нэ бі́йся ницъ!“ Пишо́у́ винъ до паля́цу и зноу́ гадае сы: „На́-що мэни́ то́го паршы́вого пса? я во́зьму то́го, котро́го мэни́ трэ́ба.“ А́лэ ино́ ру́шыу́ за ланьцу́хъ, а ту — дзэлэ́нь-дзэлэ́нь! Жоу́ня́ры поу́ставалы, взя́лы го и повэлы́ до ци́сара. Ци́саръ ся пытае: „Чого́ ты ту прыйшо́у́?“ — „Я хо́чу, ка́жэ, золото́го пса!“ Тогды́ ци́саръ ка́жэ: „Зна́ешь ты що́? е у одно́го ци́сара золоты́й кинь; диста́нь мэни́ то́го коня́, то я тоби́ дамъ мо́го пса.“ Прыхо́дытъ до во́у́ка и то ему́ ка́жэ. А воу́къ ка́жэ: „Що-жъ, колы́ ты мэнэ́ ни́гды слу́хаты нэ хо́чэшь! то вжэ ты чэка́й туй, а я по то́го коня́ самъ пи́ду; ино́, ка́жэ, памята́й, абы́-сь такъ за пиу́ годы́ны каза́у́:

гэй-гэй, мы́лый Бо́жэ, дэ е мій воўкъ?—бо якъ-бы-сь то нэ сказа́ў, то я бы вжэ нэ прыйшо́ў до тэбэ!“ Тай тогды́ воўкъ пигна́ў. Вжэ такъ за пиў годы́ны винъ сы нагада́ў тай ка́жэ: „Гэй-гэй, мы́лый Бо́жэ, дэ мій воўкъ?“ И обзыра́еся наза́дъ, а воўкъ вжэ е съ золоты́мъ конёмъ.

Тогды́ вжэ воўкъ ка́жэ такъ: „Мы то́го коня́ ци́саровы нэ дамо́! я во́зьму, ка́жэ, и пэрэке́нуся въ тако́го само́го коня́, а ты мэнэ́ веды́!“ Тай винъ пови́ў вжэ то́го коня́ (а́лэ то буў самъ воўкъ) до ци́сара, а правды́вого коня́ прыпняў въ ко́рчохъ. Пыта́еся ци́саръ: „Ну, е кинь?“—„Е!“—ка́жэ.—„А дэ?“—„А-во́!“—Тогды́ взяў ци́саръ то́го коня́, а ёму́ даў золото́го пса, тай винъ сы пишо́ў. Тай тогды́ ка́жэ: „Гэй-гэй, мы́лый Бо́жэ, дэ мій воўкъ?“ Тай за́разъ воўкъ ко́ло нэ́го ста́нуў. Взя́лы коня́ и пса и пойи́халы вжэ до дру́гого ци́сара по пта́ха. Алэ зноў такъ воўкъ пэрэке́нуўся золоты́мъ псомъ и винъ ёго́ пови́ў до ци́сара. Той пыта́еся: „А е пэсъ?“—„Е!“—И пока́зуе. Тогды́ ци́саръ взяў то́го пса, а пта́ха му золото́го даў. Винъ вы́йшоў и ка́жэ: „Гэй-гэй, мы́лый Бо́жэ, дэ мій воўкъ?“ Воўкъ ся ко́ло нэ́го зъявы́ў, тогды́ винъ забра́ў коня́, пса и пта́ха—и пишлы́. А тоти́, що винъ ни́бы полыша́ў ци́сарамъ, то все зноў счэ́зло, и кинь, и пэсъ, бо то воўкъ ся въ таке́ буў пэрэке́нуў, а пото́му ўтикъ. Алэ то нэ буў воўкъ, ино́ ді́яволъ. Тай вжэ тогды́ ка́жэ му воўкъ такъ: „Тэпэ́рь вжэ йидь про́сто до то́го ци́сара, дэ ся ма́ешь жэны́ты, нэ вступа́й нигдэ́, а́ни до ко́рчмы, нигдэ́!“ Посады́ў го на коня́ и вы́правыў, а самъ пишо́ў вжэ е́нчоў доро́гоў.

Той собі́ йи́дэ, а тамъ ко́рчма стоі́тъ пры доро́зи. А въ тій ко́рчми ёго́ бра́тья бу́лы. Оны́ йи́здылы по сьви́ти, стра́тылы вси гро́ши, а ничо́го нэ-знайшлы́, жа́дного тако́го пта́ха. И якъ той дурны́й йи́хаў ко́ло ко́рчмы, оны́ пизна́лы ёго́ и повыбига́лы. И повыта́лыся съ нымъ, а́лэ ра́дятся, я́къбы то ёго́ за́быты, абы́ видъ нэ́го ти золоти́ зви́ри́ забра́ты. Тай вы́провадылы го за ко́рчму кава́локъ, тамъ го за́былы тай ке́нулы въ ри́ў. А сами́ забра́лы все видъ нэ́го тай пойи́халы до то́го ци́сара.

А самы́й той воўкъ надійшо́ў тоў доро́гоў, ды́вытся, а той лэжы́тъ въ ро́ви мэртвы́й. А тамъ сда́лэку воро́на бу́ла съ малы́мъ вороня́ткомъ. Тай воўкъ зайшо́ў бо́комъ и зйима́ў

тото́ вороня́тко. Воро́на зача́ла го просы́ты за свою́ дитя́ну, абы́ пустыў. А винъ ка́жэ: „Я пу́щу, а́лэ мэни́ прынэсы́ жыву́щои воды́!“ Воро́на полэ́тила тай прынэсла́ ёму́ въ пы́ску то́и воды́ жыву́щои. Тогды́ винъ йій пустыў вороня́, а во́ду взяў, вляў то́му въ пы́сокъ, по-пидъ нисъ му потэ́ръ, и той ожы́ў. И тогды́ му ка́жэ воўкъ: „А вы́дышь, каза́ў-емъ тоби́, абы́-сь пигдэ́ нэ вступа́ў по-доро́зи, а ты нэ послу́хаў!“ Тай ка́жэ: „На́, я тоби́ дамъ таки́ скры́пки; иды́ съ тымъ до то́го ци́сара, тамъ вжэ ро́блятъ тво́и бра́тья вэсилье́; а́лэ, ка́жэ, оны́ тамъ вси смутни́, то якъ на тыхъ скры́пкахъ загра́ешь, то и мэртвы́й бы встаў“. И тогды́ вжэ воўкъ исчэ́зъ.

А тамъ у ци́сара, якъ тоты́ два бра́ти прывэзлы́ пта́ха, коня́ и пса, то вжэ ци́саръ каза́ў робы́ты вэсилье́, абы́ ся едэ́нъ съ ёго́ донькоу́ жэны́ў. Алэ хоть то ся вэсилье́ зачына́е, таки́ вси чого́-сь смутни́, пицъ нэма́ вэсэ́лосты, такъ, якъ-бы кого́ хороны́лы. Тай той дурны́й прыхо́дытъ на вэсилье́. Якъ на тыхъ скры́пкахъ загра́ў, така́ за́разъ охо́та ста́ла, якъ-бы нэ-зна́ты-що. Вжэ го бра́тья пизна́лы и настра́шылыся ду́жэ и посолови́лы. Гада́ютъ сы: „Що́ то е за спо́сибъ? мы го за́былы, а винъ ту зноў е!“ И ци́саръ го пизна́ў, и ци́сарова донька́. И винъ имъ тогды́ всё розповиў: що то винъ всё диста́ў, тоти́ золоти́ звири́, а́лэ го бра́тья за́былы и всё му видобра́лы. Тогды́ ци́саръ ёго́ ожэны́ў съ своёўдонькоу́, а тыхъ бра́тиў взяў и каза́ў на по́лы розстриля́ты.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

б). Такъ буў едэ́нъ ци́саръ и маў тры сыны́: два бу́лы му́дри, а трэ́тый дурны́й. И маў ду́жэ фа́йни чэрэ́шни, а́лэ ко́ждои но́чы хто-сь чэрэ́шни обрыва́ў. Тогды́ ци́саръ пысла́ў стэрэ́чы тыхъ чэрэшэ́нь на́йстаршого сы́на. Алэ той стэрэжэ́, тай здрима́ўся, а тогды́ що-сь прыйшло́ и чэрэ́шни обирва́ло. Дру́гои но́чы пишо́ў сэрэду́щій сынъ. И той засну́ў и що-сь чэрэ́шни обирва́ло. Тогды́ вжэ трэ́тои но́чы пишо́ў той дурны́й сынъ. Винъ наоко́ло чэрэ́шни обложы́ў тэ́рнёмъ и сиў на то тэ́рнье, абы́ го коло́ло, абы́ нэ засну́ў. Сы-

ды́тъ у ночы́—прылитáе золоты́й птáшокъ тай стаў чэрэ́шни обрывáты. А той го хопы́ў за фистъ, áлэ фистъ урвáўся, а птахъ уті́къ. Той дурны́й рáно встаў, кáжэ: „Вы́дытэ, тáту, я вамъ чэрэшэ́нь достэрі́гъ: то золоты́й птáшокъ чэрэ́шни обрывáе.“ Тай показáў тогды́ той фистъ. Алэ цисаровы дýжэ тоты́ пю́ра ся ўподóбалы, то кá-жэ до сыні́ў: „Йи́дьтэ вы и прывэзі́тъ мэні́ докóньчэ тóго птáха!“ Тоты́ два сыны́ мýдри взя́лы сы грóши и по́ конэ́вы, по тэ́нүому, и пойи́халы. А дурны́й взяў старý кобы́лу, яка́ найгі́рша булá, и взяў въ тóрбу шты́ры вирсяни паланы́ци, пойи́хаў тáкжэ.

Йи́дэ на свóйій кобы́ли и всэ йи по-пидъ чэ́рэво бье: гэй-гэй! Кобы́ла лэ́дво ли́зэ, бо дýжэ вжэ старá. Тай винъ прыйи́-хаў въ лисъ и кобы́лу пусты́ў на смыкаўкы́, а самъ сы спў и зачáў йи́сты паланы́цю. Тай йи́сть, а ту съ дрýгого бóку такъ воўкъ ды́вытся, такъ зубáмы клэ́нцае. Тай винъ кáжэ до вóўка: „Вóўку, чогó ты клэ́нцаешь зубáмы? я тобі́ па-ланы́ци нэ дамъ, а якъ хóчэшь йи́сты, то зйиджъ собі́ мóю кобы́лу!“ Тай воўкъ йимы́ў кобы́лу и зачáў йи́сты. Тогды́ той зайшóў тай вóўка хóпыў тай спў на вóўка. И кáжэ: „Колы́ ты мэні́ кобы́лу ззиў, то вэзы́ ты мэ-нэ́ тэпэ́рь!“ А воўкъ кáжэ: „Та вжэ тя повэ́зу!“

Тай винъ такъ на вóўку йи́дэ, а воўкъ пытáе го ся: „А дэ ты йи́дэшь?“—„Йи́ду, кáжэ, по золотóго птáха“.—Ну, воўкъ вжэ знаў, дэ той птáшокъ е, пигнáў. Тай прыйи́халы идъ вэлы́кому дворóвы. Тогды́ воўкъ кáжэ: „Той птáшокъ е ту въ двори́; áлэ якъ бýдэшь ёгó брáты, абы́-сь нэ́ браў ёгó съ клі́ткоў, абы́-сь ёгó самóго браў!“ Тай дурны́й пишóў, áлэ увы́диў, що то дýжэ крáсна зо-лотá клі́тка, то бэрэ́ вжэ и клі́тку. Алэ клі́тка загрэмо-ті́ла, жоўні́ры посхáпувалыся и кáжутъ: „Мы бы то-бі́ тóго птáшка дáлы, лышэ́ намъ прывэзы́ золотý бры́чку!“ Тай винъ спў на вóўка и пойи́хаў. Прыйиж-джáе до дрýгого дворá, тогды́ воўкъ кáжэ: „Иды́, áлэ якъ бýдэшь брáты золотý бры́чку, абы́-сь сидлá нэ браў!“ Тай винъ вы́котыў бры́чку, áлэ увы́диў, жэ сидлó срі́б-нэ лэжы́тъ, сподóбалося му, то пишóў щэ сидлó брáты. И то сидлó загрэмоті́ло, жоўні́ры ся посхáпувалы, кá-жутъ: „Нá-що то бэрэ́шь? привэды́ намъ золоті́ кóни, то тобі́ бры́чку дамó!“ Тогды́ винъ спў на вóўка тай пойи́хаў дáли.

Прыйиждҗáе до трэ́того двора́, тамъ му воўкъ кáжэ: „Иды́, бэры́ золоти́ кóни, áлэ абы́-сь уздэчки́ нэ браў!“ Винъ пишóў, вы́виў кóни, áлэ нэ вы́трымаў, вэрнýўся по уздэчки́. Тай уздэчки́ загрэмоти́лы, жоўни́ры ся посхáпували и кáжуть: „Нэ рушь тóго! прынэсы́ намъ пэ́ршэ золотý пáню, тó ты кóни дамó!“ Вы́йшоў, сиў на вóўка и пойи́халы. Прыйи́халы до чэтвэ́ртого двора́. Зноў воўкъ кáжэ: „Якъ бýдэшь ту золотý пáню брáты, абы́-сь нэ браў золотý корýну!“ Винъ пишóў и вжэ корýны нэ кéваў; ухóпыў золотý пáню, сиў на вóўка и пойи́хаў. Вступы́ў найпэ́ршэ по золоти́ кóни. Далы́ ёмý вжэ золоти́ кóни, тай пáнны нэ брáлы, лышы́лы му йи. Винъ пойи́хаў тогды́ по золотý бры́чку. Далы́ му бры́чку и кóни му лышы́лы й пáнну. Винъ тогды́ ўпрягъ въ бры́чку кóни, посады́ў пáнну на бры́чку и йи́дэ. Пойи́хаў щэ по золотóго птáшка. И зноў му птáшка дáлы за-дýрно, вы́купу нэ брáлы. Тогды́ винъ вжэ пойи́хаў до-дóму, а воўкъ пишóў собí е́нчоў дорóгоў.

На дорóзи зды́балы ёгó брáтья—такí обдэ́рти, обталáпани. Тай прóсятся: „Возьмы́ насъ на бры́чку!“ Винъ буў дýжэ щы́рый тай ихъ узя́ў. Алэ якъ оны́ посидáлы, тогды́ ся засмуты́ла пáни, и птáшокъ пэрэстáў сьпиваты, и кóни и бры́чка ся засмуты́лы, бо оны́ вжэ чýлы, що то яка́-сь бýдэ зрáда для ихъ пáна. Тай на дорóзи тоты́ два брáти взя́лы тай стя́лы дурнóму гóлову, тай гóлову вэ́рглы на едэ́нъ бикъ дорóгы, а тóлубъ на дрýгый бикъ. А самí пойи́халы додóму.

Такъ въ кíлька дниў той воўкъ найшóў тóго гóлову и пишóў шукáты тóлуба. Якъ найшóў и тóлубъ, зложы́ў го до гóловы рáзомъ и пишóў до свэ́и я́пты́ки, написъ мáстэй и змасты́ў, а той тогды́ ожы́ў и кáжэ: „Ой, я маў дýжэ твэ́рдый сонъ!“ А воўкъ кáжэ: „Спáў-бы-сь на-ви́ки, якъ-бы нэ я!“ Тай тогды́ пови́ў го до-дóму, до цíсара.

Тогды́ тамъ у дворí на подви́рью кáжэ до нёго воўкъ: „Видсýнь о-тý плы́ту!“ Той запэ́рся и плы́ту видсýнуў. Тогды́ воўкъ зáразъ ся зробы́ў чолови́комъ и кáжэ: „Мэнэ́ една́ бáба закля́ла на ты́сячу литъ на вóўка, ажъ ты мэнэ́ вы́купыў!“ Тай вжэ тогды́ звитáлыся и пишлы́ до покóйиў, до цíсара. А тамъ вжэ зачынáлы вэсильé

робыты, бо маў ся той найстаршый братъ съ золотоў паннoў побыраты. Алэ панна нэ хотила ся виддаваты тай плакала, тай пташокъ, кони и брычка—вси булы дужэ смутни. А якъ той дурный тамъ увийшоў, то кони ся звэсэлылы, пташокъ зачаў сьпиваты, а якъ го увыдила золота панна, то зачала ся сьмияты и зачала до нэго гальбу пыва пыты. Тай тогды вжэ винъ и той прынцъ, що буў на воўка заклятый, всё цисару розповилы: якъ старши братья дурного зрадылы и ёму голоў стялы. Тай винъ тогды вжэ съ тоў золотоў панноў ожэныўся, а братиў нагнаў гэть видъ сэбэ.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

24.

Герой освобождаетъ три царевны.

а). Маў эдэнъ коваль такого сына, що висимь литъ ссаў мамыну цыцьку и сыдиў за пьецомъ. Якъ вжэ по висьмохъ литахъ маў вылазыты зъ-за пьеца, казаў сы прыклыкаты кумиў, що го до хрэсту трымалы, а тогды якъ скочыў съ пьеца на зэмлю, то по колина ўгрязъ въ зэмлю, вжэ таку сылу маў. И тогды кажэ до тата, абы му зробыў зэлизну палыцю на тры цэтнари и на 50 сяжэнь доўгый ланьцухъ. И взяў сы свою частку маетку и пишоў соби съ нымъ въ сьвитъ.

Прыйшоў до одного сэла и вступыў до цэрквы змовыты молытвы. Прыходытъ до цэрквы, а тамъ трумно высытъ на воздухахъ само, нихто го нэ трымае. И винъ ся взяў людэй пытаты: „Що то е за такий спосибъ, жэ трумно высытъ само?" А людэ повидаютъ ёму такъ: „То буў бидный тай умэръ тай нэ виддаў никомудоўгиў, то якъ вжэ ёго прывэзлы съ трумноў до цэрквы, то трумно ся само взнэсло до-горы и высытъ такъ людямъ надъ головамы и нихто нэ можэ го зняты." Тогды той кажэ: „Килько той бидный грошэй вынэнъ, то я всё за нэго заплачу!" Тай посходылыся людэ, а винъ пытаеся: „Килько?" То одэнъ кажэ 100 срибныхъ, другый—50, тамъ знову 30, килько кому буў вынэнъ. Такъ

винъ кóждому заплатыў до ɣрáйцара, всі доўгы. И тогды вжэ тото трýмно упáло на зэ́млю и зáразъ его взя́лы и поховáлы.

А винъ собі дáли пишóў. Идэ́ бэзъ лисъ, а тамъ е хáта въ тимъ ли́си. Алэ щэ здыбаў два збýи, то оны вжэ всі тры рáзомъ пишлы́ до тóи хáты. Винъ тогды кáжэ одно́му: „Ты сиды въ хáти и вары́ ййисты, а я съ дрýгымъ пиду въ лисъ на полювáнье.“ Той вжэ наварыў ййисты дóбрэ, а тамъ ли́зэ до хáты малá дитына. И кáжэ до тóго збýя: „Пэрэсады мэнэ́!“ Винъ пэрэсадыў чэ́рэзъ пори́гъ.—„Посады на лáву!“—Посадыў.—„Дай мы ййисты!“—Винъ даў.—„Дай щэ!“—И гэтъ всё ззи́ло, що винъ наладыў на оби́дъ, всё до кáпли. И хти́ло щэ, áлэ винъ кáжэ, що вжэ нэмá ничóго. Тогды оно́ взя́ло и вы́дэрло ёму пасъ видъ шыи ажъ до крыжиў, чэ́рэзъ цили плэ́чи. Тогды винъ взяў, ўтикъ зъ хáты и вы́лизъ на бучкá кóло хáты. А оно́ взя́ло той пасъ, що зъ нэ́го сдэ́рло, пови́сыло на стині. Тоті прыхóдять обыдвá съ полювáня, ды́вятся, а ту нэмá ницъ, лышэ́ на стині вы́сытъ пасъ зо шки́ры. Тогды той кáжэ до збýя: „Тэпэ́рь вжэ ты вары ййисты, а я вжэ самъ пидý на полювáнье!“ Пишóў, а той ся лышыў. Такъ зноў наварыў ййисты, а ту зноў та дитына ли́зэ до хáты и зноў такъ кáжэ: „Витворы!“—Винъ витворыў.—„Посады мя на лáви! дай мы ййисты!“—И зноў такъ ййило-ййило, ажъ пóки всё ззи́ло. И потóму тóго збýя злáпало и вы́дэрло шки́ру на плэ́чохъ вжэ тóму дрýгому. Тай винъ ўтикъ зъ хáты. Утикáе, а той съ дэ́рэва крычы́тъ збуй: „Лизь сюдá, я туй!“ Тай винъ тáкжэ полі́зъ на бучкá. Прыхóдытъ той съ полювáня до-дóму—нэмá щó ййисты и никóго нэмá въ хáти, лышэ́ вжэ два пáсы на стині вы́сятъ. Винъ тогды взяў, постáвыў пáлыцю въ кути тай ланьцýхъ, зачынáе вжэ самъ варыты. А самэ́ тото зноў ли́зэ до хáты, та дитына. Тай кáжэ: „Отворы!“—Винъ витворыў.—Посады мэнэ́ на лáвку!“—Посадыў.—„Дай мы ййисты!“—А винъ кáжэ: „А я тобі зá-що дамъ ййисты?“ Якъ узяў собі пáлыцю, якъ зачáў биду бы́ты, гэтъ ся порозлывáла зъ биды кроў та мазь по цилі́й хáти. И оно́ полэ́тило зэмлэ́ў и робы́ло знакъ по зэмлы ажъ до тóи я́мы, дэ мэ́шкало.

А винъ тогды взяў ланьцýхъ и пáлыцю и йшоў за нымъ. А тоті два крычýтъ съ бýка: „Та мы ось-вó!“

Винъ ка́жэ: „Ходи́тъ сюда́, я вжэ биду́ побы́ў тай иду́ за нэў шука́ты.“ Оны́ тогды́ позлазы́лы и пишлы́ вси тры за тымъ сьлидо́мъ. И прыйшлы́ до то́и я́мы, дэ оно́ поли́зло. Тогды́ винъ ка́жэ едно́му: „Лизь ты!“ А той нэ хо́чэ. Ка́жэ дру́гому — нэ хо́чэ. Тогды́ винъ поли́зъ самъ и ка́жэ: „Трыма́йтэ ланьцу́хъ мо́цно и спуска́йтэ мэнэ́ на-долы́ну!“ И его́ спусты́лы ажъ на́-дилъ у я́му. Винъ ды́вытся, а то бу́ло пэ́кло. И е тамъ той малы́й дія́волъ, що буў у ныхъ въ ха́ти. Якъ оба́чыў то́го, за́разъ ўтикъ. Той зача́ў рэ́шту дія́волиў па́лыцэў бы́ты, ажъ порозлита́лыся вси, ино́ ся лышы́ў едэ́нъ найста́ршый, бо буў прыпня́тый на ланьцуху́. И винъ ся тогды́ взяў до то́го найста́ршого до бі́йки, такъ его́ бье. Той ка́жэ: „Що хо́чэшь, то тобі́ дамъ, лышэ́ мя нэ бый!“ А оны́ тамъ ма́лы, тоті́ дія́волы, тры панны́, бо ихъ укра́лы зо сьві́та. То той ка́жэ: „Ницъ нэ хо́чу, ті́лько мы ти панны́ виддай!“ И дія́волы ему́ тогды́ ихъ вжэ да́лы.

А винъ взяў коры́то, прывяза́ў до то́го ланьцуха́ и всады́ў до нэ́го найста́ршу па́нну. А тоті́ кумпа́ны на-горі́ потяглы́ ланьцу́хъ на-гору́ съ тоў па́нноў. И такъ вы́тяглы вси тры панны́ на-гору́. Алэ видъ наймоло́дшои той собі́ взяў сэ́ўнатъ зъ рукы́ на знакъ. А самъ ся щэ лышы́ў на-спо́ди. Тогды́ тоті́ збу́и на-горі́ зача́лыся спэрэча́ты за тоту́ наймоло́дшу па́нну, бо бу́ла ду́жэ фа́йна, то ся оба́ хті́лы съ нэў жэны́ты. Алэ она́ каза́ла, що ті́лько за то́го пидэ́, що йи вы́купыў, бо му да́ла сэ́ўнатъ. И оны́ тогды́ вжэ спусты́лы ланьцу́хъ по нэ́го, а́лэ ся намо́вылы, жэ якъ пидтя́гнутъ такъ гэй до половы́ны, то пу́стятъ, абы́ ся за́быў. А его́ душа́ вжэ ту зра́ду чу́ла, то винъ взяў и положы́ў въ коры́то ка́минь: що́ то зъ то́го бу́дэ? Оны́ пидтя́глы до половы́ны тай — бэў! — пусты́лы наза́дъ, ажъ ся коры́то розбы́ло. Тай тогды́ забра́лы тоті́ панны́ тай пишлы́ наза́дъ до то́и ха́ты въ ли́си.

А той зноў тамъ въ пэ́кли пишо́ў тай бье дія́волиў, а найбі́льшэ то́го найста́ршого. Той про́сытся: „Що хо́чэшь, то́ ты дамо́, лышь мы дару́й жытье!“ А винъ ка́жэ: „Ницъ нэ хо́чу, ино́ мя вы́нэситъ на-сьви́тъ!“ И дія́волъ взяў его́ и вы́нисъ.

Тогды́ винъ прыхо́дытъ до то́и ха́ты. Збу́и е обыдва́, а́лэ панны́ў нэма́, бо дія́волы ихъ зно́ву ўкра́лы и вы-

пэслы на склянну гору. Винъ тогды взяў тыхъ збуйнў ганьбыты, то сё, то то́, жэ ёго́ хтилы забыты, а пото́му ка́жэ до ныхъ: „Я вжэ зна́ю, дэ тоти́ панны́ е; ходи́тъ, ка́жэ, зо мноў!“ И оны́ прыйшлы́ такъ ажъ пидъ склянну́ гору́. А тамъ нэма́ ницъ, а́ни стэ́жки, ни драбы́ны, ти́лько самэ́ шкло. Ажъ на сами́мъ вэршку́, гэтъ пидъ о́блакомъ, вы́дно бу́ло ти панны́. Та нэма́ яки́мъ спо́собомъ до ныхъ ся диста́ты. Алэ тамъ ся пасъ кинь стары́й въ ли́си, то винъ го за́быў, шки́ру здойми́ў, обэрну́ў шэ́рстэў въ сэрэды́ну и каза́ў сво́имъ кумпа́намъ, абы́ го въ тоту́ шки́ру зашы́лы. И взяў тамъ съ собо́ў па́лыцю и ланьцу́хъ. И каза́ў имъ: „Вы соби́ постава́йтэ на-бо́ци и сті́йтэ!“ Оны́ го зашы́лы, а тогды́ прылэ́тиў такі́й птахъ вэлы́кій, гада́ў, що то мя́со, взяў то мэ́жы ла́бы и вы́нисъ ажъ на саму́ гору́, бо винъ тамъ на гори́ маў ди́ты. Тай взяў ту шки́ру дзёбаты, ди́тёмъ розрыва́ты, тай зробы́ў въ шки́ри диру́. Той тогды́ звидтамъ па́лыцэў яў ма́хаты, а птахъ зля́кся тай полэ́тиў на́-бикъ. Винъ вы́лизъ тогды́ зи шки́ры, ды́вытся, а тамъ панны́ сыдя́тъ на гори́, а ко́ло ныхъ той самы́й ді́яволъ, що буў тамъ въ ха́ти, пыльну́е. Якъ оба́чыў ёго́, то такъ зъ горы́ полэ́тиў, що го нихто́ и нэ выда́ў. А ти панны́ якъ оба́чылы ёго́, то ся ду́жэ ути́шылы, гада́ютъ сы: „Мо́жэ винъ насъ якъ звидсы зноў вы́ратуе!“ Тогды́ винъ взяў ланьцу́хъ и пома́лу спусты́ў пэ́ршэ едну́, пото́му дру́гу, а пото́му й трэ́ту па́нну на-долы́ну. А пото́му вжэ що́-жъ робы́ты? Сиў тай пла́чэ. Нэма́ кому́ ланьцуха́ потры́маты, а́ни дэ зачипы́ты, бо то самэ́ шкло.—„Тэпэ́рь вжэ—гада́е соби́—тутъ мэни́ смэрть бу́дэ!“

Въ тимъ прылита́е до нэ́го малэ́нькій пта́шокъ тай сиў ко́ло нэ́го тай пыта́еся: „Чого́ ты пла́чэшь?“ А винъ взяў му повида́ты, що нэма́ якъ зли́зты зъ горы́ и трэ́ба тутъ пропада́ты. Алэ пта́шокъ ка́жэ: „Цытъ, нэ плачъ! сида́й на мэ́нэ, то я тэбэ́ знэсу́ на́-дилъ.“ А винъ усьмихну́ўся тай ка́жэ: „Дэ-жъ ты мэнэ́ знэсэ́шь, колы́ ты такі́й малэ́нькій, якъ кулачо́къ?“ Птахъ тогды́ ка́жэ: „Ты ся нэ журы́! я вжэ тэбэ́ знэсу́, най я бу́ду малэ́нькій!“ Тогды́ якъ розпусты́ў кры́ла, то такі́й вэлы́кій ся зробы́ў, що бы ся и штыры такі́ хло́пы зми́стылы. И взяў и знисъ го на́-дилъ и ка́жэ: „А зна́ешь ты, хто тэбэ́ знисъ на́-дилъ?“—„Та дэ́, ка́жэ, ни, нэ зна́ю!“—„Зна́ешь, що ты за мэ́нэ заплаты́ў въ цэ́рквы доўгы́? то я тэпэ́рь прыйшо́ў и поми́гъ тоби́ видъ

смэ́рты!“—А то нибы була́ тота́ душа́, що вы́сила тамъ въ цэ́ркви на-публи́ку. Тай потóму той пташокъ счэзъ.

А той ды́вытся—панни́ў вжэ нэма́. Тоти́ збу́п гада́лы, що винъ вжэ пэ́внэ нэ злизэ зъ горы́, тай взя́лы ихъ и повэлы́ до ихъ та́та, до ци́сара. Тай вжэ тамъ ма́лы съ ты́мы панна́мы вэсилье́ робы́ты. А винъ тогды́ пишóў за ны́мы до тóго ми́ста. Прыхóдытъ тамъ на вэсилье́ и показа́ў той сэ́ɣнатъ, що маў на руци́ видъ наймоло́дшои па́нны. А она́ вжэ тогды́ за жа́дного нэ хти́ла и́ты, ти́лько пишла́ за нéго.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

б). Буў ци́саръ и цисаро́ва и нэ ма́лы дитэ́й и ду́жэ ся тымъ смуты́лы. Алэ една́ ворожбы́тка така́ ся найшла́, прынэ́сла разъ ры́бу и такъ каза́ла до цисарóвои: „На́, ту ры́бу звары́ и зйиджъ, то бу́дэшь ма́ла ди́ты!“ Куха́рка ту ры́бу зварыла, вы́льляла на полу́мысокъ и занэ́сла цисарóвій, и та ззи́ла. Алэ щэ ся въ горня́ты ку́спычокъ лышы́ў, то куха́рка сама́ взя́ла и ззи́ла. И потóму цисарóва породы́ла тры дóньки, а куха́рка хлóпця. Алэ ба́ба-ворожбы́тка взя́ла тай злымъ запрода́ла тоты́ тры дóньки цисарóвои. Зли прыйшлы́ въ почы́ тай тоты́ тры дóньки ўкра́лы. А куха́рки хлóпэць рисъ та́мка, а якъ вжэ пидри́съ вэлы́кій, ка́жэ до ци́сара: „Ца́ру, я вжэ кóло васъ нэ бу́ду, йду шука́ты ва́шыхъ донéкъ.“ Тай ци́саръ му даў грóшэй и винъ пишóў.

Идэ́, а на дорóзи здыба́ўся съ яки́мы-сь двома́ робі́тныкамы.—„Ходи́тъ, ка́жэ, зо мноў, абы́ мэни́ нэ бу́ло самóму ску́чно!“—Тай пишлы́ въ лисъ, а въ ли́си такі́й буў хлопъ, що за́разъ всё запюха́ў, дэ що е. То винъ на вси штыры стóроны попюха́ў тай такъ ка́жэ: „Твои прынцэ́зны сутъ дэ-сь на за́хидъ сóньця, а́лэ нэ зна́ю дóбрэ дэ? иды́, ка́жэ, да́ли, тамъ дру́гый такі́й бу́дэ, тó ты ўпови́сть.“ И винъ тогды́ пишóў на за́хидъ сóньця и найшóў такóго дру́гого хлóпа и ўпови́ў му, за чымъ шука́е. А той вы́йшоў, на вси штыры ча́сты попюха́ў и ка́жэ: „Сутъ на за́хидъ сóньця, а́лэ тамъ щэ бу́дэ трэ́-

тый такі́й, то́ ты ўпови́сть до́брэ." Прыйшо́ў идъ трэтому, розповиў му, дэ йдэ, чого́ шука́е, а той вы́йшоў, попюхаў тай ка́жэ: „Сутъ пэдалэко: иды́ на за́хидъ со́ньця, тамъ е гости́нэць горо́ў вы́ризаный, якъ до Станисла́вова, и тамъ пры тимъ гости́нцы по ли́вимъ бо́цп е керни́ця, 200 ся́жэнь глубо́ка, то тамъ пидъ зэмлэ́ў у тій керни́цы сутъ ти прынцэ́зны; а́лэ, ка́жэ, ты ихъ нэ диста́нэшь, лышэ́ смэ́рты пожы́ешь!"

Тай оны́ тогды́ пишлы́ ажэ́нь идъ тій я́ми. Тоты́ роби́тныки его́ на шну́ри спусты́лы у тоту́ я́му, а имъ винъ каза́ў чэка́ты тамъ на него́ тры дны. — „А якъ-бы-мъ ся, ка́жэ, до трёхъ днив нэ вэрнуў, то абы́-сьтэ гэть пшлы́!"—Тай спусты́ўся у я́му тай тогды́ пишо́ў до найста́ршои прынцэ́зны. Алэ опа́ ся ду́жэ ўти́шыла тай ка́жэ: „Чого́ ты ту прыйшо́ў? та́-жэ, якъ мій чолови́къ при́йдэ, то тя за́бье!" „Нэ бі́йся!- винъ йій ка́жэ. Опови́джъ мэни́, що́ твій чолови́къ йи́сть?"—Опа́ ка́жэ: „Йисть ипў вола́ и пиў бочи́ўки пы́ва пье."—„Дай, ка́жэ, тото́ мэни́ зйи́сты!"—Тай тото́ ззиў и пишо́ў пидъ мистъ, куды́ той злый маў иты́. Тай той злый прыйи́хаў на коны́, а винъ ка́жэ зъ-пидъ мо́ста: „Гоў! стань!"—„Що ты хочь видъ мэ́нэ?"—„Хо́чу ся бы́ты! я тя, ка́жэ, за́разъ ту́тка погребу́!"—Якъ ся пирва́лы боро́ты, якъ злымъ хо́пыў, якъ нымъ гэ́пиуў, лышь ся ропа́ зъ нэ́го зробы́ла. Винъ тогды́ пишо́ў до сэрэду́щои прынцэ́зны. А опа́ ка́жэ: „Чого́ ты сюда́ прыйшо́ў? мій чолови́къ тэбэ́ за́бье!" „Нэ бі́йся, нэ за́бье! лышэ́, ка́жэ, пови́джъ ты мэни́, що́ твій чолови́къ йи́сть?"—„Йисть цило́го вола́ и цилу́ бо́чку пы́ва пье." „Дай то мэни́ зйи́сты!" Попойи́ў, напы́ўся и пишо́ў пидъ мистъ. Той йи́дэ па коны́ злый, а винъ ся вы́хопыў зъ-пидъ мо́ста, тай до нэ́го. А злый ка́жэ: „Ага́, то ты мо́го бра́та ўбыў? ходы́, пидэ́мъ ся оба́ боро́ты!" Якъ ся хо́пылы боро́ты, якъ той злымъ пи́рваў, зпоў ся зъ него́ ропа́ зробы́ла. Тогды́ вжэ пишо́ў до наймоло́дшои. Опа́ ка́жэ: „Йой, та мій чолови́къ при́йдэ за ква́дрансъ, то тя за́бье!"—„А що́ твій чолови́къ йисть?"- „Йисть два во́лы и пье дви бочи́ўки пы́ва."—Дала́ му то зйи́сты, винъ ззиў все́. Тогды́ му щэ та прынцэ́зна ка́жэ: „Ой, мій чолови́къ найстрашні́йшый! то йды, тамъ пидъ мо́стомъ стоя́тъ бочки́ съ водо́ў, то съ пра́вого бо́ку бо́чку пэрэко́тышь на ли́вый бикъ, а тоту́ съ ливо́го на пра́вый;

а потóму, кáжэ, якъ бýдэшь съ нымъ ся борóты, якъ ся змý-чышь, то абы́-сь тотý вóду пыý съ ливóго бóку, бо тотá водá сыльнiйша.“ Тай вáнъ пишóў пидъ мистъ, пэрэстáвыў бочкú тай ждэ. Ажъ той злый йидэ. Тай почýў ёго сдáлэку тай клы́чэ: „Ходы́-ходы́, бýдэмо борó-тыся, бо ты мóихъ два брáти зáбыў!“ Зачáлы ся борóты, тай нэ мигъ никóтрый никотрóго зáбыты. Кáжэ тогды́ злый: „Ходúмъ тэпэ́рь вóду пы́ты, бо-сьмо ся помýчылы!“ Алэ той напы́ўся съ ливóи бóчки, а злый съ правóи. Тай тогды́ ся вы́хопылы, якъ хлопъ тымъ злымъ кéнуў, то ся лышэ́ зъ нéго ропá зробы́ла. Винъ тогды́ пишóў, забрáў вси тры прынцэ́зны идъ тiй я́ми. Тамъ ихъ тоты́ робúтныки зъ-горы́ повытягáлы по-éднiй на шнý-ри на-горý. Алэ якъ вжэ тоты́ прынцэ́зны вы́тягнулы, тогды́ той прывязáў до шнýра тяжкíй кáминь, абы́ спробу-вáты, щó оны́ зрóбятъ? Ти вы́тягнулы до пиў я́мы, а тогды́ кáминь пусты́лы: оттакé бы и съ нымъ бýло. Тай тогды́ за-брáлы тоты́ прынцэ́зны и пишлы́ сы ажэ́нь до цú-сара. Пишлы́ тай сказáлы, що то оны́ вы́купылы тотú прын-цэ́зны.

А тóго лышы́лы тáмой у я́ми. Ходы́ў винъ такъ тры дны, áлэ ницъ нэ порáдыў. Тогды́ злэ́тиў орэ́ў у почы́н кáжэ до нéго: „Чогó ты такъ хóдышь?“ Винъ кáжэ, жэ тóго й тóго, жэ нэ мóжэ на-сьвúтъ вы́йты. Тогды́ ёмý орэ́ў кáжэ: „Я йду гэтъ, áлэ ту о 12-iй годы́ни спáдэ óлинь, то абы́-сь ся дóбрэ чэпы́ў, то винъ тя вы́нэсэ на-горý.“ О 12-iй годы́ни óлинь упáў, винъ ся го ўхóпыў и мóцно трымáў. Олинь го хóчэ звэрэ́чы, áлэ винъ ся нэ даў, тай го такъ óлинь вы́нисъ на-горý. И тогды́ го остáвыў, áлэ му даў такú тры волоскú, що съ ны́мы, якъ покрý-тытъ, мóжэ залэ́титы, дэ хóчэ. Тай щэ винъ маў съ собóў тотú рúчы, що взяў тамъ зъ я́мы: видъ стáршои прынцэ́зны чэрэвы́ки, видъ сэрэдýщои такé сы́тко на óчы чóрнэ, а видъ наймолóдшои корýнку. То винъ забрáў съ собóў, якъ лэ́тнў зъ я́мы.

Тай пишóў собú такъ, наймы́ўся въ тимъ мúсти, дэ той цúсаръ буў, у еднóго ковалá за чэля́дныка. Алэ другú чэля́дныки дáлы ёмý такíй млотъ, жэ нэ мóжъ пидня́ты, такíй тяжкы́й: цы бýдэ винъ тымъ бы́-ты? А винъ якъ тымъ млóтомъ взяў, якъ удáрыў въ

ба́бу, то и ба́ба залэ́тила и ко́ўбыця въ зэ́млю, ажъ нэ вы́дно ничо́. Побиглы чэля́дныки до коваля́, до старо́го, да́лы зна́ты. Прыхо́дыть кова́ль, ка́жэ то выко́пуваты. Оны́ выко́пують, а́лэ му́чатся, нэ мо́жуть, а винъ ся сьміе́. Тай якъ взяў еднo̊ў рукo̊ў, тай вытягъ все̂. Тай тогды́ стаў за чэля́дныка. И разъ даў му кова́ль па́ру ры́ньскихъ, ка́жэ: „Иды́, купы́ зэли́за!“ Винъ съ ты́мы гри́шмы пишо́ў на трахты́рню, попо́йиў, вы́пыў, тай стра́тыў гро́ши. Алэ пишо́ў до склэ́пу тай все̂ зэли́зо повыноси́ў на-дви́ръ. Пыта́ются жыды́: „На́-що ты выно́сышь тото́? нэ рушь!“ Алэ винъ то взяў на плэ́чи все̂ зэли́зо тай пишо́ў съ тымъ до коваля́, нэ заплаты́ў. Разъ зноў трэ́ба бу́ло муки́, нисла́ла го кова́лька за мукo̊ў. Винъ гро́ши зноў розтра́тыў, а́лэ пишо́ў до склэ́пу, забра́ў сы вси мыхи́ съ мукo̊ў, яки́ бу́лы въ склэ́пи, на плэ́чи, тай забра́ўся и пишо́ў. Жыды́ въ крыкъ, зачэ́лы би́чы за нымъ, а́лэ ся пото́му боя́лы, тай ся вэрну́лы. Тогды́ вжэ ка́жэ кова́ль до жи́нки: „Его́ нэ трэ́ба нигдэ́ посыла́ты, бо будэ́ нэсчи́стье!“ Тай винъ тамъ вжэ лышэ́ робы́ў въ ку́зны.

Алэ та найста́рша прынцэ́зна да́ла такі́й ро́зказъ: „Якъ мэни́ хто таки́ чэрэвы́ки вы́плэтэ, якъ я у я́ми плэ́ла, то диста́нэ вэлы́ку нагоро́ду!“ Тогды́ той ка́жэ ковалэ́вы: „Иды́, кажы́, що ты таки́ чэрэвы́ки вы́плэтэшь!“ Алэ кова́ль нэ хоти́ў иты́, боя́ўся. — „Якъ нэ пи́дэшь, ка́жэ, то тя за́бью!“ — Тогды́ кова́ль пишоў до прынцэ́зны и ка́жэ: „Я чэрэвы́ки вы́плэту и прынэ́су за тры дны.“ Тогды́ прыйшо́ў кова́ль до то́го сво́го чэля́дныка и ка́жэ: „Ну, плэты́ чэрэвы́ки, абы́ за тры дны бу́лы гото́ви!“ Алэ той му ка́жэ: „Э, я соби́ посли́дного дня вы́плэту, щэ ма́ю часъ.“ Ажъ прыйшо́ў трэ́тый дэнь, кова́ль ду́жэ упу́дыўся, що щэ чэрэвы́киў нэма́. Тогды́ той ка́жэ чэля́дныкъ: „Поста́ў мы ту пиў ки́рця воло́скихъ ори́хиў и пиўбочи́локъ пы́ва, то бу́дуть чэрэвы́ки.“ Му́сиў кова́ль ёму́ то да́ты. Алэ пото́му слу́хае пидъ двэрмы́—пычь нэ чу́ты: той нэ майштру́е ницъ, лышэ́ тоўчэ́ ори́хи и пье пы́во. Кова́ль съ кова́лькоў пла́чэ, бо бида́ бу́дэ видъ прынцэ́зны. Алэ пото́му той вы́ймыў ти чэрэвы́ки, що маў зъ то́и я́мы, тай положы́ў на ба́бу, а самъ сы лягъ и спытъ. Вхо́дыть кова́ль тай чэрэвы́ки узя́ў тай пони́съ до прынцэ́зны. Алэ она́ ма́ла на дру́гый дэнь astaváты вжэ до слю́бу съ тымъ едны́мъ робитныкомъ, що йи вытягнуў зъ

я́мы. Тай тогды́ ковалэ́вы нагоро́ду вэлы́ку за ти чэрэвы́ки да́ла тай про́сытъ го вжэ тамъ на то вэсильé на зá̆утра. А пото́му ся го пытáе: „Цы ты то робы́ў самъ, ти чэрэвы́ки?“ —„Ньe, кáжэ, я мáю чэля́дныка тако́го.“—Того просы́ла, абы́ прыходы́ў рáзомъ съ тымъ чэля́дныкомъ на вэсильé. Прыхо́дытъ ковáль до-до́му, кáжэ до чэля́дныка, жэ го просы́лы на вэсильé до цы́сара. Ковáль нэ йшоў, áлэ чэля́дныкъ ся ра́но збраў, розвязáў собі́ чо́рный во́лосъ видъ то́го о́лэня, то зáразъ зробы́ўся вэлы́кій панъ и кинь пидъ нымъ стáнуў чо́рный. Тогды́ полэ́тиў ви́тромъ на то вэсильé. И здыбаў вжэ вэсильé на сэлі́, жэ йдутъ до цэ́ркві. Схо́пыўся съ коня́, ўхо́пыў молоду́-прынцэ́зну по-пидъ бокі́, а то́го робі́тныка, що съ нэў ставáў до слюбу, гэтъ видтру́тыў, тай повіў йи самъ до слюбу. Пото́му видъ слюбу йи зноў вы́виў, áлэ го про́сятъ на вэсильé—нэ хо́чэ йты. Сиў на сво́го коня́ и полэ́тиў ажъ до коваля́.

Пото́му вжэ дру́га сэстрá кáжэ: „Хто мэні́ такé сы́тко на о́чы вы́плэтэ, якъ я плэ́ла, то дистáнэ вэлы́ку нагоро́ду!“ Тогды́ ковалі́ў чэля́дныкъ кáжэ до коваля́: „Иды́ и кажы́, що ты то вы́плэтэшь, нэ бі́йся!“ Пишо́ў ковáль и сказáў: „За тры дны прынэ́су.“ Вжэ мынáе два дны, а чэля́дныкъ сы́тка нэ плэтэ́. Прыйшо́ў трэ́тый дэнь, винъ собі́ тогды́ казáў дáты тры чвэ́ртки воло́скихъ орі́хиў и бочі́ўку пыва. Тай зноў ницъ нэ ро́бытъ, лыно́ орі́хи тоўчэ́ и пы́во пьє. Ажъ вы́ймыў то сы́тко, положы́ў на бáбу, а самъ уснýў. Ковáль взяў сы́тко тай понí́съ. А тамъ сэрэду́ща прынцэ́зна мáла зá̆утра робы́ты вэсильé съ тымъ дру́гымъ робі́тныкомъ. Дáлы ковалэ́вы гро́ши и зноў ся пытáютъ: „Цы ты самъ робы́ў, цы мáешь чэля́дныка?“—„Мáю, кáжэ, тако́го чэля́дныка.“—Тогды́ му кáжутъ, абы́ прыходы́ў на вэсильé съ тымъ чэля́дныкомъ. На дру́гый дэнь вы́ймыў той собі́ сы́вый во́лосъ—зробы́ўся зъ нёго панъ въ сы́вимъ мунду́ри и зробы́ўся сы́вый кинь пидъ нымъ. Винъ зноў полэ́тиў повітёмъ, а тамъ вэсильé вжэ до слюбу идэ́. Винъ молоду́ тогды́ зноў видвí́ў по-пидъ бокі́ до слюбу и зъ слюбу йи зноў видвí́ў, а пото́му сиў на коня́ тай полэ́тиў гэтъ.

Вжэ ся виддаé тэпэ́рь наймоло́дша прынцэ́зна за одно́го цысáрского сы́на. Алэ кáжэ: „Хто мы таку́

корýнку вы́плэтэ, якъ я плэ́ла, то бýдэ ставáты зо мноў до слюбу, а той цисáрскый сынъ пидэ́ гэтъ.“ Той то ўчуў и пислáў ковaля́ такъ до нэи, жэ вы́плэтэ до трёхъ днıў. Алэ чэ́рэзъ два дны ницъ нэ плэтэ́. Ажъ казáў сы дáты корэ́цъ ори́хиў и дви бочи́ўки пыва. Ковáль му то даў, а винъ собі́ йиў-пыў, ажъ трэ́того дня рáно положы́ў корýнку на бáбу тай тогды́ лягъ спáты. Прыйшóў ковáль, корýнку видни́съ тай зноў тамъ такъ сказáў, жэ то его́ чэля́днынъ робы́ў. Дáлы ёмý нагорóду, а тóго чэля́дныка просы́лы на зáўтра, абы́ ставáў до слюбу. Алэ винъ нэ прыходы́ў. Чэкáлы-чэкáлы, тай вжэ той цисáрскый сынъ вэдэ́ прынцэ́зну, вжэ мáє съ нэў ставáты до слюбу. Той тогды́ розвязáў би́лый вóлосъ, то стаў пáномъ на би́лимъ коны́. Тогды́ полэ́тиў повитёмъ и здыбаў вжэ вэсильé на дорóзи. Загальтовáў тогды́ то вэсильé и пытáеся: „Чыé то вэсильé?“ Повидáютъ ёмý, що цисáрскый сынъ ся жэ́ныть съ прынцэ́зноў. Тогды́ винъ имъ розповиў, жэ то винъ ти прынцэ́зны зъ-нидъ зэмли́ вы́купыў и жэ ти ри́чы имъ прынисъ. Тогды́ ёго́ вжэ спизнáлы и зачáлыся съ нымъ вытáты. Тай той цисáрскый сынъ гэтъ собі́ пишóў, а винъ вжэ тогды́ стáнуў съ тоў наймолóдшоў прынцэ́зноў до слюбу. А ти дви стáрши сэ́стры лышы́ў вжэ тымъ двомъ робíтныкамъ, áлэ ихъ гэтъ пагнáў въ е́нчый край за зрáду.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

25.

Медвежье-ушко.

Буў едэ́нъ панъ и пишóў такъ съ пáнэў у лисъ на я́годы. А тáмка йшоў мэдви́дь, то панъ ути́къ, áлэ пáню поймáў мэдви́дь. Тай тогды́ пови́ў пáню до своéи я́мы и жыў такъ съ нэў тры рóкы. И вжэ онá мáла видъ тóго мэдвэ́дя хлóпця и плэкáла го. А въ тры рóкы кáжэ пáни до мэдвэ́дя: „Я вжэ въ тэ́бэ тры рóки, а щэ-мъ ся нэ мы́ла; иды́, прынэсы́ мэни́ воды́!“ Алэ дáла му на вóду рэшэтó, и мэдви́дь пишóў за водóў. Тогды́

ка́жэ она́ идъ хло́пцёвы: „Сыну́ню, иды́, потрясы́ ду́бомъ, цы мо́цный ты вжэ?“ Винъ вы́лизъ изъ я́мы, потря́съ —лышёнь съ ду́ба гыльлье́ опа́ло. Ка́жэ ма́ты: „Ой, щэ-сь за слабы́й, щэ нэ бу́дэмъ утика́ты.“ И мэдви́дь прыни́съ во́ду, она́ ся обмы́ла, тай ни́цъ. И пото́му щэ тры ро́кы плэка́ла то́го хло́пця. И по трёхъ ро́кахъ зноу́ пысла́ла мэдвэ́дя съ рэшэто́мъ по во́ду, а тогды́ ка́жэ до хло́пця: „Полі́зь, сы́ну, потрясы́ ду́бомъ, цы мо́цный ты?“ Якъ потря́съ ду́бомъ, то дубъ вы́вэрнуу́ся зъвсі́мъ на зэ́млю.—„Ну, ка́жэ, вжэ мо́жэмъ утика́ты!“—Вы́йшлы, утыка́ютъ зъ я́мы. Ды́вятся, а мэдви́дь вжэ лэты́тъ за ны́мы, доганя́е. Тогды́ хло́пэць ка́жэ: „Вы, ма́мо, у́тика́йтэ, а я ста́ну до не́го.“ Прылэ́тиу́ мэдви́дь, той якъ хо́пыу́ мэдвэ́дя, якъ нымъ вэргъ, тай за́быу́ мэдвэ́дя. И прыйшлы́ тогды́ до то́го па́на, що его́ та па́ни бу́ла. То панъ ся ду́жэ у́ти́шыу́, и вжэ тамъ γаздува́лы ра́зомъ. А то́го хло́пця тамъ называ́лы Мэдвэ́жэ-у́шко.

На вэ́сну трэ́ба вы́вэзты у по́лэ гній. Тогды́ хло́пэць до па́на ка́жэ: „За́быйтэ кі́лька воли́у́ и сшы́йтэ мэни́ зъ тыхъ шкиръ михъ, то я забэ́ру всій гній и вы́нэсу самъ на по́лэ.“ Алэ панъ ка́жэ: „Та шко́да воли́у́: чымъ бу́дэмъ вэснува́ты?“ — „Э-що́, я й бэзъ воли́у́ самъ повэсну́ю!“—Тай сшыу́ собі́ такій михъ и вы́нисъ всій гній на по́лэ.—„Тэпэ́рь, ка́жэ, прода́йтэ ко́ни, а я ся запряжу́ у плугъ и бу́ду ора́ты.“ И такъ зробы́лы. Повэснува́у́ гэтъ всё самъ, бэзъ худо́бы. Алэ по тимъ панъ его́ вжэ боя́у́ся ду́жэ и хоти́у́ его́ стра́тыты.—„Бу́дэмо, ка́жэ, копа́ты керны́цю!“—Ко́плэ вжэ то Мэдвэ́жэ-у́шко керны́цю, выкопау́ ду́жэ глубо́ку. А панъ купы́у́ вэлы́кій дзвинъ зэлі́за тай каза́у́ то тамъ ссу́нуты на то́го хло́пця до керны́ци; то шты́ры хло́па лэ́дво зсу́нулы тай пусты́лы у керны́цю. Алэ той, якъ то увы́дпу́, то ти́лько поду́у́ въ-гору́, а дзвинъ ся навэрну́у́ назадъ до-горы́ и тамъ щэ за́быу́ два хло́пы. Алэ вы́лизъ той зъ я́мы и ка́жэ: „То вы мэнэ́ хо́чэтэ за́быты за мо́ю слу́жбу? я вжэ собі́, ка́жэ, пиду́ гэтъ!“ И забра́у́ся и пишо́у́.

Идэ́-идэ́, здыба́е хло́па. Пыта́е го ся: „Що́ ты за едэ́нъ?“— „Я Ломы́-лисъ, ка́жэ, а́лэ ты що́ за едэ́нъ?“—„Я, ка́жэ той, Мэдвэ́жэ-у́шко.“—„Ходи́мъ ра́зомъ!“—И иду́ть-иду́ть, здыба́ютъ зноу́ чолови́ка. Пыта́ютъ го ся: „Що́ ты за едэ́нъ?“ А

винъ ка́жэ: „Я Розсу́нь-гора́.“ —„Ходы́ съ на́мы!“ Иду́тъ-иду́тъ, здыба́ютъ зноў хло́па. Пыта́ютъ его́ ся: „Що́ ты е за едэ́нъ?“ Винъ ка́жэ: „Я Застаў-вода́.“ — „Ходи́мъ ра́зомъ!“ Тай иду́тъ-иду́тъ—ту такі́й лисъ вэлы́кій, густы́й, нэ можъ пройты́. Тогды́ Ломы́-лисъ вы́ламаў лисъ, зробы́ў доро́гу, пишлы́. Иду́тъ-иду́тъ—ту така́ гора́ вэлы́ка, нэ мо́жутъ а́ни вы́лизты, а́ни обійты́. Тогды́ Розсу́нь-гора́ видсу́нуў гору́ на́-бикъ, зробы́лася доро́га, пишлы́. Иду́тъ-иду́тъ, прыхо́дятъ до воды́—ду́жэ вэлы́ка. Тамъ Застаў-вода́ заста́выў во́ду, то оны́ сы пэрэйшлы́ на-су́хо, иду́тъ да́льшэ.

А тамъ у ли́си така́ ха́та бу́ла, то пишлы́ до то́и ха́ты на ста́нцью. И та́мки пэрэно́чува́лы, а на дру́гый дэнь ура́дылыся иты́ на полюва́нье, а едэ́нъ абы́ ся зиста́ў до́ма вары́ты йи́сты. И пишлы́ тры на полюва́нье, а Ломы́-лисъ зиста́ўся вары́ты йи́сты. И винъ зварыў и лягъ сы спа́ты. А ту прыхо́дытъ бида́, вытри́скуе по го́ршкахъ. А той ка́жэ: „Що́ то за бида́ мэни́ вытри́скуе по го́ршкахъ?“ А бида́ ка́жэ: „А то що́ тамъ за бида́ лэжы́тъ на мо́имъ ли́жку?“ Тай пишлы́ ся боро́ты, то бида́ натлу́мыла, набы́ла хло́па, тай пишла́ тогды́ гэтъ. Тоты́ попрыходы́лы съ полюва́ня, а́лэ той ницъ нэ каза́ў, що его́ бида́ побы́ла. На дру́гый дэнь тры зноў пишлы́ у лисъ, а едэ́нъ лышы́ўся вары́ты йи́сты, той Розсу́нь-гора́. И зварыў йи́сты и лягъ собі́. А бида́ зноў прыйшла́ и такъ сы съ нымъ робы́ла збы́тки, а пото́му го поййма́ла, набы́ла-набы́ла и пишла́. Тоты́ прыйшлы́ съ полюва́ня, пообі́далы, а́лэ винъ имъ ницъ нэ каза́ў. Пото́му вжэ трэ́тои дны́ны лышы́ўся Застаў-вода́ до́ма, а тоты́ тры пишлы́. Зварыў йи́сты, лягъ сы спа́ты, а́лэ бида́ прыйшла́, набы́ла го, намотло́шыла и пишла́ сы. Винъ тымъ ницъ нэ каза́ў. Чэтвэ́ртои дны́ны лышы́ўся вжэ той Мэдвэ́жэ-у́шко до́ма. Зварыў йи́сты и лэжы́тъ собі́ на ли́жку. А бида́ прыйшла́, вытри́скуе по го́ршкахъ, а винъ крычы́тъ: „Що́ тамъ за бида́?“ Та якъ схо́пыўся съ ли́жка, поййма́ў биду́ за но́гы, набы́ў-набы́ў и видни́съ у ли́съ, у дэ́бру кы́нуў. И тоты́ прыйшлы́, пообі́далы. Пото́му спочыва́ютъ и пыта́ются: „Чы буў ту хто мо́жэ въ ха́ти?“ А Мэдвэ́жэ-у́шко ка́жэ: „Бу́ла бида́, а́лэ я йи поййма́ў, набы́ў и вэргъ у дэ́бру.“—„Эй, ану́, дэ она́ е?“—Пишлы́ съ нымъ и винъ имъ показа́ў, дэ йи вэргъ. Тай оны́ тамъ вси полі́злы въ ту дэ́б-

ру—щэ ту биду бы́ты. Алэ тамъ було бильшэ бидъ, нэ лышэ та одна́, то ти би́ды ихъ якъ ўхо́пылы, то всихъ побы́лы на-смэ́рть, всихъ штыро́хъ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

26.

Сынъ трактирщика.

Такъ буў трахты́рныкъ тай маў сы́на. И той сынъ ёго́ нэ хотиў ся учы́ты за трахты́рныка, лышэ́ пустошуваў. Тогды́ отэ́ць ка́жэ до нёго: „Якъ я ўмру, то що́ ты бу́дэшь робы́ты?“—„Я тогды́, ка́жэ, пиду собі́ въ сьвитъ тай бу́ду па́номъ.“—Тай отэ́ць умэ́ръ, а винъ тогды́ нэ маў що́ робы́ты, то забра́ўся и пишо́ў у сьвитъ. Алэ маў винъ фа́йного пэска́ тай взяў ёго́ съ собо́ў.

Идэ́ винъ чэ́рэзъ лисъ, а мыслы́вый увы́дыў то́го пэска́ тай за́стрилыў. Тогды́ винъ вжэ такъ пла́чэ за тымъ пэско́мъ, ту́жытъ. Тай здыба́с яко́го-сь чолови́ка исъ пэско́мъ. А то буў самъ Го́сподь съ а́нгэломъ. Тай пыта́еся ёго́ Го́сподь: „Чого́ ты пла́чэшь?“ Винъ ка́жэ: „Я маў фа́йного пэска́, а́лэ мы го які́й-сь мыслы́вый за́стрилыў.“ Тогды́ му Го́сподь даў сво́го пэска́ и ка́жэ: „На́ тобі́ тай иды́!“ Винъ тогды́ сы взяў пэска́ и пишо́ў, а́лэ щэ всэ за сво́имъ пэско́мъ пла́чэ. И здыбаў зноў яко́го-сь чолови́ка съ пэско́мъ.—„Чого́ ты пла́чэшь?“—„Я маў, ка́жэ, пэска́, а́лэ мы мыслы́вый за́стрилыў.“—„Та-о́ ма́ешь прэ́цинь пэска́.“—„Э, то е́нчый, то нэ такі́й!“—Той чолови́къ му тогды́ зноў даў пэска́, вжэ дру́гого. Алэ то буў зно́ву Го́сподь исъ а́нгэломъ. Тай винъ взяў тай идэ́ вжэ съ двома́ пэска́мы. Алэ йдэ дорого́ў тай пла́чэ. Здыба́с въ-трэ́тэ то́го чолови́ка тай съ пэско́мъ.—„Чого́ ты пла́чэшь тай ту́жышь?“—„За́быў мы стрилэ́ць мо́го пэска́.“—„Ба, та ось ма́ешь два.“—„Э, то нэ такі́ фа́йни!“—Тогды́ Го́сподь ка́жэ до нёго: „То на́-тобі́ щэ то́го пэска́, трэ́того, а́лэ вжэ нэ плачь би́льшэ!“ Тай ка́жэ: „Алэ на́-тобі́ щэ й свы́стало: я́къ-бы ты ся яка́ прыго́да чыны́ла, то абы́-сь тымъ свы́сталомъ засвыста́ў, то ти пэски́ за́разъ ты помо́жуть.“

Идэ́ винъ, пдэ́ чэ́рэзъ лисъ, а тоты́ пэскі́ за нымъ идутъ. Тай дывытся, а ту у ли́си такі́й вэлы́кій двиръ. Вій-шо́ў винъ до двора́, а тамъ буў такі́й сы́вый панъ съ жи́нкоў. Тай пыта́ется его́ панъ: „Ви́дки ты, чого́ ты пыта́ешь?“ Винъ ка́жэ: „Я буў пры сво́имъ та́ту, а́лэ-мъ ся нэ хоти́ў учы́-ты за трахты́рныка, то йду тэпэ́рь у сьвитъ, бо та́то ў́мэръ.“ Панъ ка́жэ: „То лыша́йся ту у мэ́нэ, я тя бу́ду учы́ты за трахты́рныка, бо я самъ е трахты́рныкъ.“—Тай прыви́ў го до едно́го поко́ю, а тамъ са́ми выдэ́ўки; увиў до дру́гого—тамъ са́ми ножи́, са́ми сталёви; увиў до трэ́тoго—тамъ са́ми фузьи́ и ша́бли; увиў го до чэ-твэ́ртого поко́ю, а тамъ на-сэрэды́ни стои́тъ ба́ба на ко́ўбыцы, а по-наўко́ла то́и ба́бы лэжа́тъ лю́дэ, вси по-ри́занп. Тай хло́пэць тогды́ гада́е сы въ сво́ий со́висты: „Бо́жэ, ажэ́нь ту́тка бу́дэ мо́я смэрть!“ Тогды́ ка́жэ панъ до него: „Сида́й ту́тка на ба́бу! я тя, ка́жэ, бу́ду учы́ты за трахты́рныка!“ Хло́пэць ся зача́ў просы́ты: „Пусти́тъ мя, ка́жэ, най щэ хоть пэ́рэдъ смэ́ртэў Отчэна́шъ измо́вью!“ И зача́ў мо́выты Отчэна́шъ и свы́снуў у свы́стало разъ. Мо́вытъ да́льшэ, на-сэрэды́ни свы́снуў дру́гый разъ. Ажъ скиньчы́ў Отчэна́шъ до киньця́, свы́снуў трэ́тый разъ. То тоты́ пэскі́ за́разъ ко́ло не́го ста́лы тай за-ча́лы то́го розбі́йныка ду́жэ йи́сты. Той ся про́сытъ: „Бі́йся Бо́га, дару́й мы жытье́, то я тоби́ дамъ таку́ таба-ке́рку, жэ якъ сы погада́ешь на ко́го и покру́тышь табаке́ркоў у пра́вый бикъ, то му за́разъ го́лову видкру́тышь; а якъ, ка́жэ, покру́тышь у ли́вый бикъ, то зно́ву му голова́ такъ ста́нэ, якъ бу́ла́.“—„Дава́й!“—Даў му табаке́рку, тогды́ винъ ка́жэ свои́мъ псамъ на то́го: „Гу́зя!“ Тай за́разъ псы обпа́лы розбі́йныка и го роздэ́рлы. Тогды́ щэ тоти́ псы роздэ́рлы жи́нку то́го розбі́йныка, а слу́жныцю нэ роздыра́лы, бо она́ бу́ла въ такі́й са́мій нэво́лы. Тогды́ слу́жныця ка́жэ: „Ту́тка щэ въ пя́тимъ поко́ю е 24 розбі́йныки, а́лэ тэпэ́рь спятъ, щэ бу́дутъ спа́ты съ-годы́ну.“ Тогды́ винъ взяў съ со-бо́ў пэскі́ и пишо́ў тамъ до розбі́йныкиў. Отворы́ў двэ́ри, а́лэ ся злякъ ду́жэ, то пэскі́ тамъ замо́къ, а самъ утикъ. Алэ слу́хае—такъ тоты́ пэскі́ розбі́йныкиў жрутъ, такъ розбі́йныки крыча́тъ! Якъ вжэ пэрэста́лы кры-ча́ты, якъ вжэ ихъ пэскі́ пожэ́рлы, зача́лы тогды́ пэскі́ ла́ба-

мы до двэрэ́й дра́паты. Той две́ри отворы́ў, а пэскі́ по керві́ плы́вають. Тогды́ винъ ихъ обмы́ў видъ то́и керві́ тай забра́ўся съ ны́мы тай пишо́ў. Алэ пэскі́ ка́жуть до не́го: „Ты вжэ тэпэ́рь насъ вы́диты нэ бу́дэшь, бо мы ду́хи, а́лэ мы всэ будэ́мъ ко́ло тэ́бэ. То, ка́жуть, якъ-бы ты ся яка́ прыго́да лучы́ла, то свы́сны тры ра́зы, а мы ты за́разъ помо́жэмъ.“ Винъ тогды́ пишо́ў, а́лэ вжэ пэскі́ нэ вы́диў.

Прыйшо́ў винъ до одно́го мі́ста, а то́то мі́сто на-чо́рно жало́бамы обсло́нэно. То винъ пыта́еся лю́дэй: „На-що́ то ті́лько жало́бны?“ Лю́дэ ёму́ такъ сказа́лы: „То е ту́тка такі́й злый сатана́, що сиды́ть на варста́ти и що-дэ́нь одно́го хрыстяны́на ййсть; то ны́нька вы́йшло на ці́сарову доньку́, абы́ йшла до не́го тамъ на ва́рстатъ, то тому́ такі́ жало́бы по всимъ мі́сти.“ Тай въ той часъ вжэ вэлы́ ці́сарову доньку́: напэрэ́дъ идуть процэсьі́ и 300 ксёндзи́ў спива́е, такъ гы умэрло́му, а ці́сарова донька́ лэжы́ть въ ма́рахъ, якъ-бы умэрла́. Прыйшлы́ вжэ блы́зько дъ то́му сатані́, тай тамъ лю́дэ тоту́ ці́сарову доньку́ вжэ лышы́лы, а самі́ поу́тика́лы. Тогды́ той хло́пъ прысту́пы́ў до то́и ці́саровои донькі́ и ка́жэ: „Я иду́ напэрэ́дъ, а ты йды сза́ду!“ Прыйшлы́ такъ дъ то́му сатані́ на ва́рстатъ, тогды́ той хлопъ ка́жэ: „Сла́ва Ису́су Хрысту́!“ А сатана́ ка́жэ: „Я нэ хо́чу твэ́и сла́вы, я хо́чу ййсты!“ Алэ хлопъ ка́жэ до не́го: „Но, то хоть понюха́йтэ сы щэ пэ́ршэ таба́чки зъ мэ́и табаке́рки!“ Той розпусты́ў ла́быща, хо́чэ бра́ты таба́ки, а́лэ хлопъ якъ взяў табаке́ркоў круты́ты, а сатані́ зача́лы вя́зы трища́ты. Тай такъ му гэть го́лову скруты́ў, ажъ упа́ў съ варста́ту на зэ́млю. Тогды́ ці́сарова донька́ ка́жэ такъ: „Ты ходы́ тэпэ́рь зо мноў, ты ся бу́дэшь зо мноў побыра́ты, бо ты мэнэ́ видъ смэ́рты видкупы́ў.“ Алэ винъ ка́жэ: „Я щэ то́го нэ мо́жу зробы́ты, я пры́йду до тэ́бэ ажъ за рикъ.“ Тогды́ она́ взя́ла и пэрэломы́ла свій пэ́рстинь золоты́й на-двое и пэрэдэ́рла своє́ хустя́тко золотэ́, то одну́ полові́ну да́ла ёму́, а другу собі́ схова́ла. И оны́ ся обо́е розійшлы́.

А ту цы́ганъ вы́лэтиў изъ лі́са тай нижъ до нэ́и настáвы́ў.—„Чого́ ты хочь у мэ́нэ?“—„Хо́чу, ка́жэ, абы́ ты повíла, що то я тэбэ́ видъ смэ́рты видкупы́ў; запрысягны́ся мэні́, ка́жэ, що я ся́ бу́ду съ тобо́ў по-

быраты!“ Она собі такъ погадала: „Нэ погыбламъ видъ сатаны, а видъ цыгана абы-мъ гыбла?“ Тай ся збояла и ёму запрысягла. Тогды прыйшлы до-дому, цисаръ ся дужэ урадуваў, а цыганъ зачаў розповидаты, що якъ сатана зачаў йи йисты, то винъ прылэтиў и ёго колыкомъ-колыкомъ видигнаў. И кажэ цыганъ: „За то я ся мушу исъ нэў побыраты!“ — „Най будэ! колы-сь йи видкупыў видъ смэрты, то най будэ вэсильé!“ — Алэ она плачэ, нэ хочэ, а потому кажэ: „Та най вжэ будэ, алэ я мушу щэ рикъ трыматы въ жалобахъ, то ажъ, кажэ, за рикъ!“ Тай такъ чэкалы цилый рикъ. Ажъ якъ вжэ рикъ ся киньчыў, жэ маў вжэ той прыйты, тогды она кажэ: „Тэпэрь вжэ робимъ вэсильé!“

А той трахтырныкиў сынъ прыйшоў акуратъ до того миста. Тутъ така радисть, вэсэлисть по цилимъ мисти. Винъ издыбаў якого-сь дида тай пытаеся ёго: „А ту чого така радисть?“ А дидъ му тогды розповиў, що ся робытъ вэсильé у цисара, бо той цыганъ, що видкупыў цисарску доньку видъ сатаны, будэ ся съ нэў побыраты. Тогды винъ кажэ дидовы: „На-тобі мое паньске шматье, а ты мэни дай свои торбы и шматье!“ Тай пэрэбраўся за дида и пишоў до едноі трахтырни. Зноў ся тамъ пытае трахтырныка: „Що то за така въ мисти радисть?“ Трахтырныкъ му такъ само ўповиў, жэ цыганъ робытъ съ цисаровоў донькоў вэсильé. Тогды винъ кажэ до трахтырныка: „Ого, то нэ цыганъ будэ, то я буду съ нэў заўтра бр ты слюбъ.“ На тое трахтырныкъ ся засьміяў,—выдытъ, жэ то якій-сь обдэртый дидъ, —тай кажэ такъ: „Якъ ты будэшь съ цисаровоў донькоў браты слюбъ, то я тобі дамъ мою трахтырню, гэтъ съ усимъ, а самъ собі пиду гэтъ, лышь такъ, якъ стою.“ Заклыкалы сьвидкиў тай на тимъ обыдва заложылыся.

Тогды той забраўся и пишоў до цисара. Прыходытъ тамъ, а цисарова донька ёго спизнала, зачала ся сьміяты тай зачала до нёго гальбу пыва пыты. Тай тогды винъ выймыў свій кусныкъ пэрстиня тай половыну хустятка, а она выймыла своe, зложылы то докупы—пасуе акуратъ. Тогды цисаръ ся пытае: „Що то е?“ То оны вжэ всё розповилы, що то винъ йи видкупыў видъ смэрты тай пишоў, а цыганъ йи хотиў забыты, абы му запрысяглася. Тогды цисаръ того цыгана казаў прыпняты до киньскихъ хвостиў, и кони розпэ-

слы цыгана по всимъ сьвйти. А той вжэ ожэныўся съ цйсаровоў донькоў. Тай взяў видъ того трахтырныка трахтырнiю, що йи на закладп выграў, тай кажэ: „О, я ся въ свого тата нэ учыў за трахтырныка, алэ таки добру трахтырню маю!"

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

27.

Таинственный рыцарь.

Едэнъ чоловикъ маў полэ дужэ далэко въ лиси. Пишоў разъ въ полэ косыты тай кажэ до жинки: „Якъ настыгнэ полуднэ, абы-сь мы хлопцёмъ прыслала йисты! алэ, кажэ, абы знаў хлопэць, якъ иты, то я буду сыпаты по-дорози солому." Прыйшло полуднэ, тай хлопэць взяў йидиньe тай пописъ. Идэ-идэ тоў дорогоў, куды тато соломы насыпаў, алэ зайшоў въ вэлыку гущавыну. Тамъ вжэ соломы нэ було, тай зблудыў тай ходыў такъ до полудня по тiй гущы. А потому спў тай зачаў плакаты. Алэ дывытся, а за тоў гущавыноў якiй-сь вэлыкiй двиръ. Тогды пишоў идъ тому дворовы. Прыходытъ тамъ до двора, а тамъ було 12 розбiйныкиў. Тай розбiйныки его ся пытають: „Чого ты ту зайшоў?"—„Та, кажэ, нисъ-емъ татовы йисты тай-емъ заблудыў."—Оны тогды кажутъ: „Мы тэбэ вжэ видъ сэбэ нэ пустымо, ты будэшь тэпэрь коло насъ услуговаты!"

Тай потому выбыраются розбiйныки дэ-сь въ дорогу, а найстаршый кажэ до хлопця: „Абы-сь нэ выходыў зъ покою тай абы-сь нэ витвыраў тоти двэри, що лыкомъ завязани!" Тай пишлы собi людэй розбываты. А винъ собi спў тай плачэ. Алэ потому дужэ цикавый буў подывытыся до того покою тай отворыў двэри, що булы лыкомъ завязани. Дывытся, а тамъ стоятъ тры кони: едэнъ чорный, другый сывый, а трэтый бiлый. Тай ти кони до нього кажутъ: „Ой, хлопчэ, бида твоя ту будэ! иды, кажутъ, возьмы тамъ съ викна тры

я́бка тай сида́й на насъ и утика́ймо гэтъ звйдсы!“ Тогды́ винъ бо́рзо взяў тоты́ тры̑ я́бка, сиў на ко́ни и пигна́ў.

Вы́йихаў на по́лэ, а розбі́йныки ся вжэ жэну́тъ за нымъ. Тогды́ ка́жэ кинь: „Вэрзь едно́ я́бко по-за сэ́бэ!“ Винъ вэргъ я́бко, то за́разъ стаў вэлы́кій лисъ на сто мыль. Алэ розбі́йныки той лисъ пэрэйи́халы тай зача́лы ся да́ли за нымъ гна́ты. Тай вжэ доганя́ютъ—тогды́ дру́гый кинь ка́жэ: „Вэрзь за сэ́бэ дру́гэ я́бко!“ Винъ вэргъ я́бко и зробы́лася вэлы́ка вода́. Зноў розбі́йныки ту во́ду пэрэплылы́ тай зача́лы ся да́ли гна́ты. Тогды́ ка́жэ трэ́тый кинь: Тэпэ́рь вэрзь трэ́тэ я́бко по-за сэ́бэ!“ Якъ вэргъ то я́бко, зробы́ўся ду́жэ вэлы́кій огэ́нь на сто мыль, що а́ни обийи́хаты, а́ни пэрэйи́хаты вжэ розбі́йныки нэ моглы́. Тогды́ винъ прыйи́хаў въ зэлэ́ный гай, а ко́ни ка́жутъ до нэ́го: „Мы ся ту бу́дэмъ розстава́ты; а́лэ на́-тобі́ свы́стало: якъ схо́чэшь насъ до по́мочы, абы́-сь тры ра́зы свы́снуў, то за́разъ прылэ́тымо до тэ́бэ!“

Тай винъ тогды́ пишо́ў и зайшо́ў до вэлы́кого мі́ста до короля́. А тамъ слу́жныця вы́йшла по во́ду, то винъ йи ся пыта́е: „Цы нэ трэ́ба слугы́ у короля́?“ Слу́жныця поби́гла спыта́тыся, а коро́ль ка́жэ: „Трэ́ба слугы́—дрыва́ носы́ты.“ Тай винъ тамъ ся наймы́ў и но́сытъ дрыва́. Алэ той коро́ль почаў во́йну исъ нэ́прыятэлёмъ своймъ, тай нэ́прыятэль вжэ то́го короля́ гэтъ пэрэмага́ў. А той хло́пэць пишо́ў у зэлэ́ный гай, свы́снуў тры ра́зы свы́сталомъ—за́разъ ко́ни ста́лы коло нэ́го и прывэ́злы му зэли́зну збро́ю. Винъ въ ту ся збро́ю убра́ў, сиў на чо́рного коня́ тай пойи́хаў тамъ на війну́. Тогды́ якъ зача́ў за нэ́прыятэлёмъ гоны́ты, побы́ў, розтратува́ў го цаў-комъ. А коро́ль ка́жэ до нэ́го: „Що́ ты тэпэ́рь хо́чэшь видъ мэ́нэ за то?“ Винъ ка́жэ: „Да́йтэ мэні́ на пысьмі́, що найста́ршу донька́ за мэ́нэ дастэ́!“ Коро́ль за́разъ даў му таке́ пысьмо́, винъ мы́гнуў конёмъ тай пигна́ў гэтъ. Пойи́хаў въ зэлэ́ный гай, зняў збро́ю тай пусты́ў коня́. А самъ пишо́ў зноў до короля́ дрыва́ носы́ты.

Алэ той коро́ль зноў зача́ў війну́ исъ нэ́прыятэлёмъ. Винъ тогды́ пишо́ў у зэлэ́ный гай, свы́снуў на ко́ни, тай му ко́ни прынэ́слы сри́бну збро́ю. Винъ ся ўбра́ў, сиў на сы́вого коня́ тай пойи́хаў на війну́. Зноў по-

бы́ў то́го нэ́прыятэля, а видъ короля́ нэ браў ниць, лышэ́ зноў взяў таке́ пысьмо́, що му сэрэду́щу доньку́ виддасть. Тай тогды́ зноў мы́гнуў, такъ що го нихто́ ї нэ вы́диў, и пойи́хаў въ гай. Тай пишо́ў зноў до короля́ дрыва́ носы́ты.

А коро́ль почаў трэ́тый разъ війну́. Въ тій трэ́тій війни́ вжэ нэ́прыятэль короля́ въ нэво́лю взяў. Той слуга́ якъ ся дови́даў, пишо́ў у зэлэ́ный гай и свы́снуў: ко́ни ся зъявы́лы ко́ло нёго и прынэ́слы му золоту́ збро́ю. Винъ ся убра́ў въ ту збро́ю тай пойи́хаў своѓо короля́ ратува́ты. Побы́ў нэ́прыятэля, короля́ зъ нэво́ли видобра́ў, а́лэ му въ тій війни́ но́гу скали́чылы. Коро́ль тогды́ взяў, ёго́ ногу своёў ху́сткоў обвяза́ў тай пыта́еся ёго́: „Чого́ ты хо́чэшь за то видъ мэ́нэ, ры́цару?“ Винъ зноў такъ ка́жэ: „Напыши́тъ мы на пысьми́, що дастэ́ за мэ́нэ на́ймолодшу доньку́!“ Взяў сы тото́ пысьмо́ тай пойи́хаў зноў у зэлэ́ный гай и ко́ни видпра́выў гэтъ.

А самъ вэрну́ўся зноў до короля́ на слу́жбу. Алэ вжэ буў ду́жэ змучэный, то лягъ спа́ты въ си́нёхъ тай спаў ажъ до полу́дня. Вы́йшла слу́жныця ёго́ будыты тай увы́дила въ нэ́го на нози́ тоту́ королёву хусты́ну. Пишла́ за́разъ до короля́ тай пови́ла, що той слуга́ хусты́ну укра́ў. Тогды́ коро́ль пишо́ў дывы́тыся, а́лэ увы́диў, що то та хусты́на сама́, що винъ на війни́ ры́царовы но́гу обвяза́ў. Тай пыта́еся ёго́: „А ты звидки взяў тоту́ хусты́ну?“ А винъ ка́жэ: „Я вамъ за́разъ пока́жу, зви́дки-мъ взяў!“ Пишо́ў у гай зэлэ́ный, свы́снуў на ко́ни, тай ко́ни ко́ло нёго за́разъ ста́лы. Винъ убра́ўся въ золоту́ збро́ю, а ша́пку у́бра́ў сри́бну, а чо́боты зэли́зни. Тай спу на ко́ни тай пойи́хаў пэрэдъ королі́ўскій двиръ. Па́нство вы́йшло напро́тиў нёго, а винъ тогды́ вы́йму́ тоты́ тры пы́сьма и хусты́ну тай показа́ў то королёвы. Тогды́ вси пизна́лы, що́ то буў той-са́мъ ры́царъ. Тай винъ ся ожэны́ў съ на́ймолодшоў доньо́ў, а тымъ двомъ ста́ршымъ донька́мъ пы́сьма видда́ў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

28.

Стеклянная гора.

а). Маў едэ́нъ ɣа́зда тры сыны́: два бу́лы розу́мни, а едэ́нъ дурны́й. Тай якъ ўмыра́ў, ка́жэ до найста́ршого сы́на: „Абы́-сь прыйшо́ў пэ́ршои но́чы до мэ́нэ на грибъ!“ А до дру́гого ка́жэ: „Абы́-сь до мэ́нэ прыйшо́ў дру́гои но́чы!“ Тай то́му дурно́му ка́жэ: „А трэ́тои но́чы абы́ ты́ прыйшо́ў на грибъ!“ Тай умэ́ръ и похова́лы го. Прыйшла́ пэ́рша нічь—той найста́ршый нэ хо́чэ йты, ка́жэ до дурно́го бра́та: „Иды́ ты за мэ́нэ!“ Той пишо́ў на цвы́нтаръ, сыды́тъ вжэ на гро́би. Тай вы́йшоў зъ гро́бу отэ́ць умэрлы́й тай му даў чо́рный во́лосъ. Прыйшла́ дру́га нічь—ма́е вжэ йты сэрэду́щый братъ, алэ нэ хо́чэ зно́ву, ка́жэ до дурно́го: „Иды́, бра́тэ, за мэ́нэ!“ Тай той пишо́ў, а отэ́ць му даў чэрво́ный во́лосъ. Вжэ трэ́тои но́чы пишо́ў самъ за сэ́бэ, то даў му отэ́ць щэ сы́вый во́лосъ и ка́жэ: „Схова́й сы то до́брэ, ти тры волоски́, оны́ тобі́ ста́нутъ у пры́годи.“

Зробы́ў ци́саръ въ тимъ краю́ во́йну и такъ сказа́ў: „Котрый вы́лизэ го́ри скляннo̓ў горо́ў на гору́, то у мэ́нэ будэ́ за зя́тя!“ Тоты́ два розу́мни бра́тья взя́лы сы ко́ни и йдутъ на тоту́ во́йну—ли́зты го́ри склянно́ў горо́ў. А дурны́й и собі́ йдэ за ны́мы. Прыйи́халы тамъ, йдэ найста́ршый братъ го́ри тоў горо́ў, а́лэ зломы́ў сы кинь го́лову, упа́ў. Зноў сэрэду́щій йдэ—тай его́ кинь зломы́ў сы но́гу. А дурны́й тогды́ вы́няў собі́ чо́рный во́лосъ—зробы́ўся пэ́рэдъ нымъ кинь чо́рный и убранье́. Убра́ўся, сиў на то́го коня́ тай вы́йихаў го́ри склянно́ў горо́ў ажъ на-вэ́рхъ. А ци́саръ ка́жэ: „Ты будэ́шь у мэ́нэ за зя́тя!“ Алэ винъ обэрну́ўся тай пойи́хаў гэтъ. Тай зробы́ўся зноў дурны́й, такі́й обдэ́ртый, якъ жэбра́къ.

То зноў зробы́ў во́йну ци́саръ, жэ хто вы́лизэ го́ри склянно́ў горо́ў, зятёмъ будэ́. Вси сы тамъ на тіі́ гори́ поломы́лы, поскру́чувалы го́ловы, нэ мигъ ни едэ́нъ вы́йихаты на гору́. А дурны́й взяў сы чэрво́ный во́лосъ—зро́быў му ся чэрво́ный кинь и убранье́. Убра́ўся, сиў на коня́ и пэрэйи́хаў чэ́рэзъ склянну́ гору́.

Тогды́ ся ци́саръ утíшыў, жэ такóго зя́тя паныча́ бýдэ ма́ты, а тота́ ци́сарова па́нна взя́ла тай му застромы́ла на па́лэць срíбный пэ́рстинь. Винъ тогды́ обэрнýў копя́, тай дóли горóў, тай утíкъ.

Вжэ ци́саръ трэ́ту вóйну рóбытъ: „Анý, хто вы́лизэ на горý?“ Взяў дурны́й сы́вый вóлосъ, зробы́ў му ся кинь сы́вый и шма́тье. Якъ спý, пэрэйíхаў горý навэ́рхъ. Тай тамъ ся тогды́ зробы́ў зноў дурны́й, обдэ́ртый, тай ка́жэ до ци́сара: „Я пэрэйíхаў горý тры ра́зы, тó мы вжэ да́йтэ па́нну!“ Алэ она́ нэ хотíла йты за такóго дидовóда, ка́жэ: „То нэпра́ўда! то якíй-сь паны́чъ пэрэйíхаў, нэ ты!“ Винъ тогды́ показа́ў пэ́рстинь тай ся ўбраў въ тотó шма́тье, то му вжэ повьéрылы. Тогды́ ци́саръ му ка́жэ: „Трыма́йся тэпэ́рь дэлика́тно, бо ты вжэ ма́ешь бýты мóимъ зятёмъ!“ И винъ ся тогды́ вжэ ожэны́ў съ ци́саровоў донькóў и стаў ци́саромъ.

(Отъ Марiи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

б). Такъ бýло симь бра́тиў—шисть мýдрыхъ, а сэ́мый дурны́й. Тай пишлы́ тай наймы́лыся вси симь въ еднóго па́на на слýжбу. Тай ка́жэ панъ: „Иди́тъ, жэни́тъ бараны́ па́сты!“ Тогды́ ти шисть мýдри займы́лы бараны́ па́сты тай здыбалы на дорóзи якóго-сь дíда. Винъ имъ ка́жэ: „Да́йтэ мэнí, хлóпци, кýсныкъ хлíба, бо-мъ голóдэнъ дýжэ!“ Алэ оны́ ёмý нэ да́лы, пишлы́ да́льшэ. Тай насýтъ тоты́ бараны́, а́лэ баранíў óвады скуса́лы, тай ся розбíглы по лíси. Вэ́чиръ прыхóдятъ до-дóму, панъ ды́вытся, а баранíў нэма́. Тогды́ ихъ панъ набы́ў дýжэ, а той дурны́й ка́жэ: „Я пíду баранíў шука́ты!“ Тай пишóў. Идэ́, зды́бує самóго тóго дíда на дорóзи. Ка́жэ до нéго дидъ: „Хлóпчыку, дай мэнí хлíба!“ Винъ за́разъ даў дíдовы хлíба, а дíдъ ёмý тогды́ даў скры́пку тай ка́жэ: „Якъ загра́ешь на ту скры́пку, то за́разъ ся до тэ́бэ вся худóба позбига́е.“ Взяў винъ тотý скры́пку тай пишóў съ нэў въ лисъ. Якъ загра́ў, за́разъ ся вси бараны́ позбига́лы кóло нéго. Винъ тогды́ пишóў собí напэ́рэдъ тай на скры́пци гра́е, а бараны́ за нымъ машэрýють. Тай прыгна́ў усí бараны́ до-дóму.

Потóму зноў панъ кáжэ: „Йдитъ тэпэ́рь нá-ничь отáвы стэрэчы́, бо якú-сь кóни выпáсуютъ.“ Пишлы́ тоты́ розу́мпи, стэрэжу́тъ отáвы. Ажъ прылитáе идъ нымъ макúтра тай кáжэ: „Дайтэ мэпи́ хли́ба!“ Оны нэ хотúлы дáты, тай макúтра гэтъ полэ́тила. Прылитáе лы́жка, кáжэ: „Дáйтэ мэни́ хли́ба!“ Оны́ нэ дáлы, тай лы́жка счэ́зла. Прылитáе мы́ска, кáжэ: „Дáйтэ мэни́ хли́ба!“ Зноў нэ дáлы, тай мы́ска счэ́зла. Тай потóму оны́ писпу́лы, а кóни прыйшлы́ на отáву тай спáслы. Прыйшлы́ рáно до-дóму, панъ ся пытáе: „Чы спáслы кóни отáву?“—„Та спáслы!“—Тогды́ ихъ панъ зноў набы́ў, щó ся вли́зло. На дру́гу ничь вжэ дурны́й кáжэ: „Тепэ́рь я пи́ду отáвы стэрэчы́!“ Тай пишóў. Прылитáе дъ нéму макúтра и кáжэ: „Дай мэни́ хли́ба!“ Винъ йій даў, тогды́ онá кáжэ: „Я ты ўповúмъ, якъ бу́дутъ кóни отáву пáсты.“ Прылитáе лы́жка, кáжэ: „Дай мы хли́ба!“ Винъ йій даў, а онá кáжэ: „Я ты ўповúмъ, якъ пры́йдутъ кóни отáву пáсты.“ Тай прылэ́тила зноў мы́ска—винъ даў и йій хли́ба. Зноў му мы́ска сказáла, що го збу́дытъ. Потóму винъ вжэ лягъ спáты, заснýў, áлэ го макúтра збуды́ла тай далá му золотú обротянкú. Винъ зайшóў и пойимáў еднóго коня́. Прыпня́ў коня́ до плóта, а самъ зноў лягъ спáты. Тогды́ го збуды́ла лы́жка и далá му золотú обротянкú. Винъ пойимáў дру́гого коня́, прыпня́ў тай лягъ спáты. Тай вжэ го зноў мы́ска збуды́ла, далá му золотú обротянкú, то винъ пойимáў трэ́того коня́. Тогды́ винъ вжэ займы́ў собú тоты́ кóни до-дóму.

Алэ потóму едэ́нъ цúсаръ вы́ставыў скляпну́ горý и розпысáў такъ: „Хто на ту скляпну́ гору́ вы́йидэ, той у мэ́нэ донькý посвáтае!“ Алэ нихтó нэ мигъ ни вы́йихаты, ни вы́йты на ту горý. Тогды́ той дурны́й сиў сы на еднóго коня́, що зиймáў въ отáви, заложы́ў золотú обротянкú и пойихаў гóри тоў горóў. Тай удáрыў па коня́, ажъ кинь скóчыў на сáмый вэршóкъ. Тогды́ винъ пибрáўся съ цúсаровоў донькóў тай панувáў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

29.

Невѣрная мать.

Бу́ла би́дна ма́ты тай ма́ла сы́на, а́лэ оны́ бу́лы ду́жэ би́дни. Сынъ якъ пидри́съ, тай ка́жэ до ма́тэры: „Ма́мо, чого́ мы такъ бу́дэмъ ту́тка бидува́ты? ходи́мъ соби́ въ сьвитъ!“ И зыбра́лыся и пишлы́ въ сьвитъ. И найшлы́ дви доро́гы, що една́ йшла ўпра́во, а дру́га ўли́во. Сынъ ка́жэ до ма́тэры: „Ма́мо, я йду до́ли тоў доро́гоў ўпра́во, а вы йдитъ ўли́во; якъ вы що́ найдэ́тэ, то вы мэнэ́ заклы́чтэ, а якъ я що́ на́йду, то васъ заклы́чу.“ Тай на тимъ розийшлы́ся. Сынъ увийшоў кава́льчыкъ доро́гы и найшо́ў рэмэ́нэць, а на тимъ рэмэ́нцы бу́ло напы́сано, що хто той рэмэ́нэць найдэ́ и ся нымъ опэрэ́жэ, то будэ́ ма́ты ду́жэ вэлы́ку мицъ и будэ́ счислы́вый. Тогды́ сынъ заклыкаў ма́тирь: „Ма́мо, я вжэ найшо́ў счи́стьє!“ Ма́ма прыйшла́ дъ нёму и пишлы́ вжэ обо́е да́ли въ лисъ.

Тай иду́тъ ли́сомъ, а тамъ таки́й у ли́си вэлычэ́зный двиръ стои́тъ. Оны́ прыйшлы́ дъ то́му дворо́вы. Увийшлы́ до пэ́ршого поко́ю, а тамъ бу́лы сами́ выдэ́ўки; прыйшлы́ до дру́гого поко́ю—тамъ сами́ бу́лы сри́бни лы́жки; прыйшлы́ до трэ́тoго—тамъ сами́ шабли́ бу́лы; прыйшлы́ до чэтвэ́ртого, а тамъ бу́лы сами́ стрильбы́. Тогды́ той хло́пэць вы́браў соби́ найострийшу ша́блю и найли́пшу стрильбу́ тай пишо́ў до пя́того поко́ю вжэ самъ. Увийшоў до пя́того поко́ю, а тамъ спа́лы 12 розби́йныкиў. Тогды́ винъ зайшо́ў тыхцэ́мъ и всихъ розби́йныкиў поруба́ў и постриля́ў на ку́сныки. Тай вжэ тогды́ взяў тай всихъ позми́туваў до пыўны́ци, а до ма́тэры ка́жэ такъ: „Мы вжэ ту будэ́мо мэ́шкаты, а́лэ абы́ вы ся ни́уды до то́и пыўны́ци нэ дывы́лы!“ И даў йий вси ключи́, а самъ узя́ў сы стрильбу́ и пишо́ў у лисъ на полюва́ньє.

Алэ ма́ты его́ бу́ла ску́са, лука́ва жи́нка, то якъ винъ разъ пишо́ў у лисъ, она́ ся подывы́ла до то́и пыўны́ци. А едэ́нъ розби́йныкъ буў нэдо́брэ поруба́ный тай ожы́ў. Якъ она́ витворы́ла пыўны́цю, винъ вы́скочыў, ўхопы́ў съ викна́ таку́ масць тай обма-

стыў всихъ 12 злодіййиў, и вси поўжывалы. Тай тогды пііймалы ту матирь и кажуть: „Якъ ты тото нэ ўчынышь, що мы тоби скажэмо, то тя заразъ забьемо!“ Тай она прысягла, що всё будэ робыты. Тогды оны йій кажуть: „Якъ твій сынъ прыйдэ, то кажы, що-сь слаба, най тоби прынэсэ изъ-мэжы двохъ гиръ ябко!“ Якъ сынъ прыйшоў съ полюваня, маты зачала йойкаты, що слаба, тай кажэ: „Прынэсы мэни, сынуню, зъ-мэжы двохъ гиръ ябко на ликарство!“ Винъ тогды дужэ упудыўся, бо вжэ выдиў, що то яка-сь зрада надъ нымъ. Алэ пойихаў и вступыў до едной пани до миста. И та пани дужэ его полюбыла и поспыталася, дэ винъ йидэ? Винъ сказаў, що йидэ для слабои мамы по ябко зъ-мэжы гиръ. Она кажэ: „Ты видтамъ ябка нэ дистанэшь, бо тоти горы всэ трясутся, и трясутся, то сходятся, то розходятся, лышэ, кажэ, у дэнь о 12-ій годыни и въ почы о 12-ій стають тыхо.“ А дали кажэ: „Алэ на-тоби коня и йидь, можэ якъ дистанэшь.“ И винъ тогды сиў на коня и пойихаў. Прыйиждже тамъ—горы тэлэпаются. Алэ винъ чэкаў до 12-ои годыны, то о 12-ій годыни горы сталы. Тогды винъ ударыў на коня и прыйихаў до тои ябдинки и хопыў за ябко, а горы зачалы ся вжэ зноў тэлэпаты. Винъ нэ мигъ ябко вырваты, тай вырваў цилу яблинку съ корипёмъ. Тай скочыў назадъ, алэ горы вжэ захопылы троха коня сзаду. Кинь вырваўся и пишоў, пицъ му нэ шкодыло. Якъ вжэ выйихаў, обирваў ябка зъ яблинки и пойихаў. Вступыў по-дорози до тои пани и лышыў йій вси ябка, лышэ съ собоў едно взяў для матэры. Тай прыйихаў до-дому и даў матэры то ябко, а самъ пишоў зноў въ лисъ.

Тогды тоти злодіе такъ его матэры казалы: „Будэшь казаты, щобы ты щэ прынисъ жывои воды!“ Она ему такъ сказала и винъ тогды зноў пишоў по тоту воду. И вступыў до тои пани и розповиў йій, дэ мае йты. А она ему кажэ: „Ты видтамъ воды нэ дистанэшь, бо тамъ вэлычэзна гадына надъ тоў керныцэў огнёмъ сыплэ цилый дэнь и цилу ничь, лышэ о 12-ій годыни стае.“ Тай дала му зноў свого коня и винъ пойихаў. Прыйиждже тамъ идъ керныцы—змыя такъ огнёмъ сыплэ! Ажъ о 12-ій годыни винъ схопыўся, зачэръ во-

ды́ у збанятко и зачаў утикаты. Змыя́ вжэ зачала огнёмъ сыпаты тай троха опалыла коне́вы хвистъ, але утикъ счисливо. По-дорози повэрнуў до папи и лышыў ійі́ воду, лышэ́ собі́ дрибку въ склянятко взяў. Прыйихаў до-дому и даў матэры тотў воду, а самъ пишоў сы зноў на полюванье.

Тогды́ зноў злодіе матирь пидмовылы, тай якъ винъ прыйшоў, она такъ кажэ: „Сынупю, прынэсы́ мэні́ щэ видъ львыци молока!“ Винъ взяў стрильбу тай пишоў. Тамъ лэтытъ львыця, то винъ вжэ хочэ стриляты. Алэ она кажэ: „Нэ стриляй, я ты дамъ сама молока!“ Тай му ся надойила у горнятко и дала му щэ свыстало и кажэ: „Якъ ты ся будэ яка прыгода лучыты, то абы-сь тымъ свысталомъ свыснуў тры разы, то ся вси звири зо сьвита збигнутъ на помичь!“

Винъ прынисъ тото молоко до матэры. Тогды́ она кажэ: „Йой, сынцю, якъ ты ся ужэ́ давно нэ купаў! я тобі́ зладыла купиль, иды́, скупай ся!“ А то ей зновy злодіе пидмовылы, хотилы го въ купэлы стратыты. Тай винъ розибраўся, лягъ до купэлы, а злодіе зъ-за двэрэ́й попрыбигалы, хопылы той рэмэ́нэць видъ нэ́го, то винъ заразъ зиславъ. Тай тогды́ го порубалы на дрибні́ кусычки, змэталы въ михъ и выкенулы на-двиръ.

Алэ тота папи, якъ вжэ винъ доўго нэ прыходыў, зибралася, сила на коня тай пойихала его шукаты. И найшла той мишокъ, дэ винъ буў порубаный, и забрала съ собоў до-дому. Тогды́ го тоў водыцэў помастыла зъ жывои керныци, надушыла зъ того ябка соку, тай винъ заразъ ожыў.

Потому она взяла, зробыла его голубчыкомъ, а сэбэ́ голубыхоў. И полэтилы до того двора, до розбійныкиў, и силы собі́ на дэ́рэво. Якъ злодіе увыдилы, що то такі́ дужэ красни голубы, що на сьвити такихъ нэма, хотилы ихъ пійматы. Алэ голубыха тогды́ зачала спиваты такъ: „Якъ-бы той найстаршый злодій знаў, що якъ-бы насъ пійма́ў, то до царства бы пишоў, алэ мусытъ ся найпэ́ршэ гэтъ розибраты и той рэмэ́нэць розпэрэзаты!“ А винъ то учуў тай заразъ ся розибраў и рэмэ́нэць поклаў

на зэ́млю, а самъ полі́зъ за го́лубамы на дэ́рэво. Тогды́ го́лубы ся посха́пувалы, рэмэ́нэць ўхо́пылы тай поўтика́лы. И пото́му зноў ся поробы́лы людьмы́ и винъ запэрэза́ўся въ рэмэ́нэць и вжэ стаў зноў ду́жэ сыльны́й.

Тогды́ пишо́ў до то́го двора́. Якъ засвыста́ў тры ра́зы въ то свы́стало видъ львы́ци, то ся усе́, що дэ е на сьви́ти,—звири́, пты́ци, гадье́,—позлита́ло до не́го. Тогды́ винъ то все́ пощу́ў на тыхъ злодійну и то ихъ пороздыра́ло и пожэ́рло. А до ма́тэры винъ ка́жэ такъ: „Що́ мэні́ тэпэ́рь съ ва́мы робы́ты, ма́мо?“ Она́ ка́жэ: „Та що́ бу́дэшь робы́ты? такъ собі́ жы́ймо, якъ пэ́ршэ!“—„О, тэпэ́рь вжэ такъ нэ мо́жэ бу́ты!“—Тай вы́йшоў на-дви́ръ, двиръ пэрэвэрну́ў гори́ нога́мы, тай ся тамъ ма́ты за́была. А самъ вэрну́ў до свэ́и па́ни и съ нэў ся ожэны́ў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

30.

Невѣрная жена.

Една́ ба́ба пра́ла въ пото́ци шма́тье и прыйшо́ў идъ ній злый. Тай той злый ка́жэ до нэ́и: „Цы будэ́шь ты ся за мэ́нэ виддава́ты?“—„Чому́ нье? буду́ ся виддава́ты, а́лэ дэ мо́го чолови́ка подіемо?“ Тогды́ злый ка́жэ: „Якъ прыйдэ́шь до-до́му, абы́-сь ду́жэ йо́йкала, а чолови́къ абы́ тобі́ прыни́съ изъ-за 12-ого ка́мэня муки́ зъ млына́!“ Она́ прыйшла́ до-до́му—такъ йо́йкае! А чолови́къ йи ся пыта́е: „Що́ тобі́ тако́?“—„Ой, чого́-сь-емъ засла́бла; прынэсы́ мэні́, ка́жэ, зъ-за 12-ого ка́мэня муки́, то поду́жаю!“

Тай винъ пишо́ў. Алэ маў тры пэски́ такі́, то ихъ взяў съ собо́ў. Прыхо́дытъ дъ то́му млыно́вы, а тамъ ко́ло ко́ждого ка́мэня зэлі́зни двэ́ри, а млынъ буў чортну́ській. Тай увійшо́ў винъ до едно́го ка́мэня—двэ́ри му ся видомкну́лы, взяў сы муки́. Тай повидмыка́лы му ся

вси 12 двэрэ́й, тай винъ набра́ў муки́ зъ ко́ждого ка́мэня. Тай пусты́ўся ить́ до-до́му, а́лэ за 12-ымы двэ́рмы що-сь тоты́ его́ пэски́ замкну́ло. Прыно́сытъ винъ муку́ до-до́му, а пэски́ў нэма́. Ввійшо́ў до ха́ты, а злый тогды́ вылизае зъ-пидъ за́пичка тай ка́жэ: „Клады́ муку́, а́лэ щэ йиды мэни́ за соло́моў и за ри́щомъ, бо будэ́мъ огэ́нь кла́сты!“ Винъ прыни́съ ри́ща и соло́мы, а́лэ то помача́ў въ во́ду, абы́ нэ гори́ло. Тогды́ вжэ злый зача́ў огэ́нь розклада́ты, а́лэ то ду́жэ пома́лу гори́ло, бо мо́крэ. Тай взяў злый котэ́лъ, поста́выў на огэ́нь тай нальля́ў въ котэ́лъ смолы́, абы́ ся ва́ры́ла.

Алэ прылита́ютъ пта́шки тай ка́жутъ то́му чолови́кові: „Вжэ твои псы пройи́лы чэ́твэро двэрэ́й!“ За́ки смола́ скипи́ла, прылэ́тилы пта́шки зно́ву и ка́жутъ: „Вжэ псы пройи́лы шэ́стэро двэрэ́й!“ Тогды́ злый ка́жэ до нэ́го: „Розбыра́йся тай лизь у смолу́!“ А пта́шки прылэ́тилы тай ка́жутъ: „Ужэ́ пэски́ пройи́лы о́сьмэро двэрэ́й!“ Тогды́ винъ взяў зло́го просы́ты, абы́ му щэ позво́лыў па́циръ змо́вы́ты. Тай мо́вытъ-мо́вытъ, прылита́ютъ пта́шки, ка́жутъ: „Ужэ́ пэски́ пройи́лы дэ́сятэро двэрэ́й!“ Тогды́ вжэ винъ па́циръ скиньчы́ў, а злый ка́жэ: „Ну, тэпэ́рь лизь у смолу́!“ Зача́ў винъ ся розбыра́ты; лышэ́ ся розибра́ў, вжэ пэски́ лэтя́тъ до нэ́го. Тай прылэ́тилы, то́го зло́го за́разъ роздэ́рлы тай вы́нэслы въ по́тикъ.

Пото́му ка́жутъ пэски́ до нэ́го: „Ты тэпэ́рь щэ свою́ жи́нку за́бый!“ Алэ она́ ся взя́ла ду́жэ просы́ты, тай му ся жаль зробы́ло, дарува́ў йій жытье́. Тай въ ночы́ вжэ поляга́лы спа́ты, а она́ пишла́, вы́йняла зъ то́го зло́го зубъ тай запха́ла чолови́кови въ у́хо, то винъ видъ то́го за́разъ умэ́ръ. Она́ тогды́ взя́ла тай вы́нэсла го мэртво́го въ лисъ на ялы́цю. Пэски́ ра́но поўстава́лы, шука́ютъ госпо́даря, а госпо́даря нэма́. Тай полэ́тилы у лисъ и на́йшлы́ го на ялы́цы. За́разъ полэ́тилы по во́ўка, абы́ йшоў, валя́ў ялы́цю до зэмли́. Воўкъ такъ го́ри ялы́цэў зу́бы вы́валыў, такъ рвэ, а́лэ нэ мигъ ялы́ци повалы́ты. Тогды́ полэ́тилы по мэдвэ́дя. Мэдви́дь якъ взяў, кори́нье порозрыва́ў и ялы́цю лэго́нько положы́ў до зэмли́. Тогды́ пэски́ увы́дилы въ у́си зубъ тай полэ́тилы по за́ячыка, абы́ зубъ зъ у́ха вы́ймыў. За́яць

прыпа́ў, зубъ вы́тягнуў, тай чоловíкъ за́разъ встаў.

Тогды́ винъ вжэ пишо́ў до жи́нки тай йи хоти́ў за́быты, а́лэ она́ ся ду́жэ просы́ла, то йiй зноў дарува́ў ка́ру. Алэ зробы́ў такъ: вэргъ йи до пыўны́ци и поста́выў ко́ло нэ́и цэ́бря у́гля и едно́ поро́жнэ цэ́бря.— „Якъ ты, ка́жэ, тото́ поро́жнэ це́бря по́ўно слёза́мы напла́чэшь, то́ ты повьє́рью, що мэнэ́ вжэ будэ́шь шанова́ты, а якъ тото́ у́глье ззи́шь, то щэ жа́луешь за злымъ!“ Прыйшо́ў ра́но, ды́вытся, а она́ тото́ всё ззи́ла, ажэ́нь вы́лызала цэ́бря, а до то́го дру́гого нычь нэ напла́кала. Тогды́ винъ пусты́ў на нэ́и пэски́, то пэски́ йи пойима́лы и роздэ́рлы тай вы́нэслы тамъ у по́тикъ до то́го зло́го.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

31.

Чудесная птица.

а). Такъ буў едэ́нъ рыба́къ и ходы́ў заўжды на ры́бу, а́лэ ни́гды нэ пiйма́ў би́льшэ на́-дэнь, якъ пять рыбъ. Тай ка́жэ винъ: „Я тепэ́рь иду́ на пта́хи, мо́жэ би́льшэ пта́хиў бу́ду йима́ты.“ Тай винъ пишо́ў у лисъ на пта́хи и пойима́ў едно́го пта́шка. Прыни́съ до-до́му и хоти́ў го зари́заты. Алэ ди́ты ду́жэ пла́калы, абы́ нэ ри́заў пта́шка, тай винъ го тогды́ посады́ў въ кли́тку. Тай пта́шокъ зни́съ яйцэ́, а то буў дыя́мэнтъ. Тай винъ тото́ яйцэ́ узя́ў и пони́съ до ми́ста продава́ты. Пыта́еся го въ ми́сти якiй-сь панъ: „Що́ ты хочь за то яйцэ́?“ А винъ нэ знаў, що́ каза́ты, тай ка́жэ: „Да́йтэ, що хо́чэтэ!“ Тогды́ панъ му даў 50 рыньскихъ. Винъ накупы́ў за ти гро́ши хли́ба, муки́, тай пишо́ў до-до́му. Алэ за́ки винъ вэрну́ў изъ ми́ста, то той пта́шокъ изни́съ дру́гэ таке́ яйцэ́; зноў прода́ў въ ми́сти за 200 ры́ньскихъ. Прыхо́дытъ до-до́му, а ту е вжэ трэ́тэ яйцэ́. И такъ ко́ждого дня той пта́шокъ нисъ яйцэ́. Тай той хлопъ збыў собí вэлы́кiй мае́токъ тай зача́ў посыла́ты ди́ты до шко́лы.

Разъ наўчы́тиль пытáеся тыхъ ёгó хлóпциў: „Ви́дки вашъ тáто стаў таки́мъ богачóмъ?“ А хлóпци ёмý сказáлы, що тáто пойимáў такóго птáшка, що зносытъ дыямэнтóви я́йця, и за ти я́йця тáто бэрэ́ вэлы́ки грóши. Тогды́ наўчы́тиль пишóў до тóго хлóпа и кáжэ: „Якъ зари́жэшь мэни́ тóго птáшка, то будэ́ ся мій сынъ побырáты съ твоёў донькóў.“ Той кáжэ: „Дóбрэ, зари́жу!“ Тай зачáлы робы́ты вэсильé, зари́залы птáшка для наўчы́тиля тай пишлы́ до слю́бу. Алэ тоты́ два молóдши хлóпци зайшлы́ до кýхни тай тóго птáшка укрáлы: стáршый хлóпэць зйиў птáшка, а молóдшый вы́пыў зъ нэ́го ю́шку. Тогды́ прыйшлы́ видъ слю́бу, а птáшка нэмá. Алэ наўчы́тиль кáжэ: „Якъ ся довидаю, то зáбью тóго, що птáшка зйиў!“ Тай тоты́ хлóпци дýжэ ся упýдылы тай забрáлыся и поўтикáлы гэтъ.

Тай ишлы́ дорóгоў, а бáба жáла пшэны́цю.—„Дэ вы йдэ́тэ, хлóпчыки?“—„На слýжбу!“—„То наймíтся въ мэ́нэ!“—Наймы́лыся у бáбы, посы́лы съ нэў пшэны́цю. Прыйшлы́ ввэ́чиръ додóму, дáла имъ бáба смэтáны, пырогíў, а потóму полигáлы спáты. Встаю́тъ рáно, а бáба увы́дила пидъ стáршымъ хлóпцёмъ пидъ головóў тры мильóны грóшэй. Алэ якъ винъ встаў, грóшэй вжэ нэ бýло. А то бýлы для тóго грóши, що винъ птáха зйиў; áлэ для дрýгыхъ то ти́лько такъ покáзувало грóши, тай никóму ся ти грóши нэ давáлы бráты, лышэ́нь ёмý. Тай потóму вжэ хлóпци вы́дилы, що у бáбы тяжкá слýжба, то забрáлыся тай пишлы́.

Пишлы́ до еднóго пáна, а той панъ маў дви дóньки. Тай стáрша полюбы́ла сы стáршого хлóпця, а молóдша молóдшого. Кáжутъ: „Мы ся будэ́мъ съ ны́мы побырáты!“ Тай оны́ ся такъ пибрáлы: стáрша взялá стáршого, а молóдша молóдшого хлóпця. Тай оны́ тамъ яки́-сь часы́ жы́лы, а видтáкъ молóдша сэстрá свогó чоловíка нэзлюбы́ла. Тай хоти́ла ёгó стрáтыты, то пислáла го до еднóго чорти́ўского ми́ста по грóши. А онá знáла, що то ми́сто въ тимъ дны мáе ся затрясты́.

Тай винъ идэ́, áлэ на дорóзи здыбáе ми́сяця, що клаў огэ́нь тай пикъ фáйку. Пытáеся ёгó ми́сяць: „Дэ ты йдэшь?“—„До чорти́ўского ми́ста по грóши.“—А ми́сяць кáжэ: „То й я иду́ съ тобóў.“ Тай пишлы́ обá. На дорóзи здыбáлы сóньцэ, що кладэ́ огэ́нь и пэчэ́ фáйку. Сóньцэ ся пытáе: „Дэ

вы йдэ́тэ?“—„Идэ́мъ до ми́ста по гро́ши.“—„То и я йду съ ва́мы.“—Пишлы́ вси тры. Тай зноў на доро́зи здыба́лы ви́тра, що клаў огэ́нь и пикъ фа́йку. Ка́жэ имъ ви́тэръ: „Дэ вы йдэ́тэ?“—„До ми́ста по гро́ши.“—„Тай я иду́ съ ва́мы.“—Пишлы́ вжэ штыры. Иду́ть тай надыба́лы моро́зъ, що клаў огэ́нь тай пикъ фа́йку. Пыта́еся моро́зъ: „Дэ вы йдэ́тэ?“ —„До ми́ста по гро́ши.“—„И я иду́ съ ва́мы.“—Пишлы́ вси да́ли. Тай тамъ сыды́тъ дощь, кладэ́ огэ́нь тай пэчэ́ фа́йку. Винъ та́ки пишо́ў съ ны́мы.

Прыхо́дятъ оны́ до ми́ста, до то́и чорти́ўскои ка́сы, тай той ка́жэ: „Да́йтэ мэни́ гро́шэй!“ Тогды́ чорты́ такъ ка́жутъ: „Якъ намъ вы́чэрпаешь изъ мо́ря во́ду, то дыста́нэшь гро́ши.“ Тогды́ ви́тэръ поду́ў, ста́лы витры́, во́ду вы́чэрпалы изъ мо́ря, засы́палы по́рохомъ, тай ста́ло су́хо. Тогды́ ка́жутъ чорты́: „Тэпэ́рь намъ до ра́на то ми́сцэ вы́оры, посі́й пшэны́цю, вы́жны и въ ко́пы зложы́, то ты дамо́ гро́ши.“ Стаў ви́тэръ, розсу́нуў зэ́млю и посі́яў пшэны́цю, со́ньцэ прыгри́ло, дощь пишо́ў,— за́разъ пшэны́ця зі́йшла и дозри́ла. Тай тогды́ вси ра́зомъ пишлы́, вы́жалы пшэны́цю и зложы́лы въ ко́пы. Пото́му вжэ чорты́ ка́жутъ: „Мы тобі́ щэ тыхъ гро́шэй нэ дамо́, ажъ по́ки зноў мо́рэ нэ ста́нэ по́ўпэ воды́, такъ якъ було́.“ Тогды́ ста́лы вэлы́ки дощи́, нальля́лы въ мо́рэ воды́, тай ста́ло по́ўнэ. Алэ щэ чорты́ ка́жутъ: „Мы накладэ́мъ пидъ зэлі́зный пьецъ симь пиўла́тэркиў дроў,—якъ тогды́ ся́дэшь на го́лый пьецъ и пообі́даешь на пье́цу, то вжэ ты дамо́ гро́ши и самы́ вы́йдэмъ зъ то́го ми́ста.“ Тай напалы́лы въ зэлі́знимъ пье́цу, ажъ бўў циўко́мъ чэрво́ный, тай посады́лы его́ на той пьецъ. Алэ за́разъ прыйшо́ў моро́зъ и положы́ў ру́ку сво́ю на пьецъ, то пьецъ стаў такі́й зы́мный, що той зача́ў зуба́мы клэ́пцаты и клы́чэ: „Дава́йтэ кожуха́, бо-мъ змэрзъ!“ Тогды́ чорты́ увы́дилы, що винъ ихъ пэрэгра́ў, тай забра́лыся зъ то́го ми́ста гэть, а ему́ лышы́лы ка́су съ гри́шмы.

Алэ винъ вжэ до жоны́ ся нэ вэрта́ў. Позгрома́джуваў тысячу муляри́ў, зача́лы будува́ты новэ́ ми́сто. Тай обмурува́ў ми́сто му́ромъ и замкну́ў на штыры бра́мы— на ко́ждимъ тра́хти е́нча бра́ма: на едни́мъ чэрво́на, на дру́гимъ сы́на, на трэ́тимъ зэлэ́на, а на чэтвэ́ртимъ тра́хти жо́ўта.

Тай потому вжэ зоста́ў у тимъ ми́сти королёмъ, чэ́рэзъ то, що юшку выпыў зъ то́го пта́ха.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

—

б). *) Гдэ было, тамъ было, за чэрвэнымъ морёмъ, за скляняноў гороў, за соломяными двэрмы, за билымъ лисомъ, тамъ дэ воду грабаютъ и писокъ вяжутъ, буў той чоловикъ, що ми оповидаў, а я соби добрэ ўпамятаў таку прыповидку:

Быў одэнъ господаръ дужэ убогій, мэшкаў пидъ лисомъ; то вииъ часто ходыў до лису—то за птахомъ, то за звирёмъ. Одного разу зловыў випъ дужэ красного пташка съ золотымъ пирёмъ и взяў его до-дому, всадыў въ клитку и такъ его коваў. Той господаръ нэ быў учэный, ани его диты, то нэ зналы о своимъ счастью.

Ажъ одного разу йидэ панъ въ кочу штырма кипьмы и визъ съ собою сына. Ажъ наразъ сынъ показуе витцу своему, колы переходылы коло хаты господаря: „Тату, подывится, якій тамъ пидъ стрихою въ клитци красный пташокъ!“ Панъ казаў кочишовы спэрты кони, самъ зійшоў зъ того коча и пишоў подывытыся на того пташка. Ажъ дывытся—на крыльцяхъ напысано: „Хто бы мэнэ зййў, той всэ, колы встанэ зо спаня, найдэ пидъ собою два дукаты.“ Пану тая ричь сподобалася дужэ и заклыкаў господаря зъ хаты. И мовытъ до нэго: „Господарю, продай мэни того пташка, дамъ тоби за нэго сто дукатиў!“ А господаръ на тое кажэ: „Панэ, я дужэ убогій, то колы диты просятъ йисты, а я нэ маю имъ що даты, то оны и цилый дэнь бавятся пташкомъ, а нэ докучаютъ ми плачомъ; а тоты дукаты вже бы ся розійшлы, то я нэ продамъ пташка ни-за-що!“ Панъ мовытъ господарю: „Дай мэни пташка, а я тоби дамъ ґрунту подостатокъ и будэшь биля мэнэ жыў до смэрты!“ На тое господаръ згодыўся и пишоў съ паномъ.

Алэ господарова донька дужэ сподобалася пановому сыновы, то ожэныўся съ нэю. По вэсилю

*) Ударенія въ этой посторонней записи не отмѣчены.

панъ казаў кухарёвы, жэбы прыправыў пташка того, що купыў видъ господаря. Кухаръ зробыў, якъ панъ казаў. Колы вжэ пташка вырыхтуваў, лёкай нисъ для пана, алэ забыў видэльцп тай лышыў талиръ съ пташкомъ въ синёхъ, а самъ щэ вэрнуўся. Тамъ бавылыся хлопци того господаря, тай старшій ўхопыў пташка, розорваў надвое, зйиў одну часть самъ, а другу даў брату, и той также зйиў. Лёкай прыйшоў съ видэльцямы, а пташка южъ нэма. Вэрнуўся дъ кухарёвы, радятся—що робыты? Кухаръ взяў малэ куря, высмажыў. а лёкай виднисъ для пана, тай панъ зйиў. Но панъ лэмъ чэкаў ночы: рано встаў, глядае по постэлы за дукатамы, алэ дукатиў нэма. Пэрэйшла и друга ничь —дукатиў заўсэ нэма. Въ той часъ склыкаў панъ кухаря и лёкая тай пытае: „А що вы зробылы съ золотымъ пташкомъ?“ Оны почалы цыганыты, но вкиньцы мусилы повисты, що сталося. Панъ, колы довидаўся, що то хлопци зйилы пташка, прыклыкаў стрильця и мовытъ до нэго: „Мусышь мэни зробыты розказъ, бо якъ-бы-сь мэнэ нэ послухаў, то я тэбэ прожэну зъ мого двора, а якъ мэнэ послухаешь, то я тэбэ добрэ обдарую; возьмы, кажэ, тыхъ двохъ хлопциў въ лисъ и застриль ихъ, а прынэсы мэни зъ ныхъ очы на-ўказъ!“ Стрилэцъ пана послухаў, взяў тыхъ двохъ хлопциў съ собою тай въ лисъ попровадыў. Прыходытъ пидъ лисъ тай вытягнуў стрильбу до хлопциў, щобы ихъ застрилыты, ажъ на счастье приходытъ другого пана лисничій тай крычытъ: „А бій жэ ся Бога, що ты думаешь робыты?“ Той на тіи слова застановыўся тай мовытъ: „Мэни самому жаль тыхъ дитэй, но мушу розказъ паньскій робыты!“ На тое другый кажэ: „Ты-бы-сь за ти диты зъ пэкла николы нэ выйшоў!“—„Алэ кой я мушу зъ ныхъ прынэсты очы на-ўказъ!“—Другій на тое: „Дывыся—тамъ полэмъ бижытъ лысъ; застриль его, а очы выймы, то будэшь маў на-ўказъ.“—„Алэ гдэ возьму другыхъ двохъ очэй?“—„Виджалуй свого пса, кажэ, застриль его, а очы выймы!“—Послухаў его стрилэцъ. Въ той часъ мовытъ до хлопциў: „Диты люби, идитъ тэпэрь въ сьвитъ за очы, жэбы-сьтэ николы нэ прыходылы до-дому, бо я бы пишоў на смэрть!“

Хлопци въ той часъ забралыся въ подорожъ лисомъ, алэ жэ лисъ буў вэлыкій, то его нэ пэрэйшлы чэ-

рэзъ дэнь. Тогды надэрлы соби моху, постэлылы тай полигалы спаты. Рано поўставалы, алэ и нэ дывылыся, чи тамъ с дэ-що, забралыся тай пишлы далэ лисомъ. Алэ въ другій дэнь нэ выйшлы зъ лиса, зноў тамъ ночовалы, а дукаты зосталы. Ажъ въ трэтій дэнь вэчэромъ выйшлы зъ лиса и прійшлы до одпои хаты, що була пидъ лисомъ. Війшлы до тои хаты, а тамъ лэмъ одна баба была. Тай почалы ся просыты, абы ихъ пэрэночовала, но баба видповила: „Диты люби, я васъ нэ можу ночоваты, бо я дужэ рано иду на заробокъ, а вы нэ будэтэ хотилы вставаты.“ Но диты почалы плакаты, то баба ихъ южъ прыяла. Алэ рано баба встала тай хлопциў пробужае, ажъ дывытся—два дукаты пидъ однымъ, а два пидъ другымъ. Но хлопциў нэ могла добудытыся, то дала имъ спокій, тилько дукаты сховала. Видъ того часу южъ баба бильшэ на заробокъ нэ ходыла, а хлопциў иры соби трымала. И такъ ся баба по-пры хлопцяхъ збогатила, що купыла соби въ мисти мурованыцу и ґрунта и чэлядь сы еднала. Но одного разу пани пишла до миста, а кухарка пишла до пыўпыци по молоко. Тай хлопци пишлы за нэю и звалылы горпэцъ молока. Кухарка почала крычаты на хлопциў: „Вы лотры, тó за тое таку шкоду пани робытэ, що васъ выховала!“ Хлопци ўстрашылыся тай утиклы видъ пани.

Зайшлы въ одэнъ лисъ, та ихъ тамъ зайшла пичь, но оны надэрлы сы моху тай полигалы спаты. Рано встаютъ, дывятся—на одній постэлы два дукаты и на другій два. Въ той часъ подумалы соби, жэ мала ихъ за-щó пани ховаты. Но назадъ нэ вэрнулы, ходылы по сьвиту. Разъ прійшлы до миста, въ котримъ была комэдія. Тай пишлы оба и купылы соби тамъ шисть звирэй: два воўки, два мэдвэди и два львы, и купылы стрильбу и саблю—одэнъ и другій. Такъ ходылы оба ўразъ по сьвиту. Ажъ одного разу мовытъ молодшій до старшого: „Братэ, нэ добрэ намъ обомъ ўразъ ходыты; розійдмэся, а колы ся даколы зыйдэмэ, то одэнъ другому будэмэ оповидаты, що котрый по сьвиту выдиў.“ Якъ урадылы, такъ и зробылы. Прійшлы на крыжову дорогу, а при дорози была дудлава вэрба. Молодшій до старшого кажэ: „Братэ, трэба запяты до тои вэрбы пижъ, а якъ ся котрый повэрнэмэ ўзадъ и увыдымэ, що вистрьe нэ заржавлэнэ, то будэ знакъ, що оба

жіемо; алэ якъ будэ дакотра сторона заржавлэна, то знакъ, жэ одэнъ нэ жіемо!“ Згодылыся на тое тай розпрощалыся и розійшлыся.

Разъ прыходытъ старшій до одного мнста и пійшоў до найбогатшои трактыярни и мовытъ до трактыярныка: „Панэ, дай мэни чотыры порціи мяса!“—„А то на що? прэцинь нэ зйишь за чотырохъ!“—„Най то пана нэ обходытъ, лэмъ най ми панъ дае!“—Въ той часъ заклыкаў звирэй зъ двору и даў кождому по одной порціи. По обиди пытае подорожный: „Панэ, що тутъ чуты нового?“ На тое трактыярныкъ: „Злэ у насъ! такъ чуты, жэ всихъ жыдиў будутъ ризаты; алэ я нэ маю страху, бо я сы спровадыў фляшочку ликиў, то колы ми видотнутъ голову, то жэна ми намастытъ каркъ и голову, то ми ся зростэ.“ И показаў фляшочку подорожному тай поставыў на лави, а самъ гдэ-сь обэрнуўся. Тымчасомъ мэдвидь схопыў тую фляшочку зъ лавы, стысъ мэжы пальци, а подорожный заплатыў за страву тай видійшоў. Навэтъ трактыярныкъ нэ бачыў, що сталося. Колы выйшлы въ полэ и шлы коло однои грушки, то мэдвидь загрюбъ фляшочку пидъ грушку, тай пишлы далэ.

Вкиньцы прійшлы до мнста цисарского. Подорожный вступыў до трактыярни и зноў пытае: „Що ту чуты?“—„Нэ добрэ! объявыўся тутъ смокъ и водымэ ему за-коляёў по одного чоловика, а заўтра пидэ цисарска днўка на пожэртя!“—Подорожный на тое: „Мэни якъ-бы ся хотило, то я бы ен нэ даў зйисты!“ Трактыярныкъ даў знаты до цисаря. Цисаръ прыслаў кочъ за подорожнымъ, но винъ нэ пишоў. Въ другій дэнь подорожный пишоў пидъ скалу, гдэ быў смокъ; а была тамъ каплыця, то сы стаў за каплыцю. Ажъ надходытъ кочишъ съ прэнцызною въ кочу. Прэнцызна війшла до каплыци тай молылася доўго. Смокъ выголоднўся добрэ тай выйшоў зъ днры и пустыўся просто до каплыци. Въ той часъ подорожный защуваў звирямы сзаду: звиры сзаду жэрлы, а винъ съ саблэю до голоў забраўся и видтяў смоковы всн 12 голоў. Звиры головы порозвлыкалы, тилько языки винъ выняў и сховаў. Прэнцызна до нэго кажэ: „Що сы жычышь за ту услугу?“—„Якъ маешь охоту за мэнэ замужъ иты, то тилько жэланя!“—„Добрэ! на-тоби на знакъ

половыну пэрстэня и половыну хусточки, а другу половыну я возьму.“—„Добрэ! но доки я мамъ ждаты?“ — „Въ протягу року!“—Попрощалыся тай розiйшлыся. Кочишъ заяў до миста, а подорожный лигъ спаты.

Но кочишъ обозрнўся и увыдиў, що той сныть, то повэрнуў ўзадъ, позбыраў головы до брычки, а самъ пишоў дъ подорожному тай видтяў ему голову. И повэрнуў до брычки тай заяў до миста. Но якъ прыйшоў кочишъ на одэнъ мистъ, мовыть до прэнцызны: „Прысяжъ пэрэдъ мною, жэ будэшь моею жэною, то будэшь жыты, а якъ нэ прысяжэшь, то тэбэ кину зъ моста!“ Прэнцызна прысягла. Колы прiйшлы до миста, кождый ся пытае—що сталося? Кочишъ мовыть, що смока убыў, то прэнцызну вэзэ до-дому. Нэ далы виры. Кочишъ показаў 12 голоў—въ той часъ звирылы. Цисаръ мовыть до кочиша: „То якъ-жэ ты смока забыў?“—„Батогомъ! я такъ сыльно быў, що за кождымъ разомъ голова видпала.“ —„Но, то я тэбэ ожэню съ моею днўкою.“ И хотиў заразъ обое винчаты, алэ, прэнцызна повила, що за рикъ нэ будэ ся выдаваты, и ждала рикъ.

Въ той часъ звиры дывятся, а панъ головы нэ мае, що му кочишъ видтяў. Мэдвидь побигъ пидъ грушу, выгрюбъ фляшочку, прыйшоў дъ пану и намастыў каркъ и голову и зложыў въ-одно. Панъ встаў, но голова на плэчахъ обэрнэна. Панъ мовытъ: „А що вы зо мною зробылы?“ Зъ того смутку лигъ спаты. Мэдвидь взяў саблю, видтяў пану голову и зложыў, якъ ся налэжыть. Той встаў и пишоў по сьвиту.

Въ той часъ южъ цисаръ зачаў вэсильє справляты. А подорожный прыходыть до трактыярни и пытаеся: „А що тутъ чуты нового?“—„Добрэ чуты у насъ: днэсь выдаеся прэнцызна, котра мала иты линьского року смоковы на пожэртя.—“Подорожный кажэ: „А чому нэ йишла?“—„Бо одэнъ кочишъ смоковы 12 голоў видтяў, то за нэго ся выдае; ой, кобы мы тое йилы, що тамъ будутъ!“ —Подорожный кажэ: „Якъ-бы-мъ хотиў, то мы бы йилы!“—Трактыярныкъ заложыўся съ подорожнымъ: „Я тоби дамъ мою трактыярню, якъ мы будэмо тое йилы!“—Подорожный напысаў картку, вложыў въ кошычокъ, кошычокъ заложыў воўковы на шыю и выправыў его до цисарского бур-

ку. Воўкъ пишоў. Въ бурку прэнцызна познала, чій воўкъ, взяла картку, пэрэчытала и одослала кождого йиджиня до трактыярни. Трактыярныкъ въ плачъ: „Южъ по мойій трактыярны!“ Но подорожный влагойиў его: „Еслы будэшь спаў въ стайны въ жолоби, а твій слуга въ твоимъ лижку за тры почы, то трактыярня твоя!“ Згодыўся на тое и зробыты такъ мусиў трактыярныкъ. Прэнцызна по подорожного прыслала кочъ, абы прыходыў на вэсилье. Подорожный прыйшоў. Въ той часъ прэнцызна мовытъ: „Паньство вэльможнэ! я одно слово поспытаю васъ: чы вартае що прымушэна прысяга?“ Одповилы: „Нэ заўсэ!“—„Я прысягла, мовытъ, сама зъ прымусу: якъ мэнэ визъ кочишъ зъ-пидъ скалы, хотиў мя кинуты зъ моста, якъ пэрэдъ нымъ нэ прысяжу, що за иншого нэ выйду за-мужъ, лэмъ за нэго; а то той подорожный забыў смока!“—„Но то нэ можэ буты праўда, бо кочишъ прывизъ 12 голоў!“—Прэнцызна мовытъ: „Я дала ему знакъ, що за иншого нэ выйду за-мужъ.“ И выняла половыну хустыны и половыну пэрстэня.—„А тэпэрь ты покажы свои знаки!“—Той показаў такожъ, зложылы въ-одно—здалося. Пры тимъ показаў още 12 языкиў. Въ той часъ кочиша розирвалы за киньмы, а подорожный ожэныўся съ прэнцызною.

По вэсилю пытае винъ разъ въ почы жэны: „А що то тамъ на гори сьвитытся?“ Но нэ повила ему. Рано взяў съ собою звирэй и пишоў на гору, а тамъ была стара хата, а коло хаты самы трупы. Войшоў до хаты, а въ хати была Баба-Язя. Тай пытае: „А по-що тутъ панъ прійшоў съ звирыною? чы жэбы мэнэ звирына зйила?“—„Ни, нэ за-тое!“—Тай баба мовытъ: „Ану, якъ-бы тымъ прутыкомъ чвикнуў звирэй?“—„А то спробуй!“—Баба звирэй чвикла, и пала, то скамэнилы.

Ажъ вэртае молодшій братъ къ вэрби, выняў ножъ, а вистря заржавлэнэ.—„Ого! южъ мій братъ нэ жіе!“—И прійшоў тою самою дорогою, що и его братъ, и прійшоў до тои самои трактыярни, до цисарского миста. И пытае: „Що ту чуты?“—„Чуты, жэ ся за вамы барзъ засмутыла ваша жэна прэнцызна.“—Той пишоў до цисаря, то тамъ ся нымъ барзъ потишылы, бо думалы, що то молодый цисаръ. Ввечэръ запросыла цисарова его до лижка. Винъ лигъ, алэ положыў саблю до лижка на-

сэрдыну и мовытъ: „Такъ лэжы, якъ тая сабля!“ Дывытся, а на горн що-сь сьвитытся. Она ему кажэ: „Нэ ходы тамъ бильшэ николы, бо тамъ кто идэ, то назадъ нэ вэрнэ!“ Той рано взяў съ собою звирэй и прыходытъ дъ хати. Дывытся, а тутъ лэжытъ чоловикъ и тры звиры. Познаў, що то его братъ, набыў ϒвэръ, взяў въ руку саблю и отворыў двэри. Баба, якъ до пэршого, такъ и до нэго почала облэснэ говорыты. Алэ той мовытъ: „Бабо, положы прутыкъ, бо якъ нэ положышь, то тя застрилю!“ Баба прутъ положыла, а винъ защуваў бабу звирамы. Баба зъ-болю мовытъ: „Чоловичэ, даруй мн, а я тэбэ прыпроваджу до такои керныци, що якъ тою водою покропышь брата, то ожіе.“ И повэла его, алэ звиры въ зубахъ еи трымалы. Колы прійшлы до керныци, чоловикъ вложыў кій до воды, а кій запалыўся. Въ той часъ защуваў на-ново бабу звирамы, то баба повэла его до иншои кэрныци. Подорожный вложыў зноў кій до воды, а кій позэлэниў и пустыў лыстье и заквитъ. Винъ зачэръ воды до капэлюха и пишоў дъ брату, покропыў его тою водою и его звирэй, тай поўставалы вси. Тогды защуваў шистьма звирамы бабу, тай ю розирвалы.

Колы ишлы до-дому, молодшій кажэ: „Братэ, я тои ночы спаў съ твоею жэною!“ Старшій пшоў сзаду, взяў саблю тай видтяў ему голову. А самъ пишоў до-дому; звирэй хотиў взяты, алэ нэ пишлы. Колы прійшоў до-дому, кажэ: „Жэно, я злэ здилаў!“—„А що таке?“—„Я забыў свого брата! похвалыўся мэни, жэ съ тобою спаў!“—„То ты злэ зробыў; я думала, що то ты самъ, алэ винъ положыў саблю до сэрдыны, щобы-мъ такъ лэжала, якъ сабля.“—Стало ему жаль за братомъ и вэрнуўся на тое мисцэ, гдэ его зоставыў. Колы надійшоў на тое мисцэ, почалы звиры выты, дъ нэму прыскакуваты и впэрэдъ нэго бигаты, и то такъ доўго, ажъ покп ся нэ надумаў, що оны хотятъ: вкиньцы прывэлы его до керныци, то тамъ начэръ воды. Въ той часъ звиры побиглы впэрэдъ дъ брату, а той за нымы. Покропыў его тою водою и той ожывыўся тай встаў.

Оба пишлы до-дому. На дорози урадылы соби такъ: „Нэ даймося пизнаты въ бурку!“ Якъ прійшлы до-дому, нэ познаў нихто, котрый цисарскій зять. Вкиньцы по-

чала молода цисарова просыты: „Ознаймитъ, котрый вы мій мужъ!“ Но нэ ознаймылы. Молода цисарова пишла мижъ людэй на пораду. Людэ давалы всяку раду. Цисарова вси пробы робыла, по жаднымъ способомъ нэ довидалася, котрый си мужъ. Ажъ одна баба дала йій такои рады: взяла цисарова до михура свижои кровы, прыйшла до ныхъ и мовытъ: „Прызнайтэся, котрый вы мій мужъ!“ Но нэ прызналыся. Въ той часъ ихпула нижъ до михура, а михуръ мала нидъ нахою; кроў почала ся льляты, а цисарова упала нибы нэжыва. Въ той часъ скочылы оба ратоваты. Тай мовытъ старшій братъ: „Алэ я ажъ тэпэрь глупый жартъ выстропў! нэ мигъ я даўно прызнатыся!“—Почаў плакаты и мовытъ: „Про глупый жартъ нэ буду маў жэны!“ Въ той часъ цисарова встала, познала, котрый си мужъ и показала ему штуку, що она нэ до сэбэ нижъ ўпяла, лэмъ до михура.

Отъ того часу жылы счаслыво обое. Брата обдарылы добрэ, а колы дозналыся, що ужэ той панъ умэръ, то далы брату подостаткомъ грошэй, щобы и витцу на стари лита лэкшэ было дыхаты. Попрощалыся тай пишоў братъ дъ своему витцу. Найшоў его и матирь жывыхъ, ознаймыў имъ о всимъ, що сталося, чэрэзъ що вэлыку утиху малы. И прожылы въ радосты до смэрты, а якъ нэ помэрлы, то и додн๋эсь жіютъ.

(Сообщено о. А. С. Хилякомъ отъ Николая Кирпана изъ с. Тылявы, кросненскаго уѣзда.)

32.

Чудесная рыба.

Разъ пишо́ў рыба́къ на ры́бы тай поймаў одну ры́бу чэрво́ну, бэзъ хвоста́. Тай ка́жэ: „Я тэбэ́ ззимъ!“ А ры́ба ка́жэ: „Нэ йиджъ мэнэ́, то якъ прыйдэ́шь до-до́му, будэ́шь ма́ты на столи́ горня́ ка́ши!“ Тай винъ тогды́ ій пустыў. Прыхо́дытъ до-до́му, а ка́ши нэма́. Винъ тогды́ зноў пишо́ў на ры́бы тай поймаў зноў ту-саму́ ры́бу и ка́-

жэ: „Вжэ тэпэ́рь тэбэ́ ззимъ!“ Алэ она́ ка́жэ: „Нэ йиджъ, то бу́дэшь ма́ты на столи́ горня́ ка́шп!“ Випъ ры́бу пусты́ў, прыхо́дытъ до-до́му, а ка́шп нэма́. Тай пишо́ў въ трэ́тый разъ, ту-саму́ ры́бу поййма́ў тай ка́жэ: „Ажэ́нь тэпэ́рь тэбэ́ ззимъ! вжэ мя бі́льшэ нэ здуры́шь!“ Алэ ры́ба ка́жэ: „Нэ йиджъ мя, то бу́дэшь ма́ты до́ма зау́жды горня́ ка́шп!“ Тай ка́жэ: „А якъ що схо́чэшь ма́ты, то скажы́: съ бо́жои мо́цы до помо́цы!—то ты ся за́разъ всё ста́нэ, що схо́чэшь!“

Тай винъ тогды́ ка́жэ: „Съ бо́жои мо́цы до помо́цы—абы́-мъ маў такі́й возо́къ, абы́ самъ ййхаў!“ За́разъ му ся такі́й возо́къ зъявы́ў, винъ спу́ и пойй́хаў. Тай ййдэ, а тамъ ся ды́вытъ ци́сарова донька́ кру́зь викно́ (бо йи тамъ ци́сарь замкну́ў, абы́ она́ ни съ кимъ нэ говоры́ла). А той надййхаў тай ка́жэ: „Съ бо́жои мо́цы до помо́цы—абы́ мэни́ та па́нна дыты́пу почу́ла!“ Тай она́ за́разъ зайшла́ въ тяжь тай пото́му поро́дыла хло́пця.

И въ симь литъ той хло́пэць зача́ў говоры́ты. Пыта́ется ёго́ ци́сарь: „Цы спизна́ў-бы ты свого́ витця́?“ А винъ ка́жэ, жэ спизна́ў-бы за́разъ. Тогды́ ци́сарь зигна́ў всій край на едно́ по́лэ, а той хло́пэць хо́дытъ и шука́е свого́ витця́. Ажъ прыйшо́ў идъ то́му рыбако́вы тай ка́жэ: „О-то́ мій отэ́ць!“

Тай тогды́ ци́сарь каза́ў ихъ обо́е и хло́пця съ ны́мы ке́путы до вязны́ци. Тай оны́ тамъ сыди́лы голо́дни, бо лышэ́ имъ даю́тъ на́-дэнь едну́ бу́лку тай скля́нку воды́—для всихъ тройхъ. Алэ винъ тогды́ ка́жэ: „Съ бо́жои мо́цы до помо́цы—пай мы ту ста́нэ по́унэ горня́ ка́шп!“ За́разъ ся зъявы́ло и оны́ ся найи́лы до́брэ. Тогды́ вжэ тота́ ци́сарова донька́ ка́жэ: „Ой, кобы́ туй хоть ви́кна бу́лы, бо тэ́мно ду́жэ!“ То винъ то сло́во сказа́ў и за́разъ ста́лы такі́ высо́ки ви́кна, якъ въ дво́ри́. Тогды́ винъ вжэ ка́жэ такъ: „Съ бо́жои мо́цы до помо́цы—абы́ на гори́, на найвысшій, за́разъ мэни́ ста́ў королі́ўскій двиръ тай абы́ мы, ка́жэ, за́разъ въ тимъ двори́ ста́лы!“ Ла́двэ ся огляну́лы, вжэ за́разъ въ тимъ двори́ ста́лы.

Пото́му она́ разъ ка́жэ: „Ой, кобы́ я ся щэ съ моймъ та́томъ увы́дила!“ А винъ ка́жэ: „Та чому́ ни? увы́дышься!“ И ка́жэ: „Съ бо́жои мо́цы до помо́цы—абы́ видъ мо́го двора́ до ци́са́рского ста́ў госты́нэцъ и ста́лы пта́хи въ клитка́хъ по-пры госты́нэцъ и ру́жи квиту́чи!“ Тогды́ ци́сарь увы́диў той го-

стыпэць тай кáжэ: „Щó то такóго е?“ Тай взяў сы на пиўроку хлиба тай пойихаў. Алэ пэ стáло му на дорóзи хлиба тай ся вэрпуў до-дóму. Тогды́ вжэ взяў сы хлиба на два рóки тай ййдэ доли́ тымъ гостьíнцэмъ. Тай хотиў взяты одного птáха съ клиткоў, áлэ го хто-сь удáрыў въ пысокъ, а нэ вы́дпў— хто? Тай поййхаў дáли—увы́дпў на горí крáсный двиръ. А той ёгó зять вы́йшоў зо двора́ па ґáнокъ тай кáжэ: „Съ бóжои мóцы до помóцы—абы́ тóму цисáровы зъ коли́нъ кроў тэклá!“ Тогды́ зáразъ цисáръ зачáў лиззы на коли́нахъ до тóго двора́ на-гóру, тай му зачáла кроў зъ коли́нъ тэчы́.

И оны́ ся тамъ балювáлы бэзъ тры рóки, áлэ ся тотá ёгó донькá и зять тáтовы нэ спизнáлы, що то оны́ ёгó ды́ты. А по трёхъ рокáхъ той вжэ кáжэ: „Съ бóжои мóцы до помóцы—абы́ тáто стаў въ свóимъ дворí!“ Тай цисáръ тогды́ зáразъ стаў въ свóимъ дворí въ ли́жку. Тай збуды́ўся тай ся дýжэ дывýе, якъ то винъ за едну́ пичь пэрэйшóў такý дорóгу, що пэ́ршэ два рóки мýсиў ййхаты? А той тогды́ ёгó зять зноў сказáў: „Съ бóжои мóцы до помóцы—абы́ ся той гостьíпэць запáў въ болóто!“ То вжэ цисáръ до пыхъ бíльшэ нэ прыйиждж́аў, бо нэ знаў кудь́. А оны́ собí въ своимъ дворí панувáлы ажэ́нь до смэ́рты.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

33.

Платокъ, шляпа и топоръ.

Було́ тры брáти и вси тры пишлы́ до вóйска и стáлы въ вóйску старшы́мы. А тамъ буў едэ́нъ минíстэръ, маў дýжэ вэлы́ки грóши въ кáси, тай ти грóши кóждои нóчы хто-сь краў, а нэ знаты—хто? И винъ кóждои нóчы стáвыў тамъ стóрожу, áлэ всэ що-сь вояк пу забывáло.

Алэ той наймолóдшый братъ кáжэ: „Я пи́ду тóи нóчы стэрэ́чы!“ Тай пишóў до ксёндза, даў му ксёндзъ

ко́лэсо сьвячо́нэ и попаны́суваў на тимъ ко́лэси золоті́ лі́тэры и даў му що кра́йды сьвячо́ни. Иншо́ў винъ съ тымъ на сто́рожу и стаў собі́ на тимъ ко́лэси. А ту въ ночы́ такі́й щумъ зъявы́ўся, такі́ су́витры ста́лы, тай зача́ло въ нёго і́скрамы тай головни́ма мэта́ты. А винъ съ то́го ко́лэса ани ру́хаеся. Ско́ро то блы́зчэ идъ нёму прыйшло́ тай за́разъ прыйшла́ на́пи и ка́жэ: „Прыйми́ мэнэ́ на́-ничь!" А винъ ка́жэ: „Та йды тамъ до бу́дки тай спы!" Она́ ка́жэ: „Алэ абы́-сь мя о 12-ій годы́ни збуды́ў!" Прыйшла́ 12-та годы́на, винъ поко́ўтаў γвы́ромъ до бу́дки и она́ встала. Тай ка́жэ: „На́-тобі́ то хустя́тко въ дарну́щы́ну!" А винъ ка́жэ: „Вэрзь тамъ, дэ-сь спа́ла!" Тай такъ ишо́ў и дру́гои но́чы на ва́рту. Стои́тъ на ко́лэси, а ту ста́лы су́витры тай зноў въ нёго́ головни́ма мэ́чэ. Алэ винъ съ то́го ко́лэса ани ся нэ ру́шыў. Прыйшла́ дъ нёму тота́ па́ни тай ка́жэ: „Прыйми́ мэнэ́ на́-ничь!"—„Иды́ до бу́дки, я ты нэ боро́ню!" Тай она́ пишла́ тай ка́жэ: „Абы́-сь мя зноў о 12-ій годы́ни збуды́ў!" Прыйшла́ 12-та годы́на, винъ поко́ўтаў γвы́ромъ, она́ вы́йшла тай ка́жэ: „На́-тобі́ дарну́щы́ну о-то́й капэлю́шокъ!"—„Вэрзь тамъ, дэ-сь спа́ла!"—Зноў такъ винъ ишо́ў трэ́тои но́чы на сто́рожу. Тай тутъ лэтя́тъ во́роны, такъ ква́каютъ изъ-да́лэка, тай зача́ло і́скрамы мэта́ты въ нёго, ажъ му обгори́лы бро́ва тай волосьсе. Тай якъ то прыйшло́ блы́зчэ, за́разъ прыйшла́ идъ нёму па́ни тай ка́жэ: „Прыйми́ мэнэ́ на́-ничь!"—„Иды́ тамъ, дэ-сь пэ́ршэ спа́ла!"—Она́ пишла́, а винъ йи о 12-ій годы́ни γвы́ромъ збуды́ў. Тогды́ она́ ка́жэ: „На́-тобі́ о-ту́ соки́рку!"—„Вэрзь тамъ, дэ-сь спа́ла!"—Алэ она́ ка́жэ: „Тота́ соки́рка, якъ будэ́шь нэў тря́сты, то буду́тъ зъ нэ́и гро́ши лэті́ты, ки́лько схо́чэшь; а той капэлю́шокъ якъ зало́жышь на го́лову и покру́тышь въ ли́вый бикъ, то за́разъ ста́нэ ко́ло тэ́бэ по́ўно во́йска; а хусты́на, якъ ся накры́ешь нэў, то нихто́ тя нэ увы́дытъ, абы́-сь дэ́ буў." Тай винъ тото́ видъ нэ́и забра́ў тай пишо́ў.

Тай надвэ́ргся тоў хусты́ноў и пойихаў нидъ ёнчого ци́сара, тай нихто́ го нэ вы́днў. А тамъ ка́жэ той ци́саръ: „Хто съ мо́ёў донько́ў бу́дэ гра́ты въ ка́рты цилу́ ничь, то будэ́ ся съ нэў побыра́ты!" Винъ

тогды́ пишо́ў и ка́жэ: „Я бу́ду съ нэў гра́ты въ ка́рты!“ Гра́с съ нэў цилу́ нічь тай всэ тоў сокы́ркоў трясэ́, а зъ нэп ся гро́ши сы́плютъ. Такъ гра́лы ажэ́нь до трэ́тои годы́пы по пи́ўночы. Якъ опа́ увы́дила, що му пэ мо́жэ да́ты ра́ды, тогды́ зварыла ёму́ за́разъ тако́и ка́вы, абы́ уснýў. Винъ ся то́и ка́вы напы́ў—за́разъ уснýў. А опа́ видъ нёго тогды́ ту сокы́рку видокра́ла, тай пишла́ бо́рзо до коваля́, зробы́ла е́нчу сокы́рку съ диро́ў, насы́пала у сокы́рку тро́ха гро́шэй и положы́ла ко́ло нёго. Тогды́ винъ встаў и зача́ў зноў съ нэў въ ка́рты гра́ты. Тай вы́трясъ изъ то́и сокы́рки вси гро́ши, тай му вжэ тро́шэй пэ ста́ло. Тогды́ ёго́ тамъ набы́лы тай нагна́лы.

А винъ взяў, заложы́ў капэлю́хъ на го́лову, покрутыў въ ли́вый бикъ, за́разъ ста́ло ко́ло нёго кима́ во́йска. Тай зача́ло то во́йско бы́ты до ци́сарового бу́рку. Тогды́ та ци́сарова донька́ вы́йшла и зача́ла ёго́ пэрэпро́шуваты. Тай заклы́кала ёго́ до сво́го покою, капэлю́шокъ му видобра́ла, тай тогды́ го тамъ набы́лы и нагна́лы зноў.

Винъ тогды́ взяў, надвэ́ргся хустя́тёмъ, пишо́ў до поко́ю и лягъ сы пидъ сто́лыкъ. А ку́харъ тамъ всэ но́сытъ па стиў ййсты, а той всэ вывэртáе. Алэ жо́ўпиръ тамъ стояў на ва́рти тай до́брэ прыдывы́ўся тай увы́диў, що пидъ столо́мъ ке́васся кинье́. То хопы́ў руко́ў пидъ стиў, зирва́ў съ то́го хустя́, тогды́ го вжэ вси увы́дилы. Тогды́ зноў го набы́лы тай вы́гналы гэтъ.

Тай винъ тогды́ пишо́ў и найму́ўся у одно́го па́на на слу́жбу. Той панъ дэ-сь йи́хаў въ доро́гу тай ка́жэ до нёго: „Абы́-сь ту всю́да поря́дки робы́ў и замита́ў, лышэ́ абы́-сь пи́ўды пэ йшоў до то́го поко́ю, що лы́комъ завя́заный!“ Алэ винъ буў ду́жэ цика́вый подывы́тыся до то́го поко́ю тай пишо́ў. Винъ ды́вытся—нычь нэма́, лышэ́ смитьё по коли́на, на-сэрэды́ни сто́лыкъ, а въ сто́лыку шуфля́дка. Винъ ту шуфля́дку витворы́ў, а тамъ є я́щыкъ, а въ тимъ я́щыку сыды́тъ то́го па́на хо́ванэць. Винъ той я́щыкъ съ тымъ чо́ртыкомъ взяў у кешэ́ню и пишо́ў гэтъ.

Тай пишо́ў съ тымъ зноў до то́го само́го ми́ста, дэ та ци́сарова донька́ бу́ла, тай въ тимъ ми́сти стаў мэ́шкаты.

Тай ка́жэ въ но́чы́ до то́го хо́ванця: „Иды́, прынэсы́ мэни́ тоту́ ци́сарову до́ньку!“ Хо́ванэць полэ́тну́ тай за́разъ му́ йи прынíсъ до лі́жка, а пото́му ра́но видни́съ йи наза́дъ до-до́му. Алэ она́ за́разъ засла́бла. Тогды́ ци́саръ спрова́дыу́ дохто́риу́, а дохто́ри ка́жуть: „То она́ то́й но́чы съ хло́помъ спа́ла тай видъ то́го слаба́“. Тогды́ на дру́гу ничь насы́палы въ ей лі́жко ма́ку, абы́ той макъ сыпаўся и такъ доро́гу показа́у́, куда́ ей но́сыть. Алэ той хо́ванэць йи взяу́ и понíсъ таки́ми дэ́брамы, що и пта́хи нэ долита́ють, абы́ ци́саръ нэ знаў, дэ макъ ся розсыпа́у́. Тай ра́но йи зно́у́ видни́съ до ей поко́ю. Тамъ пишлы́ вжэ за сьли-до́мъ шука́ты, а́лэ дэ́ тамъ? зайшлы́ въ таки́ дэ́бры, що й ру́-шытыся нэ можъ. Тай ся вэрну́лы до-до́му, нэ довíдалыся ницъ. Трэ́тои но́чы вжэ поста́вылы ко́ло нэ́и сто́рожу. Той зноу́ нисла́у́ хо́ванця по нэ́и, то чортъ полэ́тну́, загасы́у́ тамъ ля́мпу, сто́рожу побы́у́, а ци́сарову доньку́ взяу́ и пры-ни́съ до нёго, а пото́му видни́съ йи ра́но наза́дъ.

Тогды́ вжэ ци́саръ сказа́у́: „Хто мо́ю доньку́ браў у ночы́, той най вжэ ска́жэ, то ся бу́дэ съ нэу́ побыра́ты!“ Тогды́ винъ пишо́у́ и ка́жэ: „То я йи браў до сэ́бэ!“ Тай оны́ ся тогды́ обо́е побра́лы—тай конэ́ць.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

34.

Собака, кошка и змѣя.

Наймы́уся едэ́нъ хло́пэць у ɣа́зды за тры гро́-ши на рикъ. Вы́служыў той рикъ, взяу́ заслужэны́и тры гро́ши тай пишо́у́. Идэ́, а тамъ нэсэ́ чолови́къ пса. — „Дэ нэсэ́тэ, ɣа́здо, пса?“ — „Нэ́су въ лисъ за́быты, бо вжэ, ка́жэ, ко́ло ха́ты нэзда́лый.“ — Хло́пэць ка́жэ: „Нэ у́бы-ва́йтэ, я вамъ дамъ едэ́нъ гришъ за нэ́го, да́йтэ мэни́!“ Га́зда ся ути́шыў, взяу́ гришъ и даў му то́го пса.

Идэ́ винъ съ тымъ псомъ, а тамъ зноу́ нэсэ́ чолови́къ кота́. — „Дэ нэсэ́тэ кота́?“ — „Нэ́су до воды́ топы́ты, бо нэзда́-

лый.“—„На́-тэ вамъ гришъ, да́йтэ мэни́ кота́!“—Т а й д а ў г р и ш ъ, в з я ў с ы к о т а́ и п и ш о́ ў.

Тай идэ́, а тамъ такъ х л о́ п ц и г а́ д ы н у б ь ю т ъ. Винъ ка́жэ: „Йой, нэ быйтэ йи, на́-тэ вамъ гришъ тай пусти́тъ йи!“ Тай д а ў и м ъ г р и ш ъ, а г а́ д ы н а т о г д ы́ з а н ы м ъ л и́ з э. Тай ка́жэ до нёго на доро́зи: „Возьмы́ мэнэ́ на шыю, я тобі́ бу́ду пока́зоваты доро́гу до мо́го та́та!“ Тогды́ в и н ъ й и в з я ў н а ш ы ю т а й и д э́. Алэ она́ ёму́ пото́му ка́жэ: „Мій та́то тобі́ бу́дэ дава́ты гро́ши, мае́тки ри́жни, а́лэ ты абы́ ничо́го нэ браў, лышэ́ ж а д а́ й т о й к а м и н э́ ц ъ, що м і й т а́ т о п и д ъ я з ы́ к о м ъ м а́ е!“

П р ы й ш о́ ў в и н ъ в ж э т а м ъ д о е й в и т ц я́, а той му ка́жэ: „Я зна́ю, що ты за ню даў лышэ́нь едэ́нъ гришъ, а́лэ я тобі́ за твое́ до́брэ сэ́рцэ дамъ кима́ гро́шэй!“ А хло́пэць гро́шэй нэ хо́чэ, ка́жэ: „Да́йтэ мэни́ лышэ́ той каминэ́цъ зъ-пидъ язы́ка!“ Т а й т о й ё м у́ д а ў к а м и н э́ ц ъ тай ка́жэ: „Я к ъ щ о́ с х о́ ч э ш ъ м а́ т ы, т о а б ы́ - с ь т ы м ъ к а м и н ь ц ё м ъ п о к р у т ы́ ў п и д ъ я з ы́ к о м ъ, т о т ы с я з а́ р а з ъ с т а́ н э!“ Тай тогды́ хло́пэць собі́ пишо́ў.

Идэ́, а тамъ ко́ло едно́го ци́сара було́ ду́жэ вэлы́ке боло́то, а к о́ л о т о́ г о б о л о́ т а с т о й и́ т ъ к и м а́ п а́ н ь с т в а. Тогды́ винъ ся пыта́е: „Чого́ вы ту такъ стоитэ́?“ Ка́жутъ ёму́, що к а з а́ ў ц и́ с а р ъ, ж э х т о т о т о́ б о л о́ т о п э р э́ й д э, т о б у́ д э с я с ъ ё г о́ д о н ь к о́ ў п о б ы р а́ т ы. Винъ тогды́ взяў сы дви до́шки, едну́ клаў на-пэ́рэдъ сэ́бэ на боло́то, а дру́гу нисъ; якъ вжэ тоту́ едну́ до́шку пэрэйшо́ў, то кла́ў на-пэ́рэдъ сэ́бэ дру́гу, а тоту́ сза́ду браў и нисъ. И т а к ъ н а т ы х ъ д в о х ъ д о́ ш к а х ъ п э р э й ш о́ ў ц и л э́ б о л о́ т о а ж ъ д о ц и́ с а р а. А ци́саръ го ся пыта́е: „Та якъ ты то пэрэйшо́ў?“ Винъ ка́жэ: „Я всэ йшоў едно́ў доро́гоў, а дру́гу-мъ нисъ у рука́хъ, тай такъ-емъ пэрэйшо́ў.“ Алэ ци́саръ ка́жэ: „Хоть ты такі́й мудрагэ́ль, т о щ э н э б у д э́ ш ь м о́ ю д о н ь к у́ б р а ў, а ж ъ я к ъ в ы́ м у р у е ш ь з а е д н у́ н и ч ь н а т р ы ш т о́ к и д в и р ъ и в ъ т и м ъ д в о р и́ 12 п ы ў н ы́ ц ь и в ъ к о́ ж д і й п ы ў н ы́ ц ы а б ы́ б у ў с т о́ л ы к ъ.“ Винъ ка́жэ: „Добрэ!“ Тай за́разъ т ы м ъ к а м и н ь ц ё м ъ п и д ъ я з ы́ к о м ъ п о к р у т ы́ ў, т о п р ы л э́ т и л ы и д ъ н е́ м у т р ы ч о́ р т ы и пыта́ются: „Чого́ хо́чэшь?“—„Хо́чу, ка́жэ, абы́ мэни́ за́разъ стаў двиръ и въ тимъ дворі́ 12 пыўны́ць и въ ко́ждій абы́ буў сто́лыкъ!“ Ста́лы чорты́ мурува́ты тай в ы́ м у р у в а л ы д о р а́ н а д в и р ъ, такъ якъ

винъ казáў. Цúсаръ рáно выхóдытъ, дúвытся — е двиръ. Тай вжэ го тогдú ожэнúў съ своёў донькóў.

Алэ онá хотíла довíдатыся, якъ винъ тотó всё зробúў? Тай пытáеся егó, а винъ ïй ся звьéрыў, кáжэ: „Я мáю такíй каминэ́цъ пидъ языкóмъ, жэ якъ покрýчу, всё мы ся стáнэ, щó хóчу!“ Лягъ винъ спáты, тогдú онá вúймыла ёмý той камипэ́цъ тай собí положúла пидъ язúкъ. Тай покрутúла — прылэ́тилы идъ пíй тры чóрты, пытáются ей: „Чогó хóчэшь?“ Онá кáжэ: „Абú я ся съ тымъ, що-мъ ся съ нымъ пэ́ршэ любúла, побрáла, тай абú той двиръ зáразъ стаў далэ́ко за мóрёмъ, абú мы собí тамъ γаздувáлы; а той-вó пай ся тутъ лúшытъ!“ Тай зáразъ стáлы сýвитры тай пэрэнэ́слы двиръ за мóрэ, лышэ́нь егó лышúлы въ лíжку съ кóтомъ и съ пэ́сыкомъ у чúстимъ пóлы.

Винъ рáно встаў, нэ знáе, що съ нымъ ся стáло, дэ егó двиръ тай дэ ся жонá дíла? Ажъ подывúўся пидъ язúкъ, а каминьця́ нэмá. То вжэ сы погадáў, що егó жонá зрáдыла. Тай тогдú пишóў, паймúўся тамъ дэ-сь на слýжбу, тай пицъ. Алэ китъ и пэсъ гэть видъ нéго пишлú, пишлú щукáты тóго каминьця́. Тай прыйшлú ажъ надъ мóрэ. Тогдú взяў пэсъ котá на сэ́бэ тай пэрэплúпулы. Тай такъ прыйшлú ажъ до тóи жонú. Тогдú взяў китъ щурí ймáты, а щурí кáжуть: „На-щó ты насъ такъ ймáешь?“ А китъ кáжэ: „Украдíтъ видъ пáни каминэ́цъ зъ-пидъ язúка, то васъ нэ бýду ймáты!“ Тогдú такíй старúй, крывúй щуръ кáжэ: „Я пíду укрáсты!“ Тай пишóў тай въ рúжнэ паскýдство заталáпаў фистъ. Якъ пáни уснýла, винъ всэ ïй попидъ нисъ фостóмъ чúхае. А онá ся пробудúла тай кáжэ: „Пфэ, якъ що-сь смэрдúтъ!“ Алэ щуръ ся сховáў; тай онá зноў уснýла. Тогдú винъ ïй зноў чúхае по-пидъ нисъ фостóмъ. Онá зноў пробудúлася, тай якъ сплю́нула, тогдú каминэ́цъ ïй вúпаў зъ-пидъ язúка на зэ́млю; щуръ каминэ́цъ ýхопыў тай утíкъ. Даў котóвы, а китъ взяў каминэ́цъ у ротъ тай зибрáўся съ псомъ тай пишлú. Прыйшлú идъ мóрю, взяў пэсъ котá на сэ́бэ тай вэзэ́. Алэ ся на мóры котá пытáе: „Та цы е каминэ́цъ?“ А китъ кáжэ: „Урррваў, е!“ Алэ тогдú му каминэ́цъ вúпаў въ вóду. Тай вúйшлы на бэ́рэгъ. Тогдú китъ кáжэ, що каминэ́цъ му зъ рóта вúпаў у вóду. Тай тогдú ни-

шо́ў тай зачáў ду́жэ ры́бу ймáты. А рыбы го ся пытáють: „За-що́ ты нась такъ ймáешь?“ А китъ кáжэ: „Найди́тъ мы той каминэ́цъ, то нэ бу́ду!“ Якъ рыбы пишлы́ шукáты, тай една́ чэрвóна ры́ба, бэзфóста, найшла́ каминэ́цъ и прынэсла́ идъ котóвы. Винъ взяў тай пони́съ ажэ́нь до свóго пáна.

Тогды́ той соби́ каминэ́цъ зноў нидъ языкъ положы́ў тай покруты́ў тай прылэ́тилы идъ нёму тоты́ тры чóрты. Винъ имъ тогды́ кáжэ: „Зáразъ абы́ мы тутъ стаў мий двиръ и жона́!“ Тай зáразъ стáлы су́витры, прынэ́слы двиръ на то-самó ми́сцэ тай тоту́ его́ жону́. Алэ винъ тогды́ жону́ нагнáў гэтъ, а самъ вжэ лыши́ўся въ двори́.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

35.

Чудесная свѣча.

Буў едэ́нъ ґáзда въ сэли́ би́дный ду́жэ и нэ мигъ ся ницъ доробы́ты и ди́ты му мэ́рлы. То винъ вжэ Бóга нэ знаў, ду́жэ ся прогни́ваў на Бóга. И тогды́ доступы́лы до нёго чорты́, кáжуть: „Пидпишы́ся намъ на ду́шу, то будэ́шь вэлы́кимъ маéтныкомъ!“ Винъ ся пидписáў чортáмъ и оны́ ёму́ дáлы таку́ сьви́чку. —„Якъ ту сьви́чку засьви́тышь, кáжуть, то мы зáўшэ прылэ́тымо и зрóбымо тоби́, щó схóчэшь!“

Винъ такъ засьвиты́ў сьви́чку.—„Щó жадáешь?“— „Хóчу въ сэли́ ви́томъ бу́ты!“—Тай зáразъ остáў за ви́та.

Алэ разъ прыйм́ы́ў жы́да съ ону́чима нá-ничь до свэ́и хáты. И жы́дъ постáвыў ли́тру гори́ўки и винъ ся упы́ў и сказáў жы́довы, якъ винъ прыйшóў до маéтку и зъ якóи прычы́ны ви́томъ зистáў. И показáў жы́довы тоту́ сьви́чку, всю прáўду ёму́ ўпови́ў. Алэ потóму тоту́ сьви́чку сховáў въ лáхи и нидъ стэ́лю пови́сыў у вань-

киру̑. Зайшо́у̑ жы́дъ у дру̑гый разъ исъ опу̑чима и закрыча́у̑, а витыха тоти́ ла́хи зъ-пидъ стэ́ли у̑хо́пыла и вы́нэсла жы́довы и прода́ла. Жыдъ вы́няу̑ зъ ла́хиу̑ сьви́чку и засьвиты́у̑—прылита́ютъ дъ нє́му тоты́ чо́рты.—„Що ты хо́чэшь?“—„Хо́чу, абы́-мъ ту въ сэли́ за ви́та зоста́у̑!“—Тай стау̑ за ви́та за́разъ, а той γа́зда пишо́у̑ на жэ́бры.

Алэ мау̑ пэска́, тай той пэсо́къ пишо́у̑ за нымъ. Идэ́-идэ́, а пэсо́къ зача́у̑ що-сь ню́хаты на доро́зи тай зача́у̑ грэба́ты нога́мы. Винъ ды́вытся, а тамъ ся що-сь блыщы́тъ, а то бу̑у̑ пэ́рстинь. Тай винъ той пэ́рстинь пидоймы́у̑ и взяу̑ на па́лэць закру̑чуваты. Ажъ ту пэ́рэдъ нымъ стау̑ чортъ.—„Чого́ хо́чэшь?“—„Хо́чу, абы́-мъ таки́мъ богачо́мъ бу̑у̑ и ви́томъ, якъ пэ́ршэ, тай щэ прынэсы́ мы видъ жы́да сьви́чку!“—За́разъ му прыни́съ, тай винъ вжэ зноу̑ зробы́у̑ся богачо́мъ и обибра́лы го зноу̑ за ви́та. А жы́да каза́у̑ стра́тыты.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

36.

Охъ.

Такъ у ли́си бу̑у̑ вэлы́кій ду́бъ, а въ тимъ ду̑би бу̑у̑ чортъ тай называ́у̑ся Охъ. Тай мау̑ отэ́ць два сыны́—едэ́нъ бу̑у̑ розу̑мный, а дру̑гый дурны́й. Винъ узя́у̑ то́го дурно́го тай повы́у̑ тамъ до то́го Оха, абы́ ёго́ розу̑му научы́у̑. Алэ той чортъ мау̑ тамъ вжэ таки́хъ одынайцить хло́пцу̑, що ихъ розу̑му учы́у̑, тай взяу̑ то́го за двана́йцятого. Алэ ка́жэ до то́го витця: „Я го нау̑чу, а́лэ прыйдэшь за нымъ въ рикъ; то якъ спизна́ешь сво́го хло́пця, то́ ты го виддамъ, а якъ нэ спизна́ешь, то хло́пця лы́шу у сэ́бэ!“

Тай той отэ́ць пишо́у̑, а Охъ взяу̑, запалы́у̑ штыры сто́сы дроу̑ тай вэргъ то́го хло́пця у огэ́нь—тай ся зъ нє́го зробы́ло яйцэ́. Тогды винъ вы́ймыу̑ то яйцэ́ зъ огню́ тай вэргъ нымъ до зэмли́, то вы́лизъ зъ то́го

хло́пэць. Тай ся пыта́е чортъ: „Цы розумі́ешь що-го́ди?“ Ка́жэ: „Розумі́ю, що въ мо́го та́та баль е!“ Тогды́ винъ взяў и запалы́ў шисть сто́сиў дроў тай вэргъ хло́пця въ огэ́нь—тай ся зробы́ў воло́ській ори́хъ; вэргъ до зэмли́—тай вы́лизъ зъ то́го хло́пэць. Тай го ся пыта́е: „Цы розумі́ешь вжэ що-го́ди?“ Винъ ка́жэ: „Розумі́ю, що мій та́то на по́лы о́рэ пэри́стымы быка́мы!“ Винъ тогды́ взяў тай запалы́ў ви́симь сто́сиў дроў тай вэргъ го у огэ́нь—тай ся зробы́ло ма́ковэ зэ́рно; вэргъ тымъ до зэмли́—тай ся зробы́ў зъ то́го хло́пэць. И пыта́еся го: „Цы розумі́ешь що-го́ди?“ Винъ ка́жэ: „Вжэ знаю, що́ ся въ пиў-сьвити діе!“ Вжэ тогды́ буў мудрі́йшій видъ само́го Оха.

Алэ чортъ го тогды́ взяў тай замо́къ за 12 двэрэ́й. Алэ винъ знаў, що его́ та́то вжэ идэ́ по не́го, то зробы́ўся му́хоў и вы́лэтиў крузь тоту́ ди́рку, що ся ключо́мъ замыка́е. Тай лэты́тъ и вжэ здыба́е сво́го витця́ на по́лы. Тай такъ ка́жэ до витця́: „Винъ тамъ зро́бытъ насъ 12 ко́нэй, то вси ко́ни бу́дутъ ты́хо стоя́ты, лышь я бу́ду ирза́ты; то бу́дэтэ каза́ты: то мій сынъ!—и зро́бытъ 12 качо́къ—вси качкі́ бу́дутъ ты́хо стоя́ты, лышэ́нь я бу́ду каза́ты: такъ-такъ!—и зро́бытъ 12 псиў, то вси псы бу́дутъ ты́хо стоя́ты, лышь я бу́ду хвосто́мъ ма́хаты; и зро́бытъ щэ 12 мухъ—вси му́хи бу́дутъ ты́хо сиди́ты, лышь я бу́ду брэнча́ты; то ска́жэтэ: то мій сынъ!“ Тай тогды́ видлэ́тиў наза́дъ и зноў залэ́тиў тамъ до поко́ю крузь тыхъ 12 диро́къ.

Прыхо́дытъ отэ́ць дру́гои дны́ны—чортъ видмо́къ вси 12 двэрэ́й и вы́пустыў всихъ 12 хло́пциў тай зробы́ў 12 една́кихъ ко́нэй: усі́ ко́ни ты́хо стоя́лы, лышэ́нь едэ́нъ запрза́ў. А той хлопъ тогды́ ка́жэ: „О-то́ мій сынъ!“ А чортъ зробы́ў 12 качо́къ, тай вси качкі́ ты́хо стоя́лы, лышэ́нь една́ каза́ла: такъ-такъ! Тогды́ винъ ка́жэ: „То мій сынъ!“ Чортъ зробы́ў 12 псиў, тай вси псы ты́хо стоя́лы, лышэ́нь едэ́нъ хвосто́мъ ма́хаў. А хлопъ ка́жэ: „То мій сынъ!“ А чортъ зробы́ў 12 мухъ, тай вси му́хи ты́хо сыди́лы, лышэ́нь една́ брумча́ла. А винъ ка́жэ: „То мій сынъ!“ Тогды́ чортъ то́го хло́пця вжэ зробы́ў зноў хло́помъ и ка́жэ: „То ты дэ-сь съ сво́имъ витцё́мъ буў на розмо́ви!“ А винъ ка́жэ:

„Та я буў за 12-мы двэ́рмы, якъ я мигъ бу́ты съ мо́нмъ та́томъ на розмо́ви?“

Тай го вжэ тогды́ отэ́ць взяў. Тогды́ винъ ся вжэ зробы́ў самъ конёмъ золоты́мъ тай ка́жэ: „Абы́-сьтэ мя, та́ту, прода́лы за дэ́вять со́токъ, лышь абы́-сьтэ мя нэ да́лы съ уздэ́чкоў!“ Тай го зноў самъ той купы́ў Охъ, а́лэ отэ́ць даў го съ уздэ́чкоў. То го прыпя́ў до зэлы́зного дра́гаря до-горы́, такъ що лышь дры́бку за́днымы нога́мы до зэмли́ докиваў. А винъ дэ-сь, той чортъ, пишо́ў тай замо́къ тоту́ ста́йню. И то́му найста́ршому, що бу́ло тамъ 11 хло́пциў, даў ключи́ видъ ста́йни. Тай казаў имъ, тымъ 11-тёмъ, абы́ ся нэ дывы́лы до то́и ста́йни. Алэ вны видомклы́ ста́йню тай ся подывы́лы тай узя́лы, видопня́лы то́го коня́ тай вы́вэлы го на-двиръ. А той кинь якъ ду́бнуў ного́ў, тай ся зробы́ла зъ нёго му́ха, тай утикъ гэтъ. До сво́го витця́ утикъ.

Тай видта́къ зробы́ўся золоты́мъ пта́шкомъ въ такі́й золоті́й кли́точци. Тай ка́жэ витцю́: „Абы́-сьтэ мя, та́ту, прода́лы за пять со́токъ, лышь абы́-сьтэ мя нэ да́лы съ кли́ткоў!“ А отэ́ць забу́ў тай даў го съ кли́ткоў, зноў то́му Оховы прода́ў. Той взяў го до-до́му тай замо́къ исъ тоў кли́ткоў у зэли́зну кли́тку. Тай той птахъ тры дны ду́жэ фа́йно спиваў. А тоты́ взя́лы, одына́йцить, тай подывы́лыся на кли́тку тай видомклы́. Тай го зноў вы́нэслы на-двиръ. Тай винъ тогды́ ду́бнуў ного́ў тай ся зноў зробы́ў му́хоў. Алэ Охъ буў у поко́йи тай тото́ вы́диў; погна́ўся за нымъ, а́лэ го нэ догоны́ў. Тай винъ тогды́ утикъ до сво́го витця́.

Тай тогды́ ся зробы́ў таки́мъ: ни китъ, ни пэсъ, таки́мъ, гы зэли́зна рукавы́ця. Тай ка́жэ до витця́: „Нэси́тъ-жэ мэнэ́ вжэ тэпэ́рь, та́ту, до ми́ста и прода́йтэ за тры со́тки!“ Отэ́ць го вы́нисъ до ми́ста, а́лэ вжэ той Охъ нэ купува́ў то́и рукавы́ци.—„Бо, ка́жэ, то вжэ для мэ́нэ нэзда́лэ!“ И тогды́ тото́ купы́ў такі́й стары́й жоўниръ и прыни́съ до-до́му. Алэ той тогды́ въ ночы́ зробы́ўся зъ рукавы́ци зноў хло́помъ и вжэ пишо́ў собі́ въ сьвитъ.

(Отъ Дмитрія Гавриляка въ Доброгостовѣ.)

37.

Птичій языкъ.

Такъ буў едэнъ хлопэць и йшоў пытаты службы. Тай йдэ-йдэ дорогоў, а злый духъ ййдэ тай его ся пытае: „Дэ ты йдэшь?“—„Иду на службу!“—„То наймыся въ мэнэ! але, кажэ, цы умієшь ты чытаты тай пысаты?“—„Умію!“—„О, то я тэбэ нэ хочу!“—Алэ хлопэць пэрэбигъ тай зноў стаў напротиў злого. А той нэ спизнаў го тай ся пытае: „Дэ ты йдэшь?“—„Иду, кажэ, службы пытаты!“—„А можэ-бы-сь ся въ мэнэ наймыў?“—„Наймуся!“—„А цы ўмієшь пысаты тай чытаты?“—„Нэ ўмію!“—Вжэ тэпэрь казаў, що нэ ўміе. Тогды злый его съ собоў взяў на фиру. И прывизъ его до-дому и кажэ: „На, будэшь утыраты ту кныжки видъ пороху и о-того коня будэшь годоваты; алэ, кажэ, абы-сь му нэ даваў нычь, тилько лыжку воды и кулакъ виўса на-дэнь!“ А самъ винъ маў дэ-сь ййхаты на цилый рикъ, той злый духъ.

Ну, пойихаў, а хлопэць вжэ тоты кныжки ўтырае. Утыраў цы два дны, цы килько, а потому ся взяў учыты зъ тыхъ кныжокъ; научыўся зъ ныхъ, що дытына заплачэ, що птыця запыщыть, що худобына зарычыть, що жаба накрычыть. И того коня годоваў добрэ: даваў му виўса, килько хотиў, и воды му такъ даваў и пуцуваў го що-дня. Якъ вжэ такъ цилый рикъ тамъ буў, вжэ нэзадоўго маў злый прыййхаты, тогды кинь до нього промовыў, до хлопця: „Годуй мэнэ, сынуню, якъ можэшь, то будэмо ўтикаты звидсы! бо той злый, якъ прыййдэ, то й тэбэ зробытъ конемъ, якъ мэнэ зробыў; я такжэ, кажэ, буў такій хлопэць, якъ ты!“ Тай винъ тогды годоваў коня щэ липшэ. А потому разъ сиў на того коня тай зачалы ўтикаты тай утиклы ажэнь за границю. То вжэ той злый нэ маў до ныхъ жадного права.

Тогды той хлопэць злизъ съ коня и зняў зъ нэго уздэчку, а кинь зробыўся тогды чоловикомъ, алэ вжэ буў такій старый, сывый. И до того хлопця кажэ: „Тэпэрь, сынуню, иды соби въ свій бикъ, а я пиду въ свій; ты щэ молодый, то йды дэ на службу, а я вжэ нэ можу, то пиду соби жэ-

браты; иды́, а́лэ памята́й, ка́жэ, абы́-сь нико́лы нико́му нэ каза́ў пра́ўду, абы́-сь и жи́нци, якъ ся ожэ́нышь, пра́ўду нэ каза́ў!“

Тай ся розлучы́лы тай той собі́ пишо́ў хло́пэць. Идэ́, а тамъ тры γа́зды ї́йхалы съ крамщыно́ў, съ су́кнамы. Тай едэ́нъ ся его́ пыта́е: „Дэ ты йдэшь?“—„Иду́ слу́жбы пыта́ты!“—„Мо́жэ-бы ты ся, ка́жэ, въ мэ́нэ наймы́ў?“ -„Найму́ся!“—„То сида́й на фі́ру!“—И вжэ такъ ї́йдутъ, такъ со́ничко фа́йно грі́е. пого́да. И тоты́ ку́пци ка́жутъ: „Будэ́мъ тэпэ́рь розклада́ты су́кна, най ся тро́ха вы́витріютъ на со́ньцы!“ Алэ той слуга́ чу́е, якъ два пта́шки прылэ́тилы на я́блинку и ка́жутъ: „Эй, то́-то за́разъ пі́дэ злы́ва, а тоты́ дурні́ су́кна розложы́лы, абы́ имъ дощі́ помочы́лы.“ А винъ тото́ всё розумі́ў, той хло́пэць, бо ся зъ тыхъ кныжо́къ, що порохі́ стыра́ў, всё научы́ў. Тогды́ винъ ка́жэ до тыхъ купці́ў: „Збыра́йтэ су́кна и ўтика́йтэ дэдо ко́рчмы, бо за́разъ дощі́ пі́дутъ.“ Алэ тоты́ ку́пци нэ повьє́рылы и ка́жутъ до то́го едно́го, що наймы́ў сы слугу́: „О-то́ наймы́ў-есь сы яко́го-сь дурно́го! ту така́ пого́да, а винъ ка́жэ, жэ дощі́ пі́дутъ!“ Алэ слуга́ ка́жэ до сво́го γа́зды: „Га́здо, послу́хайтэ мя днёмъ, то пото́му бу́дэтэ слу́хаты й пидъ ничь!“ Га́зда го послу́хаў, зибра́ў свій това́ръ и пої́хаў до ко́рчмы. А ти дру́ги два нэ послу́халы, лышы́лыся. Лышэ́нь той до ко́рчмы прыї́йхаў—такі́ за́разъ дощі́ ста́лы, злы́вы, тай тоты́ на по́лы гэть помо́клы съ су́кнамы. Прыї́жджа́ютъ до ко́рчмы, вжэ а́ни рубця́ на ныхъ нэ бу́ло сухо́го.

И тамъ ужэ́ оны́ почу́ютъ въ ко́рчми. Алэ той слуга́ займы́ў ко́ни до воды́ тай чу́е, жэ два пта́шки прылэ́тилы и сьпива́лы такъ: „Ой, кобы́ тоты́ ку́пци зна́лы, що ны́ни гримъ уда́рытъ въ тоту́ ко́рчму, то́-бы за́разъ утика́лы звідта́мъ!“ Винъ за́разъ збуды́ў сво́го γа́зду и ка́жэ: „Ході́мъ гэтъ, бо тота́ ко́рчма бу́дэ горі́ты въ ночы́!“ Ти два дру́ги ку́пци нэ хоті́лы ся и ру́шаты, лышы́лыся зно́ву. Алэ той его́ γа́зда послу́хаў и забра́ўся гэтъ. Лышэ́ оны́ виді́йхалы ку́сныкъ, ды́вятся, а ко́рчма вжэ горы́тъ. Тай оны́ вжэ въ лі́си доночува́лы.

Алэ той хло́пэць зноў въ лі́си учу́ў видъ пта́шкну́, що злоді́е то́му его́ γа́зди ўкра́лы доньку́, а ма́ты ся ду́жэ грызэ́ тай ся хо́чэ пові́сыты. Тогды́ винъ

ка́жэ: „Га́здо, вы лэти́тъ до-до́му, бо тамъ ва́ша жи́нка хо́чэ ся пови́сыты; а я, ка́жэ, за той часъ пи́ду за ва́шоу донько́у—видобра́ты, бо йи злоді́е укра́лы!“ Тай γа́зда полэ́тиу за́разъ до-до́му: доньки́ нэма́, а жи́нка вжэ ся ви́шае; тогды́ винъ iíй шнуро́къ вы́рваў, нэ даў. А той хло́пэць собі́ за той часъ взяў рыска́ль тай фу́зію тай пишо́ў до то́го ли́са, дэ злоді́е схова́лы ди́ўку: то ёму́ пта́шки сказа́лы, що йи схова́лы до сво́йи ха́ты у зэмлы́ пидъ ду́бомъ. Винъ прыйшо́ў до то́го ду́ба, зача́ў рыскалёмъ копа́ты и розкопа́ў ажъ до двэрэ́й видъ то́и ха́ты. Тай отворы́ў двэ́ри, а ди́ўка такъ сыды́тъ за столо́мъ ко́ло старо́и розбі́йнычки. Алэ тота́ розбі́йнычка на той часъ ся здрима́ла. Винъ тогды́ махну́ў на ди́ўку руко́ў, абы́ ся видвэрну́ла, тогды́ стри́лыў у розбі́йнычку тай за́стрилыў, а ди́ўку ўхо́пыў за ру́ку тай поўтика́лы ра́зомъ до-до́му. Тамъ ся ду́жэ ўти́шылы та́то и ма́ма, жэ ся донька́ вэрну́ла, тай йи видда́лы за то́го слугу́, тай оны́ ся пибра́лы.

И винъ такъ сы съ жи́нкоў жыў, а́лэ жи́нка разъ ка́жэ ёму́: „Скажы́ мэни́ пра́ўду, зви́дки ты всё то зна́ешь, що ма́е бу́ты?“ То винъ ка́жэ: „Я нэ мо́жу каза́ты, бо-бы-мъ му́сиў ўмыра́ты!“ Алэ она́ ся ду́жэ ўпэ́рла, ка́жэ: „Умыра́й, а кажы́!“ Тай винъ ужэ́ хоти́ў iíй сказа́ты, а́лэ щэ́ пишо́ў на-дви́ръ—подывы́тыся на своє γазди́ўство. Ды́вытся, а тамъ пидъ ха́тоў такъ когу́тъ курки́ жэрэ́ и ка́жэ когу́тъ до куро́къ: „А вы шэльмы́, вы гада́етэ, що я таки́й дурны́й, якъ нашъ γа́зда, жэ мя нэ слу́хаетэ? я васъ, ка́жэ, нау́чу розу́му!“ А той то чуў, тогды́ взяў сы волови́дъ, помочы́ў у сыровы́цю тай набы́ў-набы́ў жи́нку, ажъ му вжэ да́ла спо́кій.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

38.

Вѣрный слуга.

Була́ въ ли́си вэлы́ка га́дына. Тай зробы́лы лю́дэ на тоту́ га́дыну наўко́ла полюва́нье, хоти́лы йи за́быты. Алэ йшоў пасту́хъ чэ́рэзъ лисъ и тота́ про́сытъ го га́дына: „Рату́й мэнэ́, возьмы́ мя на плэ́чи тай вы́нэсы мя зъ то́го ли́са!“ Тай винъ тогды́ розгорну́ўся и взяў йи на шы́ю и обвыну́ў йи до́ли плэчы́ма, а пото́му ся зноў загорну́ў, такъ абы́ га́дыны нэ бу́ло вы́дно. Тай вы́нисъ йи въ вэлы́ки дэ́бри и тамъ йи пусты́ў. Тогды́ га́дына дала́ му таку́ траву́ и ка́жэ: „Ту траву́ якъ попа́хаешь, то будэ́шь всё зна́ты, — дэ які́ мы́слы въ кого́, якъ пты́ця пыщы́тъ, звиръ рычы́тъ, — всё будэ́шь зна́ты, що́ дэ на сьви́ти е!“

Тай винъ пишо́ў сы съ тоў траво́ў тай найму́ўся у одно́го пры́нца на слу́жбу. И ду́жэ то́му пры́нцовы буў вье́рный, найли́пшый его́ прыя́тиль. Алэ той прынцъ маў ма́тирь въ чужи́мъ краю́. То разъ то́го пры́нца жи́нка повида́е до не́го: „Що́ то е, що я щэ й ра́зу твэ́и ма́мы нэ вы́дила? Ходы́, ка́жэ, пойи́дэмо хоть разъ у госты́ну до нэ́и!“ Винъ ка́жэ: „Та най будэ́!“ Тай тогды́ пойи́халы и то́го слугу́ вье́рного взя́лы съ собо́ў за фи́рмана.

Йи́дуть-йи́дуть тай зайи́халы такъ до одно́и ко́рчмы ночува́ты. Алэ той слуга́ вы́йшоў до ко́нэй тай попа́хаў то́и травы́ и чу́е, що які́й-сь го́лосъ такъ ка́жэ: „То́го пры́нца тай прынцо́ву хо́чуть въ тій ко́рчми тры піякі́ обрабува́ты тай за́быты; а́лэ якъ-бы тымъ піяка́мъ да́ты зъи́сты тоту́ воро́ну, що тамъ лэжы́тъ здохла́ на сьмитю́, то-бы оны́ за́разъ поўмыра́лы; а хто́-бы то чуў и сказа́ў, той ста́ў-бы по коли́на ка́мэнёмъ!“ Ну, той слуга́ то чуў тай взяў воро́ну тай зла́дыў на пэчэ́ню тай пишо́ў тогды́ до тыхъ піякі́ў и ка́жэ: „Пано́вэ ɣосподари, туй ся щэ лышы́ла ку́рка зъ вэчэ́ри видъ мо́го па́на, то мо́жэ-бы-сьтэ зъи́лы?“ Ты́ ся ду́жэ ўти́шылы тай ка́жуть: „Дя́куемо красно́!“ Тай тогды́ сы то́и воро́ны до́брэ по-пойи́лы тай за́разъ помэ́рлы вси тры.

Ра́но панъ встаў тай па́ни, пойи́халы да́ли, ажъ до свэ́и ма́тэры вжэ зайи́халы. Алэ той слуга́ вы́йшоў вэ́чиръ на-дви́ръ тай попа́хаў тоту́ траву́ и учу́ў, що го́лосъ ка́жэ: „Ту́тка прыйи́хаў прынцъ до ма́тэры съ жи́нкоў, ту́тка ма́ты на ныхъ чары́ ла́дытъ: якъ ихъ нэ строи́ыть у ю́шци, то строи́ыть у пэтру́шци; а́лэ хто́-бы то вы́слухаў и пови́ў, той ка́мэнёмъ ста́нэ по по́ясъ!“ Тогды́ вжэ слуга́ пишо́ў и носы́ў самъ йи́диньe до сво́го па́на; а́лэ ся на поро́зи ни́бы за́шпортаў и то йи́диньe ся вы́льляло. Панъ до нёго повида́е: „Що́ ты таке́ ро́бышь?“ Алэ винъ ка́жэ: „Най панъ дасть гро́ши, я бу́ду купува́ты йи́диньe въ ми́сти, абы́-сьмо своe ма́лы!“ Панъ нэ хоти́ў, а́лэ па́ни вжэ повы́дила, що ту яка́-сь зра́да е, тай зача́ла па́па ду́жэ просы́ты, и панъ ся на то зго́дыў.

Вжэ тамъ ночу́ють и дру́гу ничь. Панъ съ па́нэў спочыва́ють сы у ли́жку, а слуга́ вы́йшоў на-дви́ръ, попа́хаў зноў то́и травы́ и слу́хае. Го́лосъ ка́жэ: „Ту́тка прынцъ исъ прынцо́воў ночу́е—бу́дэ надъ нымъ зра́да: нашлэ́ ма́ты о 12-ій годы́ни гадье́ на ныхъ и пойи́сть ихъ то гадье́; а́лэ хто́-бы то вы́слухаў и пови́ў, то ца́ўкомъ бы ка́мэнёмъ стаў!“ Тогды́ слуга́ взяў собі́ тэ́нгій мэчъ и пишо́ў потыхо́ньку до поко́ю, дэ панъ съ па́нэў спаў, и чэка́е. Въ са́мій 12-ій годы́ни такъ гадье́ сычы́ть, ли́зэ, а́лэ той якъ взяў руба́ты мэчо́мъ, гэтъ гадье́ поруба́ў на кава́лки.

Вжэ ра́но ка́жэ ма́ты до сы́на: „Сы́ну мій, твоя́ нэсла́ва!“—„Та чому́?—„Бо твій слуга́, ка́жэ, твою́ жи́нку лю́бытъ—буў въ ночы́ въ поко́ю!“—Тай прынцъ тогды́ ма́тэры повье́рыў и каза́ў то́го слугу́ за́разъ на шы́бэныцю бра́ты. Ста́нуў винъ пидъ шы́бэныцэў—такъ ду́жэ пла́чэ, а пото́му ка́жэ до па́на: „Ой, па́нэ, цы мо́жэшь мэнэ́ слу́хаты?“—„Мо́жу!“—Тогды́ винъ стаў всё розповида́ты, якъ бу́ло: якъ въ ко́рчми злоді́е хоти́лы прынца и прынцо́ву за́быты, а винъ чуў го́лосъ тай тыхъ злоді́йиў стройи́ў воро́ноў; якъ тото́ сказа́ў, стаў по коли́на ка́мэнёмъ. Алэ ка́жэ да́ли: якъ дру́гый разъ ма́ты хоти́ла имъ чары́ да́ты, а винъ го́лосъ учу́ў тай то йи́диньe повылыва́ў; тогды́ вжэ стаў ка́мэнёмъ по

пóясъ. Тай кáжэ дáлп—вжэ му всё-éдно: якъ потóму мáты гадьé на ныхъ пислáла въ почы́, áлэ винъ гóлосъ вы́слухаў и то гадьé порубáў на макъ; якъ то скиньчы́ў казáты, стаў до-рáзу кáмэнёмъ. Вжэ тогды́ нэ бýло що́ вúшаты. Тогды́ той прынцъ и прынцóва дýжэ за нымъ плáкалы, áлэ що?—кáминь е кáминь! Пойи́халы вжэ назáдъ до свóго крáю бэзъ слугы́.

Тай тамъ вжэ жы́лы и урóдыўся имъ хлóпэць. Тогды́ прысны́лося прынцовы такъ: якъ тóго хлóпця вóзьмэ, видвэдэ́ тамъ идъ тóму кáмэнэвы и хлóпця розы́дрэ и обмасты́тъ тоў крóўю кáминь, тогды́ той слугá знов ожы́е. Такъ винъ тогды́ встаў и кáжэ до жоны́, що такíи сонъ маў, а жонá кáжэ: „Мы щэ дíты будэ́мъ мáты, а дрýгого слугы́ такóго мáты нэ будэ́мъ! то най бýдэ, зробы́ такъ!“ Взяў винъ тóго хлóпця и повы́зъ го ажъ до-тóго краю́, дэ той кáминь стоя́ў; привы́ў го идъ кáмэнэвы и хлóпця роздэ́ръ и тоў крóўю обмасты́ў кáминь. Алэ кáминь тáкой стои́тъ кáмэнёмъ, якъ пэ́ршэ: и слугы́ нэмá, и хлóпця стрáтыў! Тогды́ винъ кáжэ: „Тэпэ́рь, якъ пры́йду до-дóму, то и жи́нци зрóбыю смэрть за намóву, и собí!“ Алэ прыхóдытъ до-дóму, а слугá сыды́тъ вжэ въ покóйы и тóго хлóпця колы́шэ, що винъ роздэ́ръ.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

39.

Черная пани.

Буў бíдный ґáзда и маў дýжэ мнóго дитэ́й. Алэ нэ маў ихъ чымъ годувáты, то разъ видвы́ў однóго хлóпця, найстáршого, въ лисъ, наклáў огэ́нь и кáжэ: „Грíйся ту, а я йду дроў ладыты!“ И пишóў гэтъ; якъ стаў утикáты, тай утíкъ изъ лíса.

Бижы́тъ винъ такъ чэ́рэзъ пóлэ, а тамъ чóрна пáни йи́дэ—чóрни кóни и фíрманъ у нэ́и чóрный. Тотá пáни повы́дила, що хлопъ чогó-сь утикáе; якъ ся за нымъ

пу́стыла, тай ёго́ пойима́ла.—„Чого́ ты такъ ўтика́ешь?“— А винъ нэ хоти́ў пови́сты, а́лэ пото́му пови́ў, що лышы́ў сы́на у ли́си, бо нэ ма́е зви́дки ти́лько дитэ́й тryма́ты.- „Вжэ, ка́жэ, съ го́лоду гы́нэмъ!“ —Тогды́ па́ни ка́жэ: „То прода́й мэни́ то́го хло́пця!“ А винъ ка́жэ: „Я вамъ та́ки подару́ю ёго́!“. Алэ па́ни такъ нэ хо́чэ, ка́жэ: „Я нэ хо́чу твэ́и дариўщы́ны! на́-тоби́ то́рбу, якъ нэў потрясэ́шь, то всэ бу́дутъ зъ нэ́и гро́ши лэ́титы, ки́лько хо́чэшь! а́лэ, ка́жэ, возьмы́ то́го хло́пця наза́дъ до-до́му и дава́й го учы́ты: найпэ́ршэ учы́ го за коваля́ цилы́й рикъ, а дру́гый рикъ за шэўця́, а трэ́тый рикъ за музы́ку го учы́; а въ тры ро́ки я по нэ́го прыйи́ду и сы го возьму́!“

Тогды́ винъ ту то́рбу взяў, вэрну́ўся за хло́пцёмъ до ли́са и прыви́ў го до-до́му. Тай такъ го чэ́рэзъ тры ро́ки учы́ў, якъ па́ни каза́ла: едэ́нъ рикъ за коваля́, дру́гый за шэўця́, а трэ́тый за музы́ку. Алэ вжэ зъ то́и то́рбы зробы́ўся вэлы́кимъ богачо́мъ, то жаль му бу́ло хло́пця тій па́ны дава́ты.

Алэ въ тры ро́ки па́ни прыйи́хала и хло́пця взя́ла съ собо́ў. —„Ему́ у мэ́нэ, ка́жэ, до́брэ бу́дэ!“ —И пойи́хала съ тымъ хло́пцёмъ. Тай дала́ ёго́ до ку́зни на цилы́й рикъ, абы́ ся зви́дтамъ а́ни ру́шыў, а́ни до нико́го ницъ нэ говоры́ў бэзъ цилы́й рикъ. А на дру́гый рикъ дала́ го зноў до тако́и ха́ты, абы́ ницъ нэ робы́ў е́нчого, лышэ́ абы́ тамъ робы́ў чо́боты и тамъ склада́ў; и зноў каза́ла му, абы́ нидо́-кого нэ говоры́ў. На трэ́тый го рикъ вжэ дала́ до двора́ и дала́ му скры́пку, абы́ тамъ у двори́ ца́лый рикъ граў, а́лэ та́кой абы́ нигдэ́ ся нэ ру́шаў и ни съ кимъ го́лосу абы́ нэ маў. Прыйи́хала трэ́того ро́ку и взя́ла го вжэ ви́дтамъ и дала́ му гро́шэй, ки́лько мигъ понэ́сты, и каза́ла: „Купу́й худо́бу и платы́, ки́лько хто хо́чэ, а пото́му продава́й за то, ки́лько хто дасть, ницъ ся нэ торгу́й!“ Винъ накупы́ў бога́то худо́бы и такъ йи́здыў цилы́й рикъ и гандлюва́ў. Алэ та чо́рна па́ни щэ му заказа́ла, абы́ винъ чэ́рэзъ той цилы́й часъ до жа́днои кобиты ни сло́ва нэ промо́выў.

Тай въ рикъ вжэ му та па́ни каза́ла прыйи́хаты до сэ́бэ, бо вжэ йи вы́купыў тай ся бу́дэ съ нэў жэны́ты. Тай винъ вжэ йи́хаў до нэ́и. алэ зайи́хаў пидъ ми́сто тай вступы́ў до ко́рчмы на́-ничь. А тамъ жыди́ўка въ

тій ко́рчми бу́ла опырьі́ця тай она́ ма́ла тры доньки́. То она́ ся въ тимъ довідала, жэ тоты́ дны выхо́дятъ, що винъ ся ма́е съ тоў па́нэў побыра́ты и що тота́ па́пи дъ нёму ма́е вжэ сама́ прыйи́хаты; а́лэ она́ хоти́ла, абы́ винъ сы едну́ ей доньку́ взяў. Тай намо́вила фи́рмана и дала́ му такі́хъ слыво́къ, абы́ винъ даў то своему па́ну, якъ прыйи́дэ на мі́сто.

Пойи́халы вжэ оны́ на мі́сто—тамъ ма́лы чэка́ты на ту па́ню. Алэ той ка́жэ до фи́рмана: „Я хо́чу воды́ ду́жэ пыты!“ А фи́рманъ ка́жэ: „Ту воды́ нэма́, а́лэ я ма́ю па́ру слыво́къ, то па́ну во́ду пэрэ́рвэ!“ Якъ винъ ти слывки́ зйиў, за́разъ уснуў. А тогды́ вжэ йи́дэ дъ нёму та па́пи; а́лэ вжэ бу́ла би́ла и ко́пи би́ли и фи́рманъ буў вжэ би́лый, бо йи вжэ той вы́купыў зъ нэво́ли. Алэ винъ такъ ду́жэ заснуў, що го нэ могла́ ніякъ розбуды́ты. Пла́кала ду́жэ ко́ло нёго и повида́е до фи́рмана: „Абы́-сь каза́ў своему па́ну, якъ ся пробу́дытъ, абы́ ся нэ даў зра́дыты: я ту бу́ду щэ за́ўтра ко́ло нёго, то абы́ нэ спаў!“ Тай тогды́ вжэ видйи́хала. Ну, а винъ встаў и тогды́ му фи́рманъ ка́жэ: „Ту була́ яка́-сь па́ни и ду́жэ пла́кала и каза́ла, абы́-сьтэ за́ўтра нэ спа́лы, бо прыйи́дэ щэ разъ.“ Винъ ду́жэ ся тогды́ суеты́ў, а́лэ пойи́хаў зноў до то́й жыди́ўкы па́нничь.

И на дру́гый дэнь зноў та жыди́ўка дала́ фи́рмановы слыво́къ, абы́ даў па́ну. Пойи́халы на мі́сто и винъ схоти́ў зноў воды́. То фи́рманъ му даў слыво́къ, тай винъ ти слывки́ ззиў и зноў заснуў. Спытъ, а ту прыйиж- джа́е тота́ па́пи. Такъ го бу́дытъ, пидно́сытъ, а́лэ нэ могла́ збуды́ты. Тогды́ она́ ка́жэ до фи́рмана: „Абы́-сь каза́ў па́новы, абы́ ся вжэ за́ўтра нэ даў зра́дыты: абы́ нэ спаў; бо я щэ прыйи́ду до нёго за́ўтра, а́лэ вжэ би́льшэ нэ прыйи́ду!“ Пойи́хала, а той ся тогды́ збуды́ў. Тогды́ фи́рманъ му зноў розповіў, жэ па́пи була́ и за́ўтра вжэ посли́дный разъ прыйи́дэ: я́къ-бы зноў спаў, то йи вжэ би́льшэ нэ увы́дытъ! Тай винъ зноў зайи́хаў до то́и жыди́ўкы па́ничь.

Та жыди́ўка фи́рмана зноў такъ намо́выла и дала́ му слыво́къ. Якъ прыйи́халы на мі́сто, той зйиў слыво́къ тай уснуў. Прылита́е вжэ та па́ни—щэ сда́лэку пла́чэ, бо вжэ повы́дила, що винъ спытъ. Тя́галася съ нымъ,

будыла, але нэ могла пробудыты. Тогды кажэ фирмановы: „Кланяйся пану и скажы, що вжэ мэнэ нэ буде бильшэ выдиты, хиба що якъ найдэ дымало и зэлизный кепэлюхъ, то можэ мэнэ съ тымъ найдэ!“ И пойихала гэтъ. Винъ потому ся пробудыў, а фирманъ му тогды сказаў, що пани вжэ пойихала гэтъ и кланялася до нэго. Тай вжэ тогды винъ подаруваў визъ и кони тому фирмановы, а самъ пишоў пишки.

Идэ винъ такъ горамы, прыйшоў надъ рику — тамъ ся два хлопци купають и лэжыть коло ныхъ на бэрэзи дымало и кепэлюхъ зэлизный; а оны ся обыдва у води бьють. — „Чого вы ся, хлопци, такъ бьетэ?“ — Хлопци кажуть: „Намъ лышыў тато кепэлюхъ и дымало, та ся нэ можэмъ подилыты!“ Тогды винъ кажэ: „То я васъ подилю!“ Тай стрилыў мэжы ныхъ, ўхопыў кепэлюхъ и дымало, то видъ кепэлюха го нэ було выдко, а на дымали полэтиў повитёмъ.

Прилитае до мисяца и пытаеся: „Цы нэ выдиў ты такои пани, що пэршэ була чорна, а тэпэрь вжэ била?“ Мисяць кажэ: „Я нэ выдиў!“ Винъ тогды полэтиў до соньця, пытаеся соньця, цы нэ выдило? Соньцэ кажэ: „Я нэ выдило!“ Винъ вжэ тогды полэтиў до витра, а витэръ кажэ: „Я йи выдиў, я въ нэи навить обору позамитаў, бо въ нэи вэсильё заўтра; але, кажэ, ты до нэи нэ пэрэлэтышь, бо дужэ тяжко!“

Винъ полэтиў, ажъ тамъ вэлыка вода, а на тiй води зъ повэрэсиля мистъ. Винъ тамъ кажэ до тыхъ сторожиў: „Пуститъ мя чэрэзъ мистъ, най пэрэйду!“ Алэ оны кажуть: „Дай руку видтяты!“ - „Дамъ видтяты, кажэ, алэ ажэнь на другимъ крайы!“ — „Най будэ!“ — Тай пишлы съ нымъ, абы му тамъ руку видтяты. Алэ винъ, якъ вжэ буў на другимъ крайы, взяў дымало мэжэ-ногы, а кепэлюхъ на голову, тай полэтиў, нэ даў рукы утяты.

Тай прылэтиў до другои воды, а тамъ вжэ нэ було мосту. Винъ кажэ: „Пэрэвэзитъ мя чэрэзъ воду!“ Зноў му тамъ такъ кажуть: „Дай руку видтяты!“ — „Дамъ, алэ ажэнь на другимъ боци!“ — Тай го пэрэвэзлы, тогды винъ взяў дымало мэжэ-ногы, а кепэлюхъ на голову, тай полэтиў дали, нэ даў рукы.

Прылитае тамъ до свэи пани, а тамъ вжэ вэсильё. Тай винъ заўхопыўся до коморы, такъ що

го нихто нэ вы́диў. А та па́ни такъ танцю́е, а́лэ що́ разъ та́нэць вы́йдэ, то йдэ до комо́ры и е́нчэ шма́тье бэрэ́ на сэ́бэ, а що́ ся пэрэбэ́рэ, ды́вытся до звьерцье́дла. Ажъ винъ по тимъ звьерцье́дли ўда́рыў и збы́ў, а́лэ она́ его́ нэ вы́дила, бо маў той кепэлю́хъ на со́би. Она́ тогды́ ка́жэ: „Хто́ ту е въ комо́ри?“ Тогды́ винъ йій ся показа́ў тай ся звыта́лы. Тай она́ тогды́ вы́йшла до го́стиў, застанови́ла вэсилье́ тай ка́жэ: „Тра́фыў мы ся клю́чыкъ золоты́й, а тэпэ́рь зэли́зный: цы позво́лытэ мэни́?“ А тамъ йій повида́ютъ вси: „Позво́лымо!“ Она́ тогды́ ка́жэ: „Ну, то-мъ ма́ла бра́ты слюбъ съ па́номъ, а тэпэ́рь вжэ бу́ду бра́ты съ Ива́номъ!“

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

40.

Жидъ-солдатъ.

Маў жыдъ сы́на едына́ка. То́го сы́на ма́лы взя́ты до во́йска, то та́то го рэклямува́ў, абы́ его́ до во́йска нэ бра́лы. Вы́даў на той антэ́рэсъ мно́го гро́шэй, а́лэ паны́ гро́ши взя́лы, а сы́на му на-збы́тки забра́лы до во́йска. И за які́й-сь часъ той сынъ ви́дтамъ пы́шэ до та́та, що винъ вжэ зиста́ў старшы́мъ, щобы́ ему́ та́то прысла́ў гро́ши. Тогды́ той зибра́ў па́ру ры́ньскихъ и пысла́ў. Алэ нэзадо́ўго сынъ зноў пы́шэ, що вжэ зно́ву стаў старшы́мъ, абы́ му зноў пысла́ў гро́ши. Пысла́ў ему́ жыдъ гро́ши, позы́чыў дэ-сь, а пысла́ў. Ажъ ту такъ за рикъ пы́шэ той сынъ, що вжэ зиста́ў найста́ршымъ капита́номъ. Тогды́ вжэ стари́ нэ ма́лы ни-чо́го, бо всій маетокъ на не́го вжэ вы́далы, щэ ся й позазыча́лы; то вжэ ка́жэ стара́ до чолови́ка: „Иды́ ты тэпэ́рь до сы́на, най винъ насъ вжэ тро́ха порату́е!“ Тай той пишо́ў ажъ до то́го ми́ста, дэ сынъ стоя́ў. И тамъ прыйшо́ў и пытáеся: „Дэ ту е мі́й сынъ, такі́й и такі́й? винъ ту е, ка́жэ, найста́ршымъ капита́номъ!“ Алэ жоўни́ры ся съ то́го сьмія́лы тай пови́лы старо́му, що его́ сынъ нэ е жа́днымъ старшы́мъ, ти́лько тараба́номъ. А сынъ якъ учу́ў, що та́то прыйшо́ў, то му ся сты́дно зробы́ло; и вжэ ся ему́ нэ

показа́ў, йно ўтикъ до ли́са. Тай тамъ чэ́рэзъ лисъ йи́хаў ка́питанъ на спа́цыръ, то той го за́быў зъ кара́би́на, зняў съ нэ́го всю муни́цью и на сэ́бэ ўбраў. Тай сиў сы на то́го коня́ зъ-пидъ капита́на и пойи́хаў.

Такъ симь дниў и симь ночэ́й йи́хаў, а ныгдэ́ нэ здыба́ў ни сэла́, ни ми́ста, лышэ́ всэ по́лэ тай лисъ. И наконэ́ць ды́вытся сда́лэку, а тамъ сьви́тло. Винъ вжэ йи́дэ про́сто на тото́ сьви́тло, прыйи́жджа́е, а то буў закля́тый па́ляць. И за́разъ ся бра́ма сама́ витворы́ла, а йно винъ пэрэйи́хаў, за́разъ ся запэ́рла наза́дъ. Винъ тамъ нико́го нэ зды́баў, йно ся лята́рня сьви́тытъ на подви́рью на-сэрэды́ни. Тогды́ винъ зави́ў коня́ до ста́йни, прыпня́ў го до жо́лоба, а́лэ ста́йня була́ циўко́мъ поро́жна—ницъ нэма́, а́ни си́на, а́ни воды́. Винъ тогды́ пишо́ў до паля́цу, а та́мка е по́кій и на столи́ йи́сты и пы́ты е. Якъ ужэ́ сы попойи́ў и напы́ўся, жаль му ся зробы́ло за конёмъ, що щэ ничо́го нэ йиў. И пишо́ў ся подывы́ты до ста́йни, що́ кинь ро́бытъ? Ды́вытся, а тамъ овэ́съ вжэ е въ жо́лоби, пу́тня съ водо́ў пэ́рэдъ конёмъ, кинь выпуцо́ваный, якъ ля́лька, а нико́го въ ста́йны нэма́. Тогды́ винъ собі́ за́разъ погада́ў: „Оў, ту що-сь ке́пско бу́дэ!“ И пишо́ў наза́дъ до поко́ю.

Такъ дэ-сь о 11-ій годы́ни въ ночы́ прыхо́дытъ па́нна и ка́жэ до нёго: „Слободо́, Слободо́, ты ту́тка зайшо́ў, а ту нэ жытьё твоё мо́жэ бу́ты! а́лэ памята́й сы—ту о 12-ій годы́ни на́йдэ ти́лько хма́ры чо́рнои, то оны́ тобі́ бу́дутъ робы́ты збы́тки ри́жни, то́ргаты, огнёмъ сы́паты. а́лэ ты абы́-сь сыди́ў ты́хо и всэ абы́-сь ся дивы́ў въ кны́жку пэ́рэдъ сэ́бэ, абы́-сь ся до ныхъ ницъ нэ обэртаў!“ И пишла́ та па́нна гэтъ. Акура́тъ на 12-ту годы́ну ти́лько хма́ры то́и надійшло́—по́ўни поко́и. Ро́бятъ ёму́ збы́тки ри́жни, що́ мо́жутъ, то́ргаютъ, бьютъ, а́лэ винъ ницъ ся наза́дъ нэ подывы́ў, а́ни ра́зу. Тай тота́ годы́на пэрэйшла́ тай то всё посчэза́ло.

Ра́по вы́йшоў винъ до коня́, хо́чэ йи́хаты вжэ гэтъ, а́лэ нэ можъ: нэ го́дэнъ на сьвитъ вы́йты, нэма́ якъ. Тогды́ винъ вжэ на дру́гу ничь зно́ву ночу́е. Прыйшла́ до нёго дру́га па́нна тай зноў то-само́ му ка́жэ, абы́ ся нэ обзыра́ў а́ни разъ. И акура́тъ о 12-ій годы́ни зно́ву ихъ ся ти́лько напха́ло, що ка́ра, и щэ гі́ршэ ёму́ докуча́лы, якъ пэ́ршои но́чы. Алэ винъ ницъ —

а́ни о́комъ нэ мру́гнуў. Тогды́ всё ся розлэ́тило.

Цилы́й дэнь зно́ву тамъ пэрэбу́ў и вжэ трэ́ту ничь но́чу́е. Зноў прыхо́дытъ трэ́та па́нна тай му ка́жэ: „Щэ щобы́-сь ту едну́ ничь вы́слободыў, то вжэ и ты бы буў счаслы́вый, и мы бы вы́йшлы на во́лю!“ И такъ о пи́ўночы зно́ву спа́ла тота́ чэрня́ва и вжэ му найги́рши збы́тки робы́ла, такъ, що винъ вжэ нэ го́дэнъ буў вы́трыматы, и подывы́уся наза́дъ. Тогды́ ти ёго́ ўхо́пылы мэ́жы сэ́бэ, розирва́лы на кава́лки и пови́сылы гори́ нога́мы въ ко́мыни.

Алэ вжэ тоти́ панцы́ на-ра́ночы́сти, вжэ имъ мо́жно на сьвитъ выходыты. И оны́ прыйшлы́ до то́го покою и за тымъ шука́ютъ, а ёго́ нэма́. Ды́вятся всю́ды—ажъ винъ въ ко́мыни вы́сытъ. Тогды́ оны́ ёго́ зня́лы и взя́лы жы́вўщои и сцилу́щои воды́ и покропы́лы ёго́, тогды́ вжэ Па́нъ-бигъ даў, що винъ ожы́ў.

Тай тогды́ оны́ вжэ вси вы́йшлы на сьвитъ—вжэ имъ ся бра́ма отворы́ла. Иду́тъ до сво́го та́та, до ци́сара. Тай тогды́ ка́жутъ то́му, абы́ ся съ котро́ў хо́чэ зъ мэ́жы ныхъ жэпы́ў, бо винъ ихъ вы́купыў видъ закля́тья. Алэ винъ ка́жэ: „Я щэ нэ хо́чу жэны́тыся, що нэ бу́ду; я собі́ пи́ду щэ въ сьвитъ—трибуваты щэ да́ли!“ А оны́ ра́дятся вси тры: „Що́-бы ёму́ дарува́ты на па́мятку видъ насъ?“ Една́ ка́жэ такъ: „Я таку́ дару́ю ша́пку, що винъ якъ нэў покру́тытъ, то чы на́ридъ, чы во́йско—всё прыкру́тытъ до сэ́бэ.“ А дру́га ка́жэ: „Я ёму́ дару́ю таку́ соро́чку, що до нэ́и ся жа́дна ку́ля, а́ни мэчъ, а́ни ницъ нэ во́зьмэ.“ А трэ́та вжэ ка́жэ: „А я ёму́ дамъ такі́й мэчъ, що нымъ винъ всё во́йско, абы́ яке́, вы́бье.“ Винъ тогды́ собі́ забра́ў ти ри́чы и пойі́хаў въ сьвитъ.

Прыи́жджа́е до едно́го ми́ста, а тамъ бу́ла во́йна: взя́лы ся съ тымъ ци́саромъ е́нчи два ци́сари бы́ты. И вжэ ёго́ циўко́мъ пэрэбы́лы, такъ-во́ за малу́ хвы́льку вжэ циўко́мъ бы добы́лы, на́-ницъ. А той якъ учу́ў тото́, сиў на коня́ и до то́и війны́ собі́ і́йдэ. И прыи́жджа́е до то́го ци́сара и ка́жэ: „Чы потрэбу́ютъ панъ найясні́йшый мона́рха до помо́цы?“ А ци́саръ ка́жэ: „Та чому́ нэ потрэбу́ю?“ Алэ гада́е самъ до сэ́бэ: „Та дэ бы винъ мэнэ́ едэ́нъ чолові́къ поратува́ў, колы́ мэні́ ті́лько во́йска та нэ помогло́?“ Алэ той тогды́ ка́жэ: „Да́йтэ

мэни́ тры жоўня́ры!“ И пойи́хаў съ ны́мы съ трёма́. Якъ тоў ша́пкоў покруты́ў, то всё во́йско съ тамто́го бо́ку прыкруты́ў до сэ́бэ, тай магазы́ны, ко́ни, всё, що бу́ло; то дэ́-що пэрэбы́ў мэчо́мъ, потратува́ў, а рэ́шту всё видда́ў то́му ци́сарові. Алэ ёму́ пры тій війни́ видтя́лы па́лэць и винъ нэ маў чымъ завяза́ты; тогды́ ци́сарь зняў свою хусты́ну зъ-пидъ шыи и завы́нуў му ру́ку. И винъ тогды́ пойи́хаў соби́ гэтъ, нэ зна́ты—дэ? Ци́сарь хоти́ў му за порату́нокъ дя́коваты, та нэма́ кому́.

Ажъ разъ ци́сарь стоя́ў въ сво́имъ бу́рку въ викни́ тай ды́вытся, а тамъ сда́лэку йи́дэ чэ́рэзъ ми́сто які́й-сь чолови́къ съ обвя́заноў руко́ў. Тогды́ ци́сарь пизна́ў свою́ хусты́нку тай каза́ў то́го до сэ́бэ заклы́каты: а то буў самъ-то́й, то ся за́разъ пизна́лы и го вжэ ци́сарь нэ пусты́ў. Тай такъ ёму́ ка́жэ: „Вжэ ся жэны́ съ моёў доньќо́ў и будь ту па́номъ!“ Тай зробы́лы вэсилье́ и винъ вжэ-ны́ўся.

Алэ та его́ жи́нка, ци́сарова донька́, любы́лася съ ё́нчымъ ци́саромъ. Тай той ци́сарь напыса́ў пысьмо́ до нэ́и, абы́ она́ пэрэда́ла до нёго тыхъ тры ри́чы, що ей чолови́къ ма́е: ша́пку и мэчъ и соро́чку; а ёму́ щобы́ спра́выла таки́ са́ми и пидложы́ла, абы́ винъ нэ знаў. И она́ взя́ла, якъ чолови́къ спаў, тыхъ тры ри́чы му забра́ла и пидложы́ла ё́нчи, тай то запакува́ла и пода́ла на по́чту до тамто́го ци́сара. Тогды́ вжэ тамто́й пы́шэ, щобы́ винъ ся ста́вы́ў до во́йны. Алэ винъ ся ницъ нэ боя́ў, бо нэ знаў, що жи́нка видминя́ла му тоти́ ри́чы, тай вжэ ся до війны́ ста́вытъ. Тай тамъ кру́тытъ-кру́тытъ ша́пкоў, а́лэ нэма́ ничо́го; а тамто́й во́рогъ якъ покруты́ў, то всё то́го во́йско до сэ́бэ прыкруты́ў тай ёго́ само́го ажъ пэ́рэдъ сэ́бэ прыкруты́ў. И пыта́еся тогды́ ёго́: „Яку́ ты смэрть тэпэ́рь соби́ жада́ешь?“ А винъ ка́жэ: „Порубай мэнэ на кава́лки и зложы́ въ мишо́къ и на коня́ мя на мо́го прывяжы́ и пусты́ коня́, най идэ́!“ Тай той ци́сарь такъ съ нымъ зробы́ў: порубаў ёго́ на кава́лки, зложы́ў на коня́ и пусты́ў коня́ въ сьвитъ.

И той кинь такъ ходы́ў по сьви́ти, ажъ соби́ врэ́шти змиркува́ў и прыйшо́ў до тыхъ трёхъ панни́ў пэ́рэдъ бра́му. А панны́ вы́йшлы и ёго́ пизна́лы. Зня́лы зъ нэ́го той мишо́къ, вы́нялы тоти́ кава́лки ти́ла й го́лову, то пизна́лы вжэ,

що то той-самый, що ихъ выслободыў зъ нэволи. Тогды оны поскладалы вси ти кавалки докупы, взялы жывущои-сцилущои воды, покропылы, то зноў такъ Панъ-бигъ даў, що винъ ожыў,—вжэ другый разъ. И тогды вжэ оны ёму кажуть: „Вжэ-сь разъ въ сьвитъ ходыў и смэрты-сь пожыў, то вжэ нэ йды! лышыся съ намы, жэныся съ одноў тай напуй!“ Алэ винъ нэ хочэ: „Щэ йду, кажэ, въ сьвитъ трибуваты!“

Тай пойихаў назадъ до своэи жинки, а она вжэ съ тымъ цисаромъ соби жые. Тогды той ёго кинь до нэго промовыў: „Ту будутъ коло палящиў стыпаты едно дэрэво въ сади, то абы-сь зайшоў и тры трисци абы-сь ухопыў и кенуў тамъ на ставокъ, дэ ся той цисаръ всэ купае!“ Тай винъ такъ зробыў: взяў тры триски и кенуў на ставокъ, а зъ того ся сталы тры золоти качури. Якъ прыйшоў цисаръ купатыся, влизъ въ воду и лышыў на бэрэзи всё шматье. Тогды ся ти качури до нэго зъявылы, алэ всэ, що винъ ихъ хочэ злапаты рукоў, вжэ туй-туй, то оны всэ дали плынутъ, а винъ за нымы. Якъ вжэ буў далэко, тогды той забигъ своэ шматье скенуў, а то цисарске на сэбэ ўбраў, тай пишоў.

Тай потому пышэ вжэ до того цисара, щобы ся ставыў до війны. И якъ ся вжэ до війны поставылы, то тамтой крутытъ-крутытъ шапкоў, алэ ницъ нэ выкрутыў; а той якъ покрутыў, то всё войско до сэбэ прыкрутыў, и того цисара. Тогды пытаеся ёго: „Яку ты соби смэрть жадаешь?“ А той кажэ: „Яку вжэ самъ хочэшь, таку робы!“ Тай той взяў, порубаў го на штуки, такъ, якъ винъ ёго, тай тоту свою жинку порубаў,—тай вжэ конэць.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

41.

Жена-волшебница.

а). Нэ мигъ ся ожэныты едэнъ кавалиръ. Дэ пидэ, всюда го видправятъ, нэ хотятъ го диуки. Пишоў винъ до ворожки, а ворожка ёму такъ повидае: „Иды тамъ у лисъ, стань сы за дуба и стій: тамъ прыйдутъ ся па Дунай качки купаты, то дви зложатъ своe пирье ўразъ, а трэта окрэмэ; то, кажэ, абы-сь тои трэтои пирье браў—тото твоя жинка будэ!“

Стаў винъ за дубомъ и стойтъ. Прылэтилы тры качки купатыся; дви зложылы ўразъ пирье, а една осибнэ. И винъ то пирье ўхопыў и зачаў ўтикаты. Она бижытъ за нымъ—вжэ ся зробыла дивкоу—тай просытъ ёго: „Виддай, виддай!“ Винъ нэ хотиў виддаты, то она пишла за нымъ ажъ до-дому. Тай винъ то пирье замокъ соби до куфра тай ожэныўся съ нэў. Жылы оны соби бэзъ цилый рикъ файно. Алэ она го всэ просыла, абы йіи то пирье показаў, тай въ рикъ винъ йіи показаў. Тогды она ўхопыла то пирье и полэтила ажъ до свого витця.

Забраў винъ ся й соби, пишоў ажъ тамъ до ей витця за нэў. Йіи ся тамъ дужэ жаль зробыў за нымъ, жэ винъ прыйшоў, абы винъ тамъ смэрты нэ пожыў. И кажэ до нёго: „Чого-жъ ты ту йшоў? ту тоби смэрть будэ!“ Тай зачала плакаты. А дали кажэ: „Нэ біися, яко-сь то будэ! вжэ я буду въ тимъ!“

А то ей отэць буў опыръ, а маты опырыця. Тай той ей отэць повидае: „Трэба ёго стратыты!“ Алэ донька кажэ: „Тату, нэ можъ ёго тратыты, бо то мій чоловикъ!“ Алэ зноў маты зачала дужэ юдыты, абы стратыты. Тай тогды отэць кажэ: „Ну, якъ винъ мэни тоты загадки зробытъ, що я ёму скажу, то го нэ буду тратыты, а якъ нэ зробытъ, то го страчу!“

Тогды го заклыкаў и таку роботу ёму даў: такій тэнгій лисъ выкорчуваты до вэчэра, абы й пэнька нэ було. Пишоў винъ у лисъ, сиў тай плачэ: дэ-жъ хто годэнъ таку роботу за едэнъ дэнь зробыты? Такъ винъ сыдиў до полудня, ажъ вынэсла ёму тота ёго жинка йисты. Тай кажэ: „Цыть,

Бигъ съ тобоў!“ Якъ крыкнула, якъ ся злэтило що на сьвити було, —цы людэ, цы яка звирына,—такъ той лисъ выкорчувалы, вычыстылы, зробылы пórохъ. Выходытъ той опыръ, пытáеся ёго: „Вжэ-сь готоў?“ А винъ кáжэ: „Вжэ даупó! якъ мы йисты прынэсла, то-мъ вжэ послидный корчъ вывáлюваў!“ Тай пишлы рáзомъ до-дóму.

На другый дэнь кáжэ до нéго опыръ: „Мáешь мэни посiяты жыто, абы зiйшло, и выжаты и въ кóпы зложыты,—всё то мáешь до вэчэра зробыты!“ Винъ пишоў на пóлэ, сиў тай думáе: „Щó робыты?“ Выносытъ ёму жинка йисты въ полуднэ. Якъ крыкнула, якъ ся злэтилы людэ, жыта наносылы зъ всёго сьвита и въ кóпы зложылы. А на пóлы позастримкувалы стэрняныкы, гы колы-бы то на тимъ пóлы було жыто выжатэ. Выйиджáе той, пытáеся: „Щó-сь тогды робыў, якъ онá тоби йисты прынэсла!“—„Послидный, кáжэ, снипъ жыта завязуваў-смъ и-мъ клаў на копу!“

Трэтый го дэнь выправыў, абы то жыто вымолотыў и въ михи зибрáў и въ рýмы зложыў. Якъ онá вынэсла ёму полуднуваты, якъ ся нáридъ излэтиў, всё жыто вымолотылы, въ михи зибрáлы и въ стырты поскладáлы, у рýмы. И тогды выйихаў отэць и пытáеся: „Щó-сь робыў, якъ онá ты йисты выносыла?“—„Послидный-смъ михъ жыта завязуваў!“—И пойихалы зноў до-дóму.

Повидáе тогды мáты, тотá опырыця, до доньки: „Напалы въ пьецáхъ дóбрэ и воды нальляйи въ китлы!“ Понапáлювала онá въ пьецáхъ, поналывáла въ китлы. Пытáеся мáты: „Цы кипятъ?“—„Щэ нэ кипятъ, кáжэ, що-йно ся розигрилы!“—И тогды кáжэ до тóго свóго чоловика: „Утикáймо звидсы, бо насъ мáты хóчэ спáрыты!“ Тай зробыла ёгó гусакóмъ, а сэбэ гýскоў,—полэтилы гэть, утэклы.

Встáла старá ей мáты, дывытся—китлы кипятъ, а ихъ нэмá. Тогды кáжэ другiй доньци: „Лэты за нымы!“ Алэ оны чулы, що за нымы сэстрá лэтытъ, то зáразъ онá зробылася яблинкоў на чыстимъ пóлы, а ёгó зробыла яблокомъ на сáмимъ вэршкý на гылй. Тогды ихъ сэстрá нэ пизнáла тай обэрнулася назáдъ. Прылитáе до-дóму тай кáжэ: „Нэмá!“—„А цы нэ находыла-сь дэ-що?“—„Стояла яблинка и на нiй ябко.“—„Було брáты, то оны!“

Пыслáла онá тогды́ чоловы́ка за ны́мы. Алэ онá якъ чýла, що тáто лэты́тъ, зробы́лася каплы́чкоў, а ёгó вы́ўтаромъ. Подывы́ўся отэ́ць—тай нэ спизнáў, обэрну́ўся зноў до-дóму. Пытáеся старá: „Цы здыбáў-есь дэ́що?“—„Ницъ, лышэ́нь каплы́цю й вы́ўтаръ.“ „Та бýло брáты, дýрню, то оны́!“

Тогды́ вжэ полэ́тила онá самá за ны́мы. Алэ оны́ то учýлы, тай такíй буў блы́зько Дунáй, то сы́лы сы обóе па Дунáй: винъ гусáкъ, а онá гýска. Прылэ́тила мáты надъ Дунáй и кáжэ: „Диточки́ мои́, чогó вы видъ мэ́нэ поўтикáлы? я васъ такъ любы́ла дýжэ!“ А потóму якъ стáла вóду зъ Дунáю пы́ты, лышэ́нь дри́бку щэ на-сэрэды́ни лышы́ла, тай вжэ ли́зэ до ныхъ, хóчэ брáты. Тогды́ тотá донькá повидáе: „Колы́-сь ся, мамýньцю, такъ навáжыла, то жэбы́-сь пýкла!“ Тай тотá старá зáразъ пýкла; водá ся зъ нэ́и вы́льляла и стаў Дунáй пóўный. А оны́ ся забрáлы тогды́ тай полэ́тилы до своѓо дóму.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

—

б). Такъ буў едэ́нъ хлóпэць и пишóў до чóрта на слýжбу. Алэ чортъ маў тры доньки́. Тай однá ся съ тымъ хлóпцёмъ полюбы́ла и оны́ хоти́лы ся побырáты. Алэ чортъ кáжэ до хлóпця: „Я дамъ свою доньку за тэ́бэ, áлэ ажъ тогды́, якъ ты мэни́ 12 мóргиў ли́са за едэ́нъ дэнь вы́корчуешь и зъóрэшь и посíешь на тимъ пшэны́цю и вы́жнэшь тотý пшэны́цю и въ кóпы злóжышь и до шпихлирý мóго повóзышь; якъ то всё, кáжэ, до вэ́чэра зрóбышь, то дамъ за тэ́бэ донькý!“ Тай винъ пишóў до тóго ли́са, áлэ сиў и плáчэ. Прыйшлó полýднэ —вы́нэсла ёмý тотá ёгó пáнна ййсты. Тай кáжэ до нéго: „Цытъ, нэ плачъ! нá, йиджъ полýдэнокъ, а я за тэ́бэ всё зрóблю!“ Тогды́ покруты́ла таки́мъ грэбиньцёмъ на гóлови, то зáразъ попрылитáлы чорты́, зачáлы корчувáты: за годы́ну вы́корчувалы цилý горý, вы́оралы тотó тай позасáджувалы въ тотó пóлэ стэрня́нки, а потóму нанэ́слы пóўно снопи́ў пшэны́ци, вы́молотылы тай виднэ́слы до шпихлирý, а солóму поскладáлы въ стóгы. Тогды́ винъ вжэ прыйшóў до-дóму тай

пытáе ёгó ся чортъ: „Ну, чы зробы́ў-есь такъ?“ — „Зробы́ў-емъ! идúтъ, подывúтся до шпихлирý!“

Алэ чортъ кáжэ: „Я щэ за тэ́бэ мóю донькý нэ дамъ! ажъ якъ мэнú вы́ставышь за едэ́нъ дэнь цэ́ркоў и всё, що въ цэ́ркви е, то тогды́ ты йи дамъ!“ Тогды́ винъ пишóў, стáў тай плáчэ. Прыйшлó полýднэ—прынэ́сла ёмý пáнна йи́сты тай кáжэ: „Та нэ плачъ, дурный!“ Знóву тымъ грэбиньцёмъ покрутúла, то зáразъ попрылитáлы чорты́, вы́ставылы цэ́ркоў, гэтъ усé, за шты́ры годы́ны; áлэ хрэстá нэ моглы́ постáвыты, бо ихъ пэкló, то винъ вжэ самъ вы́лизъ на цэ́ркоў тай застромы́ў хрэстъ. Акурáтъ тогды́ вы́йшоў чортъ дывытыся—чы ёмý хто нэ помагáе робúты? Тай увы́диў го на цэ́ркви съ хрэстóмъ, то вжэ повьéрыў.

Тай зноў кáжэ до нéго: „Щэ мэнú мáешь ты́мы ключúма видомкнýты мóихъ 12 пыўны́ць—тогды́ ты дамъ донькý!“ Тогды́ винъ взяў ключú тай пишóў видмыкáты, —áлэ дэ́ тамъ?—нэ знáе, котры́й ключъ до котрóи пыўны́ци, нэ мóжэ трáфыты. Тогды́ прыйшлá тотá ёгó пáнна тай показáла ёмý, котры́й ключъ до котры́хъ двэ́рэй, тай винъ тогды́ повидмыкáў вси до éдnои. Алэ онá щэ ёмý кáжэ: „Тэпэ́рь будэ́ ся тáто пытáты, котрá е нáймолодша донькá? а ты ся будэ́шь нíбы доўгó-доўгó дывы́ты, а я киўнý мизэ́рнымъ пáльцёмъ—тогды́ будэ́шь казáты: о-тотá е нáймолодша!—то бýду я!“ А тоты́ тры донькú бýлы такú вси еднакóви, якъ еднá. Тай такъ ёмý кáжэ чортъ: „Ану, щэ ўгадáй, котрá то нáймолодша донькá?“ Винъ ды́вытся-ды́вытся, áлэ онá киўнýла пáльцёмъ, тогды́ винъ кáжэ: „О-тотá!“ Дóбрэ!

Тогды́ вжэ чортъ нэ маў щó робы́ты, то замкнýў ихъ óбое до покóю и кáжэ: „Палúтъ ту въ тимъ пьéцу тры дны!“ Бо винъ ихъ тамъ хотíў въ зэлúзнимъ пьéцу стрáтыты. А въ тимъ покóйи бýлы вíкна на тры ся́жни высóко, то нэ можъ бýло вы́лизты тай утикáты. Алэ онá тогды́ ёгó зробы́ла гóлубомъ, а сэбэ́ голубы́цэў, тай викнó збылы и полэ́тилы.

Чортъ увійшóў до покóю, а ихъ нэмá. Тогды́ кáжэ до свóйи сэрэдýщои донькú: „Гоны́ за ны́мы!“ Тай онá полэ́тила, áлэ оны́ учýлы вэлы́кій шумъ, то онá зробы́ла ёгó бодакóмъ, а сэбэ́ рýжоў. Сэстрá прылэ́тила, áлэ

нэ могла ихъ пизнаты, то вэрнулася назадъ до витця. Тогды отэць ся ей пытае: „Чы здыбала ты що?“—„Нэ здыбала-мъ ничо, лышэ бодакъ тай ружу на полы.“—„То оны булы!“

Тай тогды кажэ до найстаршои доньки: „Лэты ты!“ Полэтила она, а та заразъ ўчула тай зробыла ёго дидомъ, а сэбэ коровоў. Прылэтила сэстра тай пытаеся того дида: „Цы нэ выдилы вы ту якихъ двое, абы утикалы?“ А дидъ кажэ: „Выдиў-емъ двое, алэ щэ тогды, якъ я буў парибкомъ, а тота корова ялиўкоў!“ Тай она тогды вэрнулася до-дому.

Тогды вжэ чортъ самъ полэтиў за ными. Алэ она ўчула тай зробыла ёго цэркоўю, а сэбэ паламаромъ. Тай винъ прылэтиў тай ихъ спизнаў и вжэ хотиў тоту цэркоў съ паламаромъ браты. Алэ она тогды кажэ до нёго: „Колы-жъ ты, тату, такъ на насъ настаешь, то абы тя ясный гримъ забыў!“ Тай заразъ ударыў гримъ и забыў чорта на ропу, а оны соби тогды полэтилы обое гэть тай ся нибралы.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

42.

Золотоволосая Елена.

Ходыў едэнъ хлопъ по сьвити и шукаў собі дйўки. И прыйшоў до едной ворожки, то она ёму сказала: „Иды, шукай золотоволосои Ялэны!“ И винъ пишоў шукаты.

Шукаў-шукаў и нэ мигъ найты. Тогды пишоў до сонця—пытатыся, чы нэ выдило оно золотоволосои Ялэны? А сонцэ кажэ: „Я сьвичу горы и долыны, алэ такои Ялэны я нэ находыло!“ Алэ дало ёму сонцэ золотый клубочокъ и кажэ: „Якъ будэшь въ потрэби, то вэрзь той клубочокъ по-за сэбэ!“ И винъ тогды пишоў до мисяця. А мисяць кажэ: „Я мало сьвичу, лышэ въ ночы, то всюды нэ досьвичую; я нэ знаходыў такои Ялэны нигдэ!“ И даў му мисяць щиточку

и ка́жэ: „Якъ ты ся бу́дэ яка́ прыго́да лучы́ты, то вэ́ржэшь за се́бэ!“ И винъ пишо́ў да́ли—до ви́тра. Ви́тэръ ка́жэ: „Йды, твою́ золотоволо́су Ялэ́ну трыйцять бабъ зэлі́знымы язы́камы трыма́е; то ты йи, ка́жэ, видъ тыхъ бабъ нэ дыста́нэшь, а́лэ йды ту до єдно́и воро́жкы на слу́жбу, то она́ тобі́ дасть тако́го коня́, що бу́дэ лита́ты повитёмъ, то на нимъ съ Ялэ́ноў уті́кнэшь!“ И даў му щэ ви́тэръ митлу́ и каза́ў му: „Якъ ты ся яка́ прыго́да ста́нэ, то уда́ръ по́-за сэ́бэ!“

Тогды́ винъ за́разъ пишо́ў до то́и воро́жкы. А она́ ёму́ ка́жэ: „Якъ допасэ́шь мо́ю кобы́лу, то я тобі́ дамъ тако́го коня́!“ И винъ займы́ў ту кобы́лу па́сты въ лисъ. Алэ въ ночы́ паста́ў вэлы́кій шумъ и кобы́ла счэ́зла. Тогды́ появы́лося ёму́ много́ лысиў и пишлы́ съ нымъ до то́и воро́жкы. А тамъ сыди́ла въ ко́шыку ку́рка на я́йцёхъ, то ти лысы́ ту ку́рку схваты́лы зъ ко́шыка и розбы́лы я́йця, а зъ тыхъ яєць вы́лэтила кобы́ла съ трома́ лоша́тамы. Тогды́ вжэ воро́жка дала́ ёму́ єдно́ лоша́ и ка́жэ: „Тамъ у тыхъ бабъ є тота́ золотоволо́са Ялэ́на у скляни́мъ збанку́; то абы́-сь йи браў зо збанко́мъ и абы́-сь той збано́къ нэ вытваря́ў, ажъ по́ки до-до́му нэ дойи́дэшь!“

И винъ пойи́хаў до тыхъ трыйцитёхъ бабъ. Прыйиждже́е тамъ, а тоты́ бабы́ всп спятъ. Винъ тогды́ увы́диў тамъ въ вэлы́кимъ збанку́ золотоволо́су Ялэ́ну, то ўхо́пыў йи, сиў на коня́ и займы́ў. А тоты́ бабы́ съ зэлі́знымы язы́камы спалы дванцять чоты́ры годы́ны; по́тимъ встаю́тъ, а Ялэ́ны нэма́. Тай зача́лы ся гна́ты за тымъ молодцёмъ. Винъ учу́ў які́й-сь шумъ, що бабы́ за нымъ вжэ лэтя́тъ, тогды́ вэргъ щи́точкоў наза́дъ сэ́бэ, то за́разъ вы́рисъ стомы́лэвый лисъ. Бабы́ зача́лы той лисъ грызты и го пэрэгры́злы и зача́лы ся да́ли за нымъ гна́ты. Винъ чу́е шумъ, то вэ́ргъ клубо́чокъ наза́дъ сэ́бэ—вы́росла ками́нна гора́. Алэ бабы́ тоту́ гору́ пэрэгры́злы и зноў ся за нымъ жэ́нутъ. Тогды́ винъ буў ужэ́ надъ мо́рэмъ; уда́рыў митло́ў по мо́ру, то мо́рэ му ся розступы́ло и чы́стымъ пу́тэмъ пэрэйи́хаў, а по́тимъ обэрну́ўся и ўда́рыў зноў по мо́ру митло́ў, то мо́рэ ся зійшло́ зноў, якъ бу́ло пэ́ршэ. Тогды́ ся тамъ всп тоты́ бабы́ потопы́лы.

Алэ тамъ царь якій-сь такжэ йиздыў конёмъ по повиттю и догоныў того и зачаў ся съ нымъ бороты и видбыраты ёму золотоволосу Ялэну. Алэ кинь того царá буў видъ тои самои ворожки, то ся ти конп що-сь мэжы собоў порадылы, тай кинь зверглъ того царá на зэмлю и царь забыўся. Тай випъ соби тогды съ золотоволосоў Ялэноў пойихаў счислыво до-дому.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

43.

Мужъ-жаба.

Пэклá мáты хлибъ тай послáла дйўку по вóду. Зачырáе дйўка вóду, а жáба йій тамъ нэ дае, кáжэ: „Якъ будэшь моя́, то ты дамъ воды!“ Вэрнýлася дйўка до-дому бэзъ воды тай кáжэ: „Якá-сь жáба нэ дае вóду брáты!“ Тогды мáты послáла дрýгу дйўку по вóду. Зноў йій жáба воды нэ дае, кáжэ: „Якъ будэшь моя́, то ты дамъ!“ А дйўка кáжэ: „Бýду вжэ твоя́, колы хóчэшь, лышь мы дай воды!“ Тогды зачэрла сы воды и идэ до-дому.

А жáба скáчэ за нэў. Прыйшлá жáба пэрэдъ порйгъ тай кáжэ: „Ра́хомъ-ра́хомъ-рахомя́, пэрэсады мя чэрэзъ порйгъ, дйвочко моя́!“ Взя́ла дйўка, пэрэсадыла жáбу до хáты. Тогды жáба кáжэ: „Ра́хомъ-ра́хомъ-рахомя́, дáй мы йисты, дйвочко моя́!“ Дáла дйўка жáби йисты—найилася жáба. Вэчиръ кáжэ зноў жáба: „Ра́хомъ-ра́хомъ-рахомя́, клады мэнэ до свóго лйжка, дйвочко моя́!“ Ляглá дйўка съ жáбоў до лйжка тай лэжытъ. А въ ночы тотá жáба звэргла жабячу корý тай зробыўся зъ нэи паны́чъ дýжэ крáсный. Тай винъ вжэ пэрэночуваў тамъ съ дйўкоў, а рáно зноў ся зробыў жáбоў.

Тай потóму кáжэ донькá до мáтэры: „Ой, то нэ жáба, мáмо, то паны́чъ, лышэ винъ мáе жáбячу корý!“ Мáты дрýгого рáня розклáла огэнь у пэчы тай увыдила ту жáбячу корý кóло лйжка и вэргла йи у пичь—згорйла. Той ся паны́чъ схóпыў, хóчэ ся у корý убыраты, а коры

нэма! Тогды кажэ винъ до дијуки: „А болай васъ Богъ скараў! я щэ маў лышь два рокп ходыты въ тіи корй, то-бы-мъ буў крулёмъ зистаў, а такъ пропало вжэ всё!“ Тай пишоў винъ до коваля тай зробыў обручъ зэлизный, то на тоту свою жону той обручъ забыў на чэрэво тай кажэ: „Абы-сь ажъ тогды тоту дытыну уродыла, якъ мэнэ знайдэшь!“ Тай пишоў сы тогды въ сьвитъ.

Ждэ она, ждэ, а винъ нэ прыходытъ. Кажэ она до матэры: „Иду я, мамо, въ сьвитъ—за нымъ шукаты!“ Идэ-идэ, пытаєся мисяця: „Мисяцю, мисяцю, далэко сьвитышь, далэко выдышь! чы нэ йшоў ту жабячій круль?“ А мисяць кажэ: „Я нэ выдиў! иды до сонця—можэ сонцэ знае?“ Тай даў йій мисяць золотэ мотовыльцэ. Она прыйшла до сонця тай кажэ: „Сончко, сончко, далэко сьвитышь, увэсь сьвитъ выдышь! чы нэ йшоў ту жабячій круль?“ А сонцэ дало йій золотый клубочокъ тай кажэ: „Иды тамъ до двора, то винъ тамъ е, винъ ся тамъ съ панэў ожэныў!“

Пишла она тамъ до двора тай ся убрала въ лахи, такъ нибы по жэбрихъ ходытъ. Тай просытся до двора на-ничь. Выйшла тота пани тай кажэ: „Та почуй сы тамъ дэ въ кухны зо служныцима!“ Нэрэночувала она ничь, выйшла пидъ хату тай ся бавытъ тымъ мотовыльцэмъ. А пани то увыдила тай кажэ: „Кобы ты мэни, бабусю, то мотовыльцэ продала!“ А она кажэ: „Я вамъ го и такъ дамъ, алэ пуститъ мя едну ничь съ вашымъ паномъ спаты!“ Пани кажэ: „Добрэ!“ Алэ пану дала такого порошку до вэчэри, жэ панъ заснуў тай ся цилу ничь нэ пробудыў. Видтакъ рано она выйшла пидъ хату тай знoў ся такъ клубочкомъ бавытъ золотымъ. А пани кажэ до нэи: „Кобы ты мэни щэ той клубочокъ продала!“ Она кажэ: „Я вамъ го дамъ, алэ щэ мя пуститъ едну ничь съ паномъ спаты!“ Тогды знoў пани прыладыла того порошку для пана, абы заснуў, алэ дала то служныцы, абы насыпала до вэчэри; служныця хотила вжэ сыпаты, алэ тота жинка йи тоўкнула и то розсыпалося на зэмлю. А служныця ся бояла тай ницъ пани нэ казала, алэ занэсла пану вэчэру бэзъ порошку. Тогды вжэ якъ пишла она съ паномъ спаты, то панъ вжэ нэ спаў. А она кажэ до нёго: „То ты мэнэ лышыў съ обручомъ, а самъ-есь ся ожэныў съ другоў тай-есь мя забуў!“ Алэ винъ взяў тай положыў

на ню ру́ку, то ся обру́чъ за́разъ розпу́къ тай она́ уроды́ла два хло́пци.

Ввійшла́ па́ни ра́но до поко́ю, ды́вытся тай крычы́ть: „А ты ту, жэбра́чко, що́ наробы́ла тако́го?“ Алэ панъ ка́жэ: „Ты́хо будь, нэ свары́ся, бо то мо́я пра́ва жи́нка!“ Тай винъ тогды́ па́ню виддпра́выў гэть, а съ тоў вжэ ɣаздува́ў ажъ до смэ́рты.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

44.

Какъ пастухъ наговорилъ полный мѣшокъ.

Буў едэ́нъ госпо́даръ и маў сы́на едынака́. Хова́ў его́ до дэ́сять литъ, а видъ дэ́сять литъ хло́пэць зробы́ўся пусты́й, нэ хоти́ў слу́хаты витця́-ма́тэры, а найбы́льшэ буў ла́комый на диўча́та тай молоды́ци. Вы́дилы, жэ зъ нэ́го ницъ нэ бу́дэ, и гэтъ-при́чъ нагна́лы го видъ сэ́бэ въ сьвитъ, абы́ чужи́ лю́дэ нау́чылы го розу́му. Винъ соби́ взяў то́рбу шки́ряну и до то́рбы пыщэ́ўку и забра́ўся и пишо́ў.

Ишо́ў ки́лька дэнь, зайшо́ў далэ́ко въ чужыну́. Тай прыйшо́ў такъ разъ вэ́чэромъ по-пэ́рэдъ едно́го граба́го двиръ. Панъ стоя́ў на бра́ми, увы́диў го и заклы́каў до сэ́бэ. Пыта́е его́ ся панъ: „Дэ ты йдэшь, хло́пчэ?“—„Иду́ слу́жбы пыта́ты!“—„Мо́жэ-бы-сь ся въ мэ́нэ найм́ыў?“ —„До́брэ, найму́ся!“—Зави́ў его́ панъ до двора́, каза́ў ему́ да́ты йисты. Якъ винъ попойи́ў, тогды́ го заклы́каў панъ до поко́ю и взяў его́ пыта́ты: „Що́ ты бу́дэшь за слу́жбу робы́ў?“ А винъ ды́вытся, жэ тамъ сыды́ть то́го па́на донька́—така́ ла́дна, то повида́е такъ: „Що́ ти́лько на сьви́ти е, яка́ робо́та, то я всё зро́блю, а́лэ якъ мы панъ заплатя́тъ то́, що́ я схо́чу!“ Панъ на то здуми́ўся тай ка́жэ: „Я вжэ робо́ту зна́йду для тэ́бэ, а́лэ яку́ ты платню́ хо́чэшь?“ Винъ повида́е: „Жэбы́-сьтэ мэни́ свою́ до́ньку да́лы за жи́нку!“ Панъ поду́маў, жэ то які́й-сь такі́й бойчучо́къ нэвлы́чкій, тай ка́жэ: „До́брэ, я ты йи дамъ и дамъ тоби́ вси свои́ до́бра, а́лэ му́сымо соби́ зробы́ты за́кладъ, жэ ты мэни́ ма́ешь робы́ты слу́жбу

ца тры дны; а якъ за тры дны всэи службы нэ зробышь, то будэшь смэртью караный!“ Тай той прыстау на закладъ.

На другый дэнь рано панъ встау, побудыу слугы и того хлопця и бэрэ ёго и вэдэ до стайни. Завиу ёго до стайни, показау ёму сто заяциу и повидае: „На то и то пасовыщэ маешь гнаты тыхъ сто заяциу пасты до вэчэра и у вэчиръ до-дому прыгнаты; алэ якъ-бы едэнъ заяць бракнуу, то будэшь стрэчэный!“ Якъ панъ отворыу стайню, якъ выпустыу заяци, вси заяци полэтилы улыцэу (бо була улыця выгороджэна видъ стайни ажъ до пасовыска). Алэ на пасовыску розлэтилыся на вси стороны—едни въ полэ, други въ лисъ—и нэ выдно було, дэ ся заяци подилы?

Выйшоу хлопэць на пасовыщэ—нэма ни одного заяця. Тогды сиу соби на купыну, думае: „Що ту робыты?“ Тай такъ зъ журбы выймыу пыщэуку зъ торбы. Якъ на ту пыщэуку заграу, вси заяци коло нёго заразъ сталы наоколо: таку вжэ съ тоу пыщэукоу ворожбу мау. Пасутся заяци, а винъ соби сыдытъ тай грае.

А панъ дома повидае до донькы: „Абы ты пишла такъ сдалэку подывытыся, що той хлопэць робытъ съ заяцима?“ Донька пишла, подывылася сдалэку и прыйшла до-дому и сказала родычимъ, жэ вси заяци коло нэго пасутся. Панъ тогды здумиуся, гадае сы, жэ то будэ тэпэрь злэ, жэ то яка-сь обмана прыйшла, то трэба надъ тымъ яку прахтыку выдуматы. Повидае тогды до донькы такъ: „На-тоби грошэй, иды до того пастуха, можэ-бы-сь у нэго одного заяця купыла, абы му вэчиръ бракнуу, то го стратымо!“ Тогды она убралася по-жэбрацку, абы йи нэ пизнау, взяла гроши и пишла куповаты заяця. Приходытъ она до нэго, поздоровыла ёго и просытъ, абы одного заяця йiй продау. Алэ винъ спизнау, жэ то та панна сама, тай повидае, жэ нэ можэ продаты, нэ хочэ продаты на жаднэнъ спосибъ. Алэ потому кажэ такъ: „Колы ты ся вжэ такъ упэрла, то покажы гроши, чы маешь?“ Она ёму гроши показала—въ той часъ винъ повидае до нэи: „Давай гроши и щэ лягай ту—зо мноу ся побау, то ты заяця дамъ!“ Дала она ёму гроши и учыныла ёго волю—лягла до нэго. Винъ свiй интэрэсъ зробыу, тогды зиимау заяця тай йiй дау. Вна прыйшла съ тымъ заяцёмъ на подвирье, ажъ пэрэдъ двэри. А той на полы на пыщэуку заграу—заяць

йій ся зъ рукъ вы́рваў и прыби́гъ до нэ́го наза́дъ. Вэ́чиръ прыганяе винъ заяци́ до-до́му. Панъ вы́йшоў, отворы́ў ста́йню, пэрэрахува́ў заяци́—су́ть вси сто, до-е́дного. Ну, панъ ся ду́жэ засмуты́ў, а́лэ той хло́пэць сы нычь зъ то́го нэ ро́бытъ, пишо́ў до двора́, повэчэ́раў и лигъ спа́ты.

На дру́гый дэнь ра́но встаў тай займы́ў вжэ самъ, бэзъ па́на, па́сты заяци́. Алэ панъ ка́жэ тогды́: „Ну, ўчо́ра донька́ ходы́ла за за́яцёмъ, купы́ла, та нэ дотры́мала; то вжэ ны́ни ма́ты най идэ́ сама́ купова́ты!“ Тай тогды́ стара́ па́ни ўбра́лася зноў по-жэбра́цку тай пишла́ то́го за́яця купова́ты. Алэ хло́пэць зноў нэ хоти́ў прода́ты, ажъ му́сила й па́ни такъ му да́ты гро́ши и положы́тыся съ нымъ, якъ донька́ ўчо́ра,—тогды́ той пасту́хъ зи́пма́ў за́яця, даў его́ тій па́ни и она́ пишла́ до-до́му. И вжэ двэ́ри отворы́ла до поко́ю, а́лэ пасту́хъ якъ загра́ў на пыщэ́ўку, то за́яць ся видъ па́ни вы́рваў и прыйшо́ў на пля́цъ до нэ́го. Прыганя́е винъ вэ́чиръ заяци́, панъ пэрэрахува́ў—су́ть уси́. Ну, кло́питъ!

На трэ́тый дэнь посьни́даў и займы́ў заяци́ зноў па́сты на пасовы́щэ. Алэ панъ вжэ збыра́ется самъ иты́ купова́ты за́яця. Убра́ўся панъ по-жэбра́цку, взяў собі́ дви ты́сячи ры́ньскихъ и пишо́ў на по́лэ до пастуха́. И прыйшо́ў ажъ идъ пастухо́вы и про́сытъ его́, абы́ ему́ спрода́ў едно́го за́яця. Алэ той повида́е: „Я нэ мо́гу спрода́ты, бо́-бы мы за́разъ смэ́рть бу́ла!“ Алэ панъ повида́е ему́, жэ му дасть за за́яця дви ты́сячи, бо му ду́жэ трэ́ба. Нэ хо́чэ! Алэ ды́вытся—йидэ госты́ньцёмъ смарово́зъ, мазь вэзэ́; йидэ тако́ў кобы́лоў мизэ́рноў, му́хи йи вжэ обі́йилы, ажъ кроў тэчэ́. Тогды́ винъ ка́жэ до па́на: „Ходи́мъ мы до то́го смарово́за: якъ винъ намъ пора́дытъ—цы прода́ты за́яця, цы нье?“ Прыпыны́лы то́го смарово́за, тогды́ пыта́ется винъ тамъ пэ́рэдъ нымъ то́го па́на: „Ну, дастэ́ дви ты́сячи за за́яця?“—„Дамъ!“—„А поцилю́етэ вы тоту́ кобы́лу пидъ во́гопъ?“—Панъ радъ-пэра́дъ ка́жэ: „Поцилю́ю!“ Алэ смаро́возъ—жыдъ буў—ка́жэ: „Я нэ позво́лю за-да́рмо мо́ю кобы́лу цилюва́ты!“ Пасту́хъ взяў тоты́ дви ты́сячи видъ па́на—одну́ ты́сячу взяў собі́, а дру́гу даў жы́дове. Ну, тогды́ панъ пидня́ў во́гонъ, поцилюва́ў кобы́лу—пропа́ло! Въ той часъ пишо́ў пасту́хъ, зла́паў

за́яця и даў па́ну. Панъ вжэ такъ мо́цно то́го за́яця тryма́е, ажъ прыйшоў съ нымъ на подвирье. Тогды́ пасту́хъ загра́ў на пыщэ́ўку—за́яць вы́рваўся тай прыби́гъ наза́дъ на по́лэ. Вэ́чиръ прыганя́е винъ заяци́ў съ па́совыска, панъ пэрэрахува́ў заяци́—суть вси.

Алэ тогды́ панъ вжэ ду́жэ ся роззло́стыў тай за́разъ его́ даў до крымина́лу. На дру́гый дэнь розпыса́ў панъ по мыста́хъ, то пано́вэ ся позийжджа́лы на судъ. Тогды́ розпови́ў панъ той цилы́й интэ́рэсъ пэ́рэдъ па́ньствомъ: якъ то мо́жэ бу́ты? Ну, такъ па́ньство ра́дытся мэ́жы собо́ў—нэ мо́жутъ то розтолкува́ты. Алэ едэ́нъ панъ повида́е: „Колы́ вы соби́ такі́й за́кладъ зробы́лы, то ма́етэ му тэпэ́рь то да́ты, що́-сьтэ му обиця́лы! а́лэ я ему́, ка́жэ, щэ едну́ за́гадку ска́жу: якъ винъ то зро́бытъ, то пропа́ло, му́сытъ вжэ такъ бу́ты!“ Ка́жутъ вжэ хло́пця прывэ́сты та́мки зъ крымина́лу мэ́жы па́ньство. Прывэлы́ его́, тогды́ пыта́ется его́ той чужы́й панъ: „Чы ты, хлопу́ню, вы́граў-есь той за́кладъ видъ па́на?“—„Вы́граў-емъ!“—„Но, ка́жэ, то такъ нэ мо́жэ бу́ты, бо панъ нэ маў ся съ кимъ пора́дыты! а́лэ, ка́жэ, я тоби́ дамъ та́ки щэ едэ́нъ за́кладъ: ушы́емъ ты михъ у сто ко́рцэй. то якъ его́ наговоры́шь за кванд ра́нсъ годы́ны по́ўный и завя́жэшь, въ той часъ бу́дэшь ся жэны́ў съ гра́бёго донько́ў и вси до́бра его́ диста́нэшь!“ Хло́пэць повида́е: „Дэ-жъ той михъ е?“ Тымчасо́мъ тамъ дэ-сь той михъ бо́рзо ўшы́лы, на сто ко́рцэй вэлы́кій, и внэ́слы до поко́ю пэ́рэдъ па́ньство.

Винъ тогды́ взяў, запха́ў го́лову въ михъ, а па́ну ка́жэ трыма́ты михъ ко́ло шы́и, абы́ слова́ нэ выходы́лы зъ ми́ха наза́дъ. И въ той часъ зачына́е говоры́ты. И ка́жэ такъ: „О-то́ про́шу па́ньства послу́хаты, якъ мій викъ идэ́!“ Тай такъ зача́ў имъ всё повида́ты: якъ винъ буў у сво́го витця́, якъ пишо́ў въ сьвитъ, наймы́ўся у па́на на за́кладъ, якъ пасъ заяци́ на по́лы, якъ прыйшла́ до не́го па́нна и якъ винъ йій прода́ў за́яця. Тогды́, якъ то за па́нну розпови́ў, пыта́ется па́ньства: „Цы по́ўный вжэ михъ?“ Повида́ютъ ему́, жэ нье, жэ ниць щэ нэ вы́дко. Тогды́ винъ зача́ў говоры́ты да́ли: якъ вы́йшла идъ нёму на по́лэ сама́ стара́ па́ни тай якъ винъ йій прода́ў за́яця. Тогды́ зноў пыта́ется: „Цы по́ўный михъ?“—„Нье, щэ нэма́ ныч!“—Алэ винъ зача́ў повида́ты да́ли: якъ вы́йшоў самъ гра́бя купова́ты

за́яця и даў му дви ты́сячи за за́яця, якъ доро́гоў визъ смаро-во́зъ мазъ мизэ́рноў кобы́лоў, якъ панъ тоту́ кобы́лу поцилю-ва́ў. Алэ за́ки винъ щэ вы́мовыў до кинъця́, панъ схо́пыў го за го́лову и вы́рваў му михъ и ка́жэ: „До́ста, вжэ михъ по́ўный!“ Тогды́ всё па́ньство зача́ло крыча́ты: „Ви́ватъ, хлопунё вы́граў!“

И вжэ му́сиў му панъ да́ты свой до́бра и доньку за жи́нку, то оны́ побра́лыся и господарува́лы собі́.

(Отъ Николая Жегайляка въ Доброгостовѣ.)

45.

Подмѣненная невѣста.

Въ чи́стимъ по́лю буў лисъ. Ко́ло то́го ли́са ишла́ доро́га, а пры доро́зи стоя́ла хаты́на. Въ тій ха́ти бу́ла вдо́ва-ба-бы́на, ма́ла дви до́ньки. Бу́лы обі ла́дни, якъ сло́нько, а една́ дру́гій поди́бна, такъ якъ-бы една́ осо́ба. Алэ вдо́ва ста́ршу ли́пшэ любы́ла и да́ла йи до ми́ста до шко́лы—учы́тыся дэ́-що вышыва́ты. А моло́дша бу́ла въ до́му и пря́ла кудэ́лю и сьпива́ла собі́ всэ, якъ найли́пшый ка-на́рокъ.

Алэ нэдалэ́ко видъ то́го ли́са бу́ло ми́сто столы́чнэ, въ ко-три́мъ мэ́шкаў ци́сарь. Алэ стары́й ци́сарь ўмэръ и здаў па́нь-ство на сво́го сы́на. Молоды́й ци́сарь хтиў ся ожэны́-ты и нэ мигъ собі́ нигдэ́ дибра́ты па́нны за жи́нку. Алэ едно́го ра́зу усі́ў собі́ на коня́ и пойи́хаў на спа́циръ—то́ю до-ро́гою по́-пры вдо́выну хаты́ну. И ў́чуў кра́сный сьпиў зъ то́и ха́ты и хоти́ў вы́диты—хто то такъ сьпива́е? И зайи́-хаў на подви́рье пэ́рэдъ ви́кна, а ди́ўчына увы́-дила бэзъ викно́ и отворы́ла викно́. А панъ ся пы-та́е ей: „Цы ма́ешь ты во́ду вдо́ма?“ Она повида́е, жэ воды́ вдо́ма нэма́, а́лэ най панъ зачэка́е, то прынэ́сэ. Пишла́ исъ зба́нкомъ по во́ду, а панъ злизъ съ коня́, прывяза́ў го до дэ́-рэва, а самъ пишо́ў до ха́ты, сиў и чэка́е. Ди́ўчына прынэ́сла во́ду зи зба́нкомъ, тогды́ панъ напы́ўся и взяў ся ей пыта́ты:

„Якъ ты ту мэ́шкаешь и съ кимъ?“ А ди́ўчына повидае, жэ естъ ма́ма вдо́ва, а́лэ пишла́ въ ли́съ по то́пливо. А панъ розмавля́ўся да́ли и прыйшо́ў съ тоў ди́ўчыноў до такои розмо́вы, жэ хо́чэ ей сва́таты. Алэ она́ повида́е: „Та дэ то мо́жэ бу́ты? мы е би́дни лю́дэ!“ Панъ повида́е: „Я такъ хо́чу, то му́сышь бу́ты мэни́ жи́нкоў!“ Ди́ўчына дэ-сь ся обэрну́ла въ дру́гу сто́рону, а панъ вы́тягнуў сакэ́ўку съ дука́тамы и вложы́ў въ ей ли́жко. И въ той часъ пожэгна́лыся обо́е, поцилюва́лыся. Тогды́ щэ повиў йій, жэ за́ўтра по нэй прыйи́дэ, абы́ була ма́ма вдо́ма. И сиў на коня́ и пойи́хаў.

Въ тимъ ра́зи прыхо́дытъ ма́ма зъ ли́са съ то́плывомъ, а ди́ўчына йій повида́е, жэ буў туй які́й-сь панъ, напы́ўся воды́ и пойи́хаў гэтъ. Алэ нэ каза́ла ницъ, що панъ йи хо́чэ сва́таты. Ужэ́ буў вэ́чиръ и вдо́ва каза́ла до́ньци, абы́ стэлы́ла по́стиль. Якъ вы́горнула по́стиль зъ ли́жка, то та сакэ́ўка съ дука́тамы вы́лэтила на зэ́млю. Ма́ма схо́пылася, пидня́ла сакэ́ўку и взя́ла доньку́ гапьбы́ты: що́ то тако́го естъ? До́нька пэрэстра́шэна о ни́чимъ нэ зна́ла и ницъ нэ видповида́ла. А стара́ такъ собі́ погада́ла, жэ мо́жэ йій Панъ-бигъ такъ прысла́ў, жэ ихъ тро́ха заратува́ў. И тогды́ поляга́лы спа́ты, а ди́ўци прысны́ўся сонъ, жэ панъ прыйи́хаў и взяў ей за жи́нку и видда́ў йій вси до́бра и ключи́ видъ поко́йиў; а́лэ жэ прывиў йи до посли́дного поко́ю, а ви́дтамъ вы́скочыў чо́рный китъ и подэ́ръ йій ду́жэ тваръ, цыцьки́, ру́ки, жэ ажъ пробуды́лася.

Ра́но поўстава́лы, ма́ма ся зибра́ла и пишла́ въ лисъ по то́пливо. Ди́ўчына звары́ла снида́нье и зробы́ла поря́докъ въ ха́ти, а пото́му убра́лася въ то шма́тье, що ма́ла про сьвя́то, и си́ла пидъ викно́ на ла́ву. И прядэ́ кудэ́лю и сьпива́е, якъ найли́цшый кана́рокъ. Ды́вытся—панъ йи́дэ на коны́. Злизъ зъ коня́, прывяза́ў, идэ́ до ха́ты. И за́разъ ся звыта́лы, поцилюва́лы, тогды́ панъ взяў ся йи выпы́туваты, якъ йій ся почува́ло? Ди́ўчына ўстыда́лася па́ну уповиа́сты, що́ йій ся сны́ло, а нарэ́шти ўпови́ла: такъ и такъ. А панъ повида́е: „То всё пра́ўда, бо ты мо́я жи́нка му́сышь бу́ты, а́лэ що чо́рный китъ, то я за то нэ зна́ю!“ Пры тій розмо́ви прыйшла́ ма́ма зъ ли́са, сказа́ла: „Сла́ва Ису́су Хрысту́!“ Панъ ся съ нэ́ю повыта́ў и за́разъ сказа́ў йій, жэ бу́дэ сва́таты ей до́ньку собі́ за жи́нку. А пото́му повида́е: „Абы́-сьтэ ся на за́ўтра зла́дылы, бо я прыйи́ду и ди́ўку за-

бэру до свого дому!“ И тогды забраўся, сиў на коня и пойихаў до миста.

Алэ колы прыйихаў до миста, дистаў тамъ розказъ, жэ война выбухла; паньство съ войскомъ зибралося до войны. То винъ тогды вжэ съ коня нэ злизаў, тилько обэрнуўся и пойихаў и взяў ту вдовыну дийчыну на коня и такъ прывизъ йи до свого дому. Тогды ўбраў ей по-паньску и виддаў йий ключи видъ усихъ добриў и даў розказъ усимъ, абы йи такъ слухалы, якъ ёго жинку, ажъ поки винъ нэ вэрнэ зъ войны. А сказаў йий такъ: „Якъ тоби будэ скучно самий, то выпраў фьякеръ, ажэбы тоби прывэзлы маму до двора.“ И забраўся панъ и пойихаў на войну.

Вона якъ пэрэночувала, въ другый дэнь выправыла фьякеръ по маму. Фирманъ якъ тамъ прыйихаў, кажэ баби, жэ пани просыла, абы прыйихала заразъ до нэи. Алэ она сказала такъ: „Скажэтэ пани, жэ така йий дорога до мэнэ, якъ мэни до нэи!“ Фирманъ забраўся тай пойихаў въ-порожнэ. Якъ прыйихаў до-дому, кажэ пани, якъ мама повидала: жэ сама така дорога пани до нэи, якъ йий до пани.

Алэ баба пишла заразъ до миста, прывэла старшу доньку зъ миста до-дому и взялы ся оби рады-ты, жэ шкода, абы молодша була такоў панэў, а тота старша и ўчэна и мудра абы ниць нэ мала; и такъ ся оби ўрадылы, жэ она мусытъ ту сама прыйихаты, а оны йи стратятъ, тогды старша ся ўбэрэ за паню и пойидэ. (Бо оны една другій подибна, то панъ нэ спизнае—котра ёго жинка?) Въ тимъ рази прыйиждже та ей донька зъ миста, та пани, увийшла до хаты и повыталыся. Тогды взялы зъ нэи тягнуты протоколъ— якъ ся тамъ въ двори робытъ и якъ тамъ естъ? А вна имъ всю праўду розповила и показала ключи, жэ мала пры соби, видъ чого сутъ? Якъ вжэ всю розпраў скиньчыла, взяла мама и хустыноў забыла йий пысокъ и звязала йи; тогды зибралы зъ нэи паньске одинье и у тото одинье ўбралася тота старша сэстра. А тій выбралы очы и обризалы йий рукы по ликта, а ногы по колина. И въ той часъ выйшла тота старша до фирмана и сила на фьякеръ и пойихала до двора, алэ службови ей нэ спизналы, що то вжэ енча сэстра. Якъ тота

пойи́хала, тогды́ ба́ба тоту́ до́ньку виднэ́сла далэ́ко въ лисъ и запо́рпала въ лы́стье; пото́му прыйшла́ до-до́му, забра́ла тоты́ о́чы и ру́ки и но́гы, що йiй видри́зала, завы́нула то всё въ пла́хту и пишла́ съ тымъ идъ тiй до́ньци до ми́ста.

Алэ тота́ въ ли́си пэрэлэ́жала залэ́дво едну́ ничь, якъ йи почу́лы во́роны и зача́лы въ тимъ лы́стю шука́ты; якъ розгрэба́лы лы́стье, вы́порпалы той ту́лубъ зъ ди́учыны, тай якъ зача́лы йи роздзюба́ты, то вы́дзюбалы йiй зъ пы́ска тоту́ хусты́ну, що йiй ма́ма въ пы́сокъ забы́ла. Якъ ту хусты́ну вы́тяглы, тогды́ она́ зача́ла крыча́ты, а во́роны повидлита́лы. Алэ она́ вы́дытъ, жэ нико́го нэма́ въ ли́си, а ту ли́зты нэго́дна, а́ни ру́шытыся, бо нэма́ чымъ. Тай взя́ла сы сьпива́ты, такъ, якъ пэ́ршэ.

Алэ звы́клэ—якъ то да́внымы часа́мы—булы́ въ лиса́хъ пустэ́льныки. И дэ-сь тамтуда́ пустэ́льныкъ зайшо́ў и ўчуў той го́лосъ, а нико́го нэ выда́ты. Зача́ў винъ по лы́стю шука́ты и знайшо́ў йи тамъ. Винъ ся ду́жэ на тимъ здуми́ў тай пыта́е йи ся, що́ она́ такъ ту ро́бытъ? Тогды́ она́ му всё розпови́ла, якъ йи ма́ма съ сэстро́ў пори́залы. А винъ йiй тогды́ ка́жэ: „А цы хоти́ла-бы ты ма́ты зноў очы тай ру́ки тай но́гы?“ И тогды́ накла́ў огэ́нь, розигри́ў йи тро́ха пры огны́, пото́му пообмыва́ў йiй ра́ны и позавыва́ў и прыкры́ў йи лы́стьемъ и сказа́ў: „Бу́дэшь ту сама́ до ра́ня, ажэ́нь ра́но я идъ то́би пры́йду!“

На дру́гый дэ́нь ра́но прыхо́дытъ пустэ́льныкъ и прыво́дытъ съ собо́ў хло́пця. Тай повида́е до хло́пця такъ: „Я ма́ю сри́бну кудэ́лю; пэсы́ до то́го ми́ста столэ́чного, а ни-за́-що нэ продай, абы́ тоби́ хто що́ дава́ў за нэи, ти́лько продай за хрыстiя́ньски о́чы!“

Якъ хло́пэць ту кудэ́лю прыни́съ до ми́ста, то ему́ па́ньство за то дае́ сри́бло-зло́то нэва́жэнэ, а́лэ винъ нэ хо́чэ прода́ты: ни-за́-що нэ хо́чэ прода́ты, лышь за хрыстiя́ньски о́чы. Алэ та сэстра́ сыды́тъ въ бу́рку на викни́ и увы́дила то́го хло́пця съ кудэ́лэў тай ка́жэ до ма́мы: „Ма́мо, о-то́й хло́пэць продае́ сри́бну кудэ́лю за хрыстiя́ньски о́чы; то мы ма́емо о́чы зъ сэстры́, то да́ймо му ти о́чы за кудэ́лю!“ Тай тогды́ заклы́калы то́го хло́пця до поко́йиу, прынэ́слы ти о́чы зъ сэстры́ тай да́лы му, а винъ имъ тогды́ даў

кудэ́лю. Тай той хло́пэць прыни́съ о́чы ажъ у лисъ идъ пустэ́льныковы. Тогды́ пустэ́льныкъ тоты́ о́чы вы́мыў и йій повымыва́ў ра́ны и вложы́ў йій о́чы на пляцъ и пэрэжэгна́ў, то о́чы ста́лы щэ ли́пши, якъ пэ́ршэ бу́лы. Въ той часъ ди́ўчына му ду́жэ дя́ковала и пото́му сьпива́ла зноў такъ, гы кана́рокъ. Тай хоти́ла ви́дтамъ гэтъ ли́зты, а́лэ пустэ́льныкъ йій нэ позво́лыў, ка́жэ: „По́ты ту ма́ешь бу́ты, по́ки щэ нэ диста́нэшь ру́ки и но́гы!“ Тай йи та́мъ зоста́выў на ця́лу ничь.

Въ дру́гый дэнь ра́но зноў прыхо́дытъ съ тымъ хло́пцёмъ идъ ній и дае́ хло́пцэвы зло́тэ вэрэтэ́но. —„Иды́, ка́жэ, до то́го ми́ста и ни-за́-що нэ прода́й, ти́лько за хрыстія́ньски ру́ки!“—Хло́пэць пишо́ў до ми́ста и про́сто бижы́тъ тамъ, дэ кудэ́лю прода́ў. Якъ та вві́дила па́ни зло́тэ вэрэтэ́но, ка́жэ до ма́мы: „Жэбы́ мы купы́лы, зъ сэстры́ ру́ки да́ймо му за то!“ И оны́ ся такъ пора́дылы и да́лы за вэрэтэ́но ру́ки сэстры́. Хло́пэць взяў тоты́ ру́ки и пони́съ пустэ́льныковы у лисъ. Той зноў повымыва́ў йій ра́ны, прыложы́ў ру́ки, пэрэжэгна́ў—ста́лы ру́ки щэ ли́пши, якъ пэ́ршэ бу́лы.

На трэ́тый дэнь ра́но прыхо́дытъ пустэ́льныкъ зноў съ хло́пцёмъ и дае́ ёму́ дыямэнто́ву пры́слыцю и ка́жэ: „Нэсы́ до ми́ста и ни-за́-що нэ прода́й, ти́лько за хрыстія́ньски но́гы!“ Якъ хло́пэць прыйшо́ў до ми́ста съ тоў пры́слыцёў, тота́ па́ни то увы́дила тай заклы́кала хло́пця, абы́ щэ й пры́слыцю купы́ты. Пора́дылыся оби́ съ ма́моў и да́лы му ти но́гы зъ ди́ўчыны за пры́слыцю. И хло́пэць пишо́ў съ нога́мы. Алэ що-сь то имъ ся ста́ло въ ихъ сумли́ню нэдо́брэ, зача́лы мэ́жы собо́ў шэ́мраты, жэ то злэ зробы́лы, жэ да́лы зъ сэстры́ о́чы й ру́ки й но́гы,—чы то нэ е яка́ зра́да? Поби́глы за хло́пцёмъ, абы́ видобра́ты но́гы, а́лэ хло́пця вжэ й нэ вы́дко. Тай ся завэрну́лы—пропа́ло! Прыно́сытъ хло́пэць но́гы идъ пустэ́льныковы. Тогды́ винъ повымыва́ў ди́ўчыни зноў ра́ны, прыложы́ў но́гы, пэрэжэгна́ў—ста́лы но́гы таки́ здоро́ви, якъ пэ́ршэ бу́лы.

Вста́ла ди́ўчына щэ ладні́йша, нижъ пэ́ршэ бу́ла, тай зача́ла ду́жэ дя́коваты пустэ́льныковы. А пото́му вжэ хо́чэ иты́ гэтъ, а́лэ пустэ́льныкъ повида́е йій такъ: „По́ты звидсы нэ пи́дэшь, по́ки твій панъ по тэ́бэ нэ прыйи́дэ!“ Узя́ў

ди́ўчыну, зави́ў далэ́ко въ лисъ до пэчэ́ры, дэ самъ мэ́шкаў. И тамъ она́ ма́ла дэрэвя́ну мы́ску, нижъ, всё; и тамъ йи зоста́выў—най мэ́шкае, по́ки панъ нэ прыйи́дэ.

А тамъ въ бу́рку такъ тоты́ господару́ють, ей сэстра́ тай ма́ма, ажъ нарэ́шти прыйи́здытъ панъ зъ во́йны. Вы́йшла та па́ни напро́тиў нэ́го и ся повыта́лы и увiйшлы́ до поко́йиў; а́лэ панъ нэ пизна́ў, жэ то нэ та-сама́ па́ни; бо оны́ такы́ бу́лы ду́жэ поди́бни. По розмо́ви позасида́лы до оби́ду. Пообида́лы и она́ ўпови́ла тогды́, жэ она́ такiй му прэ́зэнтъ постара́ла—сри́бну кудэ́лю, зло́тэ вэрэтэ́но и дыямэнто́ву пры́слыцю. Винъ на то подывы́ўся—сподо́бало му ся то ду́жэ. И тогды́ сказа́ў йiй, жэбы́ навы́ла на ту кудэ́лю кло́ча и пря́ла. Якъ она́ зача́ла пря́сты, тогды́ кудэ́ля зача́ла говоры́ты, вэрэтэ́но зача́ло съпива́ты, а пры́слыця всё видповида́ты. А вна́ змэртви́ла тогды́ пэ́рэдъ кудэ́лёў и ке́нула вэрэтэ́но гэтъ видъ сэ́бэ, а́лэ панъ тогды́ ся ду́жэ здуми́ў и каза́ў: „Тэпэ́рь му́сышь пря́сты!“ И она́ му́сила пря́сты, а кудэ́ля и вэрэтэ́но и пры́слыця всё розповы́лы па́ну, що то она́ тай ма́ма зробы́лы съ тоў па́новоў ди́ўчыноў, гэтъ розповы́лы цилы́й той интэ́рэсъ. Въ тiй хвы́лы панъ взяў тоту́ ма́тирь и ей, даў ихъ за ключъ, а самъ сиў на коня́ и пойи́хаў у лисъ—шука́ты то́и ди́ўчыны (бо кудэ́ля пови́ла, дэ она мэ́шкае въ ли́си).

И знайшо́ў йи та́мка въ тiй пэчэ́ри. Тамъ ся повыта́лы, тогды́ прыйшо́ў пустэ́льныкъ и тамъ имъ даў слюбъ. Тогды́ оны́ соби́ обо́е пойи́халы и такъ имъ ба́нда гра́ла въ пови́трю, а нихто́ йи нэ вы́дпў, ажъ до бу́рку. Тай винъ тоту́ ма́му и сэстру́ даў на шы́бэныцю, а оны́ обо́е жы́лы соби́ счаслы́во ажъ до смэ́рты.

(Отъ Николая Жегайляка въ Доброгостовѣ.)

46.

Принцъ и Шевская-Труба.

Такъ разъ йиздыў цисаръ по краю тай зайихаў до еднои дйўки на-ничь тай разомъ пэрэночувалы. Якъ вжэ пэрэночувалы, тогды даў йий цисаръ грошэй и кажэ: „Якъ ты породышь сына, то абы-сь му дала имя Прынцъ и абы-сь го давала до школы; а якъ выростэ, то абы-сь, кажэ, прыслала до мэнэ!“ Тай лышыў йий такй лысты, абы того сына по тыхъ лыстахъ пизнаў, якъ до нёго прыйдэ.

И она породыла хлопця. Тай той хлопэць вырисъ и ходыў до школы. Разъ маты хату билыла тай порозмитувала тоты пысьма, що йий цисаръ лышыў. А хлопэць найшоў тай зачаў чытаты. Якъ прочытаў, кажэ до мамы: „Мамо, я вжэ йду видъ тэбэ, пиду до мого тата!“ Тай пишоў шукаты свого тата.

Здыбае по дорози хлопця, называўся Шэўська-Труба. Той му кажэ: „Чэкай, тай я пиду съ тобоў!“—„Та ходы!“—Тай оны йдутъ, а Шэўська-Труба кажэ: „Дай мэни ножыка, я пиду для сэбэ вырызаты палыцю, и для тэбэ!“ Алэ пишоў, вырызаў лыщэ для сэбэ, прыйшоў тай кажэ: „Я тэбэ тэпэрь тоў палыцэў забью, якъ мы нэ прысягнэшь заразъ, що будэшь казаты, що то я е Прынцъ, а ты Шэўська-Труба! и, кажэ, дай мы тоты пысьма, що маешь, бо тя забью!“ Той му даў и вжэ прысягъ на тое.

И пишлы такъ потому ажэнь до цисара. Цисаръ якъ ся довидаў, що ёго сынъ до нёго йдэ, то выйихаў на-зустричъ идъ нёму. Тай Шэўська-Труба тогды взяў, розложыў пэрэдъ цисаромъ тоты папэри и сказаў, що то винъ е той Прынцъ, а на Прынца кажэ: „То е мій слуга—Шэўська-Труба!“ Тай цисаръ повирыў тай го тогды посадыў коло сэбэ на брычку, а той Прынцъ спў собй вжэ коло фирмана на козёлку. Тай такъ дойихалы ажэнь до двору.

Тай тамъ тогды Шэўська-Труба зачаў на Прынца новыны складаты. Разъ кажэ до цисара: „Татуню, той слуга кажэ, що винъ вашого коня выпуцуе!“ Тогды цисаръ го прыклыкаў и кажэ: „Пуцуй!“ А то буў такій кинь

вострый, що н прыступыты нэ даў до сэбэ. Тай той вжэ вышоў пидъ стайню и плачэ. А кинь кажэ до нёго: „Чого ты такъ плачэшь?“—„Та, кажэ, Шэўська-Труба на мэнэ сказаў, що я тэбэ выпуцую!“—Тогды кинь кажэ: „Та чому ни? выпуцуешь, лышэ возьмы сы столэць тай щитку, стань на столэць тай мя пуцуй!“ Винъ коня выпуцуваў.

Алэ Шэўська-Труба зноў на нёго зновыў, що винъ умие ййздыты на тимъ коны. Зноў той пидъ стайнёў плачэ, але кинь го ся пытае: „Чого ты плачэшь?“—„Та кажэ мы ййздыты на тоби!“—„Та чому ни? сидай тай ййдь! лышэ, кажэ, возьмы сы сыльни обротянки, у едну руку шаблю, а въ другу крэстъ, то сидай и поййдэшь!“ Тогды Прынцъ такъ зробыў, поййхаў на коны. Алэ кинь такъ войско топчэ, а той съ коня шаблёў всихъ рубае, гэтъ выбылы зо два рэгимэнты.

Тай прыййхаў до-дому, а Шэўська-Труба зноў на нёго зновыў, що винъ можэ дистаты чорнокныжныцю изъ-за чорного моря. Той вышоў пидъ стайню, плачэ, а кинь кажэ: „Чого ты вжэ знову плачэшь?“—„Кажэ Шэўська-Труба, що я чорнокныжныцю зъ-за моря дистану!“—„Можэ й дистанэшь,—кажэ кинь,—сидай на мэнэ тай ййдьмо!“—Тай оны такъ ййдутъ—тутъ машэруе цилэ стадо мурашокъ. Тогды той кажэ до коня: „Гоў, станьмо, най тоты мурашки пэрэйдутъ соби!“ А на-зади йшоў найстаршый царь мурашокъ тай кажэ до того Прынца: „Колы ты моё войско пошануваў, то на-тоби такий волосъ, жэ якъ ты що будэ трэба, то абы-сь нымъ махнуў, то мы ты заразъ прыйдэмъ на помичь!“ Йдутъ дальшэ, а ту лэтятъ журавли. Винъ кажэ до коня: „Станьмо, абы сы журавли пэрэлэтилы!“ Алэ на-зади лэтиў найстаршый король журавлиў и кажэ до нёго: „На-тоби пэро; абы-сь махнуў, то мы ты поможэмъ!“ И винъ тогды поййхаў дали. Йдэ, а ту нэсутъ диўки воду. Тогды винъ кажэ до коня: „Станьмо, най диўки пэрэйдутъ!“ А на-зади ишла найстарша диўка тай кажэ: „Колы ты для насъ такий чэсный, то на-тоби въ шкляни воды; якъ тя ся яка бида чэпытъ,—збуй, або що,—то абы-сь го тоў водоў кропыў!“ А то була така вода дужэ сыльна. Тай тогды винъ поййхаў—ажэнь до чорнокныжныци.

Алэ чоловикъ тои чорнокныжныци нэ хотиў му ей даты. Кажэ: „Я йи дамъ, алэ якъ мы позбыраешь на

пóлы чвэ́ртку мáку, що розсы́плю!“—„Позбыраю!“—Той макъ розсы́паў, áлэ винъ узя́ў, тымъ вóлосомъ махну́ў, то зáразъ явы́лося зъ всёго сьви́та пóўно мурашóкъ и той макъ вы́збыралы до еднóго. Алэ чорнокны́жнык кáжэ: „Я ты щэ нэ дамъ, ажъ якъ розсы́плю на пóлы тры кóрци пшэны́ци, а ты то позбыра́ешь, тогды́ ты йи дамъ!“ Той тогды́ махну́ў пэрóмъ—журавли́ ся позлитáлы тай позбырáлы пшэны́цю. Тогды́ чорнокны́жныкъ кáжэ такъ: „Ажъ тогды́ тобí дамъ чорнокны́жныцю, якъ ты ся пíдэшь зо мноў бороты: котры́й, кáжэ, котрóго зáбьемо?“ Тай зачáлыся бы́ты. Алэ той зачáў Пры́нца спромагáты, то винъ бóрзо вы́йняў зъ-за пáзухи ту вóду, зачáў ёгó скрапя́ты, ажъ го скропы́ў на смэрть. Тай тогды́ собí чорнокны́жныцю взяў и пойи́хаў.

Прыи́иджáе до ци́сара исъ чорнокны́жныцэў. Тамъ ей хоти́лы виддавáты за тóго Шэўську́-Трубу́, áлэ онá стáла ду́жэ сумнá тай зачáла плáкаты. Тогды́ ей ся ци́саръ пытáе: „Чогó ты такъ плáчэшь?“ Онá кáжэ: „Бо то тóй е Прынцъ, що мэнэ́ прыви́зъ, а той вашъ то е Шэўська́-Трубá!“ Тай розповúла ци́саровы всё: якъ Шэўська́-Трубá хоти́ў Пры́нца на дорóзи зáбыты (бо онá то всё знáла зъ ворожбы́). Тогды́ ци́саръ казáў вы́вэсты кóни и казáў Шэўську́-Трубу́ прывязáты кóнимъ до нигъ, то кóни ёгó рознэ́слы по всимъ сьви́ти. А Пры́нца вжэны́ў съ чорнокны́жныцэў и лышы́ў кóло сэ́бэ на цáрстви.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

47.

Царевна-швея.

Йихала прынцэзна чэрэзъ море на другый бикъ—хотила ся подывыты на енчи край. Алэ даншифъ пукъ на моры и вси ся людэ потопылы, лышь тота прынцэзна ся на дошци затрымала. И на тій дошци плывала-плывала, ажъ идъ краєвы доплыла. Выйшла на бэригъ, обсушылася, алэ нэ знае—дэ ся диты у чужыни? Тай зайшла такъ до одного миста и прыйшла тамъ до цисарского двора. И пытае йи ся цисаръ: „Що ты хочэшь?"—„Службы!"—„Що-жъ ты знаешь робыты?"—„Я шэўкыня!"—А она знала дужэ файно шыты. Тай взяла она тамъ въ двори шыты и такій ручныкъ вышыла, що дэ той ручныкъ будэ, тамъ и она будэ; ныхто въ тимъ крайи нэ выдиў такого вышываня. Тай взяла тай положыла той ручныкъ въ покойы на прэстоли.

Алэ старый цисаръ маў сына. Тай умэръ и вжэ ёго сынъ стаў тамъ царомъ. И повидае такъ: „Я возьму сы ключи и пиду ся подывыты по своихъ паляцахъ!" А вынъ ищэ нэ знаў, що тота шэўкыня е въ двори. Якъ вынъ зачаў по покояхъ ходыты, надыбаў той ручныкъ на прэстоли, пообзыраў и кажэ: „Хто то такій ручныкъ вышыў, я ся буду съ тоў жэныты!" Тай увыдиў вжэ саму-тоту шэўкыню и хочэ ся докончэ съ нэў жэныты.

Алэ ёму війна выпала на тры рокы и вынъ пойихаў. И кажэ до своэи матэры: „Мамо, я ся съ тоў панноў буду жэныты, то абы-сь йи нэ пустыла видсы, покы зъ війны нэ вэрну!" И пойихаў. А маты заразъ тоту шэўкыню видправыла, нагнала йи гэть зо двора. И она пишла на другэ сэло, наймылася тамъ у пана. И зноў тамъ вышыла ручныкъ и поставыла на столи.

Прыйиждже цисаръ зъ війны тай заразъ пытаеся: „Дэ е моя шэўкыня?" А маты кажэ: „Пишла гэть, нэ хотила чэкаты!" Взяў вынъ соби тогды той ей ручныкъ и кажэ: „Абы-мъ сымь паръ ходакиў сходыў, а ей мушу найты!" И забраўся и такъ ходыў по сэлахъ и ручныкъ всимъ показуваў—цы нэ выдиў хто таку швачку? Тай го тогды людэ справылы до того двора, дэ она служыла.

Винъ тамъ прыйшо́ў, а́лэ она́ ся скры́ла, бо го ся боя́ла. Алэ винъ тамъ увы́диў той дру́гый ручны́къ, то вжэ знаў, що она́ тамъ е, и каза́ў, абы́ му йи за́разъ видда́лы. Прывэлы́ йи, тогды́ винъ йи ся пыта́е: „Чого́ ты видъ мэ́нэ пишла́?“—„Бо мя твоя́ ма́ты нагна́ла!“—Тогды́ винъ вжэ нэ йи́хаў съ нэў до-до́му, ино́ вы́ставыў соби́ е́нчый бу́рокъ, зробы́ў съ нэў вэсилье́ и забра́лыся вжэ до сво́го бу́рку, а ма́тирь зоста́вылы у стари́мъ саму́.

Жыў винъ бэзъ цилы́й рикъ псъ нэў, а́лэ вы́пало ёму́ йты зноў на во́йну. Алэ жи́нка его́ тогды́ на тыхъ часа́хъ ходы́ла. Нэ маў винъ кого́ зоста́выты ко́ло нэ́и, лышэ́ зоста́выў тако́го вьёрного ло́гая. Якъ она́ бу́дэ ма́ты дыты́ну, то каза́ў, абы́ той ло́гай за́разъ съ лы́стомъ до нёго прыби́гъ (а той ло́гай мигъ ду́жэ до́брэ би́гаты, гы пэсъ, бо винъ буў бэзъ лыто́къ). Якъ она́ вжэ тоту́ дыты́ну ма́ла, дала́ она́ лыстъ то́му ло́гаёвы, абы́ зани́съ до ци́сара на во́йну. Алэ винъ бигъ по́-пры стары́й двиръ, то го пэрэйм́ыла ци́сарова ма́ты: „Дэ-жъ ты бижы́шь?“ Винъ йій показа́ў лыстъ, жэ цари́уна поро́дыла два хло́пци. Тогды́ она́ той лыстъ взя́ла и спалы́ла, а напыса́ла е́нчій— вжэ ни́бы видъ ци́сара до жоны́, що винъ видпы́суе, абы́ вы́вэзты симь пиўла́тэркиў за ми́сто и запалы́ты и тоту́ его́ жону́ съ хло́пцима въ той огэ́нь вэрэ́чы. Тай тогды́ да́ла ло́гаёвы вэлы́кы гро́ши, то винъ вжэ нэ йшоў до ци́сара, ино́ пони́съ той лыстъ до-до́му и ка́жэ: „Ту ци́саръ видпыса́ў!“ Якъ она́ то прочыта́ла, ду́жэ пла́кала. А ти лю́дэ, що йи вжэ ма́лы палы́ты, ду́жэ йи жа́ловалы, и ди́ты, то ка́жуть такъ: „Мы вы́льльемо зъ во́ску таку́ цари́уну и дво́е дитэ́й и то спалымо́, а вы соби́ йдить съ дитьмы́ гэтъ, абы́ васъ нихто́ нэ вы́диў!“ Тай вы́робылы зъ во́ску таки́ ля́льки́ и вэ́рглы то въ огэ́нь.

А она́ забра́ла ди́ты на ру́ки тай пишла́. И вы́робыла ди́тёмъ зыґа́рки зъ папэ́ру и напыса́ла на тимъ, чый оны́ ди́ты и колы́ ся ўро́дылы, котро́го ро́ку; тай напыса́ла, абы́ имъ до 12 ро́киў нихто́ то́го зыґа́рка нэ ру́шыў. И прывяза́ла то едно́му и дру́гому на шы́ю. Тай йи захо́пыла ничь въ ли́си, то она́ тамъ лягла́ съ дитьмы́ спа́ты. Алэ тогды́ прыйшла́ ма́мфа и забра́ла ди́ты и виднэ́сла до едно́го па́на до двора́. Она́ ра́но встае́—дитэ́й

нэма́. Она́ тогды́ въ плачъ, а́лэ нэма́ що́ робы́ты. Пишла́ до одно́го сэла́ и найм́ылася у шэўця́ за шэўкы́ню. Алэ о тимъ нэ знае ницъ, що ей дйты бу́лы за́разъ ко́ло то́го шэўця́ въ двори́.

А той царь вжэ вэрну́ў зъ війны́. Выхо́дытъ ба́нда напро́тиў нэ́го, а́лэ винъ ка́жэ: „Всё мы вэ́сэло, лышь чому́ моя́ жи́нка нэ выхо́дытъ напро́тиў мэ́нэ?“ Тогды́ ёму́ повида́ютъ: „Ца́ру, та-жэ́ твэ́и жи́нки нэма́!“ Тай пока́зуютъ ёму́ той лыстъ, що винъ ни́бы зъ війны́ пыса́ў. Винъ якъ то прочыта́ў, зомли́ў. Видтэ́рлы го, тогды́ тоты́ лю́дэ ка́жутъ: „Ца́ру, колы́ ты такъ, то мы тоби́ ска́жэмо пра́ўду: мы твэ́и жи́нки, ни дитэ́й нэ стра́тылы; мы вы́робылы зъ во́ску лялькы́ и то въ огэ́нь вэ́рглы, а твоя́ жи́нка пишла́ сы въ сьвитъ!“

Тогды́ винъ забра́ўся и пойи́хаў йи шука́ты. Прыйи́хаў до то́го сэла́ акура́тъ, дэ она́ слу́жытъ и дэ ёго́ ди́ты бу́лы у па́на въ двори́. Алэ она́ тамъ у шэўця́ зноў вы́шыла трэ́тый такій ручны́къ и швэць то прода́ў за вэлы́ки гро́ши то́му па́ну до двора́. Тай прыйи́хаў тамъ вжэ той ци́сарь, зайи́хаў на́-ничь до па́на. Тай ра́но встаў, обмы́ўся, даю́тъ му той ручны́къ, абы́ ся поўтыра́ў. А винъ пизна́ў то вышы́ванье и ка́жэ: „Хто́ то вамъ такій ручны́къ шыў?“ А панъ му ка́жэ: „То ту у шэўця́ слу́жытъ една́ шва́чка, то видъ нэ́и!“ За́разъ ци́сарь посла́ў по ню слу́гы, абы́ йи прывэлы́. Алэ она́ тогды́ ся ду́жэ ўпу́дыла и ка́жэ до шэўця́: „Бу́ду у васъ служы́ты за-ду́рно, лышь мэнэ́ дэ схова́йтэ!“ Тогды́ швэць ка́жэ: „Лизь ту у скры́ню, я тя видвэзу́ на дэся́тэ сэло́!“ Она́ поли́зла у скры́ню, а винъ тогды́ скры́ню на визъ и прыви́зъ ажъ до то́го па́на. Тай ка́жэ: „На́-тэ, прыви́зъ-емъ вамъ мэдвэ́дя!“ Витворы́лы скры́ню, ды́вятся, а тамъ она́ сыды́тъ—така́ обтала́пана, обдэ́рта. Тай такъ ся ўпу́дыла, жэ нэго́дна йи сло́ва промо́выты. Алэ ци́сарь ся съ нэў звыта́ў, пыта́еся: „Чого́ ты ся такъ ду́жэ бои́шь? та то я—твій чолови́къ!“ Тогды́ она́ ся вжэ обэзпэ́чыла тай розповила всё, що́ съ нэў бу́ло. Алэ ти два хло́пци надби́глы до поко́ю, а она́ ды́вытся-ды́вытъ тай пото́му пизна́ла тай ка́жэ: „Ой, та то мои́ ди́ты!“ Тай показа́ла тоты́ зыγа́рки, що имъ папыса́ла на шы́ю. То щэ имъ тры дны выходы́ло до 12 ро́киў.

Ажъ ту ды́вятся—прыйижджа́е до двора́ якій-сь стары́й царь, сы́вый, а то буў ей та́то зъ-за мо́ра

(бо винъ ей шукáў по всимъ сьвúти, нэ мигъ найтú). Тогдú спизнáлыся и вжэ ся дýжэ ўтúшылы рáзомъ. А потóму вси забрáлыся и пойúхалы до свóго двóру. Вжэ рáдисть такá, порáда. Зробúў щэ цúсаръ дóма баль—тэ́стя балювáў.

Тогдú винъ взяў свóю мáтирь и завúзъ йи до такóго дворá, що ся въ нимъ нúцъ нэ бýло вúдко, и замкнýў йи тамъ; тай даў йій дви вя́занки сúна и цэ́бря водú и кáжэ: „Якъ ты исъ тымъ вúжыешь два мúсяци, тó ты дарýю жытье́!“ Алэ прыйиждж́ае въ два мúсяци, а онá вжэ ўмэ́рла.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

48.

Безручка.

Едэ́нъ γáзда йиздыў въ лисъ всэ по дровá, áлэ го нэ мигъ пойимáты жáдэнъ злиспúй. Ажэ́нь разъ якíй-сь панъ ёгó пойимáў въ лúси и кáжэ: „Я тя тэпэ́рь подáмъ до сýду, ты въ крыминáли зогные́шь!“ Винъ взяў просúты тóго пáна, а панъ кáжэ: „Абú-сь мы свóю донькý о 12-ій годúни вúслаў на-двúръ, я тамъ до тэ́бэ прыйду!“ Вжэ въ ночú о 12-ій годúни панъ прыйшóў пидъ викнó и запýкаў. Гáзда то учýў, збудúў свóю донькý тай вúслаў йи на-двúръ.—„Иды́, кáжэ, отворú, хто-сь пýкае!“—Онá ся пэрэрстúла тай пишлá, áлэ тамъ нэ бýло никóго.

На дрýгый дэнь той зноў пойúхаў въ лисъ, а той-самúй панъ зноў ёгó зйимáў.—„Я ты, кáжэ, казáў, абú ты мэнú вúслаў донькý, а ты нэ послýхаў; пóчкай, я тобú дамъ!“—„Тá-жэ-мъ посылáў, áлэ пáна нэ бýло!“—„То абú-сь мы тóи нóчы щэ йи пислáў!“—И у ночú знóву о 12-ій годúни прыйшóў той и запýкаў у двэ́ри. Збудúў γáзда донькý, вúслаў на-двúръ, тай онá вúйшла, áлэ пэрэрстúлася и нэ бýло никóго зноў.

Трэ́тои дны́ны зноў пойі́хаў хлопъ въ лисъ тай ёго́ панъ зіймаў, ка́жэ: „Заўтра вы́вэзы доньку́ въ лисъ, а́лэ абы́-сь йій пообтына́ў ру́ки по ликта́ тай лышы́ў йи ту́тки!“ Тай хлопъ такъ зробы́ў: заві́зъ доньку́ въ лисъ, повидтына́ў йій ру́ки и йи лышы́ў. У ночы́ о 12-ій годы́ни прыйшо́ў той панъ идъ ній, а она́ ся такъ пэрэрсты́ла ли́ктёмъ, то той панъ ся за́разъ дэ-сь диў видъ нэ́и, гы витэръ.

И такъ она́ жы́ла въ ли́си симь литъ. Чэ́рэзъ дэнь ходы́ла по ли́си и пы́скомъ рва́ла то малы́ны, то кориньці́, то дэ́-що (бо рукъ нэ ма́ла), а въ ночы́ спа́ла собі́ въ едні́й я́ми. И той панъ всэ до нэ́и въ ночы́ прыходы́ў, а́лэ она́ ся видъ нэ́го всэ такъ ли́ктёмъ видрсты́ла.

А въ симь литъ бу́ло въ ли́си полюва́нье—паны́ полюва́лы. А псы видъ ра́ня, якъ пишлы́, то ихъ нэ бу́ло до полу́дня, бо оны́ тамъ надыбалы тоту́ ді́уку и йій ра́ны на рука́хъ лыза́лы. И едэ́нъ пэсъ вэрну́уся тамъ до пани́у, хо́пыў ку́снықъ солоны́ны и полэ́тиў наза́дъ идъ ній. А паны́ пусти́лыся за нымъ въ пого́ню и тамъ до то́и ді́укы прыйшлы́ и взя́лы ся йи пыта́ты: „Ви́дки ты? що́ тутъ ро́бышь?“ Она́ ка́жэ: „Я вжэ симь литъ ту́тка; вы́визъ мя та́то въ лисъ, повидру́блюваў мы ру́ки и лышы́ў ту!“ Тогды́ паны́ йи взя́лы съ собо́ў. А буў мэ́жы ны́мы ци́сарив сынъ, то винъ йи собі́ ду́жэ ўподо́баў и ка́жэ: „Я ся бу́ду съ нэ́ў побыра́ты!“ Тай побра́лыся обо́е и бу́лы такъ обо́е ра́зомъ пиў ро́ку.

А пото́му ци́сарив сынъ пишо́ў псъ во́йськомъ на манэ́ўра на тры ми́сяцп. Тай за той часъ ёго́ жі́нка ма́ла дыты́ну тай напыса́ла до нэ́го, що ма́е файного хло́пця, и той лыстъ пусты́ла на по́чту, абы́ йшоў ажъ до нэ́го. Такъ ишо́ў той лыстъ чэ́рэзъ сэ́ла, а́лэ той панъ, що пэ́ршэ ходы́ў до то́и ді́укы, пэрэймы́ў той лыстъ и роздэ́ръ, а напыса́ў е́нчій: що она́ ма́е ни кота́, ни пса. Прыйшо́ў той лыстъ до ци́сарового сы́на, винъ прочыта́ў и ка́жэ: „Що е, най будэ́, най жые́!“ И такъ видпыса́ў до жі́нки, а́лэ той панъ зноў пэрэймы́ў лыстъ и напыса́ў дру́гый: най она́ собі́ йдэ гэтъ, бо якъ винъ йи заста́нэ дома, то йій

смэрть зробытъ. Якъ той лыстъ тамъ прыйшоў до цисарского бурку, то йи пожаловалы, але нэма рады—нагналы йи гэтъ; прывязалы йій дитыну такъ коло цыцьки (бо она рукъ нэ мала) тай выправылы йи въ сьвитъ.

А она пишла въ той-самый бэригъ, дэ була пэршэ. И схотило йій ся дужэ воды, то найшла кернышю тай лягла тай взяла пыты воду. Алэ йій ся ликта замочылы въ воду, то заразъ йій видрослы оби рукы. И она тогды взяла тоту дитыну на рукы и пишла дали. Идэ-идэ, а въ лиси е хата. Зайшла до тои хаты—тамъ було що йисты, пыты, а никого въ хати нэ було. Тай она ся въ тій хати лышыла и вжэ ся тамъ заходыла.

А той ей чоловикъ вэрнуўся до-дому и взяў ся пытаты—дэ е жинка? Тогды ёму сказалы, що самъ винъ пысаў, абы йи гэтъ видправылы, и показалы му той лыстъ. Тай винъ тогды взяў сы слугу вьерного и пойихаў йи шукаты. И зайихаў тамки въ той-самый лисъ, дэ она сыдила, и зайихаў пидъ ничь до тои хаты и зачаў ся тамъ просыты на-ничь. Тай она ёго прыймыла и спизнала ёго заразъ, а винъ ей нэ спизнаў. Рано—вжэ дэннило—панъ взяў ся въ лижку крушняты и пустыў доли лижкомъ руку. А она то увыдила тай кажэ до сына: „Иды, Ясуню, пидоймы татовы руку!“ Хлопэць схопыўся и пидняў му руку на лижко. А панъ зноў пустыў ногу доли лижкомъ, то она зноў кажэ: „Иды, сынуню, заўдай татовы ногу на лижко!“ И рано панъ встаў и хочэ йихаты дали. Алэ той ёго слуга всё то чуў, що ся въ хати робыло, и кажэ: „Прошу пана, ану—щэ положится на лижко и ўдавайтэ, що спытэ, тай спустить руку доли лижкомъ; алэ, кажэ, нэ спитъ, тилько слухайтэ!“ Панъ лягъ тай спустыў руку, слухае. А она зноў кажэ до хлопця: „Ану, сынуню, заўдай татовы руку на лижко!“ Тай хлопэць пишоў и заўдаў му руку. Алэ панъ тогды схопыўся, того хлопця обцилюваў тай съ жинкоў звыталыся. Тай вжэ тогды пойихалы до-дому вси трое.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

49.

Правда и кривда.

Було два братьи — едэнъ бидный, а другый богачъ. Тай той бидный зложыў сы двайцить рыньскихъ на бычки тай идэ на торгъ бычки куповаты. А богачъ якъ тое учуў, и соби кажэ: „Я пиду такжэ съ тобоў, братэ!“ Тай нишлы оба до миста на торгъ. По дорози той богачъ кажэ до бидного: „Тэпэрь, братэ, ты всё, що трэба, платы, а назадъ вжэ я буду платыты!“ Тай бидный платыў и за сэбэ, и за брата. Якъ прыйшлы до миста, купыў соби бидный бычки, алэ вжэ му ся ницъ нэ лышыло — ани γрэйцара. А богачъ нэ купыў ничого. Тогды вжэ йдутъ обыдва назадъ до-дому. Тай за якiй-сь часъ той бидный кажэ: „Ну, братэ, тэпэрь вжэ ты маешь платыты; давай мы йисты, бо я вжэ голодэнъ дужэ!“ Алэ той кажэ: „Э, щэ часъ, идимъ щэ дали!“ А той зноў кажэ: „Та що-жъ? я, братэ, нэгодэнъ вжэ и йты, такъ-емъ зголодниў!“ А богачъ тогды кажэ такъ: „Дай едно око выпяты, то ты дамъ хлиба!“ Ну, той буў дужэ голодэнъ и даў око. Якъ вжэ той хлибъ зйиў, пшоў вжэ знову зъ мылю, а потому кажэ: „Дай мы щэ хлиба, бо-мъ нэгодэнъ пты!“ Богачъ кажэ: „Дай другэ око выймыты, то дамъ!“ Тай выймыў му вжэ другэ око и даў му зноў кавалокъ хлиба. Тай го тогды завиў пидъ фиγуру тай кажэ: „Туй сыды, то людэ, що будутъ пты дорогоў, будутъ ты даваты хлиба, то будэшь такъ жыў!“ И тамъ го лышыў, а его бычки займыў и пшоў до-дому.

Тай бидный такъ сыдытъ пидъ фиγуроў — ани рушытыся нэ можэ, бо сьлипый. Ажъ о 12-iй годыни въ ночы надлэтило такихъ тры птахи — вирлы, що ихъ було на цилый сьвитъ тилько такихъ тры. Якъ тоти птахи тамъ посидалы на фиγуру, то фиγура ся ажъ стрясла. И взялы ся радыты тоти птахи. Едэнъ кажэ: „Въ мойiй сторони злэ чуты: братъ братовы за два кавалкы хлиба выймыў очы; алэ, кажэ, той якъ-бы взяў, полизъ за мэжу и потэръ сы тоў росоў очы, потому такъ за другу мэжу и за трэту, то зноў такъ-бы выдиў, якъ пэршэ!“ А другый птахъ кажэ: „Ой, въ мойiй сторони такожъ злэ чуты: на цилэ ми-

сто инó една́ керны́ця була́, а тэпэ́рь ся загамува́ла и вода́ ниць нэ йдэ, гэть лю́дэ гы́нуть бэзъ воды́, якъ му́хи,—бо тамъ въ керны́цы зали́зла така́ жа́ба и заткáла вóду, то тому́ вода́ нэ йдэ; щобы́ ся такíй найшóў, абы́ ту жа́бу вы́тягнуў, тó-бы такъ вода́ бу́хнула, ажъ пó-надъ вэрхъ!“ А трэ́тый птахъ ка́жэ: „И въ мóйiй сторонí нэдóбрэ чу́ты: цисарóва ду́жэ хóра, то щó вжэ дохтóры зо всихъ сьвúтиў зйижджа́ются, нихтó нэ гóдэнъ йiй пора́дыты; а́лэ тамъ е така́ пóрхаўка пидъ пьéцомъ, то я́къ-бы той пьецъ розкéнуты и тоту́ пóрхаўку звидта́мъ вы́ймыты и ўсушы́ты и да́ты то цисарóвiй пы́ты, то она́ була́-бы за́разъ здорóва!“ Тай ти пта́хи такъ ся пора́дылы-пора́дылы тай полэти́лы зноў въ сьвиты́.

А той тамъ всё слу́хае пидъ фиγу́роў, а́лэ тыхóнько сыды́ть, нэ ру́хается. Тай гада́е сы такъ: „Ану́, я потрибу́ю ли́зты за мэжу́—чы то пра́ўда?“ Поли́зъ за едну́ мэжу́, потэ́ръ росóў óчы—вжэ такъ вы́дыть, якъ скризь сы́то; поли́зъ за дру́гу, зноў сы потэ́ръ—вы́дыть ли́пшэ; поли́зъ за трэ́ту, потэ́ръ—такъ вжэ вы́дыть, якъ вы́диў пэ́ршэ. Тогды́ ўклякъ, помолы́ўся Бóгу тай собí гада́е: „Чогó я пи́ду тэпэ́рь до-дóму? я пи́ду собí въ сьвитъ!“

Тай пишóў до тóго мúста, дэ тота́ керны́ця ся загамува́ла. Прыйшóў тамъ на шынкъ и сиў сы. Тамъ ся лю́дэ посходы́лы, нарика́ють, ра́дятся: прыйдэ́ ся вжэ загы́нуты бэзъ воды́! А винъ ка́жэ: „Я вамъ помóжу, я вамъ зъ тóи керны́ци воды́ добу́ду!“ Оны́ тогды́ ся у́тишылы и ка́жутъ такъ: „Якъ ты намъ добу́дэшь воды́, то за́разъ ты дамó пятьсóтъ ры́ньскихъ!“ Тогды́ винъ каза́ў трёмъ хлóпамъ спусты́ты ёгó въ вэдрí на́-дилъ до керны́ци тай ка́жэ: „А якъ я ланьцухóмъ ру́шу, то абы́-сьтэ мя за́разъ тягну́лы на-гору́!“ Якъ вжэ тамъ до дна диста́ўся, запха́ў тамъ у нору́ ру́ку и зла́паў жа́бу за ла́бы и вы́тягъ. Тай за́разъ ру́шыў ланьцухóмъ, тай го вы́тяглы на-вэ́рхъ, а вода́ вжэ лэты́ть въ-гору́, ажъ ся по пóлы порозлыва́ла. Тогды́ ёму́ грóши до рукъ зложы́лы и винъ пишóў.

Пишóў ажъ до тóго мúста, дэ цисарóва бу́ла хóра. Такъ зноў собí бóкомъ хóдыть, нэ сьмíе доступы́ты до паля́цу. И пишóў на шынкъ и ка́жэ лю́дёмъ: „О-жэ, я якíй хлопъ, а я́-бы вы́личыў цисарóву!“ Нэ вьéрылы

му, нэ вьéрылы, áлэ тáкой дáлы знáты до цúсара. Цúсаръ казáў привэстú го до сэ́бэ и кáжэ: „Памятáй сы, якъ порáдышь цисарóвій, то вэлúки маéтки дистáнэшь, а якъ ни, то тя стрáчу!" Тай винъ зáразъ казáў той пьéцъ розвалúты въ покóю, а якъ вжэ розибрáлы до дна, винъ тотý пóрхаўку хóпыў, ўсушúў, потóўкъ на пóрохъ и даў то цисарóвій пúты, то зáразъ цисарóва стáла здорóва. Тогдú ёмý цúсаръ даў пáку грóшэй и даў му визъ и кóни и вúправыў го до-дóму съ бáндоў на парáду.

Прыйижджáе винъ до свóго сэлá, а тамъ ёгó братъ óрэ на пóлы ёгó бычкáмы, що му видобрáў. То винъ пизнáў брáта сдáлэку и кáжэ: „Дай Бóжэ счúстье!" А той ёгó нэ пизнáў, уклонúўся нúзко тай кáжэ: „Дай Бóжэ! дя́кую вэльмóжному пáновы!" А винъ тогдú засьмія́ўся тай кáжэ: „А щó, брáтэ, дóбрэ мой бычкú хóдятъ?" Той вжэ тогдú стаў такъ, якъ кáминь. Алэ винъ го вжэ взяў до сэ́бэ на брúчку и пойихалы такъ обá у сэлó. Прыйихалы до-дóму тай вжэ тамъ балю́ются—трýнокъ, рúжнэ тамъ. Вжэ якъ ся едэ́нъ дэнь и дрýгый побалювáлы, розохóтылыся, тогдú той пытáеся брáта: „Повúджъ мэнú, брáтэ, якъ то е, що я тобú вúймыў óчы, а ты зноў вúдышь, тай щэ мáешь такú грóши?" А винъ му кáжэ: „Якъ ты такъ хóчэшь мáты такíй маéтокъ, то ходú, я тэбэ́ тамъ постáўлю пидъ тотý фиγýру и вúбэру тобú óчы, то й ты такъ будэ́шь мáты, якъ я!" А той богáчъ самъ мáе тúлько маéтку, що хибá птáшачого молокá нэ мáе, áлэ хóчэ мáты щэ бúльшэ. Тай зáразъ пишóў пидъ фиγýру, тай той ёмý вúколоў обúдви óчы и кáжэ: „Тэпэ́рь сыдú туй, ту прылэ́тятъ такú тры птáхи и повидя́тъ тобú вжэ—щó мáешь робúты?" Тай забрáўся назáдъ до-дóму, а тóго богачá тамъ лышúў.

Тогдú той сыдúтъ тамъ и акурáтъ о 12-ій годúни позлитáлы зноў ти-самú вирлú, що тогдú. Едэ́нъ кáжэ: „А-тó, дывúтся, вжэ тíй керницы якíй-сь порáдыў, и цисарóвій порáдыў, всю́да порáдыў!" А дрýгый кáжэ: „Мóжэ хто ту буў та слýхаў? анý, кáжэ, подывúмся—мóжэ и нúни хто слýхае?" Тай тогдú злэ́тилы вирлú пидъ фиγýру, а тамъ той сыдúтъ. Тогдú го зачáлы бúты, дзю́баты, ажъ му кóсты порознóшувалы по цилúмъ пóлы.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

50.

Два брата.

Були два братья—богатый и бидный. Бидному Панъ-бигъ дау богато диточокъ. И винъ прыйшоу разъ до богатого брата, щобы го чымъ пэрэдъ новынкоу поратувау.—„Самъ-бы-мъ, кажэ, съ жинкоу вжэ яко-сь бидувау, алэ диты съ-голоду плачуть, що кара!"—Тогды той богачъ кажэ такъ: „Колы нэ маєшь чымъ дитэй годуваты, то едно рижь, а други тымъ годуй! я ты, кажэ, ницъ нэ можу даты!" Тай той прыходытъ съ тымъ словомъ до-дому и розповидаe жинци, якъ го братъ видправыу. Тай вжэ взяу и точытъ нижъ, абы едну дитыну ризаты. Алэ найстарша дитына ся обзываe: „Татуню, на-що вы точытэ нижъ?" А винъ кажэ: „Казау стрыко, щобы-мъ васъ по едному ризау, а други тымъ годувау!" Зноу ся та дитына обзываe: „Вы насъ, тату, нэ рижтэ! мы сами позаумыраемо и будэмъ доты мэртви, доки новый хлибъ нэ будэ!" И такъ тогды Панъ-бигъ дау, що оны вси, тоты диточки, по тимъ слови позаумыралы. Тогды ихъ тато поскладау всихъ за пьецъ—най вжэ лэжуть до нового хлиба.

А жинка тогды кажэ ему: „Иды ты тэпэрь до лиса, можэ дэ-яку губу знайдэшь, або що, то зварымо тай будэмо маты на вэчэру!" Пшоу винъ до лиса, идэ-идэ, алэ съ-голоду зиславъ тай сиу соби на пэнёкъ троха спочыты. Тай дывытся, а зъ-пидъ пэнька гадына вылазытъ и що-сь гэй блыщачэ му показуе; и другый разъ такъ вылизла, и трэтый, тай потому той блыщачый каминь—дыямэнтъ, що мала на голови, ему тамъ лышыла. А то такій блыскъ ударыу видъ того по всимъ лиси, ажъ очы замружыу. Тай винъ тогды взяу той каминь въ торбынку, нэсэ до-дому тай радытся съ жинкоу: „Нэзнаты, якъ-бы то занэсты до пана до двора, можэ-бы дау хоть ґарнэць мукы за тоe?" И винъ то занисъ до пана, а панъ ся го пытаe: „Що-жъ ты мэни скажэшь?" Тогды винъ зачау розповидаты, якъ въ лиси найшоу той каминь, то можэ-бы панъ его купыу? Тай выняу каминь зъ торбы—блыскъ такій ударыу по покою, що страхъ! Панъ ся тымъ дужэ утишыу, дау му за тоe рижного маетку, волы, кони и збижа, гэть го пидпомигъ.

А якъ тоти часы́ вжэ прыйшлы́,—такъ по Пэтри,—тогды́ ди́ты за пьёцомъ всп поўжыва́лы. Тогды́ той вжэ ихъ та́то дя́куваў Бо́гу тай хоти́ў спра́выты на ту интэнцыю обидню. Пишо́ў до ксёндза тай ла́дытся вжэ до оби́днп. Алэ жи́нка то́го его́ бра́та—богачо́ва—умила до́брэ вари́ты йи́сты; о-то́-жъ винъ идэ до нэи тай про́сытъ: „Ходи́тъ до мэпэ, бо-мъ найми́ў слу́жбу-бо́жу, тра яко-сь людэй погости́ты; то мо́жэ-бы-сьтэ звари́лы дэ-що?“ А той ка́жэ богачъ: „До́брэ, пай йдэ!“ Прыйшо́ў вжэ той дэнь, балюются красно́, а той бога́чъ вжэ со-би́ тро́ха пидпи́ў тай пыта́еся бра́та: „Скажи́, яку́ ты ла́ску ма́ешь у па́на, що тя панъ такъ заратува́ў?“ А той кру́тытъ, нэ хо́чэ пови́сты. Алэ бога́чъ натыска́е, споко́ю му нэ дае́: „По-ви́джъ тай пови́джъ!“ Тогды́ той ка́жэ такъ на-збы́тки: „Ну, вжэ ска́жу: я сво́йій жи́нци вы́ризаў прыро-джи́нье и запи́съ то до па́на, то за то мэни́ панъ та-кі́й мае́токъ даў!“

Тогды́ той бога́чъ за́разъ сво́ю жи́нку до-до́му клы́чэ тай забра́лыся обо́е до-до́му. Тай щэ по доро́зи йій все́ опови́ў, жэ братъ за жи́нчыно прыроджи́нье дистаў видъ па́на вэсь мае́токъ.—„Зроби́мъ и мы такъ, ка́жэ, то панъ та́кжэ дастъ!“ —Тогды́ взяў, вы́ризаў жи́нци прыроджи́нье, завыну́ў то въ па́пиръ и пони́съ до па́на. Панъ ся пыта́е: „А що́ тамъ ска́жэшь?“ А винъ ка́жэ: „Я прыни́съ па́новы то, що мій братъ!“ А панъ ся у́ти́шыў, гада́е сы: „Оў, дэ оны́ то́го ти́лько бэрутъ?“ Алэ той вы́няў тай положи́ў на стилъ. Панъ розвыва́е, ды́вытся тай ка́жэ: „Ну, що́ тамто́й прыни́съ, то нэ ты!“ Взяў хло́па мэжы слу́гы, збыў го, збыў, тай вы́кинуў лэдвэ жыво́го за бра́му. Той якъ ся спамя-та́ў, встаў, идэ до-до́му. Прыхо́дытъ, а жи́нка вжэ нэжыва́. Тогды́ вся грома́да зійшла́ся, взя́лы го въ ланьцушки́ тай вид-да́лы до су́ду, а въ су́ди го за то́е стра́тылы. Тогды́ ци́лы́й той его́ мае́токъ пэрэйшо́ў вжэ на би́дного бра́та.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

51.

Счастье—въ лѣсу на ели.

Бу́лы два бра́тьи: едэ́нъ буў би́дный, а дру́гый бога́тый. Тай разъ той би́дный у бога́того молоты́ў. Молоты́ў-молоты́ў, а́лэ пшэны́ця всэ скака́ла зъ стодо́лы за пори́гъ. А тамъ кака́ мышь би́гала и тотў пшэны́цю збыра́ла тай носы́ла зноў до стодо́лы. Винъ ту мышь хоти́ў пойма́ты, а́лэ му ся нэ дава́ла. Тогды́ винъ ся взяў ей пыта́ты: „Що́ ты е за една́?“—„Я тво́го бра́та счи́стье!“—Тогды́ винъ пыта́еся: „А мое́ дэ́ е счи́стье?“—„Твое́ счи́стье въ ли́си на ялы́цы!“

Тогды́ винъ пишо́ў собі́ въ лисъ и вы́лизъ на ялы́цю и сыды́тъ. А тамъ ко́ло ялы́ци бу́ла ха́та. Винъ ды́вытся—прыйшлы́ до то́и ха́ты злоді́и и ка́жутъ: „Утвожъ ся, здэ́бка!“ *) Ха́та ся витворы́ла и оны́ віi̇шлы́ и ка́жутъ: „За́пэжъ ся, здэ́бка!“ *) Тай оны́ ся тамъ побалюва́лы, а пото́му вы́йшлы, и пишлы́ гэтъ и зноў такъ каза́лы, якъ выходы́лы: „Утвожъ ся, здэ́бка!“—а якъ вжэ вы́йшлы, то: „За́пэжъ ся, здэ́бка!“ Тай пишлы́. А той хлопъ тогды́ злизъ бо́рзо съ ялы́ци тай собі́ такъ ка́жэ: „Утвожъ ся, здэ́бка!“—отворы́лася и винъ пишо́ў до ха́ты; „За́пэжъ ся, здэ́бка!“—то ся запэ́рла за нымъ. И тамъ бу́лы гро́ши, то винъ всэ браў и выносы́ў на-двíръ и хова́ў; вы́нисъ вжэ до́ста, тогды́ забра́ў ти гро́ши и пишо́ў до-до́му.

Прыйшо́ў до-до́му тай тоты́ гро́ши хоти́ў мье́ряты—ки́лько ихъ е? И пысла́ў до то́го бога́того бра́та по чвэ́ртку. Прынэ́слы чвэ́ртку, тогды́ взяў тоты́ гро́ши мье́ряты. Змье́ры́ў, а по́-за обручи́ напха́ў шустки́ тай видосла́ў чвэ́ртку до бра́та. А той ко́ўтнуў чвэ́рткоў объ зэ́млю, то тоты́ вы́лэтилы шустки́. Винъ ся пыта́е тогды́ бра́та—що́ винъ ту мье́ряў?—Гро́ши!—Тай взяў ся го пыта́ты—ви́дки винъ взяў ти́лько гро́шэй? Той му взяў каза́ты: „Ходы́ў-емъ въ лисъ та́й-емъ вы́лизъ на ялы́цю, а злоді́и прыйшлы́ тай до ха́ты каза́лы: „Утвожъ ся, здэ́бка!—за́пэжъ ся,

*) Очевидно—польскія выраженія: „Otwórz się, izdebka!“—„Zatwórz się, izdebka!“

здэ́бка“!—а потóму пишлы́ гэтъ; то тогды́ я сы набра́ў грóшэй тай пишóў-емъ!“

Тай той богáчъ взяў сы михъ и пишóў на ту ялы́цю сыди́ты. Сыдытъ, а злодíи пишлы́ до хáты тай ся тамъ балюва́лы. Тогды́ вы́йшлы и пишлы́ гэтъ. Винъ злизъ бóрзо съ ялы́ци тай кáжэ до хáты: „Утвожъ ся, здэ́бка!“ Тай ся отворы́ла тай винъ тамъ увíйшóў. Алэ тамъ бýло на столи́ ри́жнэ йисты и пыты, то винъ пэ́ршэ взяў ся балювáты; ажъ якъ ся побалювáў, тогды́ набра́ў грóши у михъ и хотíў гэтъ иты́, áлэ вжэ забу́ў, якъ мáе казáты, абы́ ся му хáта витворы́ла. Казáў: „Пэрэвэрны́ся, хáтка! ýтвожъ ся, хáтка!“—áлэ нэ отворя́лася, тай винъ нэ мигъ вы́йты. Тогды́ вжэ взяў тай сховáўся тамъ за бочки́. Алэ злодíи прыйшлы́, взя́лыся балювáты тай ся дýжэ сьмíялы. А винъ й соби́ ся взяў сьмíяты за ны́мы. Оны́ тогды́ зачáлы шукáты тай найшлы́ ёго́ за бочкáмы; тай взя́лы ёго́, порубáлы на кавáлки тай пови́сылы на тíй ялы́цы кóло хáты.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

52.

Счастье и бѣда.

Бýлы два брáтьи: едэ́нъ бýў би́дный, а дру́гый богáчъ. Тай обá брáтьи посíялы пшэны́цю на еднíй ныви. То у би́дного ся фáйна пшэны́ця ýроды́ла, а у богачá ги́рша; áлэ видъ тóго би́дного всэ хто-сь въ ночы́ брáў пшэны́цю и до богачá пэрэнóшуваў. Би́дный гадáў сы, що то му братъ крадэ́ пшэны́цю, тай пишóў въ ночы́ вартувáты. Тай дывытся, а тамъ якíй-сь птахъ пшэны́цю ти́гае. Тогды́ винъ взяў, защýрыўся тай пойимáў тóго птáха, áлэ хотíў тóго птáха задушы́ты. Алэ птахъ кáжэ: „Нэ душы́ мэнэ́, бо тэбэ́ бидá задýсытъ!“—„Хто-жъ ты е?“—„Я, кáжэ, твóго брáта счи́стье!“—„А мóе счи́стье дэ?“—Тогды́ птахъ кáжэ: „Ты нэ мáешь счи́стья, бо у тэ́бэ е

бида нидъ прыничкомъ; áлэ, кáжэ, забырáйся гэтъ въ сьвитъ, то тоби лíпшэ бýдэ!“

Тай винъ зибрáўся съ жинкоў тай съ дитьмы — йидэ гэтъ. А бидá ся выхопыла зъ-нидъ прыпичка тай зачáла вэрэщáты: „Йой, та ты йидэшь, а мэнэ лышáешь?“ И чэпылася бидá вóза, вэрэщытъ, нэ хóчэ ся лышыты. Тай оны вжэ пойихалы съ бидóў, áлэ грызýтся, гадáютъ сы: „Та дэ мы съ бидóў пойидэмо? съ бидóў насъ нихтó и нэ прыймэ!“ Алэ взялы въ лíси видпочывáты, злíзлы съ вóза тай хóчутъ огэнь клáсты. Пишóў γáзда за дрывáмы тай кáжэ до биды: „Ходы, помóжэшь мы дроў нарубáты!“ Взяў дýба грýбого, розколóў тай кáжэ биди: „Пхай тутъ рýку, най розкóлю дýба!“ Бидá запхáла оби рýки, тогды винъ пустыў, тай дубъ биди рýки захóпыў. Бидá скáчэ, вэрэщытъ всилякимы голосáмы, áлэ ся нэ мóжэ рýшыты. А оны тогды фиру бóрзо запряглы тай пойихалы дáли, а биду лышылы.

Тай прыйихалы до едного сэлá — наймылыся у пáна на слýжбу: чоловикъ буў за вокомóна, жинка за кухáрку, а дíты пáслы вийуци. Тай сказáў имъ панъ: „Абы-сьтэ мы вьéрнэ служылы, то вамъ дóбрэ бýдэ; а якъ ни, то васъ гэтъ видпрáвлю!“ Алэ якó-сь хлóпэць, якъ пасъ вийуци, зáбыў бычóмъ еднý вийуцю. Сказáў тáтовы, а тáто кáжэ: „Тыхо, нищъ нэ кажы, бо бы ся панъ дýжэ гнивáў; я закóплю вийуцю въ дэбру тай скáжэмо пáновы, що воўкъ ззиў!“ Тай пишóў съ хлóпцёмъ копáты яму на вийуцю. Кóплэ, ажъ дывытся — тамъ е пывныця. Винъ взяў, витворыў, а тамъ сáми бочки — вси съ грíшмы. Тогды винъ побигъ до пáна тай кáжэ: „Хотиў-емъ вийуцю закопáты тай-емъ найшóў пывныцю съ грíшмы!“ То панъ ся дýжэ утишыў, пойихаў тамъ до пывныци тай набрáў висимь вóзиў грóшэй. Тай тогды кáжэ до тóго хлóпа: „Я тоби дамъ мій всій маéтокъ, а соби забэру тоти грóши; я соби, кáжэ, бýду на пэнсьи жыты тымы грíшмы!“ Тай виддáў му панъ гэтъ вси свои дóбра, а самъ съ тымы грíшмы пойихаў.

Тогды винъ вжэ стаў вэлыкимъ богачóмъ, пáномъ, тай пышэ до свóго брáта: „Спродáй всё своé γосподáрство тай прыходы до мэнэ — будэмо рáзомъ панувáты!“ Тай той такъ зробыў: спродáў всё и йидэ. Йидэ тоў-самóў дорóгоў, дэ бидá бýла прыпята у дýби. Кáжэ до нéго бидá: „Пусты мэнэ

ви́дсы, то я тво́го бра́та зноў на биду́ звэду́, а ты будэ́шь на́номъ!“ Винъ биди́ ру́ки вы́ймыў зъ ду́ба, пусты́ў ййи, а бида́ тогды́ ся хо́пыла его́ шы́и и ка́жэ: „Вжэ тэбэ́ нэ попу́щу, до́ки жы́ты бу́дэшь!“ Прыйи́хаў винъ съ тоў бидо́ў до бра́та, а братъ, якъ увы́дпў биду́, ду́жэ ся розгни́ваў тай видогна́ў го гэтъ. Винъ ся завэрну́ў до-до́му, а́лэ вжэ бидува́ў, по́ки нэ у́мэръ.

(Отъ Марін Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

53.

Танецъ съ чертомъ.

Буў дидъ и ба́ба; дидъ маў свою́ ди́вочку видъ пэ́ршои жи́нки, а ба́ба свою́—видъ пэ́ршого чолови́ка. Тай ба́ба свою́ лэда́чыцю ду́жэ улюбы́ла, а тоту́ па́сэрбыцю, якъ могла́, то збыткува́ла, тай всэ до найги́ршои робо́ты ййи заправля́ла.

Нэ зна́ла вжэ, що́ вы́гадаты, тай вы́правыла ййи па́ничь до ли́са, до закля́тои ха́ты, абы́ тамъ про́со опыха́ла. Пишла́ сы́рота, опыха́е-опыха́е, ажъ ту прыйшо́ў до ха́ты чортъ. Тай винъ йиˊй ка́жэ: „Ходы́, ди́ўчэ, зо мноў танцюва́ты!“ Ка́жэ му ди́ўка: „Та якъ я пи́ду танцюва́ты, колы́ нэ ма́ю спи́дныци?“ Пишо́ў тогды́ чортъ, прыни́съ йиˊй спи́дныцю тай зноў ка́жэ: „Ходы́, ди́ўчэ, танцюва́ты!“ —„Я нэ ма́ю чэрэвы́кпў!“ —Прыни́съ чэрэвы́ки, ка́жэ: „Ходы́ танцюва́ты!“—Ка́жэ, що нэ ма́е ху́стки, то кора́лпў, ри́жнэ. Такъ всэ посыла́ла чо́рта, ажъ йиˊй всё попрыносы́ў. Якъ йиˊй вжэ всё позносы́ў, ка́жэ: „Ну, ходы́ вжэ танцюва́ты!“—„Пиду́ вжэ, ка́жэ, ино́ щэ абы́-сь мы прыни́съ той-во́ горнэ́ць по́ўно гро́шэй!“—Вы́была въ горшку́ дно, вы́копала я́му глубо́ку тай постав́ыла горнэ́ць надъ тоў я́моў; а чортъ но́сытъ гро́ши тай но́сытъ, ажъ когу́тъ запи́ў. Чортъ тогды́ счэзъ, а ди́ўка сы вжэ да́льшэ опыха́ла. Ра́но прыйшла́ ди́ўка до-до́му тай ка́жэ та́товы: „Бэри́тъ, та́ту, михъ тай йи́дьмо по гро́ши до ли́са!“ Пойи́халы, забра́лы тоти́ гро́ши зъ я́мы, то ти́лько

було, що лэдвы до-дому прывэзлы: можэ було й пять сотокъ. И ўбралася дийка файно, йидуть до-дому.

Увыдила тогды баба, що ся дийци добрэ трафыло, гадае сы: „О, то я йи вжэ тамъ бильшэ нэ пущу! най тэпэрь вжэ моя ся троха пидпоможэ!“ Выправыла вжэ на другу ничь свою дийку до тои хаты. Пишла дийка, алэ нэ опыхае, ино ждэ на чорта. Такъ вжэ коло пиўночы прыходытъ чортъ. Кажэ йий: „Ходы, дийчэ, танцюваты!“ А она ёму тогды все на-разъ выразхувала, жэбы йий прынисъ все краснэ фантя и грошэй поўный горнэць. Чортъ ужэ знаў, килько тамъ того трэба, прынисъ йий все видразу; тай якъ ўхопыў дийку въ танэць, то такъ йи порозносыў, що кожда кистка окрэмэ була. Ждэ маты рано на дийку, ждэ,—нэ прыходытъ! Пишла тогды въ лисъ до хаты, а тамъ зъ дийки тилько кисточки булы.

(Отъ Каськи Шалабской въ Борусовѣ.)

54.

Бѣда.

а). Такъ буў коваль. То всэ прыходылы людэ до нэго та казалы: „Ой, бида, бида!“ А той коваль кажэ: „Та я нэ выджу нигды биды; я пиду, кажэ, въ сьвитъ и буду тои биды шукаты—цы найду?“

Прыйшоў винъ такъ до сыройида. *)—„Кобы-сьтэ мя, кажэ, пэрэночувалы!“—„Добрэ, я ти пэрэночую: будэшь, кажэ, съ вийцима ту спаты!“—„Та най будэ, добрэ!“—Взяў винъ тамъ ночуваты, а сыройидъ кажэ до сыройидыхи: „Вжэ остры ножи—будэмо коваля ризаты!“ А коваль тото учуў, то якъ выйшоў сыройидъ, шукае го, а ёго нэма. А той сыройидъ нэ маў чымъ засьвитыты, то всэ браў вийци по одній тай крузь викно мэтаў. А коваль соби обэрнуў кожушэ, ўбраўся—такъ гы баранъ ся зробыў, то сыройидъ и ёго вывэргъ. А винъ за викномъ кажэ: „А

---

*) См. стр. 43.

сла́ва Го́сподý, що ты й мэнэ́ вы́вэргъ!“ А сыройі́дъ за нымъ, за нымъ, а́лэ нэ мигъ го догоны́ты.

Бижы́тъ кова́ль—здыбаў затя́тэ золотэ́ топоря́ въ дэ́рэви. Винъ видрыва́е, тай ёго́ рука́ прылы́пла до то́го топоря́—нэ хо́чэ ся да́ты. Тай винъ видрі́заў ру́ку и ўтикъ.

Прыйшо́ў до-до́му тай ка́жэ: „Ажъ тэпэ́рь я биду́ зна́ю, пі́зно ля́жу, ра́но ўстаю!“

(Отъ Марі́и Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

—

б). Такъ до коваля́ ходы́лы лю́дэ и всэ ка́жуть: „Ой, бида́!“ А винъ ка́жэ: „Що́ то за бида, що я йи нэ зна́ю?“ И такъ одно́го ра́зу зибра́ўся и йдэ шука́ты биды́. Идэ́-йдэ, здыба́е кова́ль шэўця́. Пыта́еся: „Дэ ты йдэшь?“ Швэць ка́жэ: „Отъ, иду́, абы́ нэ стоя́ты; а ты, ка́жэ, дэ?“—„О, я йду соби́ шука́ты биды́—що́ то за така́ бида́?“—„Ну, то ходи́мъ оба́!“

Иду́ть-иду́ть—у ли́си бу́ла ха́та. Прыхо́дять до то́и ха́ты—тамъ ночу́ють. Ра́но прыйшла́ сыройі́дыха (така́ съ едны́мъ о́комъ) и пыта́еся ихъ: „Що́ вы за е́дни?“ —„Мы йдэмъ шука́ты биды́!“—Едэ́нъ ка́жэ: „Я кова́ль!“—а дру́гый ка́жэ: „Я швэць!“ Тогды́ она́ взя́ла палы́ты въ пьецу. Напалы́ла въ пье́цу, ўхо́пыла шэўця́, вэ́ргла въ огэ́нь и винъ ся спикъ; тогды́ го вы́ймыла, ўкусы́ла два ра́зы и зъи́ла всёго. И ка́жэ до коваля́: „А ты, колы́-сь кова́ль, то мэни́ дру́гэ о́ко прыро́бышь!“ И позамыка́ла двэ́ри, абы́ винъ куды́ нэ ўтикъ. И ка́жэ: „Ну, розпика́й шы́ло, то мэни́ прыро́бышь дру́гэ о́ко!“ Тогды́ кова́ль ка́жэ: „Внэсы́ мэни́ такі́й ланцъ, абы́ я ти звяза́ў!“ Она́ внэ́сла ланцъ, винъ йи звяза́ў и ка́жэ: „Ану́, прутны́ся,—цы урвэ́шь?“ И она́ ся прутну́ла и урва́ла. И винъ сказа́ў дру́гый прынэ́сты ланцъ и звяза́ў йи, а́лэ она́ зноў урва́ла. Тогды́ взяў трэ́тый и звяза́ў,—вжэ то́го нэ могла́ урва́ты. Тогды́ винъ розпи́къ шы́ло тай взяў и въ то о́ко, що ма́ла, шы́ломъ дю́ґнуў, абы́ нэ вы́дила, абы́ утикъ видъ нэ́и. Вжэ винъ такъ зробы́ў, она́ ся зъ бо́лю прутну́ла, урва́лася и взя́ла вжэ на нёго палы́ты въ пьецу. Хоти́ла й ёго́ спэчы́, а́лэ го нэ могла́ зла́паты, бо нэ вы́дила. А тамъ бу́лы у нэ́и ба-

раны́, то винъ ся всэ хова́ў по́-за тыхъ бараны́ў. То она́ ла́пала ти бараны́ и кида́ла по-е́дному крузь викно́ (бо боя́лася, я́къ-бы выпуща́ла въ двэ́ри, то и кова́ль бы ути́къ). И вы́мэтала бараны́, а́лэ той кова̀ль маў такі́й кожу́хъ, що зъ барана́, тай взяў, у той кожу́хъ завы́ўся и ла́зытъ и всэ такъ: бэ-э-э, –ни́бы й винъ бара́нъ. А она́ хо́пыла ёго́ за во́ўну и вэ́ргла й ёго́ крузь викно́. Якъ ёго́ вы́вэргла, ка́жэ винъ: „Будь здоро́ва, би́до!“—„Иды́-йды, я ти щэ поййма́ю!“

И винъ бижы́тъ, а у ли́си такъ ялы́ця лэжы́тъ, а въ тій ялы́цы такъ затя́та соки́ра и золотэ́ топоры́щэ. Винъ за ту соки́ру поййма́ў, хоті́ў йи вы́рваты, тай нэ мигъ и ру́ку видирва́ты. А она́ йдэ вжэ за нымъ тай сьміе́ся: „А я́ ты нэ каза́ла, що тя поййма́ю?“ А винъ вы́ймыў нижъ, ру́ку видри́заў тай ути́къ. Ути́къ ажъ до-до́му и ка́жэ: „Ажъ тэпэ́рь зна́ю, яка́ то бида́!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

55.

Волшебная скрипка.

Служы́ў одэ́нъ слуга́ въ егомо́сци и пасъ това́ръ и гоны́ў въ лисъ. Разъ собі́ взяў пря́дыва и плиў собі́ бычъ у тры мотузки́. А бида́ надійшла́ тай ка́жэ: „Що́ ты плэтэ́шь?“—„Плэту́, ка́жэ, мотузки́, вси би́ды бу́ду ві́шаты!“ Бида́ ка́жэ: „Йой, що́ хо́чэшь, то́ ты дамъ, лышэ́ абы́-сь насъ нэ ві́шаў!“ А той у биды́ увы́диў фа́йну скры́пку и чэрэвы́ки, то ка́жэ: „Дай мэні́ тоту́ скры́пку и чэрэвы́ки, то нэ бу́ду!“ Бида́ ёму́ да́ла и ка́жэ: „На тій скры́пци якъ загра́ешь, то всё будэ́ танцюва́ты— цы чолові́къ, цы худо́ба; а въ тоты́ чэрэвы́ки якъ ся ўбу́ешь, то тэбэ́ тогды́ нихто́ нэ увы́дытъ!“

И такъ винъ ужэ́ попа́съ худо́бу у ли́си и вы́гнаў на то́локу, сиў сы на купы́ну и загра́ў на тій скры́пци, а худо́ба вся ся посха́пувала тай такъ наоко́ло нёго танцю́е, що гэй! Пото́му винъ займы́ў худо́бу до-до́му, а ксёндзъ ся пыта́е: „Чого́ такъ худо́ба поприла?“—„Я нэ

зна́ю, ка́жэ, чого́?“—На дру́гый дэнь займы́ў винъ худо́бу па́сты, а ксёндзъ пишо́ў потыхо́ньку за нымъ—дывы́тыся, що́ винъ съ худо́боў ро́бытъ? Тай схова́ўся ксёндзъ такъ на краю́ ли́са въ тэ́рньe. Ну, той попа́съ худо́бу, зноў собі́ сиў на купы́ну. Якъ загра́ў, худо́ба ся посха́пувала и танцю́е; а ксёндзъ собі́ тамъ въ тэ́рнёхъ та́кжэ танцю́е—гэтъ ся покалі́чыў, пообдыра́ў. Тай вжэ винъ пото́му стаў, займы́ў худо́бу до-до́му. А ксёндзъ собі́ пишо́ў до-до́му, а́лэ ся слузі́ нэ показа́ў. Прыйшо́ў ксёндзъ до-до́му и повида́е йимо́сцы, якъ той слуга́ фа́йно уміе гра́ты. Тогды́ йи́мосць ка́жэ: „Ану́, загра́й и мэні́ такои, най сы потанцю́ю тро́хи!“ Алэ ксёндзъ ка́жэ: „Мэнэ́ ўпнитъ до сту́пы, я нэ хо́чу танцюва́ты!“ Винъ якъ зача́ў гра́ты, йи́мосць такъ по поко́яхъ танцю́е, а ксёндзъ схо́пыўся тай зо сту́поў собі́ танцю́е,—гэтъ ся обо́е порозбыва́лы на́-пицъ.

Тогды́ вжэ ксёндзъ напыса́ў по всихъ сэ́лахъ лыстъ, що такій у нэ́го музы́ка е, що якъ загра́е, то вси гуля́ты му́сятъ. И попрыйижджа́лы до ксёндза паны́ зо всёго сьви́та и каза́лы то́му слузі́ гра́ты. Винъ якъ загра́ў, то такъ паны́ гуля́лы вси, ажъ ся вжэ стинъ йима́лы. Винъ тогды́ стаў, а паны́ его́ осуды́лы взя́ты за то́е на шы́бэныцю. Прывэлы́ его́ нидъ шы́бэныцю, а винъ зача́ў ся ду́жэ просы́ты: „Да́йтэ мы мо́ю скры́пку, най хоть съ нэ́ў умру́!“ Далы́ му скры́пку, а винъ якъ загра́ў, то зно́ву вси паны́ зача́лы танцюва́ты наўко́ла шы́бэныци. А винъ тогды́ борзэ́нько тоты́ чэрэвы́ки зъ то́рбы вы́няў тай ўбуў, то вжэ го бі́льщэ нихто́ тамъ нэ вы́диў. И винъ тогды́ пишо́ў собі́ вжэ въ сьвитъ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

56.

Какъ мужикъ занялъ у черта деньги.

Такъ буў едэнъ ґазда бидный и пишоў до бидý и пожычыў собí видъ биды грóши. И казáў бидí, що за симь литъ вэрнэ му тоты грóши, а якъ-бы нэ вэрнуў, то го бидá вóзьмэ на дýшу; и на то пидпысáўся. Тай взяў грóши и такъ симь литъ ґаздуваў и балюваўся зъ тыхъ грóшэй. Алэ въ симь литъ прыйшоў вжэ той злый до нёго и кáжэ: „Чы злáдыў-есь грóши?“ А винъ кáжэ: „Та дэ-мъ злáдыў? щэ нэ було колы! я ся, кáжэ, щэ нáвить за твóи грóши ни наййў добрэ, ни напыў, а ты вжэ хóчэшь брáты назáдъ!“ Тогды кáжэ злый духъ до нёго: „Ну, то ходы до кóрчмы, то найишься и напьéшься за мóи грóши!“ Пишлы оны до кóрчмы—тамъ ся наййлы, напылы, а тогды кáжэ хлопъ до биды: „Ну, ходы тэпэрь пидъ кóрчму, то ты грóши виддáмъ!“ Выйшлы пидъ кóрчму, тогды хлопъ пэрнуў,—разъ, и другый, и трэтый. Тай кáжэ: „Зйимай тото тай завяжы въ ґудзъ, то тогды ты грóши виддáмъ!“ А злый кáжэ: „И нэ йимáю и ґýдза нэ вяжу и грóшэй вжэ видъ тэбэ нэ хóчу!“ Тай забрáўся и полэтиў.

Потóму ся о тимъ довидаў едэнъ богáчъ въ сэлí, що той такъ чóрта змудруваў, тай пишоў и собí пожычáты видъ биды грóши. И пожычыў тоты грóши на симь литъ и пидпысáўся бидí на дýшу. Тай накупыў собí богáчъ за тоты грóши волíў, кóнэй, рижного маéтку. А потóму зачаў гадáты—щó-бы то зробыты, абы грошэй бидí нэ виддáты? Тай взяў камíнье возыты и за симь литъ навозыў вэлычэзну кýпу камíня. А въ симь литъ вжэ злый духъ прыйшоў по грóши.—„Цы злáдыў-есь, кáжэ, грóши?“—А богáчъ кáжэ: „Якъ постáвышь за ничь млынъ и змэлэшь мэнí то камíнье, то тобí грóши виддáмъ!“ Алэ якъ злый свыснуў, якъ ся чорты позлитáлы, постáвылы млынъ и всё камíнье змолóлы до рáна на мукý. И тогды взялы вжэ тóго богачá на дýшу.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

57.

Какъ чертъ бѣжалъ отъ злой жены.

Такъ була баба вдовыця и нэ могла ся виддаты. Тай кажэ разъ: „Ой, Божэ-Божэ, вжэ й за биду бы-мъ пишла, кобы мя взяў!“ А бида йдэ тай кажэ: „Ну, пидэшь за мэнэ?“—„Ой, пиду!“—Пожэнылыся, ɣаздують собі. Алэ баба потому увыдила, жэ спытъ съ бидоў, а вицъ видъ биды нэ чуе, тай набыла биду и нагнала фосы копаты. И нэ дае му на цалый дэнь ничо йисты, лышь кусэнь хлиба. И все бье, все бье.

Коплэ бида фосу, а йдэ робитныкъ дорогоў. Пытае го ся бида: „Дэ ты йдэшь?“—„Иду на роботу!“—„А цы маешь ты жинку?“—„Ой, маю!“—„Тай-есь, кажэ, лышыў йи?“—„Лышыў! або що такe?“—А бида кажэ: „Та-бо й я таки маю жинку; такъ мэнэ вжэ курва сушытъ, що страхъ! цы можъ ей, кажэ, лышыты?“—„Та чому ни? можъ!“

Тай бида пишла съ тымъ робитныкомъ и кажэ до нэго: „Иды-жъ ты тэпэрь до того миста: я тамъ буду у бровары воюваты, а ты прыйдэшь—я ты ся покажу—и ты мэнэ выжэнэшь, то дистанэшь вэлыку надгороду!“ Тай бида полэтила напэрэдъ, тамъ вжэ въ бровары воюе—куфы розбывае, пыво розлывае, очы забрызкуе робитныкамъ, робытъ збыткы, що вси поўтикалы. Прыходытъ той чоловикъ до миста тай кажэ: „Я тоту биду выжэну зъ бровару!“ Прыходытъ до бровара, а тамъ бида сыдытъ на пьецу. Взяў винъ собі кочэргу, биду набыў—выгнаў гэтъ. Побуў тамъ щэ зъ тыждэнь—тай вжэ въ бровары спокій; дистаў двы сотки тай пишоў сы гэтъ.

Тай здыбаўся зноў съ бидоў, а бида му кажэ: „Я тэпэрь лэчу до едного сэла до пропинацьи тай зноў тамъ буду воюваты!“ Прыходытъ той робитныкъ до того сэла, кажутъ му людэ, жэ тамъ у пропинацьи така яка-сь суета, рады собі нэ можъ съ бидоў даты. А винъ кажэ: „Я-бы даў рады!“ Прыйшоў винъ тамъ, взяў сы кочэргу, выгнаў биду, набыў. Вжэ спокій. Далы му трыста рыньскихъ, пишоў.

Идэ́ винъ, здыбау́ся съ бидо́у́, тай му ка́жэ бида́: „Иды́-жъ ты собі́ тэпэ́рь съ ты́мы гри́шмы до-до́му, а я йду до одно́го па́на, вжэ собі́ тамъ бу́ду γаздува́ты; а́лэ ты, ка́жэ, вжэ абы́-сь нэ йшоу́ мэнэ́ звідтамъ выгапя́ты, бо-бы твоя́ смэрть була́!“ Тай такъ розійшлы́ся: той чолові́къ пишоу́ собі́ до сво́го до́му, а бида́ полэ́тила до па́на.

Тай тамъ такъ бида́ въ дворі́ вою́е, нэ мо́жъ жы́ты. Алэ панъ ся дэ-сь дови́дау́, же е такі́й хлопъ, жэ биду́ вжэ въ двохъ вы́гнау́ ми́сцёхъ, тай за́разъ панъ пойи́хау́ по то́го хло́па. Прийижджа́е и ка́жэ: „Ходы́, вы́гоны мы биду́ зъ двора́, бо якъ нэ йдэшь, то тя стра́чу!“ Тай той хлопъ вжэ съ па́номъ поййхау́: всё му е́дно— я́къ умыра́ты. Прыйижджа́ютъ до двора́, а бида́ сыды́тъ на ко́мыни. Тай ка́жэ бида́ до то́го хло́па: „А ты чого́ прыйшо́у́? чы я ты нэ каза́у́, жэ твоя́ смэрть ту бу́дэ?“ Алэ хлопъ ка́жэ: „Я нэ йду тэбэ́ гоны́ты, я лышэ́ йду тобі́ каза́ты, жэ твоя́ ба́ба за тобо́у́ шука́е— вжэ сюда́ йдэ!“ —„А цы далэ́ко щэ?“—„О, та́ки вжэ за ворітьмы́!“—Якъ ся бида́ напу́дыла, якъ съ ко́мына ско́чыла, тай сы го́лову зломы́ла.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

58.

Девять неправдъ.

Такъ бу́лы тры бра́тья—два му́дри, а на́ймолодшый дурны́й. Тай оны́ пишлы́ вси тры въ доро́гу тай захо́пыла ихъ пичь въ ли́си. А тамъ у ли́си гори́у́ огэ́нь, тай оны́ хоти́лы йты за огнё́мъ. Пишо́у́ пайста́ршый братъ, а то злоді́е кла́лы собі́ тамъ огэ́нь. Тогды ёго́ пыта́еся той найста́ршый злоді́й: „Чого́ ты прыйшо́у́?“ —„Да́йтэ мэні́ огню́!“—Той ка́жэ: „Дамо́ ты, а́лэ скажы́ намъ дэ́вьитъ нэпра́у́дъ; а якъ нэ ска́жэшь, то́ ты вы́дрэмо видъ головы́ ажъ до рэмэ́ня пасъ и засы́плэмъ то ячми́нноу́ поло́воу́!“ Алэ винъ нэ у́миу́ сказа́ты, то му вы-

дэрлы пасъ, засыпалы полóвоў тай нагнáлы го гэтъ. Тогды́ пишоў сэрэдýщый братъ за огнéмъ, тай знóву му такъ той злóдій кáжэ: „Якъ намъ видгадáешь дéвьить нэпрáўдъ, то дóбрэ; а якъ ни, то ты вы́дрэмо пасъ видъ головы́ ажъ до рэмэ́ня!“ Винъ нэ ўмиў видгадáты, тай му вы́дэрлы пасъ и нагнáлы. Тогды́ пишóў вжэ дурный идъ нымъ, то знову му такъ злодіе кáжутъ: „Скажы дéвьить цэпрáўдъ, бо якъ нэ скáжэшь, тó ты вы́дрэмо пасъ, якъ твóимъ брáтьимъ!“ Винъ тогды́ кáжэ: „Дóбрэ, я скáжу! áлэ абы́-сьтэ ся никóтрый нэ обзывáлы, бо якъ ся котры́й обы́звэтэ, то я тогды́ вы́дру вамъ усимъ по пáси!“—„Дóбрэ!“

Тай тогды́ зачáў имъ казáты:

„Я молотыў на дýби горóхъ; гороховя́нка пáдала на зэ́млю, а горóхъ ся на дýби лышыў. Потóму-мъ злизъ съ дýба тай йду дорóгоў, а тамъ въ вэ́рби пыщáтъ шпáки варэ́пп-пэчэ́пп; пхáю у дупло рýку—нэ можъ, пхáю пóгу—нэ можъ; áлэ я́къ-емъ ся дóбрэ потыснýў, то-мъ ся всій увійшóў. Я забрáў шпáки за пáзуху, хóчу вжэ йты назáдъ; áлэ пхáю рýку—нэ можъ, нóгу—нэ можъ! А я собі пагадáў, що въ мóго тáта е старэ́ топоры́щэ, тай-емъ побігъ тай прыни́съ. Тогды́-мъ вы́рубаў дуплы́щэ, ажъ-емъ вжэ мигъ вы́лизты. Идý дорóгоў, прыйшóў-емъ надъ мóрэ, тай мы ся схотíло воды́. А насэ́рэдъ мóря бýла керны́ця. А я маў лупы́ну изъ горóху, то-мъ на ню сиў и поíхаў по мóру, напы́ўся воды́ зъ керны́ци тай йиду назáдъ. Алэ топоры́щэ зъ-за рэмэ́ня ўпáло въ мóрэ, нэ мигъ-емъ го дистáты. Тогды́ я пишóў до ді́да, узяў зэлізпи вы́ла, вы́чэрпаў вóду зъ мóря тай найшóў-емъ топоры́щэ и заткáў зноў за рэмі́нь. Идý чэ́рэзъ пасóвыщэ, а тамъ пасэ́ старá кобы́лыщэ. Я тогды́ сиў на кобы́лыщэ тай йиду. А топоры́щэ якъ зачáло цюпаты въ кобы́лу, тай пэрэцю́пало на-двóе. Я тогды́ излизъ, зрубáў зъ вэ́рбы киў тай збыў до-кýпы кобы́лыщэ. Тай йиду я собі, ажэ́нь—гоў!—нэ можъ дáли! Я ся обэртáю, а на кобы́ли вы́росла вэрбá ажэ́нь до нэ́ба тай запя́ла у нэ́бо. Тогды́ я полизъ гóри тій вэ́рби—ажэ́нь на вэршóкъ. А тамъ бýла хáта. Я ввійшóў до хáты—тамъ бýло пыты, йисты, то-мъ сы попойиў и напы́ўся. Выхóжу зъ хáты, а вэрбы́ вжэ нэмá—дэ-сь ся поді́ла. Алэ тамъ булá въ кýтыку ячми́нна полóва. Тай я взяў, зачáў зъ тóи полóвы круты́ты вузы́щэ тай зачáў-емъ ся спускáты на зэ́млю. Алэ-мъ вы́крутыў усю полóву, тай нэ стáло,—щэ бýло до зэмлі́ на шты́ры сáжни. Тогды́ я зачáў съ-горы́

вузы́щэ рва́ты, а на-долы́ни зсыля́ты, тай такъ ли́зу на-долы́ну. А тогды́ прылэ́тилы пчо́лы тай залэ́тилы мэни́ у пы́сокъ. То мэни́ тогды́ зача́ў мидъ тэчы́ зъ пы́ска, а лю́дэ попрылита́лы исъ збанкэ́мы тай набыра́лы мэ́ду. А найста́ршый зло́дій зъ-мэ́жы васъ прыйшо́ў тай лыза́ў то, що на зэ́млю нака́пало"...

Тогды́ той зло́дій ка́жэ: „О-то́ вжэ нэпра́ўда!" Тогды́ той дурны́й вы́дэръ злодія́мъ по па́си—видъ голові́ ажъ до рэмэ́ня, узя́ў сы огню́ тай пишо́ў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

59.

Панъ Коцкій.

Такъ буў у одно́го γа́зды китъ тай нэ хоти́ў йима́ты мы́шы, бо буў стары́й. Тай γа́зда взяў и видви́зъ кота́ въ лисъ. У ли́си китъ изды́баўся съ лысы́чкоў тай лысы́чка взя́ла его́ до свэ́и я́мы. Ка́жэ: „Ты нэ ма́ешь жи́нки, а я нэ ма́ю чолови́ка, то будэ́мъ ра́зомъ γаздува́ты!"

Тай разъ за́яць ся зды́баў съ тоў лысы́чкоў и ка́жэ: „Лысы́чко, я пры́йду сэ́и по́чы до тэ́бэ!" А она́ ка́жэ: „Йой-йой, бі́йся Бо́га, нэ прыходы́, бо въ мэ́нэ е панъ Ко́цкій, то винъ бы тэбэ́ зайи́ў!" Тай за́яць тогды́ поби́гъ и ўпови́ў всимъ звирьи́мъ, що у лысы́чки е які́й-сь панъ Ко́цкій, страшны́й ду́жэ. А звири́ ся пора́дылы тай ка́жуть: „Испра́ўмо мы для нэ́го госты́ну, то увы́дымо, що́ то за панъ Ко́цкій такі́й?" Тогды́ пишо́ў воўкъ за мя́сомъ, мэдви́дь за мэ́домъ на за́куску, ды́ка свыня́ пишла́ за бу́льбамы, а за́яць за капу́стоў. Тай зла́дылы для па́на Ко́цкого оби́дъ.

Тогды́ післа́лы за́яця до па́на Ко́цкого. За́яць прыби́гъ идъ лысы́чыній я́мн тай стаў сы на двохъ ла́бкахъ. Лысы́чка вы́йшла зъ я́мы тай ка́жэ: „Чого́ ты прыйшо́ў?" А за́яць ка́жэ: „Про́сятъ звири́, абы́ панъ Ко́цкій тай ты прыйшлы́-сьтэ на госты́ну!" Лысы́чка ка́жэ: „За́кн мы прыйдэ́мъ, то кажы́ звирьи́мъ, абы́ ся похова́лы, бо панъ Ко́цкій

всихъ бы пороздыра́ў!“ За́ки панъ Ко́цкій прыйшо́ў на гости́ну, вси звири́ ся поховалы: мэдви́дь ви́лизъ собі́ на яли́цю, дыкъ зали́зъ въ ли́стье, воу́къ схова́ўся мэ́жы ко́рчи, а за́ячыкъ зали́зъ пидъ лопу́хъ тай стули́ў у́ха. Тогди́ панъ Ко́цкій прыйшо́ў исъ лыси́чкоў и зъи́лы собі́ обое той обі́дъ. Алэ пото́му винъ ка́жэ: „Тото́ щэ ма́ло!“ А звири́ то учу́лы тай ся ду́жэ пэрэстра́шылы. Тай дыкъ зъ ли́стья фосто́мъ мэ́лькнуў, а китъ гада́ў, що то мышь, тай за фистъ—лапъ! Дыкъ тогди́ схопы́ўся, зача́ў* утика́ты, а китъ ся ди́ка ду́жэ напу́дыў тай ско́чыў го́ри тоў яли́цэў, дэ мэдви́дь сыди́ў. Мэдви́дь тогди́ зача́ў на самъ вэршо́къ го́ри яли́цэў ли́зты, а́лэ ся вэршо́къ зломи́ў, тай мэдви́дь упа́ў на зэ́млю тай ся за́быў. Тогди́ вси дру́ги звири́ собі́ зача́лы утика́ты—гэть ся розлэ́тилы по всимъ ли́си. А панъ Ко́цкій тогди́ злизъ съ яли́ци и пишо́ў зноў до куми́ лыси́чки ɣаздува́ты.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

60.

Волково счастье.

Такъ ишо́ў воу́къ исъ ли́сомъ и ка́жэ лысъ до во́ўка: „Ты, ку́мэ, бу́дэшь ни́нька ма́ты яке́-сь счи́стье, бо на тэ́бэ со́ньцэ прыгри́ло!“ Тай пото́му лысъ пишо́ў собі́ у едэ́нъ бикъ, а воу́къ у дру́гый. Алэ воу́къ собі́ тоти́ слова́ до́брэ запамята́ў.

Тай воу́къ идэ́-идэ́—нади́баў ку́сэнь солони́ны. Алэ гада́е сы такъ: „Я бу́ду щэ ма́ты счи́стьо, то на-що́ мэні́ то́и солони́ны? я собі́ що́ ли́пшого щэ зна́йду!“ Тай лышы́ў солони́ну тай пишо́ў. Идэ́ да́ли—пасэ́ся кобы́ла съ лоша́тёмъ. Прыйшо́ў воу́къ идъ ній тай ка́жэ: „Я твоє́ лоша́ ззимъ!“ Алэ кобы́ла ка́жэ до нёго такъ: „Якъ моє́ копы́то прочыта́ешь, що́ тамъ напы́сано, то тогди́ тобі́ дамъ лоша́!“ Тай наста́выла ёму́ копы́то, аби́ чыта́ў, тай уда́рыла го по зуба́хъ, ажэ́нь упа́ў. Тогди́ забра́ўся воу́къ тай

пишóў дáли—пытáты счíстья. Идэ́-йдэ, а тамъ пасэ́ся свыня́ съ пацятамы. Винъ кáжэ: „Я твóе пацá ззимъ!“ А свыня́ кáжэ: „Та якъ будэ́шь йисты, колы́ оно́ дýжэ бруднэ́? я, кáжэ, пиду́ тай го ўмы́ю тай щэ хри́ну до тóго прынэ́су, то го тогды́ зйишь!“ Воўкъ спу́ тай чэкáе, áлэ свыня́ ся нэ вэртáла—нэ мигъ ся дочэкáты. Тай пишóў, идэ́—пасýтся бараны́. Винъ прыйшóў идъ нымъ тай кáжэ: „Я еднóго зъ васъ иззи́мъ!“ Алэ бараны́ кáжуть такъ: „Дóбрэ, вжэ еднóго зйишь! áлэ щэ пэ́ршэ ходы́ съ нáмы, бо мы мáемо еднóго нэби́щыка ховáты, то намъ бýдэшь за дякá сьпивáты!“ Вóуковы ся то подóбало и пишóў съ баранáмы у сэлó. И тогды́ сиў сы на горбóчку тай якъ завы́ў, то люде повыбигáлы съ псáмы, якъ зачáлы вóўка бы́ты, ажъ зáбылы на смэ́рть.

Такé то бýло вóўковэ счíстье!

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

61.

Собака и волкъ.

Маў ґáзда пса—называ́ўся той пэсъ Тэркó. Винъ чэ́рэзъ всій свій викъ тóму ґáзди ви́рнэ служы́ў, áлэ на стáристь вжэ нэ мигъ. Тай тогды́ го ґáзда взяў тай нагнáў гэтъ.

Идэ́ пэсъ, идэ́—зды́баўся съ вóўкомъ. А воўкъ ся ёгó пытáе: „Дэ ты йдэшь?“ Винъ кáжэ: „Нагнáў мэнэ́ мій ґáзда гэтъ, то йду на жэ́бры!“ Тогды́ воўкъ кáжэ: „Я тэбэ́ такъ порáджу, що тэбэ́ ґáзда зноў бýдэ шановáты; якъ зáўтра, кáжэ, пидэ́ ґáзда въ пóлэ пшэны́цю жáты и вы́нэсэ съ собóў малу́ диты́ну, то я заби́гну тай диты́ну ўхóплю, а ты тогды́ будэ́шь за мноў лэти́ты и диты́ну видъ мэ́нэ видбэ́рэшь и занэсэ́шь свóму ґáзди!“ Вы́йшоў ґáзда съ жи́нкоў жáты пшэны́цю тай вы́нисъ диты́ну и положы́ў пидъ кíпку. Тогды́ воўкъ заби́гъ тай хлóпця ўхопы́ў, зачáў утикáты. А Тэркó тогды́ за вóўкомъ, вóўка догоны́ў, видобрáў диты́ну

и занúсъ свóму γáзди. Гáзда зáразъ вы́ймыў изъ тóрбы кавáлокъ солоны́ны и хли́ба и даў то Тэркóвы. И потóму вжэ ёгó трымáў и годуваў дóбрэ; вжэ го шаповáлы вси за то, що диты́ну видкупы́ў видъ вóўка.

Алэ разъ пэсъ вы́йшоў зноў у пóлэ тай здыбаў самóго-тóго вóўка. А воўкъ кáжэ: „Цы прáўда, що-мъ тя дóбрэ порáдыў? я́къ-жэ ты мэни́ тэпэ́рь за то видплаты́шь?“ А пэсъ кáжэ: „Ходы́, у мóго γáзды е комáшня, то я тя дóбрэ нагодýю!“ Тай запровáдыў вóўка до хáты на комá-шню, такъ що нихтó нэ вы́диў, и кáжэ: „Лизь нидъ стиў, а я тя бýду трахтовáты!“ Тай даў му тамъ хли́ба, солоны́ны, пы-роги́ў тай фля́шку гори́ўки. Алэ ся воўчы́ско дýжэ тоў гори́ўкоў ўпыў тай кáжэ до пса: „Я тэпэ́рь бýду сьпиваты!“ А пэсъ му кáжэ: „Би́йся Бóга, сыды́ ты́хо!“ Алэ воўкъ буў вжэ дýжэ пья́ный тай завы́ў, то едни́ лю́дэ зъ хáты поўтикáлы, а дрýги взя́лыся до вóўка бы́ты. Тогды́ Тэркó лягъ на вóўка и нэ даў го бы́ты. Тай вы́виў вóўка въ лисъ, а самъ вжэ жыў кóло γáзды ажъ до смэ́рты.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ).

62.

Коза.

Маў γáзда жи́нку и дви ди́ўки. Тай купы́ў сы козý и застáвыў стáршу ди́ўку козý пáсты. Кáжэ до нэ́и: „Абы́-сь козý дóбрэ пáсла, бо якъ будэ́ голóдна, то тя зари́жу!“ Прыгнáла ди́ўка вжэ козý съ пáши до-дóму, тогды́ γáзда пы-тáеся козы́: „Цы йи́ла ты, кóзочко, цы пы́ла ты?“ А козá кá-жэ: „Ни йи́ла я, ни пы́ла я! би́гла-мъ чэ́рэзъ лисóчокъ, хóпыла-мъ клэ́ню лыстóчокъ, стэбэльцэ́ травы́ци, лы́жку во-ды́ци!“ Тогды́ винъ взяў тай тій ди́ўци гóлову видтя́ў.

И зноў дрýгу ди́ўку застáвыў пáсты козý. Пры-гнáла ди́ўка козý до-дóму, зноў кáжэ козá: „Ни йи́ла я, ни пы́ла! би́гла-мъ чэ́рэзъ лисóчокъ, хóпыла-мъ клэ́ню лыстóчокъ, стэбэльцэ́ травы́ци, лы́жку воды́ци!“ А γáзда й дрýгій ди́ўци видтя́ў гóлову.

А видта́къ застáвыў вжэ свóю жи́нку козý пáсты. Пасэ́ жи́нка козý, годýе, потóму прыгнáла йи́ до-дóму, а козá кáжэ: „Ни йи́ла я, ни пы́ла я! би́гла-мъ чэ́рэзъ лисóчокъ, хóпыла-мъ клэ́ню лыстóчокъ, стэбэльцэ́ травы́ци, лы́жку воды́ци!“ Тай γáзда взяў тай жи́нци гóлову видтя́ў.

И займы́ў вжэ самъ козý пáсты. Напáсъ козý, прыгнáў до-дóму и пытáе йи́ ся: „Цы йи́ла ты, цы пы́ла ты, кóзочко?“—„Ни йи́ла я, ни пы́ла я! би́гла-мъ чэ́рэзъ лисóчокъ хóпыла-мъ клэ́ню лыстóчокъ, стэбэльцэ́ травы́ци, лы́жку воды́ци!“—Тогды́ γáзда якъ узя́ў козý бы́ты, набы́ў-набы́ў, лэ́двы ýти́кла.

Алэ онá булá китнá. То залэ́тила въ лисъ, найшлá сы тамъ я́му тай урóдыла козыня́. Тай вы́йшла трóха пáсты, а потóму ся вэрнýла до я́мы тай кáжэ: „Вы́йды, вы́йды, козыня́тко, высcы́ мóе цыцыня́тко, а въ цыцэчкáхъ молочкó, а на рижкáхъ си́нцэ!“ Козыня́ вы́йшло тай ссáло. Тай козá такъ всэ ходы́ла пáсты, а потóму козыня́ до сэ́бэ такъ клы́кала. Алэ воўкъ то чуў, тай якъ козá зноў пишлá до ли́са, прыйшóў надъ я́му тай клы́чэ: „Вы́йды, вы́йды, козыня́тко, высcы́ мóе цыцыня́тко, а въ цыцэчкáхъ молочкó, а на рижкáхъ си́нцэ!“ Алэ козыня́ чýло, жэ то éнчій гóлосъ, тай нэ выходы́ло. Прыйшлá козá тай кáжэ: „Вы́йды, вы́йды, козыня́тко, высcы́ мóе цыцыня́тко, а въ цыцэчкáхъ молочкó, а на рижкáхъ си́нцэ!“ Тай онó вы́йшло, пописсáло, зйи́ло си́нцэ тай кáжэ до мáмы: „Мáмо, мэпэ́ ту що-сь клы́кало!“ А козá кáжэ: „Абы́-сь ся нэ дáло зрáдыты, бо то мóжэ які́й нэпры́ятиль!“ Алэ воўкъ вжэ дóбрэ слýхаў, якъ козá клы́чэ, тай козá пишлá въ лисъ, а воўкъ прыйшóў тай кáжэ вжэ тóнкимъ гóлосомъ: „Вы́йды, вы́йды, козыня́тко, высcы́ мóе цыцыня́тко, а въ цыцэчкáхъ молочкó, а на рижкáхъ си́нцэ!“ Вы́бигло козыня́, а воўкъ хóпыў го тай пззи́ў. Зали́зъ у я́му—чэкáе щэ на козý. Прыйшлá козá зъ ли́са тай клы́чэ: „Вы́йды, вы́йды, козыня́тко, высcы́ мóе цыцыня́тко, а въ цыцэчкáхъ молочкó, а на рижкáхъ си́нцэ!“ Вы́лэтиў воўкъ, хóпыў козý, задушы́ў и ззиў.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ).

63.

Пѣтухъ и курица.

Мау дидъ когу́тыка, а ба́ба ку́рочку. Тай ба́бына ку́рочка нэсла́ я́йця, а ди́диу когу́тыкъ ницъ нэ робы́у—та́кой ходы́у. Ба́ба всэ дэ́-що собі́ за ти я́йця купова́ла, а дидъ на́вить нэ мау що́ закуры́ты. Тай дидъ когута́ пагна́у на слу́жбу.

Пишо́у когу́тъ, зайшо́у до едно́го па́на. Тай вы́лэтиу собі́ на дахъ тай запі́яу: „Въ мэ́нэ ша́пка позлаца́на, а въ па́на засра́на! кукури́ку!“ Панъ тото́ учу́у тай когута́ йимы́у тай вэргъ у во́ду—гада́у, що ся когу́тъ у́топытъ. Алэ винъ напы́уся воды́ до́брэ тай вы́лэтиу зъ воды́ на дахъ тай зноу такъ піе: „Въ мэ́нэ ша́пка позлаца́на, а въ па́на засра́на! кукури́ку!“ Тогды́ панъ розлю́тыуся и вэргъ когута́ въ огэ́нь. Алэ винъ тоу водо́у, що ся напы́у, огэ́нь залі́яу, загасы́у, тай му ничо́ нэ шко́дыло. Вы́лэтиу на дахъ и щэ ду́жчэ па́новы піе: „Въ мэ́нэ ша́пка позлаца́на, а у па́на засра́на! кукури́ку!“ Тогды́ панъ пойима́у когута́ и вэргъ до пыу́ны́ци. А въ пыу́ны́цы бу́лы гро́ши, то когу́тъ набра́у, налы́ɣау по́уно гро́шэй у сэ́бэ, затка́у сы ɣрэ́йцаромъ на за́ди диру́, абы́ гро́ши нэ вылита́лы, тай вы́лизъ крузь диру́ изъ пыу́ны́ци на-дви́ръ. Тогды́ вжэ полэ́тиу про́сто ажэ́нь до ди́да. Алэ по доро́зи вы́пау му той ɣрэ́йцаръ, що затка́у сы нымъ на за́ди. Тай прылэ́тиу когу́тъ до ди́да тай му натря́съ грошэ́й по́уну вэрэ́ту.

Тогды́ ба́ба якъ то увы́дила, нагна́ла свою́ ку́рочку на слу́жбу. Тай ку́рка пишла́, а́лэ нэ йшла дале́ко, лышэ́ залі́зла въ бода́чье. Найи́лася бода́ча и писку́ тай найшла́ той ɣрэ́йцаръ, що когу́тъ загубы́у. Тогды́ вжэ лэты́тъ до-до́му тай крычы́тъ: „Ба́бо, нэсы́ вэрэ́ту, бо я бу́ду гро́ши сы́паты!“ Ба́ба бо́рзо постэлы́ла вэрэ́ту, а ку́рка якъ зача́ла сы́паты, насы́пала по́уно бода́ча и писку́ тай той ɣрэ́йцаръ высыпала. А когу́тъ увы́диу той ɣрэ́йцаръ тай забі́гъ тай хо́пыу: „То я, ка́жэ, загубы́у на доро́зи!“ А ба́ба когута́ поймма́ла тай ɣрэ́йцаръ видо-

брала. Тогды́ дидъ прылэ́тиў тай взяў бабу тай забыў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ).

64.

Золотыя дѣти.

а). Служы́лы у ци́сара тры сэ́стры. Тай ци́саръ прыйшо́ў разъ пидъ двэ́ри до ку́хни и слу́хае, а тоты́ тры сэ́стры такъ собі́ говоры́лы. Найста́рша ка́жэ: „Я кобы́-мъ ся видда́ла за циса́рского ку́харя, то́-бы мы до́брэ бу́ло!“ А сэрэду́ща ка́жэ: „Я кобы́ ся видда́ла за циса́рского пэкаря́, мині́-бы щэ ли́пшэ бу́ло!“ А на́ймолодша ка́жэ: „Я кобы́-мъ ся видда́ла за циса́рского сы́на, то́-бы-мъ бу́ла цисари́ўна, то мині́-бы найли́пшэ бу́ло!“ Ци́саръ то чуў, а́лэ имъ ся нэ пока́зоваў и пишо́ў сы гэтъ. А на другый дэнь заклы́каў ихъ пэ́рэдъ сэ́бэ тай ка́жэ: „Що́ вы вчора въ ку́хны говоры́лы?“ Ста́рши сэ́стры нэ хоті́лы ся прызна́ты, а́лэ на́ймолодша ка́жэ: „Та що́-сьмо говоры́лы? отъ, найста́рша сэстра́ каза́ла, що бы ся видда́ла за циса́рского ку́харя, а сэрэду́ща за циса́рского пэкаря́, а я каза́ла, що бы мы найли́пшэ бу́ло, я́къ-бы-мъ ся видда́ла за само́го ци́сара!“ Тай ци́саръ тогды́ ка́жэ: „То най бу́дэ такъ!“ Ну, пожэны́лыся ку́харъ съ найста́ршоў, пэка́ръ съ моло́дшоў, а ци́саръ ся съ на́ймолодшоў ожэны́ў.

Алэ такъ за рикъ вы́пала ёму́ війна́, а ту ёго́ жи́нка въ тяготі́ хо́дытъ. То винъ ка́жэ до тыхъ двохъ ста́ршыхъ сэстэ́ръ: „Но, дозыра́йтэ-жъ йи ту, сэ́стры, а що ўро́дытъ, абы́-сьтэ мы за́разъ напыса́лы!“ И пойи́хаў на війну́. Якъ вжэ она́ дыты́ну ма́ла, сэ́стры ёму́ напыса́лы, що ма́ла здохло́го пса; а́лэ то буў хло́пэць съ золоты́мъ волосёмъ, то оны́ го видъ нэ́и хо́пылы и ввэ́рглы въ ставъ, а пидъ ню пидложы́лы здохло́го пса, такъ що она́ о тимъ нэ зна́ла. Алэ тамъ надъ ставо́мъ панъ едэ́нъ вы́йшоў на спа́циръ и то́го хло́пця увы́дпў на ставі́ и взяў го до сэ́бэ на выхова́нье, бо самъ дитэ́й нэ маў. И ци́саръ видтамъ на-

пысáў до-дóму такъ: „Щó ўродылося, то вжэ пховáйтэ тамъ, дэ ёмý пляцъ, а жíнку мы ратýйтэ!“ Прыйижджáе зъ війны́—ну, ницъ!

Побýў рикъ дóма—зноў му вы́пала війнá, а жíнка зноў хóдитъ у тяготи́. И винъ тогды́ кáжэ зноў сэ́страмъ: „Ратýйтэ йи, бíйтэся Бóга, абы́ онá нэ бидувáла!“ Тай онá зноў хлóпця мáла съ золоты́мъ волóсёмъ, áлэ сэ́стры го видъ нэ́и взя́лы и пидложы́лы йій здохлóго кóта и такъ напысáлы до ци́сара, що мáе здохлóго кóта. А винъ видпысáў: „То пховáты тамъ, дэ тóму пляцъ, а йи ратувáты!“ А тотý дыты́ну взя́лы и зноў вэ́рглы на стаў. Алэ той панъ сáмый зноў увы́диў дыты́ну на стави́ и йимы́ў и забрáў до сэ́бэ. Вжэ мáе двохъ хлóпциў.

Прыйи́хаў царь зъ війны́, побýў якíй-сь часъ кóло жíнки, а потóму вы́пала ёмý зноў війнá, вжэ трэ́тый разъ; а жíнка зноў такá хóдытъ—въ тяготи́. И винъ кáжэ: „Ратýйтэ-жъ йи, сэ́стры, ажъ пóки я ся нэ вэ́рну!“ Тогды́ онá вжэ ўрóдыла ди́ўку—самý-такý съ золоты́мъ волóсёмъ. Алэ сэ́стры напысáлы до ци́сара, що онá мáе здохлóго птáха, а дыты́ну вэ́рглы на стаў. Вы́йшоў той панъ знóву, ды́вытся—плáвае дытúна по ставý; йимы́ў и взяў на выховáнье. А ци́саръ ви́дтамъ напысáў: „Колы́-жъ онá такъ вжэ трэ́тый разъ зробы́ла, то абы́ йій вы́муруваты такý здэ́бку, абы́ въ ній лышэ́ стоя́ла, абы́ ся нэ моглá áни ке-нýты, áни си́сты; и зробы́ты на óчы викнó, абы́ хто будэ́ йты, абы́ йій мэжэ́-очы плю́нуў, а вартпýнык абы́ стоя́ў кóло нэ́и, абы́ вси йій въ óчы плювáлы!“ Ти сэ́стры съ нэў такъ зáразъ зробы́лы тай замурувáлы йи. Йи́дэ ци́саръ зъ війны́, тамды́ надíйихаў тай йій мэжэ́-очы плю́нуў самъ.

Але той панъ, що тоты́ ди́ты у сэ́бэ маў, умэ́ръ. Тай прыхóдытъ до тыхъ дитэ́й якá-сь старá пáни тай кáжэ: „Кобы́ вы, ди́точки, до мэ́нэ тэпэ́рь прыйи́халы, то вамъ бы дóбрэ бýло въ мэ́нэ!“ Тогды́ найстáршый хлóпэць збы-рáўся йи́хаты, алэ нижъ такíй съ би́лымы чэрэ́нцимы взяў и заткáў въ горóдъ у грядки́ тай кáжэ: „Якъ ти чэрэ́нци почэрвоні́ютъ, то мэнэ́ вжэ нэ бýдэ!“ Такъ винъ пойи́хаў до тóи пáни. Алэ тамъ буў кóло тóи пáни та-кíй дидъ, що скакáў; то винъ ся на нэ́го подывы́ў и стаў кáмэнёмъ и кинь пидъ нымъ стаў кáмэ-нёмъ. Выхóдятъ тамъ дóма братъ и сэстрá до горóду, а чэ-

рэ́нци чэрво́ни. Тогды́ пойи́хаў моло́дшій братъ, а но́жыкъ зноў такъ въ грядки́ заткаў—чы бу́дэ чэрво́ный? Алэ якъ тамъ надийи́хаў, той дидъ зноў скакаў; винъ подыви́ўся и стаў ка́мэнёмъ—и винъ, и кинь. Выхо́дытъ сэстра́ на дру́гый дэнь въ горо́дъ—вжэ чэрэ́пци зноў чэрво́ни. Забыра́еся и она́ йи́хаты за бра́тима, а́лэ завы́нула сы о́чы въ платъ и йи́дэ соби́ (бо сда́лэку вы́дила, що ками́нье стойи́тъ, то завы́нула о́чы, абы́ ницъ нэ вы́дила). Тай пэрэйи́хала,—дидъ скачэ, а́лэ она́ ницъ нэ вы́дила. Вы́бигла тота́ па́ни и ди́да жэ́рдкоў набы́ла. А она́ съ коня́ ўпа́ла и заумлива́е. Па́ни ся пыта́е: „Чого́ ты?“ А она́ ка́жэ: „Та якъ я ма́ю тэпэ́рь жы́ты, колы мо́ихъ брати́ў нэма́!“ А па́ни йи потишыла, ка́жэ: „Цытъ, нэ пла́чь, тво́и бра́тья бу́дутъ!“ Тай взя́ла па́ни воды́, обильлье́ла тоў водо́ў ками́нье, то за́разъ постава́лы зноў такъ, якъ бу́лы,—и хло́пци, и ко́ни. И тогды́ ся звыта́лы съ сэстро́ў. А та па́ни имъ да́ла въ дару́нокъ пруто́къ и яйцэ́ и каза́ла имъ съ тымъ иты́ до-до́му и тамъ надъ ставо́мъ гниздо́ зробы́ты и положы́ты яйцэ́ въ то гниздо́ и пруто́къ заткаты ко́ло гнизда́ въ зэ́млю.

Тай оны́ вжэ вси тро́е пишлы́ и такъ зробы́лы. Выхо́дятъ ра́но, а стаў такі́й ся вэлы́кій зробы́ў и ду́жэ вы́дкій, такі́й, що въ сьвити нэма́ дру́гого тако́го; а зъ то́го прутка́ вы́росла гру́шка ду́жэ фа́йна, а зъ яйця́ зробы́ўся птахъ, а такі́й, жэ говоры́ты ўмі́е. И тамъ зйижджа́лыся пано́вэ зъ цило́го сьви́та на той ся стаў дывы́ты, и на гру́шку, и на то́го пта́ха. А птахъ всэ ка́жэ, якъ яко́му па́ну да́ты яку́ госты́ну, а паны́ имъ за то вэлы́ки гро́ши платя́тъ. Алэ той царь, той ихъ та́то, та́кжэ прыйи́хаў подывы́тыся на тото́ ды́во. Тай тогды́ ди́ты пыта́ются то́го пта́ха: „Що-бы то́му па́пу да́ты такé йи́сты, що винъ у своимъ до́му нэ ма́э?“ А птахъ ка́жэ: „Да́йтэ му пацёрокъ у полу́мысокъ тай до то́го выдэ́ўки!“ Оны́ ёму́ тото́ да́лы, а винъ ка́жэ: „Які́ вы дурни́, ди́ты! та-жэ́ то лышь баба́мъ на го́пиръ посы́ты, нэ йи́сты, а щэ выдэ́ўкамы!“ А птахъ тогды́ видповида́е: „Ца́ру, то тоти́ ди́ты дурни́? а цы му́дрый-жэ ты, колы́ ты своййі жи́нци мэжэ́-очы плюешь и сво́и ди́ты пусты́ў-есь блу́домъ?“ Тай тогды́ ци́сарь ся ду́жэ ўти́шыў, ди́ты обіймы́ў

тай ка́жэ: „То мо́и ди́ты? я нэ знаў!“ Тай поби́гъ за́разъ до то́и здэ́бки и жи́нку взяў звидтамъ. Алэ йii вжэ грыбъ буў вы́рисъ на гру́дёхъ—видъ то́го, що йii лю́дэ наплюва́лы ти́лько. Тогды́ винъ каза́ў тоты́ сэ́стры прывяза́ты до таки́хъ конэ́й, що щэ нэ бу́лы въ робо́ти, и пусты́ў въ сьвитъ, абы́ ихъ ко́ни рознэ́слы. А жи́нку и дито́чки́ взяў до сэ́бэ и панува́ў соби́ съ ны́мы ъчислы́во.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

б). Йи́хаў панъ доро́гоў, аниdъ мо́стомъ пра́лы тры пра́чки. Една́ ка́жэ: „Кобы́ мя той панъ узя́ў, я́-бы золо́ти ху́сты робы́ла!“ Дру́га ка́жэ: „Кобы́ мя панъ узя́ў, я́-бы золо́ти ху́сты пра́ла!“ А трэ́та ка́жэ: „Мэнэ́ кобы́ панъ взяў, то я́-бы золо́ти ди́ты ро́дыла—по два хло́пци на-ра́зъ!“ Винъ нэ браў ни тоту́, що золоти́ ху́сты робы́ла, ни тоту́, що золоти́ ху́сты пра́ла, лышэ́ взяў тоту́, що золоти́ ди́ты ро́дытъ; взяў йи до сво́го бу́рку за жону́.

Тай она́ вжэ такъ за па́ру часи́ў дити́ну сходы́ла съ ма́ты. Алэ панъ на той часъ пойи́хаў у доро́гу, а йи зоста́выў. Вжэ ма́ла она́ родыты, тогды́ стара́ па́ни, то́го па́на ма́ты, прыйи́хала тай ка́жэ: „У насъ ся нэ такъ ди́ты ро́дытъ, у насъ по па́ньску: ли́зэся на стрыхъ и съ стры́ху ся подае́.“ Вы́лизла она́ на стрыхъ, тамъ ма́ла два хло́пци, тай пода́ла ихъ на-долы́ну. А стара́ взя́ла тай тоты́ хло́пци побы́ла и закопа́ла ихъ на бра́ми—едно́го на едни́мъ бо́ци бра́мы, а дру́гого на дру́гимъ; и зача́лы зъ тыхъ дитэ́й два я́воры росты́. А па́новы напыса́ла лысты́, жэ му жи́нка ўроды́ла пса и ко́та; то панъ видпыса́ў, абы́ йи нагна́ты гэтъ, нимъ прыйи́дэ до-до́му, абы́ йи нэ вы́динў. Тай йи тогды́ нагна́лы зъ бу́рку гэтъ.

Тай тогды́ ся панъ тамъ въ доро́зи съ е́нчоў ожэны́ў и вжэ йи́дэ съ па́нэў до-до́му. Йи́дэ такъ въ бра́му—хиля́ется я́виръ до я́вора: „Цы до́брэ ся тоби́, бра́тчыку, стои́тъ?“ —„До́брэ, бо по-пры мэ́нэ мiй тату́нцё йи́дэ!“—„Ой, мэни́ нэдо́брэ, бо по-пры мэ́нэ мацосы́щэ йи́дэ!“—Панъ нэ ўчуў то́го, а́лэ па́ни ўчу́ла. Тогды́ каза́ла ти я́воры порубáты и поро-

бы́ты зъ ныхъ лі́жка; поробы́лы лі́жка—на едни́мъ панъ спы́тъ, на дру́гимъ па́ни. Пыта́еся въ ночы́ до́шка до до́шки: „Цы до́брэ ся тобі́, бра́тчыку, спытъ?“—„До́брэ, бо на мэ́ни тату́нцё спытъ!“—„Ой, мэні́ пэдо́брэ, бо на мэ́ни мацосы́щэ спытъ!“ Панъ нэ чуў, па́ни ў́чу́ла. Каза́ла тоты́ лі́жка поруба́ты, въ пьецъ покида́ты; положы́лы въ пьецъ—вы́скочылы зъ пьёца дви ы́скры, зробы́лыся два бараны́. Взя́лы тыхъ барані́ў до поко́ю,—спятъ ко́ло па́на. Пыта́еся въ ночы́ бара́нъ барана́: „Цы до́брэ ся тобі́, бра́тчыку, спытъ?“—„До́брэ, бо ко́ло мэ́нэ мі́й тату́нцё спытъ!“—„Ой, мэні́ нэдо́брэ, бо на мэ́нэ мацосы́щэ ды́хае!“—Панъ нэ чуў, па́ни ў́чу́ла. Каза́ла спра́выты кома́шню тай ти бараны́ пори́заты; зари́залы, зробы́лы кома́шню. Прыйшла́ якура́тъ та ихъ ма́ты, що йи нагна́лы, на ту кома́шню, а́лэ йи нихто́ нэ спизна́ў; йисты барані́ў она́ нэ йи́ла, бо вжэ зна́ла, що то ей ди́ты, лышь вси кисткі́ збыра́ла и до ми́ха хова́ла, кэрва́вымы слёза́мы ихъ умыва́ла. Якъ ти кисткі́ вы́збырала вси, зробы́лыся два хло́пци зъ тыхъ кисто́къ. Тай взя́лы йи́й каза́ты: „Якъ ты, ма́мо, бидў́ешь, а мы щэ гі́ршэ! а́лэ въ тимъ часі́ будэ́мъ панува́ты!“

Тамъ щэ той баль буў ажъ до трэ́топ дны́ны. Тай такъ сы той панъ зайшо́ў съ е́нчымы пана́мы у бэ́сиду: „Хто́-бы видгада́ў, у яки́мъ я стрэ́мэню стрэми́ў?“ Нихто́ нэ мигъ видгада́ты, ажэ́нь тота́ ка́жэ тыхъ хло́пциў ма́ты: „У мэ́нэ е два хло́пци, то оны́ видгада́ютъ!“ Тогды́ панъ каза́ў ихъ прывэ́сты до поко́ю и ка́жэ: „Якъ вы видгада́стэ, то два мі́хи воло́ськихъ ори́хиў дамъ!“ Тогды́ хло́пци зача́лы пэ́рэдъ па́ньствомъ всё розповида́ты: якъ пра́лы тры пра́чки и що́ каза́лы, якъ ся панъ съ едно́ў ожэны́ў и она́ ма́ла два золоті́ хло́пци, и що́ пото́му съ ны́мы бу́ло,—гэтъ усю́ пови́лы пра́ўду. А панъ каза́ў тогды́ запалы́ты на по́лю два ся́ги дроў и тоту́ свою́ ма́тирь и ту фальшы́ву па́ню до огню́ ке́нуты, то ся спэклы́ на ву́гля. А тоту́ взяў пэ́ршу жі́нку тай съ хло́пцима до сэ́бэ—тай вжэ бу́лы ра́зомъ.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

65.

Мачеха и падчерица.

Такъ буў дидъ тай ба́ба; дидъ маў свою́ до́ньку, а ба́ба свою́. Вы́йшла разъ ба́ба до со́ньця тай ка́жэ: „Со́ничко, со́ничко! вэ́сэло сьви́тышь, далэ́ко вы́дышь: чы е щэ дэ така́ ди́вочка кра́сна, якъ мо́я до́нэчка-пазу́нэчка?“ А со́ньцэ ка́жэ: „Тво́я кра́сна до́нэчка, а ди́дова Анна-па́нна щэ ли́пша!“ Тогды́ ба́ба взя́ла тоту́ ди́дову ди́ўку тай видвэла́ въ лисъ тай тамъ йи лышы́ла.

А ди́ўка ходы́ла по ли́си, ходы́ла, тай зайшла́ до розбі́йныковои ха́ты. Разбі́йныкиў до́ма нэ бу́ло, то она́ тамъ позапря́тувала, обру́съ положы́ла на стиў, а сама́ ся схова́ла пидъ пьецъ. Вэ́чиръ розбі́йныки попрыходы́лы тай ка́жуть: „Ту хто-сь у насъ буў, жэ такъ фа́йно попря́таў!“ Тай вжэ на дру́гый дэнь пишлы́ розбі́йныки у лисъ, а едэ́нъ ся лышы́ў до́ма, ка́жэ: „Я бу́ду ся дывы́ты—хто то намъ попря́туе?“ Тай тота́ ди́ўка вы́лизла зъ пидъ пье́ца, попря́тала въ ха́ти тай хо́чэ зноў пидъ пьецъ ли́зты. Алэ той йи тогды́ поймма́ў тай нэ пусты́ў. Попрыходы́лы розбі́йныки зъ ли́са тай ся ду́жэ ўти́шылы, жэ бу́дуть ма́ты ɣазды́ню.

А тота́ ма́чоха зноў вы́йшла и пыта́ется со́ничка: „Со́ничко, со́ничко! вэ́сэло сьви́тышь, далэ́ко вы́дышь: чы е щэ дэ така́ ди́вочка, якъ мо́я до́нэчка?“ А со́ньцэ ка́жэ: „Тво́я кра́сна до́нэчка, а́лэ ди́дова щэ ли́пша па́нна-Анна, у поко́яхъ сыды́ть!“ Тогды́ ба́ба пишла́ до ли́са до то́и ха́ты тай ка́жэ: „Анну́нэчко-панну́нэчко, покажы́ мы хоть ру́чэчку!“ Она́ нэ хоти́ла показа́ты.—„Покажы́-жъ мы, ка́жэ, хоть па́льчыкъ, чы жые́шь?“—Она́ йій вы́ставыла па́лэць, а ба́ба взя́ла тай йій запха́ла мэртвы́й пэ́рстинь на па́лэць, тай она́ ўмэ́рла. Попрыходы́лы розбі́йныки додо́му, а она́ мэртва́ лэжы́ть. Алэ едэ́нъ розбі́йныкъ ся ды́выть, а у нэ́и пэ́рстинь на руци́; здоймы́лы йій той пэ́рстинь и она́ зноў ожы́ла.

А та ма́чоха вы́йшла тай зноў ся пыта́е со́ньця: „Со́ничко, со́ничко! вэ́сэло сьви́тышь, далэ́ко вы́дышь: чы е щэ дэ така́ ди́вочка, якъ мо́я до́нэчка?“ А со́ньцэ ка́жэ: „Тво́я кра́сна до́нэчка, а́лэ ди́дова Анна-па́нна щэ ли́пша!“—„Йой, ка́жэ ба́ба, то она́ щэ нэ ўмэ́рла?“—Тай пишла́ зноў до нэ́и

до ли́са. Якъ прыйшла́, якъ взя́ла пла́каты: „Анну́нэчко-паннýпэчко, покажы́ мы хоть ни́гтыкъ!“ Она́ показа́ла, а ма́чоха взя́ла тай йій запха́ла мэртвý шпы́льку пидъ нóготь, тай она́ зноў ўмэ́рла. Прыйшлы́ розбíйныки — она́ мэртва́. Зноў ся грызýтъ — що́ ся съ нэў ста́ло? Ды́вятся всю́ды — нэма́ жа́дного знакý. Ажъ едэ́нъ якó-сь подывы́ўся пидъ нóготь — е шпы́лька; вы́тяглы тотý шпы́льку и она́ зноў ожы́ла. Алэ йи вжэ тэпэ́рь стэрэглы́, вжэ йи самóи нэ лыша́лы.

А ма́чоха вы́йшла до сóнця тай пыта́еся: „Сóничко, сóничко! вэ́сэло сьви́тышь, далэ́ко вы́дышь: чы е щэ така́ ди́вочка, якъ мóя дóнэчка?“ А сóньцэ зноў такъ ка́жэ: „Твóя дóнэчка кра́сна, а́лэ ди́дова Анна-па́нна щэ ли́пша!“ Тогды́ пишла́ ба́ба зноў до нэ́и; хóдытъ пó-пидъ ви́кна, прóсытъ, абы́ йи впусты́ла до ха́ты. Тай розбíйныки бýлы въ ха́ти и похова́лыся и каза́лы йій, абы́ ба́бу впусты́ла. А ба́ба ся тогды́ до нэ́и кéнула, хоти́ла йи зари́заты, а́лэ розбíйныки прыскóчылы, хóпылы ба́бу и вжэ йи зари́залы.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

66.

Цыганъ и чортъ.

Наймы́ў собí чортъ цы́гана. Тай винъ тóму цыганови ка́жэ: „Иды́, прынэсы́ мэни́ воды́ изъ керны́ци!“ Даў ёмý шки́ряну тóрбу, тай цы́ганъ пишóў по вóду. Тай зачэ́ръ въ тóрбу воды́, а́лэ бýла дýжэ тяжка́, тай нэ мигъ йи цы́ганъ вы́тягнуты. Чортъ ждэ на вóду, ждэ, — нэма́ цы́гана съ водóў. Тай вжэ чортъ пишóў самъ идъ керны́цы. Ды́вытся, а цы́ганъ собí взяў рыска́ль тай наўкóла обкóпуе керны́цю. Тогды́ чортъ пыта́еся ёгó: „А ты щó рóбышь, цы́ганэ?“ Цы́ганъ ка́жэ: „Та́-жэ нэ бýду за́ўжды ходы́ты по вóду, то разъ ты прынэ́су цилý керны́цю, тай будэ́шь вжэ ма́ты всэ вóду дóма!“ Тогды́ чортъ ся напýдыў, ка́жэ: „Нэ трэ́ба!“ Тай зачэ́ръ самъ воды́ тай понисъ.

Потому пислаў ёго чортъ въ лисъ по патычье. Алэ цыганъ нэ мигъ патыча назбыраты тай зачаў лыка дэрты изъ дэрэва; надэръ лыка доста тай зачаў обвязоваты лисъ наоколо—едно дэрэво до другого вязаў. Чортъ ждэ-ждэ на цыгана,—нэ прыходытъ. Тогды пишоў самъ до лису. Прыходытъ тай дывытся, що цыганъ обвязуе лыкомъ лисъ наоколо. Тай пытаеся ёго чортъ: „А ты що робышь?" —„Та хочу видразу цилый лисъ занэсты до-дому, абы-мъ нэ бигаў по кождy скипку зъ-осибна!" Тогды чортъ назбыраў самъ патыча и понисъ.

Алэ пишоў чортъ до старшого чорта радытыся—що-бы съ тымъ цыганомъ робыты? А той старшый кажэ: „Та забый ёго!" Тай у ночы полягалы спаты; алэ цыганъ положыў тамъ на лавыцю, дэ всэ спаў, кожухъ, а самъ сы лягъ въ кутыкъ пидъ лавыцю,—бо вжэ знаў, що го чортъ хочэ забыты. А чортъ гадаў у ночы, що цыганъ на лавыцы вжэ уснуў, тай взяў сы зэлизну палыцю, и якъ по кожуси палыцэў луснуў, пишоў голосъ по всiй хати. А цыганъ зъ-пидъ лавыци кажэ: „О-о-охъ! а то мя блыха укусыла!"

Тогды чортъ пишоў зноў радытыся до того старшого чорта тай кажэ: „Я ёго зэлизноў палыцэў ударыў, а винъ кажэ, що ёго блыха укусыла!" Тай старшый чортъ кажэ ёму тогды: „Дай му грошэй, килько схочэ, лышэ най ся забырае гэть, най ся видчэпытъ видъ тэбэ!" Тай чортъ даў цыганови поўну торбу чэрвинциў,—тогды вжэ ся цыганъ забраў и пишоў.

Алэ потому чортъ тыхъ грошэй пожалуваў тай полэтиў за цыганомъ—видбыраты тоты гроши назадъ. Цыганъ ся обэрнуў тай кажэ: „А ты чого хочэшь, вражый сыну?" А чортъ кажэ: „Знаешь, цыганэ, най такъ будэ: котрый тоў зэлизноў палыцэў до-горы вышшэ пидвэржэ, то того будутъ гроши!" Цыганъ кажэ: „Добрэ!" Якъ чортъ вэргъ палыцэў, то ажэнь за годыну упала на зэмлю. А цыганъ тои палыци пидняты нэгодэнъ, алэ трымае тай дывытся до нэба тай кажэ: „Я тамъ маю брата на нэбэсихъ коваля, то му вэржу палыцю—будэ маты добрый молотокъ!" Тогды чортъ цыгана за руку ухопыў и кажэ: „Нэ мэчы, бо шкода палыци!"

А да́ли ка́жэ зноў чортъ до цы́гана: „Най такъ бу́дэ, жэ хто ду́жчэ полэ́тытъ, то́го бу́дутъ гро́ши!“ А цы́ганъ ка́жэ: „Ой, нэбо́жэ, я ма́ю тако́го сынка́, що лышэ́ тры дны ма́е; то ся съ нымъ пэ́ршэ помье́ряй, а пото́му ажъ зо мно́ю самы́мъ!“ Тай бо́рзо цы́ганъ пишо́ў, зла́паў за́яця у борозди́ тай ка́жэ до чо́рта: „О-то́ мі́й сыно́къ,—ану́ лэты́ тэпэ́рь съ нымъ!“ Пусты́ў за́яця, а чортъ за нымъ. Алэ дэ́ ёму́? за́яць лышэ́ мы́гнуў тай полэ́тиў, нэ дигна́ў го чортъ.

Тогды́ вжэ чортъ ка́жэ: „Ну, то щэ будэмо ся бо́роты; котры́й котро́го пэрэмо́жэ, то́го бу́дутъ гро́ши!“ Алэ цы́ганъ ка́жэ: „Дурны́й чо́ртэ! я ма́ю тако́го та́та, що вжэ му симь литъ до я́мы йи́сты но́шу, бо стары́й ду́жэ; то ты ся, ка́жэ, найпэ́ршэ съ нымъ побо́ры́, а тогды́ вжэ бэры́ся до мэ́нэ!“ Знаў цы́ганъ у ли́си—дэ е мэдви́дь, тай нови́ў чо́рта до то́го мэдвэ́дя; чортъ поли́зъ у я́му идъ мэдвэ́дэвы, а́лэ якъ го мэдви́дь ўхопы́ў, якъ зача́ў душы́ты, тай пабы́ў чо́рта тай вы́вэргъ изъ я́мы.

Тогды́ прыйшо́ў чортъ идъ цы́гановы тай ка́жэ: „Щэ хто ду́пнэ ду́жчэ ного́ў о ка́минь, то то́го бу́дутъ гро́ши!“ Чортъ якъ ду́пнуў, ажэ́нь цы́гановы въ уха́хъ зазэлэнькоти́ло. А цы́ганъ за той часъ нальля́ў сы въ холя́ву воды́ тай ка́жэ: „Э, що́ то! я якъ ду́пну, то ажэ́нь зъ ка́миня вода́ потэчэ́!“ Тай ду́пнуў, вода́ вы́тэкла зъ холя́вы на ка́минь тай ка́минь стаў мо́крый.

Тогды́ вжэ ка́жэ чортъ до цы́гана: „Тэпэ́рь хто ду́жчэ свы́снэмо, то то́го вжэ набэзпэ́чнэ бу́дутъ гро́ши!“ Якъ чортъ свы́снуў, пишлы́ голоса́ по всимъ сьвити. А цы́ганъ ка́жэ: „Ой, якъ я тоби́, чо́ртэ, свы́сну, то оглу́хнэшь и осьли́пнэшь видъ то́го; то завы́й сы, ка́жэ, хусты́ноў о́чы тай у́шы, абы́ ты нэ пошко́дыло!“ Чортъ завы́ў соби́ о́чы и у́шы, а цы́ганъ взяў сы до́ўбню, якъ даў чо́ртовы тры ра́зы по-за́-ушы, ажъ чортъ кры́кнуў: „Гоў, нэ свыщы́ ужэ́, бо болы́тъ ду́жэ!“

Тай вжэ тогды́ чортъ лышы́ў цы́гановы тоты́ гро́ши и забра́ўся до-до́му.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ:
РАЗСКАЗЫ и АНЕКДОТЫ.

67.

Три слова.

а). Було два братьи: одэнъ буў богачъ, а другый бидный. Тай бидный прыйшоў до богача тай просыть, жэбы го поратоваў. А винъ ёму даў мыску мукы. И винъ тото нисъ, а витэръ взяў тай му муку розвіяў, нимъ винъ йи до-дому прынисъ. Тогды винъ кажэ такъ: „Я йду тэпэрь Пана-бога позываты! я тилько всэи мукы троха днстаў, тай ту мы Панъ-бигъ розвіяў!“ И пишоў въ сьвитъ — Пана-бога позываты. Ну, алэ дэ прыйдэ, чы до сэла, чы дэ до суду, то вси го ганьбятъ: „Дэ-жъ ты выдиў, абы хто Пана-бога позываў? дэ-жъ ты на нэго судъ найдэшь?“ И винъ такъ зайшоў ажъ до того миста, дэ цисаръ е. И ся до цисара ўпхаў и впустылы го пэрэдъ самого цисара. Тогды винъ тамъ зачаў пэрэдъ цисаромъ своё оповидаты, жэ му Панъ-бигъ муку розвіяў и жэ за то шукае на нэго права. Алэ цисаръ го таки поганьбыў тай го видъ сэбэ пагнаў. Гадае сы: „То пэўно якій-сь дурный!“

Тогды винъ йдэ, а цисарова донька сыдила въ другимъ паляцу на пентри и выдила ёго и клычэ ёго съ-горы: „Чоловичэ, чэкай-но! чого ты тамъ, кажэ, ходыў до цисара?“ А винъ взяў йій оповидаты, що нигдэ нэ можэ на Пана-бога права найты, навить у цисара нэ найшоў! А она кажэ: „Ты дурный, нэ маешь счистья! то ожэнысся — можэ жинка будэ счистье маты твоя, а якъ нэ жинка, то можэ дытына; и вы вси зъ тои однои души будэтэ жыты!“

Алэ цисаръ якъ обачыў, що ёго донька съ тымъ хлопомъ говорыла, то казаў ёго завэрнуты назадъ до сэбэ и пытае го ся: „Що тамъ та пани съ тобоў говорыла?“ А винъ тогды розповиў, якъ ёму пани казала ся жэныты, що можэ тогды будэ маў счистье. Алэ цисаръ тогды розгниваўся тай кажэ: „Тилько насъ ту е панства до рады и нихто тоби нэ знаў порадыты, а она баба, тай тоби таку раду дала!“ И оны ся тамъ такъ обрадылы—цисаръ съ своимы

министрамы: „Колы-жъ она́ ёму́ такъ пора́дыла, то хоть она́ мині́ донька́, а на й бу́дэ ёму́ жи́нкоу!“ И тогды́ йи заклы́каў и она́ вжэ ся нэ сьми́ла проты́выты и му́сила за́разъ иты́ за то́го хло́па. И тогды́ имъ ци́саръ даў гро́ши и ко́ни и вы́правыў ихъ до то́го сэла́, звидки винъ буў.

Якъ оны́ вжэ прыйшлы́ до-до́му, то поста́вылы собі́ ха́ту фа́йну, и стодо́лу, и ста́йню,—всё сы вжэ тамъ посправля́лы. Алэ жи́нка ёму́ тогды́ ка́жэ: „Иды́ ты щэ на тры ро́ки въ сьвитъ служы́ты; якъ тоти́ тры ро́ки вы́служышь, тогды́ абы́-сь до мэ́нэ вэрта́ў наза́дъ, то бу́дэмъ вжэ господарува́ты!“ Той пишо́ў и стаў у едно́го хло́па на слу́жбу, у богача́. Той хлопъ ка́жэ: „Трэ́ба ся годы́ты!“ А винъ ка́жэ: „Я нэ хо́чу ницъ, йно абы́ я буў нэ голо́дэнъ, нэ го́лый, нэ бо́сый, тай щобы́-сьтэ мэнэ́ едно́ сло́во научы́лы: за едно́ сло́во, ка́жэ, рикъ бу́ду служы́ў!“ И вжэ му тамъ рикъ выхо́дытъ, а госпо́даръ ся жу́рытъ—яке́-бы му сло́во да́ты за ту слу́жбу? Вжэ рикъ вы́йшоў, прыхо́дытъ винъ до госпо́дара, а той му ка́жэ: „Памята́й, абы́-сь нико́лы тамъ нэ почува́ў, дэ стары́й шынка́ръ, а молода́ шынка́рка!“ Тогды́ пишо́ў винъ до дру́гого госпо́дара на слу́жбу—зноў стаў на рикъ лыщэ́ за едно́ сло́во. Видслужы́ў той рикъ, а госпо́даръ ка́жэ ёму́: „Дамъ тобі́ таке́ сло́во: абы́-сь нэ дава́ў сэ́рцю во́лю!“ Тогды́ вжэ пишо́ў на трэ́тый рикъ на слу́жбу—зноў такъ за едно́ сло́во. Вы́йшоў му рикъ, тогды́ му той госпо́даръ такъ сказа́ў: „Памята́й сы, абы́-сь дэ йшоў, я́къ-бы едэ́нъ утика́ў, а дру́гый бигъ за нымъ и пыта́ў—чы ты то́го нэ вы́диў, то абы́-сь каза́ў, що нэ вы́диў-есь нико́го!“

Винъ тогды́ вжэ повэрта́е до-до́му до своеи жи́нки. Идэ́ бэзъ лисъ, а ви́дсы напро́тиў нэ́го идэ́ зло́дій, нэсэ́ гро́ши, що ка́су у́краў у па́на. Тай ся здыбалы обыдва́, а зло́дій ка́жэ: „Ту за мноў жэ́нутъ ки́ньмы козакі́, то жэбы́-сь нэ каза́ў, що я туда́ йшоў!“ И схова́ўся по́за корчі́. Той видійшо́ў кава́локъ, а ту за́разъ надійіхалы тры козакі́, пыта́ютъ го ся, чы здыба́ў кого́? А винъ ка́жэ: „Та дэ́! я вжэ йду зъ мы́лю тоў доро́гоў, а́лэ нико́го-мъ нэ здыбаў!“ Тогды́ оны́ ся пора́дылы и ка́жутъ: „Эй, вэрта́ймося на е́нчу доро́гу, мо́жэ тамда́ пишо́ў!“ Тай

завэрнулыся. А той тогды клычэ, той злодій: „Чоловичэ, чоловичэ! ходы-но сюда!“ Тай взяў, всыпаў му половыну грошэй въ мишокъ.—„На-тоби, кажэ, за то, що-сь нэ ўповиў!“

Той пишоў дальшэ и надъ вэчиръ прыйшоў до миста тай пишоў на-ничь на шынкъ. Выпыў гориўки, хлиба сы взяў, повэчэраў тай вжэ хотиў тамъ лягаты спаты. Алэ тамъ ся тымчасомъ музыка зробыла. Тай тогды випъ дывытся, а то тамъ е старый шынкаръ и молода шынкарка.—„Ото, кажэ, я за то цилый рикъ служыў, а ту бы-мъ тэпэрь ночуваў?“—Тай забраўся зъ корчмы и лягъ собі такъ за корчмоў пидъ плотомъ. А тамъ зайихаў якій-сь панъ на-ничь и ночуваў. А изъ корчмы выйшлы пьяни парубки и поспыралыся на той плитъ и взялы ся радыты: „Тэпэрь ту, кажутъ, панъ зайихаў подорожный, то мы забыймо шынкара, гроши сы забэрэмъ, а скажэмъ на того пана, що то вииъ зробыў!“ Алэ якъ оны ся такъ на плитъ поспыралы, то на опанчи имъ высилы таки капы; а той хлопъ взяў и потыхоньку вытяў одному таке качэльцэ зъ тои капы—знакъ соби зробыў. Тай ти ся порадылы и потому пишлы и того шынкара забылы. Рано дывятся—хто-сь шынкара забыў, а нэзнаты—хто? Никого въ корчми нэ було, тилько панъ, то пэўнэ панъ забыў. Взялы того пана до суду тай хотятъ го траты. А той хлопъ тогды пишоў до суду и замэльдуваў: „Прошу ласкавого суду, кажэ, то за-дурно той панъ тэрпытъ, бо я маю знакъ, хто шынкара забыў!“ Тогды кажутъ: „Покажы!“ И випъ взяў, выняў той знакъ зъ опанчи и розповиў все, такъ и такъ, якъ було. Той знакъ тогды судъ взяў, тай тогды розказалы, абы ся вси хлопы, вси-вси, яки е въ мисти, зійшлы на пляцъ. Поставылы всихъ въ үлидъ, тогды вжэ судъ йдэ съ тымъ знакомъ—гэтъ дывытся съ-заду на вси опанчи. Тай знайшлы въ одного парубка диравy, то до нэи той знакъ прытулылы—акуратъ пасуе. Заразъ того парубка взялы пидъ варту, а пана пустылы на волю. Панъ тогды даў тому хлопу, що го выбавыў, гроши и кони съ повозомъ, все—сакумпакъ. Тай вжэ випъ соби пойихаў до-дому, якъ якій панъ.

Вжэ було такъ нэдалэко до того сэла, тай випъ вступыў

до еднои хаты. Тай пытáеся за свóю жи́нку: „Щó онá рóбыть, якъ господáрыть, якъ собú тамъ рáду дае?" (Звычáйно—тры рóки нэ буў дóма). А та кобúта въ тій хáти наробы́ла плёткиў: „А твоя́ жи́нка такá и сякá!"—наговоры́ла му Богъ знáе щó, а всё нэпрáўду. То винъ ся дýжэ розгни́ваў на свóю жи́нку и вжэ сы погадáў: „Ось мáю фýзью, то йи застрúлю!" Тай прыйиждже на свое обыстье, а тамъ ся щэ въ покóйы сьвúтыть. Винъ ды́вытся крузь викнó, а тамъ жи́нка ёгó грáе на фортэпля́нахъ, а хто-сь такъ танцю́е,—áлэ вжэ нэ вы́диў—хто? То винъ гадáў сы, що то мóжэ кохáнокъ якій, тай вжэ вы́мирыў фýзью, вжэ хотúў стриля́ты до покóю. Алэ зáразъ сы погадáў, жэ винъ служы́ў цилы́й рикъ за то слóво, абы́ нэ даў сэ́рцю вóлю.—„Ни, кáжэ, нэ бýду стриля́ты!"—И пишóў до хáты, ды́вытся, а то никóго нэмá, инó жи́нка грáе, а малá дыты́на танцю́е тай ся сьміé. Тогды́ вжэ му сэ́рцэ змя́кло. Вжэ собú тогды́ господáрылы рáзомъ и бýлы счислы́ви.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

б). Такъ едэ́нъ ожэны́ўся и буў съ жи́нкоў кúлька мúсяциў, áлэ го потóму видобрáлы и винъ пишóў до вóйска. Пишóў на тры́йцить литъ, áлэ жи́нку лышы́ў за пóясомъ —у тяготú. И буў на вóйни и вы́служыў 30 литъ и тогды́ вжэ ишóў до-дóму. А щэ съ нымъ два дрýги шлы жоўни́ры зъ вóйска до-дóму. Тай оны́ идýть-идýть, зайшлы́ въ едни́мъ сэлú до еднóго ɣáзды нá-ничь. Алэ тамъ въ тій хáти буў на пьéцу старýшко и ниць ся нэ обзывáў до ныхъ. Тогды́ оны́ кáжуть: „Чомý той старýшко ниць съ нáмы нэ говóрыть?" А ɣáзда кáжэ: „Оны́ дýжэ мýдри, áлэ ниць нэ говóрять; лышэ́ часóмъ скáжуть еднó слóво, áлэ имъ трэ́ба за нэ́го дýката заплаты́ты!" Тогды́ той жóўниръ, що служы́ў 30 литъ, вы́ймыў дýката и даў старýшковы. А винъ тогды́ кáжэ, той старýшко: „У чужи́ антэрэ́са нэ трэ́ба ся нúɣды мишáты!" Тогды́ той вы́ймыў дрýгый дýкатъ и даў му. А старýшко кáжэ: „Бóрзымы дорóгамы нúɣды нэ йды, лышь иды́ дóўгымы и бэзпэ́чнымы!" А винъ вы́й-

мыў щэ трэ́тый ду́катъ и даў, тогды́ стару́шко ка́жэ: „Нэ робы́ що-бу́дь, а́лэ сы пэ́ршэ розва́жъ!“ Тай ти жоўни́ры вжэ тамъ доночува́лы и ра́но пишлы́ да́ли.

Иду́тъ-иду́тъ, а въ ли́си стои́тъ ха́та и ко́ло то́и ха́ты бу́ла скры́ня и ко́убыця, а на ко́убыцы соки́ра; и по́уно тамъ въ скры́ни бу́ло ко́стэй зъ людэ́й. Тоты́ надійшлы́ тамъ и ка́жэ едэ́нъ до дру́гого: „Нэзна́ў, що́ то е таке́? ану́, запыта́ймося въ ха́ти!“ Алэ той ка́жэ: „Эй, у чужи́ дила́ нэ трэ́ба ся миша́ты!“ Тай оны́ пэрэйшлы́ по́-пры тото́, а́лэ вжэ нэ пыта́лыся. А тамъ да́ли сто́ялы два чолови́ки, а́лэ то бу́лы розбі́йныки. То оны́ ся имъ поклоны́лы: „Сла́ва Су́су!“—тай иду́тъ да́ли. Алэ тоты́ розбі́йныки ка́жутъ тогды́ до ныхъ: „Чому́ вы ся нэ пыта́етэ, що́ тото́ е за шту́ка?“—„Намъ, ка́жэ той, у чужи́ дила́ нэ трэ́ба ся миша́ты!“ Тогды́ розбі́йныки ка́жутъ: „То вы му́дри лю́дэ, що-сьтэ ся нэ пыта́лы! бо ту хто йшоў, то ся пыта́ў, а мы го за́разъ за то бра́лы и руба́лы: тото́, ка́жутъ, е зъ всихъ тыхъ людэ́й ко́стье!“ Тогды́ пишлы́, а той жо́унирь ка́жэ: „О, вжэ мій едэ́нъ ду́катъ е!“

Алэ йдутъ такъ, иду́тъ, ужэ́ нэдалэ́ко бу́ло до ихъ сэла́. И ти два моло́дши ка́жутъ: „Мы ходи́мъ о-туда́ блы́зшэ, то бо́ршэ за́йдэмъ, якъ госты́ньцёмъ!“ Алэ той нэ хоти́ў иты́ блы́зшоў доро́гоў, то ти два пишлы́ ли́сомъ наўпраўци́, а винъ пишо́ў собі́ наоко́ло госты́ньцёмъ. Прыйшо́ў у сэло́, пэрэночува́ў въ тимъ сэли́, а́лэ тамты́хъ двохъ нэма́. А лю́дэ въ ко́рчми ка́жутъ: „Тамъ яки́хо-сь двохъ воя́киў въ ли́си воўки́ ззи́лы!“ А винъ собі́ пагада́ў тогды́ то́го стару́шка: „Вжэ, ка́жэ, мій дру́гый ду́катъ е!“

И тогды́ винъ ся забра́ў и прыйшо́ў такъ у вэ́чиръ до сво́го сэла́. И спизна́ў тамъ хаты́ и сво́ю ха́ту. И прыйшо́ў пидъ сво́ю ха́ту и ды́вытся тамъ крузь викно́: тамъ у ха́ти горы́тъ огэ́нь, а ёго́ жи́нка стои́тъ ко́ло пры́пичка тай які́й-сь па́рубокъ ко́ло нэ́и—що-сь сы гово́рятъ. Алэ винъ сы погада́ў, що то жи́нчынъ коха́нокъ, то взяў стри́льбу и вжэ на нёго справля́ў; а́лэ що-сь собі́ розгада́ў, що́ му стару́шко каза́ў, то стри́льбу ке́нуў и пишо́ў до ко́рчмы. И тамъ узя́ў каза́ты, що винъ изъ чужо́го сэла́ во́якъ. Алэ лю́дэ ёго́ ся пыта́ютъ: „А ки́лько вы ужэ́ въ во́йску слу́жытэ?“—„Я, ка́жэ, вжэ слу́жу 30 литъ!“—Оны́ тогды́ взя́лы

казáты, що ту едэ́нъ зъ тóго сэлá тáкой пишóў до вóйска и вжэ го нэмá 30 литъ; áлэ лышы́ў жи́нку въ тяготи́ и жи́нка уроды́ла хлóпця, то винъ вжэ вы́рисъ и ся въ шкóлахъ вы́ўчыў, а заўтра ся бýдэ высьвя́щуваты на ксёндза. И винъ тогды́ ўти́шыўся дýжэ, що винъ свóго сы́на нэ застрилыў, и погадáў сы самъ до сэ́бэ: „О-тó, вжэ е мій трэ́тый дýкатъ!“

Тай винъ тамъ щэ тотý ничь пэрэночувáў въ кóрчми, а на дрýгый дэнь рáно пишóў до цэ́рквы—дывы́тыся, якъ тамъ ёгó сы́на высьвя́щувалы на ксёндза. Тай зъ цэ́рквы пишóў до свэ́и хáты на комáшню. Тамъ позасидáло ти́лько пáньства, ксендзи́ў тай ɣáздиў, тай винъ сы тамъ за стиў сиў, áлэ ся ницъ нэ прызнавáў, що то винъ е тáто. Ажэ́нь потóму встаў тай зачáў пэрэпываты до свóго сы́на тай кáжэ: „Сы́ну, то я твій тáто!“ Тай даў му такý бýўку, що маў зъ вóйска, а въ тій бýўци бýло пóўно дукáтиў. Тай оны́ ся тамъ вжэ вси спизнáлы, то вжэ тогды́ ли́пшый баль буў, бо вжэ буў ɣáзда въ хáти.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

—

в). Едэ́нъ стары́й ɣáзда маў сы́на и го ожэны́ў. А якъ умырáў, заклы́каў го до сэ́бэ и кáжэ: „Ходы́, сы́ну, я тобі́ що-сь скáжу! скáжу тобі́ тры слóва: абы́-сь бэзъ очы́й свойхъ худóбу нэ давáў въ чужи́ рýки; абы́-сь жи́нку бэзъ очы́й на музы́ку нэ пущáў; абы́-сь, дэ тя ничь захóпытъ, тамъ абы́-сь всэ почувáў!“ Тай тогды́ отэ́ць умэ́ръ.

А той пишóў разъ на торгъ за волáмы. Идэ́ вжэ зъ тóго торгý до-дóму, ажъ захóпыла го ничь на пóлы. То вжэ нэ йшоў до-дóму, инó тамъ ночувáў на пóлы. Тай чýе у ночы́—такъ що-сь стóгнэ, такъ сáпае, áлэ нэ йшоў; ажъ рáно пишóў, ды́вытся—щó то такé бýло? Ды́вытся, а тамъ глы́на сьви́жа, що бýла кóпана я́ма. Винъ взяў розкóпуваты тотý глы́ну, розкопáў, а тамъ съ банякóмъ грóши: то хто-сь тамъ въ ночы́ грóши закопáў. И винъ взяў тоты́ грóши и пишóў до-дóму.

Тай разъ до нёго прыйшóў едэ́нъ ɣáзда, абы́ му даў кобы́лы волочы́ты.—„Ой, кáжэ, нэ дамъ вамъ, ɣáздыку, бо

мо́я кобы́ла жэ́рэбна, то нэ мо́жу вамъ да́ты!“ Алэ той зача́ў ду́жэ просы́ты, каза́ў, що то малы́й ку́сныкъ по́ля, що бу́дэ уважа́ты на кобы́лу,—т а й м у т о г д ы́ д а ў. Алэ пото́му пишо́ў самъ тамъ на по́лэ дывы́тыся—цы той шапу́е кобы́лу, цы ни? Ды́вытся, а т о й т а к ъ г о́ н ы т ъ к о б ы́ л у, т а к ъ б ь е, а ж ъ к о б ы́ л а п о м э т а́ л а н э ж ы в э́ л о ш а́. А той хлопъ взя́ў лоша́ и схова́ў у тэ́рнье, а кобы́лоў волочы́ў щэ цилы́й дэнь, а нэ да́ў йий ницъ йи́сты. Алэ той то всё вы́диў, в з я́ ў в э́ ч и р ъ т о л о ш а́ з ъ т э́ р н я и п о в и́ с ы ў д о́ м а у б а н т а́. Вжэ прыви́ў вэ́чиръ соси́дъ кобы́лу, а́лэ γа́зда му ницъ нэ ка́жэ.

А на дру́гый дэнь в и н ъ м а ў и т ы́ н а к у п э́ ц т в о, а его́ жи́нка ка́жэ: „Я п и д у́ н а в э с и л ь е́!“—„Та якъ ты пи́дэшь на вэсилье́, колы́ диты́на е мала́? съ диты́ноў, ка́жэ, що́ зро́бышь?“— Алэ она́ ся ду́жэ напыра́ла, т о й и́ й в ж э п о з в о́ л ы ў и т ы́, а́лэ с а м ъ в ж э н э й ш о ў н а к у п э́ ц т в о, лышэ́ схова́ўся и ды́вытся—що́ бу́дэ? Ж и́ н к а п и ш л а́ в э́ ч и р ъ н а т о в э с и л ь е́ и д и т ы́ н у в з я́ л а с ъ с о б о́ ў. Алэ диты́ну пусты́ла въ си́нёхъ помэ́жы дру́ги ди́ты, а сама́ соби́ тамъ танцю́е, балю́еся. А той ей чолови́къ зали́зъ до синэ́й, такъ, що го нихто́ нэ вы́диў, тай т о т у́ с в о́ ю д и т ы́ н у в з я́ ў и в и д н и́ с ъ д о с в э́ й с э с т р ы́ н а д р у́ г э с э л о́. И пото́му пишо́ў на купэ́цтво и нэ бу́ло го зъ ты́ждэнь. А жи́нка ту такъ шука́е за диты́ноў, пла́чэ, а́лэ нэма́ нигдэ́. Тогды́ пишла́ до свэ́й ма́тэры—ра́дытыся, що́ йий чолови́ковы каза́ты, якъ ся вэ́рнэ, що диты́ны нэма́? А ма́ты йий такъ ка́жэ: „Зроби́мъ таку́ ля́льку и бу́дэмъ каза́ты лю́дямъ, що диты́на ўмэ́рла; то тоту́ ля́льку похова́емъ—и спо́кий!“ Тай такъ зробы́лы: п о х о в а́ л ы л я́ л ь к у, я к ъ м э р л у́. Прыйшо́ў чолови́къ до-до́му, а жи́нка пла́чэ, що диты́на ўмэ́рла. То винъ йий ка́жэ: „Цытъ, нэ плачь, на всё во́ля Бо́жа! а́лэ, ка́жэ, найму́мъ за диты́ну слу́жбу-бо́жу тай кома́шню спра́вымо!“ Т а й н а й м ы́ л ы с л у́ ж б у - б о́ ж у, з л а́ д ы л ы с я и з а п р о с ы́ л ы л ю д э́ й и к с ё н д з а н а к о м а́ ш н ю.

Алэ по оби́ди вжэ винъ ка́жэ до тыхъ людэ́й: „Пэрэпраша́ю васъ, ка́жэ, а́лэ я ходы́ў по купэ́цтви, то-мъ чуў тры ри́чы. Такъ у едни́мъ сэли́ у ко́рчми лю́дэ говоры́лы, що умыра́ў стары́й отэ́ць тай каза́ў сы́новы такъ: „Дэ тя ничь захо́пытъ, абы́-сь тамъ ночува́ў; абы́-сь у чужи́ ру́ки бэзъ очы́й худо́бы нэ дава́ў; жи́нку на музы́ку абы́-сь бэзъ очы́й нэ пуща́ў!“ И, ка́жэ, йшо́ў разъ той сынъ зъ купэ́цтва, ничь го за-

хо́пыла въ по́лы, тай винъ тамъ ночува́ў. Чуў въ ночы́, жэ хто-сь ко́ло нэ́го що-сь ро́бытъ, а ра́но увы́диў сьви́жу глы́ну и найшо́ў тамъ зако́паный баня́къ съ гри́шмы; то, ка́жэ, чы маў винъ тоты́ гро́шп бра́ты?“ Тогды́ всп лю́дэ на то ка́жутъ: „Но, ёго́ счи́стье таке́ бу́ло!“ Алэ ɣа́зда повида́ў да́ли: „А зноў разъ винъ даў кобы́лу суси́дп и пишо́ў дывы́тыся—що́ той бу́дэ робы́ты? А суси́дъ такъ гоны́ў кобы́лу цилы́й дэнь и нэ даў ї́ий ї́исты, жэ кобы́ла змэта́ла лоша́, а винъ го ке́нуў у тэ́рнье; то що́ за то́е ма́е бу́ты?“ Тогды́ всп лю́дэ ка́жутъ: „Тако́го, що чужо́п худо́бы нэ шану́е, то ва́рто-бы хоть на тры ро́кп да́ты до крымина́лу!“—„А жи́нку—ка́жэ той ɣа́зда да́ли—пусты́ў разъ той-самы́й на вэсплье́, а самъ ни́бы пишо́ў на купэ́цтво, а́лэ ся вэрну́ў и ды́вытся—що́ она́ съ дпты́ноў зро́бытъ? То жи́нка пшла́ на вэсплье́, гуля́е соби́, а дпты́пу лы́шы́ла въ си́нёхъ. А той чолови́къ забра́ў потыхо́ньку дпты́ну и вѝдни́съ до свэ́и сэстры́, а самъ пшо́ў на купэ́цтво. Вэрта́е зъ купэ́цтва, а жи́нка му ка́жэ, що дпты́па ўмэ́рла, що ї́и похова́лы; а́лэ то она́ зробы́ла ля́льку и ля́льку похова́лы!“ — То лю́дэ ка́жутъ: „О, то таку́ бы жи́нку до́брэ набы́ты!“

Тогды́ винъ пишо́ў и ў н и с ъ г р о́ ш и и ка́жэ: „То я найшо́ў гро́ши!“—„Ну, то счи́стье твое́!“ — Тогды́ зноў ў н и с ъ т о л о ш а́ з ъ б а́ н т и ў тай показа́ў, якъ му суси́да збавыў. А потому вжэ ў н и с ъ д и т ы́ н у и ка́жэ: „О-то́, за мо́ю дпты́ну похова́лы ля́льку!“ Тай ка́жэ: „До́брэ то мэни́ старый та́то нака́зуваў,—ца́рство му нэбэ́снэ!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

68.

Мудрая дѣва-семилѣтка.

а). Булы два братьи: едэнъ буў дужэ богачъ, а другый бидный, такій бидный, жэ и шэрстыны нэ маў коло хаты, худобыны. Прыйшоў до брата и просыть молока. У брата е трыйцить короў, алэ нэ хочэ даты молока. Алэ заслабло у того богача тэля, тай винъ го вжэ хотиў ризаты; тогды бидный братъ прыйшоў и выпросыў соби видъ нёго тото тэля, жэму подарував. И тото тэля выросло — вжэ була файна корова; молока дае за тыхъ 30 короў богачовыхъ. А богачъ тогды хочэ тото тэля видбыраты; той бидный нэ хотиў виддаты, алэ тогды богачъ замэльдуваў бидного до суду.

Пишлы до суду, — алэ що? Той богачъ съ панамы ся знае, съ панамы за столыкъ сидае, то такъ судъ зизнаў до того бидного: „Абы-сь такъ до мэнэ прыйшоў — ни йшоў, ни йихаў, ни голый, ни одитый, — то тогды будэ твоя корова!“ Прыйшоў бидный до-дому тай плачэ. А маў винъ доньку — симь рокиў мала, алэ була дужэ мудра. То тота донька кажэ: „Чого вы, тату, плачэтэ?“ Винъ кажэ: „Та казаў мы судъ ни йты, ни йихаты, абы ни голый, ни одитый!“ — „Ой, тату, то вы того плачэтэ?“ — Тай кажэ: „Дайтэ мы сакулю тай баранця и заяця йимитъ мы, то я за васъ сама пиду!“ Тогды зняла съ сэбэ шматье, затягла на голэ тило сакулю, взяла баранця мэжэ-ногы, а заяця въ рукы, — тай такъ прыбигла на баранцы ажъ до суду пидъ браму. Судъ йи увыдиў тай выпустыў псы на нэи, абы йи роздэрлы, алэ она пустыла заяця, тай псы за заяцёмъ побиглы. Тогды йи ся той панъ пытае: „Хто тэбэ такъ парадыў?“ — „Я сама такій розумъ маю!“

Тогды судъ заклыкаў тыхъ братиў зноў до суду тай кажэ: „Котрый мы ўповисть, що найродійшэ, найтяжшэ, найсьвитлійшэ и найчыстійшэ, то того корова будэ!“ Той бидный прыйшоў до-дому и зачаў зноў плакаты. Донька зноў ся пытае: „Чого вы, тату, плачэтэ?“ — „Ой, кажэ, казаў мы судъ ўповисты, що е найродійшэ, найтяжшэ, найсьвитлійшэ и найчыстійшэ?“ — Тогды она кажэ: „Йой, тату!

зэмля́ е пайтя́жша и найродійша, а о́чы найсьвитлі́йши и найчысті́йши!“ Тай той тогды́ пишо́ў съ тымъ до су́ду. А бога́чъ зари́заў пацюка́ и взяў пшэны́ци и то до су́ду вэзэ́. Тай вжэ въ су́ди пыта́ются то́го богача́: „А що́ тамъ, ку́мэ, угада́лы-сьтэ?“ А той ка́жэ: „Мій пацю́къ то найродійшый и найтя́жшый, а пшэны́ця моя́ найчыстійша и насьвитлійша; то я то па́новы дару́ю!“ Тогды́ ся судъ пыта́е бидного: „А ты якъ ка́жэшь?“—„У мэ́нэ е зэмля́ найтя́жша и найродійша, а о́чы сутъ найсьвитлі́йши и найчыстійши!“—Тогды́ судъ вжэ прызна́ў би́дному коро́ву, а́лэ ка́жэ: „Хто тэбэ́ такъ пара́дыў?“—„У мэ́нэ е така́ дыты́на—симь литъ ма́е!“

Тогды́ панъ ка́жэ: „Абы́-сь каза́ў, абы́ мы прынэ́сла дару́нокъ и нэ-дару́нокъ!“ Випъ прыйшо́ў до-до́му, такъ ся грызэ́, а донька́ ся пыта́е: „Чого́ вы, та́ту, зноў пла́чэтэ?“ —„Бо бида́,—ка́жэ; -каза́ў судъ, абы́-сь му прынэ́сла дару́нокъ и нэ-дару́нокъ!“—„Да́йтэ мы, ка́жэ, пта́ха, то понэсу́!“—Тай пишла́ съ пта́хомъ идъ то́му па́новы тай дае́ му то́го пта́ха, а́лэ панъ наста́выў ру́ку, тогды́ пта́ха пусты́ла и полэ́тиў: то буў такі́й дару́нокъ и нэ буў дару́нокъ.

Алэ той панъ буў кава́лиръ. Тай тогды́ пысла́ў по ей витця́ тай ка́жэ: „Я йи бэ́ру за жи́нку, бо она́ е мудрійша, якъ я!“ Тай вжэ ся тогды́ обо́е пибра́лы. Алэ панъ дэ-сь разъ пойи́хаў у госты́ну. А йшлы ку́пци зъ доро́гы,—едэ́нъ сы ко́пэй накупы́ў, а дру́гый быки́ў. Тай оны́ въ ко́рчми ночува́лы тай кобы́ла въ ночи́ лоша́ ўро́дыла. Едэ́нъ ка́жэ купэ́ць: „То моя́ кобы́ла ўро́дыла лоша́!“—а дру́гый соби́: „То мій быкъ уро́дыў!“ Тай пишлы́ до су́ду, а́лэ па́на нэ бу́ло до́ма. Тогды́ вжэ тота́ его́ жи́нка розпыта́лася ихъ сама́, чого́ оны́ хо́чутъ, тай тогды́ ка́жэ: „А цы хлопъ ро́дытъ, цы ба́ба?“—„Та ба́ба!“—„Ну, то абы́-сьтэ зна́лы, що то кобы́ла ўро́дыла лоша́, нэ быкъ!“—Тай тогды́ ку́пци пишлы́ соби́ гэть. Тай иду́тъ вжэ тоты́ ку́пци доро́гоў, а панъ йи́дэ. Тай ка́жэ едэ́нъ дру́гому: „Яка́ тота́ па́ни му́дра! такъ насъ розсуды́ла—ли́пшэ, я́къ-бы які́й судъ!“ А панъ то ўчуў, прыйи́хаў до-до́му тай ка́жэ: „Ага́, то ты вжэ судъ ро́бышь сама́? иды́-жъ ты видъ мэ́нэ гэть, я тэбэ́ вжэ нэ хо́чу!“ Алэ она́ ка́жэ: „Та хоть щэ повэчэ́раймо ра́зомъ!“ Повэчэ́ралы, а́лэ она́ зла́дыла ему́ таку́

гарбáту, що якъ йи ся папы́ў, то уснýў; опá го тогды́ взя́ла на визъ тай вэзэ́. Випъ ся въ дорóзи пробуды́ў тай кáжэ: „Йой, а ты мэнэ́ дэ вэзэ́шь?“—„Дэ я йиду, тамъ и тэбэ́ вэзý!“ —Тогды́ панъ кáжэ: „Обэртáймо до-дóму, най вжэ бýдэ!“ Вэрнýлыся до-дóму тай вжэ опá самá судъ ро-бы́ла.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

—

б). Бýў едэ́нъ лиспы́чій кавáлиръ; хотíў ся жэны́ты, áлэ нэ мигъ собí дибрáты до свэ́и ўподóбы жíнки. Вэрнýўся дýжэ лю́тый зо сьвíта до-дóму тай застáў слугý на подвíрью и зачáў крычáты на нэ́го: „Щó ты ту такъ дармýешь, лíса нэ пыльнýешь?“ А тамъ лэжáў вэлы́кій кáминь, то кáжэ панъ: „Абы́-сь мы съ тóго кáмэня шкíру зняў до зáўтра, бо якъ нье, то бýдэшь смэ́ртью кáраный!“

Тай той слугá прыйшóў до-дóму тай ся дýжэ загры́зъ. Алэ мáў донькý-едынáчку, що мáла лышэ́ симь литъ, то опá ся го пытáе: „Тáту, чогó вы ся такъ засумувáлы?“ —„Злэ, дóню! вэрнýўся панъ лю́тый и казáў мэнí съ кáмэня шкíру зня́ты!“—Опá кáжэ: „Идíтъ до пáна и кажíтъ, жэ панъ йиздыў по сьвíти, то пэ́ўнэ вы́дпў, якъ ся съ кáмэня шкíру знымáе; то най панъ трóха зáчпэ тотý шкíру зымáты, а вы вжэ потóму здóймытэ всю!“ Тай винъ прыйшóў до пáна тай кáжэ: „Най мы панъ трóха пожóмъ зачэ́пытъ шкíру, то я здíймý всю потóму!“ Панъ кáжэ: „Оў, хто тэбэ́ такъ порáдыў?“—„Мóя донькá!“

Тогды́ панъ кáжэ: „Колы́-жъ твóя донькá такá мýдра, тó нá-тобí дэ́сять яéцъ и занэсы́ ихъ до свэ́и донькí, жэбы́ мэ-нí на зáўтра изъ тыхъ яéцъ вы́вэла кýрята, вы́годувала и прынэ́сла мэнí на обíдъ!“ Прыйшóў винъ до-дóму, прынíсъ доньцí тоты́ я́йци и повидáе: „Казáў панъ, абы́-сь зъ тыхъ яéцъ на зáўтра вы́плодыла кýрята и вы́годувала до обíду!“ Дíўчына кáжэ: „Дóбрэ, áлэ нá-тэ вамъ квáрту пшонá, абы́ панъ тотó пшонó посíяў и на зáўтра зибрáў и змолоты́ў и мэнí жэбы́ прынíсъ, бо нэ мáю чымъ кýрята годувáты!“ Той узя́ў пшонó и понíсъ до пáна и такъ пáну розповíў, якъ донькá казáла.

Панъ тогды́ повидáе до нэ́го: „Я пшонá сíяты нэ бýду и кýрятъ вжэ нэ хóчу, áлэ въ мэ́нэ зáўтра бýдэ баль, то абы́ твóя донькá булá въ мэ́нэ па балю́; áлэ, кáжэ, абы́ и йшла и йихала, и дорóгоў и пó-за дорóгоў, гóла и одúта, и абы́ мэни́ такíй дарýнокъ прынэслá, абы́ я го вы́диў, а нэ взяў!“ Прыйшóў отэ́ць до-дóму, кáжэ то всё доньцú, жэ панъ такъ казáў. Тай кáжэ: „Мэнэ́-сь вы́купыла видъ клóпоту, а самá-сь въ такíй зали́зла, жэ й нэ вы́лизэшь!“ Онá кáжэ: „Этъ, то дурны́ця! лышэ́ прынэсúтъ мэни́, тáту, двá гóлубцн и злапáйтэ мэни́ вúвьерку, тай вжэ!“ Отэ́ць пишóў въ лисъ, поймáў два гóлубы тай вúвьерку и прынúсъ то доньцú. Онá тогды́ ўбрáлася въ сакýлю, — то бýла й гóла и одúта; взя́ла вúвьерку у мищэ́ й гóлубы въ хустúну, взя́ла цáпа на доўгый шнуръ и сúла собú на цáпа и йидэ; трóха йидэ дорóгоў, а видтáкъ злúзэ съ цáпа и пущáе цáпа пó-за дорóгу, — то такъ и йидэ и йдэ, дорóгоў и пó-за дорóгу, якъ панъ казáў, — такъ ажэ́нь до пáнового двóру. Алэ панъ якъ йии сдáлэку увы́диў, казáў слýгамъ псы спусты́ты, абы́ йии псы зайи́лы; псы до нэ́и ся пусты́лы, а онá вúвьерку зъ мищэ́ты пусты́ла на зэ́млю, то вúвьерка полэ́тила, а псы за нэ́ю, за нэ́ю. Тогды́ вжэ онá прыйшлá пэ́рэдъ пáна на ɣáнокъ. Панъ зáразъ вы́йшоў съ пáньствомъ, ды́вятся на ту комэ́дыю. Тогды́ онá тыхъ два гóлубцн зъ хусты́ны вы́ймыла и пáновы показáла; áлэ якъ панъ вжэ хотíў брáты, тогды́ тн гóлубцн пусты́ла, а оны́ злэ́тилы и пропáлы: вы́диў панъ дарýнокъ, а нэ взяў.

Тогды́ вжэ панъ увы́диў, що онá мудрíйша видъ нéго, тай ся съ нэў ожэ́ныў.

(Отъ Николáя Жегайляка въ Доброгостовѣ.)

69.

Попъ-знахарь.

а). Взя́лы ся ксёндзъ съ дяко́мъ ра́дыты: я́къбы то, абы́ оны́ ста́лы ворожбы́тамы? А дякъ ка́жэ такъ: „Я бу́ду кра́сты ко́ни, во́лы, позаво́джу въ лисъ и вамъ пови́мъ, а вы бу́дэтэ людямъ ворожы́ты—дэ то е, що́ имъ пропа́ло!"

Взяў дякъ, укра́ў у богача́ ко́ни, зави́ў въ лисъ въ дэ́бру и прыпня́ў тамъ; тогды́ прыхо́дытъ и пови́да́е ксёндзовы, въ котри́мъ ми́сцы вжэ ти ко́ни сутъ. Бога́чъ за ки́ньмы шука́е—нэма́ ко́нэй. Тогды́ ксёндзъ ка́жэ: „Я ма́ю таку́ кны́жку—тамъ е за ри́жни ри́чы; мо́жэ-бы я ся въ ній и до ва́шыхъ ко́нэй дочыта́ў?" Чыта́е-чыта́е ксёндзъ и ка́жэ: „Ва́ши ко́ни укра́ў злодій, а́лэ нэ маў щэ часу́ прода́ты, то ихъ прыпня́ў въ ли́си ко́ло бу́ка!" Идэ́ хлопъ до ли́са—ко́ни е! Прыхо́дытъ до ксёндза дя́коваты. —„А що́, е ко́ни?"—„Е, еγо́мость!"—Тай ка́жэ хлопъ: „Ну, а що́-бы еγомо́сцэвы да́ты за то, що мы ся худо́ба вэрну́ла?" —„Дай два́йцить ры́ньскихъ!"—Ну, що́ хло́повы? до́брэ, що е ко́ни,—даў.

И оны́ ворожы́лы такъ обыдва́ дэ́сить литъ,—грошэ́й сы до́сыть вжэ назбыва́лы. Алэ въ 10 литъ тра́фылося у па́на—укра́лы му ка́су, и та́кой ёго́ вла́сни слу́гы, тры ихъ, укра́лы. Що́ робы́ты? нэзна́ты—дэ ся ка́са поди́ла? Тогды́ той панъ чуў, що ксёндзъ всю́да воро́жытъ, то запря́гъ ко́ни и посла́ў по нэ́го; а́лэ я́къ-жэ тэпэ́рь ксёндзовы ворожы́ты за ка́су, колы́ винъ о тимъ ниць нэ зна́е? Ну, а́лэ му́сытъ ї́хаты, бо панъ нэ жарту́е. Прывэ́злы вжэ ксёндза до па́на, за́разъ панъ ка́жэ: „Най-бы ся ксёндзъ дочыта́ў за мои гро́ши, то я за то дамъ па́ру со́токъ; а якъ мы нэ вы́ворожышь, ка́жэ, то тя стра́чу!" И замкну́ў ксёндза до поко́ю, даў му сьви́тло та́мка и ка́жэ: „Сыды́-жъ ту, до́ки мы нэ пови́шь, дэ мои́ гро́ши!" На ра́но прыхо́дытъ панъ, пыта́еся: „А що́, еγо́мость, дэ гро́ши?"—„Ой, ка́жэ, щэ-мъ нэ найшо́ў! вжэ туй-туй, а щэ-мъ нэго́дэнъ дочыта́тыся! мо́жэ вжэ сэ́и но́чы!"—Каза́ў му панъ да́ты ї́сты и замкну́ў зно́ву:

„Чытáй!“ На дрýгый дэнь прыхóдыть панъ зноў, пытáеся: „Е вжэ мóи грóши?“—„Ой, ни, щэ-мъ пэгóдэнъ! вжэ на ту ничь мóжэ!“—Зноў му панъ даў йисты и замкнўў.

Вжэ трэ́ту ничь сыды́ть ксёндзъ; сыды́ть соби́, сьви́чка сясьви́тыть. А ти тры злодíи, що то грóши ўкрáлы, порáдылыся и послáлы еднóго пидъ викнó до ксёндза.—„Подывы́ся, кáжуть, щó винъ тамъ рóбыть? чы винъ ся тамъ до насъ пэ дочытáў?“—Той тогды́ прыхóдыть пидъ викнó, а когýтъ тогды́ запíяў: кукури́ку! А ксёндзъ тогды́ гадáе сы: „О, вжэ когýтъ пíе, вжэ бýдэ бóрзо дэнь!“ Тай кáжэ: „Слáва тоби́, Гóсподы, вжэ пэ́ршый!“—пи́бы гадáе сы, жэ пэ́ршый когýтъ запíяў, áлэ той соби́ мы́слыть злóдій, що то ксёндзъ вжэ дочытáўся до нэ́го, що вжэ го знáе. Тай зáразъ поби́гъ до тыхъ кумпáнию тай кáжэ: „Огó, вжэ ксёндзъ ся до мэ́нэ дочытáў, вжэ мэнэ́ знáе!“ И опови́ў имъ, якъ бýло. Тогды́ взя́лы ся рáдыты тай послáлы дрýгого пидъ викнó дывы́тыся; той прыхóдыть тай зноў такъ трáфыў, що когýтъ запíяў: кукури́ку! А ксёндзъ кáжэ: „Слáва-жъ тоби́, Гóсподы, вжэ дрýгый!“ Той учýў, настрáшыўся тай поби́гъ до тамты́хъ двохъ и кáжэ: „Огó, вжэ й мэнэ́ знáе!“ Тай трэ́тый тогды́ кáжэ: „Ну, то щэ я пи́ду!“ Пишóў, стáнуў пидъ викнóмъ, а когýтъ зноў своé: кукури́ку! Тай ксёндзъ тогды́ кáжэ: „Слáва-жъ тоби́, Гóсподоньку, вжэ трэ́тый!“ Той знову утíкъ тай вжэ ся такъ боя́ть вси тры—гадáють сы, жэ вжэ ксёндзъ на всихъ ихъ дочытáўся; тай идýть тогды́ до ксёндза пидъ викнó и пýкають до викнá. Ксёндзъ витворы́ў, пытáеся: „Хто тамъ?“—„А мы!“—„Та які́ мы?“—„Та мы тоти́ грóши укралы! нпо вжэ прóшу лáски Пáна-бóга тай еϒомóсти, абы́-сьтэ пэ казáлы пáну на насъ!“—„Та ни, нэ скáжу! áлэ дэ́ грóши?“—„А тамъ, кáжуть, въ гнóю мы сховáлы!“—Ксёндзъ вжэ ся утíшыў, бо щó то?—тры нóчы вжэ, якъ въ крыминáли сыды́ть!

Вжэ на рáно панъ прыхóдыть, пытáеся: „Ну, а е вжэ грóши?“ А ксёндзъ кáжэ: „Лэ́дво-пэлэ́дво дочытáў-емъ-ся до тыхъ грóшэй!“—„Дэ-жъ оны́?“—Ксёндзъ му тогды́ ўпови́ў; вы́тягнулы зъ гнóю скрынчы́ну—е грóши вси. Тогды́ панъ даў ксёндзовы пáру сóтокъ и випусты́ў го до-дóму.

Тогды́ ксёндзъ прыйи́хаў до-до́му тай ка́жэ до дяка́: „Вжэ я би́льшэ ворожы́ты нэ хо́чу!“ И щобы́ му лю́дэ да́лы спо́кій, взяў и запалы́ў обы́стье—згори́ло всё; то якъ лю́дэ прыходы́лы за ра́доу, то вжэ ксёндзъ каза́ў: „Я вжэ нэ мо́жу ворожы́ты, бо мэни́ кны́жка згори́ла, а зъ е́нчои кны́жкп, ка́жэ, вжэ ворожы́ты нэ ўми́ю!“

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

б). Бу́лы би́дный ксёндзъ тай дякъ. Прыйшлы́ Вэлыко́днп сьвя́та, а оны́ нэ ма́лы й па́скп. Тай прыйшо́ў дякъ до ксёндза тай ка́жэ: „Мы такъ цэ́рквы слу́жымо ви́рно, а таки́-сьмо би́днп, жэ нэ ма́емо на́вить па́скп!“ Тогды́ ксёндзъ ка́жэ: „Що́-жъ я ту пора́джу?“ Ка́жэ дякъ: „Най ксёндзъ бу́дутъ за ворожбы́та, а я бу́ду красты́!“

Пишо́ў дякъ до едно́го па́на и ўкраў бугая́; а якъ го впў изъ ста́йни, то ўбуў бугая́ на вси шты́ры но́гы у чо́боты, абы́ сьлиду́ нэ бу́ло това́рячого. Тай зави́ў го въ лисъ, прыпня́ў мэ́жы потока́мы на сно́зи, а самъ пишо́ў до ксёндза и розповы́ў ему́—дэ то́го быка́ прыпня́ў, абы́ ксёндзъ знаў ворожы́ты. Тай тогды́ пишо́ў до то́го па́на, бо панъ ду́жэ шука́ў за бугаёмъ тай ся ду́жэ грызъ тай каза́ў панъ: „Кобы́ мы хто то́го бугая́ вы́найшоў, за́разъ-бы-мъ даў со́тку!“ Тогды́ дя́къ ка́жэ: „Въ на́шимъ сэли́ е ксёндзъ—винъ зна́е до́брэ ворожы́ты, то винъ вамъ мо́жэ вы́найдэ быка́!“ Панъ поййхаў до ксёндза, тогды́ ксёндзъ му сказа́ў, що злоди́е быка́ укра́лы, а́лэ ихъ дэнь захо́пыў, то нэ моглы́ съ нымъ да́льшэ иты́, лышэ́ го въ ли́си на сно́зи прыпня́лы. За́разъ слу́гы пишлы́ и бугая́ найшлы́ въ ли́си на тимъ ми́сцы, дэ ксёндзъ каза́ў. А панъ-ди́дычъ вы́ймыў со́тку и даў ксёндзу: тэпэ́рь вжэ сутъ сьвя́та!

А дякъ пишо́ў зноў до дру́гого па́на и укра́ў волы́ и видвы́ў дэ-сь у по́тикъ, прыпня́ў, а пото́му ксёндзу то розповы́ў. А самъ пишо́ў до то́го па́на тай ка́жэ, що въ тимъ сэли́ е ксёндзъ ду́жэ вэлы́кій ворожбы́тъ—всё зна́е. Тай панъ поййхаў до ксёндза, ксёндзъ му сказа́ў—дэ́ быки́, тай слу́гы быки́ найшлы́. Зноў той панъ даў со́тку ксёндзовы.

А у якóго-сь трэ́тóго пáна вжэ самí слýгы укрáлы золотый пэ́рстинь. А панъ довидаўся, що той ксёндзъ такíй ворожбы́тъ, то зáразъ пислáў по ксёндза. —„Якъ мэни́, кáжэ, нэ пови́шь—дэ́ той пэ́рстинь, то тя стрáчу!“—Тогды́ ксёндзъ кáжэ: „Якъ я мóжу знáты, дэ́ твiй пэ́рстинь? áбо я го укрáў?“ Тогды́ панъ вввргъ ксёндза до вязны́ци. Прыйшлá ничь—запiяў когýтъ пэ́ршый разъ; слугá ся схóпыў—щó тамъ ксёндзъ рóбытъ? А ксёндзъ кáжэ: „А Гóсподы, вжэ пэ́ршый!“ винъ такъ гадáў, що пэ́ршый когýтъ вжэ запiяў, áлэ слугá ся дýжэ ўпýдыў, бо гадáў, що то ксёндзъ на нéго кáжэ. Зáразъ запiяў когýтъ дрýгый разъ; тогды́ дрýгый слугá ся схóпыў—слýхае пидъ двэ́рмы. А ксёндзъ кáжэ: „Гóсподы, вжэ дрýгый!“ На той часъ запiяў когýтъ трэ́тый разъ; тогды́ ся вжэ трэ́тый слугá зы́рваў, слýхае. А ксёндзъ кáжэ: „А Гóсподы, вжэ е трэ́тый!“ Тоты́ тры слýгы пишлы́ тогды́ ксёндза просы́ты, абы́ на ныхъ нэ пови́ў, що то оны́ пэ́рстинь ўкрáлы, тай му дáлы трóха грóшэй—заслужэны́ны свэ́и, абы́ нэ ўпови́ў. Тогды́ имъ ксёндзъ кáжэ: „Нэ скáжу, áлэ залипи́тъ той пэ́рстинь у ти́сто и вэ́рзьтэ мэ́жы éндыки, а котры́й éндыкъ иззи́сть, абы́-сьтэ мы ўповилы!“ И ззиў éндыкъ чóрный, що би́лэ крылó маў, то ти слýгы то зáразъ ксёндзовы ўпови́лы. Тай вжэ рáно ксёндзъ сказáў пáну: „Вжэ знáю—дэ́ пэ́рстинь! слýжныця вы́мэла го зо сьмитёмъ на-дви́ръ, а чóрный éндыкъ съ би́лымъ крылóмъ ззиў го!“ Зари́залы тóго éндыка тай найшлы́ пэ́рстинь.

Тогды́ панъ взяў, вэргъ косý у керны́цю тай кáжэ до ксёндза: „Колы́ ты такíй вэлы́кiй ворожбы́тъ, то скажы́—щó я таке́ вэргъ у керны́цю?“ Тогды́ ксёндзъ кáжэ: „О-тó, вжэ трáфыла косá на кáминь!“—гадáў сы, що ту вжэ ёгó смэрть бýдэ. Алэ тогды́ панъ даў му щэ й дрýгу сóтку—за то, що такъ дóбрэ видгадáў.

Тóму ксёндзу бýло имя́ Свэрщóкъ. И панъ пойимáў свэрщкá и положы́ў пидъ обрýсъ на стиў. Тай кáжэ до ксёндза: „Щэ видгадáй мэни́—щó тýтка е?“ Тогды́ ксёндзъ кáжэ: „Ой, Свэрщкý, Свэрщкý, то-сь ся упáў въ рýки кати́ў!“—такъ на сэ́бэ. А панъ учýў, що винъ кáжэ: Свэрщкý,—тай зачýдуваў-

ся самъ, що впнъ такъ всё знáе. Даў му трэ́ту сóтку тай кáжэ: „Йды вжэ гэтъ видъ мэ́нэ, ты-бы видъ мэ́нэ всё пáньство вы́браў!“

Тогды́ вжэ мáлы дóбрый Вэлы́кдэнь — и ксёндзъ, и дякъ.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

70.

Ворожея.

Бу́ла бі́дна вдовы́ця съ диточкáмы и мáло нэ що-дэ́нь ходы́ла до еүомóсця, щобы́ йи чымъ обдарувáлы. Спры́крылося нарэ́шти еүомóсцёвы, тай кáжэ до нэ́и, щобы́ собі́ якы́й-сь зарóбокъ вы́найшла: „Отъ, моглá-бы-сь ворожы́ты!“

Послу́хала бáба тай пишлá рвáты зі́ля. Надхóдытъ дру́га бáба тай пытáеся: „Нá-що вы тотó, ку́монько, рвэ́тэ?“ —„Ой, то помичнэ́ видъ усёго!“—видповы́ла вдовá.—„А на що-жъ?“—„А, кáжэ, тотó видъ корóў, тотó видъ болячки, тотó видъ пэрэлы́стныци, *) а ось-тó видъ дивóкъ!“—„А на що-жъ тотó видъ дивóкъ?“—пытáеся кумá.—„Щобы́ ся виддавáлы!“—кáжэ вдовá.—„Ой, ку́монько, дáйтэ-жъ мэні́ тóго зі́ля!“—кáжэ кумá (а у нэ́и бу́ло тры дóньки—вси пидъ винэ́ць). Нарвáла вдовы́ця якóго-сь бурьяну́ тай кáжэ до нэ́и: „До схидъ сóньця обкури́тъ тымъ свои дóньки и най тры рáзы обiйду́тъ хáту доўкóла!“

Прыйшлы́ оси́нни мясны́ци—прыйшлы́ до кумы́ сватачі́, а що бáба дóбрэ ви́но дáла, то въ зы́мни мясны́ци прыйшлы́ по дру́гу, а по Вэлы́цидны виддáлася й трэ́та. Бáба надавáла ворóжци всячыны—и варэ́нэ, и пэчэ́нэ, всимъ ей обдарувáла, щó хотíла. А щэ до тóго розгolосы́ла, що онá слáўна ворóжка, то такъ до нэ́и лю́дэ йшлы, якъ по сьвячэ́ну вóду.

(Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

---

*) См. ниже—въ приложеніяхъ—повѣрья о дикой бабѣ.

71.

Околдованный мужъ.

Такъ ходы́ў кумъ до кумы́. Алэ тота́ кума́ ма́ла чолови́ка тай хоти́ла го счэрува́ты, абы́ винъ ницъ нэ вы́диў и нэ чуў. Пишла́ она́ до воро́жки, абы́ іій въ тимъ пора́дыла. Ворожка ййй да́ла такій порошо́къ, що якъ то́го всы́плэ до стра́вы, то чолови́къ за́разъ и осьли́пнэ, и оглу́хнэ. Алэ той ей чолови́къ пидслу́хаў тоту́ ихъ пора́ду,—ну, а́лэ нэ каза́ў жи́нци ницъ. Тай она́ схова́ла той порошо́къ у скры́ню, хоти́ла му вжэ вэ́чиръ да́ты до вэчэ́ри. Алэ винъ то зо скры́ни гэтъ вы́сыпаў, а тамъ ййй на тото́ ми́сцэ положы́ў по́рошку зъ пороха́,—а́лэ она́ о тимъ ничо́ нэ зна́ла.

Тай такъ ввэ́чиръ жи́нка зварыла порошо́къ тай му ся да́ла напы́ты. Винъ вы́пыў тай пото́му ка́жэ до нэ́и: „Йой, жи́нко, та-бо́ я чого́-сь нэ вы́джу!“ Дала́ му щэ ся напы́ты, а винъ ка́жэ: „Йой, та я вжэ й нэ чу́ю!“ Тай тогды́ ля́гъ сы на за́пичь спа́ты.

А въ ночы́ прыйшо́ў кумъ до его́ жи́нки. Тай она́ ся тогды́ пыта́е чолови́ка: „Цы чу́ешь ты що́, цы вы́дышь що́?“—„Апи нэ чу́ю, а́ни нэ вы́джу!“—Она́ тогды́ взя́ла тай поста́выла на стиў пырогы́, смэта́ну, тай си́ла кума́ съ ку́момъ йи́сты. Алэ она́ вы́йшла на-дви́ръ, а чолови́къ тогды́ съ пэчы́ схо́пыўся, взяў макоги́нъ тай за́быў ку́ма. Тай запха́ў му пыри́гъ въ пы́сокъ, а самъ лягъ спа́ты. Ввійшла́ жи́нка до ха́ты тай ка́жэ: „Йой, цы вы́дышь ты, чолови́чэ, удавы́ўся кумъ пы́рогомъ!“ Винъ ка́жэ: „Э, то ба́йка!“

Тай тогды́ взяў ку́ма на плэ́чи тай пони́съ до па́на. Тай тамъ го поста́выў пидъ викно́ тай взяў клы́каты па́на, а́лэ панъ ся нэ обзыва́ў. Тогды́ винъ взяў тай вы́быў викно́, а самъ схова́ўся въ корчи́. А панъ вы́йшоў съ фу́зьоў тай стри́лыў до то́го мэрло́го пидъ викно́мъ, ажъ упа́ў. Тогды́ той зъ корчи́ў вы́бигъ тай ка́жэ: „То такъ, па́нэ? за́быў-есь хло́па? я тя, ка́жэ, видда́мъ до крымина́лу!“ Алэ панъ ся ду́жэ напу́дыў тай ка́жэ: „Йой, нэ кажы́ ницъ, бі́йся Бо́га! я ты дамъ, що́ хо́чэшь!“ Тай му то-

гды́ панъ даў до́ста гро́шэй тай ко́ни, котри́ найлйпши, тай винъ сы тогды́ пойи́хаў до-до́му и розбогати́ў на цилэ́ сэло́.

(Отъ Дмитрія Гавриляка въ Доброгостовѣ.)

72.

Ловкій воръ.

Такъ бу́лы два бра́тьи: ста́ршый буў бога́тый, а́лэ буў зло́дiёмъ, а моло́дшый буў би́дный, а́лэ буў чэ́сный ɣа́зда. Ста́ршый нэ маў дитэ́й, а моло́дшый маў тры хло́пци. То ка́жэ той ста́ршый братъ до моло́дшого: „Дай ты мэни́ сво́го найста́ршого сы́на въ-пры́ймы; на́-що, ка́жэ, ма́е мій мае́токъ иты́ въ чужи́ ру́ки?—ёму́ лы́шу!“ И взяў сы найста́ршого сы́на и пишо́ў съ нымъ у лисъ. Тай той хло́пэць увы́диў въ ли́си фа́йни бу́ки. — „Стры́ку, ка́жэ, якъ-бы тоты́ бу́ки на чэ́твэро розколо́ў, то-бы булы́ фа́йни о́сы до во́за!“—Алэ той ка́жэ тогды́ до хло́пця: „Ой, тэбэ́ мэни́ нэ трэ́ба!“ Тай прыйшо́ў до бра́та и ка́жэ: „Бра́тэ, дай мэни́ сэрэду́щого сы́на, бо той нэзда́лый!“ Тай узя́ў сы сэрэду́щого хло́пця и пишо́ў съ нымъ у лисъ. А хло́пэць увы́диў фа́йни бэрэ́зы тай ка́жэ: „Стры́ку, изъ тыхъ бэри́зъ булы́-бы фа́йни оглобли́ до санэ́й!“ Тогды́ стрыкъ ка́жэ: „Ой, гэтъ сы иды́, мэни́ тэбэ́ нэ трэ́ба!“ Тай пишо́ў по наймоло́дшого хло́пця до бра́та.—„Дай мы, ка́жэ, наймоло́дшого хло́пця, бо ти ся мэни́ обыдва́ нэ сподо́балы!“—Тай и съ тымъ пишо́ў найпэ́ршэ у лисъ. А хло́пэць увы́диў въ ли́си фа́йни бу́ки. Ка́жэ: „То-бы до́брэ бу́ло ты́мы бу́камы комо́ры пидва́жуваты!“ Тогды́ стрыкъ ка́жэ: „Ажэ́нь ты мій, бо ты дба́ешь о злоді́йство!“

Тай иду́тъ оны́ оба́ по́-пры госты́нэцъ, а тамъ жэнэ́ якій-сь хлопъ виўцю́. Тогды́ той хло́пэць ка́жэ: „Стры́ку, я́-бы ту виўцю́ укра́ў видъ нёго!“—„Ба, та якъ украдэ́шь, хиба́ го за́бьешь?“—„Ой ни! я съ нёго, стры́ку, и портки́ ўкраду́!“—„Та кра́ды!“—Тай винъ тогды́ пишо́ў, обма-

стыў чо́битъ боло́томъ тай вэргъ напэ́рэдъ то́го хло́па на доро́гу. А той идэ́ по́-пры чо́битъ, а́лэ ся ѝ нэ ды́вытъ на чо́битъ, бо буў ду́жэ обсмаро́ваный боло́томъ. Алэ хло́пэць зноў той чо́битъ ўхопы́ў тай обмы́ў тай полэ́тиў напэ́рэдъ хлопа и вэргъ вжэ чы́стый чо́битъ на доро́гу. Хлопъ увы́диў, що вжэ другый чо́битъ лэжы́тъ, тай гада́е сы: „О-то́, хто-сь па́ру чоби́тъ згубы́ў; нэ мигъ-жэ я тамто́й чо́битъ пидня́ты, то́-бы-мъ маў до́бру па́ру!“ Тай тогды́ огляну́ўся, жэ нико́го на доро́зи нэма́, прыпня́ў виўцю до дэ́рэва, чо́битъ положы́ў ко́ло нэ́и, а самъ вэрну́ўся наза́дъ по той другый чо́битъ. А той тогды́ заби́гъ хло́пэць, ўхопы́ў виўцю и чо́битъ тай ути́къ. Хлопъ тамъ чо́бота шука́е-шука́е—ай нэма́. Вэрта́еся, а ту ѝ то́го чо́бота нэма́, и виўци́ нэма́. А хло́пэць взяў, бо́рзо виўцю облупы́ў тай пэрэби́гъ то́го хло́па и запха́ў тотў шки́ру у боло́то, такъ що во́ўну було вы́дко—нава́рха во́ўноў. Хлопъ надійшо́ў тай ка́жэ: „О-то́-сь ся ту́тка въ багно́ ўпакува́ла, а я тя шука́ю!“ Тай пусты́ўся за виўцёў ли́зты, а́лэ жа́луваў портки́, абы́ нэ обтала́паты въ боло́ти, то здіймы́ў тай положы́ў на ка́минь, а тогды́ поли́зъ у боло́то. Тогды́ хло́пэць заби́гъ, портки́ ўхопы́ў тай ути́къ.

Тай тогды́ ка́жэ до стры́ка: „Стры́ку, мы тэпэ́рь бу́дэмъ ту виўцю пэчы́!“ Взя́лы виўцю пэчы́, а винъ тогды́ ка́жэ: „Стры́ку, я йду за водо́ў, бо мы ся пы́ты хо́чэ!“ Алэ взяў сы михъ, намы́каў травы́ у михъ тай взяў дручо́къ въ ру́ки тай въ той михъ бье, а самъ крычы́тъ: „Йой, γва́ўту! то нэ я виўцю краў, то мій стрыкъ!“ А стрыкъ то за корчи́ма учу́ў, гада́ў сы, що то шанда́ры хло́пця бьють, то мя́со лышы́ў и ути́къ. Той тогды́ прыйшо́ў, виўцю допи́къ, до́брэ сы попойи́ў тай пони́съ рэ́шту и прода́ў.

Алэ ся вжэ до стры́ка нэ вэрта́ў, лышэ́нь соби́ пишо́ў въ съвитъ—на кра́дижъ.

(Отъ Ивана Зинка въ Цоброгостовѣ.)

73.

Воръ Климко.

Такъ прыйшо́ў до ксёндза служы́ты хлопъ—называ́ўся Клымко́. Алэ винъ собі́ ду́жэ полюбы́ў доньку́ ксёндзову тай хоти́ў ся съ нэў побыра́ты. Алэ ксёндзъ ся о тимъ дови́даў тай ка́жэ до нёго: „Будэ́шь ся съ моё́ў донько́ў жэны́ты, якъ украдэ́шь у мэ́нэ що найкра́сши во́лы, якъ вы́йдутъ слу́гы на по́лэ ора́ты!“ Тогды́ винъ пишо́ў до ми́ста, накупы́ў собі́ ку́рятъ тай пишо́ў съ ты́мы ку́рятамы на по́лэ. Алэ то було́ пидъ ли́сомъ, то винъ попуща́ў ку́ryата тай ку́рята ся розлэ́тилы по ли́си. А ксёндзови слу́гы то увы́дилы тай поби́глы за ты́мы ку́рятамы въ лисъ—хоти́лы поймы́ты. Тогды́ той Клымко́ заби́гъ, два во́лы ўхопы́ў тай забра́ў. Алэ якъ бра́ў ти во́лы, то повидри́зуваў тымъ вола́мъ хвосты́ и дру́гымъ у пы́сокъ вола́мъ позатыка́ў, що ся лышы́лы въ плу́зи. Слу́гы прыхо́дятъ—воли́ў нэма́. Тогды́ гада́лы сы, що то быки́ едни́ дру́гыхъ ззи́лы, бо хвосты́ ма́лы въ пы́ску. А винъ ста́нуў сы на фосъ тай схова́ўся за ду́ба тай всэ клы́чэ: „Фы-фы-фи́ў, вну́ вола́ ззну́!“ Слу́гы попрыйнижджа́лы вжэ до-до́му, ксёндзъ ся пыта́є: „А щэ два быки́ дэ?“ Слу́гы ка́жутъ, що быки́ едни́ дру́гыхъ поййлы, а́лэ ксёндзъ ка́жэ: „То Клымко́ ўкраў!“

Тогды́ ка́жэ до нёго: „Ты щэ нэ бу́дэшь у мэ́нэ доньку́ сва́таты, ажъ по́ки нэ украдэ́шь у мэ́нэ ко́ни зо ста́йни!“ А Клымко́ ка́жэ: „Вкраду́!“ Прыйшо́ў вэ́чиръ, а ксёндзъ попрыпына́ў псы на бра́махъ, а шты́ры слу́гы стэрэглы́ ко́ни. Тогды́ Клымко́ взяў ґа́рнэць оковы́тки въ ко́рчми и взяў муки́, замисы́ў ти́сто на оковы́тци и даў то псамъ, то псы ся попы́лы, а винъ ихъ тогды́ повидпына́ў и на бра́махъ пови́сыў всп псы. Тогды́ самъ вы́лизъ на пи́дрю и зача́ў ка́паты оковы́ткоў до ста́йни, а слу́гы то почу́лы тай зача́лы ту оковы́тку лыза́ты, гада́ютъ сы: „О-то́, які́й фа́йный дощь!“ Тогды́ винъ узя́ў ту оковы́тку що-ра́зъ ду́жшэ льля́ты, то ся слу́гы гэть попы́лы и полига́лы спа́ты. Винъ крузь стэ́лю влизъ до ста́йни тай позвя́зуваў слу́гы вси за воло́сье доку́пы. Тогды́ сы витворы́ў двэ́ри, взяў ко́ни тай займы́ў

до-до́му. Ра́но выхо́дытъ ксёндзъ, ды́вытся, а псы на бра́махъ повы́шани; идэ́ до ста́йни, а тамъ ко́нэй нэма́, а слу́гы бью́тся, едэ́нъ на дру́гого крычы́тъ: „Пусты́ мы воло́сье!“ То ксёндзъ имъ воло́сье порозры́зуваў тай ка́жэ имъ: „О-то́-сьтэ ко́ни пыльнува́лы! адытъ, вжэ Клымко́ ўкраў!“

Алэ щэ ксёндзъ ка́жэ до Клымка́: „Щэ ты донькы́ нэ дамъ, по́ки щэ едну́ ричь нэ зро́бышь: якъ украдэ́шь у мэ́нэ зыγа́рокъ, то вжэ на-пэ́ўнэ ся бу́дэшь жэны́ты!“ А той зыγа́рокъ вы́сиў надъ ли́жкомъ, тамъ, дэ ксёндзъ спаў. Пишо́ў Клымко́ у ночы́, вы́копаў ўмэрло́го зъ гро́бу, прыни́съ пидъ викно́ тай пха́е крузь викно́ ўмэрло́го до ксёндза. Ксёндзъ гада́ў, що то ся Клымко́ пха́е, то взяў па́лашъ тай то́му ўмэрло́му го́лову видтя́ў. Тай тогды́ вы́йшоў зъ поко́ю, абы́ вжэ то́го дэ схова́ты, а Клымко́ за той часъ влизъ крузь викно́ до поко́ю, зыγа́рокъ ўхопы́ў тай пишо́ў.

Ра́но ксёндзъ вжэ ка́жэ до нёго: „Щэ едно́: якъ мэнэ́ само́го украдэ́шь, то ты вжэ доньку́ дамъ на-пэ́ўнэ!“ —„Чому́ ни? украду́!“—Тогды́ пишо́ў Клымко́ до ми́ста до золотыка́, взяў сы золоты́й му́ндуръ и золоту́ па́лыцю—убра́ўся такъ, якъ сьвяты́й Пэтро́, и прыйшо́ў въ ночы́ до ксёндза и ка́жэ: „Ны́нька вси ксёндзы́ ма́ютъ иты́ на стра́шный судъ, то ходы́ и ты, бо я е сьвяты́й Пэтро́!“—„Почка́й щэ, сьвяты́й Пэ́трэ, най ся умы́ю!“—„Алэ бо́ршэ!“—Ксёндзъ ся умы́ў, ка́жэ: „Почка́й щэ, сьвяты́й Пэ́трэ, най попойи́мъ на доро́гу!“—Алэ той ка́жэ: „На стра́шный судъ нэ трэ́ба йисты!“ Тай ксёндзъ зибра́ўся, ка́жэ му тогды́ Клымко́: „Лизь у той михъ!“ Ксёндзъ зали́зъ у михъ, тогды́ той пони́съ ксёндза. Такъ вжэ по тэ́рню ксёндза воло́чытъ, по ками́ню, а ксёндзъ сы гада́е: „То пэ́ўно тэрпо́воў доро́гоў мы йдэмъ до ца́рства!“ Пото́му зани́съ ксёндза тай пови́сыў такъ въ миху́ на ба́нта, тамъ, дэ ку́ры ночова́лы. Тай всэ йдэ тай ко́ўтае у двэ́ри, а ксёндзъ всэ ка́жэ: „О, Го́споды, прыймы́ мэнэ́ до ца́рства твого́!“ Тай пото́му Клымко́ тамъ лышы́ў ксёндза въ курныку́ тай пишо́ў спа́ты. Ра́но вы́йшлы служны́ци выпуща́ты ку́ры, а ксёндзъ ка́жэ: „Го́споды, чы я щэ до́ўго ту бу́ду въ чысты́лыщы?“ Служны́ци ся напу́дылы и поўтика́лы до ха́ты. Ажъ тогды́ Клымко́ ксёндза вы́пустыў зъ ми́ха на во́лю. Тай

вжэ тогды́ даў му ксёндзъ доньку́ тай впнъ ся съ нэў ожэны́ў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

74.

Какъ жидъ и жидовка вознеслись на небо.

Буў жыдъ ду́жэ бога́тый и тамъ кова́ль ходы́ў до нёго; той кова́ль за́ўшэ пыў горі́ўку, а́лэ нэ маў чымъ платы́ты, бо вжэ всё, що маў, пропы́ў, то жыдъ вжэ му нэ хоті́ў дава́ты горі́ўки. Тогды́ той кова́ль дэ-сь роздобу́ў собі́ шу́стку, купы́ў за шу́стку сьвичо́къ, зробы́ў сы лихта́ръ и прыйшо́ў у почы́ до то́го жы́да пидъ викно́. И вси ра́зомъ сьвичкі́ засьвиты́ў и ка́жэ: „Мо́йшэ, чы спышь ты?“—такъ ни́бы а́нголъ ка́жэ. —„Нэ сплю!“—„Абы́-сь ковалэ́вы подарува́ў тоты́ гро́ши, що вптъ ты вы́нэнъ, то пи́дэшь счаслы́вый до нэ́ба!“—„Подару́ю, ка́жэ, а́лэ якъ я пі́ду до нэ́ба?“—„Лизь у ко́мынъ—тамъ е волові́дъ, то засылы́ сы волові́дъ за шы́ю, а я тя вы́тягну до нэ́ба!“—Ну, той жыдъ полі́зъ у ко́мынъ, засылы́ў сы волові́дъ на шы́ю, а кова́ль тогды́ потягну́ў—тай вжэ по жы́ди: пусты́ў до́ли ко́мыномъ трупъ.

Прыхо́дытъ кова́ль ра́но, жыді́ўка му да́ла горі́ўки тай ка́жэ: „Мій чолові́къ пишо́ў въ почы́ до нэ́ба; а́лэ пэ́ўнэ ду́жэ кляў, то го ві́дтамъ скэ́нулы тай упа́ў наза́дъ!“ А кова́ль ка́жэ: „Мо́жэ й васъ такъ во́зьмутъ до нэ́ба, а́лэ абы́-сьтэ нэ кля́лы!“—„А дэ́ бы я кля́ла, я бу́ду съпива́ты!“—Прыхо́дытъ кова́ль дру́гои но́чы, зноў той лихта́ръ засьвиты́ў тай ка́жэ: „Ха́на, абы́-сь то́му ковалэ́вы заантэбэлюва́ла всій мае́токъ, бо на дру́гу ничь пидэ́шь до нэ́ба!“

У дру́гый дэнь она́ заклы́кала ковалі́ до сэ́бэ тай поантэбэлюва́ла ёму́ вси до́бра.—„Бо я, ка́жэ, то́и но́чы пі́ду до нэ́ба!“—Прыхо́дытъ кова́ль въ но́чы́, клы́чэ: „Ха́на, ході́ до нэ́ба!“—„Та якъ ма́ю ити́?“—„Такъ, якъ твій чолові́къ пишо́ў: лизь у ко́мынъ!“—Полі́зла Ха́на у ко́мынъ, за-

сылы́ла сы воловйдъ за шы́ю, тогды́ кова́ль потягну́ў—ўмэ́рла вжэ й жыди́ўка. Тай такъ кова́ль оста́ў у тыхъ жыди́ўськихъ до́брахъ, богачо́мъ стаў на цилэ́ сэло́.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

75.

Жидовскій Мессія.

Такъ едэ́нъ чоловйкъ служы́ў у жы́да до са́мои ста́росты, а на ста́рпсть нэ змигъ вжэ робы́ты и згорба́тиў, то жыды́ го гэтъ пагна́лы. Алэ винъ такъ собі́ дума́е: „Я тоты́ жыды́ му́шу чы́мо-сь змудрува́ты!“ Тай тогды́ пишо́ў до ми́ста и накупы́ў собі́ би́лого полотна́ тай шмаркачки́ў. Тай у ночы́ обвыну́ўся у то полотно́, взяў шмаркачкы́ и позастра́мкуваў на митлу́ тай такъ пишо́ў пэ́рэдъ ту жыди́ўську ха́ту. Тогды́ ти шмаркачкы́ вси позасьви́чуваў тай клы́чэ до викна́: „Мо́йшэлэ!“—такъ тры ра́зы сказа́ў, а́лэ Мо́шко нэ обзыва́ўся. Тогды́ вжэ сказа́ў такъ: „Мо́йшэлэ, я—а́нгэлъ съ нэ́ба! мэнэ́ Го́сподь писла́ў сказа́ты, що твоя́ Су́ра поро́дытъ Мэ́сыяша!“ Жыдъ то ўчуў, пэрэполо́шыўся, нэ мигъ на́вить сло́ва промо́выты. Идэ́ той хлопъ дру́гои но́чы до жы́да. Позатыка́ў сьвичкі́ на митлу́, позасьви́чуваў, стаў пидъ ви́кна тай клы́чэ: „Мо́йшэлэ, я—а́нгэлъ съ нэ́ба! твоя́ Су́ра поро́дытъ Мэ́сыяша!“ Тогды́ ра́но Мо́шко встаў, пишо́ў ра́дытыся до ра́бина. Ка́жэ: „Прыходы́ў а́нгэлъ съ нэ́ба, що моя́ Су́ра поро́дытъ Мэ́сыяша!“ Тай ра́бинъ ка́жэ: „До́брэ, а́лэ абы́-сь ся щэ запыта́ў, хто ма́е бу́ты отэ́цъ то́му Мэ́сыяшовы?“ Прыйшо́ў хлопъ трэ́тои но́чы, позасьви́чуваў сьвичкі́ пидъ ви́кнамы тай клы́чэ: „Мо́йшэлэ, Мо́йшэлэ! я—а́нгэлъ съ нэ́ба! твоя́ Су́ра поро́дытъ Мэ́сыяша!“ Тогды́ жыдъ ся пыта́е: „А хто ёму́ бу́дэ отэ́цъ?“ Ка́жэ той: „Ива́нъ Свэ́ціашъ!“ А то винъ ся такъ называ́ў—той хлопъ.

На дру́гый дэнь прыхо́дытъ жыдъ, такъ Ива́на про́сытъ, абы́ йшоў до ёго́ доньки́, жэ ду́жэ трэ́ба.—„Тобі́, ка́жэ, въ

насъ такъ до́брэ бу́дэ—що́ схо́чэшь, то бу́дэшь ї́и́сты ї́ пы́ты, и гро́шп ты дамо́!“—Ива́нъ ни́бы сра́зу нэ хоти́ў, а́лэ пото́му зибра́ўся и пишо́ў до жыди́ў. Такъ го вжэ жыды́ шапу́ють, такъ го го́стятъ цилы́й дэнь, якъ па́па. А ввэ́чиръ ужэ́ зла́ды-лы ли́жко—тай поляга́лы Ива́нъ съ Су́роў спа́ты. Алэ Ива́нъ клы́чэ въ почы́: „Жы́дэ, сьвиты́!“ А жыдъ ка́жэ: „Робы́, робы́!“

Тай потомý та жыди́вочка ста́ла въ тяжы́. А Ива́нъ той цилы́й часъ у жыди́ў буў, жыў сы, якъ панъ, грошэ́й сы ки-ма́ наскла́даў—тай тогды́ пишо́ў сы гэтъ. Алэ Су́ра поро-ды́ла то́го Мэ́сыяша; жыды́ ся ды́вятъ, а то сы́ксы-лысъ—ди́ўка! Тай тогды́ пишлы́ жыды́ съ Ива́номъ до су́ду. Въ су́ди ка́жутъ жыды́: „Ива́нэ, видда́й намъ гро́ши, бо то ма́ло бу́ты Мэ́сыяшъ, а ўроды́лося сы́ксылысъ!“ Тогды́ Ива́нъ ка́жэ: „Иды́, дурны́й жы́дэ! чы я тобі́ тогды́ въ почы́ нэ каза́ў, абы́-сь сьвиты́ў, а ты всэ крыча́ў: робы́, робы́!—то я на-по́тэмки нэ вы́дпў до́брэ тай змылы́ўся—за́мисць Мэ́сыяша зробы́ў-емъ сы́ксылысъ!“ Тогды́ го судъ виднра́выў, жэ нэ вы́нэнъ.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

76.

Жиды съ Иваномъ въ дорогѣ.

Такъ пшлы́ жыды́ въ доро́гу тай взя́лы собі́ Ива́на жыди́ўского. И ка́жутъ: „Ты ходы́ съ на́мы, бу-дэ́шь насъ прова́дыты!“ И да́лы ёму́ пэ́сты чэ́твэро хли́-ба, абы́ ма́лы що́ въ доро́зи ї́и́сты. Алэ Ива́нъ нисъ тай всэ собі́ то́го хли́ба лама́ў тай ї́иў. Посида́лы жыды́ по-лу́днуваты, а ту нэма́—лышэ́ два хлибы́. Тай ка́жутъ: „Чу́ешь, Ива́нъ, а дэ е щэ дво́е хли́ба?“—„Та́-жэ о́ци е дво́е хли́ба!“—Жыды́ ка́жутъ: „Чу́ешь, Ива́нъ, зачни́мъ рахува́ты съ кипьця́: пра́ўда, жэ бу́ло чэ́твэро хли́ба?“ „Та бу́ло!“—„Ну, а дэ́ е дво́е?“—„Та о́ци е дво́е!“—И такъ жы-ды́ всэ зачына́лы съ киньця́ рахува́ти, а́лэ Ива́нъ имъ всэ такъ-са́мо каза́ў, тай нэ моглы́ ёму́ жыды́ то́го спэрэ́чыты.

Алэ пишлы́ да́льшэ и ишлы́ цилы́й дэнь, а у вэ́чиръ захо́пыла ихъ ничь въ ли́си. Тай тогды́ жыды́ ка́жутъ до нёго: „Чу́ешь, Ива́нъ, абы́-сь насъ положы́ў до́брэ спа́ты!“—„Поло́жу!“—ка́жэ.—„Алэ чу́ешь, Ива́нъ, абы́ жа́дэнъ зъ насъ нэ лэжа́ў съ-краю́, абы́ насъ воўки́ нэ ззи́лы!“—Тогды́ Ива́нъ найшо́ў му́рашко́ву купы́ну вэлы́ку тай прыви́ў жыди́ў до то́и купы́ны, тай ка́жэ: „Кладі́тся наоко́ло то́и купы́ны—голова́мы въ купы́ну, то жа́дэнъ нэ бу́дэ съ-краю́; а́лэ, ка́жэ, тыхо́нько лэжи́тъ, нэ ру́шайтэся, абы́ воўки́ нэ ўчу́лы!“ Тай жыды́ поляга́лы въ ту купы́ну, лэжа́тъ, а мура́шки́ куса́ютъ. А Ива́нъ соби́ вы́рубаў до́бру па́лыцю, тай що жыдъ ся кы́пэ, а Ива́нъ жы́да па́лыцэў: „Ты́хо, ка́жэ, бо ту воўки́ е!“ И такъ быў жыди́ў, нэ дава́ў имъ встава́ты до́ўгый часъ. Алэ вжэ жыды́ нэ моглы́ вы́трыматы, то имъ вжэ позво́лыў става́ты. Вы́чэкалы яко́-сь до ра́на тай пишлы́ да́льшэ въ доро́гу.

Тай зноў ихъ вэ́чиръ захо́пыў въ ли́си. Ка́жутъ жыды́ до Ива́на: „Чу́ешь, Ива́нъ, абы́ намъ бу́ло до́брэ спа́ты! поклады́ насъ дэ высо́ко, абы́ вжэ ничо́ нэ куса́ло!“ Тогды́ Ива́нъ пишо́ў, найшо́ў ялы́цю высо́ку и тамъ на ялы́цы на вэршку́ накла́ў чэты́пы—зробы́ў жыда́мъ ли́жко. Тай ка́жэ: „Ну, вжэ ли́зьтэ, вжэ до́брэ спа́ты бу́дэтэ!“ И жыды́ тамъ повылиза́лы на ялы́цю тай ка́жутъ: „Чу́ешь, Ива́нэ, обруба́й гыльё до́ли ялы́цэў, абы́ ту воўки́ до насъ нэ вы́лизлы!“ Тай Ива́нъ взяў, обруба́ў гыльё на ялы́цы, такъ що ся нэ лышы́ло а́ни едно́го су́ка. И лягъ соби́ пидъ ялы́цэў, спаў до ра́ня. Алэ ра́но жыды́ побуды́лыся тай клы́чутъ: „Чу́ешь, Ива́нъ, до́брэ бу́ло спа́ты, а́лэ куды́ намъ тэпэ́рь злиза́ты?“ А Ива́нъ ка́жэ: „Йима́йтэся едэ́нъ вэршка́, а то́го най ся йима́е дру́гый, пото́му дру́гого трэ́тый, такъ едэ́нъ по дру́гимъ ажъ на зэ́млю!“ Пойима́ўся такъ едэ́нъ жыдъ гыли́, а дру́гый злизъ до́ли нымъ тай ся чэпы́ў ёго́ нигъ, тай такъ ся що-сь шты́ры пойима́лы едэ́нъ за дру́гого; а гыля́ ся тогды́ ўломы́ла тай жыды́ тогды́ попа́далы вси на зэ́млю и побы́лыся на-смэ́рть. А Ива́нъ забра́ў видъ ныхъ всё, що́ ма́лы, гро́ши и всё, тай пишо́ў соби́ до-до́му.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

77.

Тяжба жида съ Иваномъ.

Йи́хаў жыдъ у доро́гу тай сы наймы́ў Іва́на, абы́ му на во́зи кра́мщыну стэри́гъ. Тай оны́ йи́дутъ, а тамъ на доро́зи вэлы́ке багно́. Тогды́ жыдъ ка́жэ: „Іва́нэ, куды́ мы пойи́дэмо?“—„Жы́дэ, обійи́дьмо чэ́рэзъ фо́су, бо мы ся въ тимъ багни́ пото́пымо!“—Тай жыдъ тогды́ зача́ў коня́ бы́ты, абы́ скака́ў чэ́рэзъ фо́су, тай кинь пэрэско́чыў, а Іва́нъ за той часъ вы́тягнуў жы́довы гро́ши зъ кешэ́ни тай схова́ў. Пэрэйи́халы чэ́рэзъ фо́су, жыдъ до кешэ́ни, а гро́шэй нэма́.—„Іва́нъ, дэ ты мэни́ гро́ши поди́ў?“—Іва́нъ ка́жэ: „Ты дурны́й жы́дэ, а дэ-жъ я твои гро́ши вы́дну?“—„Іва́нъ, то ходи́мъ до су́ду, ты мэни́ гро́ши ўкра́ў!“ Іва́нъ ка́жэ: „А дэ-жъ бы я съ тобо́ў, жы́дэ, до су́ду йшоў?“

Тогды́ жыдъ зача́ў просы́ты: „Іва́нъ, якъ пидэ́шь зо мноў до су́ду, то я тоби́ до́брэ заплачу́!“ А Іва́нъ ка́жэ: „Та я-бы вжэ пишо́ў, а́лэ обдэ́ртый нэ мо́жу йты; купы́ мэни́ кожу́хъ!“ Жыдъ пишо́ў, купы́ў кожу́хъ. Ну, Іва́нъ ка́жэ: „Та якъ такъ пи́ду съ про́стоў голово́ў? купы́ мы ша́пку!“ Жыдъ купы́ў ша́пку, ка́жэ: „Ну, Іва́нъ, вжэ ходы́!“—„Я бо́сый нэ пи́ду пэ́рэдъ судъ! купы́ мы щэ, ка́жэ, чо́боты!“—Жыдъ купы́ў и чо́боты. Тогды́ ся Іва́нъ фа́йно ўбраў, а́лэ ка́жэ до жы́да: „Я нэ пи́ду пихото́ў, бо мэнэ́ но́гы боля́тъ; дай мы сво́го коня́!“ Жыдъ даў ёму́ коня́—спў сы Іва́нъ на коня́, а жыдъ за нымъ бижы́тъ пи́шки.

Ну, прыйи́халы оны́ пэ́рэдъ судъ, пыта́еся панъ: „Що́ вы ту хо́чэтэ?“ А жыдъ зача́ў каза́ты: „Мы йи́халы на бэски́дъ, а мій кинь скикъ, кешэ́ня ся продэ́рла, гро́ши пацъ, а Іва́нъ хапсъ!“ Тогды́ панъ ся пыта́е Іва́на: „То ты ўкра́ў жы́довы гро́ши?“ А Іва́нъ ка́жэ: „Алэ-о́, про́шу па́на, та дэ́ я его́ гро́ши вы́дну? отъ, жыди́ўска напасть!“ Тай ка́жэ до жы́да: „Мо́жэ щэ ска́жэшь, що то твій кожу́хъ, що на мни?“ А жыдъ ка́жэ: „Та пэ́ўно, що мій!“—„То мо́жэ й чо́боты твои? и ша́пка твоя́?“—„Ба, та чый-жъ? та мой!“—„А мо́жэ то щэ и кинь твій?“—„Або що́, Іва́нэ, мо́жэ нэ мій?“—Тогды́ судъ гада́ў сы, що які́й-сь жыдъ а́бо дурны́й,

а́бо злоді́й, тай ка́жэ: „Чого́ ты, пола́манцю жы́дэ, хо́чэшь видъ то́го ґа́зды?“ Тай жы́да тамъ набы́лы-набы́лы, а Ива́нъ сы пойи́хаў, якъ панъ, своё́ў доро́гоў.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

78.

Какъ жидъ леталъ.

Буў едэ́нъ хло́пэць, пасъ худо́бу. И спў сы въ ситны́къ и плиў зъ ситныку́ кры́ла. А жыдъ идэ́ зъ вэлы́кои доро́гы тай пыта́еся: „Що́ ты ту, хло́пчэ, ро́бышь?“—„Плэту́ кры́ла изъ ситныку́; а вы ви́дки, жы́дэ?“— Жыдъ ка́жэ: „Иду́ зъ ярма́рку та хоти́ў-бы-мъ щэ пэ́рэдъ вэ́чэромъ до́ма бу́ты, бо ша́басъ заха́пуе!“—Тогды́ хло́пэць ка́жэ: „Ой, вы ны́нька вжэ нэ зайдэ́тэ до-до́му, бо вжэ пи́зно; а́лэ, ка́жэ, купи́тъ сы въ мэ́нэ тоти́ кры́ла за сто ры́ньскихъ, то й за пиў годы́ны залэ́тытэ!“—Даў жыдъ со́тку и пыта́еся: „А цы тоти́ кры́ла сами́ прыросту́тъ, цы ты ихъ прышы́ешь?“ —„Нье, жыду́ню, я вамъ прывя́жу до рукъ!“— Тай прывяза́ў жы́довы тоти́ кры́ла до рукъ и ка́жэ: „Тэпэ́рь лі́зьтэ на ду́ба, а съ ду́ба вжэ полэ́тытэ, якъ птахъ!“

Жыдъ вы́лизъ на ду́ба у самы́й вэршо́къ тай клы́чэ на хло́пця: „Хло́пчэ, бува́й здоро́ў, я лэ́чу!“—„Нэ ви́льно,— ка́жэ хло́пэць,—я нэ позваля́ю!“—Жыдъ говоры́тъ съ ду́ба у-дру́гэ: „Хло́пчэ, бува́й здоро́ў, я лэ́чу!“—„Я нэ позваля́ю, нэ ви́льно!“—Жыдъ ка́жэ въ-трэ́тэ: „Я вжэ лэ́чу, бува́й здоро́ў!“ Тай пусты́ўся съ ду́ба, лэты́тъ до́ли гылё́мъ на зэ́млю тай всэ крычы́тъ: „Соло́мы, соло́мы!“ А якъ вжэ упа́ў на зэ́млю, ка́жэ: „Вжэ мы нэ трэ́ба соло́мы, вжэ-мъ здохъ! охъ!“

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

79.

Какъ жидъ высидѣлъ изъ арбуза коня.

Едэ́нъ γáзда маў гарбузы́ тай взяў сы тры гарбузы́ и пишóў до ми́ста. Тамъ въ ми́сти спў собі́ на торгóвыцы и сыды́тъ исъ ты́мы гарбузáмы. И прыйшóў жыдъ идъ нёму, пытáеся—щó то такé впнъ мáе? Хлопъ кáжэ: „То кобы́лячи я́йця!“—„А щó хóчэшь за такé яйцэ́?“—„Э,—кáжэ хлопъ,—ты, дурны́й жы́дэ, нэ кýпышь тóго, то дорогэ́!“—Алэ жыдъ даў му пятку и купы́ў еднóго гарбузá. Тай пытáеся: „А якъ то трэ́ба сыди́ты на тимъ яйцы́?“ Кáжэ хлопъ: „Бýдэшь сыди́ты шты́ры нэди́ли, то вы́лизэ лошá!“

И жыдъ прынисъ до-дóму то яйцэ́, злáдыў сы кóшыкъ, положы́ў яйцэ́ у кóшыкъ, спў и сыды́тъ. Сыды́тъ-сыды́тъ, вы́сыдиў шты́ры нэди́ли, áлэ кинь нэ вы́лизъ. То щэ посады́ў жи́нку на шты́ры нэди́ли сыди́ты на яйцы́. Вы́сыдила вжэ й жи́нка свій часъ, áлэ нэмá коня́. А жыдъ роззлóстыўся тай хóпыў тотó яйцэ́ тай вэргъ крузь викнó у горóдъ у капýсту. А тамъ у капýсти сыди́ў зáяць; тай якъ жыдъ вэргъ тымъ гарбузóмъ, то зáяць ся спýдыў и полэ́тиў. То зáяць утикáў, а жыдъ гадáў, що то лошá вы́скочыло зъ яйця́, тай бижы́тъ за нымъ тай крычы́тъ: „Сцё-сцё, чэкáй, я твій тáто!“ И лэти́ў за зáяцёмъ, дóки мигъ. А потóму ся вэрнýў до жи́нки тай кáжэ: „Ой, кобы́-сь щэ бýла сыди́ла зъ годы́ну, то бы буў кинь!“

Тогды́ жыды́ щэ дурни́ бýлы.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

80.

Жидовское войско.

Такъ жыды́ зибра́лы собі́ во́йсько тай узя́лы Іва́на, абы́ ихъ воды́ў. Тай прыйшла́ ничь — захо́пыла ихъ въ ли́си. Тогды́ жыды́ ка́жуть до Іва́на: „Іва́нъ, абы́ ты насъ до́брэ виў, то мы тобі́ вэлы́ки гро́ши дамо́!“ А той найста́ршый ихъ султа́нъ ка́жэ: „А якъ ты насъ до́брэ нэ бу́дэшь водыты, то мы тэбэ́ за́бьемо!“ Той Іва́нъ знаў въ ли́си до́бри стэжки́, а́лэ винъ ихъ туды́ нэ воды́ў, лышэ́ по гу́щохъ по вэлы́кихъ.

Пэрэвиў жыди́ў чэ́рэзъ лисъ, а тамъ бу́ло по́лэ съ грэ́чкоў. Тогды́ жыды́ ка́жуть: „Іва́нъ, оць вода́!“ Алэ Іва́нъ ка́жэ: „Та дэ́ то вода́? то грэ́чка!“ Тогды́ той найста́ршый султа́нъ ка́жэ: „Цы вода́, цы грэ́чка, моэ́ во́сько маршъ!“

Тай пэрэйшлы́ чэ́рэзъ грэ́чку, надійшлы́ идъ вэлы́кій води́. Жыды́ ка́жуть: „Ой, Іва́нэ, вода́!“ Алэ Іва́нъ ка́жэ: „Які́ вы, жыды́, дурні́! та то щэ ли́пша грэ́чка, нэ вода́!“ Тай ка́жэ: „Якъ хо́чэтэ стлу́мыты ґазди всю грэ́чку, то постава́йтэ вси рядо́мъ и дэржи́тся за ру́ки и такъ машэру́йтэ вси ра́зомъ!“ Тогды́ жыды́ поставалы рядо́мъ, а Іва́нъ собі́ стаў на-боци. Тай той найста́рщый жыдъ ка́жэ: „Цы грэ́чка, цы вода́, моэ́ во́сько маршъ!“ Якъ поскака́лы жыды́ въ во́ду, то всі́ ся до е́дного потопы́лы.

И видтогды́ вжэ жыди́ўского во́йська нэма́.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

81.

Попъ и работникъ.

Прыйшóў до ксёндза служы́ты хлопъ—называўся Ивáнъ. Робы́ў зъ ты́ждэнь на прóбу, а потóму ксёндзъ кáжэ: „Ну, тра ся годы́ты!“ Алэ слугá кáжэ: „Я абы́ буў нэ гóлый тай нэ голóдэнъ, то ничóго бúльшэ нэ потрэбýю; áлэ, кáжэ, абы́ ся ксёндзъ нúγды на мэ́нэ нэ гнúваў!“ Тай такъ ся згóдылы, щобы́ ся едэ́нъ на дрýгого нэ гнúваў, бо котры́й ся бýдэ гнúваты, тóму другый нисъ видрúжэ.

А той ксёндзъ буў дужэ богáчъ: оборóгы, збúжэ по кúлька литъ тамъ у нéго стоя́ло. Тай кáжэ ксёндзъ до Ивáна: „Иды́ въ сэлó по змлóцки—тра збúжэ молоты́ты!“ А випъ кáжэ: „Я тотý дрúбку й самъ помолóчу!“ Алэ пишóў до стодóлы, взяў ципъ у рýки тай кáжэ: „Я такúмъ цúпомъ нэ ўмíю молоты́ты!“ Пишóў до лúса, вы́рубаў сы тэ́пγого гráба на бiя́къ, а бучкá на циппы́ўно, зробы́ў сы ципъ и пишóў молоты́ты. Тай за-дэ́нь всё збúжэ, якé дэ бýло, помолоты́ў, áлэ всё змишáў докýпы: грэ́чку, прóсо, ячмúнь, пшэны́цю—всё рáзомъ. Тогды́ ксёндзъ выхóдытъ до стодóлы тай ажъ кры́кнуў: „А ты щó ту, Ивáнэ, наробы́ў?“—„Та щó такóго, еγóмость?“—„Тá-жэ-сь всё докýпы помишáў, зопсувáў-есь мы всю прáцю!“—А випъ тогды́ пытáеся: „Ну, áлэ нэ гнúваетэся, еγóмость?“—„Та нп!“—„Ну, то и я ся нэ гнúваю!“—А потóму взяў еднó зэ́рно у рýки и такъ що-сь съ тымъ зэ́рномъ прымóвыў, що кóждэ збúжэ стáло зноў окрэ́мо, кóждэ такé чы́стэ, якъ-бы на млынкý вы́млынкуваў. Ксёндзъ ды́вытся, тúлько головóў покы́ваў тай кáжэ: „Ну, дóбрэ!“

На дрýгый дэнь вжэ ксёндзъ кáжэ: „Бэры́ вóлы, йидь до лúса по дрывá!“ Тай випъ пойи́хаў. Прыйи́хаў до лúса, áлэ нэ рубáе дэ́рэва, инó рукáмы бýки вырывáе съ корúнёмъ. Наклáў пóўну фúру тай щэ пишóў за едны́мъ бýкомъ, а мэдвэ́ди зайшлы́ тай зáбылы вóлы. Випъ прыйшóў, якъ то увы́дпў, ўхопы́ў два мэдвэ́ди тай запря́гъ до ярмá; быкúў лышы́ў въ лúси, пойи́хаў мэдвэ́дямы до-дóму. Прыйиждáе на подвúрье—вы́бигли

вси дывы́тыся: така́ фи́ра вэлы́ка, що страхъ, а мэдвэ́дямы вэзэ́. Тай ка́жэ ксёндзъ: „А ты що́, Ива́нэ, зробы́ў? дэ во́лы?“ —„Мэдвэ́ди во́лы побы́лы, то-мъ, ка́жэ, мэдвэ́дямы прыйи́хаў! а́лэ нэ гнíваетэся, еγо́мость?“—„Ни-ни!“—„То и я ни!“

Алэ ксёндзъ прыйшо́ў до поко́ю тай жу́рытся съ йимо́сцэў, ка́жэ: „Отъ, биду́-сьмо яку́-сь прыня́лы—а́ни го трыма́ты, а́ни видпра́вavailable!“ Йи́мость тогды́ ка́жэ: „Пойи́дь до ди́дыча, мо́жэ винъ тобі́ якъ пора́дытъ?“ Запря́гъ ксёндзъ ко́ни, вьо! —пойи́хаў до па́на. Тай вжэтамъ розпові́ў па́повы— яка́ го ся бида́ ўчэпы́ла, що́ ту съ слугóў робы́ты? А панъ ка́жэ такъ: „Скажи́тъ му, що вы у мэ́нэ купу́етэ сíно, то най винъ до мэ́нэ пры́йдэ подывы́тыся на то сíно—чы до́брэ? а я ту, ка́жэ, спу́щу на нэ́го тако́го бугая́, що щэ ни́γды зъ ста́йни нэ выходы́ў, то винъ го за́бье!“ Ксёндзъ уті́шыўся, пойи́хаў до-до́му и за́разъ посыла́е Ива́на до то́го ди́дыча. Той пишо́ў, прыхо́дытъ до двора́, а панъ пыта́ется: „Ты що́ ска́жэшь?“—„Дэ-сь ту, ка́жэ, нашъ ксёндзъ купы́ў сíно, то-мъ прыйшо́ў подывы́тыся!“—А панъ показа́ў руко́ў на вэлычэ́зну сты́рту, що мо́жэ й два́йцить фиръ сíна бу́ло, тай ка́жэ: „А-во́, тоту́ сты́рту ксёндзъ хо́чэ купы́ты!“ Той Ива́нъ тогды́ ка́жэ:„Оў-ва́, до то́го нэ трэ́ба-бы на́вить фи́ры бра́ты; возьму́ на плэ́чи тай понэ́су!“—„Якъ ты тоту́ сты́рту во́зьмэшь на плэ́чи,—ка́жэ панъ,—то я тобі́ ей подару́ю!“— Винъ тогды́ пишо́ў, поназбы́руваў ланьцухи́ў тай моту́зя, обвяза́ў сты́рту нау́ко́ла, на плэ́чи пидни́съ тай нэсэ́. Сы́ла! А панъ тогды́ крычы́тъ до на́ймытиў: „Пуска́йтэ бугая́!“ Той лэты́тъ за Ива́номъ,—бу-у́, бу-у́,—а Ива́нъ ся схылы́ў тай бугая́ за хвистъ тай на сты́рту—вжэ й бугая́ нэсэ́. Тай поні́съ то собі́ до-до́му.

Тогды́ вжэ зноў ксёндзъ ра́дытся съ йимо́сцэў—що́ ту робы́ты съ Ива́номъ? Тай йи́мость ка́жэ: „До́сыть намъ жаль за мае́ткомъ, а́лэ лыши́мъ все́ и утика́ймо, щобы́-сьмо хоть съ душо́ў якъ утíклы видъ биды́!“ Тай ура́дылыся—въ ночы́, якъ Ива́нъ за́снэ, утика́ты. Алэ винъ тоту́ ихъ розмо́ву пидслу́хаў—тай вэ́чиръ лягъ спа́ты, харчы́тъ такъ, ну, вжэ спытъ. Тогды́ ксёндзъ съ йимо́сцэў зача́лы ся збыра́ты въ доро́гу. Дэ́-що найлі́пшэ, яке́ кра́снэ фа́нтя, кныжкí му́дри, то все̂ позбыра́лы въ тлумакí, абы́ взя́ты съ собо́ў. Алэ щэ пишлы́ чого́-сь до дру́гого поко́ю, а Ива́нъ борзэ́нько встаў, кныжкí зъ тлумака́ вы́кидаў и влизъ та́мка

самъ и сыдытъ. Оны прыйшлы, взялы тлумакй па плэчи тай пишлы. А Иванъ па дорози схылыў въ мишку голову на-дилъ тай такъ лэгонько, нибы дэ сдалэку, крычытъ: „Чэкайтэ на мэнэ, ксендзуню, но-о!" Оны гадалы, що Иванъ за нымы бпжытъ, тай зачалы собй бичы, що сылъ малы. Винъ тогды знову такъ схылыўся тай крычытъ вжэ гэй голоснійшэ: „А чэкайтэ мэнэ, но-о!"—„Ой,—кажэ ксёндзъ,—Иванъ ужэ туй-туй нэдалэко!" Тай тамъ булы корчй надъ ставомъ, то оны вжэ тамъ въ корчй забиглы тай ся сховалы. Тай скенуў ксёндзъ тлумакъ на зэмлю, ажъ бэўкнуло. А Иванъ кажэ зъ тлумака: „Ой-ой-ой, а то-сьтэ мя лэгонько кенулы!" А оны ся тогды напудылы, кажутъ: „А тамъ хто?" —„Та я!"—„Якій я?"—„Та я, кажэ, Иванъ!"—Тогды вылизъ изъ мишка тай кажэ: „Вы йшлы, а я ся маў лышаты? а гниваетэся, еγомость?"—„Нп!"—„Ну, то и я нп!"

Тогды вжэ кажэ ксёндзъ: „Вжэ въ ночы нэ будэмъ вэртаты до-дому, ночуймо туй: ты, Иванэ, лягай видъ ставу, я ляжу видъ дорогы, а йимость въ сэрэдыни будэ спаты!" Тай такъ тамъ полягалы. Якъ вжэ зачаў Иванъ храпиты, тогды ксёндзъ кажэ до йимосци: „Най щэ Иванъ липшэ заснэ, то ты го возьмэшь за ногы, а я за голову, тай кенэмъ го въ сташ!" Чэкаютъ-чэкаютъ тай—зъ дорогы змучэни—поснулы. Тогды Иванъ встаў, йимость перэсунуў на своє мисцэ видъ краю, а самъ сы лягъ въ сэрэдыну тай лэжытъ. Ксёндзъ ся пробудыў тай шэпчэ: „Йимость, вставай, будэмъ биду топыты! бэры за ногы!"—гадаў ксёндзъ, що то йимость коло нього лэжытъ. Тай Иванъ встаў, взяў йимость за ногы, а ксёндзъ взяў за голову,—якъ розмахнулы, тай въ саму сэрэдыну ставу—бухъ! Тогды ксёндзъ кажэ: „Отъ-тамъ съ тобоў до чорта!" А Иванъ кажэ: „Отъ-тамъ до дидька!" Тогды ксёндзъ пизнаў, що то Иванъ, нэ йимость, тай кажэ: „Иванэ, та мы йимость утопылы!" А Иванъ кажэ: „А мэни що до того? казалы-сьтэ, то-мъ кенуў! алэ нэ гниваетэся, еγомость?" А ксёндзъ вжэ буў дужэ лютый тай крыкнуў: „Иды собй вжэ разъ до чорта!" Тогды Иванъ ксёндза ўхопыў, видризаў му нисъ тай пустыў ксёндза бэзъ носа. А самъ вжэ пишоў собй въ сьвитъ на вандэръ.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

82.

Шальной работникъ.

а). Прыйшо́ў Ива́нъ до еγомо́сця го́дытыся на слу́жбу. Якъ ся годы́лы, ка́жэ Ива́нъ такъ: „Я ницъ нэ хо́чу, а́лэ ся му́шу тры ра́зы на́-дэнь γэ́зыты!“ Ксёндзъ сы гада́е: „Та що́ мэни́ то шко́дытъ? най бу́дэ!“

Пишо́ў винъ ора́ты на по́лэ съ ксёндзомъ. Годы́ну ора́ў, якъ ся налэ́жытъ, а пото́му лэты́тъ до-до́му—поγэ́зыу́ся. Прылита́е на подви́рье, крычы́тъ та́мка. Алэ у йимо́сци въ поко́йы буў дякъ. Якъ йи́мосць учу́ла, що слуга́ лэты́тъ, ка́жэ дяко́вы: „Ой-ой, хова́йся въ грубу!“ Дякъ поли́зъ въ гру́бу, а Ива́нъ вжэ въ поко́йы. Йи́мосць го ся пыта́е: „А чого́ ты, Ива́нэ?“ А Ива́нъ ка́жэ: „Та ду́жэ на по́лы сьнигы́, завэру́ха, то-мъ прыйшо́ў до-до́му!“ (А то бу́ло ли́то—со́ничко ажъ пэкло́.) Тай ка́жэ Ива́нъ: „Каза́лы еγо́мосць въ гру́би запалы́ты!“ Набра́ў тогды́ грэ́чанои соло́мы, запалы́ў въ гру́би, а дякъ тамъ ду́шытся, чы́хае; якъ ся до́брэ дымъ закуры́ў, дякъ вжэ нэ мигъ вы́трыматы тай зъ гру́бы—вьо!—у́тика́е. Ка́жэ тогды́ Ива́нъ до йимо́сци: „О-о-о́, яка́-сь бида́ зъ гру́бы полэ́тила!“ (Алэ Ива́нъ знаў, що то дякъ хо́дытъ до йимо́сци.) Тогды́ йи́мосць дала́ Ива́новы гори́ўки тай винъ пишо́ў зноў ора́ты.

Ора́ў зноў зо дви годы́ны тай зноў до-до́му лэты́тъ. Го́нытъ по подви́рью, а дякъ тамъ зно́ву въ поко́йы. Йи́мосць ка́жэ: „Ой-ой, та Ива́нъ зно́ву е! дэ-жъ ту дяка́ схова́ты?“ А тамъ стоя́ла въ си́нёхъ на схо́дахъ бо́чка съ кло́чомъ; тай дякъ та́мка влизъ до то́и бо́чки, накры́ўся кло́чомъ тай сиды́тъ. Прылита́е Ива́нъ, ка́жэ: „Волово́ды ся на вола́хъ пирва́лы, тра кло́чье бра́ты тай сука́ты нови́!“ Тай поли́зъ на схо́ды, хо́пыў тоту́ бо́чку съ дяко́мъ тай съ-горы́ ке́нуў по схо́дахъ на зэ́млю, ажъ ся бо́чка розсы́пала. Дякъ лэ́дво вста́ў—такъ ся ду́жэ побы́ў—тай поли́зъ гэтъ. А Ива́нъ зноў забра́ўся въ по́лэ.

Алэ ся завэрну́ў тай слу́хае пидъ викно́мъ—що́ бу́дэ йи́мосць съ дяко́мъ ра́дыты? Йи́мосць ка́жэ до дяка́ такъ: „Ты вжэ до мэ́нэ нэ ходы́, бо бида́ споко́ю нэ дае́! а́лэ

якъ заўтра будэшь ораты, то я навару-напэку и тобі то вынэсу въ полэ!“ Тай вжэ на другый дэнь пишоў Иванъ съ ксёндзомъ ораты на своё полэ, а дякъ такъ нэдалэко — гэй за горбомъ — на своё. Алэ дякъ маў одного пэрістого быка, а другого чорного, а у ксёндза обá быкí чорни булы, а пэрістого нэ було. Що-жъ Иванъ робытъ? Зняў съ сэбэ ногавыци тай пэрэвязаў ными свóго одного быка на-попэрэкъ чэрэзъ чэрэво, такъ що вжэ быкъ буў сдалэку гы пэрістый. А йимость надійшла и гадала сы, що то дякъ óрэ, колы быкъ е пэрістый, тай прыйшла ажъ идъ нымъ; якъ прыйшла, то вжэ нэ могла ся вэртаты до дяка, — ну, що-жъ робыты? Поставыла тамъ пэрэдъ ныхъ то йиджэнье — пырогы, пэчэни, гэтъ всё, бо наладыла добрэ для дяка. Тай тогды пытаеся Ивана: „А ты що такé съ быкомъ зробыў?“ А Иванъ кáжэ: „Дужэ овадьё тнэ волы, то-мъ пэрэвязаў штанамы!“ Тай тогды ся ксёндзъ съ Иваномъ добрэ найилы и напылыся горіўки, а йимосць кáжэ: „А нэ знаешь ты, Иванэ, дэ рэентъ óрэ?“ — „О-тамъ, кáжэ, за горбомъ!“ — Кáжэ тогды йимосць: „На-жъ, виднэсы то, що ся лышыло, рэентовы!“ Иванъ пишоў за горбокъ, горіўку выпыў до-рэшты, мясо ззиў, а пырогы всэ кидаў на зэмлю. Тай вэрнуўся, нэ ходыў до дяка. Прыходытъ, а йимосць ёго ся пытае: „А даў-есь рэентовы?“ — „Даў-емъ, красно дякуваў!“

Тай взяў зноў ораты, а ксёндзъ такъ пишоў собі на горбокъ. И йдэ ксёндзъ тоў стэжкоў, выдытъ пырогы, що Иванъ накéдаў, тай всэ пидоймэ пырігъ въ кешэню, гадае сы: „Шкода!“ А йимосць то увыдила тай пытаеся Ивана: „Иванэ, а що тамъ еүомосць такъ сбырае?“ Иванъ кáжэ: „Оны ся вжэ довидалы, що рэентъ до васъ ходытъ, то збыраютъ камінье, бо хочутъ вамъ голову розбыты!“ Тогды йимосць зірвалася тай зачала утикаты до-дому. А ксёндзъ прыходытъ, пытаеся Ивана: „Чого такъ йимосць побігла жыво?“ Иванъ кáжэ: „Ваша пасика горытъ!“ Тогды ксёндзъ собі полэтиў до-дому. А йимосць ся щэ більшэ упудыла, що йи ксёндзъ забье, тай щэ більшэ утикае. Тай попрыбигалы до-дому, позасапьювалыся и одно до другого нэгодни слова вымовыты. — „О-то, кáжутъ, то насъ гунцвотъ подурыў!“

Тай вжэ вэ́чиръ Ива́нъ прыйшо́ў съ по́ля тай пигна́ў во́лы на́-ничъ па́сты; а́лэ нэ пасъ, лышэ́ пигна́ў ихъ до жыди́ў и прода́ў на я́ткп. Алэ взяў сы видъ ко́ждого вола́ хвистъ; тай тамъ було́ таке́ боло́то—во́зэро, то винъ пишо́ў и тамъ ти хвосты́ позапыха́ў въ то боло́то, обтала́паў въ боло́ти, а пото́му вы́тягнуў наза́дъ и пони́съ до-до́му. Ккёндзъ ся пыта́е: „А дэ-жъ во́лы?“ Ива́нъ ка́жэ: „Та нэма́! якъ ся збры́калы зъ ли́са, якъ ся розигна́лы въ то во́зэро, то вси пи́рнулы зоўси́мъ; я, ка́жэ, тягну́ў-тягну́ў за хвосты́, а́лэ ся хвосты́ урва́лы, а во́лы ся потопы́лы!“ Тай показа́ў ти хвосты́, то ксёндзъ вжэ ка́жэ: „Та пра́ўда!“

Алэ го вжэ тогды́ ксёндзъ нагна́ў, ка́жэ: „Иды́ ты собі́ гэть видъ мэ́нэ, вжэ мэни́ досы́ть!“

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

б). Такі́й буў мамо́нъ тай ся наймы́ў у одно́го γа́зды. Алэ ка́жэ: „Га́здо, я ся всэ му́шу въ полу́днэ γэ́дзыты!“

Тай пишлы́ въ по́лэ ора́ты. Прыйшло́ полу́днэ, а винъ ся зγэ́дзыў тай полэ́тиў до-до́му. Алэ до то́го γа́зды жи́нки ходы́ў ксёндзъ тай тэпэ́рь буў у нэ́и. Якъ γазды́ня увы́дила, що слуга́ лэты́тъ, то взя́ла тай схова́ла ксёндза пидъ пичь. Прылэ́тиў той тай ка́жэ: „Каза́ў мы γа́зда дрыва́ пидъ пичь помэта́ты!“ Тай взяў тамъ дрыва́ мэта́ты пидъ пичь тай всэ на ксёндза ке́дае, всэ ксёндза дзюγае. Помэта́ў тай зноў полэ́тиў въ по́лэ.

Видта́къ въ дру́гый дэнь въ полу́днэ зноў зγэ́дзыўся тай прылита́е до-до́му. А γазды́ня схова́ла ксёндза у бо́чку съ пря́дывомъ у синёхъ. Прылэ́тиў той тай ка́жэ: „Каза́ў мы γа́зда всё пря́дыво порозви́шуваты въ ба́птахъ!“ Тай взяў ви́шаты пря́дыво тай ўхо́пыў и ксёндза за чи́ўку и пидви́сыў до-горы́. Тай зноў гэть полэ́тиў у по́лэ.

Пишлы́ трэ́топ дны́ны ора́ты—зноў той прылита́е до-до́му. А γазды́ня вжэ ксёндза схова́ла на пидъ--завяза́ла го у бохъ. Винъ прылэ́тиў тай ка́жэ:

„Казáў мы ґáзда всп бóхи съ подý позмúтуваты, казáў плóщыки робы́ты!“ Тай зачáў бóхи съ подý змúтуваты тай кéпуў и той съ ксёндзомъ на зэ́млю, ажъ бэ́ўкнуў. А самъ побúгъ зноў у пóлэ.

Тай пишлы́ чэтвэ́ртои дны́ны оpáты — прыбиráе винъ зноў до-дóму. А ґазды́ня сховáла ксёндза въ стáйны пидъ я́сли. Алэ винъ кáжэ: „Казáў мы ґáзда всій гній зо стáйни вы́мэтаты!“ Взяў мэтáты гній тай всэ ксёндза пидъ я́слима зэли́зными вы́ламы дзю́ґае. Тай забрáўся зноў у пóлэ.

Пя́тои дны́ны пишлы́ оpáты — лэты́тъ слугá до-дóму. А ґазды́ня ксёндза сховáла въ скры́ню. Винъ прылэ́тиў тай кáжэ: „Казáў мы ґáзда тотý старý скры́нищэ пусты́ты дóли водóў, бо тамъ е ґáздиў хóванэць *)!“ Вхóпыў скры́ню на плэ́чи тай понúсъ у вóду. Тогды́ ксёндзъ вы́диў, що то нэ жáрты, тай взяў ся дýжэ просы́ты: „Дамъ ты, кáжэ, грóшэй и жы́та, кúлько схóчэшь, лышэ́ мы дарýй жытьé!“ Тогды́ винъ ксёндза вжэ пусты́ў, а ксёндзъ му даў дóста грóшэй, збíжа тай кóни.

И винъ тогды́ вжэ пойúхаў сы гэть.

(Отъ Дмитрія Гавриляка въ Доброгостовѣ.)

83.

Лысачокъ.

Такъ бýло то за часúў, колы́ щэ нэ бýло мнóго шкилъ, а хто хтиў ся ўчы́ты, той ишóў до Львóва. Такъ бýлы у Львóви два хлóпци зъ сэлá, хлóпски сыны́, — ўчы́лыся въ шкóлахъ. То оны́ всэ йшлы пúшки зи Львóва до-дóму на вакáцьи и зъ вакáцыій до шкóлы назáдъ; часóмъ йшлы и цилы́й ты́ждэнь, бо дорóга то далэ́ка, и вступáлы по дорóзи до дóбрыхъ людэ́й: вiдпочáлы сы, попойúлы дэ́-що — тай дáли.

---

*) См. ниже—въ приложеніяхъ—повѣрья о хованцѣ.

Разъ якó-сь зійшлы́ тоты́ два хлóпци зи звыча́йнои дорóгы, зъ гостынця, зайшлы́ пидъ вэ́чиръ у якé-сь нэзнакóмэ сэлó тай вступы́лы до ха́ты, що стоя́ла на краю́ сэла́ пидъ ли́сомъ. Ввійшлы́ до ха́ты, а тамъ пры столи́ сыды́тъ хлопъ и ба́ба тай йидя́тъ вэчэ́ру, а по ха́ти ходы́ло собí тэля́тко.—„Сла́ва Бóгу!“—сказа́лы хлóпци. Тогды́ имъ видповíлы господа́ри: „Сла́ва на вíки! а вы щó за éдни?“ —„Мы скубэ́нты тай илэмó до Львóва до шкóлы; та мóжэ-бы-сьтэ, ка́жутъ, прыня́лы насъ на́-ничь?“—„Та чому́ ни? тай прóсымо до вэчэ́ри, панóвэ скубэ́нты!“—И да́лы имъ вэчэ́ряты мы́ску пырогíў. Алэ ба́ба взя́ла едэ́нъ пырíгъ и понэ́сла тэля́ты и ка́жэ: „На́, лыса́чку, зйиджъ и ты пырижка́!“ Хлóпци ка́жутъ: „Вы щó тэля́ты йисты даéтэ людску стра́ву?“ Ка́жэ ба́ба: „Та тое нашъ сынъ—лысачóкъ! то винъ ра́зомъ съ на́мы йисть и спытъ, та такíй му́дрый, а щэ ïи рóку нэ ма́е!“ Змиркува́лы хлóпци, що то якí-сь дурни́ людэ, тай пу-жъ штудэрува́ты—якъ-бы то дурны́хъ обдуры́ты? Тай пора́дылыся тай ка́жэ той ста́ршый: „Ну, колы́ то вашъ сынъ, то грихъ, абы́-сьтэ го такъ лышы́лы; бо якъ такъ вы́ростэ, то бычкóмъ зиста́нэ на вíки!“—„Та щó-жъ-бы намъ робы́ты?“—„Отъ, ка́жутъ, да́йтэ ёгó до шкóлы, най йдэ съ на́мы до Львóва, то мóжэ ся вы́учытъ на якóго па́на, то вóзьмэ васъ на стари́ ли́та до сэ́бэ!“—Тоты́ людэ ся ду́жэ ўтíшылы и—ра́да въ ра́ду—ка́жутъ: „То да́ймо на́шого лысачка́ до шкóлы, най идэ́!“ Хлопъ буў бога́тый, прыла́дыў визóкъ, напакува́ў рíжного збíжа, мукí, крупъ, дэ́-що, а на дру́гый дэнь скóро-сьвíтъ запря́гъ конéя, вы́садыў лысачка́ на визъ ра́зомъ съ хлóпцямы тай такъ вы́правыў ихъ до Львóва, а ба́ба заводы́ла, якъ-бы за рíдноў диты́ноў. Ну, ницъ,—пойи́халы. Алэ хлóпци вступы́лы за́разъ до пэ́ршого мистóчка на я́рмарокъ тай прода́лы визъ, коня́ и лысачка́, гэтъ всё, а самí съ гри́шмы пишлы́ собí до Львóва.

За рикъ тоти-самí хлóпци вэрта́лы на лíто до-дóму, то зноў зайшлы́ до тóго-самóго хлóпа. Тоты́ господа́ри ду́жэ ся ўтíшылы, а́лэ ба́ба ся за́разъ пыта́е: „А дэ мíй лысачóкъ, чому́ нэ прыйшóў съ ва́мы?“ Хлóпци ка́жутъ: „Та винъ здорóвый, а́лэ пэрэка́зуе вамъ, що нэ мóжэ прыйты́, бо ся ма́е ду́жэ бога́то ўчы́ты!“ Тай ка́жутъ: „А такíй ся паны́чъ зъ нэ́го зробы́ў, що-бы-сьтэ го и нэ пизна́лы!

вжэ ци́ўко́мъ такі́й, якъ чолові́къ, и хо́дытъ вжэ такъ, лышь щэ тро́ха на лыцы́ такъ гы быкъ!“—„А сла́ва Го́споду!“—ўті́шылыся ти лю́дэ. Таи̂ вжэ нэ зна́лы—що́ робы́ты зъ уті́хи съ ты́мы школяра́мы. На дру́гый дэнь хло́пци пишлы́ да́льшэ додо́му, а́лэ сказа́лы имъ щэ такъ: „Прыла́дьтэ гро́ши для лысачка́, а якъ бу́дэмо зноў вэрта́ты до Льво́ва, то всту́пымо до васъ по ти гро́ши!“ Ну, якъ вэрта́лы, вступы́лы хло́пци зноў, взя́лы для лысачка́ гро́ши и пишлы́. Таи̂ такъ вступа́лы и носы́лы лысачко́вы гро́ши чэ́рэзъ кі́лька литъ. Таи̂ всэ тума́нылы стары́хъ, що лыса́чо́къ ся въ шко́ли ду́жэ до́брэ ў́чытъ, а́лэ нэ ма́е часу́ до ныхъ прыйты́. А тоти́ лю́дэ вжэ чэ́рэзъ лысачка́ ци́ўко́мъ збидни́лы. Алэ ба́ба пото́му вжэ ду́жэ напыра́лася, що хо́чэ лысачка́ вжэ вы́диты, таи̂ хоти́ла до нэ́го йты до Льво́ва. Тогды́ вжэ хло́пци боя́лыся, то вжэ нэ ходы́лы чэ́рэзъ то́е сэло́, лышь всэ йшлы е́ншоў доро́гоў.

Ажъ такъ разъ хло́пци вы́чыталы въ γазэ́тахъ, що які́й-сь Юзэфъ Лыса́къ зиста́ў старо́стоў въ тимъ ми́сти, дэ нэдалэ́ко тоти́ лю́дэ бу́лы. То вжэ тогды́, якъ пишлы́ зноў до-до́му, вступы́лы съ тоў γазэ́тоў до тыхъ людэ́й таи̂ ка́жутъ: „Отъ, вжэ́-сьтэ ся дочэка́лы поти́хы зъ ва́шого лысачка́, бо вжэ зиста́ў старо́стоў!“ Тогды́ показа́лы имъ γазэ́ту, дэ тамъ пыса́ла о тимъ Юзэфѣ Лысаку́.—„Тэпэ́рь вжэ, ка́жутъ, иди́тъ до нэ́го, наи̂ васъ во́зьмэ до сэ́бэ, бо́-сьтэ вжэ стари́ таи̂ збидни́лы-сьтэ чэ́рэзъ нэ́го, а винъ вжэ панъ!“ Таи̂ тогды́ пишлы́ собі́ вжэ гэть. Алэ хлопъ щэ нэ ви́рыў, то взя́ў γазэ́ту таи̂ пишо́ў до дяка́, абы́ му йи прочыта́ў—чы то пра́ўда, що школярі́ каза́лы. Дякъ прочыта́ў, ка́жэ: „Пра́ўда, ту стои́тъ, що Юзэфъ Лыса́къ зиста́ў старо́стоў!“—„А сла́ва Ты, Го́споды!“—зитхну́ў хлопъ. Алэ гада́е сы: „Мо́жэ рэе́нтый збрэха́ў?“ Таи̂ пишо́ў до ксё́ндза. Ксё́ндзъ такъ-са́мо прочыта́ў му γазэ́ту, тогды́ хлопъ поцилова́ў ксё́ндза въ ру́ку таи̂ пишо́ў. Алэ щэ ся та́ки бои́тъ, що мо́жэ и̂ ксё́ндзъ збрэха́ў? Тогды́ йи́хаў які́й-сь панъ въ пово́зи доро́гоў, то хлопъ вжэ сда́лэку прысі́ў и кланя́еся. Панъ каза́ў фи́рмановы ста́ты, пыта́еся: „Що́ хо́чэшь, хло́пэ?“ Тогды́ той про́сытъ па́на, абы́ му прочыта́ў въ γазэ́ти. Панъ зноў такъ-са́мо прочыта́ў—такъ е, Лыса́къ е старо́стоў. Тогды́ вжэ хло́пъ увíрыў,

пишоў до жинки тай кажэ: „То вжэ таки праўда, вжэ вси такъ прочыталы!“

Тай казаў жинци спэчы балабухиў тай на другый дэнь выбралыся вжэ обое до того миста до лысачка. Прыйшлы, розпыталыся, тогды тамъ имъ показалы—дэ панъ староста мэшкае, тай пишлы вжэ до нэго. Хлопъ лышыў бабу въ синёхъ, а самъ пишоў до покою. Панъ староста сыдиў пры столи, плэчыма обэрнэный до двэрэй, тай нэ чуў, що хлопъ ввийшоў. Алэ той зачаў му ся прыдывляты зо всихъ сторонъ тай потому пидийшоў тай потягнуў пана за рукаў. Тай кажэ: „Лысачку!“ Панъ зирваўся тай крыкнуў: „А ты що ту хочэшь?“—„Лысачку, кажэ, та ты мэнэ нэ спизнаешь?“—Панъ зачаў дужэ крычаты, алэ баба якъ учула крыкъ, нэ вытэрпила въ синёхъ тай вбигла до покою—вжэ хочэ обнымаґы пана тай кажэ: „Лысачку, дытыно моя!“ Алэ панъ всэ крычаў и трутыў бабу гэтъ, то баба тогды кынула ёму балабухи съ мишкомъ въ голову тай кажэ: „А трастя тоби матирь! то ты вжэ такій панъ, що насъ и знаты нэ хочэшь?“ Тай зачала заводыты, алэ вжэ прыбиглы слугы тай взялы хлопа съ бабоў до арэшту.

Ажъ потому ся на суди показало, що то була за штука, що школяри дурныхъ обдурылы. Алэ що?—шукай витра въ полы!

(Сообщено В. Я. Трушомъ изъ гор. Золочева.)

84.

Два умныхъ брата и duракъ.

Такъ було́ тры бра́тьи: два бу́лы му́дри, а едэ́нъ дурны́й. Тай ма́лы стару́ ма́тирь, а́лэ она́ бу́ла ду́жэ слаба́. Разъ тоты́ му́дри бра́тья забра́лыся оба́ въ лисъ, а дурно́го лышы́лы вдо́ма. И ка́жутъ ёму́: „Зро́бышь ку́пиль тай ма́тирь скупа́ешь!“ Той узя́ў, нальля́ў окро́пу до ваньё́нки тай хо́пыў ма́тирь съ за́пичка и ке́нуў у той окри́пъ, ажъ ма́ты за́разъ ся обпа́рыла и ўмэ́рла. Бра́тья прыйшлы́ зъ ли́са тай пыта́ются дурно́го: „А цы скупа́ў-есь ма́тирь?“—„Та-мъ скупа́ў, ка́жэ, а́лэ ся нэ хо́чэ зъ ваньё́нки ру́шыты, щэ сыды́тъ та́мой!“ Оны́ ды́вятся, а ма́тирь спа́рылася—нэжыва́. Тогды́ оны́ то́го дурно́го пагна́лы гэтъ.

Дурны́й пишо́ў до ста́йни, взя́ў сво́го быка́, зари́заў тай облупы́ў шки́ру; мя́со лышы́ў тамъ, а шки́ру взя́ў и пишо́ў у лисъ тай вы́лизъ на ду́ба почува́ты. А въ почы́ надйи́халы жыды́ съ кра́мщыноў тай си́лы пидъ ду́ба на по́пасъ; розложы́лы кра́мщыну тай зача́лы рахува́ты гро́ши. А дурны́й съ ду́ба ды́вытся тай пусты́ў на жыди́ў тоту́ шки́ру. Жыды́ ся упу́дылы, ка́жутъ: „Ай-ва́й, нэ́бо на насъ лэты́тъ!“ Тай все́ лышы́лы, а сами́ поўтика́лы. Тогды́ дурны́й злизъ съ ду́ба, забра́ў соби́ всю кра́мщыну и гро́ши, напакува́ў то на жыди́ўску фи́ру тай пойи́хаў.

Тай пойи́хаў до-до́му, а́лэ вжэ до бра́тну́ нэ йшоў, лышэ́ соби́ пост́авыў сво́ю ха́ту тай ся ожэны́ў съ бога́цькоў ди́ўкоў и ґаздува́ў соби́ за тоты́ жыди́ўски ма́стки. Алэ ёго́ бра́тья нэ зна́лы—звидки випъ таке́ бога́тство ма́е, тай прыйшлы́ идъ нёму и пыта́ются ёго́: „Скажы́, бра́тэ, звидки ты таке́ бога́тство ма́ешь?“ Тогды́ випъ имъ ка́жэ: „Я облупы́ў мо́го быка́ тай пони́съ-емъ шки́ру до ми́ста на торгъ, то мы жыды́ за ту шки́ру кима́ гро́шэй да́лы!“ За́разъ бра́тья пишлы́ до-до́му, гада́ютъ сы: „Колы́ випъ—дурны́й—за едну́ шки́ру ти́лько дистáў, то мы якъ облу́пымо вси на́ши быки́ тай коро́вы, то намъ жыды́ даду́тъ страхъ кима́ за ти шки́ры!“ Тай пори́залы гэтъ усю́

свóю худóбу, облупы́лы шкíру тай повэзлы́ до мíста. Прыйíхалы и крычáтъ на мíсти: „Гэй, шкíры на прóдажъ!“ Жыды́ прыйшлы́, купýють, áлэ щó?—даю́тъ за тоты́ шкíры то пять шýстокъ, то кíлько, якъ ся звы́клэ платы́тъ видъ штýки. Алэ тогды́ оны́ кáжутъ: „Щó ся бýдэмъ торговáты? дáйтэ намъ за ти шкíры мíльонъ грóшэй, то продамó!“ Жыды́ ся зачáлы зъ ныхъ дýжэ сьміяты, щэ ихъ наштýркалы дóбрэ, тай оны́ тогды́ вжэ пойíхалы съ ты́мы шкíрамы назáдъ до-дóму.

Прыйижджáютъ тай дýжэ бýлы люти на тóго дурнóго брáта, що ихъ такъ обдуры́ў, всэ́и худóбы ихъ позбáвыў. Тай взя́лы рáдытыся мэ́жы собóў, жэбы́ ёгó за тóе зáбыты. Прыйшлы́ въ ночы́ до нёгó до хáты, áлэ винъ лэжáў такъ видъ стины́, а на крайы́ спáла ёгó жíнка. То брáтья гадáлы, що то винъ лэжы́тъ на крайы́, хóпылы тотý ёгó жíнку и зáбылы. Тогды́ винъ взяў мэртвý жíнку и понíсъ до мíста тай посады́ў йи кóло мýру, такъ абы́ нэ ўпáла, и положы́ў пэ́рэдъ ню кóшыкъ я́блокъ, такъ нíбы онá ти я́бка продаé. А самъ ся сховáў за муръ. Тай тамъ якíй-сь панъ йíхаў штырмá кíньмы тай увы́диў бáбу съ я́бкамы тай стáнуў, злизъ съ бры́чки и пишóў до нэ́и куповáты я́бка. Тай кáжэ до мэртвóи бáбы: „По чóму ти я́бка?“ А бáба ся нэ обзывáе. Панъ дрýгый разъ кáжэ: „Продáй я́бка!“ Бáба ся ницъ нэ обзывáе. Тогды́ панъ розлю́тыўся, пáль!—бáбу по-зá-уха, а бáба пэрэвэрнýлася на зэ́млю. Тогды́ той вы́хопыўся зъ-за мýру тай до пáна: „А ты щó зробы́ў, нащó-сь мэни́ жíнку зáбыў? я тя, кáжэ, зáразъ виддáмъ до крыминáлу!“ Алэ панъ ся зачáў просы́ты, кáжэ: „Всё ты дамъ, лышэ́ ницъ нэ кажы́!“ Винъ собí тогды́ взяў пáньски кóни и бры́чку тай пойíхаў.

Алэ брáтья якъ увы́дилы ёгó, що йíдэ штырмá кíньмы, дýжэ ся дывувáлы и кáжуть до нёгó: „Та-жъ мы тэбэ́ зáбылы въ ночы́! якъ-жэ ты зноў жыёшь тай щэ такíмы кíньмы йíдэшь?“ А винъ кáжэ: „Та то вы нэ мэнэ́ зáбылы, лышэ́ мóю жíнку; а я йи, кáжэ, виднíсъ до мíста тай продáў панáмъ, то мы за ню паны́ тотí кóни дáлы!“ Брáтья якъ то учýлы, то полэ́тилы чымъ-боршíй до-дóму, жинкí порíзалы тай повэзлы́ до мíста. Тай стáнулы на мíсти, крычáтъ: „Хто купýе мэртві жинкí?“ Якъ

тото́ увы́дилы шанда́ры, пой́има́лы обо́хъ бра́тиў тай до крымина́лу ихъ забра́лы.

Вы́сыдилы оны́ па́ру литъ въ крымина́ли, тогды́ ихъ пусты́лы вжэ до-до́му. Прыйшлы́ до-до́му тай зноў ра́дятся на то́го дурно́го бра́та: „Мы ёго́ за́бьемо!“ Тай йимы́лы го, ка́жуть: „Тэпэ́рь вжэ тэбэ́ уто́пымо!“—„До́брэ, ка́жэ, ті́лько най щэ слузи́ ска́жу, якъ ма́е по мо́йій смэ́рты γаздува́ты!“—Алэ винъ ка́жэ до слугы́ такъ: „Якъ оны́ мэнэ́ понэ́суть, то абы́-сь побі́гъ тай горячи головни́ позатыка́ў у ихъ хаты́!“ Вжэ го завяза́лы тогды́ у михъ—нэсу́ть топы́ты. Алэ едэ́нъ ся братъ обэрну́ў, ды́вытся тай ка́жэ: „Йой, на́ши хаты́ горя́тъ!“ Тай тогды́ ке́нулы ёго́ въ мишку́ на зэ́млю, а самі́ побі́глы хаты́ ратува́ты. А туды́ надійшо́ў ризны́къ—гнаў ду́жэ бога́то свынэ́й. Тай ся пыта́е ёго́: „Що́ ты ту въ мі́си ро́бышь?“ Винъ ка́жэ: „Я нэ ўмі́ю а́ни чыта́ты, а́ни пыса́ты, а хотя́тъ мя за кру́ля обибра́ты!“ Ризны́къ тогды́ ка́жэ: „Я ўмі́ю чыта́ты й пыса́ты, то пусты́ мэнэ́, най я лі́зу въ михъ!“ Тай полі́зъ у михъ, той го завяза́ў, а самъ займы́ў свы́ни тай пишо́ў. Тамъ бра́тья огэ́нь погасы́лы, вэрта́ются наза́дъ—дурно́го топы́ты. Вхо́пылы той михъ тай вэ́ргли въ во́ду.

Алэ прыхо́дятъ до-до́му, а братъ ста́до свынэ́й жэнэ́. Тогды́ оны́ нэ зна́лы—що́ каза́ты, пыта́ются ёго́: „Та ты нэ ўто́пы́уся? ві́дки такі́ сві́ни ма́ешь?“ А винъ ка́жэ: „Якъ-есьтэ мя ке́нулы до воды́, то тамъ була́ така́ вэлы́ка свыня́, я йи ся ўхо́пыў за хвистъ и она́ мэнэ́ вы́тягнула зъ воды́; а за нэў, ка́жэ, повылита́лы зъ воды́ и дру́ги свы́ни, то я сы ихъ займы́ў до-до́му!“ Тогды́ бра́тья сы гада́ють: „Скачі́мъ въ во́ду, то и мы собі́ свынэ́й ві́дтамъ прыжэ́нэмо!“ Тай пишлы́ на мистъ и ско́чылы обыдва́ въ во́ду—лышэ́ вода́ за ны́мы забэлькоти́ла.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

85.

Мертвая мать.

Булы́ два бра́тьи: ста́ршій ожэны́уся до́ма на ґру́нти, а моло́дшый на́-бикъ ся ожэны́у—прыста́у тамъ до едно́и вдовы́. Тай хоти́у моло́дшый видъ бра́та спла́ты свэ́и ча́стки, а́лэ той нэ хоти́у му ницъ да́ты. Тогды́ пишо́у той би́дный въ почы́ на цвы́нтаръ и видкопа́у свою́ ма́му зъ гро́бу тай запи́съ до бра́та до коморы и посады́у йи тамъ на ґэлэ́тку съ сы́ромъ. Ра́но той братъ пишо́у до комо́ры и увы́диу тамъ мэртву́ ма́му и ду́жэ настра́шыуся. Тай пишо́у до моло́дшого бра́та ра́дытыся—що́ съ ма́моу робы́ты? Тай ка́жэ такъ: „Трэ́ба йты до ксёндза, абы́ йшоу хова́ты ма́му зноу, лышэ́ абы́ до́брэ грибъ запэча́тау!" Алэ той би́дный ка́жэ: „На-що́ тобі́ щэ ксёндзовы тай дяко́вы платы́ты? я тобі́ самъ похова́ю ма́му, а́лэ що́ ты мэні́ дашь за то?"—„Бэры́, ка́жэ, тоту́ ґэлэ́тку съ сы́ромъ!"—Той узя́у ба́бу и ґэлэ́тку, а́лэ ба́бы нэ хова́у, лышэ́ йи схова́у у сэ́бэ въ стодо́ли. Тай на дру́гу ничь зноу йи запи́съ до брэ́та до-комо́ры и посады́у йи на скры́ню (а въ тій скры́ны бу́лы поло́тна, шма́тье тай гро́ши бу́лы). Вы́йшоу ра́но братъ до комо́ры, а ма́ма зноу на скры́ны сыды́тъ. То пишо́у зноу до би́дного бра́та ра́дытыся. А той ка́жэ: „То ницъ, то ма́ма пэ́упо хо́чэ, абы́ ты мэні́ щэ тоту́ скры́ню дау; дай мы, ка́жэ, скры́ню, то йи похова́ю!" Той му дау, винъ тогды́ взяу скры́ню и ба́бу, а́лэ ба́бы щэ нэ хова́у. Взяу йи въ почы́ тай зноу видни́съ до бра́та и посады́у йи мэ́жы ко́пи. Братъ то увы́диу, нэ знау вжэ—що́ робы́ты? Тай зноу прыйшо́у до то́го и ка́жэ: „Похова́й вжэ разъ ма́му до́брэ, абы́ нэ вылазы́ла, то ты дамъ ко́ни!" Той видвиу собі́ ко́ни до свэ́и ста́йни, а ма́му взяу у михъ и понисъ на дру́гэ сэло́ хова́ты.

Тай нэсэ́ винъ ма́му, а́лэ на доро́зи зды́бау зло́дія, що накра́у по́уный михъ—кожухи́, поло́тна и пря́дыво—тай то всё въ миху нисъ. Якъ ся оба́ зды́балы, то ся спу́дылы оба́ и михи́ помэта́лы на зэ́млю. Алэ пото́му ся оба́ повэрта́лы идъ ми́хамъ, то зло́дій нэ вы́диу до́брэ тай взяу той михъ съ ба́боу, а той вжэ взяу зло́дійну михъ. Тай

розiйшлы́ся—той пишо́ў въ свiй бикъ, а злóдiй въ свiй. Тай прынóсытъ злóдiй михъ до-дóму и постáвыў го въ комóри. Вiйшоў до хáты тай кáжэ жи́нци: „Иды́, тамъ е михъ въ комóри, то повынымáй всё тай поховáй до скры́пп!“ Жи́нка пишлá до комóры, розвязáла михъ тай хóпыла бáбу за чýку и тя́гнэ. Тай увы́дила, що то мэртвá бáба, тай ся настрáшыла, побíгла до хáты тай кáжэ: „Йой, та то якá-сь мэртвá бáба въ михý!“ Засьвиты́лы ля́мпу, ды́вятся—такъ е, бáба! Тогды́ той злóдiй кáжэ до жи́нки: „То мэнí Гóсподь за кáру такъ зробы́ў! вжэ бíльшэ, кáжэ, нэ пíду крáсты!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

86.

Какъ цыганъ топилъ бѣду.

Пислáў разъ чоловíкъ жи́нку на торгъ, дáў iйi симь ɣрэ́йцариў и кáжэ: „Купы́ за шты́ры ɣрэ́йцары булóкъ, а за тры сóлы, а щэ абы́-сь симь ɣрэ́йцариў прынэ́сла рэ́шты!“ Онá пишлá, такъ на дорóзи плáчэ—я́къ-бы то зробы́ты? Надiйшóў ксёндзъ тай пытáеся: „Чогó ты такъ плáчэшь?“ А вна повíла, якý iйi штýку чоловíкъ заўдáў. Тогды́ ксёндзъ iйi даў два ры́ньски и кáжэ: „Я ввэ́чиръ до тэ́бэ прыйдý, то прылáдься!“ Тогды́ онá дэ́-що накупы́ла и пишлá до-дóму. Якъ прыйшлá, чоловíкъ ся пытáе: „За щó ты тíлько всёго накупы́ла—за якí грóши?“ Онá кáжэ: „Якíй-сь ксёндзъ даў мы два ры́ньски и казáў, що ввэ́чиръ до мэ́нэ прыйдэ!“ Тогды́ винъ вы́копаў въ сíнёхъ пидъ порóгомъ я́му, а жи́нци кáжэ: „Якъ ксёндзъ прыйдэ, то упáдэ въ я́му тай ся зáбье!“ И ввэ́чиръ ксёндзъ прыйшóў и упáў въ я́му, а хлопъ пидскóчыў тай го тамъ зáбыў.

Потóму на дрýгый дэнь зноў такъ чоловíкъ вы́правыў жи́нку до мíста и даў iйi 7 ɣрэ́йцариў, абы́ накупы́ла рíжного и щэ 7 ɣрэ́йцариў рэ́шты прынэ́сла. Онá йдэ, плáчэ, áлэ здыбаў йи зноў дрýгый ксёндзъ, даў iйi грóши и кáжэ, що прыйдэ ввэ́чиръ до нэ́и. Тай то-

гды хлопъ и того ксёндза въ ями забыў. И такъ посылаў жинку чэрэзъ 7 дниў, то 7 ксендзиў прыйшло и въ ями ихъ хлопъ побыў вси симь.

Тогды вжэ заклыкаў цыгана и кажэ: „У мэнэ въ синёхъ е бида; дамъ ты, кажэ, пятку, лышэ вынэсы тотў биду гэтъ!“ Тай вытягъ едного ксёндза зъ ямы и поставыў за двэри, а цыганъ хопыў ксёндза у михъ и виднисъ и кенуў въ стаў. Алэ закимъ цыганъ ся вэрнуў, хлопъ вытягъ зъ ямы другого ксёндза и поставыў за двэри. Прыходытъ цыганъ, а хлопъ кажэ: „О-то, бида ся зноў вэрнула, щэ борщэ, нижь ты!“ Цыганъ хопыў го у михъ и виднисъ у стаў. Прыходытъ, а хлопъ вжэ трэтого ксёндза поставыў за двэри. Зноў цыганъ виднисъ у стаў и такъ повыношуваў вси 7 ксендзиў, бо гадаў, що то всэ тота-сама бида ся вэртае. Даў му хлопъ пятку и цыганъ пишоў.

Идэ, а тамъ выйшоў якій-сь ксёндзъ надъ стаў на спацпръ. Тогды цыганъ гадаў, що то та-сама бида зноў вылизла зо ставу, тай пойимаў ксёндза и кажэ: „То я тэбэ вжэ 7 разъ виднисъ, а ты щэ ся вэртаешь?“ Тай зачаў ксёндза быты, забыў тай вэргъ у стаў.

И вжэ ся бида більшэ нэ вэртала.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

87.

Глупыя бабы.

Маў едэнъ ґазда дурну жинку тай йи разъ выправыў на торгъ до миста. Она взяла гусы тай забрала на торгъ продаваты. Прыйшла вжэ на торгъ, алэ нэ знала —по-чому ся платятъ гусы? То зачипыла якого-сь чоловика тай кажэ: „Постійтэ туй, попыльнуйтэ мы гусэй, а я пиду подывытыся—якъ ся гусы платятъ? алэ, кажэ, абы я васъ спизнала, якъ ся вэрну, то на-тэ вамъ мій кожухъ—трымайтэ!“ И дала му кожухъ, лышыла гусы тай пишла. Вэрнула, шукае, а того вжэ нэма—пишоў съ гусьмы

и съ кожухо́мъ. Прыйшла́ до-до́му и розповила то чоловиковы. А чоловикъ ся ду́жэ розлю́тыў тай ка́жэ: „Колы́ ты така́ дурна́, то я гэтъ иду́ въ сьвитъ за очы́ма! якъ на́йду щэ таку́ дурну́, якъ ты, то ся вэ́рну дъ то́би, а якъ нье, то ся нэ вэ́рну!“ И забра́ўся и пишо́ў.

Прыхо́дытъ до едно́го сэла́, ды́вытся—такъ една́ кобита го́нытся за ку́ркоў, такъ ку́рку бье! Винъ їи ся пыта́е: „Що́ ты, жинко, ро́бышь?“ А она́ ка́жэ: „Ма́е ку́рка ку́рята, та нэ хо́чэ имъ да́ты сса́ты!“—„А що́ мэни дашь, ка́жэ, якъ я тя нау́чу, якъ ся ма́е ку́рята кормы́ты?“—„Дамъ ты 50 ры́ньскихъ!“—Ка́жэ винъ: „Дай мэни сюда́ муку́!“ Дала́ она́ муку́, тогды́ винъ замисы́ў ти́сто и подробы́ў ку́рци на зэ́млю, а ку́рка що́ ухо́пытъ ку́снякъ, то клы́чэ ку́рята—году́є. Тогды́ ся жинка утишыла, да́ла му гро́ши и винъ собі пишо́ў да́ли.

Идэ́-идэ́ тымъ сэло́мъ да́ли, ды́вытся, а тамъ прыста́выла ба́ба драбы́ну до даху́ тай тя́гнэ коро́ву по драбы́ни на дахъ тай бье. Тогды́ винъ пыта́ется: „А що́ вы ро́бытэ, кобито?“ Она́ ка́жэ: „Вы́росла трава́ на даху́ така́ файна, то го́ню коро́ву, абы́ па́сла, а́лэ шэ́льма нэ хо́чэ ли́зты!“ Винъ зноў такъ ка́жэ: „Що мы дастэ́, якъ я васъ нау́чу?“—„Дамъ, що́ хо́чэтэ, лышэ́ научи́тъ!“—Винъ тогды́ взяў сэрпъ, вы́лизъ на дахъ и скосы́ў траву́, тогды́ даў траву́ коро́ви и зийла. Дала́ му та кобита зноў 50 ры́ньскихъ и винъ пишо́ў.

И йдэ тымъ-са́мымъ сэло́мъ да́ли, а тамъ на киньцы́ такъ кобита би́гае съ рэшэто́мъ по двори тай ма́хае рэшэто́мъ до двэрэ́й.—„А що́ вы ро́бытэ, кобито?“—Она́ му ка́жэ: „Хо́чу загна́ты со́ньцэ до ха́ты, бо тэ́мно,—та нэ мо́жу!“—„Що́ мэни дастэ́, кобито? я вамъ за́разъ зажэ́ну!“ —„Дамъ, ка́жэ, 100 ры́ньскихъ!“—Взяў винъ тогды́ соки́ру тай пылу́, вы́рубаў въ стини диру́ и вста́выў викно́, то вжэ со́ньцэ сьвитыло до ха́ты. Взяў видъ ба́бы 100 ры́ньскихъ и пишо́ў вжэ до-до́му—дъ своїи жинци. И прыйшо́ў и ка́жэ: „Е щэ таки дурни ба́бы на сьвити, якъ ты,—на́вить дурні́йши!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

88.

Человѣкъ съ того свѣта.

а). Маў едэнъ чоловикъ дурну жинку. И винъ пойихаў разъ въ лисъ тай кажэ до нэи: „Жинко, якъ я прыйиду зъ лиса, абы було що йисты!“ Она затопыла, нальляла едэнъ зэлизныкъ окропу, и другый, и трэтый, тай ввэргла въ едэнъ зэлизныкъ едэнъ горохъ, у другый едну бульбу, а въ трэтый лыжку муки. Чоловикъ прыйиждже зъ лиса, а она ёму то поставыла тай кажэ: „Йижь!“ Винъ ся тогды дужэ розлютыў и пишоў соби въ сьвитъ.

Идэ-идэ и прыйшоў до едной бабы, а та баба пытаеся ёго: „Видки вы?“—„Зъ усёго сьвита!“—А она нэ дочула тай пытаеся: „Зъ тамтого сьвита?“ Винъ тогды кажэ: „А-я, изъ тамтого сьвита!“ Тогды она кажэ: „А що тамъ мои татуньо тай мамуня тай диточки робятъ?“—„Таки голэньки, кажэ, таки босэньки! тай нэ маютъ що йисты, ни пыты!“—Тогды она узяла и дала ёму кожухиў и сиракиў и грошп тай кажэ: „Занэситъ то на тамтой сьвитъ, най ся мои мама тай тато тай диточки поубыраютъ та най сы йисты купятъ!“ Той всё тото забраў и пишоў.

Надходытъ той бабы чоловикъ и вна ёму то розповила, що прыйшоў якій-сь чоловикъ и взяў кожухи и гроши на тамтой сьвитъ. Тогды винъ пытаеся: „А цы даўно, цы догоныў-бы я ёго ещэ?“—„Нэдаўно!“—Сиў на коня и займыў, ажъ догоныў того, алэ той сховаў ти рычы въ лиси, а самъ сиў соби для сэбэ тай прыкрыў гнўпо шапкоў. Тай всэ кажэ: „А-уша-га, а-уша-га!“ Той надийихаў, пытаеся го: „Цы нэ выдилы вы якого подорожного, абы тудый йшоў?“—„Выдиў-емъ, кажэ, подэтиў!“—Тогды той пигнаў дальшэ, алэ нэ догоныў, вэрнуўся. Тай кажэ до того: „Можэ-бы вы ёго догоныли?“—„Чому ни? догоню! алэ, кажэ, на-тэ—того пташка пидъ шапкоў стэрэжитъ, ажъ поки я ся нэ вэрну!“—Тай тогды сиў винъ на того коня, що той ґазда прыйихаў, тай пойихаў гэтъ; а хлопъ того пташка стэрэжэ-стэрэжэ ажъ до

вэ́чэра. Прыйшо́ў вэ́чиръ—ни коня́, ни хло́па! Зача́ў винъ то́го пта́шка бра́ты, хоти́ў вжэ йты до-до́му. И такъ наоко́ло ша́пки обту́люе, абы́ пта́шокъ нэ ўтикъ, засу́нуў ру́ку пидъ ша́пку, а то—гиўно́.

Прыхо́дытъ до-до́му и ка́жэ жи́нци: „Зробы́ла ты дурнэ́, а́лэ я щэ дурні́йшый буў!“

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

—

б). Ходы́ў едэ́нъ по сьви́ти чолови́къ. Тай разъ прыйшо́ў до ко́рчмы, а въ ко́рчми нэ бу́ло нико́го, лышь жыди́ўка; жыдъ дэ-сь пишо́ў до сэла́. А тота́ жыди́ўка ёго́ ся пыта́е: „Видки вы́?“—„Изъ сьви́та!“—А оаа́ нэ дочу́ла тай ка́жэ: „Ви́дки-ви́дки? зъ тамто́го сьви́та?“—„Зъ тамто́го сьви́та, а-я́!“—Тогды́ она́ ся пыта́е: „А що́ тамъ ро́бятъ мои́ та́то тай ма́ма?“—„О, ка́жэ, та́то свы́ни пасэ́, а ма́ма михи́ ла́тае; ду́жэ тамъ биду́ютъ!“—Тогды́ она́ му надава́ла по́ўный михъ билы́зныны, хли́ба, були́къ, ри́жного, абы́ видни́съ на тамто́й сьвитъ до ей та́та тай ма́мы. И винъ взяў и попи́съ.

А тогды́ жыдъ вэрну́ў до-до́му, а она́ ка́жэ: „Ту буў чолови́къ зъ тамто́го сьви́та, то-мъ да́ла дэ́-що для та́та й ма́мы, бо ду́жэ тамъ биду́ютъ!“ Тай жыдъ за́разъ сиў на коня́ тай пойи́хаў здоганя́ты то́го чолови́ка. Такъ жэнэ́, а той увы́днў тай вэргъ михъ у ко́рчи, а самъ сы́ставъ пидъ бэрэ́зу и трыма́е обо́ма рука́мы бэрэ́зу. Жыдъ прыйи́хаў про́сто нёго тай пыта́еся: „Цы нэ вы́дилы вы тако́го, абы́ нисъ михъ на плэ́чохъ?“—„Вы́днў-емъ, ка́жэ, а́лэ то вжэ даўно́ бу́ло!“—„А цы догоны́лы-бы-сьтэ го?“—„Да́йтэ,—ка́жэ хлопъ,—най сяду на коня́, то мо́жэ догоню! а́лэ мусытэ за мэ́нэ трыма́ты тоту́ бэрэ́зу, за́ки я вэ́рну, абы́ нэ ўпа́ла!“—Тогды́ жыдъ пидпэ́ръ бэрэ́зу—трыма́е зъ всэ́и сы́лы, а той сиў на коня́, взяў зъ корчи́ў михъ тай пойи́хаў. Трыма́е жыдъ бэрэ́зу, трыма́е, такъ до вэ́чэра. Тай у вэ́чиръ вжэ хо́чэ йты гэть; то такъ пома́лу-пома́лу видсува́ўся видъ бэрэ́зы, а пото́му якъ ско́чыў на́-бикъ—боя́ўся, абы́ на нёго нэ ўпа́ла. А́лэ бэрэ́за нэ ўпа́ла.

Тай прыйшо́ў жыдъ до-до́му тай ка́жэ до жи́нки: „До́сыть ты дурна́ бу́ла—да́ла-сь михъ билы́зпыны тай хли́ба, а́лэ я щэ дурні́йшый. бо-мъ даў коня́ и бэрэ́зу-мъ за-ду́рно цилы́й дэнь трыма́ў!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

89.

Хитрый мужъ и глупая жена.

Буў едэ́нъ γа́зда би́дный тай робы́ў у па́на на па́нщыни. Тай разъ му панъ таку́ гору́ съ ко́рчима каза́ў розко́пуваты. Винъ копа́ў-копа́ў тай найшо́ў вэлы́ки гро́ши въ тій гори́. Прыйшо́ў до-до́му тай ка́жэ жи́нци: „Я найшо́ў гро́ши въ па́новій гори́, то пидэ́мъ въ ночы́ и во́зьмэмъ, абы́ нихто́ нэ вы́диў, абы́ панъ нэ видобра́ў!“ Винъ ї́ій то сказа́ў, а́лэ да́ли сы погада́ў, що злэ зробы́ў, що сказа́ў жи́нци, бо я́къ-бы ї́и колы́ набы́ў, то она́ за́разъ пи́дэ и бу́дэ о тимъ крыча́ты мэ́жы лю́дэ. Тогды́ ка́жэ до нэ́и: „Ляга́й спа́ты, бо ажэ́нь о трэ́тій годы́ни пидэ́мъ по гро́ши!“ Жи́нка лягла́, а винъ пишо́ў, накупы́ў колачи́ў и розмэта́ў по обо́ри тай по ха́ти. И пишо́ў щэ тай поста́вы́ў зэли́зко и е́трыкъ—то спюхъ зла́паўся у зэли́зко, а ры́ба въ е́трыкъ; а́лэ винъ взяў, пэрэминя́ў тото́—поста́вы́ў ры́бу у зэли́зко, а спюха́ въ е́трыкъ. Такъ зробы́ў тай пишо́ў до-до́му и лягъ спа́ты. Ажъ о трэ́тій годы́ни по пи́ўночы схо́пыўся и збуды́ў жи́нку.—„Йой, ка́жэ, а-ды́—колачо́ва ту́ча йшла—по́ўно колачи́ў въ ха́ти!“ Жи́нка вста́ла, пишла́ збыра́ты колачи́ тай ка́жэ: „О-то́ фа́йна ту́ча, кобы́ такъ що-но́чы!“ Тогды́ вжэ пишлы́ на гору́ по гро́ши. Иду́тъ и нады́балы въ е́трыку спюха́.—„Йой, ка́жэ, а-ды́—спюхъ ся зла́паў до е́трыка!“—Тай йдутъ-йдутъ, а тамъ въ зэли́зку ры́ба.—„О-то́, ка́жэ, а вна ту якъ зайшла́?“—Тогды́ пишлы́ и ти гро́ши забра́лы тай понэслы́ до-до́му.

Яко́-сь цы за ты́ждэнь, цы якъ, набы́ў той чолови́къ жи́нку, а она́ у́ти́кла на сэло́, γваўту́е, а потому пишла́

зо злосты до пана тай кажэ: „Той мій чоловикъ найшоў грошп у пановій горй тай забраў!“ Панъ тогды пислаў по нёго слугы. Винъ прыйшоў, пытаеся ёго панъ: „Ты найшоў грошп?“—„Нп! та дэ?“—„А-отъ твоя жинка кажэ, що-сь найшоў въ мойій горй!“—„Пэкъ!—кажэ хлопъ;—та она дурна цпукомъ!“—Панъ заклыкаў жинку, пытаеся: „Цы найшоў твій чоловикъ грошп?“—„Найшоў!“—„Прынисъ у ночы до-дому?“—„Прынисъ!“—кажэ. А чоловикъ тогды кажэ до нэи: „Та дэ, колы?“—„А-о, кажэ, тогды, якъ колачова туча йшла! щэ-сьмо надыбалы по дорозп спюха у етрыку и рыбу въ зэлизку!“—Тогды чоловикъ кажэ: „Нэсчистье моe, вжэ мы цпукомъ жинка здурила!“ А панъ кажэ до бабы: „Э, йды собй, ты дурна!“ Тай йп панъ гэтъ пагнаў до-дому—нэ повьерыў.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

90.

Дуракъ.

Буў отэць богачъ тай маў тры сыны: два булы розумни, а едэнъ дурный. Тай заставыў ихъ отэць пасты вйуцп. На полуднэ выправылы розумни братья дурного до-дому, абы имъ прынисъ обидъ. Взяў дурный пырогы и галушкй тай нэсэ. А вороны всэ скачутъ тай—ква-ква. А винъ имъ всэ пырогы мэчэ, абы нэ крычалы, тай вымэтаў вси пырогы воронамъ. Алэ идэ дали— зноў вороны крычатъ за нымъ. Тогды винъ зачаў мэтаты воронамъ галушкй тай зноў вымэтаў галушкй вси до еднои. Прыйшоў дъ братимъ—прынисъ порожни горшкй. Пытаютъ го ся братья: „Дэ-жъ обидъ?“ Винъ кажэ: „Та пырогы забралы ворогы, а галушкй свашкй!“

Пишлы оны тогды до-дому самй, а ёго лышылы съ вйуцима п кажутъ: „Пасы-жъ ту вйуцп, алэ пыльнуй, абы булы вси на-купп!“ Винъ взяў, побыў, поризаў вси вйуцп тай поскладаў на-купу. Прыходятъ братья.

—„Йой, та що ты ту поробы́ў, дурня́го?“—Винъ ка́жэ: „Ба, та́-жэ-сьтэ каза́лы, абы́ ви́ўци бу́лы на-ку́пи, то-мъ посклада́ў!“

Тогды́ бра́тья ка́жуть: „Х о д и́ м ъ м ы т э п э́ р ь в ъ с ь в и т ъ, бо якъ ся та́то дови́дае, то насъ за́бье!“ Иду́тъ оны́, иду́тъ, а ко́ло едно́й ха́ты лэжа́ла бра́ма. Дурны́й ка́жэ: „Я бэру́ тоту́ бра́му!“—„Та нэ бэры́, ду́рню, на-що́ тоби́?“—„Мэни́ трэ́ба!“—Т а й в з я ў б р а́ м у, п о п и́ с ъ. Зайшлы́ оны́ въ лисъ тай ли́зутъ на ду́ба ночува́ты. В ы́ л и з л ы н а д у́ б а, а д у р н ы́ й щ э й б р а́ м у с ъ с о б о́ ў в ы́ т я г н у ў. А въ ночы́ п р ы й ш л ы́ з л о д і е т а й в з я́ л ы п и д ъ д у́ б о м ъ о г э́ н ь к л а́ с т ы. Тай розложы́лы тамъ свой ма́етки и зача́лы ся ди́лыты. А д у р н ы́ й т о г д ы́ с ъ д у́ б а н а п ы х ъ с я ў с ц я ў. —„О-то́, —ка́жуть злоді́е,—які́й до́щыкъ ро́сытъ!“—Т о г д ы́ д у р н ы́ й п у с т ы́ ў с ъ д у́ б а б р а́ м у. Злоді́е напу́дылыся тай зача́лы ўтика́ты.—„Йой, ка́жуть, гримъ на насъ уда́рыў!“—Т а й п о ў т и к а́ л ы г э т ъ и в с и м а е́ т к и п о л ы ш а́ л ы. Тай тогды́ вжэ б р а́ т ь я в с и т и м а е́ т к и з а б р а́ л ы т а й в э р н у́ л ы с я в ж э д о - д о́ м у.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

91.

Школьникъ и нищій.

И ш о́ ў б и́ д н ы й ш к о л я́ р ъ з и Л ь в о́ в а н а в а к а́ ц ь и д о с в о́ г о с э л а́. Хлибъ му вжэ вы́йшоў вэсь, а нэ маў за́-що купы́ты соби́. Тай такъ зитхну́ў соби́: „Го́споды! кобы́ хоть шу́сточку знайты́ на доро́зи!“ Идэ́ да́льшэ, ажъ ту—зыркъ!—що-сь блыщы́тся на доро́зи. В и н ъ п и д н я́ ў, д ы́ в ы т с я, а т о д у к а́ ч ъ. Ду́жэ ся ўти́шыў хло́пэць, а́лэ сы пото́му гада́е: „Що́ мы зъ то́го, хто-жъ мэни́ ту на сэли́ зминя́е то́го дукача́?“

Т а й т а к ъ з д ы́ б у е п р ы д о р о́ з и д и́ д а с ь л и п о́ г о т а й к у л я́ в о г о. Зна́ў, що диды́ ма́ютъ мно́го дрибны́хъ гро́шэй (бо тогды́ то й диды́ бува́лы бога́ти), тай ка́жэ: „Диду́сю, мо́жэ-бы-сьтэ мэни́ зминя́лы дукача́?“—„А-ну́-ну, покажы́, най подыў́люся—чы спраўдэ́шный дука́чъ?“—Взяў дидъ дука́чъ въ ру́ки, обэртае го на вси бо́ки, обма́цяў тай пыта́ется

тогды́ хло́пця--звиідки ма́е дукача́? Винъ сказа́ў му цилу́ пра́ўду, що знайшо́ў на доро́зи. Тогды́ дидъ вы́йняў зъ-за па́зухи малы́й я́щыкъ и покла́ў въ нэ́го дука́чъ тай ка́жэ: „То вы́дышь, ду́рню, щэ мы акура́тъ одно́го дукача́ бракова́ло, щобы́ я́щыкъ буў по́ўный; тэпэ́рь иды́ соби́ съ Бо́гомъ, бо якъ ся нэ усту́пышь по-до́брому, то тя ку́лямы наго́ню!“ Хло́пэць видиіишо́ў съ пла́чомъ, а́лэ пото́му ста́нуў и ды́вытся — що́ дидъ бу́дэ робы́ты?

Дидъ встаў и пишо́ў, а хло́пэць потыху за нымъ; тай прыйшлы́ такъ до хаты́нки пидъ ли́сомъ. Дидъ увиіишо́ў до ха́ты, а хло́пэць ста́нуў пры поро́зи. Алэ въ ха́ти буў щэ дру́гый дидъ—та́кжэ сьлипы́й и крывы́й. Тай той въ ха́ти ка́жэ: „То ты, Максы́мэ?“ —„Я!“—ка́жэ той дидъ, що прыйшо́ў. Тай зача́ў му тогды́ розповида́ты, якъ винъ видобра́ў хло́пцёвы дукача́.—„О-тэпэ́рь ма́ю вжэ по́ўный я́щыкъ!“—ка́жэ.—„А-ну́-ну, покажы́!“—Той вы́йняў я́щыкъ и дае́ ди́довы; а́лэ школя́ръ тогды́ потыхо́ньки пидиіишо́ў, наста́вы́ў ру́ку тай взяў я́щыкъ видъ ди́да. Тогды́ вы́йшоў зъ ха́ты тай поби́гъ соби́ гэтъ.

Алэ дидъ ка́жэ до ди́да: „Чому́ мы нэ дае́шь я́щыка? чы ся бойшь, чы що́?“ Той ка́жэ: „Та́-жэ-мъ ты що-и́но даў!“ Дидъ ка́жэ, що нье, а́лэ той му ка́жэ: „То ты нэ́ўно схова́ў, зло́дію!“ Тай такъ видъ сло́ва до сло́ва — зача́лыся диды́ бы́ты. Ажъ нарэ́шти здогада́лыся на школяра́ тай ка́жуть: „О-то́, нэ́ўно той школя́ръ взяў гро́шп! то́-то—що́ шку́бэръ, то шту́дэръ!“ Тай на тимъ погоды́лыся.

(Сообщено В. Я. Трушомъ изъ с. Славна, золочевскаго у.)

92.

Какъ люди дурака разуму учили.

а). Една́ ба́ба писла́ла сы́на до ми́ста—купы́ты чвэрть горо́ху. Винъ буў тро́ха гы прыдурковатый, то она́ му каза́ла (абы́ винъ нэ забу́ў), абы́ всю доро́гу, якъ бу́дэ йты до ми́ста, всэ каза́ў: „Чвэрть горо́ху, чвэрть горо́ху!“

И винъ идэ́ доро́гоў тай всэ собі́ такъ гово́рытъ: „Чвэрть горо́ху!“ А тамъ пры доро́зи сі́яў бога́чъ горо́хъ тай чу́е, що той идэ́ доро́гоў тай всэ ка́жэ: „Чвэрть горо́ху!“ Тай винъ го заварну́ў и ка́жэ: „Що́ ты за-е́дэнъ? то ты мэни́ ка́жэшь, щобы́ мэни́ ся ти́лько чвэрть горо́ху уро́дыла?“ Тай взяў то́го бы́ты хлопака́.—„Памята́й сы, ка́жэ, абы́-сь, якъ кого́ такъ здыблэшь, всэ каза́ў: Дай Бо́жэ счи́стье, щобы́-сьтэ нэ моглы́ ни пэрэносы́ты, ни пэрэвозы́ты!“

Той идэ́ тогды́ зноў зъ кава́локъ доро́гы—вэзу́тъ мэрло́го. А той имъ дурны́й тогды́ ка́жэ: „Дай Бо́жэ счи́стье, абы́-сьтэ нэ моглы́ ни пэрэносы́ты, ни пэрэвозы́ты!“ Зла́палы го, набы́лы.—„То мы ту пла́чэмъ, заво́дымъ, а ты намъ таке́ ка́жэшь? ты повы́нэнъ, ка́жутъ, клякну́ты и мо́выты молытвы́: Ви́чная па́мять!“

Тай вжэ зно́ву идэ́ да́ли—здыба́е вэсилье́. Тогды́ винъ вжэ клякъ сда́лэку, ру́ки зложы́ў и мо́лытся Бо́гу пэ́рэдъ вэсилёмъ: „Ви́чная па́мять та ви́чная па́мять!“ Ти ды́вятся—а то що?—„Мы ся, ка́жутъ, вэсэ́лымо, а той Бо́гу мо́лытъ за насъ, абы́ мы у́мыра́лы, чы що?“—Тай го тогды́ вжэ зно́ву набы́лы, вжэ та́ки до́брэ.

И вэрну́ўся вжэ тогды́ съ пла́чомъ до-до́му, вжэ й за горо́хомъ нэ ходы́ў. Розповиў ма́ми всё, якъ го тры ра́зы побы́лы, пла́чэ. А ма́ма тогды́ му ка́жэ: „Ду́рня ны сі́ютъ, ны о́рутъ, ду́рни ся самі́ ро́дятъ!—тай ты такі́й!“

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

б). Ма́ла ба́ба чолови́ка ло́ɣэна, що нэ хоти́ў робы́ты ницъ. Тай жи́нка го набы́ла кочэ́ргоў тай нагна́ла въ сьвитъ, абы́ го лю́дэ розу́му нау́чылы.

Винъ идэ́—людэ въ полю вэснуютъ собі́. Ишо́ў по́-пры едно́го—нэ казаў ницъ; ишо́ў по́-пры дру́гого—такой ницъ; по́-пры трэ́того надійшо́ў и зноў ницъ нэ кажэ. Тогды́ той поста́выў во́лы цы ко́ни, йимы́ў и набы́ў то́го.—„Та за́-що вы мэнэ́ бье́тэ?"—„Абы́-сь, ка́жэ, якъ що такé здыблэшь, казаў: Дай Бо́жэ счи́стье, абы́-сьтэ нэ моглы́ ни пэрэвозы́ты, ни пэрэносы́ты!"

Винъ идэ́—вэзу́тъ умэрця́. Винъ ка́жэ: „Дай Бо́жэ счи́стье, абы́-сьтэ нэ моглы́ ни пэрэвозы́ты, ни пэрэносы́ты!" Йимы́лы го людэ, набы́лы. Тогды́ винъ ся пыта́е: „Та я́къ-жэ мэні́ каза́ты?"—„Ма́ешь каза́ты: Абы́ за такé нихто́ нэ знаў, ни чува́ў!"

Винъ идэ́—здыбуе вэсилье́. Ка́жэ: „Бода́й за такé нихто́ ни знаў, ни чуваў у тимъ сэлі́!" Йимы́лы вэси́льни, набы́лы го.—„За-що́ мэнэ́, людэ, бье́тэ?"—Ка́жутъ вэси́льни: „Якъ такé здыблэшь, ма́ешь каза́ты: Дай Бо́жэ счи́стье, абы́-сьтэ ся вэсэлы́лы, абы́-сьтэ ди́ты съ ны́мы ма́лы!"

Винъ идэ́, а ризни́къ свы́ни жэнэ́.—„Дай Бо́жэ счи́стье, ка́жэ, абы́-сьтэ ся вэсэлы́лы, абы́-сьтэ съ ны́мы ди́ты ма́лы!"—Ризни́къ пэрэби́гъ, якъ зача́ў бы́ты, винъ ся тогды́ пыта́е: „Ба, я́къ-жэ мэні́ каза́ты?" —„Ма́ешь каза́ты: Дай Бо́жэ счи́стье, абы́ надъ тымъ попы́ галылу́йкалы, абы́ то ся на тарэ́лы кра́яло!"

Ну, идэ́ винъ, а едэ́нъ тамъ сыди́ў для сэ́бэ. Винъ ка́жэ: „Дай Бо́жэ счи́стье, абы́ надъ тымъ попы́ галылу́йкалы, абы́ то ся на тарэ́лы кра́яло!" Той ся схо́пыў, набы́ў, а винъ ка́жэ: „Якъ-жэ мэні́ каза́ты?" „Ницъ нэ ма́ешь каза́ты, ка́жэ, лышэ́ абы́-сь плю́нуў!"

Идэ́ винъ, а дви ба́бы сыдя́тъ на зари́нку—една́ дру́гій въ го́лову ся дывы́ла. Винъ тогды́ мэ́жы ба́бы плю́нуў. Йимы́лы ба́бы, набы́лы. Винъ ка́жэ: „Йой, людэ, та вжэ мя такъ бье́тэ—ко́сты-сьтэ мы поломы́лы! що́-жъ вжэ ма́ю робы́ты?"—„Якъ дэ такé найдэ́шь, абы́-сь свою́ го́лову пхаў!"

Винъ идэ́, а два ся псы йидя́тъ. А винъ запхаў свою́ го́лову мэ́жы ныхъ—тай псы видйи́лы дурно́му го́лову.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

93.

Три гроша.

Прыйшо́ў кумъ до ку́ма тай ка́жэ: „Пожы́чтэ вы мэні́ тры гро́ши!“—„А колы́ виддастэ́?“—„Я вамъ, ка́жэ, виддáмъ нэ за до́ўгый часъ—за ми́сяць!“—Тай кумъ пожы́чыў му тры гро́ши.

Алэ мынáе ми́сяць—нэмá гро́шэй. Тогды́ кáжэ той, що пожы́чыў видъ ку́ма гро́ши, до жи́нки: „Вжэ мынáе той часъ, що мáемо ку́мовы гро́ши виддавáты, а нэмá; то я во́зьму и ўмру, а ты мэнэ́ наладу́й тай положы́ на лáвыцю!“ И положы́ўся за умэрло́го на лáвыцы. Тогды́ кумъ прыхо́дытъ по гро́ши. Такъ кумá плáчэ за чоловикомъ, заво́дытъ, то винъ йи ся пытáе: „Ку́мо, а вы чого́ такъ плáчэтэ?“ —„Та подывится, кáжэ, умэ́ръ мы чолови́къ! хто вамъ тэпэ́рь тоты́ гро́ши тры виддáстъ?“—Алэ кумъ пишо́ў до жы́да, купы́ў сы сьви́чку тай прыйшо́ў зноў до ку́ма: засьвиты́ў сьви́чку тай зачáў ку́мовы ля́паты на нисъ. А кумъ усэ́ соби́ но́сомъ поки́вуе, а той лышэ́нь соби́ посьми́шкуе. Тай пото́му положы́ў усю́ сьви́чку ку́мовы на нисъ; якъ сьви́чка догори́ла, то ку́ма спэкло́ въ нисъ, а той тогды́ махну́ў руко́ў по но́си. Тогды́ кумъ кáжэ до нёго: „А вы що́ ро́бытэ, ку́мэ? тá-жэ вы вжэ бу́лы ўмэ́рлы!“ —„До́брэ, кáжэ той, що́-сьтэ прыйшлы́ тá-сьтэ мя ожывы́лы!“— А кумъ кáжэ: „А колы́ вы мэні́ тры гро́ши виддастэ́?“ —„Вжэ вамъ чымъ-на́йборшэ виддáмъ!“—Тай кумъ забрáўся тай пишо́ў до-до́му.

Тогды́ кáжэ той до жи́нки: „Я зноў ўмру, а ты вы́копай я́му тай мэнэ́ поховáй; áлэ нэ законпу́й зэмлэ́ў, лышэ́нь прыкры́й я́му дошкáмы!“ Тай такъ зробы́лы зно́ву. А кумъ прыхо́дытъ зноў по гро́ши. Бáба плáчэ, йо́йкае, а винъ кáжэ: „Ку́мо, та чого́ вы такъ плáчэтэ?“—„Ба, та ўмэръ мы чолови́къ, то хто вамъ тры гро́ши виддáстъ?“ —„Упови́джтэ мэні́, кáжэ, дэ вы ёго́ поховáлы, най пиду́—за ёго́ ду́шу Отчэнáшъ змо́вью!“—Тай прыйшо́ў надъ я́му—такъ бурчы́тъ, гы бугáй, тай глы́ноў у дошки́ мэ́чэ. А той кáжэ зъ я́мы: „А-ке́цъ-ке!“ Тогды́ кумъ кáжэ: „Ку́мэ, а вы що́ тамъ ро́бытэ въ я́ми?“—„Ой, кáжэ, виджэни́тъ бугая́ пэ́ршэ!“—Тогды вылизъ изъ я́мы, а кумъ кáжэ:

„Ну, колы́ вжэ тоты́ тры гро́ши виддастэ́?“—„Вжэ тэпэ́рь, ка́жэ, за тры дны пэ́унэ видда́мъ!“

Тай тогды́ пишо́у до жи́нки и ка́жэ: „Жи́нко, иды́ до ксёндза, будэ́шь каза́ты, що я у́мэръ, абы́ мэнэ́ йшлы хова́ты; а́лэ, ка́жэ, абы́ мэнэ́ хова́лы пи́зно въ почы́, то я зъ тру́мна вы́хоплюся тай утэчу́,—нэ бу́дутъ вы́дити!“ И даў йій тры гро́ши, ка́жэ: „Дашь ксёндзу едэ́нъ гришъ и дяко́вы едэ́нъ гришъ, а щэ трэ́тый для насъ лы́шытся, а ку́мовы та́ки нэ виддамо́!“ Тай она́ пишла́ до ксёндза тай такъ всё розпови́ла, якъ винъ йій каза́у. Прыйшлы́ вжэ вэ́чиръ хова́ты его́, видпра́вылы тай понэ́слы. Прыйшлы́ до цэ́рквы, а́лэ вжэ пи́зна годы́на бу́ла, то ксёндзъ ка́жэ: „Лю́дэ, тэпэ́рь вжэ глубо́ка ничь, мы нэ будэ́мъ гришнэ́ ти́ло тэпэ́рь у я́му пха́ты!“ Тай видложы́лы на ра́но, а лю́дэ позабыра́лыся до-до́му. Алэ той кумъ до-до́му нэ йшоу, лышэ́ стау сы въ ку́тчыку у цэ́рквы.

Алэ ксёндзъ забу́у у цэ́рквы свою́ табаке́рку, то пысла́у по ню слу́гы до цэ́рквы. Слу́гы увійшлы́ до цэ́рквы, засьвиты́лы сы тай увы́дилы на сэрэды́ни тру́мно. А оны́ нэ зна́лы, що то то́го чоловíка на́-ничь лышы́лы, гада́лы сы, що то мо́жэ якíй опы́ръ.*) Тай ка́жутъ: „Ану́, пэрэтни́мъ тото́ тру́мно!“ А той ка́жэ зъ тру́мна: „Я васъ поду́шу!“ А кумъ ка́жэ зъ кута́: „А я бу́ду помага́ты!“ Тоты́ слу́гы якъ то почу́лы, то поутика́лы ажэ́нь до-до́му. Тогды́ той вы́лизъ изъ тру́мна, а кумъ ка́жэ зъ кута́: „Ку́мэ, а вы ту що́ ро́бытэ?“—„До́брэ, ка́жэ, що́-сьтэ прыйшлы́, тэпэ́рь бу́дэмъ цэ́ркоу обкрада́ты!“ Тай розбы́лы скарбо́нку, забра́лы вси гро́ши тай поділы́лыся. А кумъ ка́жэ: „Ку́мэ, а видда́йтэ щэ мэни́ тоты́ тры гро́ши!“ Алэ тогды́ едэ́нъ слуга́ вэрну́уся потыхо́ньку, бо хоти́у зна́ты—що́ то таке́ въ цэ́рквы бу́ло? Тай всу́нуу го́лову крузь двэ́ри, а той кумъ схо́пыу съ нэ́го ша́пку тай дау ку́мовы.—„На́-тэ вамъ, ка́жэ, за ти тры гро́ши,—да́йтэ мы спо́кій!“

Ажэ́нь тогды́ кумъ ку́мовы ти тры гро́ши видда́у.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

---

*) См. ниже—въ приложеніяхъ—повѣрья объ опырѣ.

94.

Дѣдъ и баба.

Такъ буў дидъ тай баба и вны мáлы у лиси на горбкý хáтку. Алэ оны́ бýлы дýжэ би́дни и ницъ нэ мáлы, лышэ́нь ходы́лы на грыбы́ та збырáлы. И такъ разъ пишлы́ и надыбалы въ лиси барана и зари́залы го тай понэ́слы до-дóму; шки́ру здойм́ылы тай положы́лы пидъ лáўку, а мя́со зварылы тай засýнулы у пичь. А самы пишлы у сэлó за выдэ́ўкамы, абы́ ййсты то мя́со, бо вжэ по-пáньски хоти́лы ся балювáты.

И здыбалы цы́гана на дорóзи тай кáжуть до цы́гана: „Абы-сь нэ йшоў до нáшои хáты—тамъ на горбкý пидъ ли́сомъ, бо тамъ у насъ е мя́со у пэчы́ тай шки́ра пидъ лáвыцэў!“ Тай пишлы́ у сэлó, а цы́ганъ зайшóў до хáты, найи́ўся мя́са, лышэ́ кисткы́ лышы́ў у мы́сци, узя́ў шки́рку въ тóрбу тай пишóў гэть.

Прыхóдятъ дидъ тай бáба до-дóму, ды́вятся, а въ мы́сци лышэ́нь кисткы́, тай шки́рки нэмá пидъ лáвкоў, лышь дри́бка вóўны, а на тіи вóўни сыди́лы мýхи. Тогды́ кáжэ дидъ до бáбы: „О-тó, мýхи пойи́лы намъ нáшу прáцю!“ А бáба кáжэ: „Бы́ймо тэпэ́рь прокля́ти мýхи!“ Тай взяў дидъ макоги́нъ, а бáба рэбрáчку—вжэ ли́таютъ по хáти за мýхамы. Дэ котрá ся́дэ, зáразъ бьютъ,—цы на горнэ́ць, цы на викнó,—всё порозбывáлы.

Тогды́ кáжэ бáба до ди́да: „Э, такъ злэ!“ Си́ла сы тогды́ бáба на порóзи съ рэбрáчкоў, а дидъ нагання́е до нэ́и мýхи тай бáба бье на порóзи. Вси мýхи такъ вы́была, лышэ́ една ся щэ лышы́ла—си́ла бáби на нисъ. Алэ бáба кричы́тъ: „Бый, ди́ду, мýху, óци на нóси сыды́тъ!“ Тогды́ дидъ якъ удáрыў бáбу макогóномъ по нóси, то бáба полэ́тила ажъ до синэ́й,—зáбыў бáбу на смэрть. Тай конэ́ць.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ОТД. I и II.*)

95.

Вѣчные жиды.

Ка́жутъ, що якъ жыды́ роспына́лыИсу́са Хрыста́, то ихъИсу́съ Хрысто́съ закля́ў, щобы́ жы́лы до кипьця́ сьви́та—на ви́ки. И оны́ сыдя́тѣ за мо́рёмъ и пэ мо́жутъ ся звидтамъ дпста́ты до краю до сво́го, бо мо́ря разъ-у́-разъ гра́ютъ—вода́ кипы́тъ разъ-у́-разъ. Хиба́ въ одпу́ субо́ту стае́ фа́ли тота́.

(Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

96.

Языкъ природы.**)

Буў у па́на лёкай. Тай той папъ всэ собі́ вары́ў яке́-сь таке́ зі́лье, що видъ то́го всё знаў—що́ ся въ сьвіти ді́яло и що́ ся щэ бу́дэ ді́яты; а́лэ то́му лёкаёвы бу́ло зака́зано, щобы́ винъ ничо́го пэ ку́шаў то́го. А випъ та́кой разъ покоштува́ў то́го зі́ля, хоць му зака́зано було́, тай тогды́ винъ вжэ та́кжэ знаў всё—що́ дэ яка́ птыця гово́рытъ, цы які́й зьвиръ, цы лы́стъ шумы́тъ на дэрэ-вы́ни, то винъ то всё вжэ розумі́ў. И папъ за то ёго́ пагна́ў гэтъ, що випъ поку́шаў то́го зі́ля, и такъ го за-

---

*) Такъ какъ, по досадному случаю, нѣсколько нашихъ записей въ свое время затерялось и поэтому раньше—въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ сборника—помѣщено быть не могло, то мы помѣщаемъ ихъ, разыскавъ ихъ нынѣ вновь, только здѣсь—въ видѣ дополненій.

**) Ср. № 37.

кляў, що якъ-бы винъ кому о тимъ сказаў, що розуміе, то́-бы за́разъ ўмэръ.

Тай винъ тогды́ пишо́ў собі́ гэтъ — до сво́го сэла́, ожэны́ўся и зача́ў вжэ собі́ самъ γаздува́ты. Тай винъ маў свій сала́шъ овэ́ць, то разъ такъ пойи́хаў на той сала́шъ съ жи́нкоў: жи́нка йи́хала на кля́чы, а винъ на коны́. По доро́зи клячъ зача́ла рза́ты, а винъ тогды́ за́сьміяўся, бо клячъ каза́ла до коня́: „Мині́ тя́жшэ, нижъ тобі́, бо я иду́ самочэтвэ́рть, а ты идэ́шь самодру́гъ!“ Такъ каза́ла, бо кобі́та бу́ла у тяготі́ и клячъ та́кжэ бу́ла жэрэ́бна, то нэго́дна бу́ла за конё́мъ постыга́ты самочэтвэ́рть.

Алэ якъ γа́зда на то за́сьміяўся, то жи́нка зача́ла ёго́ прыпыра́ты: „Чого́ ты ся сьміе́шь тай чого́?“ А винъ нэ хоті́ў йій повісты, каза́ў, що якъ пові́сть, то умрэ́. Алэ жи́нка то́го нэ слу́хала, лышэ́ доконэ́чнэ хоті́ла зна́ты — чого́ винъ ся сьмі́яў? Тогды́ винъ йій зноў ка́жэ: „Якъ вжэ такъ хо́чэшь, то иды́, стэлы́ мы на ла́ўку, бо я бу́ду умыра́ты и тогды́ ты пові́мъ всю пра́ўду!“ Тай она́ му за́разъ постэлы́ла на ла́ўци, щобы́ ўмыра́ў.

Тогды́ γа́зда вы́йшоў щэ на-дві́ръ — подыви́тыся щэ разъ на своє γазді́ўство, а тамъ собі́ ходы́лы ку́ркы тай когу́тъ. И чу́е γа́зда, що когу́тъ ка́жэ до куро́къ: „Отъ, якы́й той γа́зда дурны́й! я нэ одну́ жи́нку ма́ю, а ось кі́лько, тай про́цинь надъ ны́мы старшу́ю, що му́сятъ мя вси слу́хаты, — а винъ одні́й ба́би нэ мо́жэ ра́ды да́ты! якъ-бы, ка́жэ, до́брый γа́зда, то-бы сы намочы́ў посторо́нокъ въ со́лы тай бы γазды́ню тымъ до́брэ набы́ў, а нэ ўмыра́ў-бы за-ду́рно!“ Тай γа́зда тото́ вы́слухаў и такъ зробы́ў: взяў, намочы́ў посторо́нокъ, жи́нку до́брэ вы́быў, вы́смаруваў, — то вжэ тогды́ нэ пыта́лася го ницъ бі́льшэ, до́киль жы́ла.

(Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

97.

Калиновая дудка.

Такъ булы́ дидъ тай ба́ба тай ма́лы дви ди́ўки: дидъ маў свою видъ пэ́ршои жи́нки, а ба́ба свою—видъ пэ́ршого чолови́ка. Тай ти диўки́ пишлы́ разъ въ лисъ на я́годы, а́лэ ди́дова ди́ўка збыра́ла я́годы у коро́бочку, а ба́бына—та́кой въ пысокъ. Тай вэрта́ють вжэ до-до́му, то ди́дова ма́ла по́ўну коро́бочку ягидъ, а ба́быпа нэ ма́ла ницъ. Тогды́ ка́жэ та ба́быпа ди́ўка: „Сэстры́чко, видпочы́ньмо сы тро́ха!“ Тай полига́лы на траву́, а́лэ ди́дова ди́ўка заснула, а ба́быпа взя́ла тай ї́и зари́зала. Тогды́ видобра́ла її́ тоту́ коро́бочку съ ягидьмы́, а ей закопа́ла въ зэ́млю, посады́ла тамъ на гро́би галу́зку зъ калы́ны тай пишла́ до-до́му. До́ма дидъ ся пыта́е: „А дэ-жъ моя́ до́нэчка?“ —„Та нэ зна́ю, ка́жэ, дэ-сь ся лышы́ла съ-за́ду!“

А тамъ чэ́рэзъ лисъ ишлы́ съ доро́гы два парубки́ тай ка́жутъ: „Видпочы́ньмо сы тро́ха, камбра́тье!“ Посида́лы сы пидъ корчи́ тай сыдя́тъ. Алэ ды́вятся, а тамъ така́ фа́йна калы́на зацвы́ла,—то оны́ взя́лы, ури́залы пру́тыкъ зъ то́и калы́ны тай вы́стругалы сопи́ўку тай взя́лы на ні́й гра́ты. А сопи́ўка взя́ла до ныхъ промавля́ты:

„Ой, пома́лу-ма́лу, козачэ́ньку, грай,
нэ пораны́ мэнэ́ въ сэрдэ́чко въ край!
Було́ насъ дви ди́вочки,
пишлы́ на ягі́дочки;
една́ дру́гу нэ злюбы́ла,
ножъ у сэ́рцэ застромы́ла!“

И парубки́ взя́лы тоту́ сопи́ўку и пишлы́ собі́ да́ли, а́лэ зайшлы́ на́-ничь до то́го ди́да—витця́ то́и ди́ўки. Тай зноў тамъ едэ́нъ па́рубокъ зача́ў на ту сопи́ўку гра́ты, а она́ зноў такъ зача́ла промавля́ты:

„Ой, пома́лу-ма́лу, козачэ́ньку, грай“... и т. д.

Стары́й отэ́ць якъ то учу́ў, ка́жэ: „Кобы́ вы мэні́ тро́ха позво́лылы загра́ты, парубки́!“ Тай оны́ му ей да́лы, а она́ ёму́ зноў такъ сьпива́е:

„Ой, пома́лу-ма́лу, тату́нэчку, грай“... и т. д.

Тогды́ стары́й ка́жэ до то́и ба́бынои ди́ўки: „То ты зари́зала мо́ю до́нэчку, вы́дышь?“ Алэ она́ схова́лася на пичь у кутъ и нэ хоти́ла зли́зты, а ба́ба взя́ла щэ крыча́ты на ди́да: „Ты стары́й ду́рню, таке́ глу́пство гово́рышь!“ Алэ дидъ ка́жэ: „Ну, то якъ нэ она́ зари́зала, то най сама́ загра́е на сопи́ўку—мо́жэ она́ йій ска́жэ!“ Тай тогды́ парубки́ стягну́лы ди́ўку съ пэ́чы, то вжэ му́сила гра́ты. А сопи́ўка йій тогды́ зача́ла промавля́ты:

„Ой, пома́лу-ма́лу, сэстры́чко, грай,
нэ пораны́ мэнэ́ въ сэрдэ́чко въ край!
Було́ насъ дви ди́вочки,
пишлы́ на яги́дочки;
ты мэнэ́ нэ злюбы́ла,
ножъ у сэ́рцэ застромы́ла!“

Тогды́ ту ди́ўку взя́лы тай йи прыпня́лы до ки́ньского хвоста́, то йи кинь розбы́ў, розни́съ на смэрть.

(Отъ Марін Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

98.

Отецъ освобождаетъ свою дочь, похищенную вѣтромъ.*)

Такъ нэсла́ една́ жи́нка чолови́ковы йи́сты на по́лэ, а́лэ она́ бу́ла въ тяготи́ и бу́ло ду́жэ горя́чо, то якъ ишла́, ду́жэ ся зму́чыла и упри́ла. Тай ка́жэ: „Бо́жэ-Бо́жэ! кобы́ повіяў тро́ха холо́дный ви́тэръ на мэ́нэ, то якъ бу́ду ма́ты ди́ўку, то йи подару́ю ви́трыковы!“

Тай вжэ потому поро́дыла ди́ўку, а́лэ о тимъ забу́ла, що йи подарува́ла ви́тровы. Якъ вжэ тота́ ди́ўка тро́ха пидросла́, вжэ ма́ла симь литъ, то йшла разъ по во́ду у керны́цю, а́лэ тогды́ стаў вэлы́кій ви́тэръ тай ў хо́пыў ди́ўку и пони́съ гэтъ.

*) Ср. № 41.

Тай ей отэ́ць шука́ў йи, шука́ў по сьвитп, а́лэ нэ мигъ нигдэ́ найты́. Тогды́ вип прыйшо́ў до едно́го ворожбы́та, а той ворожбы́тъ ёму́ такъ ка́жэ: „Твою доньку́ ўхо́пыў ви́тэръ тай трыма́е йи въ своі́й ха́ти, а́лэ ты ся до нэ́п нэ мо́жэшь днбра́ты, бо то ду́жэ дале́ко! а́лэ, ка́жэ, заку́й па́лыцю зэли́зомъ, то якъ ты тоту́ па́лыцю схо́дышь, тогды́ свою́ доньку́ найдэ́шь!“

Тай винъ такъ ходы́ў-ходы́ў по сьвитп съ тоў па́лыцэў, ажъ вжэ сходы́ў па́лыцю цпу́ко́мъ. Тай тогды́ прыйшо́ў до едно́го ли́су, ды́вытся, а тамъ ёго́ донька́ во́ду нэсэ́ зъ кернъ́ыци. Тай вжэ звыта́лыся тай пишлы́ до то́и ха́ты, дэ она́ бу́ла,—до ви́тра. Ви́тра нэ бу́ло до́ма, то ви́трова ма́ты прыйми́ла го на-ни́чь, а́лэ го схова́ла по коне́ць сто́лыка пидъ коры́то, абы́ ви́тэръ нэ ввы́диў, якъ ся вэ́рнэ до-до́му.

Алэ прыхо́дытъ ви́тэръ у ночы́—о са́моп пи́ўночы—тай ка́жэ: „Чу́ты, що ту присна́ душа́ е!“ Тай якъ стаў шука́ты, тай найшо́ў то́го чолови́ка. Тогды́ хоти́ў ёго́ стра́тыты, а́лэ та донька́ ду́жэ просы́ла, то го вжэ лышы́ў пры жытью́, а́лэ ка́жэ до нёго такъ: „Въ мэ́нэ е таке́ вэлы́ке мо́рэ, то якъ ты то мо́рэ за́ўтра до вэ́чэра замэ́чэшь, абы́ бу́ло ри́ўнэ по́лэ, тогды́ я тобі́ дамъ твою́ доньку́!“ И даў ёму́ склянну́ соки́ру и склянный рыска́ль и склянну́ моты́ку тай ка́жэ: „Тымъ-о́ ма́ешь то мо́рэ зами́туваты!“

И винъ пишо́ў то мо́рэ зами́туваты, а́лэ ся ду́жэ жу́рытъ, бо хто то мо́жэ таку́ робо́ту за́-день зробы́ты? Зача́ў копа́ты, а́лэ ся тоти́ склянни́ ри́чы поломы́лы, то вжэ стаў и стои́тъ тай пла́чэ. Ажъ ту въ полу́днэ прынэ́сла ёму́ донька́ йи́сты тай якъ махну́ла таки́мъ пру́тыкомъ, що ма́ла за па́зухоў, то ся за́разъ позбига́ло по́ўно людэ́й тай засы́палы тото́ мо́рэ за яку́ годы́ну. Ввэ́чиръ прыхо́дытъ ви́тэръ та́мки, подывы́ўся, що мо́рэ засы́панэ, тай здуми́ўся самъ до сэ́бэ: „О-то́ робо́та!“

Алэ пото́му зноў ка́жэ: „Я щэ тобі́ твэ́и доньки́ нэ видда́мъ! ажъ, ка́жэ, якъ ты мэні́ за́ўтра до вэ́чэра позбыра́ешь цэ́тнаръ ма́ку, що я тобі́ насы́плю, тогды́ вжэ тобі́ доньку́ видда́мъ!“ Тай высыпаў на по́лы цэ́тнаръ ма́ку тай той отэ́ць зача́ў той макъ збыра́ты. Алэ дэ́ тамъ?—нэ мо́жэ! Ажъ понэ́сла зноў ёму́ ди́ўка йи́сты въ полу́днэ тай зноў такъ махну́ла

прутомъ, то ся назлитало тилько птахиў, що той макъ выбзбыралы до-крыхты.

Алэ витэръ таки нэ даў му доньки, лышэ лышыў ихъ обое у сэбэ на службу. Тай той старый отэць такъ ся вжэ тамъ грызэ, плачэ, алэ донька кажэ: „То ницъ, якό-сь то будэ!" Тай потόму витэръ дэ-сь забраўся и пишоў. Тогды диўка зробыла витця голубомъ, а сэбэ голубчыхоў тай взялы ўтикаты обое. А витэръ прыходытъ до-дόму тай ся пытае матэры—дэ оны ся подилы? Тогды маты му кажэ: „Гэтъ полэтилы!" Винъ взяў за ными лэтиты тай стаў дужэ лисы по дорози крышыты, дахи зрываты, то що, бо вжэ дужэ буў лютый. А тота диўка учула ёгό сдалэку, то заразъ зробыла сэбэ яблинкоў, а витця яблокомъ. Прылэтиў витэръ идъ тій яблинци, пообзыраў, потрясъ ійи на вси боки, алэ нэ спизнаў ихъ тай полэтиў дальшэ. А оны тогды вжэ пишлы сы спокійно до свого дому.

(Отъ Дмитрія Гавриляка въ Доброгостовѣ.)

99.

Сестра-вѣдьма.

Була баба стара и мала дви доньци: едну виддала на другэ сэло, а молодша ся щэ лышыла вдόма.

Алэ тота донька, що ся виддала, була дужэ чариўныця вэлыка. Якъ щэ ей вэзлы въ вэсильe, то она на самый пэрэдъ заразъ свого чоловика ззила. Якъ ззила чоловика, тогды взяла ййсты вси тоты свахы, старосты, гэтъ цилэ вэсильe ззила. Нэ стало йій тыхъ ййсты, тогды она забралася до людэй па сэли—выйила цилэ сэло. Ажъ вжэ нэ було кого ййсты, вжэ нэ стало людэй, тогды она взяла ййсты умэрлй зъ гробиў.

А друга сэстра дόма кажэ: „Мамунцю, я пиду до свойи сэстрычки на вэчэрнычки!" Тай пишла до тойи сэстры—нэ знала, що то така чариўныця була. Идэ-идэ—зды-

бала по дорозп билого пса. Пытáе йп ся той пэсъ: „Дэ ты йдэшь, дитыпко?“—„Иду́ до сэстры́чки на вэчэрны́чки!“—Алэ пэсъ ка́жэ: „Ой, нэ йды, диты́нонько, бо твоя́ сэстры́чка—опыры́чка! вси людэ въ сэли́ вы́йила, то й тэбэ́ ззистъ!“ Идэ́ она́ да́ли—здыбáе чо́рного пса. Пэсъ йи ся пытáе: „А дэ ты йдэшь, диты́нонько?“—„Иду́ до сэстры́чки на вэчэрны́чки!“—„Ой, нэ йды, ка́жэ, бо твоя́ сэстры́чка—опыры́чка, то тэбэ́ ззистъ!“ Зноў идэ́ да́ли—здыбáе сы́вого пса. А пэсъ ка́жэ: „Дэ ты йдэшь, диты́нко?“—„Иду́ до сэстры́чки на вэчэрны́чки!“—„Ой, нэ йды, бо тя ззистъ, бо твоя́ сэстры́чка—опыры́чка!“

Алэ она́ то́го нэ слу́хала тай прыйшла́ ажъ до то́и ха́ты, дэ тота́ сэстра́ сыди́ла. Тай такъ пэ́рэдъ ха́тоў здыбала но́гу зъ хрэстяны́на пидъ го́рбомъ у глы́ни. Идэ́ на подви́рье, а тамъ рука́ зъ хрэстяны́на лэжы́тъ на подви́рью. Идэ́ до двэрэ́й, а тамъ за́щыпка у двэ́рёхъ—то па́лэць зъ чолови́ка. Идэ́ до комо́ры—по́ўна бо́чка кровэ́. Идэ́ до дрыви́тни—зноў по́ўна дрыви́тня ко́стэй зъ людэ́й. Вы́лизла на стрыхъ—тамъ по́ўно воло́сья е—ко́сы зъ диво́къ. Тай вжэ тогды́ ввійшла́ до ха́ты, звыта́лася съ тоў сэстро́ў тай си́ла соби́ прясты.

А тота́ опыры́ця сыди́ла за пьёцомъ и йи́ла мэрло́го (бо вжэ людэ́й въ сэли́ нэ бу́ло). Тай взя́ла йи ся тогды́ пыта́ты: „Ди́ўко, а що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?“—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що здыба́ў мэнэ́ би́лый пэсъ!“—„Нэ пэсъ то, ди́ўко, нэ пэсъ,—то полу́днэ!“—Тай пыта́ется зноў: „Ди́ўко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?“—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що здыба́ў мэнэ́ чо́рный пэсъ!“—„Нэ пэсъ то, ди́ўко, нэ пэсъ,—то ничь!“—Зноў за якы́й-сь часъ ка́жэ: „Ди́ўко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?“—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що здыба́ў мэнэ́ сы́вый пэсъ!“—„Нэ пэсъ то, ди́ўко, нэ пэсъ,—то пора́нокъ!“—Пыта́ется да́ли: „Ди́ўко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?“—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що въ тэ́бэ е пидъ го́рбомъ у глы́ни людска нога́!“—„Нэ нога́ то, ди́ўко, нэ нога́,—то моя́ моты́ка, я тымъ глы́пу копа́ю! ди́ўко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?“—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що въ тэ́бэ е людска рука́ на подви́рью!“—„Нэ рука́ то, нэ рука́,—то мой грабли́, я тымъ трыски́ грома́джу! ди́ўко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?“—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що въ тэ́бэ въ двэ́рёхъ за́-

щыпка изъ па́льця!“—„Нэ па́лэць то, нэ па́лэць,—то килокъ, я тымъ двэ́ри защипа́ю! ди́ўко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?“—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що въ тэ́бэ е по́ўна дрыви́тня ко́стэй!“—„Нэ ко́сты то, нэ ко́сты,—то дрыва́, я тымъ палю собі́ въ пье́цу! ди́ўко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?“—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що въ тэ́бэ въ комо́ри по́ўна бо́чка кровэ́!“—„Нэ кроў то, нэ кроў,—то борщъ, я то собі́ наква́сыла тай вару́! ди́ўко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?“—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що въ тэ́бэ е по́ўный стрыхъ воло́сья!“—„Нэ воло́сье то, нэ воло́сье,—то пови́смо и лэнъ, я то пряду́ собі́ на шма́тье! ди́ўко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?“—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що ты сы заволокла́ тру́па за пьецъ тай ййшь!“—„А ййимъ, ййимъ, ди́ўко, ййимъ, тай тэбэ́ ззимъ!“

Тай тогды́ за ди́ўкоў зъ-за пье́ца ся вы́хопыла, а ди́ўка зача́ла ду́жэ утика́ты. Тай йи вжэ тота́ опыры́ця нэ могла́ дигна́ты тай такъ у́ти́кла ди́ўка счи́слы́во до сво́йи ма́мы.

(Отъ Каськи Загальской въ Стольскѣ.)

100.

Заклятая голова.

Бу́лы дидъ и ба́ба тай ба́ба ма́ла сво́ю ди́вочку, а дидъ сво́ю. Алэ такъ ти ся ди́ўки нэ любы́лы и бы́лы ся за́ўшэ, то дидъ ка́жэ разъ до свэ́и ди́ўки: „Иды́ ты собі́ дэ на слу́жбу, бо я вжэ ту нэ мо́жу ницъ пора́дыты!“

Идэ́ она́, идэ́, ажъ наздыба́е пичь. А пичь ка́жэ до нэ́и: „Возьмы́, полипы́ мэнэ́, помасты́ мэнэ́, ди́вонько, то я тобі́ ста́ну въ прыго́ди!“ Она́ помасты́ла, облипы́ла йи тай пишла́. Идэ́ да́ли—наздыба́е коро́ву. А коро́ва ка́жэ: „Возьмы́, обмы́й мэнэ́, вы́мэчы зъ-пидъ мэ́нэ гній, то я тобі́ ста́ну въ прыго́ди!“ Ди́ўка взя́ла, вы́мэтала гній, обмы́ла коро́ву тай пишла́ собі́ да́льшэ.

Тай идэ-йдэ—надыбала хату, а въ тій хати була заклята голова. Кажэ до нэи тота голова: „Зачэшы мэнэ, обмый мэнэ!“ Тай згодыла йи такъ на цилый рикъ у сэбэ на службу. Такъ дийука цилый рикъ тоту голову чэсала тай мыла. Выйшоў йій рикъ, тогды голова кажэ до нэи: „Ты у мэнэ служыла добрэ, то иды, возьмы сы зъ коморы куфэръ—тамъ маешь свою заслужэныну!“ Алэ въ тимъ куфри було поўно грошэй тай краснэ шматье, то дийука то всё взяла тай повэзла до-дому. Йидэ она до-дому тай повэрнула до тои коровы, а корова йій дала сыра, масла на дорогу, килько сама хотила. А вндтакъ надыбала тоту пичь, то йій пичь дала хлиба, килько могла взяты на фиру. Прыйихала вжэ до-дому—тамъ отэць выйшоў напротиў нэи тай утишыўся дужэ, що тилько всёго прывэзла.

А мачоха тогды гоныть свою дийуку на службу, кажэ: „Иды й ты на службу,—ады, килько тота понавозыла всёго,—то и ты такъ иды!“ Пишла дийука, алэ идэ-идэ—надыбала пичь. А пичь кажэ: „Обмый мэнэ, обмасты мэнэ, то я тоби стану въ прыгоди!“ А она кажэ: „О, щэ ся ту буду коло тэбэ талапаты!“ Тай пишла дальшэ—нэ обмыла. Идэ-йдэ—надыбала корову. Корова кажэ: „Вымэчы зъ пидъ мэнэ гній, обмый мэнэ, то я тоби стану въ прыгоди!“—„О, кажэ, нэ мала-бы-мъ що робыты!“—И пишла гэтъ.

Тай йдэ-йдэ—надыбала зноў заклягу голову въ тій хати. Та голова кажэ: „Зачэшы мэнэ, обмый мэнэ тай наймыся на цилый рикъ у мэнэ, я ты заплачу добрэ!“ Алэ она нэ хотила йи заходыты, лышэ пэрэночувала пичь и вжэ хочэ йты дали. Тогды тота голова кажэ: „Но, возьмы сы тамъ куфэръ зъ коморы, вэзы до-дому!“ Взяла дийука той куфэръ, повэзла. Йидэ-йидэ—надыбала тоту-саму корову.—„Дай мы, кажэ, сыра й молочка, коровыцэ, бо-мъ така голодна, що страхъ!“—Алэ корова йій ницъ нэ дала. Йидэ дальшэ—надыбуе пичь.—„Кобы-сь мы, кажэ, дала троха хлиба, бо я така голодна, що лэдво дыхаю!“—Пичь йій нэ дала ницъ. Прыйихала вжэ она до-дому—маты выйшла, утишылася. Алэ розтворяютъ оны куфэръ, а въ куфри сами жабы тай гадье, тай то гадье вылизло и ззило тоту бабыну дийуку.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

101.

Запроданный черту.*)

Такъ буў едэнъ бидный чоловикъ—нэ маў зъ чого жыты. И пишоў винъ разъ у лисъ—смэрты сы шукаты, але здыбаў тамъ якого-сь крывого пана (а то буў злый духъ). Тай пытаєся го той панъ: „Дэ ты йдэшь?“ —„Иду шукаты сы смэрты, бо нэ маю якъ жыты!“— „Пидпышыся мэни,—кажэ панъ,—то я ты дамъ грошэй, килько схочэшь: запышы мэни тото, чого въ твоимъ доми нэма!“ Тай винъ пидпысаў му ся и вжэ тогды дистаў видъ пана богато грошэй, що лэдвэ понисъ.

Прыходытъ винъ до-дому, а тамъ акуратъ тогды єго жинка мала дитыну. Ну ницъ, вжэ той хлопэць пидрисъ и пишоў до школы—такъ ся файно учытъ, що гэй! И йдэ винъ такъ разъ зо школы, а попэрэдъ нєго скачэ крывый птахъ и всэ ёму кажэ: „Ты мій, ты мій!“ И винъ прыйшоў до-дому и сказаў то свому витцю. А отэць тогды взяў дужэ плакаты.—„Та чого вы такъ плачэтэ, тату?“— пытаєся хлопэць. Алэ отэць нэ хотиў му щэ сказаты, що го запродаў злому духовы.

Тай вжэ той хлопэць вырисъ вэлыкій—вжэ маў зъ пятнайцить литъ—тай доўчуваўся вжэ въ тыхъ школахъ на ксёндза. Ажъ зноў такъ разъ идэ дорогоў, а крывый птахъ попэрэдъ нэго скачэ тай крычытъ: „Ты мій, ты мій!“ Сказаў винъ татовы, пытаєся го—що то е такого? А тато взяў зноў дужэ плакаты тай вжэ му тогды повиў всю праўду. — „Злэ-мъ зробыў, кажэ, запысаў-емъ тя, сынуню, злому духовы, бо-мъ нэ знаў, що ты ся тогды ўродыў!“ Алэ сынъ му тогды кажэ: „Нэ журится, тату, сьміїтэся зъ того!“ Тай пишоў заразъ до ксёндза, розповиў му всё, то му ксёндзъ даў кропыло, кныгу, тоти апараты, що ся службу-божу правытъ,—тай винъ съ тымъ собі пишоў.

Идэ-йдэ лисамы-потокамы, ажъ прыходытъ то тои хаты, дэ той злый духъ буў. А тамъ було дванайцить двэрэй, то винъ прыйшоў до едныхъ двэрэй, туркнуў, ано ся нэ ви-

---

*) Ср. № 13.

творя́ютъ; а́лэ винъ покропы́ў сьвячэ́ноў водо́ў—то му ся за́разъ двэ́ри витворы́лы. Винъ вийшо́ў до поко́ю, кро́пытъ тамъ, чыта́е, а пото́му ка́жэ: „Виддайтэ мы тото́ пысьмо́, що мэнэ́ та́то запыса́ў!" А тоти́ зли ду́хи, що тамъ бу́лы въ поко́йы, про́сятся, ка́жутъ: „Мы нэ ма́емъ то́го пысьма́,—иды́ да́льшэ!" Винъ прыйшо́ў до дру́гыхъ двэрэ́й, до трэ́тыхъ, тай всэ тамъ кропы́ў и чыта́ў, ажъ пэрэйшо́ў вси поко́йи до дванайцятого. Тамъ зноў покропы́ў до́брэ то́го найста́ршого зло́го ду́ха—крыво́го и ка́жэ: „Видда́й мэни́ мо́е пысьмо́!" Тогды́ той вжэ нэ маў що́ робы́ты, бо го ду́жэ пэкло́, тай взяў, розри́заў сы ки́стку па нози́, вы́няў то пысьмо́ и му видда́ў.

Тогды́ хло́пэць прыйшо́ў до-до́му и ка́жэ: „Тэпэ́рь вы, та́ту, вжэ ся нэ жури́тъ ницъ, бо я вжэ видобра́ў то пысьмо́, що вы ся на мэ́нэ пидпыса́лы!" И показа́ў та́товы пысьмо́, а пото́му подэ́ръ го и вэргъ у пичь—згори́ло на-ви́кы. И вжэ ся тогды́ вы́учыў на ксёндза и жыў соби́ ажъ до смэ́рты.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

102.

Мальчикъ и мертвецъ.

У одно́го ґа́зды буў малы́й хло́пэць—едына́къ. Тай одно́го ра́зу пасъ винъ съ дру́гымы пастуха́мы това́ръ ко́ло цвы́нтаря. Посида́лы хло́пци полу́днуваты, а той едына́къ ка́жэ: „Ану́, я занэ́су умэрло́му хли́ба!" Тай взяў ку́сныкъ хли́ба и пони́съ на цвы́нтаръ, лягъ на грибъ тай кл́ычэ: „Умэрлы́й, на́-тоби́ хли́ба!" Тогды́ умэ́рлый зъ гро́бу ка́жэ: „Иды́-йды, прынэ́сэшь мы у ночы́ о дванайцятiй годы́ни!" Хло́пэць ся ду́жэ злякъ и утикъ до-до́му. И вжэ такі́й сумны́й хо́дытъ, ницъ нэ йистъ, нэ гово́рытъ.

То пэ́ршои но́чы щэ ницъ нэ бу́ло. А на дру́гу ничь о 12-iй годы́ни прыйшо́ў умэрлы́й пидъ ха́ту тай кл́ычэ: „Нэсы́-жъ мэни́ хли́ба!" И трэ́тои но́чы зноў такъ

прыйшо́у пидъ ха́ту за хли́бомъ. Тогды́ вжэ то́го хло́пця ро́дычи пишлы́ до ксёндза ра́дытыся—що́ ту робы́ты? А ксёндзъ такъ каза́у: „Спэчи́тъ хли́ба, то въ ночы́ возьмэ́мъ хоругвы́ и хрэстъ и такъ пидэ́мъ съ хло́пцёмъ на цвы́нтаръ!“ Тай такъ зробы́лы: въ ночы́ о 12-ій годы́ни пишлы́ процэ́сьоу на цвынтаръ идъ то́му гро́бовы, поста́вылы то́го хло́пця съ хли́бомъ на-пэрэ́ди, а ксёндзъ зача́у видпра́ву. Алэ сьвичкы́ всэ га́слы, ажъ ся грибъ розтворы́у, тай хло́пэць упа́у у грибъ и зноу ся грибъ за нымъ запэ́ръ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

103.

Шапка мертвеца.

Ходы́лы на вэчэрны́ци ди́укы тай хло́пци. Тай ка́жутъ разъ хло́пци едэ́нъ до дру́гого: „Зложи́мся на гори́уку, пидэ́мъ по гори́уку!“ Алэ ко́ждый ся боя́у иты́ до ко́рчмы, бо була́ тэ́мна ничь. Тогды́ една́ ди́ука ка́жэ: „Оу, вы ся боитэ́, а я бы сама́ пишла́!“ Тай пишла́ тота́ ди́ука по гори́уку.

Идэ́ она́ чэ́рэзъ цвэ́нтаръ, а тамъ стои́тъ які́й-сь хлопъ. Она́ гада́ла, що то котры́й хло́пэць вы́йшоу йи пу́джаты, тай ка́жэ: „То ты мэнэ́ пу́джаешь?“ Тай го што́ухнула тай пишла́ да́ли. Взя́ла она́ въ ко́рчми гори́укы, идэ́ вжэ наза́дъ, а той хлопъ всэ щэ стои́тъ. Тогды́ она́ вжэ розгни́валася тай зи́рвала съ нэ́го ша́пку, уда́рыла го ша́пкоу по пы́ску и пишла́. Прыйшла́ до ха́ты на вэчэрны́ци тай ка́жэ: „Які́й-сь мэнэ́ ду́рэнь пу́джау, а́лэ-мъ му сдэ́рла ша́пку! чыя́ то ша́пка?—прызнава́йтэся!“ Оны́ ся тамъ ды́вятъ на ту ша́пку, а на ній е такі́й знакъ, що винэ́ць буу. *)

---

*) Парней хоронятъ обыкновенно въ шапкѣ, украшенной вѣнкомъ изъ свѣжихъ листьевъ и цвѣтовъ.

А тогды хто-сь прыйшо́ў пидъ ха́ту, запу́каў до викна́ тай клы́чэ: „Видда́й мэни́ ша́пку!“ Тогды́ ди́ўка да́ла тоту́ ша́пку хло́пцямъ и ка́жэ: „Та ке́ньтэ му ша́пку чэ́рэзъ викно́!“ (бо ся сама́ вжэ боя́ла.) Алэ той ка́жэ: „Якъ-есь мы йи здоймы́ла, такъ мэни́ тэпэ́рь сама́ заложы́!“ Алэ она́ боя́лася—нэ пишла́.

Тай той мэртвэ́ць такъ що-но́чы прыходы́ў пидъ ей ви́кна и всэ каза́ў, абы́ му ша́пку заложы́ла на го́лову. Що́ робы́ты? Пора́дыўся ей отэ́ць съ ксёндзомъ тай ўра́дылы такъ, що трэ́ба вжэ ди́ўку видвэ́зты на цвэ́нтаръ идъ то́му мэрло́му. Зробы́ў той отэ́ць вэлы́ку кома́шню, запросы́ў пять ксендзи́ў, тогды́ вложы́лы тоту́ ди́ўку въ тру́ну и повэзлы́ йи гы умэрлу́ на цвэ́нтаръ. Взя́лы там ксендзы́ видправля́ты молытвы́, а той мэрлы́й вжэ тамъ стои́тъ. Тогды́ вжэ тота́ ди́ўка взя́ла му заклада́ты ша́пку на го́лову, а́лэ винъ йи якъ ўхопы́ў, якъ пони́съ, то розни́съ йи по ки́сточци по цили́мъ цвэ́нтары.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

104.

Баба хуже черта.

Було́ двое людэ́й и ду́жэ ся любы́лы. И чортъ ходы́ў до ныхъ бэзъ симь литъ, а́лэ нэ мигъ ихъ скусы́ты, щобы́ ся посвары́лы. Тай идэ́ винъ разъ доро́гоў и пла́чэ тай здыбаў стару́ ба́бу. И тота́ ба́ба зача́ла ся ёго́ пыта́ты: „Чого́ ты такъ пла́чэшь?“ А винъ зача́ў йій тогды́ оповида́ты свій кло́пытъ. А она́ ёму́ ка́жэ: „Що́ мэни́ дашь, якъ я тоби́ тото́ зро́блю?“ Чортъ йій тогды́ обиця́ў па́ру чоби́тъ, якъ она́ ску́сытъ тыхъ чолови́ка и жи́нку.

Тогды́ пишла́ ба́ба до тыхъ людэ́й, а́лэ до́ма була́ и́но жи́нка, а чолови́къ буў дэ-сь въ по́лю. И она́ ка́жэ тій жи́нци такъ: „Я чу́ю, що вы ся съ чолови́комъ ду́жэ лю́бытэ, а́лэ я вамъ дамъ таку́ ра́ду, що васъ чолови́къ щэ ли́пшэ будэ́ любы́ў!“ И каза́ла йій навары́ты

мы́ску пыроги́ў и спэчы́ ка́чку и всё то засу́нуты за плы́тку въ пьецъ, а на пры́пичку поста́выты лышэ́ тро́ха квасно́го борщу́ въ горпя́ты; и каза́ла щэ прынэ́сты лі́тру гори́ўки и поста́выты у ку́тыкъ у ша́фцп; а́лэ то́го чолови́ковы, якъ ся вэ́рнэ съ по́ля, нэ каза́ла ницъ дава́ты, лышэ́ то́го тро́ха борщу́. —„Якъ то всё зро́бытэ, ка́жэ, то васъ чолови́къ щэ бі́льшэ бу́дэ любы́ў, якъ тэпэ́рь!“ Тай вы́пыталася пото́му, дэ чолови́къ о́рэ, тай тогды́ вжэ пишла́ собі́ да́ли.

Тай пишла́ про́сто до то́го чолови́ка на по́лэ и ка́жэ до нэ́го: „Дай Бо́жэ счи́стье!“ А пото́му щэ ка́жэ: „Та вы ту такъ гару́етэ тя́жко, а ва́ша жи́нка вдо́ма балю́еся съ хабаля́мы! навэла́ сы, ка́жэ, хабали́ў, прынэ́сла гори́ўки, спэкла́ для ныхъ пэчэ́ню, навары́ла пыроги́ў,—баль такы́й, що ну́,—а для васъ звары́ла тро́ха борщу́—тако́го квасно́го, що я́къ-бы пэсъ ззиў, то́-бы здохъ!“ И забра́лася и пишла́.

Прыйи́здытъ чолови́къ до-до́му и ка́жэ до жи́нки: „Дай мы йи́сты!“ А она́ ка́жэ: „Та нэма́ ницъ, и́но тро́ха борщу́ тамъ на пры́пичку!“ Алэ идэ́ чолови́къ до ша́фки—е гори́ўка, ды́вытся въ пьецъ—е пыро́гы тай пэчэ́ня. Тогды́ винъ вжэ повьё́рыў, що му каза́ла тота́ ба́ба, взя́ў сы кі́я тай набы́ў жи́нку. То такъ скусы́ла ба́ба тыхъ двое людэ́й.

А чортъ вжэ му́сиў за то́е да́ты ба́би чо́боты, а́лэ якъ йий даваў, то нэ рука́мы, лышэ́ подава́ў йий ти чо́боты па вы́лахъ. Тай ка́жэ: „На́-тобі́, бо я ся бо́ю, абы́ ты щэ й мэнэ́ нэ скусы́ла!“

(Отъ Гната Ворка въ Ладычинѣ.)

105.

Баба и чертъ.

Сіяла ба́ба съ ди́дькомъ ри́пу на-спи́ўку. Винъ ка́жэ: „Що́ твоё бýдэ—цы спидо́къ, цы вэршо́къ?“ Опа́ ка́жэ: „Нье, мі́й бýдэ спидо́къ, а твій вэршо́къ!“ Тай такъ ся тамъ подилы́лы: ба́ба взя́ла всю ри́пу, а ди́дько лы́стье звэ́рху.

Тай вжэ тотды́ посі́ялы на-спи́ўку про́со. Ди́дько ся зноў такъ пытáе: „Цы ты будэ́шь бра́ла вэршо́къ, цы спидо́къ?“ А ба́ба ка́жэ: „Нье, ты вжэ взяў зъ ри́пы вэршо́къ, то я тэпэ́рь во́зьму вэршо́къ зъ про́са, а ты бэры́ соби́ спидо́къ!“ Тай винъ взяў кори́нье зъ про́са, а ба́ба вэршо́къ.

Тогды́ вжэ чортъ ка́жэ: „Та ты мэнэ́ два ра́зы обцыга́ныла! то ходи́мъ ся тэпэ́рь бы́ты обыдво́е!“ Тай взя́лы ся бы́ты чэ́рэзъ плитъ, а́лэ ба́ба взя́ла соби́ рожэ́пъ, а ёмý дала́ γра́лп; то ба́ба всэ ди́дька рижпо́мъ штýркае, а винъ γра́лямы чэ́рэзъ плитъ нэ мо́жэ а́ни разъ. Тай такъ ба́ба ди́дька пэрэбы́ла, то винъ забра́ўся тай ути́къ.

(Отъ Каськи Загальской въ Стольскѣ.)

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Изъ галицко-русскихъ народныхъ повѣрій.

1. Хованецъ и инклюзъ.

Нѣкоторые люди имѣютъ домовика, который приноситъ имъ богатство и счастье, исполняетъ всевозможныя хозяйскія работы и порученія и вообще служитъ своему хозяину усердно и вѣрно, но за то по смерти беретъ себѣ его душу. Такой домовикъ называется здѣсь „хо́ванэцъ“, „годо́ванэцъ“, или просто—„свій“.

Чтобы получить такого хованца, нужно 9 сутокъ носить подъ лѣвой мышкой „яйцэ́-зно́сокъ“ отъ совершенно черной курицы; въ продолженіе всего этого времени нельзя ничего работать, ни говорить, ни умываться, ни чесаться, ни молиться, ни въ церковь ходить. Только тогда, по истеченіи 9 сутокъ, выйдетъ изъ яйца хованецъ. Это самый обыкновенный и простой рецептъ, хорошо извѣстный не только въ цѣлой Галичинѣ, но и у многихъ другихъ народовъ. Однако, отдѣльные мотивы его получаютъ въ разныхъ мѣстностяхъ Галичины различныя, хотя и незначительныя, измѣненія.

И такъ, прежде всего расходятся мнѣнія относительно яйца, производящаго хованца: оно должно быть или первымъ яйцомъ молодой курицы, или послѣднимъ—старой (но всегда совершенно черной); должно быть совсѣмъ безъ желтка, или-же съ двумя желтками; иногда требуется также, чтобы оно происходило отъ курицы, поющей пѣтухомъ (такъ какъ въ такой курицѣ сидитъ чертъ).

Время, когда выгрѣвается яйцо подъ мышкой, также не всегда безразлично для успѣха дѣла. Въ с. Ялпковатомъ, скольскаго у., и въ с. Борусовѣ, бобрецкаго у., вѣрятъ на счетъ этого такъ: нужно носить яйцо подъ мышкой 9 сутокъ передъ Пасхой; на „Вэлыкдэнь“ слѣдуетъ пойти съ нимъ въ церковь на заутреню и, когда священникъ провозгласитъ: „Христосъ воскресъ!“—сказать тихо 3 раза: „И мій воскресъ!“ Въ эту-же минуту вылѣзетъ хованецъ изъ яйца.

Порою считаютъ нужнымъ завернуть яйцо въ паклю („клочье“) и такъ носить его подъ мышкой.

Хованца можно получить также слѣдующимъ образомъ: „Во Львови е такій склэпъ и тамъ вы́сятъ на стини́ два хрэсты́—едэнъ праўды́вый, а дру́гый намалёваный ма́зэў; то трэба той праўды́вый хрэстъ уда́рыты, а той зъ ма́зы поцилова́ты,— тогды́ той купэць дастъ хо́ванця“. (Отъ Михаила Голуба въ Борусовѣ.)

Приведемъ еще нѣсколько народныхъ разсказовъ о существѣ и значеніи домовика:

—„Тако́го годо́ванця дэржа́тъ дэ-сь въ запо́ри, абы́ нихто́ нэ вы́диў,—въ комо́ри а́бо на поди́. Разъ на́-дэнь даю́тъ ёму́ въ чэрэпку́ йисты вся́ку стра́ву, лышь щобы́ нэ була́ солэна,— бо я́къ-бы му посолы́ў, чы на-збы́тки, чы та́ки нэхотячы́, то ся тя́жко пимстытъ.“ (Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

—„Одна́ стара́ вдова́ ма́ла хо́ванця. Разъ наганьбы́ла чого́-сь сво́го па́рубка, а винъ зо зло́сты насы́паў до стра́вы, котру́ ба́ба прылады́ла для хо́ванця, со́лы. Алэ ба́ба ничо́го нэ зна́ла тай занэсла тоту́ стра́ву хо́ванцэвы до шпихлира́—тай ужэ би́льшэ нэ вэрну́ла. Ажъ на дру́гый дэнь знайшлы́ йи повишэну гори́ нога́мы въ пэрэруби—вжэ закостэни́лу. То хо́ванэць йи тамъ пови́сыў за ту стра́ву.“ (Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

—„У старо́го Лу́ця Мэльныка на поди́ буў годо́ванэць и чэрэзъ то Луць буў бога́чъ на цилэ сэло́. Той годо́ванэць буў якъ-бы́ малэнькій паны́чъ въ чо́рнимъ спэнцы́рку съ сьвитя́чымы ґу́дзыкамы; такъ го ки́лька соси́диў вы́дило. Нэра́зъ ввійду́тъ лю́дэ до ха́ты—ди́ты ся колы́шутъ въ колы́сци, а годо́ванэць мэжы ны́мы съ лю́лькоў въ зуба́хъ—такъ ся съ ны́мы колы́шэ, ажъ пидъ пова́лу.—Разъ забу́лы и далы́ му чыръ посолэный, а сами́ пишлы́ въ по́лэ. Прыхо́дятъ съ по́ля, а той вы́тягнуў быка́ на пидъ и пови́сыў го на драґары́ гори́ нога́мы. И вси чу́лы, якъ ся стары́й Луць за то съ нымъ на поди́ свары́ў.—А якъ стары́й Луць умэръ, то годо́ванэць буў щэ въ ха́ти рикъ по ёго́ смэрты. А пото́му сынъ Лу́ця нэ хоти́ў ся съ нымъ вжэ заходы́ты—боя́ўся ду́шу загубы́ты. То разъ, якъ годо́ванэць влизъ до шуфля́ды въ столи́, винъ забы́ў го тамъ цвёчкамы, а пото́му, якъ була́ злы́ва и прыйшла́ вэлы́ка вода́, пусты́ў стиў доли́ рико́ў. Алэ съ тамто́го бо́ку надійшо́ў

зять нэбйжчыка Лу́ця, зйимáў стиў и вжэ видъ тóго часý дýжэ розбогатйў." (Отъ Евки Даневой въ Крушельницѣ.)

—

Представленіе о домовикѣ—хованцѣ часто смѣшивается въ народныхъ разсказахъ съ другимъ, родственнымъ представленіемъ—о такъ называемомъ „и н к л ю з ѣ" т. е. неразмѣнной монетѣ. Такое именно смѣшеніе этихъ двухъ, въ сущности—различныхъ понятій представляютъ, напр., слѣдующіе народные разсказы:

—„Ишóў хлопъ пóлёмъ и вы́дытъ, що дрýгій хлопъ óрэ чтырмá вóлы самъ-едэ́нъ, и чýе, якъ що-сь му вйýмы гóнытъ: собъ-чá!—а нычъ нэ вы́дытъ. Прыхóдытъ блы́жэ, а тамъ що-сь свы́щэ. Тогды́ винъ кáжэ: „А хто то вамъ, γáздо, вóлы гóнытъ?"—„То мэнй, кáжэ, мій сынъ вóлы гóнытъ!"—„Дэ-жъ е вашъ сынъ, колы́ го нэвы́дко?"—„А-ó, волóвы въ правймъ ýсп!"—Тай вы́няў зъ ýха, а то бы́ло я́блочко, а у я́блочку сыды́тъ той винклюзъ. А той хлопъ кáжэ тогды́: „А спродáйтэ вы мэнй тóго свóго сы́на!"—„Та продáмъ!"—„А щó хóчэтэ?"—„Хóчу, кáжэ, тры срйбни!"—Той вы́няў и даў и кáжэ ёмý: „Я вамъ даю́, лышé абы́ винъ видъ мэ́нэ нэ ўтикъ!" И спря́таў го до кешэ́ни мэ́жы грóши. Прыйшóў домй и самъ ся такъ тйшытъ, що вжэ нэ потрэбýе слугы́ дэржáты. Яў винъ вынымáты зъ кешэ́ни, а ту—áни грóшэй, áни тóго я́бка."

(Отъ Татьяны Михайловичъ въ Головецкѣ.)

—„Поййхалы ксёндзъ на ярмáрокъ, взя́лы тамъ по торгóвыцы торговáты що-сь. И поды́балы тамъ еднóго хлóпа, а ёмý що-сь пидъ плэчóмъ сьпиваé. Тогды́ пытáютъ ёгó ся ксёндзъ: „А щó тамъ у тэ́бэ, хлóпэ, сьпиваé?"—„Прóшу еγомóсця, то такій у мэ́нэ сынъ такъ фáйно сьпиваé!"—Тотй ксёндзъ я́лы казáты: „Продáй ты мэнй ёгó, хлóпэ!" Вы́няў той хлопъ, а то быў самсóнъ áбо винклюзъ—такé чэрвóнэ я́блочко. То ксёндзъ ся пытáлы: „Щó ты хóчэшь, хлóпэ, за то?" Яў той хлопъ казáты: „Я хóчу два срйбни!" Но, ксёндзъ дáлы ёмý тогды́ два срйбни, а тотó я́бко спря́талы у пуля́рошъ съ гришмы́. И прыйшлы́ до-дóму, вынымáютъ ксёндзъ пуля́рошъ, ды́влятся, анó нэмá ни тóго, ни грóшэй." (Отъ нея-же.)

—„Пишóў едэ́нъ чоловйкъ зъ Бориы́нычъ до Роздóлу тай зды́баў на дорóзи ры́нськый-конфлюзъ. Прынйсъ го до-дóму, а нэ знаў щэ, що то нэчы́сти грóши. И дэ ёгó змпняў áбо вы́даў,

то винъ и самъ всэ прыйшо́ў до не́го наза́дъ, и щэ дру́ги гро́ши прыни́съ.—Якъ вжэ ся той чолови́къ пидпоми́гъ до́брэ и ё́му́ ся вжэ то змэрзи́ло, то пишо́ў до ксё́ндза и пови́ў. А ксё́ндзъ тогды́ му каза́ў—наза́дъ на то-самэ́ ми́сцэ виднэ́сты, ви́дки го взяў. То якъ тамъ видни́съ на ту доро́гу, то конфлю́зъ стра́шно ся сэ́рдыў и ша́пку съ нэ́го здэръ—ма́ло му смэрть тамъ нэ бу́ла. Тай бу́ря ста̀ла тамъ така́, що страхъ, а́лэ пото́му вжэ би́льшэ той конфлюзъ до не́го нэ вэрта́ў.“ (Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

Напечатано въ „Живой Старинѣ“, 1897 г., вып. I, стр. 105—106 и 111.—Другія галицко-русскія и вообще малорусскія параллели см.: И. Я. Франко: Апокріфи і легенди з українських рукописів, 1899, т. II, стр. 176 и 320; его-же: Людові віруваня на Підгірю—„Етнографічний Збірник“ Т-ва им. Шевченка, 1898, т. V, стр. 210; В. М. Гнатюкъ: Знадоби до гал.-рус. демонольогії—тотъ-же „Етногр. Збірник“, 1904, т. XV, стр. 96—106 и 254; Д. Лепкій: Хованець або богъ-домовикъ—„Зоря“, 1883, № 7, стр. 114—115; „Жите і Слово“, 1894, т. II, стр. 354, 1895, т. IV, стр. 185; „Правда“, 1868, стр. 43 и 120; Д. И. Вагилевичъ: Bojkowé—„Časopis Českého Museum“, 1841, стр. 64—65; T. Vernaleken: Mythen und Bräuche des Volkes in Oesterreich, 1859, стр. 238—239, 261—263; И. Верхратскій: Початки до уложеня номенклятури и терминології природописноі народнеї, 1869, ч. II, стр. 40; F. X. Mroczko: Śniatyńszczyzna, 1897, ч. I, стр. 20—23; O. Kolberg: Pokucie, 1888, т. III, стр. 86—89; F. Řehoř: Čert—mosaika z lidových podáni halicko-ruských—„Zlatá Praha“, 1895, стр. 150—151; „Rocznik kółka naukowego tarnopolskiego“, 1892, стр. 135; „Lud—organ T-wa ludoznawczego we Lwowie“, 1896, т. II, стр. 252—254, 1897, т. III, стр. 152—154, 1899, т. V, стр. 381—382, 1900, т. VI, стр. 386—388; В. М. Козарищукъ: Изъ буковинскихъ карпатскихъ горъ—„Наука“, 1890, стр. 81 и 83; R. F. Kaindl: Die Huzulen, 1894, стр. 75, 83, 104; его-же: Neue Beiträge zur Ethnologie und Volkskunde der Huzulen—„Globus“, 1896, т. 69, № 6, стр. 94; И. Левицкій: Сьвітогляд украінського народа, 1876, стр. 51—54; М. П. Драгомановъ: Малорусскія нар. преданія и разсказы, 1876, стр. 57; П. П. Чубинскій: Труды этногр.-стат. экспедиціи въ зап.-рус. край, 1872, т. I, стр. 192—193 и 208;

П. В. Ивановъ: Нар. разсказы о домовыхъ и т. п.—„Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва, 1893, т. V, стр. 23—53; Б. Д. Гринченко: Изъ устъ народа, 1901, стр. 109—113; И. И. Манжура: Сказки, пословицы и т. п.—„Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва, 1890, т. II, стр. 129—130; В. Н. Ястребовъ: Матеріалы по этнографіи новоросс. края, 1894, стр. 77—78; Н. Ѳ. Сумцовъ: Культурныя переживанія, 1890, стр. 102; А. Н. Аѳанасьевъ: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, 1867, т. II, стр. 77—120 и passim.

Въ частности—объ инклюзѣ см.: В. Г. Щуратъ: Zaubergeld—„Am Urquell", 1893, т. IV, стр. 105—110 и 135—141; В. М. Гнатюкъ: Знадоби до гал.-рус. демонольогії, стр. 254—264.

Библіографію мотива о рожденіи изъ яйца вообще см.: Ю. А. Яворскій: Omne vivum ex ovo. Къ исторіи сказаній и повѣрій о яйцѣ, 1909, стр. 16—20.

---

2. Переступень.

Пэрэсту́пэнь (мандрагора—bryonia alba) ростэ́, якъ сы полю́бытъ ми́сцэ, за угло́мъ за ха́тоў а́бо въ горо́ди—зъ ниў мэ́тра у зэмлы́. Лы́стье ма́е таке́, якъ на хмэ́лю, скризь обсы́панэ чо́рнымы я́годамы. Ма́е такы́й ко́рипь, акура́тъ такы́й, якъ мала́ дити́на,—ма́е го́лову, ру́ки, но́гы,—бо винъ е зъ тыхъ дитэ́й-поты́рычатъ,*)—пэрэкида́ется зъ ныхъ.

Хто нэ зна́е, а ёго́ урвэ́ а́бо пэрэ́тнэ, то винъ за́разъ пошко́дытъ—пораны́тъ на цили́мъ ти́ли, ажъ кроў тэчэ́, видо́ймэ ру́ки, но́гы а́бо й ро́зумъ,—а зъ кори́ня ёго́ тэчэ́ би́ла кроў. Тогды́ той хрэстяны́нъ лэжы́тъ хо́рый и мо́жэ лэжа́ты й ки́лька ро́киў. Ажъ я́къ-бы ся дови́даў, що то видъ пэрэсту́пня ёму́ такъ е, то тогды́ бэрэ́ цилу́шку хли́ба и ма́сла сьвячэ́ного и γрэ́йцаръ, кладэ́ тото́ ко́ло то́го пэрэсту́пня, пtriту́лытъ до то́го ми́сця, дэ то утя́ў, помасты́тъ и пэрэпро́сытъ ёго́, тогды́ прыго́рнэ зэмлэ́ў,—то вжэ му тогды́ за́разъ полэ́кшытъ.

---

*) Поты́рычата или страччуки́— это души убитыхъ или умершихъ безъ крещенія дѣтей.

Часо́мъ дэ якъ горо́дятъ плитъ и натра́фытъ хто коло́мъ на нэ́го, то му́сытъ розибра́ты плитъ и нау́ко́ло нэ́го обкопа́ты зэ́млю.

Пэрэсту́пэнь часо́мъ пэрэке́дуеся въ диты́ну: вы́скочытъ зъ зэмли́ и ся́дэ соби́ на пло́ти а́бо на яки́мъ слу́пи, пиднэ́сэ одну́ ру́ку и но́гу до-горы́ и сыды́тъ, а пото́му счэ́знэ—нэзна́ты дэ?

Дэ винъ ростэ́, то пры́носытъ сча́стье и мае́токъ. Алэ якъ му ся ми́сцэ змэрзы́тъ, а́бо що́, то забэ́рэся и пэрэ́йдэ на е́нчэ ми́сцэ. Лю́дэ го ду́жэ шину́ютъ и нэ ру́шаютъ го.

Хто зна́е видмо́вытъ, той го мо́жэ вы́рваты и ницъ му ся нэ ста́нэ. То е ду́жэ дорогэ́ кори́нье, на́вить го до апты́ки продаю́тъ,—и вжэ тамъ въ апты́ци знаютъ, до чо́го оно́ е нале́жнэ. (Отъ Сеня Вереса въ Грусятычахъ.)

Напечатано въ „Живой Старинѣ“, 1900 г., вып. IV, стр. 598.—Ср. Ю. А. Яворскій: Die Mandragora im südrussischen Volksglauben—въ „Zeitschrift für österreichische Volkskunde“, 1896 г. № 12, стр. 353—361, и 1897 г., № 2, стр. 63—64, гдѣ приведена также важнѣйшая литература предмета.

---

3. Дикая баба.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ русской Галичины сохранились, между прочимъ, интересные обрывки преданій объ одномъ женскомъ миѳическомъ или демоническомъ существѣ—такъ называемой дикой бабѣ, которая извѣстна здѣсь, впрочемъ, также и подъ другими названіями, какъ-то: „ли́тавыця“, „ви́трэныця“, „пэрэлэ́стныця“, или „богы́ня“.

Сравнительно наиболѣе ярко и цѣльно сохранились повѣрья о дикой бабѣ у горцевъ стрыйскаго уѣзда, на разсказахъ которыхъ, главнымъ образомъ, и основывается предлагаемый сводъ этихъ повѣрій, причемъ одна ихъ часть записана нами лично, другая-же извлечена изъ рукописныхъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ 1870-хъ годахъ и любезно предоставленныхъ намъ заслуженнымъ галицко-русскимъ писателемъ-этнографомъ—А. Ю. Алексѣевичемъ.

Дикая баба обыкновенно очень красива; особенно прекрасны ея волосы—золотистые и очень длинные.

Чаще всего она является—во снѣ или даже на яву—молодымъ, холостымъ мущинамъ, которые безумно влюбляются въ нее и отъ тоски по ней изнываютъ и чахнутъ. Но она пристаетъ также нерѣдко и къ женатымъ людямъ и овладѣваетъ ими до такой степени, что они покидаютъ своихъ женъ и не могутъ больше жить съ ними. Она приходитъ къ своему избраннику каждую ночь и ложится возлѣ него или у его ногъ. Человѣка, къ которому привяжется дикая баба, водятъ въ церковь или на богомолье, освящаютъ надъ нимъ воду, призываютъ ворожей-шептухъ и т. п. Однако, до тѣхъ поръ, пока она сама его не оставитъ, никакая сила и никакія средства не могутъ освободить его отъ ея власти.

—„До одного̀ ɣа́зды ходы́ла лі́тавыця и всэ зганя́ла жону̀ изъ постэ́ли, а сама́ лягáла ко́ло нэ́го. Ажъ разъ хто-сь нара́дыў жоні́, щобы́ положы́лася окрэ́мэ спа́ты, а якъ лі́тавыця надійдэ́ и за́снэ, то щобы́ йій ўтя́ла воло́сье (бо она́ ма́е воло́сье прегы́рэшнэ и до́ўгэ онь до зэмлі́). Ажъ ту въ ночы́ запу́кало що́-сь до викна́,—чоловікъ за́воркоті́ў крузь сонъ, а пото́му зноў ты́хо ста́ло. Тогды́ жона́ вста́ла, засьвиты́ла на при́пичку сьві́чку и ды́вытся, а она́ така́ кра́сна, що лышь стань та дыві́ся; и обійми́ла ɣа́зду наўко́ло шыи. То тій жоні́ тогды́ жаль ей ста́ло, то она́ я́ла ихъ лышь розганя́ты. Колы́-жъ лі́тавыця проснýлась, то ка́же до жоны́: „Колы́ ты мэнэ́ нэ позбыткова́ла и нэ позба́выла мэнэ́ чэ́сты, то ужэ́ ɣазду́й собі́ сама́, а я ужэ́ нэ бу́ду бі́льшэ ходы́ты!“ Тогды́ ві́тэръ поду́ў и она́ счэ́зла —тай ті́лько за нэ́и чу́тки бы́ло.“ (Изъ с. Опорца.)

Дикая баба очень любитъ горохъ, въ которомъ—въ огородѣ или на полѣ—ее нерѣдко можно встрѣтить и поймать. Однако, поймать ее можно только тогда, если отнять у нея ея сапоги-скороходы, въ которыхъ она шагаетъ по нѣскольку верстъ за-разъ; безъ этихъ сапоговъ она не можетъ бѣжать и вообще теряетъ свою сверхъестественную силу. Тогда она покорно идетъ за поймавшимъ ее человѣкомъ, служитъ ему вѣрно и исполняетъ всякое его приказаніе, а если онъ этого пожелаетъ, то дѣлается даже его женой.

—„Одэ́нъ па́рубокъ маў въ по́лы горо́хъ и що-сь му въ нимъ ду́жэ вэлы́ку шко́ду робы́ло, а нэ знаў—що́? Ажъ разъ

вы́йшоў въ по́лэ и увы́диў ко́ло горо́ху чо́боты, а въ горо́сп така́ кра́сна ви́трэныця, ажъ о́чы въ го́лови забы́ў. Онъ тогды́ хо́пыў одэ́нъ чо́битъ и ка́жэ: „А то ты мэни́ таку́ шко́ду ро́бышь? то тэпэ́рь му́сышь вжэ зо мноў иты́!“ Прыйшлы́ доми́, тогды́ онъ чо́битъ стулы́ў, щобы́ опа́ пэ зна́ла—гдэ, тай вжэ му́сила бы́ты его́ жоно́ю.—Жы́лы собі́ фа́йно, γаздува́лы и ма́лы дитьну—таку́ кра́сну, що кра́сшои пигдэ́ нэ было. Но прыйшо́ў часъ и умэ́рла дитьна, а колы́ вси́ йо́йкалы, опа́ ка́жэ: „Та що́ йо́йкаетэ?—то трэ́ба гра́ты и вэсэлы́тыся!“ И заста́выла гудаки́, щобы́ гра́лы по дитьни. Вси чу́довалыся тому́, но пычъ вжэ нэ каза́лы. За пэдо́ўгый часъ умэ́ръ пакъ стары́й отэ́ць ей γа́зды, а она́ йо́йкае, ажъ страхъ бэрэ́ слу́хаты. Тогды́ вжэ чоловикъ звідуеся ей: „А чому́-жъ ты тэпэ́рь пла́чэшь, хоть онъ мій отэ́ць, а нэ тоби́? а за дитьноў то-сь ся вэсэлы́ла, хоть ты йій ма́ты была?“ А она́ ёму́ нэ хоти́ла сказа́ты: „Ты то́го нэ зна́ешь и нэ бу́дэшь зна́ты!“ Онъ вы́дытъ, що опа́ нэ хо́чэ сказа́ты, то вжэ обицяў йій видда́ты чо́битъ. —„Но, колы́ такъ, то вжэ ты ска́жу: бо ты нэ вы́диў, якъ старо́го ду́шу грихы́ наля́глы тай обступы́лы в с и (т. е. черти) и позлита́лыся, що бы для ко́ждого и ки́сточки пэ ста́ло, а якъ я ста́ла йо́йкаты, то оны́ напу́дылыся и поўтика́лы; а колы́ дитьна у́мэрла, то така́ ра́дисть была ко́ло нэп, що нэ было чо́го банова́ты!“ Пото́му ёму́ щэ бі́льшэ дэ́-що розповіла, то тогды́ вжэ онъ йій му́сиў да́ты чо́битъ. Тогды́ такі́й вэлы́кій ви́тэръ подуў—тай ти́лько йи вжэ вы́диў. А колы́ прыйшлы́ мясныци, то посва́таў собі́ отданы́цю.“ (Изъ с. Яленковатаго.)

—„Одэ́нъ господа́ръ зйима́ў ды́ку ба́бу въ сво́йимъ горо́си. Чо́боты взяў, схова́ў до комо́ры, а она́ зача́ла его́ просы́ты, щобы́ йій видда́ў чо́боты. Винъ нэ видда́ў, а она́ тогды́ пишла́ за нымъ до-до́му и служы́ла му, якъ пайвирнійша слу́жныця; робы́ла вся́ку господа́рску робо́ту ду́жэ зру́чно, и госпо́даръ нэ мигъ ей нахвалы́тыся. Такъ служы́ла ёму́ ажъ до Риздвя́ныхъ сьвятъ. На Сьвяты́й вэ́чэръ помогла́ γазды́ны всё робы́ты и вары́ты. А колы́ вэчэ́ря вжэ була́ гото́ва, γазды́ня сказа́ла всій чэ́ляды: „Про́шу васъ всихъ до вэчэ́ри!“ Вси посида́лы, а ды́ка ба́ба си́ла собі́ въ ку́тыку и всэ сьмія́лася чэ́рэзъ цилу́ вэчэ́рю,—ницъ нэ йи́ла, лышэ́ сьмія́лася. Ей ся пыта́лы—чого́ опа́ ся сьміе, а́лэ она́ нэ хоти́ла сказа́ты. Ажъ якъ скипьчы́лы вэчэ́ряты и ещэ́ бі́льшэ ей просы́лы, щобы́ сказа́ла имъ, она́ обиця́ла сказа́ты, еслы́ йій виддаду́тъ чо́боты. Госпо́-

даръ йій обицяў, що виддáсть, а онá зачáла имъ розповидáты: „Якъ-бы вы вы́дилы, щó ся съ вáшоў вэчэ́роў діяло, вы бы и самú нэ бýлы йи́лы, лышэ́пь-бы-сьтэ ся сьміялы: γазды́ня, нáмисць сказáты: „прóшу васъ в с и х ъ х р щ э́ н ы х ъ до вэчэ́ри!“—сказáла тíлько: „прóшу васъ в с и х ъ до вэчэ́ри!“—тогды́ ся злэ́тилы вси чорты́ и покáзувалы рúжни фúγли—скакáлы по столú, по мыскáхъ, плювáлы въ ныхъ, то щó!“ Тогды́ господáри зачáлы ей ся розпы́туваты о рúжни рúчы, о лúки прóтиў рúжныхъ хорóбъ, о чáры. Онá имъ всё розповúла, оны́ йій тогды́ дáлы чóботы,—и пишлá собú. Якъ вжэ бýла на дорóзи, тогды́ госпóдаръ прыгадáў собú ещэ́, що нэ запытáўся ей—щó робы́ты на моты́лыцю у овэ́ць? Вы́бигъ за нэў на дорóгу и пытáеся ей. А онá ёмý сказáла: „Возьмы́ нижъ, тай зарíжъ, тай изйи́джъ!“ (Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

Такимъ образомъ, въ общемъ, какъ оказывается изъ приведенныхъ выше мотивовъ повѣрья, дикая баба, собственно, нисколько не является злымъ и вреднымъ существомъ, а напротивъ, обнаруживаетъ много положительныхъ и симпатичныхъ чертъ и качествъ. Уже сама ея внѣшняя красота свидѣтельствуетъ достаточно ясно о томъ, что со злой, нечистой силой она не имѣетъ ничего общаго; впрочемъ, это подтверждается иногда также и прямо, напр., свидѣтельствомъ яленковатовскаго разсказа о томъ, что она отгоняетъ отъ умирающаго грѣшника осаждающихъ его злыхъ духовъ.

Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ разсказахъ дикая баба неожиданно представляется прямо таки злымъ и нечистымъ существомъ, которое насылаютъ на людей колдуны и вѣдьмы для того, чтобы оно причиняло имъ различныя пакости и обиды.

Такъ, напр., дикая баба обвиняется иногда въ томъ, что она сосетъ молодыхъ людей, или даже маленькихъ дѣтей, вслѣдствіе чего у нихъ изъ грудей течетъ кровь, а сами они все болѣе блѣднѣютъ и чахнутъ.

Дикой бабѣ приписывается, наконецъ, также подмѣна дѣтей: она похищаетъ иногда у неосторожной матери новорожденнаго ребенка и подмѣниваетъ его своимъ—такъ называемой „в и д м и́ н о й“; чаще всего это продѣлывается ею ночью, въ особенности, если въ комнатѣ нѣтъ никакого свѣта. Такая „видми́на“ обыкновенно очень некрасива, зла и прожорлива, но не живетъ больше семи лѣтъ.

—„Богы́ня—то така́ нэчы́ста коби́та, що жые́ въ ли́си; она́ хо́дытъ го́ла, а цыцькы́ ма́е таки́ до́ўги, що мо́жэ ихъ пэрэви́сыты чэ́рэзъ плэ́чи, гы́-бы ко́сы.—То она́ ссэ людый—цы диво́къ, цы хло́пциў, кого́-бу́дь. Такъ усыпля́е чолови́ка, жэ му ся такъ ду́жэ спа́ты хо́чэ, гы́-бы му о́чы зашы́ў. Тай за́разъ кладэ́ся ко́ло нэ́го и ссэ, и ссэ, якъ дитына ма́му. То пото́му такы́й хло́пэць ма́е таки́ цыцькы́ вэлы́ки, якъ коби́та, що ма́е диты́ну.—А она́ щэ миня́е въ ночы́ ди́ты,—якъ и́но нэхрэщэ́нэ, то за́разъ пидминя́е: во́зьмэ лю́дську диты́ну, а лыша́е свою́—таку́ суху́ а паску́дну, жэ ся мэ́рзко подывы́ты. То е видми́на.“

(Отъ Каськи Загальской въ Стольскѣ.)

Какъ видимъ, всѣ эти отрицательные, чисто демоническіе мотивы повѣрья о дикой бабѣ находятся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ его общимъ характеромъ и духомъ, что считать ихъ основными и существенными чертами едва-ли возможно. Они примѣшались къ нему, вѣроятно, только извнѣ и случайно—изъ другихъ, родственныхъ, демонологическихъ представленій, или-же, можетъ быть, возникли подъ позднѣйшимъ вліяніемъ церковнаго ученія, низвергнувшаго сплошь всѣ существа и явленія народной, языческой миѳологіи въ преисподнюю злой, нечистой силы.

Напечатано въ „Живой Старинѣ“, 1897 г., вып. III—IV, стр. 439—441, и 1900 г., вып. IV, стр. 599; см. также: „Житє і Слово,“ 1894, т. II, стр. 358—359, и „Der Urquell“, 1898, т. II, стр. 78—82.—Ср. еще: В. М. Гнатюкъ: Гал.-рус. нар. легенды, 1902, т. II, стр. 5—8; И. Я. Франко: Людові віруваня на Підгірю—„Етногр. Збірник“, 1898, т. V, стр. 94 и 212; O. Kolberg: Pokucie, т. III, стр. 103; П. П. Чубинскій: Труды экспедиціи, т. I, стр. 193; Н. Ѳ. Сумцовъ: Культурныя переживанія, стр. 276—281; его-же: Boginki-mamuny—„Wisła“, 1891, т. V, стр. 572—587.

О видминѣ см.: И. Я. Франко: Людові віруваня, стр. 210—211; R. F. Kaindl: Die Huzulen, стр. 5; П. П. Чубинскій: Труды экспедиціи, т. I, стр. 130—131 и 193—195, т. IV, стр. 6; В. Н. Ястребовъ: Матеріалы по этногр. новоросс. края, стр. 79—80; Н. Ѳ. Сумцовъ: Культурныя переживанія, стр. 180—182.

---

4. Опырь.

Если беременная женщина посмотритъ въ церкви во время „великаго входа“ на священника, несущаго чашу, то ея дитя будетъ имѣть двѣ души и сдѣлается „о п ы р ё м ъ“ или „у п ы р ё м ъ“; узнать это можно проще всего по тому, что такой человѣкъ разговариваетъ самъ съ собою.

Съ опыремъ нельзя жить въ мирѣ и дружбѣ, потому что тогда онъ легче всего можетъ повредить человѣку или даже совсѣмъ погубить и съѣсть его; напротивъ, съ нимъ слѣдуетъ постоянно ссориться и вообще относиться къ нему враждебно, такъ какъ это уничтожаетъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабляетъ его демоническую силу.

А сила опыря уже при его жизни весьма велика и разностороння: онъ можетъ насылать на людей всевозможныя болѣзни и эпидеміи, а даже умерщвлять и съѣдать ихъ; онъ можетъ навлекать на нихъ грозу, дождь, градъ и разныя другія бѣдствія; онъ колдуетъ коровъ и отнимаетъ у нихъ молоко, портитъ урожай и т. п.; онъ знаетъ будущее и открываетъ тайны; наконецъ, онъ можетъ дѣлаться невидимымъ и принимать видъ различныхъ животныхъ и т. д.

Но еще могущественнѣе и страшнѣе становится опырь послѣ своей смерти. Кромѣ обычныхъ, перечисленныхъ выше, пакостей и бѣдствій, онъ можетъ теперь причинять людямъ еще особое зло: онъ выходитъ ночью—между полуночью и „первымъ пѣвнемъ“—изъ могилы и проникаетъ въ дома къ спящимъ людямъ, чаще всего—къ своимъ-же собственнымъ роднымъ, причемъ или тутъ-же высасываетъ изъ нихъ кровь, такъ что они сейчасъ умираютъ, или-же заманиваетъ ихъ, а даже увлекаетъ насильно—къ себѣ въ могилу.

Опыря — все равно, живой-ли онъ, или мертвый,—люди страшно боятся и стараются защищаться отъ него разными способами. Такъ, напр., если живой опырь колдуетъ коровъ и отнимаетъ у нихъ молоко, то берутъ 12 кусковъ желѣза и бросаютъ ихъ въ печь на огонь; когда желѣзо раскалится, то опырь сейчасъ прибѣгаетъ въ этотъ домъ и проситъ, чтобы вынули желѣзо изъ огня, такъ какъ это его жжетъ; тогда можно съ нимъ заключить договоръ, послѣ чего онъ уже оставляетъ этотъ домъ въ покоѣ.

Если-же опырь ходитъ по смерти и безпокоитъ или заѣдаетъ людей, тогда откапываютъ его гробъ и сжигаютъ его голову или цѣлый трупъ на терновомъ огнѣ, или-же только отрѣзываютъ ему голову и кладутъ ее въ ногахъ, а затѣмъ прибиваютъ ее осиновымъ коломъ или желѣзнымъ гвоздемъ ко дну гроба,—тогда уже опырь не можетъ болѣе выходить изъ могилы и вредить людямъ.

Вотъ, въ заключеніе, нѣсколько подлинныхъ народныхъ разсказовъ объ опыряхъ, записанныхъ нами въ разныхъ мѣстностяхъ русской Галичины:

—„Въ на́шимъ сэли́ е жыдъ и винъ опы́ръ. Разъ—на Вознэсэ́піе вэ́чиръ—повыходы́лы хлопы́ зъ ко́рчмы, а ту яка́-сь бида́ напро́тиў пыхъ бижы́тъ и помыну́ла ихъ, якъ стрпла́. Оны́ вжэ озыра́ются—дэ оно́ ся поди́нэ? А то пэрэкэ́нулося кото́мъ и поли́зло по́-пидъ бра́му до едно́го богача́ и забі́гло до ста́йни. Тоти́ хлопы́ пишлы́ до госпо́даря и му сказа́лы. Винъ тогды́ вы́йшоў до ста́йни съ лята́рнёў, ды́вытся, а въ ста́йпы е китъ. Злапа́ў кота́, ў́ризаў му у́хо и пусты́ў (бо ся нэ хоти́ў зачипа́ты съ бидо́ў, ино́ абы́ знакъ ма́ты—що́ то за едэ́нъ е?) На дру́гый дэнь прыхо́дытъ винъ до ко́рчмы, а тамъ жыдъ съ обвя́занымъ у́хомъ. Тай ка́жэ му тогды́ жыдъ: „Ой, назначы́ў-есь мя такъ, що ни мэ́жы лю́дэ ся нэ мо́гу показа́ты, ни дру́ги опыри́ мэнэ́ тэпэ́рь нэ потрэбу́ютъ.“

(Отъ Сеня Вереса въ Грусятычахъ.)

—„Дво́е ихъ бы́ло въ ха́ти—ди́до съ ба́боў. Тай ди́до умэ́ръ, лю́дэ ся посходы́лы на сьви́ченя, тро́хи посы́дилы тай ся пото́му забыра́ютъ доми́. Ба́ба ка́жэ: „Иди́тъ, людко́вэ, кой идэ́тэ, я вжэ сво́му прыя́тэлыкови сама́ посьви́чу!“ Лю́дэ ся розі́йшлы́, сыды́тъ ба́ба у за́пичку, сыды́тъ, видта́къ поду́ў ви́тэръ и сдуў съ ди́да полотно́. Идэ́ ба́ба пиднима́ты тото́ полотно́, ано́ и ди́до ся самъ яў ке́ваты. Якъ тото́ ба́ба увы́дила, то утэкла́ до комо́ры и замкла́ся. Ди́до за нэ́ў, добува́ется до комо́ры, ано́ нэ мо́жэ. Вы́лизъ тогды́ на пидъ тай розмэта́ў пова́лыня—хо́чэ вжэ ли́зты крузь диру́ до комо́ры, а ту когу́тъ запі́яў. Ди́до засты́гъ на поди́, а ба́ба зо стра́ху въ комо́ри.“

(Отъ Татьяны Михайловичъ въ Головецкѣ.)

—„Умэ́ръ едэ́нъ стары́й чоловикъ, спря́талы го—тай ничъ. Алэ до добы́ за нымъ умэ́ръ молоды́й па́рубокъ, за тымъ зноў молоды́й ґа́зда,—такъ ко́ждый дэнь хто-сь въ сэли́ умыра́е. Ну ничъ, ажъ розболи́ўся-у богача́ едина́къ тай за́разъ умэ́ръ.

Нэ мо́жэ то́го бога́чъ подарува́ты, идэ́ до ксе́ндза тай ка́жэ, що то хто-сь людэ́й пойидáе,—пэ́ўно той стары́й, що пэ́ршый умэ́ръ,—то трэ́ба го розкопа́ты. Ксёндзъ нэ бороны́лы. Ну, пишоў той хлопъ, взяў сы щэ трёхъ, пишлы́ до то́и ба́бы и ка́жуть: „Ходы́, ба́бо, бо идэ́мъ тво́го γа́зду розко́пуваты!“ Взя́лы сы видъ нэ́и пла́хту и пишлы́ вжэ съ ба́боў на цвынтаръ; я́лы тогды́ грибъ розко́пуваты, а винъ сыды́ть, пидпэ́рся на ру́ки—такíй чэрво́ный, ти́лько ма́е кервы́ въ со́би лю́дскои. Ды́вытся ба́ба, ка́жэ: „Тьфу, пропа́ў-бы-сь, нэ двы́гъ-бы-сь-ся, нэ вста́ў-бы-сь!“ Тогды́ его́ вы́тягнулы зъ я́мы, поруба́лы, завяза́лы въ пла́хту, поста́вылы на тэрно́вый корчъ, пидпалы́лы,—и згори́ў. Якъ ёго́ тамъ спалы́лы, то такíй за ны́мы ви́тэръ нэчы́стый подýў и йшоў за ны́мы заводячы́ видъ цэ́ркви ажъ у сэло́ до ко́рчмы.“ (Отъ нея-же.)

—„Умэ́ръ молоды́й γа́зда, спря́талы го—тай ны́чъ. Ажъ чэтвэ́ртои но́чы прыхо́дыть винъ пидъ викно́ тай клы́чэ: „Мары́сю, пусты́ мя!“ Она́ вста́ла, пусты́ла,—яў винъ йíй каза́ты: „Но, збыра́йся зо мноў!“—„А ди́ты якъ лы́шу?“—пыта́еся жона́.—„Лышы́ такъ, якъ я лышы́ў, нэ бу́дэ имъ ны́чъ!“—Збира́лася она́, позабыра́ла своé руба́тя тай идэ́. Иду́ть по́-пры цэ́ркоў, а винъ ка́жэ: „Ку́ры спять, свы́ни спять, а мэртвы́й жыво́го до гро́бу вэдэ́!“ Прыйшлы́ такъ идъ гро́бовы, а винъ ка́жэ: „Розтворы́ся, гро́бэ!“ Грибъ ся нэ отвыра́е. Ка́жэ винъ такъ дру́гый разъ, и трэ́тый, и ажъ за трэ́тымъ ра́зомъ розтворы́ўся грибъ. А винъ ка́жэ тогды́ жи́нци: „Ну, скачы́ у грибъ!“—„Ой, я нэ ска́чу,—скачы́ ты впэрэ́дъ!“—Винъ уско́чыў, а она́ вэ́ргла за нымъ своé руба́тя; винъ тамъ зра́зу гада́ў, що то она́ ско́чыла, тай ка́жэ: „Запры́ся, гро́бэ!“ Грибъ ся запэ́ръ, а она́ тогды́ въ но́гы, якъ я́ла утика́ты! Увы́диў опы́ръ въ гро́би, що жоны́ нэма́, ка́жэ: „Отворы́ся, гро́бэ!“ Грибъ ся отворы́ў, яў винъ ли́зты изъ гро́бу, догоня́е йи.—А она́ бижы́ть-бижы́ть, вы́дыть сьви́тло въ ха́ти; бу́хнула въ двэ́ри, убига́е, ано́ тамъ лэжы́ть мэртвы́й на ла́вьщы, а нико́го въ ха́ти нэма́, лышь когутя́ сыды́ть на пла́щци. Си́ла она́ на прыпичку та вжэ ся Бо́гу мо́лыть. А тотъ прыби́гъ пидъ викно́ тай клы́чэ: „Пусты́ мя, бра́тцю, я такíй, якъ и ты!“ Яў тотъ мэрлэ́ць на ла́ви пога́мы ке́ваты, а она́ тогды́ розпаса́ла изъ сэ́бэ по́ясъ та ке́нула му на но́гы. А винъ тогды́ ка́жэ: „Нэ пу́щу тя, бра́тцю, бо мы ланьцу́хъ на по́гахъ!“ Ка́жэ тотъ зъ-пидъ викна́ зно́ву: „Пусты́ мя, бра́тцю, я такíй, якъ и ты!“ Яў тотъ на ла́ви ру-

ка́мы ке́ваты, а она́ зня́ла съ сэ́бэ паце́рки тай ке́нула му на ру́ки.—„Ой, нэ пу́щу тя, бра́тцю, бо мы ланьцу́хъ на рука́хъ!“—Ка́жэ той вжэ трэ́тый разъ: „Пусты́ мя, бра́тцю, я такі́й, якъ и ты!“ Яў тотъ го́лову пидныма́ты, а она́ съ сэ́бэ у́плэты зня́ла и вэ́ргла му на шы́ю.—„Нэ пу́щу тя, бра́тцю, бо мы ланцъ на шы́и!“—А тогды́ запи́ло тото́ когутя́,—ну, вжэ йій ся лэ́кшэ ўчыны́ло: той замэртви́ў на ла́ви, а тамто́й пидъ викно́мъ на двори́.“ (Отъ нея-же.)

Къ послѣднему разсказу—объ увозѣ мертвымъ мужемъ или женихомъ оставшейся женщины—записаны нами еще слѣдующіе два варіанта:

—„Служы́ў едэ́нъ хлопъ у па́на, а жи́нку маў въ сэли́ и хаты́ну. И пойи́хаў съ тымъ па́номъ до далэ́кого ми́ста, а тамъ була́ сла́бисть; и винъ тамъ захорува́ў и умэ́ръ, и въ тимъ краю́ чужи́мъ го похова́лы. Винъ тогды́ ви́дтамъ въ ночы́ прыйи́хаў сы́вымъ конёмъ до свóйи жи́нки пидъ ви́кна и клы́чэ: „Ка́сю, Ка́сю, отворы́!“ А она́ щэ нэ зна́ла, що винъ тамъ умэ́ръ, гада́е сы—вэрну́ў зъ доро́гы. Вста́ла, отворы́ла, а винъ до нэ́и ка́жэ: „Бэры́ свóи хустки́ та дэ́-яке ли́пшэ шма́тье,—пойи́дэмо гэтъ, бо я соби́ въ чужи́мъ краю́ купы́ў и́нчу ха́ту и γрунтъ—ли́пши, якъ ту!“ Она́ зибра́ла свое́ шма́тье и вы́йшла. Взяў винъ йи за ру́ку и посады́ў на коня́—пойи́халы; ажъ якъ она́ си́ла на коня́, то зляклáся, бо вы́дытъ, що то нэ кинь, якъ ма́е бу́ты, инó таке́, якъ ви́тэръ.—Прыйижджа́ютъ вжэ до то́го ми́ста, дэ винъ умэ́ръ, пэрэйи́халы бэзъ ми́сто—нэ вступа́ютъ нигдэ́. И йи́дутъ за цэ́ркоў—про́сто повэрта́ютъ на цмы́нтаръ; тамъ ужэ́ кинь счэзъ, инó винъ лышы́ўся и она́. А на гро́би ёго́ була́ дира́ на-сэрэды́ни, то винъ ка́жэ: „Лизь туды́, тамъ е мой до́бра!“ Тогды́ она́ ка́жэ такъ: „Лизь ты напэрэ́дъ, а я пото́му поли́зу!“ И винъ поли́зъ, а она́ ка́жэ ёму́ тогды́, абы́ тягну́ў скризь диру́ ей шма́тье; забы́ла тамъ шма́тье въ диру́, а сама́ зача́ла ўтика́ты гэтъ—бэзъ поля́, ровы́, а́лэ сама́ нэ зна́ла—куда́?—Лэти́ла, лэти́ла, ажъ сда́лэку вы́дытъ сьви́тло; бижы́тъ вжэ до то́го сьви́тла, тамъ прылита́е, а то ха́та на по́лы. Тара́хнула она́ въ двэ́ри, видсу́нула си́ны, вби́гла до ха́ты, а тамъ мэрлы́й лэжы́тъ,—нэма́ би́льшэ нико́го въ ха́ти, лышь сьви́тытся сьви́тло. И она́ зъ ля́ку влизла на пьецъ и сыды́тъ тыхо́нько.—А тамъ ей чолови́къ добу́ўся зъ гро́бу, взяў сы щэ би́льшэ опыри́ў и лэти́ў за нэў и прылэ́тиў ажъ до само́и-то́и хаты́ны. Тогды́ крычы́тъ чэ́рэзъ викно́: „От-

вуржъ мэ́рлый мэрлэ́му, що-сь будэ́мъ ро́биць жывэ́му!“ *) И той мэрлэ́ць въ ха́ти зача́ўся ру́шаты,—то но́гу зсу́нэ, то ру́ку, а пото́му й цилы́й встаў, пишо́ў и отворы́ў двэ́ри. И опыры́ў тамъ найшло́ по́ўна ха́та и вжэ ей клы́чуть: „Вылазы́ зъ-за пье́ца!“ А она́ имъ ка́жэ: „Я нэ ма́ю чоби́тъ,—прынэси́тъ мы пэ́ршэ чо́боты!“ Писла́ў той опы́ръ за́разъ едно́го до сво́го гро́бу, бо она́ тамъ свое́ шма́тье лышы́ла; той вжэ прыни́съ и зно́ву йи клы́чуть. А она́ тогды́ вжэ ка́жэ: то ху́стки нэ ма́е щэ, то по́яса нэ ма́е,—ажъ йій такъ всё шма́тье попрыносы́лы. **) И вжэ бы йій тогды́ була́ смэрть напэ́ўнэ, а́лэ тымчасо́мъ такъ Па́нъ-бигъ даў, що когу́тъ запі́яў,—дэ-сь тамъ бу́ў въ хаты́ни когу́тъ. И тогды́ ся вжэ вси опыри́ порозлита́лы, порозбыва́лыся, и она́ вжэ ма́ла спо́кій.—Прыйшло́ ра́но, да́ла она́ зна́ты до людэ́й, и тогды́ взя́лы тамъ и забы́лы тымъ опыря́мъ осыно́вый килъ въ пы́сокъ—наскри́зь, ажъ въ зэ́млю. А она́ йшла до сво́го сэла́ наза́дъ тры ми́сяци, а опы́ръ йи зави́зъ ви́дтамъ за одну́ годы́ну.“ (Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—„Булы́ хло́пэць тай ди́ўка тай ся обо́е любы́лы. Тай винъ пишо́ў до во́йська и тамъ въ во́йську умэ́ръ. Тай ви́дтамъ прыйшо́ў умэрлы́й до нэ́и, а́лэ она́ вжэ спа́ла, то заклы́каў йи крузь викно́: „Ка́сю, Ка́сю, встава́й, пойи́дэшь зо мноу́!“ А она́ ка́жэ до нёго: „А ты що́ за е́дэнъ?“—„Та я прыйшо́ў зъ во́йська,—ходы́, пойи́дэмъ!“—Взя́лы йи́хаты, а́лэ винъ всэ ка́жэ до коня́: „Ньо, по́-за сэ́бэ, ньо, по́-за сэ́бэ!“ Ажъ она́ ка́жэ до нёго: „Та йи́дэшь, тай йи́дэшь, а дэ-жъ тото́ сэло́ е?“—„О-ту́тъ за́разъ, ка́жэ, вжэ блы́зько!“—Тай прыви́зъ йи на цвэ́нтаръ и ка́жэ: „Лизь ту у я́му!“ Алэ она́ нэ хоти́ла, ка́жэ: „Ты лизь пэ́ршэ, бо я нэ зна́ю—куды́?“ Зали́зъ винъ у я́му, а́лэ ся хо́пыў ей за́паски, то она́ за́паску видопия́ла, а сама́ зача́ла утика́ты; тай тамъ бу́ла трупа́рня на цвэ́нтары, то заби́гла до то́и трупа́рни и запха́лася за пьецъ.—Алэ тамъ у трупа́рны лэжа́ў зно́ву опы́ръ умэрлы́й. Тамто́й зъ гро́бу вжэ за нэ́ў прыби́гъ тай клы́чэ до то́го у трупа́рны: „Встава́йтэ, ўмэ́рли, бу́дэмо жыви́ жэ́рлы!“ Взяў той встава́ты умэрлы́й, а́лэ тогды́ когу́тъ за-

*) Очевидно—польская фраза: „Otwórz zmarły zmarłemu, coś będziemy robić żywemu!“

**) Ср. выше—сказку № 53: Танецъ съ чертомъ.

пи́ў, то обыдва́ тоти́ опыри́ поумыра́лы зно́ву.—Алэ ди́ўка тамъ зо стра́ху опими́ла; якъ прыйшо́ў ра́но гра́баръ до трупа́рни, то найшо́ў йи тамъ за пьецомъ ниму́. Зробы́лы ксендзы́ вэлы́ку видпра́ву, тай тогды́ вжэ та ди́ўка зноў промо́выла и розпови́ла всё за тыхъ опыри́ў, що йи хоти́лы зййсты. Алэ якъ лышэ́ то опови́ла, тай за́разъ умэ́рла сама́.“

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

Иногда, впрочемъ, приходитъ такой мертвый опырь къ своей женѣ, или даже къ чужой женщинѣ, и съ другою цѣлью, а именно, чтобы спать съ ней и пользоваться правами мужа. О такомъ случаѣ передаетъ, напримѣръ, слѣдующій народный разсказъ:

—„Едэ́нъ γа́зда ду́жэ шанова́ўся съ своє́ў жоно́ў, тай тако́й молоды́й умэ́ръ, и спря́талы го. Нэма́ едну́ пичь, нэма́ дру́гу, а трэ́топ вжэ винъ прыхо́дытъ до ха́ты; ди́ты повидсува́ў, самъ лигъ ко́ло жоны́, лэжы́тъ. И такъ ходы́ў дви нэди́ли до нэ́и,—така́ она́ вжэ ста́ла, що лю́дэ йи ся пу́джалы. Тай я́лы йи ся пыта́ты: „Що́ тоби́, молоды́цэ, що́ тоби́ ся ста́ло?“—„Ой, ка́жэ, я́-бы вамъ сказа́ла, кобы́-мъ нэ ў́мэ́рла!“—Ну, пычъ изъ нычо́го, надійшла́ разъ до нэ́и яка́-сь подоро́жна ба́ба; а бы́ў вжэ вы́чиръ, то про́сытся, кобы́ йи прыня́ла на́-ничь.—„Я-жъ бы-мъ васъ, ба́бко, прыня́ла, та вы у мэ́нэ нэ мо́жэтэ почува́ты!“ — „Та чому́?“ — пыта́ется ба́ба. — „Ой, бо до мэ́нэ мэрлы́й γа́зда хо́дытъ на́-ничь!“ — И я́ла йій всё каза́ты. А ба́ба йій тогды́ ка́жэ: „Спря́чъ-жэ ты мэнэ́ пидъ цэбэ́ръ, що руба́тье мо́чышь, а соби́ внэсы́ шма́тье винча́ўнэ и пи́ўку, хустки́ и по́ясъ и сьви́чку сьвя́то-вэчи́рну, а якъ вжэ бу́дэшь мирко́ва́ты, що винъ идэ́, запалы́ сы тоту́ сьви́чку, вл́зь за стиў и убыра́йся; винъ бу́дэ ся тэбэ́ пыта́ты: „гдэ ты ся збыра́ешь?“—ты ему́ кажы́: „иду́ на вэсиля́ до ма́мы!“—„а яке́-жъ тамъ вэсиля́?“—ты кажы́, що братъ сэстру́ бэ́рэ; опы́ръ тоби́ бу́дэ каза́ты: „кто таке́ чуў, бы братъ сэстру́ браў?“—а ты му на то: „кто таке́ чуў, бы мэртвы́й до жыво́го ходы́ў?“—и хоть-бы тя якъ клы́каў, нэ йды!“—Покла́ла она́ ди́ты спа́ты, ба́бу спря́тала пидъ цэбэ́ръ на за́пичку, тогды́ соби́ запалы́ла тоту́ сьви́чку и ста́ла убыра́тыся за столо́мъ. Чу́е—йдэ вжэ γа́зда, отворы́ў сы́ синни́ двэ́ри, хатни́, війшо́ў у ха́ту и сиў сы конэ́ць стола́. Тай пыта́е йи ся: „Гдэ ты ся збыра́ешь?“—„Та на вэсиля́ до ма́мы!“—„На яке́ весиля́?“—„Братъ сэстру́ бэ́рэ!“—„Кто тото́ чуў, абы́ братъ сэстру́ браў?“—„А кто тото́

чуў, абы́ мэртвы́й до жыво́го ходы́ў?"—Нэ ка́жэ вннъ йій ннчъ, а да́ли ка́жэ йій: „Ходы́, най тя хоть поцилу́ю!"—„Ой, я нэ пі́ду!"—„Ходы́, ка́жэ, най лы́шу на то́би позна́ку!"—„Нэ лыша́й на мэ́ни, лышы́ на мои́мъ столі́!"—Вннъ тогды́ якъ ўда́рыў руко́ў о стиў, то ажъ проломы́ў стиў,—кі́лько рука́, ті́лько вы́пало стола́. И тогды́ ві́тэръ поду́ў, поотворя́ло двэ́ри и взя́ло го зъ ха́ты,—и пропа́ў вжэ на ві́ки."

(Отъ Татьяны Михайловичъ въ Головецкѣ.)

Опырь—это одно изъ самыхъ популярныхъ и распространенныхъ представленій галицко-русскаго народнаго суевѣрія. Почти каждая деревня, чуть-ли не каждый дворъ передаетъ о немъ свои особенныя преданія и сказки. Приведенные выше повѣрья и разсказы можно считать въ общемъ ихъ типичными отраженіями.

Напечатано въ „Живой Старинѣ", 1897 г., вып. I, стр. 107—110; см. также: „Zeitschrift des Vereins für Volkskunde", 1898, т. VIII, вып. 3, стр. 331—336.—Ср. еще: Д. И. Вагилевичъ: O upirech a widmách—„Časopis Českého Museum", 1840, стр. 232—261; И. Я. Франко: Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г.—„Кіевская Старина", 1890, апрѣль, стр. 101—120; его-же: Людові віруваня на Підгірю — „Етногр. Збірник", 1898, т. V, стр. 182, 186—187, 216; „Жите і Слово", 1895, т. IV, стр. 186 и 360; О. Роздольскій: Гал. нар. казки—„Етногр. Збірн.", 1895, т. I, стр. 5—8; F. X. Mroczko: Śniatyńszczyzna, ч. I, стр. 82—83; В. М. Гнатюкъ: Знадоби до гал.-рус. демонольогії — „Етногр. Зб.", 1903, т. XV, стр. 159—174; R. F. Kaindl u. A. Manastyrski: Die Rutenen in der Bukowina, 1890, ч. II, стр. 26—27, 54—56; R. F. Kaindl: Die Seele und ihr Aufenthaltsort nach dem Tode im Volksglauben der Rutenen und Huzulen—„Globus", 1895, т. 67, № 23, стр. 357; его-же: Zauberglaube bei den Huzulen—„Globus", 1899, т. 76, № 15, стр. 229—231; его-же: Die Huzulen, стр. 84—85; П. П. Чубинскій: Труды экспедиціи, т. I, стр. 205—206, т. II, стр. 411—416; М. П. Драгомановъ: Малорус. нар. преданія и разсказы, стр. 62—66, 391—393; П. Ефименко: Упыри—„Кіев. Старина", 1883, іюнь, стр. 371—379; тамъ-же, 1884, январь, стр. 169—171, 1890, февраль, стр. 338—340; П. В. Ивановъ: Нар. разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ—„Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва", 1891,

т. III, стр. 156—180; Б. Д. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, 1895—96, т. I, стр. 52—56, т. II, стр. 92—107; его-же: Изъ устъ народа, стр. 129—142, 387—388; В. Н. Ястребовъ: Матеріалы по этногр. новоросс. края, стр. 74—77; Н. Θ. Сумцовъ: Культурныя переживанія, стр. 271—274; его-же: Колдуны, вѣдьмы, упыри—„Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва", 1891, т. III, стр. 229—278; З. Кузеля: Причинки до нар. вірувань з поч. XIX ст.—„Записки Т-ва им. Шевченка", 1907, т. 80, стр. 109—124.

Относительно мотива о возвращающемся мертвомъ женихѣ, мужѣ или братѣ вообще см.: О. Колесса: Шевченко і Міцкевич, 1894, стр. 25—45; И. П. Созоновичъ: Къ вопросу о западномъ вліяніи на слав. и рус. поэзію, 1898, стр. 1—259; И. Д. Шишмановъ: Пѣсеньта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи—„Сборникъ за нар. умотворения, наука и книжнина", 1896, т. XIII, стр. 474—569, 1898, т. XV, стр. 449—600+186.

Систематическій обзоръ литературныхъ темъ и мотивовъ
съ библіографическимъ сводомъ параллелей.

1.

Люди изъ яицъ.

Люди происходятъ изъ яицъ Евы, которыя Богъ разрѣзываетъ на двѣ части и бросаетъ на землю: изъ одной половины родится мальчикъ, а изъ другой—дѣвушка, которые потомъ женятся; если-же одна половина яйца погибнетъ, то человѣкъ изъ другой половины остается всю жизнь одинокимъ.

—

Напечатано въ „Живой Старинѣ", VII, 110.

Параллели этой замѣчательной легенды въ европейскомъ фольклорѣ не встрѣчались намъ вовсе; только одинъ „восточный" (?), болѣе или менѣе близкій варіантъ приведенъ у O. Dähnhardt-a: Natursagen, I, 210: Богъ разрѣзалъ яблоко на двѣ части, изъ которыхъ одну далъ Адаму, а другую Евѣ; поэтому женятся только тѣ люди, которые найдутъ другую половину своего яблока.

Библіографію мотива о рожденіи изъ яйца вообще см.: Ю. А. Яворскій: Omne vivum ex ovo, стр. 16—20.

2.

Великаны и маленькіе люди.

Въ старину жили великаны. Однажды такой великанъ поймалъ пашущаго человѣка и принесъ его на ладони, вмѣстѣ съ волами и плугомъ, своей матери.

Со временемъ же опять появятся такіе маленькіе люди, что сорокъ ихъ будетъ молотить въ одной печи.

—

Напечатано въ „Живой Старинѣ“, VII, 110.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 4 — 5, 249 — 250; „Етн. Зб.“, V, 94; Kaindl: Die Huzulen, 95—96; Kaindl-Manastyrski: Die Rutenen, II, 50; Драгомановъ: Преданія, 383; Чубинскій: Труды, I, 212 и 216; „Кіев. Ст.“, XC, 118; Сумцовъ: Очерки ю.-р. апокриф. сказаній, 37—42; Federowski: Lud białor., I, 201—202; Nowosielski: Lud ukr., II, 11—14; „Zbiór wiadom.“, II, 126, XI, 215; „Жив. Ст.“, X, 200—201; „Карацић“, IV, 47; Dähnhardt: Natursagen, I, 242—246, III, 310.

3.

Премудрый Соломонъ.

Соломонъ, будучи мальчикомъ, вѣсилъ бабій умъ и собачье г...о. Мать велѣла убить его за это, но слуги только отрѣзали у него палецъ и отпустили его въ свѣтъ.

Затѣмъ С. возвратился подъ видомъ купца назадъ и продавалъ матери—сначала золоченую насѣдку съ цыплятами, а затѣмъ—зеркала, каковыя самъ-же онъ и изобрѣлъ; за нихъ мать согласилась спать съ нимъ одну ночь, а затѣмъ отдала ему отрѣзанный палецъ, который тутъ-же и приросъ снова къ его рукѣ. Только тогда мать узнала его и хотѣла его задержать, но онъ вырвался и убѣжалъ.

Чтобы поймать его, мать устроила обѣдъ для народа, причемъ, однако, дала людямъ такія длинныя ложки, что нельзя было ѣсть; С. посовѣтовалъ имъ — кормить другъ друга черезъ столъ—и скрылся. Тогда мать разсыпала по полу деньги и велѣла людямъ подобрать ихъ—не сгибаясь; С. посовѣтовалъ—намазать подметки смолой и подбирать деньги ногами,—а затѣмъ снова убѣжалъ въ свѣтъ.

Наконецъ, мать велѣла сдѣлать золотой плугъ и обвозить по свѣтѣ, опрашивая людей — сколько онъ стоитъ? Угадалъ только одинъ С., сказавъ, что если въ апрѣлѣ не будетъ хорошей погоды, а въ маѣ дождя, то этотъ плугъ не стоитъ даже и его испражненій,—но слуги не догадались и не захватили его. Послѣ этого мать оставила его уже въ покоѣ.

Затѣмъ С. полетѣлъ на двухъ орлахъ къ небу, чтобы измѣрить разстояніе между нимъ и землею, однако, въ виду окрика святыхъ съ неба, долженъ былъ вернуться назадъ, причемъ подъ конецъ, когда не хватило для орловъ пищи, долженъ былъ вырѣзать и дать имъ икры съ собственныхъ ногъ.

Желая измѣрить глубину моря, С. спустился въ него въ бочкѣ на желѣзной цѣпи, хотя о тщетности этой затѣи предупреждалъ его самъ Господь—въ видѣ ребенка, вычерпывавшаго море ложкой въ коровій слѣдъ. Когда С. былъ уже на днѣ моря, морской ракъ перерѣзалъ цѣпь, вслѣдствіе чего онъ не могъ болѣе выбраться наверхъ.

Тогда явился къ нему на помощь діаволъ, который, взамѣнъ за запись души, вынесъ его снова на свѣтъ. Однако, здѣсь С. заманилъ его хитростью въ кожаный мѣшокъ и велѣлъ молотильщикамъ молотить его до тѣхъ поръ, пока онъ не превратился въ мазь.

Послѣ этого С. отправился на конѣ въ свѣтъ, желая объѣхать его кругомъ, но по пути ударился въ лѣсу объ дубовый сукъ и—умеръ.

—

Параллели: Сказанія о Соломонѣ, прямымъ отзвукомъ которыхъ является, несомнѣнно, и данная запись, проникли въ народныя литературы, какъ извѣстно, изъ письменныхъ, апокрифическихъ памятниковъ, широко распространенныхъ и популярныхъ также и въ славяно-русской письменности; см. напр. Пыпинъ: Памятники, III, 51—71; его-же: Очеркъ, 102—123; Тихонравовъ: Лѣтописи, IV, 2, 112—153; его-же: Памятники, I, 254—272; Порфирьевъ: Апокриф. сказ. ветхозав., 240—241, 261—263; Франко: Апокріфи, I, 280—295; Веселовскій: Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ; его-же: Разысканія, гл. V; Сумцовъ: Очерки ю.-р. апокриф. сказаній, 50—55.—Народныя параллели сказаній о Соломонѣ см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 38—59, II, 229—232; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 22—49; „Ж. і Слово“, I, 136—139, II, 352—353, IV, 347—353; Kaindl-Manastyrski: Die Rutenen, II, 56—57; Драгомановъ: Преданія, 99—108; Чубинскій: Труды, I, 106—107; Kolberg: Chełmskie, II, 83—85; Добровольскій: Смол. этн. сборн., I, 245—266; „Этн. Обозр.“, XVIII, 85—109; Худяковъ: Великор. сказки, II, 130—138; Садовниковъ: Самар. сказки, 206—211; Ончуковъ: Сѣв. сказки, 124—126; „Сборн. Кавк.“, XXVI, 2, 187—189; Dähnhardt: Natursagen, I, 321—336.

Отдѣльные мотивы нашей легенды о Соломонѣ обращаются въ народныхъ литературахъ также въ другой связи и безъ его имени. Такъ, напр., мотивъ о попыткахъ измѣренія моря или неба см.: „Zbiór wiadom.“, VII, 38-39, XI, 124—125; Kolberg: Chełmskie, II, 83—85; его-же: Lud, VIII, 103—105.—Мотивъ о ребенкѣ, вычерпывающемъ ложкой море, пріурочиваемый обыкновенно къ легендѣ о св. Августинѣ, см.: Владиміровъ: Великое Зерцало, 10; „Zeitschr. Ver. Vk.“, XVI, 90—95.—Мотивъ о длинныхъ ложкахъ см.: Веселовскій: Сказки объ Иванѣ Грозномъ, 323.—Мотивъ о подниманіи денегъ посред-

ствомъ насмоленныхъ подметокъ, входящій также въ составъ разсказовъ объ искусномъ ворѣ, см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., III, 100; Чубинскій: Труды, II, 604; Романовъ: Бѣлор. сборн., III, 411—412; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 350; Веселовскій: Сказки объ Иванѣ Грозномъ, 318; Ончуковъ: Сѣв. сказки, 69, 159, 398—399; „Сборн. Кавк.“, VI, 2, 222—223; Radloff: Proben, III, 340, IV, 197; Lidzbarski: Neuaram. Hs., 244.

4.

Почему жиды не ѣдятъ свинины.

Два жида, желая посмѣяться надъ І. Христомъ, спрятали жидовку съ ребенкомъ подъ корыто и предложили ему угадать—что это? Христосъ превратилъ за это жидовку и ея ребенка въ свиней. Съ тѣхъ поръ жиды не ѣдятъ свиного мяса.

—

Параллели: Ю. А. Яворскій: Notizen zur Gesch. der Märchen u. Schwänke—въ „Der Urquell“, II, 196—197; Гнатюкъ: Легенды, I, 66—67; „Ж. і Сл.“, II, 182; Mroczko: Śniatyńszczyzna, I, 62; Драгомановъ: Преданія, 4; Чубинскій: Труды, I, 49—50; „Кіев. Ст.“, XXIII, 143, XXXII, 448—449; Kolberg: Chełmskie, II, 157; „Zbiór wiadom.“, II, 130—131, V, 167, VII, 108—109, XI, 39, XIV, 208, XV, 265; Романовъ: Бѣлор. сборн., IV, 159; Добровольскій: Смол. этн. сбор., I, 243; Federowski: Lud białor., I, 197; Аѳанасьевъ: Легенды, X—XI; „Этн. Обозр.“, XIII—XIV, 251—252; „Жив. Ст.“, V, 441; „Записки Геогр. О-ва по Отд. Этн.“, V, 715; „Wisła“, III, 103; Świętek: Lud nadrab., 583—584; „Lud“, VII, 134; „Česky Lid“, VI, 146; „Карацић“, III, 233—234; „Zeitschr. Ver. Vk.“, V, 101; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 523—524; Merkens: Was sich das Volk erzählt, I, 69; Bladé: Contes gascogn., II, 153—154; Reinsch: Die Pseudo-Evangelien, 98—99, 127, 131; Dähnhardt: Natursagen, II, 102—107, 279—281. *)

---

*) Замѣтимъ кстати, что въ названномъ трудѣ г. Dähnhardt-a (II, 281), между прочимъ, приведена также полностью славянская библіографія предмета, сведенная нами въ свое время въ нашихъ „Notizen“ (см. выше),—однако, какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, безъ всякаго указанія источника...

5.

Почему жиды цѣлуютъ косякъ двери.

Желая смутить христіанскую дѣвушку, жиды высказали пожеланіе, чтобы, въ доказательство божественности І. Христа, изъ жареныхъ яицъ вылупились цыплята, а вареный пѣтухъ чтобы запѣлъ. Когда же дѣвушка отвѣтила, что все это во власти Божьей, тогда одинъ жидъ бросилъ въ нее ножемъ, который застрялъ въ косякѣ двери. Въ ту-же минуту изъ жареныхъ яицъ вылупились цыплята и вареный пѣтухъ запѣлъ. Въ память этого чуда жиды цѣлуютъ косякъ двери и понынѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 116—118; его-же: Етн. мат. Уг. Р., VI, 127; Головацкій: Нар. пѣсни, II, 6; Зубрицкій: Нар. календарь, 43; Kolberg: Pokucie, I, 113; Драгомановъ: Преданія, 386; Чубинскій: Труды, I, 67; „Харьк. Сборн.“, VI, 185; Потебня: Объясненія, II, 765; Сумцовъ: Писанки, 10; Добровольскій: Смол. этн. сб., I, 244; Аѳанасьевъ: Легенды, IX, XIII—XIV; его-же: Поэт. воззр., III, 754; „Этн. Обозр.“, XI, 197; Костомаровъ: Памятники, I, 217—218; Франко: Апокрифы, II, L, 329—330; его-же: Слово о Лазаревѣ воскресеніи, 27, 46, 54; Веселовскій: Разысканія, III, 32; его-же: Ю.-р. былины, 260—261, 267—268; Владиміровъ: Вел. Зерцало, введ., XI, прилож., 13, 69; его-же: Къ изслѣд. о „Вел. Зерцалѣ“, 70—71; Безсоновъ: Калѣки перехожіе, I, 614—617; Порфирьевъ: Апокриф. сказ. новозав., 50; А. Ѳ. Бычковъ: Опис. сборн. Публ. Библ., I, 163; И. А. Бычковъ: Каталогъ рук. Саввантова, I, 180; Архим. Леонидъ: Систем. опис. рук. гр. Уварова, III, 51; Шевченко: Кирил. рук. Дрезд. библ., 7—8; „Сборн. Кавк.“, XIX, 2, 142—143, XXVI, 2, 178—179, XXXII, 3, 117; Чебанъ: Рум. легенды о Богородицѣ, 34; Polívka: Drobné příspěvky, 110—115; Weil: Bibl. Leg., 293; Hoffmann: Das Leben Jesu, 330—331, 334; Liebrecht: Zur Volkskunde, 179—180; Köhler: Kl. Schriften, III, 223—228, 639—641; Dähnhardt: Natursagen, II, 2—5, 84.

6.

Ангелъ между людьми.

Господь послалъ ангела по душу одной женщины, но тотъ пожалѣлъ ея маленькихъ дѣтей и оставилъ имъ мать. Тогда Господь велѣлъ ему разбить прутикомъ камень на днѣ моря, указывая ему, что онъ знаетъ и заботится даже о червяхъ внутри этого камня; въ наказаніе же за ослушаніе послалъ его на годъ на землю, пока не найдетъ какой-нибудь другой души.

Изгнанный ангелъ поступилъ въ работники къ попу. Однажды поѣхали они оба въ городъ. Въ пути работникъ совершилъ рядъ странныхъ поступковъ: бросалъ камнями въ богатую церковь, въ шумный свадебный поѣздъ, въ пышные похороны, и въ то-же время почтительно останавливался и молился передъ убогой церковкой и при встрѣчѣ съ похоронами и свадьбой бѣдняковъ.

Дома потребовалъ смущенный хозяинъ отъ работника, черезъ другого священника, объясненія его страннаго поведенія, причемъ самъ слушалъ подъ дверью. Тотъ объяснилъ, что камнями онъ разгонялъ чертей, которые находились среди богатыхъ людей—и въ церкви, и на свадьбѣ, и на похоронахъ; встрѣчая же убогихъ, но благочестивыхъ людей, онъ благословилъ ихъ и молился.

Послѣ этого исповѣдникъ передалъ ангелу приказаніе хозяина—купить для него сапоги на годъ, но оказалось, что послѣдній уже подъ дверью умеръ. Тогда ангелъ взялъ его душу и улетѣлъ съ ней въ окно на небо.

—

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 158—161; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 114—117, III, 42—43, VI, 118—120; „Ж. і Сл.“, II, 350—352; Kolberg: Pokucie, IV, 200—202; его-же: Chełmskie, II, 85—87; Гринченко: Этн. мат., I, 71—73; Добровольскій: Смол. сб., I, 323—325; Federowski: Lud białor., I, 140, 230, II, 271—273, III, 282—283; Аѳанасьевъ: Легенды, 88—90; Садовниковъ: Самарскія сказки, 251—253; „Этн. Обозр.“, XXI, 81—83, 87—88, XXII, 111; „Zbiór wiadom.“, VII, 116; „Mat. antr.“, VIII, 182—184; „Жив. Стар.“, IX, 395—396; Драгомановъ: Розвідки, IV, 216—230; Сумцовъ: Литер. родня разсказа гр. Л. Н. Толстого „Чѣмъ люди живы“—„Харьк. Сб.“, IX, 132—139; Варшеръ: Исторія одного литер. сюжета—„Подъ знаменемъ науки“, 99—118; Веселовскій: Солом. и Китоврасъ, 106—108, 135, 210—211, 314, 317—318, 323—325; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 249—250, II, 231—234; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 129—131; Strohal: Hrv. pripov., I, 226—230; Шапкаревъ: Сборн. нар. умотв., IX, 387—388; Поливка: Бѣлѣжки, 30; Strausz: Die Bulgaren, 101—104; „Сб. Кавк.“, XXVIII, 2, 18—19; Dähnhardt: Natursagen, II, 86; „Národop. Sb.“, II, 116, III, 111, IV-V, 144, 147, VII, 224; „Arch. f. slav. Phil.“, XXI, 261, 294—295.

—

7.

Смерть кума.

а). У одного бѣдняка никто въ деревнѣ не хотѣлъ крестить ребенка. Согласилась быть кумой только неизвѣстная прохожая женщина, съ появленіемъ которой въ домѣ бѣдняка появились также чудеснымъ образомъ различные припасы. Это была—смерть. Уходя, она сдѣлала своего кума великимъ докторомъ, обѣщавъ показываться ему у изголовья или въ ногахъ больного: въ первомъ случаѣ больной будетъ жить, въ послѣднемъ—долженъ умереть.

Такимъ образомъ, бѣднякъ долго игралъ роль искуснаго доктора и сдѣлался большимъ богачемъ и бариномъ. Наконецъ, однажды пришлось ему ѣхать къ одному больному царю, причемъ онъ заблудился въ лѣсу и попалъ въ избушку, въ которой горѣло множество свѣчей разной величины, а при нихъ сидѣла его кума—смерть. Свѣчи изображали человѣческія жизни, соотвѣтственно предопредѣленному для каждой изъ нихъ сроку, причемъ свѣча самого доктора уже совсѣмъ догорала.

Возвратившись домой, онъ велѣлъ сдѣлать себѣ вертящуюся кровать, чтобы не допустить смерть къ себѣ въ ноги, но она, тщетно намучившись съ нимъ цѣлый день, наконецъ, схватила его за шею и задушила.

—

б). Первая половина разсказа совершенно тождественна съ варіантомъ **а**, за исключеніемъ двухъ незначительныхъ отступленій: 1) бѣднякъ, за помощь со стороны смерти, долженъ ей подписаться; 2) появленіе смерти у изголовья или въ ногахъ больного имѣетъ обратное значеніе: въ первомъ случаѣ—смерть, во второмъ—выздоровленіе.

Во второй части механически вставленъ родственный мотивъ объ увязненіи смерти, встрѣчающійся обыкновенно въ другой связи. Вывѣдавъ у смерти средство для ея увязненія, вѣроломный кумъ заманилъ ее на красную яблоню и обложилъ терновникомъ, вслѣдствіе чего она не могла оттуда тронуться и просидѣла тамъ нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, освободившись изъ этого плѣна, смерть хотѣла тутъ-же убить своего кума, но затѣмъ, уступая его мольбамъ, дала ему еще одинъ день отсрочки. Тогда онъ сдѣлалъ себѣ вертящуюся колыбель, въ которой дол-

гое время избѣгалъ смерти, все поворачиваясь къ ней ногами, пока она, наконецъ, не сдѣлала его опять совершенно нищимъ, какимъ онъ былъ раньше. Послѣ этого онъ уже самъ отдался ей и умеръ.

И съ тѣхъ поръ изголодавшаяся смерть, которой все это время нельзя было никого другого тронуть, кромѣ своего кума, стала еще съ большей яростью забирать людей, и забираетъ ихъ такъ и понынѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 169—170, II, 32—38; его-же: Етн. мат. Уг. Р., VI, 140—142; его-же: Знадоби, II—1, XXXVIII—XXXIX; „Ж. і Сл.", I, 139—140, 147, III, 219—220; „Наука", 1894, VII—IX, 418; Роздольскій: Казки, I, 92—93; Чубинскій: Труды, II, 430—432; Гринченко: Этн. мат., II, 89—91; его-же: Изъ устъ народа, 120—124, 427—428; Малинка: Сборн. мат., 310—311; Шейковскій: Бытъ подолянъ, II, 66—68; „К. Ст.", 1890, XII, 506—507, 1892, VIII, 147—148; Шейнъ: Матеріалы, II, 414—419; Добровольскій: Смол. сб., I, 314—318; Романовъ: Бѣлор. сб., IV, 66—67; Federowski: Lud białor., I, 141—143, II, 132—134; Сержпутовскій: Сказки бѣлор.-полѣш., 35—36; Аѳанасьевъ: Легенды, 157—162; его-же: Поэт. возр., III, 201—203; Ждановъ: Сочиненія, I, 606—608; Иваницкій: Мат. вологод., 196—197; Ончуковъ: Сѣв. сказки, 103—105; „Этн. Об.", VII, 83—84, XXII, 128, XXVIII, 92—94; „Ж. Ст.", XX—1, 97; „Сб. Кавк.", XVIII, 3, 144—147, XIX, 2, 145—148; Sad. Barącz: Bajki, 213—222; Kolberg: Chełmskie, II, 87—88; его-же: Lud, III, 156—157, VIII, 134—137; „Zbiór wiad.", XI, 113—116, 272—273, XII, 14—16; „Mat. antrop.", VI, 173—174, 182—183, X, 261—262; Świętek: Lud nadrab., 387—388; „Lud", VIII, 49—50; „Wisła", VIII, 98—114, IX, 726—732; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 55—58; „Slov. Pohl.", 1895, 388—391; Dobšinský: Prostonár. pov., V, 65—74; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 119—120; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 185—188, IX, 494—497; Strausz: Die Bulgaren, 104—106; Ardalić-Polívka: Nar. pripov., 62—64; Polívka: Pohádkosl. studie, 188—195; его-же: Бѣлѣжки, 16; „Národop. Sb.", IV—V, 144; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII—4, 352; „Arch. f. sl. Phil.", XIX, 241; Jahn: Volkssagen, 33—34; Wlislocki: Märchen u. S. Zig., 94—96; Stier: Ung. M., 30—33; Gonzenbach: Sic. M., I, 123—124, II, 217; Schmidt: Griech. M., 117—118; Carnoy-Nicolaides: Traditions pop. de l' Asie Min., 144—150; Luzel: Légendes chrét., I, 335—357; „Germania", XXV, 138—139; „Zs. Ver. Vk.", IV, 34—41, VI, 67—68; Benfey: Pantschatantra, I, 524—525; Grimm: K. H. M., I, 216, 219—222, III, 69—71; Bolte-Polívka: Anm. zu Grimm, I, 377—388; Köhler: Kl. Schr., I, 291—292.

Мотивъ о свѣчахъ жизни вообще см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 263—264; „Наука", 1894, VII—IX, 439, X—XII, 610—611; Kaindl: Die Seele—„Globus", LXVII, 360; Jahn: Volkssagen, 35—36; „Zbiór wiad.", XVII, 285—286; Bladé: Contes gasc., II, 198—200; Máchal:

Nákres, 86; Аѳанасьевъ: Поэт. воззр., III, 203; Polívka: Pohádkosl. studie, 191; Bolte-Polívka: Anm. zu Grimm, 1, 388; Köhler: Aufsätze, 108; Клингеръ: Животное, 293—298.

Мотивъ объ увязненіи смерти см. ниже—№ 8 и 52.

8.

Солдатъ получилъ отъ Бога карты и сумку.

Отставной солдатъ, возвращаясь домой, проигралъ въ карты всѣ заслуженныя деньги, такъ что осталась у него только одна мелкая монета. Въ дорогѣ онъ встрѣтилъ Господа съ апостолами Петромъ и Павломъ, которыхъ онъ перенесъ черезъ воду, а затѣмъ на послѣднюю монету угостилъ въ корчмѣ хлѣбомъ и водкой. За это Господь далъ ему карты, которыя всегда выигрываютъ, и сумку, въ которую все должно прыгать по его приказанію; кромѣ того, въ карманѣ онъ нашелъ вдругъ нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Пришелъ солдатъ въ городъ и сталъ играть въ карты съ господами, причемъ выигралъ отъ нихъ не только всѣ ихъ деньги, но и лошадей съ кучерами. Когда же они хотѣли убить его, чтобы отнять свое имущество, онъ запряталъ ихъ всѣхъ въ свою сумку и избилъ ихъ, послѣ чего выпустилъ ихъ на свободу.

Затѣмъ пришелъ онъ къ одному барину, въ домѣ котораго страшили 24 черта. Онъ половилъ всѣхъ чертей въ свою сумку и избилъ ихъ на мазь, послѣ чего, въ награду за это, женился на дочери барина и, такимъ образомъ, сдѣлался самъ бариномъ.

Спустя нѣкоторое время пришла за нимъ смерть, но онъ велѣлъ ей тоже прыгнуть въ свою сумку, избилъ ее и выпустилъ еле живую. Послѣ этого онъ жилъ еще въ спокоѣ долгое время, такъ какъ смерть боялась и подступать къ нему, но, наконецъ, пришелъ къ нему самъ Господь и толкнулъ его на тотъ свѣтъ— въ адъ. Однако, черти, по старой памяти, тоже испугались солдата съ сумкой и велѣли ему убираться вонъ изъ ада. Уходя, онъ захватилъ оттуда съ собою немного сухарей, которые затѣмъ превратились въ души. И съ этими душами уже Господь впустилъ его въ свое царство.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 42—53; его-же: Етн. мат. Уг. Р., VI, 274—275; его-же: Знадоби, II—1, 60—64; Рудченко: Ю.-р. сказки, II, 177—179; Манжура: Сказки, 61—63; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 340—345, IV, 48—51; Шейнъ: Матеріалы, II, 409-412; Federowski: Lud białor., II, 283—287; Аѳанасьевъ: Легенды, 53—71, 154—157; Иваницкій: Мат. вологод., 195; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII-4, 359, XII-3, 379, 385; „Сборн. Кавк.“, XVI, 1, 313—316; Ждановъ: Сочиненія, I, 600—608; „Zbiór wiad.“, V, 234—235, 245—246, IX, 115—117, XV, 19—23, XVI, 37—39; „Mat. antrop.“, V, 5—6, 25—27, 113—115, VI, 143—146, 153—155, 384—388. 395—396; „Lud“, VI, 352—357; „Wisła“, VIII, 232—236; Kolberg: Lud, III, 115—118, VIII, 133—136, XIV, 191—196, XIX, 223—224; его-же: Chełmskie: II, 111—112; Gliński: Baj. pol., II, 134—149; Ciszewski: Krakowiacy, I, 163—166; Świętek: Lud nadrab., 321—324; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 272—276, II, 198—204; Leskien-Brugmann: Lit. M., 410—412, 559—561; „Arch. f. slav. Phil.“, V, 648—652, XXVI, 459—460; „Zs. f. öst. Vk.“, IV, 309; Grundtvig: Dän. Vm., II, 179—193; Bladé: Contes gasc., III, 93—103; Ortoli: Contes cors., 155—170; Luzel: Lég. chrét., I, 311—333; Grimm: K. H. M., I, 402—416, III, 131—143, 409; Köhler: Aufsätze, 48—78; его-же: Kl. Schr., I, 83—84, 104—105, 111.

Мотивъ объ увязненіи смерти или чертей вообще см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 206—210, II, 38—42; его-же: Етн. мат. Уг. Р., IV, 185—186; его-же: Знадоби, II—1, 65; Роздольскій: Казки, I, 66—68, 90—91; Драгомановъ: Преданія, 120—123; Чубинскій: Труды, I, 217—219, II, 430-432; Манжура: Сказки, 60-61; Рудченко: Ю.-р. сказки, I, 65—66; Шейнъ: Матеріалы, II, 147, 413—414; Романовъ: Бѣлор. сб., IV, 76—79; Federowski: Lud białor., I, 144, II, 132; Сержпутовскій: Сказки бѣлор.-полѣш., 33—34; Аѳанасьевъ: Легенды, 53—71, 154—157; его-же: Поэт. воззр., III, 40—52; „Сб. Кавк.“, XVI, 1, 308-309; „Zbiór wiad.“, IX, 117, XI, 6, XII, 16, XV, 20—22, 256—257, XVI, 75—76; „Mat. antrop.“, V, 107—108, VI, 174, 341—342, 376—377, X, 249—250; Kolberg: Lud, III, 181—182, XIV, 248—250; Ciszewski: Krakowiacy, I, 159—168; Chełkowski: Pow. Przasn., I, 177—179; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 56—57; Schleicher: Lit. M., 108—115; Václavek: Pohádky, I, 15—16, 44—50; „Č. Lid“, IV, 542; „Národop. Sb.“, IV—V, 144; „Arch. f. sl. Phil.“, XVII, 576, XIX, 243, 262, XXXI, 602; Strausz: Die Bulgaren, 106—110; „Zs. Ver. Vk.“, I, 158—161; Schell: Berg. Sagen, 18—19; Bladé: Contes gasc., II, 225—230; Sébillot: Lit. or. H.-Bret., 175—180; Carnoy: Lit. or. Picard., 67—89; Köhler: Kl. Schr., I, 83, 111, 258, 303, 321. — См. также № 7 и 52.

Мотивъ о сухаряхъ—душахъ см. № 20.

9.

Божій судъ.

Бѣдный братъ просилъ у богатаго пшеницы на святой вечеръ, но тотъ не далъ. Черезъ нѣкоторое время бѣдный умеръ, пшеница же на его нивѣ уродилась хорошая, а у богача—худая. Тогда богачъ захотѣлъ отнять у вдовы эту ниву. Послѣ долгихъ споровъ, согласились на Божій судъ. Однако, жадный богачъ закопалъ на нивѣ своего сына, который, на вопросъ—чья пшеница?—отвѣтилъ изъ ямы, что—богатаго.

На слѣдующій день пошелъ богачъ откапывать своего сына, но его въ ямѣ уже не было: онъ превратился въ крота и роетъ землю и понынѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 119—121; Kolberg: Pokucie, III, 141—142; Драгомановъ: Преданія, 385; „Zbiór wiad.", III, 99, XV, 65; „Караџиђ", II, 214—216; Strausz: Die Bulgaren, 72; „Č. Lid", VI, 265—269, VII, 18—19, IX, 57; „Zs. Ver. Vk.", III, 224—225; Dähnhardt: Natursagen, III, 454—455, 527.

10.

Нива богатаго и бѣднаго.

Два брата раздѣлились наслѣдствомъ, послѣ чего одинъ разбогатѣлъ, а другой совсѣмъ обнищалъ, такъ что со временемъ продалъ богатому весь свой надѣлъ, причемъ послѣдній не хотѣлъ даже принять его въ работники и прогналъ его прочь. Тогда бѣдный, по совѣту своего ангела, попросился молотить у брата цѣлый годъ за лапоть пшеницы, а затѣмъ выпросилъ у него столько нивы, сколько нужно, чтобы посѣять эту пшеницу. Сѣялъ онъ эту пшеницу цѣлый день, засѣялъ ею большую ниву, и все еще осталась у него та горсть зерна, которую онъ выработалъ у брата.

Въ свое время пшеница бѣднаго взошла хорошо, а у богатаго плохо, въ виду чего послѣдній принудилъ его помѣняться нивами. Тогда Господь выбилъ градомъ ниву богатаго, когда

же тотъ опять заставилъ бѣднаго помѣняться, то оросилъ ее дождемъ, такъ что пшеница бѣднаго поднялась лучше прежняго.

Съ тѣхъ поръ бѣдный братъ сталъ быстро разживаться и сдѣлался помѣщикомъ, богачъ же скоро совсѣмъ обѣднѣлъ, такъ что, въ свою очередь, пришелъ къ брату просить службы, а тотъ отдѣлилъ ему часть своей земли и принялъ его къ себѣ на хозяйство.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 125—127; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 26—27, 40—41; Гринченко: Этн. мат., II, 146—147; Романовъ: Бѣлор. сб., IV, 19—22, 165—166; Добровольскій: Смол. сб., I, 298—306; Шейнъ: Матеріалы, II, 365—370; Аѳанасьевъ: Легенды, 39—42; Садовниковъ: Сам. ск., 270—277; Иваницкій: Мат. вологод., 218—220; „Этн. Об.", IV, 235—237, V, 152—154, VII, 74—76; Веселовскій: Разысканія, VIII, 318—319; Kolberg: Lud, VIII, 92—93; Dobšinský: Prostonár. pov., IV, 53; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 279; Polívka: Pohádkosl. st., 181—188; „Arch. f. sl. Phil.", XIX, 261, XXI, 279.

11.

Кровосмѣситель.

Бездѣтные старые люди просили у Бога дѣтей. Ночью во время родовъ старикъ услышалъ, какъ ангелы объявили, что родившійся въ этотъ часъ мальчикъ убьетъ отца и будетъ жить съ матерью. Испуганные старики положили ребенка въ ящикъ изъ воска, прибили ярлыкъ съ именемъ Григорія и пустили ящикъ по Дунаю.

Такъ приплылъ ребенокъ въ какое-то село, гдѣ одинъ человѣкъ взялъ его къ себѣ и выростилъ его. Со временемъ мальчикъ сталъ пастухомъ, но, узнавъ о своемъ происхожденіи, ушелъ въ свѣтъ.

Такъ пришелъ онъ, наконецъ, и въ свое родное село и нанялся къ своему отцу, не зная его, стеречь ночью пасѣку отъ кабана. По совѣту жены, старикъ пошелъ испытать новаго сторожа, причемъ надѣлъ тулупъ навыворотъ и урчалъ, подобно кабану. Сынъ убилъ его изъ ружья, а затѣмъ цѣлый годъ жилъ съ матерью, какъ съ женою. Только черезъ годъ имъ случайно открылась страшная тайна ихъ отношеній.

Тогда онъ пошелъ къ кузнецу и велѣлъ прибить себѣ на голову желѣзный обручъ, съ которымъ онъ скрылся въ келію и молился тамъ, не умываясь и не ѣдя ничего, цѣлый годъ. Послѣ этого обручъ спалъ съ его головы, а Богъ взялъ его съ тѣломъ къ себѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 120—124, 213, II, 236—237; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 70—73, VI, 97—107; Онищукъ: Мат. гуц. демон., 12—15; Kolberg: Pokucie, IV, 208—210; S. Barącz: Bajki, 71—72; Драгомановъ: Преданія, 130—131; его-же: Славяньскі перерібки Едіпової історії—Розвідки, IV, 1—196; Гринченко: Этн. мат., 63—66; Добровольскій: Смол. сб., I, 269—276; Federowski: Lud białor., II, 309—310; Ждановъ: Рус. был. эпосъ, 330; Костомаровъ: Памятники, II, 415—424; его-же: Собр. сочиненій, I, 181—196; „Zbiór wiad.“, VII, 9—10, VIII, 115—126, XIII, 104—106; Ciszewski: Krakowiacy, I, 60—63; „Wisła“, II, 762—766, VI, 54—79, 279—299; „Сб. Кавк.“, IX, 2, 184—189; „Arch. f. sl. Phil.“, V, 47—60, XI, 321—326; Клингеръ: Сказ. мот. Герод., 47—48; Oesterley: Gesta Rom., 291—294, 399—409, 641—646, 725, 746; Köhler: Kl. Schr., II, 173—203.

Мотивъ о предопредѣленіи судьбы при рожденіи см. еще: Малинка: Сб. мат., 291; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 195; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 244; Добровольскій: Смол. сб., I, 293; Federowski: Lud. białor., II, 312-314; „Arch. f. sl. Phil.“, XXI, 280, 294.

Мотивъ о покаянныхъ веригахъ или цѣпяхъ см. № 14 и 43.

12.

Заколдованный охотникъ.

Одинъ лѣсникъ хорошо стрѣлялъ, но, для бо́льшаго успѣха въ охотѣ, чертъ научилъ его выплюнуть причастіе, положить на дубъ и выстрѣлить въ него. Послѣ выстрѣла причастіе исчезло, а охотникъ сошелъ съ ума и 7 лѣтъ бродилъ по лѣсу, причемъ все, что онъ стрѣлялъ, куда-то исчезало.

Однажды въ грозу онъ увидѣлъ чертенка, выскакивавшаго изъ-подъ плиты и смѣявшагося надъ молніей. Онъ убилъ его наповалъ, послѣ чего погода сразу прояснилась, а самъ онъ пришелъ въ себя, вспомнилъ все и нашелъ дорогу домой. Затѣмъ онъ исповѣдался и сталъ снова такимъ, какъ всѣ люди.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 211—212; его-же: Етн. мат. Уг. Р., II, 147; его-же: Знадоби, II—2, 190; Онищукъ: Мат. гуц. демон., 116—117; „Ж. і Сл.“, II, 180, III, 218, 372; Kaindl: Zauberglaube bei d. Huzulen—„Globus“, LXXVI, 273—274; Драгомановъ: Преданія, 35, 42; Чубинскій: Труды, I, 19—20; Гринченко: Изъ устъ народа, 108, 289, 427; „К. Ст.“, 1905, VII—VIII, 148; Nowosielski: Lud ukr., II, 165—166; Сержпутовскій: Ск. бѣлор.-полѣш., 23—25; Federowski: Lud białor., I, 153; Добровольскій: Смол. сб., I, 105—108; „Ж. Ст.“, IV, 487—488; „Этн. Об.“, II, 95, 108—109, 115, V, 134, XVIII, 110; Садовниковъ: Сам. ск., 282, 380—381; Веселовскій: Разысканія, VIII, 327; „Zbiór wiad.“, XV, 240; Kolberg: Lud, VIII, 133; „Lud“, V, 372, VI, 197, 352, VII, 284; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 203—204, 228—229, II, 62—63, 224; „Zs. f. öst. Vk.“, VI, 237; „Č. Lid“, VIII, 97; „Arch. f. sl. Phil.“, V, 641—642, XXI, 301; Jahn: Volkssagen, 330—331, 339—340; Müllenhoff: Sagen, 366—368, 549; Bartsch: Sage Meklenb., I, 155, 235.

13.

Великій грѣшникъ.

Одинъ купецъ возвращался домой, но на дорогѣ разлилась вдругъ вода, такъ что нельзя было переѣхать. За помощь, оказанную ему тутъ неизвѣстнымъ человѣкомъ, онъ записалъ ему то, о чемъ дома не знаетъ. Запроданнымъ оказался его сынъ, котораго жена въ то время носила.

Мальчикъ выросъ хорошо и въ школѣ обогналъ всѣхъ товарищей, но, чтобы стать священникомъ, никакъ не могъ доучить послѣднихъ, необходимыхъ для этого, словъ. Во снѣ ему было открыто, что причиной этого была запись, данная па него отцомъ діяволу. По совѣту священниковъ, онъ отправился въ адъ и, съ помощью святой воды, отнялъ у чертей запись, послѣ чего уже легко доучился до конца и сталъ самъ священникомъ.

Однажды въ дорогѣ онъ заблудился въ лѣсу и попалъ къ разбойникамъ. Главный изъ разбойниковъ, убившій на своемъ вѣку много людей, и даже своихъ отца и мать, потребовалъ отъ него разрѣшенія отъ грѣховъ, угрожая въ противномъ случаѣ смертью. Тогда священникъ велѣлъ ему вбить въ землю палку, которою онъ убивалъ людей, и поливать ее, пока она не принесетъ плодовъ, а самъ уѣхалъ.

Спустя 10 лѣтъ случилось священнику опять проѣзжать черезъ тотъ-же лѣсъ. Пораженный необыкновеннымъ запахомъ

яблокъ, онъ остановился и увидѣлъ подъ яблоней сѣдого, какъ лунь, старика, въ которомъ узналъ бывшаго разбойника. Священникъ велѣлъ ему потрясти яблоню, выросшую изъ посаженной палки, и всѣ яблоки упали на землю, кромѣ двухъ— непрощенныхъ грѣховъ убійства отца и матери. Тогда священникъ исповѣдалъ его, послѣ чего онъ разсыпался прахомъ.

Параллели: Ю. А. Яворскій: Очерки по ист. рус. нар. словесности, I, 20—22; Игн. изъ Никловичъ: Казки, 3—7; Гнатюкъ: Легенды, II, 141, 146—153; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 121—124, III, 31—35, IV, 188—190; его-же: Знадоби, II—1, 67—70; Kolberg: Pokucie, IV, 145—154; его-же: Lud, VIII, 122—124, XIV, 197—210; Драгомановъ: Преданія, 130—131, 406—410; Гринченко: Этн. мат., I, 165—166; Малинка: Сборн. мат., 305—306; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 251—256; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 307—312, IV, 29—30; Federowski: Lud białor., II, 311—312; Аѳанасьевъ: Легенды, 91—97, 177—180; Садовниковъ: Сам. ск., 292—299; Худяковъ: Великор. ск., III, 95—97; „Ж. Ст.", XII, 465—467, XX—1, 97; „Этн. Об.", VI, 12—15; Сумцовъ: Очерки, 88—89; его-же: Разборъ Ром., 72—73; Веселовскій: Разысканія, X, 376—385; Ждановъ: Рус. был. эп., 325—338; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVI—2, 250—251; „Arch. f. slav. Phil.", XVII, 574, XIX, 245, 295, XXI, 297, XXVI, 458, XXXI, 603; Karłowicz: Podanie o Madeju—„Wisła", II, 804—814, III, 102—134, 300—305, 602—604, V, 43—59; „Zbiór wiad.", XI, 106—107, XVIII, 344—346; „Mat. antrop.", V, 3—5, 97—99, 176—177, X, 246—248; „Lud", VII, 139—140; Gliński: Baj. pol., IV, 5—25; Ciszewski: Krakowiacy, I, 67—72; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 119—121, II, 46—51, 268—281; „Slov. Pohl.", 1901, X, 596—597; Dobšinský: Prostonár. pov., II, 12—26; Václavek: Pohádky, I, 84—87; „Č. Lid", XI, 263—265; Polivka: Dr. přispěvky, 72—74, 103—106, 138; Красић: Нар. припов., II, 25—31; Strohal: Hrv. pripov., I, 75—91; Strausz: Die Bulgaren, 115—116; Schleicher: Lit. M., 75—79; Leskien-Brugmann: Lit. M., 500—504, 576; Schott: Wal. M., 165—171; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 135—137; „Zs. Ver. Vk.", XIII, 70—72; Luzel: Lég., chrét., I, 161—215, 267—281; Köhler.: Kl. Schr., I, 403—404.

Мотивъ о записи по невѣдѣнію см. еще: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 10 12; Гнатюкъ: Легенды, II, 40—41; Роздольскій: Казки, I, 46; Чубинскій: Труды, II, 138—139, 219—220; Рудченко: Ю.-р. ск., I, 101, 109—110, 115—117; Драгомановъ: Преданія, 309—311; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 33; Сумцовъ: Разб. Ром., 80; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 55—56, 63, 166, 176; Шейнъ: Матеріалы, II, 266—267; Добровольскій: Смол. сб., I, 99, 158, 512; Federowski: Lud białor., II, 63, 243—245; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 3, 56, 60, 63, 66, 70, 73, 75, 78—79, 107; Худяковъ: Великор. ск., I, 58, 60; его-же: Матеріалы, 82, 98; Садовниковъ: Сам. ск., 67; Ончуковъ: Сѣв. ск., 309, 375; „Ж. Ст.", XVII—2, 232—233; Ждановъ: Р. был. эп., 316—333; „Zbiór

wiad.“, V, 190—192, XI, 289, XVIII, 361; „Mat. antrop.“, V, 148—149, VI, 363—364; Ciszewski: Krakowiacy, I, 22—29; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 242—248, 457—459, II, 344—348; Václavek: Pohádky, I, 68—69, 85; „Arch. f. slav. Phil.“, XXI, 268; „Zs. f. öst. Vk.“, III, 189—190; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 118—119, 131—132; Grimm: K. H. M., I, 66, 282—283, II, 6—7, 35—36, 115—116, 377—378, III, 22, 94—95, 166, 210, 321.—См. также № 41 и 101.

Мотивъ о чудесномъ прорастаніи палки или головни вообще см.: Ю. А. Яворскій: Очерки, I, 22; Порфирьевъ: Изсл. апокр. ветхозав., 112—114; Франко: Апокрифы, I, 87—88; Тихонравовъ: Памятники, I, 305—306, 309; его-же: Сочиненія, I, 166, прил., 50; Сумцовъ: Очерки, 88—89; Веселовскій: Разысканія, X, 371—378; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVI—2, 250—251; Ждановъ: Р. был. эп., 330—338; его-же: Сочиненія, I, 678; Dähnhardt: Natursagen, II, 265—268; Liebrecht: Gerv. v. Tilbury, 112.

14.

Панщина.

Отецъ отдалъ сына въ городъ въ ученье, но запретилъ бить его. Черезъ 15 лѣтъ сынъ вернулся домой, ничему не научившись, а такъ какъ по хозяйству онъ тоже ничего не умѣлъ дѣлать, то не остался дома, только ушелъ въ лѣсъ разбойничать.

Спустя нѣсколько лѣтъ онъ встрѣтилъ въ лѣсу отца, который опять звалъ его домой на хозяйство, но онъ показалъ ему,—на опытѣ съ нагибаніемъ молодого и стараго дерева,—что теперь уже поздно чему-нибудь учиться, а затѣмъ убилъ его, зато, что онъ и самъ ничему не училъ его, и другимъ не позволялъ учить. Потомъ онъ убилъ еще проѣзжаго священника, но, наконецъ, ему опротивѣла эта жизнь, и онъ поступилъ къ одному помѣщику на службу.

Здѣсь послали его однажды въ городъ за мясомъ, но, когда открыли корзину, то нашли, вмѣсто мяса, голову священника. Въ виду этого чуда, разбойникъ признался въ своихъ преступленіяхъ, послѣ чего ему присудили привязать на спину кожаные мѣшки съ камнями и носить ихъ до тѣхъ поръ, пока они сами не спадутъ съ него.

Такъ скитался онъ по свѣту съ этими мѣшками 5 лѣтъ и, наконецъ, зашелъ однажды въ село, гдѣ былъ моръ, такъ что некому

было отбывать панщину. И вотъ видитъ онъ, что пьяный прикащикъ пошелъ на кладбище и билъ палкой по могиламъ, сгоняя на панщину покойниковъ. Возмущенный этимъ концупствомъ, онъ убилъ прикащика, и въ ту-же минуту съ него спали мѣшки, а самъ онъ разсыпался прахомъ.

Напечатано на стр. 4—6 нашей статьи „Очерки по исторіи рус. нар. словесности. I. Легенда о панщинѣ", спеціально посвященной изслѣдованію литературной исторіи данной легенды. Тамъ-же сведена и литература предмета, которую, для бо́льшаго удобства справокъ, приводимъ здѣсь снова, дополняя ее рядомъ новыхъ, обнаруженныхъ нами лишь впослѣдствіи, библіографическихъ данныхъ:

Гнатюкъ: Легенды, I, 211, II, 143—145; Онищукъ: Мат. гуц. демон., 14—15, 116—117; Драгомановъ: Преданія, 131—132; его-же: Розвідки, IV, 99—100; „К. Ст.", 1884, X, 175; „Этн. Об.", XVII, 78—79; „Mat. antrop.", II, 98—99; Шейнъ: Матеріалы, II, 371—373; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 311—312, IV, 27; Federowski: Lud białor., II, 310—311; Аѳанасьевъ: Легенды, 94—97; Садовниковъ: Сам. ск., 294—295, 299—301; „Сб. Кавк.", VII, 2, 51—53, XVI, 1, 198—203, XXVIII, 2, 22—24; Ристић-Лончарски: Срп. прип., 8—12; Grimm: K. H. M., II, 475—477.

Параболу о нагибаніи молодого и стараго дерева см.: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 20; Гнатюкъ: Легенды, II, 139—140; „Zbiór wiad.", V, 243; Grimm: K. H. M., II, 419.

Мотивъ объ явленіи убійцѣ головы или крови его жертвы см. еще: Ю. А. Яворскій: Очерки, II, 47; Гнатюкъ: Легенды, II, 114—115; S. Bарącz: Bajki, 155; Kolberg: Pokucie, IV, 197—198; Садовниковъ: Сам. ск., 301—302; Ончуковъ: Сѣв. ск., 458; Luzel: Lég. chrét., II, 187—193; Sébillot: Tradit. H.-Bret., I, 265—266; Köhler: Kl. Schr., I, 154—155.

Мотивъ о покаянныхъ веригахъ см. № 11 и 43.

15.

Когда лучше страдать: съ молоду или на старость?

Зажиточные молодые супруги, вслѣдствіе постоянныхъ неудачъ въ хозяйствѣ, со временемъ совсѣмъ обѣднѣли. Тогда они обратились за совѣтомъ къ ворожеѣ, но сама она ничего имъ не сказала, только ея знахарь (домовой?) спросилъ ихъ, въ какомъ возрастѣ они предпочитаютъ бѣдствовать? Мужъ хотѣлъ отложить это на старость или хоть на средніе года, но жена настояла на томъ, чтобы отбыть всю бѣду сейчасъ, въ молодости.

Съ этимъ и пошли они въ свѣтъ. Однажды повстрѣчался имъ на дорогѣ какой-то баринъ въ каретѣ, который, бросивъ мужу кошелекъ съ деньгами, увезъ жену. Потомъ и деньги эти похитилъ воронъ, послѣ чего мужъ долго скитался по свѣту въ одиночествѣ и нуждѣ.

Наконецъ, въ одномъ городѣ ему удалось поступить на работу въ артель плотниковъ, съ которой онъ со временемъ пришелъ строить домъ и къ тому барину, который увезъ его жену. Здѣсь, срубывая въ лѣсу дубы на домъ, онъ нашелъ на одномъ изъ нихъ свои, похищенныя ворономъ, деньги. Такъ какъ барина не было дома, то плотники пошли съ этими деньгами на судъ къ барынѣ, и тутъ мужъ и жена узнали другъ друга. Въ то-же время пришло извѣстіе о смерти барина, послѣ чего соединившіеся вновь супруги остались полными хозяевами въ его имѣніи.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 184—192; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 82—103, III, 83—84; S. Baracz: Bajki, 13—14; Рудченко. Ю.-р. сказки, I, 161—163; Чубинскій: Труды, II, 539—540; Малинка: Сб. мат., 308—309; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 273—276; Шейнъ: Матеріалы, II, 159—161; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 330—334, IV, 45—46; Добровольскій: Смол. сб., I, 530—532; „Сборн. Кавк.", VII, 2, 213—219, XVIII, 3, 166—167; „Mat. antrop.", V, 48—49; Kolberg: Lud, XXI, 198—200; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 314—318; „Arch. f. slav. Phil.", XIX, 254—255, XXI, 294, XXVI, 461; Поливка: Бѣлѣжки, 23; „Č. Lid", XI, 444; Dobšinský: Prostonár. pov., IV, 39—42; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 132—138; Шапкаревъ: Сборн. умотв., IX, 300; Strausz: Die Bulgaren, 106—107, 109; „Zs. Ver. Vk.", VI, 68; Lidzbarski: Neuaram. Hs., 108—113, 195—198; Rosen: Tuti-Nameh, II, 269—277; Oesterley: Gesta Rom., 444—451, 730; Köhler: Kl. Schr., II, 245—255, 351—354.

16.

Какъ чертъ соблазнилъ праведника въ церкви.

Одинъ парень до 20 лѣтъ не ходилъ въ церковь, только молился дома. Наконецъ, однажды, по настоянію родителей, онъ отправился въ церковь, причемъ по дорогѣ перешелъ черезъ

рѣку по верху воды, какъ по суху. Во время службы онъ увидѣлъ въ углу церкви чертенка, который записывалъ на шкурѣ людскіе грѣхи, а записавъ ее всю, хотѣлъ растянуть ее зубами и при этомъ перекувыркнулся вверхъ ногами. Парень засмѣялся, послѣ чего уже больше не видѣлъ чертенка, а на обратномъ пути замочился уже въ водѣ по колѣни, такъ какъ согрѣшилъ въ церкви и, такимъ образомъ, потерялъ свою святость.

Напечатано въ „Житьѣ и Словѣ", 1894, II, 349. Подробный историко-литературный обзоръ данной легенды сдѣланъ нами въ особомъ докладѣ, прочитанномъ 24 сентября и 8 октября 1906 г. въ Кіевскомъ Историческомъ О-вѣ Нестора-лѣтописца п. з.: „Три старца" Л. Н. Толстого и ихъ народно-литературная родня". См. „Чтенія въ Ист. О-вѣ Нестора-лѣтописца", XIX—4, 1, 97—102.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 88—89, 239—240; его-же: Знадоби, II—1, 38; „Ж. і Сл.", II, 349—350; Драгомановъ: Преданія, 140—143; Гринченко: Этн. мат., I, 73—74, II, 152—154; „К. Ст.", 1888, XI, 267—268; Веселовскій: Zwei kleinruss. Legenden zu Rabelais—„Russ. Revue", 1874, V, 288—290; „Этн. Об.", V, 155—156, XXVIII, 104—105; Добровольскій: Смол. сб., I, 318; Federowski: Lud białor., I, 19, 34, II, 125—126; Сержпутовскій: Ск. бѣл.-полѣш., 101—103, 168—170; Шейнъ: Матеріалы, II, 373—376; „Ж. Ст.", II, 156; „Zbiór wiad.", V, 221, XVIII, 485; Kolberg: Lud, VIII, 143—144; Świętek: Lud nadr., 461—462; Toeppen: Abergl. Mas., 123—124; Grohmann: Sagen Böhm., 75; Černy: Myth. byt., 234—235; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 105; Поливка: Бѣлѣжки, 11; „Arch. f. sl. Phil.", XIX, 261, XXI, 266, 280; Pauli: Schimpf u. Ernst, 209, 510.

Мотивъ о чертѣ, записывающемъ въ церкви людскіе грѣхи, см. еще: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., III, 43; „Ж. і Сл.", II, 352; Kolberg: Pokucie, IV, 201; „Этн. Об.", XXI, 88; Federowski: Lud białor., I, 18, 250, II, 220; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 328; „Zbiór wiad.", VII, 64—65; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 249—250, II, 232—233; „Sl. Pohl.", 1901, X, 598; Bolte: Der Teufel in der Kirche—„Zs. f. vergl. Lit.-gesch.", 1897, N. F., XI, 249—266.

Мотивъ о хожденіи по верху воды вообще см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 14, II, 137; его-же: Етн. мат. Уг. Р., IV, 35; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 44, 56, 61, 125; Federowski: Lud białor., I, 11; „Ж. Ст.", XII, 125; Ончуковъ: Сѣв. ск., 107; „Mat. antrop.", X, 277; Петровъ: Прологъ, 126; Пономаревъ: Памятники, IV, 59, 182—183; Франко: Св. Климент у Корсуні, 286; Шестаковъ: Изслѣдованія, 91—92; Migne: Curs. patr. lat., LXXIII, 1000.

17.

Какъ выходитъ душа изъ тѣла.

Служилъ солдатъ въ войскѣ 12 лѣтъ, потомъ обошелъ весь свѣтъ и все узналъ, кромѣ одного—какъ душа выходитъ изъ тѣла? Возвратившись домой, онъ, по совѣту священника, постился цѣлый годъ на хлѣбѣ и водѣ, затѣмъ исповѣдался и пошелъ къ одному умирающему, чтобы узнать, какъ будетъ выходить его душа? Тутъ онъ увидѣлъ, что въ окно влетѣлъ сѣрый голубь, сѣлъ на лицо умирающаго и въ поцѣлуѣ принялъ его душу. Потомъ опять пошелъ онъ къ одной умирающей женщинѣ и увидѣлъ здѣсь чернаго голубя, который влетѣлъ черезъ трубу и сталъ бить и клевать ее въ лицо. Священникъ объяснилъ ему, что въ первомъ случаѣ выходила изъ человѣка душа праведная, душа же той женщины была грѣшная, а потому забралъ ее діяволъ.

Параллели: Въ народной словесности намъ извѣстна только одна, болѣе или менѣе сходная, великорусская легенда—въ сборникѣ Аѳанасьева, стр. 87—88, причемъ здѣсь, однако, вмѣсто голубей, являются за душами просто добрые и злые ангелы смерти. Повидимому, данная легенда только случайно проникла въ русскую народную словесность—изъ книжныхъ, духовно-повѣствовательныхъ источниковъ, въ родѣ Патериковъ, Прологовъ и другихъ подобныхъ сборниковъ, въ которыхъ она встрѣчается довольно часто. См. напр.: Петровъ: Прологъ, 122—123, 135—137; Владиміровъ: Вел. Зерцало, 101—103; его-же: Къ изсл. о „Вел. Зерц.", 63—65; Migne: Curs. patr. lat., LXXIII, 1011.

Что же касается, въ частности, символическаго представленія объ ангелахъ смерти въ образѣ птицъ, то оно, являясь тоже, по всей вѣроятности, отраженіемъ книжной, духовной традиціи, въ то-же время распространено въ народной словесности довольно широко и прочно. См. напр.: Гнатюкъ: Русины Пряш., 63; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 83; Драгомановъ: Розвідки, IV, 85—86, 88; Владиміровъ: Др. р. лит., 169; Luzel: Lég. chrét., I, 172—173, 185—186, 200—202, 278—279, II, 18—29.—Въ общемъ, представленіе это находится, безъ сомнѣнія, въ прямой связи съ общимъ народно-поэтическимъ и легендарнымъ образомъ души-птицы. См. напр.: Аѳанасьевъ: Поэт. воззр., III, 214—226; Веселовскій: Слово о 12 снахъ Шахаиши, 15; Котляревскій: Сочиненія, III, 192—193; Перетцъ: Изсл. и мат., I—1, 260—264; Драгомановъ: Розвідки, IV, 115; Клингеръ: Животное, 47—100; Liebrecht: Gerv. v. Tilbury, 114—116; Grimm: D. Myth., II, 690—691; Federowski: Lud białor., I,

219; Kaindl: Die Seele—„Globus“, LXVII, 357—358; Negelein: Seele als Vogel—„Globus“, LXXIX, 357—361, 381—384; Dähnhardt: Natursagen, III, 476—486.

18.

Въ гостяхъ у мертвеца.

Два парня, любившіе одну и ту-же дѣвушку, условились между собою, что въ случаѣ, если одинъ изъ нихъ умретъ раньше, другой долженъ позвать его изъ могилы на свою свадьбу. Вскорѣ одинъ парень дѣйствительно умеръ, другой же сталъ готовиться къ свадьбѣ, причемъ пригласилъ на свадьбу всѣхъ своихъ знакомыхъ, а про умершаго товарища совсѣмъ забылъ. Только по дорогѣ къ вѣнчанію онъ вспомнилъ вдругъ о своемъ уговорѣ и побѣжалъ на кладбище, чтобы пригласить еще мертваго товарища на свадьбу. Могила раскрылась, и онъ вошелъ въ нее и пригласилъ покойника, послѣ чего тотъ угостилъ его виномъ и булками. Когда же онъ вышелъ изъ могилы, то не узналъ уже села ни людей. Всѣ его близкіе и знакомые уже поумирали, такъ какъ съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ. А затѣмъ, исповѣдавшись, и самъ онъ разсыпался прахомъ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 134—139; его-же: Знадобы, II—2, 40—41; Гринченко: Этн. мат., I, 287—291; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 319; Ciszewski: Krakowiacy, I, 171—172; „Arch. f. sl. Phil.“, XVI, 319, XXI, 270; Müllenhoff: Sagen, 96, 413; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 282—283; Pauli: Schimpf u. Ernst, 319—320.

Мотивъ о чудесномъ провожденіи большого промежутка времени вообще см.: „Ж. і Сл.“, II, 187—188, III, 373—374; Франко: Карп.-рус. письм., 117, 121; Гнатюкъ: Легенды, I, 161—162, II, 52—53, 66—70, 134—139; Kaindl: Die Seele—„Globus“, LXVII, 360; Аѳанасьевъ: Легенды, 117—118, 123—128; его-же: Сказки, I, 209, II, 82; Ончуковъ: Сѣв. ск., 287; Ровинскій: Р. нар. картинки, I, 160, III, 61—64, IV, 163, 533—534; Сумцовъ: Пушкинъ, 169—172; Владиміровъ: Вел. Зерцало, 24, 103; Federowski: Lud białor., II, 289, 296—299; Трейландъ: Лат. ск., 162—163; „Zbiór wiad.“, V, 218—219; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 53—56; „Arch. f. sl. Phil.“, XVII, 577, XXIX, 472; Grimm: K. H. M., I, 207—208; Pauli: Schimpf u. Ernst, 320—321, 537, 562; Bebel: Schwänke, II, 62—63, 144; v. d. Hagen: Gesammtaben-

teuer, III, 609—623; Liebrecht: Zur Volkskunde, 27—29; его-же: Gerv. v. Tilbury, 89; Wesselsky: Mönchslatein, 193—194, 257; „Germania“, I, 12, III, 431; Köhler: Kl. Schr., II, 224—241, 427—4.

19.

Нерожденныя дѣти.

Одна женщина сдѣлала себя посредствомъ колдовства безплодной, а затѣмъ, раскаявшись, все ходила къ исповѣди, но ни одинъ священникъ не хотѣлъ отпустить ей этого грѣха. Наконецъ, мѣстный священникъ велѣлъ ей провести 3 ночи въ церкви: если съ ней тамъ ничего не случится, то значитъ, что грѣхъ ей прощенъ.

Въ первую ночь не видѣла она въ церкви ничего. Во вторую—вышла изъ-подъ пола гусыня съ гусятами, походила вокругъ нея и молча исчезла. Наконецъ, на третью ночь гуси—это были ея нерожденныя дѣти—бросились на нее съ упреками и стали клевать и рвать ее, пока не разорвали ее въ клочки.

Напечатано, съ историко-литературнымъ обзоромъ параллелей, въ „Живомъ Словѣ“, 1899 г., I, 47—49, IV, 231. Тому-же легендарному сюжету, въ связи съ духовными стихами о грѣшной дѣвѣ, посвящена нами особая статья: „Очерки по ист. рус. нар. словесности. II. Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ и легенда о нерожденныхъ дѣтяхъ“, Кіевъ, 1905.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 128—129; Садовниковъ: Сам. ск., 247; „Ж. Ст.“, VIII, 233; Federowski: Lud białor., II, 129; „Č. Lid“, IX, 258; Grundtvig: Dän. Vm., II, 258—270; Ortoli: Contes Cors., 5—8; Luzel: Lég. chrét., II, 207—210; „Germania“, XXVIII, 114; Bolte: Lenaus Gedicht Anna—„Euphorion“, 1897, IV, 323—333; „Zs. Ver. Vk.“, X, 436—438, XIV, 114—117.

20.

Скатерть, баранчикъ и коробъ.

Бѣдный братъ попросилъ у богатаго сала. Тотъ далъ ему кусокъ, но сказалъ при этомъ: „неси къ черту“! Такъ бѣднякъ и понесъ сало къ черту.

У большой рѣки онъ встрѣтилъ старика, который перенесъ его черезъ воду, а затѣмъ велѣлъ ему требовать отъ чертей за сало не что другое, какъ только барашка, коробъ и скатерть, да еще 3 горсти шкварокъ. Бѣднякъ сдѣлалъ такъ, и черти дали ему все это. На обратномъ пути тотъ-же старикъ перенесъ его опять черезъ рѣку, причемъ объяснилъ ему также чудесныя свойства полученныхъ имъ предметовъ, изъ которыхъ барашекъ могъ трусить изъ себя деньги, скатерть развертывала всяческія угощенія, а изъ короба выскакивали въ защиту владѣльца молодцы съ палками; шкварки же старикъ велѣлъ ему нести въ сумкѣ домой.

По дорогѣ бѣднякъ заснулъ, проснувшись же, увидѣлъ возлѣ себя цѣлое стадо барановъ и овецъ, которые всюду бѣжали за нимъ; это были человѣческія души, вынесенныя имъ въ видѣ шкварокъ изъ ада и превратившіяся теперь въ барановъ и овецъ. Тутъ снова явился ему тотъ-же старикъ—это былъ самъ Господь—и, поставивъ его на свою ногу, показалъ ему лѣстницу, по которой всѣ эти души поскакали въ небо, а затѣмъ обѣщалъ взять по смерти и его тоже въ свое царство.

Придя домой, бѣднякъ позвалъ къ себѣ богатаго брата, угостилъ его со своей скатерти и далъ ему денегъ отъ барашка, разсказавъ при этомъ все, что съ нимъ произошло. Завистливый богачъ донесъ объ этомъ барину, который отнялъ у бѣдняка скатерть и барашка, но затѣмъ, подъ ударами палокъ изъ его короба, долженъ былъ возвратить ему все обратно.

Параллели: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 81—96, V, 202—209; Чубинскій: Труды, II, 344—354; Манжура: Сказки, 55—57, 74—76; Рудченко: Сказки, II, 125—139; Малинка: Сборникъ мат., 309—310; Ястребовъ: Матеріалы, 129—130; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 161—165; Романовъ: Бѣлор. сборникъ, III, 271—283, 402, IV, 205—206; Сумцовъ: Разб. Ром., 66—67; Добровольскій: Смол. сборникъ, I, 585—590, 597—606; Federowski: Lud białor., I, 95—96,

161—162, II, 144—145; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 217—221, IV, 181—182; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 304—313; Худяковъ: Великор. ск., II, 49—54; его-же: Матеріалы, 18—20, 38—39; Садовниковъ: Сам. ск., 136—139; Иваницкій: Мат. волог., 188—189; Ончуковъ: Сѣв. ск., 66—68, 272—274, 320; „Ж. Ст.“, XX—1, 98; „Этн. Об.“, XII, 59, XXXVII, 127—128; „Сб. Кавк.“, XV, 2, 168—170, XXVI, 2, 216—221, XXVII, 5, 8—13; „Zbiór wiad.“, V, 189—190, 200—203, IX, 84—86, XI, 110—111, 288—289, XV, 27—28, XVI, 51—52; „Mat. antrop.“, II, 79—80, V, 222—224, VI, 375—376, X, 257—258; Kolberg: Lud, III, 112—113, 145—146, VIII, 127—128, XIV, 22—29, 212—217; его-же: Przemyskie, 218—226; Ciszewski: Krakowiacy, I, 166—170; Chełkowski: Pow. Przasn., I, 166—170; „Wisła“, VIII, 531—535; Gliński: Baj. pol., I, 202—212, IV, 101—115; Toeppen: Abergl. Mas., 147—148; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 37—39, 74—77; Dobšinský: Prostonár. pov., I, 17—31, III, 59—64; „Slov. Pohl.“, 1896, 322—324; Красић: Нар. прип., I, 15—21; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 45—49; „Národop. Sb.“, III, 122, 126, IV—V, 134, VII, 129; „Arch. f. slav. Phil.“, XVII, 577, XXI, 299—300, XXVI, 469, XXXI, 277, XXXIII, 597; Schleicher: Lit. M., 105—108; Leskien-Brugmann: Lit. M., 464—467, 488—490, 573; „Ung. Revue“, VIII, 332; Schott: Wal. M., 204—213; Stier: Ung. M., 79—83; Schmidt: Griech. M., 114—115; Gonzenbach: Sicil. M., I, 335—339, II, 235; Basile: Pentamerone, I, 15—27; Ortoli: Contes Cors., 171—178; Carnoy: Litt. or. Picard., 308—315; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 213—217; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера“, 190; Потанинъ: Очерки, IV, 357 — 358, 538; „Germania“, XIV, 84—85; Grimm: K. H. M., I, 185—192, III, 65—66; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 349—361; Köhler: Kl. Schr., I, 47, 67.

Мотивъ о ношеніи милостыни къ черту или къ Богу см. еще: Гнатюкъ: Легенды, II, 174—179; „Ж. і Сл.“, IV, 97—100; Драгомановъ: Преданія, 49—50; Гринченко: Этн. мат., I, 179—181, II, 83—85; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 271—273; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 320—321; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 133—134; Köhler: Kl. Schr., I, 67.

Мотивъ о душахъ въ видѣ шкварокъ и овецъ см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 59; его-же: Знадобы, II—1, 40—41; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 7, VI, 36—37; Federowski: Lud białor., I, 226; „Этн. Об.“, XVIII, 112—113; „Zbiór wiad.“, V, 219—220, XVIII, 482—483; „Mat. antrop.“, V, 108, VI, 377, 387, XI, 39; „Wisła“, VII, 31—32; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 280; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 178—182.

21.

Волшебный конь.

У одного человѣка было 12 сыновей. За годъ службы у барина они получили по коню, причемъ младшій сынъ, глупый, выбралъ себѣ самаго плохого коня. Затѣмъ сыновья просили отца найти имъ въ жены 12 сестеръ. Старикъ встрѣтилъ на дорогѣ барыню, у которой оказалось 12 дочерей; она тотчасъ согласилась отдать ихъ въ жены его сыновьямъ, причемъ дураку была опредѣлена самая младшая изъ нихъ, лежавшая еще, несмотря на свои 17 лѣтъ, въ колыбели.

Поѣхали братья къ барынѣ свататься. Тутъ конь дурака открылъ имъ, что они ѣдутъ къ вѣдьмѣ, и научилъ ихъ, какъ вести себя, чтобы она ихъ не съѣла: не отдавать коней ея слугамъ, а изъ 3-хъ хлѣбовъ и 3-хъ бутылокъ вина, которые она вышлетъ имъ на встрѣчу, съѣсть только 2 хлѣба и выпить только 2 бутылки, не уронивъ при этомъ ни одной крохи или капли на землю. Братья все это исполнили. Послѣ ужина вѣдьма уложила ихъ спать попарно съ дочерьми, дурака же положила къ младшей дочери въ колыбель. По совѣту коня, братья перемѣнились мѣстами съ дочерьми вѣдьмы, вслѣдствіе чего послѣдняя, вмѣсто имъ, отрубила въ потьмахъ головы своимъ дочерямъ, пощадивъ только невѣсту дурака, а затѣмъ улетѣла на границу къ колдунамъ. Тогда братья, снова предупрежденные конемъ, стали убѣгать, но вѣдьма, возвратившись съ границы, погналась за ними, сѣвъ на своего золотого коня и взявъ перо золотой утки и золотой волосъ младшей дочери, чтобы освѣщать себѣ путь. Однако, братья успѣли ускакать черезъ границу и возвратились благополучно домой, только младшій отсталъ и спрятался въ кустахъ; но вѣдьма его не замѣтила и вернулась ни съ чѣмъ, потерявъ притомъ золотые перо и волосъ, а конь ея потерялъ золотую подкову.

Вопреки совѣтамъ своего коня, дуракъ поднялъ утерянныя вѣдьмой золотыя вещи, а затѣмъ поступилъ на службу къ одному барину. Въ конюшнѣ онъ, вмѣсто фонаря, повѣсилъ золотое перо, въ виду чего баринъ велѣлъ ему достать золотую утку, съ которой было это перо. Съ помощью коня дуракъ похитилъ утку у вѣдьмы изъ-за 3-хъ дверей. Затѣмъ, узнавъ о

золотой подковѣ, которую дуракъ, въ свою очередь, повѣсилъ въ конюшнѣ, баринъ велѣлъ ему привести потерявшаго ее коня. Дуракъ опять поѣхалъ къ вѣдьмѣ, поставилъ своего коня, по его указанію, передъ ея домомъ въ яму по колѣни и покрылъ его 12-ю шкурами, просмоленными смолою изъ 12-ти бочекъ; когда его конь заржалъ 3 раза, прибѣжалъ къ нему, сорвавъ своихъ 3 цѣпи, конь вѣдьмы, вонзился зубами въ шкуры и застрялъ въ нихъ, послѣ чего дуракъ уже легко привелъ его къ барину. Наконецъ, баринъ узналъ также о свѣтившемъ въ конюшнѣ золотомъ волосѣ и велѣлъ дураку привезти ему самую дѣвицу, которой принадлежалъ этотъ волосъ. На своемъ волшебномъ конѣ дуракъ увезъ у вѣдьмы также и ея дочку, вмѣстѣ съ колыбелью, но не хотѣлъ уже отдать ее барину, такъ какъ это была его невѣста.

Тогда баринъ велѣлъ надоить большой котелъ молока и вскипятить его, чтобы дуракъ выкупался и погибъ въ немъ. Но тотъ привелъ своего коня къ котлу, и какъ только послѣдній на него 3 раза фыркнулъ, молоко сейчасъ остыло, такъ что онъ окунулся въ него безъ малѣйшаго вреда и вышелъ еще лучшимъ молодцомъ, чѣмъ былъ прежде. Тогда баринъ, желая помолодѣть, въ свою очередь, прыгнулъ въ котелъ, но конь снова трижды фыркнулъ, молоко закипѣло, и баринъ сварился въ немъ на смерть. Послѣ этого дуракъ женился на своей невѣстѣ и остался хозяиномъ въ имѣніи барина.

Волшебный же конь сталъ теперь просить своего хозяина, чтобы онъ вывелъ его въ поле и застрѣлилъ, такъ какъ иначе и самъ онъ жить не будетъ; когда же тотъ, уступая его настояніямъ, застрѣлилъ его, онъ разсыпался прахомъ и развѣялся по вѣтру.

Параллели: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 64—68; Роздольскій: Казки, II, 61—65, 85—86, 124—129, 149—150; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 209—229; Драгомановъ: Преданія, 286—290, 333—338; Чубинскій: Труды, II, 36—40, 290—293; Манжура: Сказки, 46—47; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 128—135; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 228—250, VI, 288—297, 362—370; Шейнъ: Матеріалы, II, 51—52, 276—283; Weryho: Pod. białor., 26—31; Federowski: Lud białor., II, 293—295; Добровольскій: Смол. сб., I, 632—633; „Этн. Об.“, XXI, 143—145, XXII, 106; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 263—268; Эрленвейнъ: Нар. ск., 39—43; Худяковъ: Велик. ск., I, 100—103, III, 126—129; его-же: Матеріалы, 121—127; Садовниковъ: Сам. ск., 73—77, 190—197; Смирновъ: Систем. указатель

—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVII—3, 158—161; „Сб. Кавк.“, XIV, 2, 97—102 XVIII, 3, 72—78, XXVIII, 2, 120—124, XXXIII, 3, 69—74, XLII, 2, 15—20; Kolberg: Pokucie, IV, 132—144; его-же: Chełmskie, II, 95—98; его-же: Lud, VIII, 33—35, XIV, 57—62, XIX, 234—236; „Zbiór wiad.“, V, 252—254, XI, 113—118, 264—266; „Mat. antrop.“, VI, 411—413; Nowosielski: Lud ukr., I, 327—338; Gliński: Baj. pol., II, 5—42, IV, 54—74; „Lud“, II, 46—53; „Wisła“, VIII, 524—531; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 153—155, 436—443, 453—457, II, 159—163, 328—336; Leskien-Brugmann: Lit. M., 360—363, 526—530; Němcova: Nár. báchorky, II, 171—185; Václavek: Pohádky, II, 33—42; „Národop. Sb.“, III, 101; Поливка: Бѣлѣжки, 4; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 341—351; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 5—7; „Arch. f. sl. Phil.“, I, 276—279, V, 64—66, 75—78, XIX, 250, 258, XXXI, 599; Grimm: K. H. M., II, 191—195; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 483—486; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 37—41, 81—85; „Zs. f. öst. Vk.“, II, 189, 223, IV, 159; Grundtvig: Dän. Vm., II, 4—23; Gonzenbach: Sic. M., I, 201—205, II, 149—155, 254—256; Schott: Wal. M., 184—193; Miklosich: Mundarten Zig., IV, 306—309; Radloff: Proben, IV, 443; „Orient u. Occident“, II, 300—301; Köhler: Kl. Schr., I, 195—196, 305—308, 411, 413—414, 464, 467—469, 542, 546—551. См. также слѣдующій № 22.

Мотивъ о женитьбѣ нѣсколькихъ братьевъ на невѣстахъ—сестрахъ см. еще: „Наука“, 1896, VIII—XI, 603—606; Чубинскій: Труды, II, 409—410; Federowski: Lud białor., II, 177; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 88—89; „Сб. Кавк.“, XIII, 2, 308, XIV, 2, 205, XVIII, 1, 64—69, XXVII, 2, 129—130, XXIX, 4, 5, XXXIII, 3, 43—44; Świętek: Lud nadr., 337—338; „Arch. f. sl. Phil.“, XXI, 297; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 148—150; Stier: Ung. M., 28—34; Radloff: Proben, IV, 443—447; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера“, 190, 214.

Мотивъ о перемѣнѣ мѣстъ или головныхъ уборовъ съ дочерьми вѣдьмы см. еще: „Наука“, 1896, VIII—XI, 604—605; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 89; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 354; „Národop. Sb.“, IV—V, 150, VI, 220; Carnoy: Litt. or. Picard., 257—260; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 124—126, 499—501.

Мотивъ о купаньи въ кипящемъ молокѣ см. еще: Роздольскій: Казки, I, 81; Рудченко: Сказки, I, 95; Чубинскій: Труды, II, 11, 14, 303; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 246; Nowosielski: Lud ukr., I, 276—277; Шейнъ: Матеріалы, II, 46—47, 397; Němcova: Nár. báchorky, I, 28—29; „Arch. f. sl. Phil.“, XIX, 250, 261.

22.

Джунджаловичъ и сыроѣдъ.

У одного богача было 12 сыновей, которыхъ онъ хотѣлъ женить только на 12-ти сестрахъ. Братья нашли 12 дочерей у одноглазаго сыроѣда, который тутъ-же уложилъ ихъ спать попарно, причемъ парни имѣли на головахъ шапки, а дѣвушки— платки. Старшій братъ, Джунджаловичъ, слышалъ ночью, какъ сыроѣдъ сговаривался съ женой, чтобы ихъ во снѣ зарѣзать; тогда онъ переложилъ шапки съ братьевъ на дочерей сыроѣда, а платки послѣднихъ—на братьевъ. Такимъ образомъ, сыроѣдъ съ женой порѣзали въ потьмахъ своихъ дочерей, братья же благополучно убѣжали домой.

Но Джунджаловичъ возвратился назадъ къ сыроѣду, чтобы зарѣзать его жену. Тотъ, въ свою очередь, хотѣлъ его зарѣзать, но онъ предложилъ ему откормить его прежде орѣхами, булками и сахаромъ, чтобы изъ него вышло жирное жаркое. Сыроѣдъ откормилъ его хорошо и велѣлъ женѣ зажарить его въ печи, а самъ пошелъ звать гостей на пиръ. Притворяясь неповоротливымъ при посадкѣ въ печь, Джунджаловичъ втолкнулъ туда и сжарилъ жену сыроѣда, которую затѣмъ, не узнавъ, съѣли мужъ и его гости, а самъ снова бѣжалъ.

Затѣмъ онъ, однако, возвратился къ сыроѣду еще разъ, чтобы закопать его самого въ землю. Онъ сталъ рубить передъ его домомъ ель и объяснилъ ему, что это онъ дѣлаетъ гробъ, въ который хочетъ забить Джунджаловича. Съ помощью сыроѣда онъ сколотилъ изъ ели гробъ, оковалъ его крѣпко у кузнеца, а затѣмъ предложилъ сыроѣду испробовать его прочность, чтобы Джунджаловичъ не вырвался изъ него. Когда же сыроѣдъ ложился въ гробъ, онъ забилъ его тамъ и пустилъ по водѣ.

Параллели: Kolberg: Pokucie, IV, 53—58, 141—144; „Сборн. Кавк.“, II, 2, 133—137, IX, 2, 162—167, XLII, 2, 79—81; „Mat. antrop.“, VIII, 154—159; Трейландъ: Лат. ск., 204—211; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 74—79; „Národop. Sb.“, VI, 220; Красић: Нар. прип., II, 16—20; Шапкаревъ: Сборн. умотв., IX, 347—349; „Arch. f. sl. Phil.“, I, 282—283; Hahn: Griech. u. alb. M., II, 178—183; Basile: Pentamerone, I, 346—354; Gonzenbach: Sic. M., II, 143—149, 254—256; Vinson: Folklore basque, 81—92; Carnoy: Litt. or. Picard., 241—251; Köhler:

Kl. Schr., I, 305—308, 414, 546—551.—См. также—въ особенности, относительно начальнаго мотива о женитьбѣ 12 братьевъ на 12 дочеряхъ сыроѣда—выше № 21.

Вообще о людоѣдахъ-песиглавцахъ, къ разряду которыхъ, повидимому, слѣдуетъ отнести также и нашего одноглазаго сыроѣда, см.: Драгомановъ: Розвідки, I, 152—155; Веселовскій: Изъ ист. ром. и пов., I, 453—476.—См. также ниже—№ 54.

Мотивъ о бросаніи въ печь жены или дочери людоѣда см. еще: „Ж. і Сл.", III, 376; Роздольскій: Казки, I, 68; Онищукъ: Мат. гуц. демон., 138—139; S. Barącz: Bajki, 236; Драгомановъ: Преданія, 354—355; Мордовцевъ: Малор. сб., 368; Кулишъ: Записки, II, 18; Малинка: Сб. мат., 273; Шейнъ: Матеріалы, II, 47—48, 72—73, 275—276; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 265—266, 268, 269—270; Добровольскій: Смол. сб., I, 499—500; Federowski: Lud białor., II, 64, 171—173; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 90—95, 100; Ончуковъ: Сѣв. ск., 101, 191—192; „Сб. Кавк.", XV, 2, 134; Веселовскій: Поэтика, II—1, 19; „Zbiór wiad.", II, 152—153, V, 231, XVIII, 317—318; „Mat. antr.", V, 120; Ciszewski: Krakowiacy, I, 77—78, 162; Трейландъ: Лат. ск., 68, 105—106; Němcova: Nár. báchorky, I, 310; Václavek: Pohádky, I, 67—68; Dobšinský: Prostonár. pov., V, 79—81; „Národop. Sb.", III, 117; „Arch. f. sl. Phil.", XIX, 244—245, 250—251; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 162—164; Grimm: K. H. M., I, 85—86; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 115—126; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 77—78, II, 110—111; Остроумовъ: Сарты, II, 4—5, 10—11; Буслаевъ: Очерки, I, 32; Köhler: Kl. Schr., I, 414.

Мотивъ о плѣненіи подъ предлогомъ примѣрки гроба см. еще: Ю. А. Яворскій: Преданіе о смерти Костя Джуловича и его источники—„Научно-лит. Сборн. Гал.-рус. Матицы", 1901, I—2, 171—176; Аѳанасьевъ: Легенды, 58—60; Ждановъ: Сочиненія, I, 650—658; Миллеръ: Очерки, I, 377—386; Шамбинаго: Старины о Святогорѣ и поэма о Калеви-поэгѣ —„Журналъ М. Н. Пр.", 1902, I, 50—52; Ciszewski: Krakowiacy, I, 162; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 211—212, II, 57; „Národop. Sb.", VI, 220; Gonzenbach: Sic. M., I, 200—201; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 78; „Arch. f. sl. Phil.", I, 273; Weil: Bibl. Leg., 189—190; Köhler: Kl. Schr., I, 305—307, 410, 414, 546—551; Dähnhardt: Natursagen, III, 505.

23.

Волшебный волкъ.

а). У царя была золотая груша, но каждую ночь золотая птица похищала съ нея плоды. Въ то-же время къ царской дочери посватались три брата-царевича,—два умныхъ и третій дуракъ,—и царь обѣщалъ отдать ее въ жены тому изъ нихъ, кто достанетъ ему эту птицу.

Царевичи поѣхали за птицей, причемъ дуракъ взялъ съ собою также собаку и кота. Въ пути, во время ночевокъ въ лѣсу, къ дураку все подходилъ волкъ, чтобы его съѣсть, но онъ, вмѣсто себя, отдалъ ему въ первую ночь—собаку, на другую—кота, а на третью—коня.

Послѣ этого волкъ сталъ служить дураку. Сперва онъ повезъ его на себѣ къ замку, гдѣ находилась золотая птица, и велѣлъ ему, не трогая послѣдней, взять другую, маленькую птичку, за которой уже сама полетитъ и золотая. Однако, дуракъ не послушался и сразу схватилъ клѣтку съ золотой птицей, но тутъ-же зазвонили звонки, и онъ былъ пойманъ сторожами. Царь этого замка велѣлъ ему достать золотого пса, взамѣнъ за котораго онъ обѣщалъ ему дать птицу. Дуракъ поѣхалъ опять на волкѣ въ другой замокъ, но снова ослушался его наставленій и схватилъ, вмѣсто паршиваго пса, сразу золотого, такъ что попался снова. Этотъ царь, въ свою очередь, велѣлъ ему достать, взамѣнъ за пса, золотого коня. Тутъ ужъ волкъ взялся самъ привести этого коня, лишь-бы дуракъ во время вспомнилъ о немъ: „Гей, гей, милый Боже, гдѣ мой волкъ?“ Волкъ досталъ коня, но не велѣлъ отдавать его царю, а самъ принялъ его видъ, такъ что дуракъ вымѣнялъ у царя за золотого пса не настоящаго коня, а волка, который затѣмъ, по произнесеніи имъ тѣхъ-же словъ, возвратился къ нему назадъ. Такимъ же обманнымъ образомъ вымѣняли они у другого царя золотую птицу, послѣ чего волкъ оставилъ дураку золотыхъ животныхъ и птицу и, запретивъ ему останавливаться по дорогѣ, разстался съ нимъ.

Однако, дуракъ опять не послушался совѣта волка и, встрѣтивъ около одной корчмы своихъ братьевъ, остановился съ ними. Братья, увидѣвъ у него золотыхъ животныхъ и птицу, которой они не успѣли достать, отняли ихъ, а его убили и бросили въ ровъ. Здѣсь нашелъ его, однако, волкъ, который тутъ-же, взамѣнъ за пойманнаго имъ воронешка, получилъ отъ вороны немного живой воды, оживилъ ею мертваго и далъ ему скрипку, чтобы онъ шелъ на свадьбу къ братьямъ.

Между тѣмъ, на свадьбѣ, которую справлялъ одинъ изъ братьевъ дурака съ дочерью царя, было очень печально, словно на похоронахъ. Когда же явился дуракъ и заигралъ на своей скрипкѣ, то всѣ развеселились, а затѣмъ, когда онъ разска-

залъ о своихъ приключеніяхъ и обличилъ коварство братьевъ, царь выдалъ дочь за него, а его братьевъ велѣлъ разстрѣлять.

б). У царя было три сына: два умныхъ, а третій дуракъ. Такъ какъ въ царскомъ саду каждую ночь кто-то обрывалъ черешни, то царь велѣлъ сыновьямъ по очереди сторожить ихъ. Оба умныхъ сына проспали всю ночь и не поймали вора. Только дуракъ, обложившись терновникомъ, не уснулъ, такъ что увидѣлъ золотую птичку, которая прилетала клевать черешни; но онъ не успѣлъ поймать ее, а только вырвалъ у нея хвостъ, который и показалъ утромъ отцу. Послѣдній же велѣлъ тогда сыновьямъ достать ему и самую птицу.

Братья поѣхали, но дуракъ, взявшій самую плохую лошадь, скоро отсталъ отъ нихъ, а затѣмъ, отдавъ лошадь на съѣденіе голодному волку, вскочилъ на послѣдняго и велѣлъ везти себя къ золотой птицѣ. Волкъ привезъ его къ замку, въ которомъ находилась эта птица, но совѣтовалъ брать ее одну, безъ клѣтки. Дуракъ не послушался, а хотѣлъ взять также и золотую клѣтку, которая произвела при этомъ такой шумъ, что сторожа проснулись и схватили его, однако, потомъ обѣщали дать ему птицу, если онъ привезетъ имъ взамѣнъ золотую бричку. Онъ поѣхалъ тогда на волкѣ за бричкой, но опять былъ схваченъ сторожами, такъ какъ, вопреки совѣту волка, хотѣлъ захватить, кромѣ брички, еще и серебряное сѣдло. Здѣсь потребовали отъ дурака взамѣнъ за бричку—золотыхъ лошадей, которыхъ онъ, однако, опять не досталъ, такъ какъ снова нарушилъ совѣтъ волка и пытался взять вмѣстѣ съ ними и уздечки. Однако, эти сторожа, въ свою очередь, обѣщали отдать ему лошадей, если онъ достанетъ имъ золотую дѣвицу. Въ этотъ разъ онъ уже послушался волка и счастливо унесъ дѣвицу, не тронувъ ея золотой короны. На обратномъ пути ему отдали золотыхъ лошадей, не взявъ дѣвицы, затѣмъ отдали бричку, не взявъ лошадей, а наконецъ, даромъ же отдали ему и золотую птицу.

Послѣ этого дуракъ разстался съ волкомъ и поѣхалъ домой. По дорогѣ онъ встрѣтилъ своихъ двухъ братьевъ и принялъ ихъ въ бричку, послѣ чего тотчасъ все, предчувствуя бѣду, осоловѣло: и дѣвица, и птица, и лошади, и бричка. Дорогой

братья срубили дураку голову и бросили ее въ одну сторону, а туловище въ другую, и поѣхали домой. Однако, волкъ нашелъ голову и туловище дурака, сложилъ ихъ вмѣстѣ и помазалъ своими мазями, и дуракъ ожилъ. Тогда они пошли вмѣстѣ къ царю. Тамъ на дворѣ волкъ велѣлъ дураку сдвинуть плиту, послѣ чего онъ обратился въ человѣка и оказался принцемъ, котораго злая волшебница превратила на тысячу лѣтъ въ волка, а теперь дуракъ освободилъ отъ заклятья. Затѣмъ они вошли оба во дворецъ къ царю, гдѣ старшій братъ уже праздновалъ свадьбу съ золотой дѣвицей, но при этомъ все было грустно; когда же появились они оба, все сразу развеселилось. Они разсказали царю о предательствѣ братьевъ, послѣ чего дуракъ женился на золотой дѣвицѣ, а братья его были изгнаны прочъ.

Параллели: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 76—84, V, 34—43; S. Barącz: Bajki, 183—186; Kolberg: Pokucie, IV, 113—118; его-же: Lud, VIII, 48—52; Рудченко: Сказки, I, 153—156; Чубинскій: Труды, II, 297—300; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 250—253; Federowski: Lud białor., II, 42—44, 58—62; Weryho: Pod. białor., 38—42; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 258—263, 266—267; Худяковъ: Великор. ск., I, 1—7; Ончуковъ: Сѣв. ск., 235—238; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 136—147, IV, 159—161; Смирновъ: Сист. указат.—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVII—3, 161—163; „Сб. Кавк.“, XXXIII, 3, 35—40; „Zbiór wiad.“, VII, 70—73, VIII, 306—308, XI, 96—98, XII, 51—54; „Mat. antr.“, V, 142—146, 238—239, VI, 167—169, X, 253—254; Chełkowski: Opow. Przasn., I, 202—214; Ciszewski: Krakowiacy, I, 186—188; Gliński: Baj. pol., I, 11—31; Трейландъ: Лат. ск., 211—229; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 24—30, 267—271; Leskien-Brugmann: Lit. M., 363—375, 530—537; Beneš-Třebizský: Nár. poh., 61—72; „Národop. Sb.“, IV—V, 176, VI, 222, VII, 220; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 12—19; „Arch. f. sl. Phil.“, XVII, 578, XXXI, 274; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 56—64; Schott: Wal. M., 253—262; Radloff: Proben, I, 42—59, IV, 146—154; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера“, 192; „Or. u. Occ.“, II, 685—686; Büttner: Märch. Suaheli, 113—125; Grimm: K. H. M., I, 290—298, III, 98—100, 308; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 503—515; Köhler: Kl. Schr., I, 110, 264—265, 537—541.

Мотивъ о воронѣ, приносящемъ живую воду, см. еще: Роздольскій: Казки, I, 35; „Наука“, 1894, I—II, 52; Гринченко: Этн. мат., I, 162—163; Ястребовъ: Матеріалы, 148; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 112; Шейнъ: Матеріалы, II, 51—52, 79, 91, 177; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 43—44, 72, 139, 231, 237—238, 250, VI, 12, 228, 318, 330—331; Добро-

вольскій: Смол. сб., I, 409—410, 452—453; Weryho: Pod. białor., 30—31; Federowski: Lud białor., I, 113, 126, II, 40—41, 61, 85, 116; Худяковъ: Великор. ск., I, 18—19, II, 42—43, III, 128—129; Эрленвейнъ: Нар. ск., 10, 62, 137, 166; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 145—146, 262, 278, II, 12; Ончуковъ: Сѣв. ск., 22—23, 267; Миллеръ: Очерки, I, 226; Костомаровъ: Памятники, II, 321; „Zbiór wiad.“, XII, 30; Трейландъ: Лат. ск., 228; Grundtvig: Dän. Vm., II, 20—21; Radloff: Proben, II, 196—199.

24.

Герой освобождаетъ три царевны.

а). Сынъ кузнеца до 8-ми лѣтъ сосалъ материнскую грудь и сидѣлъ за печкою, а затѣмъ, призвавъ своихъ крестныхъ родителей, вдругъ соскочилъ съ печки, причемъ, отъ своей великой силы, погрязъ по колѣни въ землю. Послѣ этого, взявъ съ собою желѣзную палку въ 3 цэтнара и цѣпь въ 50 саженъ, онъ пошелъ въ свѣтъ.

Въ одномъ селѣ онъ увидѣлъ въ церкви гробъ, висѣвшій въ воздухѣ, узнавъ же, что въ немъ лежитъ несостоятельный должникъ, онъ уплатилъ за мертваго всѣ долги, послѣ чего гробъ опустился на землю и былъ похороненъ.

Сынъ кузнеца пошелъ дальше и встрѣтилъ въ лѣсу двухъ разбойниковъ, съ которыми и поселился вмѣстѣ въ лѣсной хатѣ. Два раза ходилъ онъ съ однимъ изъ товарищей на охоту, между тѣмъ, какъ другой оставался варить обѣдъ, и оба раза приползало въ хату малое дитя, съѣдало весь обѣдъ, выдирало у повара полосу кожи изъ спины и вѣшало ее на стѣнѣ, а затѣмъ куда-то исчезало. Наконецъ, сынъ кузнеца остался уже самъ варить обѣдъ, когда же опять явилось дитя и потребовало ѣсть, онъ избилъ его своей желѣзной палкой такъ, что оно еле убѣжало, оставляя кровавый слѣдъ по землѣ, въ свою нору.

Взявъ палку и цѣпь, герой пошелъ съ обоими товарищами по слѣдамъ къ норѣ, въ которой скрылось дитя. Такъ какъ товарищи не хотѣли спуститься въ нее, то онъ самъ спустился туда на цѣпи и увидѣлъ, что это былъ адъ, а въ числѣ діяволовъ находилось и то малое дитя, которое являлось въ ихъ хату. Тутъ онъ сталъ избивать чертей своей палкой,

пока они не отдали ему трехъ царевенъ, похищенныхъ ими со свѣта. Затѣмъ онъ привязалъ къ цѣпи корыто, въ которомъ товарищи его подняли наверхъ всѣхъ трехъ царевенъ, послѣ чего, предчувствуя измѣну, онъ не сѣлъ въ него самъ, а положилъ туда камень, который коварные товарищи, поднявъ на половину, сбросили внизъ, а сами съ царевнами ушли въ свою хату.

Оставленный въ аду, сынъ кузнеца снова принялся избивать чертей, чтобы они вынесли его на свѣтъ. Выбравшись, такимъ образомъ, наверхъ, онъ нашелъ товарищей въ той-же хатѣ, но царевенъ діяволы снова похитили и унесли на стеклянную гору. Онъ пошелъ съ товарищами къ этой горѣ, велѣлъ зашить себя, вмѣстѣ съ палкой и цѣпью, въ лошадиную шкуру и, притаившись, лежалъ такъ, пока не прилетѣла къ нему большая птица и унесла его на верхъ горы, гдѣ были ея птенцы. Когда птица проклевала въ шкурѣ дыру, онъ отогналъ ее палкой и вышелъ изъ шкуры, а затѣмъ вновь освободилъ царевенъ отъ діявола и опустилъ ихъ на цѣпи на землю, самъ же долженъ былъ остаться на горѣ, такъ какъ одному нельзя было спуститься внизъ. Вдругъ прилетѣла маленькая птичка и, распустивъ огромныя крылья, снесла его на себѣ на землю, послѣ чего открылась ему, что она—душа того бѣдняка, за котораго онъ заплатилъ въ церкви долги.

Между тѣмъ, царевны съ товарищами героя, въ увѣренности, что онъ уже не вернется со стеклянной горы, отправились къ своему отцу—царю и готовились уже играть съ ними свадьбу. Тутъ, однако, явился къ нимъ вдругъ сынъ кузнеца, который и женился на оставшейся ему вѣрной младшей царевнѣ.

б). У царя и царицы не было дѣтей. Однажды ворожея принесла рыбу, съѣвъ которую царица родила трехъ дочерей, а кухарка—отъ остатковъ—одного сына. Но ворожея продала дочерей царицы діяволамъ, которые и унесли ихъ ночью къ себѣ.

Когда сынъ кухарки подросъ, онъ пошелъ отыскивать царевенъ. По дорогѣ онъ встрѣтился съ двумя рабочими и взялъ ихъ съ собою. Въ лѣсу они встрѣтили, одного за другимъ, трехъ мужиковъ, обладавшихъ чудеснымъ нюхомъ, и тѣ ука-

зали имъ мѣстопребываніе царевенъ—на западѣ, въ глубокомъ колодцѣ подъ землей. Прійдя къ этому колодцу, кухаркинъ сынъ велѣлъ товарищамъ опустить себя на канатѣ внизъ и ждать его 3 дня.

Подъ землею онъ нашелъ сперва старшую царевну и попросилъ дать ему то, что ея мужъ—діяволъ ѣстъ и пьетъ: полъ вола и полъ бочки пива. Съѣвъ и выпивъ все это, онъ засѣлъ подъ мостомъ, черезъ который долженъ былъ проѣзжать діяволъ, и убилъ его. Затѣмъ онъ пошелъ къ средней сестрѣ, съѣлъ у нея цѣлаго вола и выпилъ цѣлую бочку пива, послѣ чего убилъ также и ея мужа на мосту. Наконецъ, у самой младшей царевны онъ съѣлъ двухъ воловъ и выпилъ двѣ бочки пива, затѣмъ подъ мостомъ переставилъ бочки съ водою и, во время боя съ діяволомъ, самъ напился сильной воды, а ему предоставилъ слабую, послѣ чего уже легко справился съ нимъ тоже. Потомъ онъ отвелъ царевенъ къ колодцу, черезъ который его товарищи вытащили ихъ на канатѣ наверхъ, а вмѣсто себя, привязалъ къ канату камень, который они подняли до половины и затѣмъ пустили внизъ, сами же съ царевнами пошли къ ихъ отцу—царю. А кухаркинъ сынъ, между тѣмъ, проблродивъ подъ землею 3 дня, подстерегъ ночью летучаго оленя и вылетѣлъ на немъ на свѣтъ, причемъ захватилъ съ собою изъ ямы башмаки, вуаль и кружево царевенъ, а кромѣ того, получилъ отъ оленя три волшебныхъ волоска.

Возвратившись въ городъ, гдѣ жилъ царь съ царевнами, кухаркинъ сынъ поступилъ на работу къ кузнецу, причемъ неоднократно проявлялъ такую необыкновенную силу, что всѣ стали его бояться: такъ, однимъ ударомъ огромнаго молота онъ вбилъ наковальню въ землю, а затѣмъ вытащилъ ее одной рукой назадъ; то опять унесъ на плечахъ, не заплативъ ничего, все желѣзо изъ лавки, а другой разъ—всѣ мѣшки съ мукою.

Между тѣмъ, старшая царевна объявила большую награду тому, кто сошьетъ ей такіе башмаки, какіе она носила подъ землею. По настоянію работника, кузнецъ взялся сшить ихъ, а затѣмъ отнесъ царевнѣ тѣ башмаки, которые тотъ вынесъ изъ-подъ земли, въ виду чего не только получилъ обѣщанную награду, но также былъ приглашенъ, вмѣстѣ со своимъ работникомъ, на свадьбу царевны съ однимъ изъ вытянувшихъ ее изъ ямы рабочихъ. Въ день свадьбы кухаркинъ сынъ вынулъ черный оленій волосъ и сейчасъ сталъ бариномъ на черномъ

конѣ, отбилъ царевну отъ рабочаго и самъ повѣнчался съ ней, а затѣмъ опять сѣлъ на коня и ускакалъ обратно къ кузнецу. Черезъ нѣкоторое время объявила опять средняя царевна награду тому, кто сплететъ ей такой вуаль, какой она имѣла въ ямѣ. Кухаркинъ сынъ послалъ ей черезъ кузнеца ея вуаль и былъ также приглашенъ на ея свадьбу съ вторымъ рабочимъ, затѣмъ вынулъ сѣрый волосъ оленя и сдѣлался бариномъ въ сѣромъ мундирѣ на сѣромъ конѣ, повѣнчался съ царевной и ускакалъ опять къ кузнецу. Наконецъ, младшая царевна, которая должна была выйти замужъ за царевича, объявила тоже, что выйдетъ за того, кто сплететъ ей такое кружево, какое было у нея подъ землей. Кухаркинъ сынъ отослалъ ей кружево, а затѣмъ, въ день свадьбы, вынулъ послѣдній, бѣлый волосъ оленя и сдѣлался бариномъ на бѣломъ конѣ, нагналъ свадебный поѣздъ на дорогѣ, открылся во всемъ и, вмѣсто царевича, обвѣнчался съ царевной, съ которой уже и остался на царствѣ. Обѣихъ же старшихъ царевенъ онъ отдалъ въ жены рабочимъ, которые ихъ вытащили изъ ямы, но въ то-же время, за измѣну, изгналъ этихъ послѣднихъ вонъ изъ страны.

Параллели: Роздольскій: Казки, II, 33—35, 49—55; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 162—165, 172—176; „Наука", 1897, IV—V, 283—290; Kaindl-Manastyrski: Die Rutenen, II, 75—94; Драгомановъ: Преданія, 255—256; Манжура: Сказки, 18—21, 43—45; Чубинскій: Труды, II, 207—214, 231—235; Гринченко: Этн. мат., I, 181—183; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 70—73, 78—92, 95—99, 102—110, VI, 318—327, 340—354, 356—360; Сумцовъ: Разб. Ром., 82—83; Шейнъ: Матеріалы, II, 86—88, 102—116, 149—151; Добровольскій: Смол. сб., I, 410—416, 630—631; Federowski: Lud bialor., I, 132—135, II, 87—90, 332—333; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 125—141, 170—181, 217—219; Худяковъ: Великор. ск., I, 7—14, II, 14—33, 40—43, III, 1—6; его-же: Матеріалы, 101—118; Эрленвейнъ: Нар. сказки, 13—22, 125—126, 163—167; Иваницкій: Мат. волог., 172—174; Ончуковъ: Сѣв. ск., 94—97, 213—219, 510—514; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 183—187; Веселовскій: Разысканія, XXII, 158—161; „Этн. Об.", XII, 60, XIX, 217—219, XXII, 109, XXXIV, 155; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII—4, 349, IX—1, 434—435, XII—3, 377, 380—381; „Сб. Кавк.", VI, прил., 7—28, VII, 1, 128—141, IX, 2, 189—199, X, 2, 283—287, 3, 54—61, XIII, 2, 65—70, 107—116, 123—126, XIV, 2, 102—134, XV, 2, 29—45, XVIII, 3, 47—48, 393—402, XXI, 2, 1—8, XXXV, 2, 80—85, XXXVI, 3, 157—182, XLII, 2, 71—79, 91—101; Kolberg: Lud, III, 113—115, VIII, 76—81, XIV, 94—99, 103—113, XVII, 183—185; Ciszewski: Krakowiacy, I, 153—159; Chełkowski: Pow. Przasn., I, 214—232; „Lud",

VI, 348—350; „Wisla“, XI, 295—297, 455—457; „Zbiór wiad.“, VII, 78—79, IX, 97—99, XI, 104—106, XV, 3—9; „Mat. antr.“, V, 7—9, 34—35, 211—214, VI, 148—150, X, 267—269, XI, 40—42; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 4—23, 138—141, 304—317, 353—363, II, 73—76, 284—286, 289—291; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 393—395, II, 353—362; его-же: Anthropophyteia, III, 284—290; Добросављевић: Приповетке, 56—61; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 43—49; Strohal: Hrv. pripov., I, 93—94, 100—101, 105—106; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 290—293; „Č. Lid“, V, 80—83, VI, 197—198, 239—244, 597—598; Němcova: Nár. báchorky, I, 31—39, II, 196—210; „Národop. Sb.“, III, 102; „Arch. f. slav. Phil.“, V, 27—32, XIX, 252—254, XXI, 268—269, 298, XXVI, 465, 468, XXXI, 267, 273; Трейландъ: Лат. ск., 62—67, 144—157; Schleicher: Lit. M., 128—140; Leskien-Brugmann: Lit. M., 407—410; Grimm: K. H. M., II, 29—34, 323—330, III, 158—166, 245; Müllenhoff: Sagen, 437—442; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 66—70; „Germania“, XXXIII, 226—231; Gonzenbach: Sic. M., II, 7—13, 24—39, 50—52, 238—240; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 81—85; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 185—191, II, 49—62, 294—295; Carnoy-Nicolaides: Trad. pop. de l'Asie Min., 75—90; Schott: Wal. M., 135—138; Miklosich: Mundarten Zig., IV, 281—285, 288—292; „Ung. Revue“, IX, 35; Гомбоевъ: Шидди-Куръ, 21—26; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказ.—„Сб. Миллера“, 188—189, 193; Потанинъ: Очерки, IV, 194—198, 529—530, 782—787; „Or. u. Occ.“, II, 297—300; Landau: Die Quellen d. Dekameron, 330—331; Köhler: Kl. Schr., I, 68, 191—195, 292—296, 326, 437, 543—546.

Мотивъ о сиднѣ, встающемъ вдругъ на ноги, заимствованъ здѣсь, повидимому, изъ былинной традиціи о чудесномъ исцѣленіи Ильи Муромца. Ср. напр.: Миллеръ: Очерки, I, 362—391; Буслаевъ: Нар. поэзія, 106; Ровинскій: Р. нар. карт., IV, 6; Веселовскій: Мелкія замѣтки къ былинамъ—„Ж. М. Н. Пр.“, 1890, III, 6—18; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 217, 246, 249—251; Садовниковъ: Сам. ск., 56; Иваницкій: Мат. вологод., 168; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 259, IV, 17; Добровольскій: Смол. сб., I, 397; „Этн. Об.“, XII, 122; Сумцовъ: Очерки, 125, Трейландъ: Лат. ск., 144—145; „Arch. f. slav. Phil.“, XXI, 283.

Мотивъ о благодарномъ мертвецѣ вообще см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 77—82; Роздольскій: Казки, II, 70—71, 107—110; Шейнъ: Матеріалы, II, 66—68: Добровольскій: Смол. сб., I, 165; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 313—317, IV, 143—146, VI, 468; Сумцовъ: Разб. Ром., 56; Weryho: Pod. bialor., 45—48; Federowski: Lud bialor., II, 209; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 253; Худяковъ: Великор. ск., III, 166; Садовниковъ: Сам. ск., 42—47; Ончуковъ: Сѣв. ск., 370—375, 423—425; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 149—155; „Ж. Ст., IV, 15—16; „Сборн. Кавк.“, IX, 2, 199—207, XXIII, 3, 8—13, XLII, 2, 30—37, 39—42; Kolberg: Lud, XIV, 179—181; „Mat. antr.“, V, 127—129, VI, 333—335; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 432—436, 448—449; Трейландъ: Лат. ск., 249—261; „Č. Lid“, IX, 96—99; Němcova: Nár. báchorky, II, 142; „Летопис Мат. Срп.“, CCIX, 60—73; Шапкаревъ:

Сб. умотв., VIII, 131—134, 263—265, IX, 455—457; Поливка: Бѣлѣжки, 12—13; „Národop. Sb.“, VI, 217; „Arch. f. slav. Phil.“, II, 632—633, V, 40—44, XIX, 251; Luzel: Lég. chrét., I, 75—77; Bladé: Contes gasc., II, 67—90; „Germania“, III, 199, XII, 55, XXVI, 199—203; v. d. Hagen: Gesammtabenteuer, I, 101—128; Grimm: K. H. M., III, 289; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 504—511; Landau: Die Quellen d. Dekameron, 210—211; „Or. u. Occ.“, II, 174—176, 322—329, III, 93, 199—209; Benfey: Pantschatantra, I, 219—221; Simrock: Der gute Gerhard u. die dankbaren Toten, 1856; Дроздовъ: Типъ благодарнаго умершаго—„Труды К. Дух. Ак.“, 1901, VII; Köhler: Kl. Schr., I, 5—32, 80—81, 131, 220—228, 424—428, 441—444, II, 263—265, 568.

Мотивъ о стекляной горѣ см. ниже—№ 28.

Мотивъ о зашиваніи героя въ шкуру, въ которой его затѣмъ птица выноситъ на верхъ горы, см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 15; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 65—67; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 315, II, 118—119, 166—167; Эрленвейнъ: Нар. сказки, 160; Пыпинъ: Очеркъ, 224, 226—227; Лопаревъ: Слово о нѣкоемъ старцѣ, 18—19; „Сб. Кавк.“, XVI, 1, 26, XLII, 2, 40—41; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 252; Поливка: Бѣлѣжки, 20; Gonzenbach: Sic. M., I, 30; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 132—133; „Zs. Ver. Vk.“, VI, 61; Köhler: Kl. Schr., I, 260; Клингеръ: Сказ. мот. Герод., 165.

Мотивъ о чудесномъ рожденіи отъ вкушенія рыбы см.: Роздольскій: Казки, II, 52; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 39, V, 230; S. Barącz: Bajki, 175; Чубинскій: Труды, II, 252, 256—257; Рудченко: Сказки, I, 81; Манжура: Сказки, 24—25, 28, 33; Nowosielski: Lud ukr., I, 254—258; Драгомановъ: Розвідки, III, 245—246; Шейнъ: Матеріалы, II, 102; Добровольскій: Смол. сб., I, 405, 416—417; Романовъ: Бѣлор. сборн., III, 110—111, VI, 248, 255—256, 262—263; Сумцовъ: Разб. Ром., 80—81; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 154, 160, 162, 170; Худяковъ: Великор. ск., II, 43; Эрленвейнъ: Нар. ск., 8—9, 92; Иваницкій: Мат. вологод., 170; Ончуковъ: Сѣв. ск., 79; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XII—3, 383; Веселовскій: Разысканія, XXII, 162; его-же: Поэтика, II—1, 45, 58—59; „Zbiór wiad.“, III, 69—70, XV, 10; „Mat. antrop.“, X, 262, XI, 36; „Lud“, V, 170; Kolberg: Lud, VIII, 63—64; Трейландъ: Лат. ск., 205; Leskien-Brugmann: Lit. M., 385—386, 546—547; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 465—466; „Arch. f. slav. Phil.“, XVII, 573, XIX, 253, XXI, 298, XXXI, 266; Grundtvig: Dän. Vm., I, 279; Basile: Pentamerone, I, 124—125; Gonzenbach: Sic. M., I, 269—270; Bladé: Contes gasc., I, 277—279; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 166, II, 267—268; „Or. u. Occ.“, II, 118—120; Grimm: K. H. M., I, 427; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 534—545; Köhler: Kl. Schr., I, 179—180, 368—369, 387.— О чудесныхъ рожденіяхъ вообще (отъ вкушенія различныхъ фруктовъ, цвѣтовъ, зеренъ, воды и т. д.) см.: Ю. А. Яворскій: Die Mandragora im südruss. Volksglauben—„Zs. f. österr. Vk.“, II, 360; Игн. изъ Никловичъ: Казки, 61; Роздольскій: Казки, II, 32—33; Kaindl-Manastyrski: Die Rutenen, II, 79; Чубинскій: Труды, I, 212; Малинка: Сб. мат., 294, 297; Гринченко:

Этн. мат., II, 259—260; Драгомановъ: Преданія, 260, 432; его-же: Розвідки, III, 140—141, 244—248; Шейнъ: Матеріалы, II, 68, 86, 89; Добровольскій: Смол. сб., I, 625; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 142—152; Садовниковъ: Сам. ск., 133; Ончуковъ: Сѣв. ск., 17; „Сб. Дашк.", III, 166—167; Буслаевъ: Очерки, I, 325; Веселовскій: Разысканія, II, 121, X, 418—423, его-же: Поэтика, II—1, 58—62; „Этн. Об.", XVI, 190, XXII, 119—120, LI, 7; „Сб. Кавк.", II, 2, 121, III, 2, 118—119, VII, 1, 143, 2, 141—142, 164—165, IX 2, 189—190, X, 2, 249—251, 3, 56, XVIII, 3, 17, 23, XX, 2, 17—19, XXI, 2; 225—238, XXVI, 2, 26; „Zbiór wiad.", V, 224; Kolberg: Lud, VIII, 52; Němcova: Nár. báchorky, I, 45—46; Sobotka: Rostlinstvo, 153—154; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 19—20, IX, 334, 469; Трейландъ: Лат. ск., 193; Leskien-Brugmann: Lit. M., 542—547; Krauss: Die Zeugung, I, 259, 263, 267; „Ung. Revue", VIII, 330, IX, 34; Schott: Wal. M., 263—265; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 79—80; Schmidt: Griech. M., 104, 120; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 79, 90, II, 33—34, 186, 197, 214—215; Basile: Pentamerone, I, 239—240; Pedersen: Zur alb. Vk., 20; Остроумовъ: Сарты, II, 3, 9—10; Benfey: Pantschatantra, I, 266; Liebrecht: Gerv. v. Tilbury, 68—73; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 534—545; Köhler: Aufsätze, 27—28; его-же: Kl. Schr., I, 175, 179—180, 369, 387, 512, II, 241.

25.

Медвежье-ушко.

Мужъ съ женой пошли въ лѣсъ. Тамъ медвѣдь похитилъ жену, а затѣмъ жилъ съ нею 3 года, причемъ у нея родился мальчикъ—Медвежье-ушко. На четвертый годъ она послала медвѣдя принести ей решетомъ воды, а сыну тѣмъ временемъ велѣла испытать свою силу—потрясти дубъ, но, когда онъ потрясъ, то посыпались только вѣтки. Тогда она ростила сына еще 3 года, а затѣмъ снова послала медвѣдя съ решетомъ за водой, а сыну велѣла потрясти дубъ, но теперь онъ оказался уже достаточно сильнымъ и повалилъ дубъ на землю. Тогда они стали убѣгать, а когда медвѣдь нагналъ ихъ, то мальчикъ убилъ его, послѣ чего они уже спокойно вернулись къ ея мужу—помѣщику и остались при немъ на хозяйствѣ.

По веснѣ нужно было вывозить навозъ; Медвежье-ушко велѣлъ убить нѣсколько воловъ и сшить изъ ихъ шкуръ мѣшокъ, въ которомъ и вынесъ весь навозъ на поле. Потомъ также велѣлъ продать лошадей и самъ вспахалъ все поле. Тогда баринъ, испугавшись его силы и желая избавиться отъ него,

велѣлъ ему копать колодецъ, а затѣмъ, когда онъ работалъ въ немъ, бросить на него сверху тяжелый желѣзный колоколъ; но онъ только подулъ, и колоколъ вылетѣлъ наверхъ.

Послѣ этого Медвежье-ушко ушелъ въ свѣтъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ, одного за другимъ, трехъ мужиковъ, которые назывались Ломи-лѣсъ, Разсунь-гора и Заставъ-вода, и взялъ ихъ всѣхъ трехъ съ собою. Дорогой Ломи-лѣсъ проломалъ непроходимый лѣсъ, Разсунь-гора отодвинулъ въ сторону гору, а Заставъ-вода запрудилъ большую воду, послѣ чего они пришли въ лѣсную хату и стали въ ней жить. Утромъ трое отправились на охоту, а Ломи-лѣсъ остался варить обѣдъ, какъ вдругъ пришла бѣда и избила его, а затѣмъ ушла прочь. То-же самое случилось на другой день съ Разсунь-горой, а на третій—съ Заставъ-водой. Тогда уже остался дома Медвежье-ушко, а когда пришла къ нему бѣда, онъ поймалъ ее, избилъ и бросилъ въ оврагъ. Когда же вернулись товарищи съ охоты, они всѣ вмѣстѣ полѣзли въ оврагъ добивать бѣду, но встрѣтили тамъ много другихъ бѣдъ, которыя и убили ихъ всѣхъ на-смерть.

Параллели: Основной сюжетъ сказки—о богатырѣ, освобождающемъ изъ-подъ земли похищенныхъ чертями или драконами женщинъ,—въ данномъ случаѣ, къ сожалѣнію, сильно спутанный и оборванный на половинѣ, см. выше—№ 24.

Мотивъ о происхожденіи богатыря отъ связи женщины съ медвѣдемъ или мущины съ медвѣдицей см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 33-39; Kolberg: Pokucie, IV, 177—178; Драгомановъ: Преданія, 255; Гринченко: Этн. мат., I, 181; Шейнъ: Матеріалы, II, 110—111; Романовъ: Бѣлор. сб., VI, 60, 340; Federowski: Lud białor., II, 332; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 175, 179, 202, 205; Садовниковъ: Сам. ск., 150; Ончуковъ: Сѣв. сказки, 94, 213—214; „Сб. Кавк.", XIV, 2, 125, XIX, 2, 1, XXXVI, 3, 158; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII—4, 345; „Lud", VII, 143; „Mat. antr.", V, 174; „Караџиђ", III, 69; Krauss: Anthropophyteia, III, 284; Трейландъ: Лат. ск., 152; Hahn: Griech. u. alb. M., II, 72; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 81; Grimm: K. H. M., III, 339—341; „Arch. f. slav. Phil.", XIX, 250, 253, XXI, 268—269, 298, XXVI, 465, XXXI, 267, 273; Köhler: Kl. Schr., I, 68, 543—544.

Мотивъ объ испытаніи силы посредствомъ вырыванія деревьевъ см.: Роздольскій: Казки, II, 49, 146; Kolberg: Pokucie, IV, 178; Шейнъ: Матеріалы, II, 111; „Lud", VII, 143; „Zbiór wiad.", XV, 9; Dobšinský: Prostonár. pov., V, 52; Grimm: K. H. M., II, 20—21; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 66.—Ср. также испытаніе силы послѣ исцѣленія Ильи Муромца—Миллеръ: Очерки, I, 362—391.

Мотивъ о товарищахъ-силачахъ см.: Роздольскій: Казки, II, 33—34, 49; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 162; Kaindl-Manastyrski: Die Rutenen, II, 82—84; Драгомановъ: Преданія, 256—257 Гринченко: Этн. мат., I, 181—182; Шейнъ: Матеріалы, II, 86, 112, Романовъ: Бѣлор. сб., III, 70, VI, 125, 136—137, 147—148, 320—321, 340, 356; Добровольскій: Смол. сб., I, 410—411; Federowski: Lud białor., II, 186, 332; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 176, 178—180; Худяковъ: Великор. ск., II, 40—41; Эрленвейнъ: Нар. ск., 125; Ончуковъ: Сѣв. ск., 96, 215—216; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XII—3, 383, 385; „Сб. Кавк.", VI, прил., 21—22, IX, 2, 192—193, X, 3, 57, XIV, 2, 128—129, XVIII, 3, 394, XXI, 2, 4, XXXVI, 3, 166—168, XLII, 2, 72—73; Kolberg: Lud, VIII, 77—78, XIV, 95—96, XVII, 183; Ciszewski: Krakowiacy, I, 153—157; Трейландъ: Лат. ск., 146—148, 151—152, 155—156; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 67—68; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 81—83; Grimm: K. H. M., II, 326; „Arch. f. slav. Phil.", XIX, 253, XXI, 268—269, 298, XXVI, 468; Köhler: Kl. Schr., I, 293—294, 543—544.

Мотивъ о силачѣ-работникѣ см. дальше—№ 81.

26.

Сынъ трактирщика.

Сынъ трактирщика не хотѣлъ учиться своему дѣлу, а по смерти отца и совсѣмъ бросилъ его и ушелъ въ свѣтъ, взявъ съ собою только свою любимую собаку. Въ лѣсу охотникъ застрѣлилъ его собаку, но Богъ, трикратно явившійся ему въ видѣ странника, видя его искреннее горе, подарилъ ему взамѣнъ за пес своихъ трехъ собакъ—ангеловъ, а также свистокъ, чтобы призывать ихъ въ бѣдѣ на помощь.

Съ этими собаками онъ пошелъ дальше и попалъ въ лѣсу въ разбойничій дворъ, хозяинъ котораго, подъ видомъ обученія его трактирному дѣлу, повелъ его черезъ комнаты, наполненныя разнымъ оружіемъ, а наконецъ, въ послѣдней изъ нихъ, заваленной порѣзанными людьми, подвелъ его къ наковальнѣ и тутъ хотѣлъ его тоже убить. Тогда сынъ трактирщика свиснулъ 3 раза, послѣ чего сейчасъ прибѣжали его собаки и стали рвать разбойника, который, пытаясь откупиться, отдалъ ему волшебную табакерку, сворачивавшую мгновенно, по мысли владѣльца, любую голову. Тѣмъ не менѣе, собаки тутъ-же разорвали разбойника и его жену, а затѣмъ еще другихъ 24 разбойниковъ, которые скрывались въ особой комнатѣ.

Послѣ этого собаки открылись ему, что они—духи, и, обѣщавъ являться къ нему на троекратный свистокъ, исчезли.

А сынъ трактирщика пошелъ одинъ дальше и пришелъ въ городъ, въ которомъ сатана каждый день съѣдалъ по человѣку; а такъ какъ сегодня очередь дошла до царской дочери, то ее какъ разъ понесли въ торжественной процессіи къ нему на съѣденіе. Когда ее оставили тамъ одну, сынъ трактирщика подошелъ вмѣстѣ съ нею къ сатанѣ, покрутилъ своей табакеркой и свернулъ ему голову на-смерть. Благодарная царевна назвала его своимъ женихомъ, но, по его желанію, отложила свадьбу на годъ и дала ему на память половину своего кольца и платочка. Послѣ этого они разстались, какъ вдругъ на царевну бросился цыганъ съ ножомъ и, подъ угрозой смерти, заставилъ ее признать его своимъ избавителемъ и женихомъ, причемъ, однако, свадьба опять-таки была ею отложена на годъ.

Ровно черезъ годъ вернулся въ городъ сынъ трактирщика, но, узнавъ о предстоящей свадьбѣ царевны съ цыганомъ, не пошелъ сейчасъ въ царскій дворецъ, а переодѣлся нищимъ и зашелъ въ трактиръ, причемъ побился здѣсь съ хозяиномъ объ закладъ на его трактиръ, что завтра онъ, а не цыганъ, обвѣнчается съ царевной. На слѣдующій день онъ пошелъ къ царевнѣ, которая съ радостью его признала и, примѣривъ обѣ половинки кольца и платочка, разсказала все царю. Тогда цыгана привязали къ конскимъ хвостамъ на растерзаніе, сынъ же трактирщика женился на царевнѣ, а кромѣ этого, хотя онъ у своего отца и не хотѣлъ учиться трактирному дѣлу, выигралъ въ закладъ хорошій трактиръ.

Параллели: Federowski: Lud białor., I, 122—123; Kolberg: Przemyskie, 205—209; его-же: Lud, XIV, 86—93, 113—115; „Zbiór wiad.“, XVI, 45—46; „Mat. antr.“, V, 197—203, 205—211; Świętek: Lud nadr., 344—346; Václavek: Pohádky, I, 56—58; Leskien-Brugmann: Lit. M., 386—389; Schleicher: Lit. M., 4—6; Vinson: Folklore basque, 58—60; „Germania“, XX, 317—320; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 101—107; Grimm: K. H. M., I, 314—329; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 531—551; Köhler: Kl. Schr., I, 303—304, 326.

Мотивъ объ освобожденіи героемъ царевны отъ змѣя или діявола вообще см.: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 18—19, 94—96; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 104—110, V, 94—96; Роздольскій: Казки, II, 35—37, 45—47; Kolberg: Pokucie, IV, 85—89, 105—106; S. Bącz: Bajki, 241—242; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 148—149; Драгомановъ:

Преданія, 284—286; Рудченко: Сказки, I, 126—129; Романовъ: Бѣлор. сборн., III, 44—45, 54—55, 76—77, 138—140, 254—259, VI, 375—376, 385—392; Сумцовъ: Разб. Ром., 80, 82; Добровольскій: Смол. сб., I, 482—488, 506—508; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 212—214, 270—271, 280—281, II, 12, 16; Худяковъ: Великор. ск., III, 157—159; Эрленвейнъ: Нар. ск., 11—13; Иваницкій: Мат. волог., 175—176; Садовниковъ: Сам. ск., 30—31; Ончуковъ: Сѣв. ск., 18—21, 41—43; „Zbiór wiad.", XI, 88—89; „Mat. antr.", V, 24—25, 53—54, VI, 379—380; „Wisła", I, 307—309; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 340—343, 380—384; Трейландъ: Лат. ск., 194—195, 200—201, 205—206; Schleicher: Lit. M., 57—62; Němcova: Nár. báchorky, II, 55—63; Václavek: Pohádky, I, 54—58; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 30—33; „Arch. f. slav. Phil.", II, 638; Gonzenbach: Sic. M., I, 274—276, 302—304, II, 230; Stier: Ung M., 4—10; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 59—77, 82—88, 108—116; Schott: Wal. M., 140—144; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 308, II, 55—57; Carnoy-Nikolaides: Trad. pop. Asie Min., 80—85; Liebrecht: Zur Volkskunde, 65—73; Köhler: Kl. Schr., I, 303—305, 326; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 531—551.—Ср. также: Кирпичниковъ: Св. Георгій и Егорій Храбрый, 1879; Веселовскій: Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ—Разысканія, II и XXII; Рыстенко: Легенда о св. Георгіи и драконѣ въ византійской и славяно-русской литературахъ, 1909.—См. также ниже—№ 31 б.

Мотивъ о чудесныхъ собакахъ, помогающихъ герою, см. еще: Гнатюкъ: Ент. мат. Уг. Р., IV, 27—34; Рудченко: Сказки, I, 120—129; Ястребовъ: Матеріалы, 142—143; Малинка: Сб. мат., 279—282; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 76—77; Federowski: Lud białor., I, 120—123; Эрленвейнъ: Нар. ск., 49—50; Худяковъ: Матеріалы, 88—89; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 4—5, 15—16; Němcova: Nár. báchorky, II, 48—67; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 28—31; Красић: Нар. прип., II, 9—16; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 330—331; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 13—14, 230—232; „Ung. Revue", VI, 692—695; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 235—254, 375—377; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 531—553; Köhler: Kl. Schr., I, 303—305, 326.—Ср. также помогающихъ звѣрей—ниже № 29, 30 и 31 б.

Мотивъ о разбойничьемъ домѣ см. также ниже—№ 27 и 29.

Мотивъ о закладѣ съ трактирщикомъ см. еще: Federowski: Lud białor., I, 123; Václavek: Pohádky, I, 57—58; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 30—31; Schleicher: Lit. M., 59—60; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 112—116.—См. также ниже—№ 31 б.

27.

Таинственный рыцарь.

Понесъ мальчикъ своему отцу обѣдъ въ поле, но потерялъ оставленные имъ по дорогѣ слѣды изъ соломы, заблудился въ лѣсу и попалъ во дворъ къ 12-ти разбойникамъ, которые и оставили его у себя для услугъ, но запретили ему при этомъ открывать дверь, которая была завязана лыкомъ. Но однажды, въ отсутствіе разбойниковъ, мальчикъ открылъ эту дверь и увидѣлъ за нею 3-хъ коней—чернаго, сѣраго и бѣлаго. По ихъ совѣту, онъ взялъ съ окна 3 яблока, сѣлъ на коней и убѣжалъ. Когда же разбойники стали его догонять, онъ бросилъ назадъ одно яблоко, изъ котораго сдѣлался лѣсъ на 100 миль, потомъ другое, изъ котораго разлилась огромная рѣка, а наконецъ, третье, изъ котораго поднялся огонь на 100 миль, такъ что разбойники должны были возвратиться ни съ чѣмъ. Послѣ этого кони разстались съ нимъ, но предварительно дали ему свистокъ, посредствомъ котораго онъ могъ бы, въ случаѣ нужды, призвать ихъ на помощь.

Затѣмъ молодецъ пошелъ въ городъ, гдѣ поступилъ на службу къ королю и сталъ носить дрова. Между тѣмъ, началась война, и непріятель сталъ одолѣвать короля. Тогда молодецъ призвалъ свисткомъ своихъ коней, одѣлся въ привезенныя ими желѣзныя латы, сѣлъ на чернаго коня и одинъ разбилъ непріятельское войско, а въ награду за это попросилъ у короля письменное обѣщаніе—дать ему старшую дочь въ жены; затѣмъ онъ незамѣтно вернулся во дворецъ и сталъ снова носить дрова. Во вторую войну дровоносъ надѣлъ серебряныя латы и сѣлъ на сѣраго коня, снова побѣдилъ враговъ и взялъ отъ короля письменное обѣщаніе—выдать за него среднюю дочь, послѣ чего опять незамѣтно вернулся къ своей работѣ. Наконецъ, въ третью войну самъ король попалъ въ плѣнъ, но дровоносъ, надѣвъ золотыя латы и сѣвъ на бѣлаго коня, разбилъ опять непріятеля и освободилъ короля, причемъ, однако, и самъ былъ раненъ въ ногу, которую король тутъ-же перевязалъ ему своимъ платкомъ; получивъ опять отъ короля письменное обѣщаніе - отдать ему въ жены младшую царевну, онъ снова, неузнанный никѣмъ, вернулся на свою службу. Здѣсь,

однако, служанка замѣтила на его погѣ царскій платокъ и донесла объ этомъ королю, который потребовалъ отъ него по этому поводу объясненій. Тогда онъ, не скрываясь больше, призвалъ своихъ коней, надѣлъ золотыя латы, серебряную шапку и желѣзные сапоги и показалъ королю три его записи и платокъ, послѣ чего женился на младшей царевнѣ, а двумъ другимъ возвратилъ ихъ записи обратно.

Параллели: Роздольскій: Казки, II, 58—60; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 106–112, V, 57–60, 71–72; S. Bar ącz: Bajki, 98—100; Чубинскій: Труды, II, 216–219, 223–226; Рудченко: Сказки, I, 105—109, 112—115; Гринченко: Этн. мат., I, 152—155; Манжура: Сказки, 11—14, 40—43: Лесевичъ: Опов. Чмихала, 15—29; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 145—147, 151—154, VI, 29–36, 83—88; Добровольскій: Смол. сб., I, 476—477; Federowski: Lud białor., I, 95—96, II, 54—55; Аѳанасьевъ: Легенды, 101—104; его-же: Сказки, I, 110—111, 113, 117—118, II, 209—222; Худяковъ: Великор. ск., I, 21—25; его-же: Матеріалы, 37—38, 49, 90—94; Эрленвейнъ: Нар. ск., 161—163; Садовниковъ: Сам. ск., 77—80; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 162—169; Ждановъ: Р. был. эпосъ, 311–318; „Сб. Кавк.", VII, 1, 150—156, XV, 2, 100–103, XVIII, 3, 384—386, XXI, 2, 216—221, XXVI, 2, 46–50, XXXV, 2, 88—92; Ciszewski: Krakowiacy, I, 84—86, 180—182; Świętek: Lud nadr., 346—352; „Zbiór wiad.", XI, 291—292; „Mat. antr.", V, 178—179, VI, 362—363, 403—404; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 61—64, 386—388, II, 24—28; Němcova: Nár. báchorky, I, 172—177, 268—274; „Č. Lid", VII, 44—46; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 221—223; Strohal: Hrv. prip., I, 101—104; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 167—169, 252—255; „Arch. f. sl. Phil.", XXI, 300; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 44—46; Müllenhoff: Sagen, 420–426; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 258—261. Grimm: K. H. M., II, 246–250, III, 218—219; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 183–185; Liebrecht: Zur Volkskunde, 106–107; Köhler: Kl. Schr., I, 330—334, 388.—Ср. также ниже—№ 28 и 40.

Мотивъ о бѣгствѣ съ бросаніемъ разныхъ предметовъ—преградъ см. еще: Гнатюкъ: Легенды, II, 91; его-же: Етн. мат. Уг. Р., V, 111, 120; Роздольскій: Казки, II, 59, 62; „Наука", 1895, I—III, 159—160, 1896, VIII—XI, 605—606; Чубинскій: Труды, II, 142—143; Рудченко: Сказки, I, 119—120; Ястребовъ: Матеріалы, 155—156; Гринченко: Этн. мат., II, 346—347; Малинка: Сб. мат., 279; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 51, 60, 63—64, 178—180; Добровольскій: Смол. сб., I, 459—460, 505; Weryho: Pod. białor., 57—58; Federowski: Lud białor., I, 120, II, 68, 107, 111, 142, 327; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 69—70, 81, 84, 89, 100, 277, II, 4, 73, 75, 80—81; Худяковъ: Великор. ск., I, 3—5, II, 85; его-же: Матеріалы, 28—29, 37, 84—85, 90—92, 95, 100; Эрленвейнъ: Нар. ск., 117—118; Садовниковъ: Сам. ск., 17; Ончуковъ:

Сѣв. ск., 30, 148, 190, 310; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XII—3, 375; „Сб. Кавк.", VI, 2, 138—140, XVIII, 3, 41, XXXIII, 3, 28—29, XXXV, 2, 132—133, XLII, 2, 88—90; Kolberg: Lud, VIII, 24; Toeppen: Abergl. Mas., 146; „Lud", V, 172; „Zbiór wiad.", XI, 290—291; „Mat. antr.", V, 242, X, 251; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 280; Трейландъ: Лат. ск., 227—228, 239; Leskien-Brugmann: Lit. M., 379—385; „Č. Lid", VII, 44; Václavek: Pohádky, I, 74—77; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 72; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 347—348, II, 96—97; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 165—166, 168, 204—205; Поливка: Бѣлѣжки, 14—15, 17; „Arch. f. sl. Phil.", V, 22, XIX, 245, XXVI, 470, XXXI, 264; „Germania", XV, 178, 183; „Zs. Ver. Vk.", VI, 165; Grudtvig: Dän. Vm., I, 25—26, 56—57; Gonzenbach: Sic. M., I, 243, II, 55—56; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 66, II, 34—36; Stier: Ung. M., 33; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера", 200; Остроумовъ: Сарты, II, 18—19; Radloff: Proben, III, 383; Потанинъ: Очерки, IV, 240, 342, 350; Клингеръ: Сказ. мот. Герод., 95—97; Grimm: K. H. M., I, 399; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 97—98, 115—121; Köhler: Kl. Schr., I, 163, 166, 168, 171—174, 195, 433.— См. также ниже—№ 42.

28.

Стеклянная гора.

а). У крестьянина было три сына: два умныхъ, а третій дуракъ. Когда онъ умиралъ, то велѣлъ сыновьямъ 3 ночи по очереди караулить на его могилѣ. Оба старшихъ брата послали за себя дурака, такъ что всѣ 3 ночи ходилъ на могилу лишь онъ одинъ, причемъ получилъ отъ явившагося ему отца 3 волшебныхъ волоска.

Въ то время царь объявилъ по всему царству, что тотъ, кто поднимется на стеклянную гору, будетъ его зятемъ. Многіе юноши, въ томъ числѣ и старшіе братья дурака, пытались взобраться на гору, но безуспѣшно. Тогда дуракъ вынулъ черный волосъ, и предъ нимъ явился черный конь и черная одежда, съ которыми онъ и взъѣхалъ на гору, но потомъ вернулся домой и снова принялъ прежній видъ. Во второй разъ опять никто не успѣлъ взобраться на гору, только дуракъ, вынувъ красный волосокъ, снова выѣхалъ на нее на красномъ конѣ и въ красной одеждѣ, причемъ царевна надѣла ему на палецъ перстень, съ которымъ онъ снова скрылся домой. Въ третій разъ

дуракъ выѣхалъ на гору на сѣромъ конѣ и въ сѣромъ платьѣ, но болѣе уже не скрывался, а наоборотъ, потребовалъ обѣщанной награды за свой троекратный подвигъ, показалъ перстень, а затѣмъ уже женился на царевнѣ и самъ сталъ царемъ.

б). Семь братьевъ, изъ которыхъ шесть было умныхъ, а седьмой дуракъ, нанялись у одного барина на службу. Пошли умные братья пасти барановъ и встрѣтили по дорогѣ нищаго, но не дали ему хлѣба; въ лѣсу всѣ бараны разбѣжались, и братья вернулись вечеромъ ни съ чѣмъ. Тогда дуракъ пошелъ искать барановъ; по дорогѣ онъ встрѣтилъ того-же нищаго и далъ ему хлѣба, за что получилъ отъ него чудесную скрипку, съ помощью которой онъ собралъ всѣхъ барановъ и пригналъ ихъ домой. Потомъ опять послалъ баринъ умныхъ братьевъ стеречь лугъ отъ потравы, гдѣ къ нимъ ночью прилетѣла, прося хлѣба, сначала макотра, затѣмъ ложка и, наконецъ, миска, но они не дали имъ ничего; когда же они заснули, набѣжали какія-то лошади и потравили всю траву. На другую ночь пошелъ уже дуракъ на лугъ, причемъ онъ далъ хлѣба и макотрѣ, и ложкѣ, и мискѣ, а тѣ потомъ за это 3 раза его разбудили и дали ему каждая по золотой уздечкѣ, на которыя онъ затѣмъ поймалъ и привелъ домой трехъ коней.

Между тѣмъ, царь выстроилъ стеклянную гору и объявилъ, что тотъ, кто выѣдетъ на нее, женится на его дочери. Никто не могъ этого сдѣлать, только дуракъ, сѣвъ на одного изъ коней съ золотой уздечкой, выѣхалъ на гору, въ виду чего онъ потомъ и женился на царевнѣ.

Параллели: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 46—49; Роздольскій: Казки, I, 11—13, 36—39, II, 136—141; Драгомановъ: Преданія, 262—267; Чубинскій: Труды, II, 269—281; Гринченко: Этн. мат., I, 170—175; Малинка: Сб. мат., 300—302; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 169—175; Добровольскій: Смол. сб., I, 590—597; Романовъ: Бѣлор. сб., VI, 470—477; Weryho: Pod. białor., 75—77; Federowski: Lud białor., II, 90—96; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 287—301; Худяковъ: Великор. ск., II, 55—58; Ончуковъ: Сѣв. ск., 178—185; „Сб. Кавк.", XLII, 2, 1—9; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII—4, 349, IX—1, 440; Смирновъ: Систем. указатель—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVII—3, 154—158; Kolberg: Przemyskie, 209—211; его-же: Lud, III, 127—129, VIII, 1—6, XIV, 3—7;

Ciszewski: Krakowiacy, I, 186—188, 192—195; Świętek: Lud nadr., 354—357; Toeppen: Abergl. Mas., 148—150; „Zbiór wiad.“, XI, 283—285, XII, 17—19, XIII, 202, XVI, 79—81, XVIII, 298—302, 327—331; „Mat. antr.“, V, 219—222, VI, 169—171, 343—346, 356—360, VIII, 159—162, X, 259—260; „Wisła“, VII, 32—34; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 84, 220—224, II, 281—284; Трейландъ: Лат. ск., 223—233; Leskien-Brugmann: Lit. M., 483—485, 574—575; Dobšinský: Prostonár. pov., VII, 31—38; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 16—26; Tille: Literárni studie, I; „Národop. Sb.“, VI, 221; Красић: Нар. прип., II, 20—23; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 124—131; „Arch. f. sl. Phil.“, V, 21—22, XVII, 578, XXI, 268, XXXI, 271—272; „Zs. f. öst. Vk.“, II, 222; „Zs. Ver. Vk.“, VIII, 192—196; „Germania“, XV, 184—185; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 492—493; Stier: Ung. M., 91—95; Köhler: Kl. Schr., I, 551—552.—Общій мотивъ о скрывающемся дуракѣ-героѣ см. также № 27 и 40.

Мотивъ о караулѣ на могилѣ отца см. еще: Эрленвейнъ: Нар. ск., 145—146; „Сб. Кавк.“, XIII, 2, 116—117; Gliński: Baj. pol., I, 32—57; „Slavia“, 95—98; „Ung. Revue“, VIII, 330—331.

Мотивъ о волшебныхъ волоскахъ см. еще: „Ж. і Сл.“, III, 58; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 18—20; Kolberg: Pokucie, IV, 109—112; Рудченко: Сказки, I, 105; „Сб. Кавк.“, XVIII, 3, 74, XIX, 2, 3—4, XXI, 2, 216; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 93.—См. также № 24 б. и 46.

Мотивъ о стекляной горѣ см. также выше—№ 24 а.

Мотивъ о волшебной скрипкѣ или свирѣли см. также № 44 и 55.

29.

Невѣрная мать.

Мать съ сыномъ были очень бѣдны и пошли въ свѣтъ. По дорогѣ сынъ нашелъ чудесный ремешокъ, дававшій своему владѣльцу, согласно надписи на немъ, великую силу и счастье, въ виду чего онъ тутъ-же и надѣлъ его на себя.

Въ лѣсу они зашли въ разбойничій домъ, четыре комнаты котораго были полны всякимъ оружіемъ, въ пятой же спали 12 разбойниковъ; тутъ молодецъ выбралъ себѣ лучшее оружіе, поубивалъ всѣхъ разбойниковъ и смелъ ихъ въ погребъ, запретивъ матери открывать его, послѣ чего они уже остались въ этомъ домѣ.

Но однажды, когда сынъ ушелъ на охоту, мать открыла погребъ, а оттуда выскочилъ одинъ ожившій разбойникъ, который затѣмъ, взявъ съ окна мазь, оживилъ ею всѣхъ своихъ товарищей. Потомъ разбойники велѣли матери притвориться больной и попросить сына—принести ей цѣлебныхъ яблокъ, растущихъ между двухъ горъ. По пути за яблоками сынъ заѣхалъ къ одной барынѣ, которая его полюбила и сообщила ему, что тѣ горы весь день движутся, достать же яблоки можно лишь въ 12 ч. дня или ночи, когда горы останавливаются на мгновеніе. Получивъ отъ нея-же коня, онъ поѣхалъ туда и въ указанный часъ проскочилъ между горъ, но не могъ сорвать отдѣльныхъ яблокъ, а вырвалъ цѣлую яблоню съ корнями, послѣ чего выскочилъ назадъ, такъ что вновь сомкнувшіяся горы лишь прищемили хвостъ его коню. На обратномъ пути онъ отдалъ яблоки той барынѣ, а только одно отвезъ матери. Тогда мать, по наущенію разбойниковъ, потребовала отъ него еще живой воды. По совѣту той-же барыни, онъ подстерегъ, пока змѣя, сторожившая источникъ, въ 12 ч. перестала дышать огнемъ, зачерпнулъ живой воды въ кувшинъ и затѣмъ отдалъ ее барынѣ, а матери отвезъ лишь небольшую сткляночку на лѣкарство. Послѣ этого опять разбойники подучили мать послать сына за львинымъ молокомъ. Встрѣтивъ львицу, онъ хотѣлъ въ нее стрѣлять, но она сама дала ему своего молока, а также свистокъ, на который должны сбѣгаться къ нему на помощь всѣ звѣри. Наконецъ, по новому уговору съ разбойниками, мать предложила ему выкупаться, когда же онъ раздѣлся, разбойники схватили его чудесный ремешокъ, а затѣмъ уже легко убили его, порубили и выбросили въ мѣшкѣ на дворъ.

Между тѣмъ, барыня, обезпокоенная долгимъ отсутствіемъ молодца, стала разыскивать его, нашла его порубленный трупъ и взбрызнула его живой водой и сокомъ чудесныхъ яблокъ, послѣ чего онъ сразу ожилъ. Затѣмъ они, превратившись въ голубей, полетѣли къ разбойникамъ и сѣли на деревѣ возлѣ ихъ двора. Желая ихъ поймать, атаманъ разбойниковъ, согласно пѣнію голубки, раздѣлся и положилъ ремешокъ на землю, а самъ полѣзъ за ними на дерево, но они сейчасъ схватили ремешокъ и улетѣли. Затѣмъ, опоясавшись ремешкомъ, молодецъ возвратился къ разбойникамъ и созвалъ свисткомъ звѣрей, которые тутъ-же поразрывали и пожрали всѣхъ разбойниковъ. Послѣ этого онъ опрокинулъ и домъ съ невѣрною ма-

терью, которая въ немъ погибла, а самъ женился на своей барынѣ.

Параллели см. ниже—при № 30.

30.

Невѣрная жена.

Одна женщина, задумавъ, по подговору діявола, за котораго она хотѣла выйти замужъ, извести своего мужа, послала его, притворяясь больной, въ чертовскую мельницу, за мукой изъ-за 12-го камня.

Мужикъ отправился туда съ 3-мя своими собачками, безпрепятственно прошелъ черезъ 12 желѣзныхъ дверей и набралъ муки, а затѣмъ благополучно возвратился домой, потерявъ только своихъ собачекъ, которыя остались на мельницѣ за 12-ю дверьми.

Дома діяволъ, не скрываясь болѣе, велѣлъ ему развести огонь подъ котломъ со смолою, въ которомъ онъ собирался сварить его, но онъ, чтобы затянуть дѣло, сначала смочилъ топливо водою, вслѣдствіе чего оно плохо горѣло, потомъ, когда смола все-таки закипѣла, выпросилъ у діявола отсрочку для молитвы, а затѣмъ уже сталъ медленно раздѣваться, чтобы лѣзть въ котелъ; при этомъ все время прилетали къ нему птички и сообщали ему о постепенномъ освобожденіи его собачекъ изъ-за желѣзныхъ дверей. И дѣйствительно, пока онъ раздѣвался, собачки прогрызли послѣднія двери, прибѣжали къ нему и тутъ-же разорвали діявола.

Затѣмъ собачки велѣли мужику убить и невѣрную жену, но онъ ее пожалѣлъ и оставилъ. Когда же онъ легъ спать, жена вложила ему въ ухо зубъ діявола, вслѣдствіе чего онъ умеръ, а затѣмъ вынесла его въ лѣсъ на сосну. Собачки нашли тѣло, призвали сначала волка, а затѣмъ, когда тотъ оказался слишкомъ слабымъ, медвѣдя—свалить сосну, велѣли зайцу вытянуть зубъ изъ уха хозяина, и тотъ сразу ожилъ.

Пожалѣвъ опять жену, мужъ еще не убивалъ ея, только заперъ въ погребъ и поставилъ предъ ней для испытанія

2 ушата: одинъ порожній, чтобы она, въ случаѣ раскаянья, наполнила его слезами, а другой съ угольями, которые она должна съѣсть, если еще тоскуетъ по діяволѣ. На утро оказалось, что она ничего не наплакала, а наоборотъ, съѣла всѣ уголья дочиста, въ виду чего мужъ велѣлъ собачкамъ разорвать ее и выбросилъ ее въ оврагъ къ діяволу.

Параллели: Общій сюжетъ о невѣрной женѣ, сестрѣ или матери см.: „Наука“, 1894, I—II, 45—55; Роздольскій: Казки, II, 19—24, 45—46; Гнатюкъ: Легенды, II, 91—92; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 54—56, IV, 27—34, V, 67—73, 76—96; Драгомановъ: Преданія, 300—304; Кулишъ: Записки, II, 48—57; Чубинскій: Труды, II, 143—167, 285—290; Рудченко: Сказки, I, 120—141; Манжура: Сказки, 34—39; Гринченко: Этн. мат., I, 155—159, II, 269—271; его-же: Изъ устъ народа, 333—341, 447; Малинка: Сб. мат., 280—282; Добровольскій: Смол. сб., I, 495—498; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 38—70; Сумцовъ: Разб. Ром., 78—79; Weryho: Pod. białor., 19—24; Federowski: Lud białor., I, 120—124, II, 64—67, 69—74, 85—87, 314—315; Худяковъ: Великор. ск., I, 42—44, III, 25—29; его-же: Матеріалы, 85—89; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 5—21; Эрленвейнъ: Нар. ск., 49—50; Садовниковъ: Сам. ск., 68—72; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 347—348, XII—3, 374, 378, 389; Смирновъ: Систем. указатель—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVII—3, 163—175; „Сб. Кавк.“, X, 2, 78—79, 265—277, XVIII, 3, 16—20, XXI, 2, 8—12, XXVI, 2, 109—114, XXXIII, 3, 19—23, XLII, 2, 126—135; „Этн. Об.“, XXII, 104; Буслаевъ: Очерки, I, 324—327; Пыпинъ: Для люб. кн. стар., 70—71; Синовскій: Рус. повѣсти, 90—107; Kolberg: Pokucie, IV, 64—73; его-же: Chełmskie, II, 115—117; Ciszewski: Krakowiacy, I, 89—98; „Zbiór wiad.“, V, 240—242, VII, 18—20, XI, 119—122; „Mat. antr.“, V, 22—25, VI, 338—340; „Wisła“, II, 15—20, VII, 36—37, VIII, 249—253; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 382—385; Leskien-Brugmann: Lit. M., 389—394, 396—404, 548—553; Schleicher: Lit. M., 54—57; „Č. Lid“, V, 562—565; Němcova: Nár. báchorky, II, 48—67; „Národop. Sb.“, II, 105, IV—V, 143; Dobšinský: Prostonár. pov., V, 52—65; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 28—33, 41—43; Краснђ: Нар. прип., I, 25—29, II, 40—46; Шапкаревъ: Сб. умотв., IX, 350—351, 406—409, 463—469; Поливка: Бѣлѣжки, 27, 32, 36; „Arch. f. sl. Phil.“, XIX, 242, XXI, 283, XXIX, 471; Müllenhoff: Sagen, 416—420; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 235—254, 375—377; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 82—85, 176—180, 215—217, II, 188—190, 279—284; Schott: Wal. M., 265—279; Miklosich: Mundarten Zig., IV, 312—316; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказ.—„Сб. Миллера“, 202—203; Потанинъ: Очерки, II, 175—177, IV, 399—401; Radloff: Proben, III, 321—332; Köhler: Kl. Schr., I, 303—305; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 551—553.—См. выше—№ 29.

Чудесный ремешокъ, дающій непобѣдимую силу, ср. съ подобными же волшебными предметами въ № 33 и 40.

Разбойничій домъ см. выше—№ 26 и 27.

Мотивъ о движущихся горахъ—симплегадахъ см. еще: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 92—93; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 262; Аѳанасьевъ: Поэт. возэр., II, 350—354; его-же: Сказки, II, 18; Худяковъ: Великор. ск., III, 40—41; „Этн. О б.", XXI, 9; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 226, 228, IX, 408; Поливка: Бѣлѣжки, 18; Köhler: Kl. Schr., I, 367, 397, 572.

Мотивъ о чертовской мельницѣ см. еще: Аѳанасьевъ: Поэт. воззр., I, 295; его-же: Сказки, II, 18.

Мотивъ о чудесныхъ собакахъ см. также выше—№ 26.

31.

Чудесная птица.

а). Одному рыбаку не везло въ ловлѣ рыбъ, и онъ рѣшилъ стать птицеловомъ. Въ лѣсу онъ поймалъ птичку, которая каждый день несла ему по алмазу, такъ что онъ вскорѣ очень разбогатѣлъ и сталъ посылать своихъ дѣтей въ школу.

Учитель этой школы, вывѣдавъ отъ дѣтей о причинѣ внезапнаго богатства ихъ отца, велѣлъ рыбаку зарѣзать для него чудесную птичку, за что обѣщалъ женить своего сына на его дочери. Рыбакъ согласился и къ свадьбѣ зарѣзалъ для учителя птичку, но, когда всѣ изъ дому ушли на вѣнчаніе, старшій мальчикъ его съѣлъ въ кухнѣ птичку, а младшій выпилъ паваръ изъ нея, послѣ чего они оба, боясь учителя, бѣжали.

По дорогѣ они встрѣтили женщину, которая приняла ихъ къ себѣ на службу. Утромъ хозяйка увидѣла подъ головой старшаго мальчика, который съѣлъ птичку, 3 милліона денегъ, но, какъ только онъ всталъ, деньги исчезли, такъ какъ они не давались никому, лишь ему одному. Затѣмъ мальчики, недовольные службой, отправились дальше.

Черезъ нѣкоторое время пришли они къ одному барину, дочери котораго въ нихъ влюбились и взяли ихъ себѣ въ мужья. Однако, вскорѣ младшая изъ нихъ вдругъ не взлюбила своего мужа и, желая его погубить, послала его въ чертовскій городъ за деньгами.

Тотъ пошелъ и, встрѣтивъ по дорогѣ Мѣсяца, Солнце, Вѣтра, Мороза и Дождя, взялъ ихъ всѣхъ съ собою. Въ чертовскомъ городѣ черти потребовали отъ него, прежде чѣмъ дать ему деньги, сперва вычерпать и осушить море, что тутъ-же сдѣлалъ за него Вѣтеръ; затѣмъ—до утра вспахать это мѣсто и посѣять на немъ пшеницу, сжать ее и сложить въ копны, что они исполнили общими силами; потомъ—опять наполнить жниво водой по-прежнему, что сдѣлалъ за него Дождь; наконецъ, черти предложили молодцу пообѣдать на раскаленной желѣзной печкѣ, которая, однако, сейчасъ, какъ только Морозъ положилъ на нее свою руку, совсѣмъ остыла. Послѣ этого черти уже ушли изъ своего города и оставили молодцу всѣ свои деньги.

Но онъ уже не возвращался болѣе къ своей женѣ, а построилъ себѣ новый городъ и остался въ немъ царемъ, благодаря тому, что выпилъ наваръ съ чудесной птички.

б). Одинъ бѣдный человѣкъ поймалъ въ лѣсу птичку съ золотыми перьями и посадилъ ее въ клѣтку. Въ это время проѣзжалъ туда баринъ съ сыномъ, увидалъ птичку и прочелъ у нея на крылышкахъ, что тотъ, кто ее съѣстъ, будетъ каждое утро находить подъ собою 2 дуката. Баринъ хотѣлъ купить птичку, но бѣднякъ согласился отдать ее только тогда, когда тотъ обѣщалъ дать ему порядочный кусокъ земли и содержать его при себѣ до смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сынъ барина женился на дочери бѣдняка.

Послѣ свадьбы поваръ зарѣзалъ и зажарилъ для барина золотую птичку, но два мальчика бѣдняка случайно перехватили и съѣли ее пополамъ. Узнавъ объ этомъ, баринъ велѣлъ охотнику отвести мальчиковъ въ лѣсъ, убить ихъ и принести ему ихъ глаза, однако, тотъ отпустилъ ихъ въ свѣтъ, а барину принесъ глаза собаки.

Братья же пошли и, проблуждавъ 2 дня въ лѣсу, зашли къ одной женщинѣ, которая приняла ихъ на ночь, а затѣмъ, найдя утромъ подъ каждымъ изъ нихъ по 2 дуката, задержала ихъ у себя совсѣмъ, причемъ, пользуясь тѣмъ, что они ничего не знали о своемъ счастьи, подбирала за ними каждое утро дукаты и, такимъ образомъ, со временемъ очень разбогатѣла. Однако, спустя нѣкоторое время, боясь наказанія за разбитый горшокъ молока,

мальчики убѣжали въ лѣсъ и, найдя тутъ утромъ подъ собою дукаты, отправились въ городъ и купили себѣ въ звѣринцѣ 2 волковъ, 2 медвѣдей и 2 львовъ. Послѣ этого они разошлись въ разныя стороны, раздѣливъ предварительно между собой звѣрей и воткнувъ въ дуплистую вербу ножъ, чтобы въ случаѣ нужды узнать, смотря по его чистотѣ или ржавчинѣ, живъ ли еще другой братъ или нѣтъ?

Старшій братъ зашелъ прежде всего въ трактиръ и накормилъ въ немъ своихъ звѣрей, причемъ медвѣдь похитилъ у трактирщика пузырекъ съ живительнымъ лѣкарствомъ.

Затѣмъ молодецъ пришелъ со своими звѣрями въ столичный городъ, въ которомъ змѣй поѣдалъ людей, а въ этотъ день была обречена на съѣденіе царская дочь. Онъ засѣлъ подъ скалой, гдѣ жилъ змѣй, а затѣмъ, когда привели и оставили тамъ царевну и змѣй вышелъ къ ней, онъ напустилъ на него своихъ звѣрей, а самъ отрубилъ ему саблей всѣ 12 головъ, вырѣзалъ изъ нихъ языки и спряталъ ихъ. Благодарная царевна обѣщала выйти за него въ теченіе года замужъ, въ знакъ чего дала ему половину своего кольца и платочка. Послѣ этого молодецъ легъ спать, но этимъ воспользовался кучеръ царевны, подобралъ головы змѣя, убилъ молодца, а царевну принудилъ признать его своимъ избавителемъ и женихомъ, причемъ, однако, свадьба, по ея настоянію, была тоже отложена на годъ.

Между тѣмъ, звѣри нашли тѣло своего хозяина и оживили его лѣкарствомъ, которое медвѣдь похитилъ у трактирщика, но, такъ какъ они при этомъ неправильно приложили отрубленную голову къ туловищу, то медвѣдь снова отрубилъ ему ее во снѣ, а затѣмъ ужъ приложилъ ее, какъ слѣдуетъ, къ тѣлу и вновь оживилъ его.

Послѣ этого молодецъ скитался со своими звѣрями по свѣту, но черезъ годъ вернулся назадъ въ тотъ-же городъ, гдѣ уже готовилась свадьба царевны съ кучеромъ. Въ трактирѣ онъ побился съ трактирщикомъ объ закладъ на его трактиръ, что они будутъ ѣсть кушанья со свадебнаго пира, и дѣйствительно, по запискѣ, отнесенной волкомъ царевнѣ, тотчасъ получилъ съ царскаго стола различныя кушанья, но потомъ, видя отчаяніе трактирщика, подарилъ ему выигранный трактиръ назадъ. Затѣмъ, по приглашенію царевны, молодецъ явился на ея свадьбу, гдѣ тотчасъ, благодаря ея кольцу и платочку и

вырѣзаннымъ языкамъ змѣя, былъ раскрытъ обманъ кучера, послѣ чего послѣдній былъ растерзанъ лошадьми, а молодецъ женился на царевнѣ.

Послѣ свадьбы молодецъ увидѣлъ однажды ночью на сосѣдней горѣ свѣтъ, отправился туда и попалъ къ Бабѣ-Ягѣ, которая тутъ-же, ударами волшебнаго прутика, превратила его и звѣрей въ камни.

Между тѣмъ, младшій братъ, узнавъ, по ржавчинѣ на ножѣ, о смерти брата, отправился искать его и пришелъ со своими звѣрями къ царевнѣ—его женѣ. Вслѣдствіе большого сходства братьевъ, царевна, какъ и всѣ вообще, приняла его за своего мужа и легла съ нимъ спать, но онъ положилъ по срединѣ кровати саблю и не тронулъ ея. Потомъ, увидѣвъ тоже свѣтъ на горѣ, онъ пошелъ туда, нашелъ окаменѣвшіе трупы брата и его звѣрей, а затѣмъ, не дожидаясь удара прутикомъ, затравилъ Бабу-Ягу своими звѣрями и велѣлъ ей достать живой воды. Она повела его сперва къ источнику съ мертвой водой, въ которой его палка сразу загорѣлась, а потомъ только указала ему живую воду, въ которой палка тотчасъ распустилась и расцвѣла. Этой водой молодецъ тутъ-же оживилъ брата и его звѣрей, послѣ чего всѣ звѣри вмѣстѣ разорвали Бабу-Ягу въ клочки.

По дорогѣ домой младшій братъ подразнилъ старшаго, что онъ спалъ эту ночь съ его женой, за что тотъ отрубилъ ему саблей голову, но затѣмъ, узнавъ отъ жены всю правду, воскресилъ его, по указанію звѣрей, водой изъ живого источника.

Послѣ этого, въ виду своего полнаго сходства, братья сговорились не открывать во дворцѣ, кто изъ нихъ настоящій царскій зять, такъ что даже царевна не могла узнать своего мужа. Тогда она привязала себѣ подъ мышку пузырь съ кровью, ударила въ него ножемъ и упала, обливаясь кровью, какъ мертвая, въ виду чего ея мужъ въ отчаяніи сталъ упрекать себя за глупую шутку и, такимъ образомъ, выдалъ себя передъ поднявшейся невредимо женой.

Съ тѣхъ поръ они уже жили счастливо вмѣстѣ, а младшаго брата и родителей богато одарили деньгами.

Параллели: Основной сюжетъ варіанта **а** и первой части варіанта **б**—о чудесной птицѣ, отъ вкушенія которой герой становится царемъ или находитъ подъ собою каждое утро червонцы,—см.: Игн. изъ Никло-

вичъ: Казки, 31—35; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 42—48; Драгомановъ: Преданія, 363—366; Чубинскій: Труды, II, 424—426; Ястребовъ: Матеріалы, 148—152; Гринченко: Этн. мат., II, 247—253; Манжура: Сказки, 52—54; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 205—213; Добровольскій: Смол. сб., I, 561—563; Худяковъ: Великор. ск., I, 103—107, III, 154—159; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 333—339; Эрленвейнъ: Нар. ск., 46—47; Садовниковъ: Сам. ск., 108—110; Иваницкій: Мат. волог., 166—168; Ончуковъ: Сѣв. ск., 170—173; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 239—243, IV, 185—186; Сиповскій: Очерки, I—2, 233; „Ж. Стар.“, XI, 75—77; „Сб. Кавк.“, XXVIII, 2, 80—89, XXXV, 2, 101—105; Смирновъ: Систем. указатель—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVII—3, 137—141; „Zbiór wiad.“, IX, 89—94; „Mat. antr.“, VI, 371—375, 405—407, VIII, 178—182; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 85—88, 166—168; „Lud,“ V, 183; Němcova: Nár. báchorky, I, 192—205; Václavek: Pohádky, II, 19—32; „Slavia“, 26—27; „Č. Lid,“ VIII, 147—148; „Slov. Pohl“., 1899, 428—437; Војиновић: Приповјетке, 18—25; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 187—189; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 256—259, IX, 444—448, 538—545; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 19—24; Polivka: O zlatém ptáčku a dvou chudých chlapcích—„Národop. Sb.“, VI, 94—143; „Arch. f. sl. Phil.“, I, 273—275, XVI, 318, XIX, 266, XXI, 282, XXXI, 271; „Zs. öst. Vk.“, IV, 159; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 474—477; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 19—23; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 227—233; Grimm: K. H. M., I, 311—334, III, 102—107, 307, 327; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 528—556; Miklosich: Mundarten Zig., IV, 297—300; Radloff: Proben, IV, 477—482; Потанинъ: Очерки, IV, 535—539, 923; Lidzbarski: Neuaram. Hs., 253—257; Rosen: Tuti-Nameh, II, 291—306; Яворовскій: Сказки попугая, 61—86; Köhler: Kl. Schr., I, 409—410.

Къ второй части варіанта б, представляющей самостоятельную сказку о двухъ похожихъ братьяхъ, см.: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 92—96; Роздольскій: Казки, II, 76—81; S. Bącz: Bajki, 175—178; Манжура: Сказки, 28—33; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 107—113; Nowosielski: Lud. ukr., II, 310—327; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 137—142, VI, 60—67, 382—394; Добровольскій: Смол. сб., I, 480—495; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 211—217; Эрленвейнъ: Нар. ск., 9—13; Ончуковъ: Сѣв. ск., 16—23; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, IX—1, 428, XII—3, 375, 380; „Сб. Кавк.“, II, 2, 121—128, XVIII, 3, 383—387, XXXIII, 3, 17—27; „Lud“, V, 170—171; „Zbiór wiad.“, II, 144—147, XI, 84—87, XV, 10—19; „Mat. antr.“, X, 262—265, XI, 36—39; Ciszewski: Krakowiacy, I, 47—51; Václavek: Pohádky, I, 51—61; „Národop. Sb.“, VI, 212, VII, 218; Красић: Нар. прип., I, 37—42; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 415—419, 466—469; „Arch. f. sl. Phil.“, XVII, 573; Трейландъ: Лат. ск., 193—196, 200—206; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 475—477; Grimm: K. H. M., I, 313—334, 427—430, III, 102—107, 144—145; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 528—556; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 347—357; Grundtvig: Dän. Vm., I, 277—328; Basile: Pentameron, I, 97—109, 131—133; Gonzenbach: Sic. M., I, 276—280, II, 230; Bladé: Cont. gasc., I, 279—286; Stier: Ung. M.,

1—14; „Or. u. Occ.", II, 115—120; Köhler: Kl. Schr., I, 175—181, 303—305, 347, 368—369, 387—388.

Мотивъ о чудесныхъ товарищахъ, помогающихъ герою исполнить неразрѣшимыя задачи, см. еще: Ю. А. Яворскій: Notizen zur Gesch. d. Märchen u. Schwänke—„Der Urquell", II, 197—198; Игн. изъ Никловичъ: Казки, 72—75; „Наука", 1896, I—III, 133—139, 1897, I—III, 142—146; Роздольскій: Казки, II, 55—57; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 48—51, 56—58, 60—61, IV, 62—64, V, 4—16, 149—151; S. Bar ącz: Bajki, 63—64, 91—92; Kolberg: Pokucie, IV, 101; Драгомановъ: Преданія, 274—278; Манжура: Сказки, 26—27; Nowosielski: Lud ukr., I, 270—276; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 118—119, 131—132, VI, 261—262, 272—276, 283—285, 429—432; Добровольскій: Смол. сб., I, 429—432, 441—443; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 166—167, 169, 183—188, II, 57—58; Худяковъ: Великор. ск., I, 118—121; Ончуковъ: Сѣв. ск., 83—84; Лобода: Р. былины о сватовствѣ, 11—14; „Этн. Об.", XII, 42; „Сб. Дашк.", III, 151—153; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", IX—1, 433; „Сб. Кавк.", X, 3, 57, XIV, 2, 206—208, XVIII, 1, 64—69, XIX, 2, 4—7, XXVI, 2, 37—40, XXVII, 2, 131—137, XXXVI, 3, 189—194; „Zbiór wiad.", IX, 81—84, XVIII, 401—403; „Mat. antr.", V, 166—167, 187—190, VI, 382—383, X, 258; Ciszewski: Krakowiacy, I, 189—190; Beneš-Třebizsky: Nár. poh., 94—99; „Č. Lid", VI, 200; Добросавльевић: Приповетке, 78—81; Krauss: Anthropophyteia, II, 161—162; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 14—16, IX, 399—400; Поливка: Бѣлѣжки, 5; „Národop. Sb.", VI, 213; „Arch. f. sl. Phil.", II, 639—640, XXVI, 465—466; „Zs. Ver. Vk.", XV, 456—457; „Germania", XV, 186—187; „Ung. Revue", V, 735—739; Grimm: K. H. M., I, 351—352, 375—380, II, 229—235, III, 120—123; Bladé: Cont. gasc., III, 18—22, 38—40; Carnoy-Nicolaides: Trad. pop. Asie Min., 49—56; Radloff: Proben, IV, 460—469; Потанинъ: Очерки, IV, 201—203, 503—504, 787—788; „Or. u. Occ.", II, 296—299; Köhler: Kl. Schr., I, 92—93, 134, 191—194, 298—303, 389—391, 396—397, 431, 438—440, II, 591—592; Benfey: Das Märchen von d. Menschen mit d. wunderbaren Eigenschaften — Kl. Schriften, II—3.

Мотивъ о ножѣ, ржавѣющемъ въ случаѣ смерти одного изъ братьевъ, см. еще: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 37, 92; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 162, 212, 216—217, 229, 231—232; Садовниковъ: Сам. ск., 32; Ончуковъ: Сѣв. ск., 584; „Mat. antr.", VI, 378; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 1; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 534—546; Трейландъ: Лат. ск., 128, 193—194; „Or. u. Occ.", II, 119—120; Köhler: Kl. Schr., I, 180—181.

Мотивъ о мечѣ или ножѣ между мужчиной и женщиной на кровати см. еще: Гнатюкъ: Легенды, I, 39, II, 229; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 35, IV, 67; „Сб. Кавк.", XLII, 2, 138; Веселовскій: Изъ ист. ром. и пов., II, 199, 231; Ждановъ: Р. был. эпосъ, 166; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера", 194; Grimm: K. H. M., III, 311; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 534—555; Köhler: Kl. Schr., II, 443—444; Wesselsky: Mönchslatein, 152, 241.

Мотивъ о притворномъ самоубійствѣ, съ цѣлью обнаруженія настоящаго мужа или родственника, см. еще: Weryho: Pod. białor., 58—59; „Mat antr.“, V, 242.

Мотивъ объ испытаніи живой воды см. еще: Аѳанасьевъ: Сказки, I, 343, 349, 351.

Мотивъ о неразрѣшимыхъ задачахъ см. также ниже—№ 41 и 98.

Мотивъ о звѣряхъ, помогающихъ герою, см. также № 26, 29 и 30.

Мотивъ о закладѣ съ трактирщикомъ см. также № 26.

Мотивъ объ освобожденіи героемъ дѣвицы отъ змѣя или діявола см. также № 26.

32.

Чудесная рыба.

Однажды рыбакъ поймалъ краснoперую рыбу безъ хвоста, но затѣмъ, когда она обѣщала ему горшокъ каши, отпустилъ ее на свободу; тѣмъ не менѣе, каши дома у него не оказалось. То-же самое произошло и въ другой разъ, на третій же разъ рыба обѣщала ему не только каждый день горшокъ каши, но также исполненіе всякаго его желанія по словамъ: „Божьей властью на помощь!“

Рыбакъ сейчасъ пожелалъ себѣ возокъ-самокатъ и поѣхалъ на немъ. Затѣмъ, увидѣвъ въ окнѣ царевну, запертую тамъ отцомъ, пожелалъ, чтобы она забеременѣла и родила ему мальчика. Въ 7 лѣтъ мальчикъ сталъ говорить, а когда царь собралъ весь народъ и велѣлъ мальчику узнать своего отца, онъ указалъ прямо на рыбака. Тогда царь бросилъ рыбака и царевну съ сыномъ въ темницу и морилъ ихъ тамъ голодомъ, однако, по желанію рыбака, тутъ-же явился горшокъ каши, потомъ стали окна въ темницѣ, а наконецъ, и сами они мгновенно перенеслись въ великолѣпный дворецъ, который вдругъ явился для нихъ на высокой горѣ.

Однажды царевнѣ захотѣлось увидѣть своего отца, въ виду чего, по слову рыбака, сдѣлалась отъ ихъ дворца до царскаго прямая дорога, по сторонамъ которой стояли клѣтки съ птицами и цвѣли розы. Когда царь увидѣлъ новую дорогу, онъ поѣхалъ по ней, но у него не хватило хлѣба, вслѣдствіе чего онъ вернулся, взялъ запасу на 2 года и поѣхалъ снова, причемъ

однажды, когда онъ попытался по дорогѣ взять одну клѣтку съ птицей, кто-то невидимый ударилъ его по лицу. На самую гору царь, по слову зятя, полѣзъ на колѣняхъ, такъ что у него потекла кровь.

Въ гостяхъ у дочери и зятя прожилъ царь 3 года, но они ему не открылись. Потомъ же, по желанію зятя, онъ мгновенно былъ перенесенъ въ свой дворецъ, дорога же провалилась въ болото. А рыбакъ съ царевной и сыномъ оставались въ своемъ дворцѣ до самой смерти.

Параллели: „Наука“, 1894, I—II, 42—45; Чубинскій: Труды, II, 88—90; Рудченко: Сказки, II, 85—89; Романовъ: Бѣлорус. сб., VI, 254—255; Federowski: Lud białor., I, 175—176, II, 37—38, 93—94; Ровинскій: Р. нар. картинки, I, 204—213, IV, 179—180; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 250—258; Худяковъ: Матеріалы, 20—22, 39; „Ж. Стар.“, VIII, 109—110, XII, 469—470; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 345—346, 349—350; Смирновъ: Систем. указатель — „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVII — 3, 141—143; „Сборн. Кавк.“, XV, 2, 45—47, XXXVII, 2, 48—50; Kolberg: Lud, XIV, 51—56, 62—68; Ciszewski: Krakowiacy, I, 190—192; Gliński: Baj. pol., I, 161—171; „Mat. antr.“, V, 116—119, X, 261, XI, 44—46; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 28—34; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 169—171; Поливка: Бѣлѣжки, 15; „Národop. Sb.“, IV—V, 145, VI, 224—225, VII, 221; „Arch. f. sl. Phil.“, XXVI, 463; Müllenhoff: Sagen, 431—432; Grundtvig: Dän. Vm., I, 115—124; Basile: Pentameron, I, 43—55; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 103—109; Luzel: Lég. chrét., II, 59—66; Radloff: Proben, IV, 7—10, 405—407; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 485—489; Köhler: Kl. Schr., I, 405, 587—588.

Ср. также родственную, обработанную Пушкинымъ, сказку о рыбакѣ и рыбкѣ: Ю. А. Яворскій: Къ исторіи Пушкинскихъ сказокъ, 17; Майковъ: Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ Пушкина и ея источники — „Ж. М. Н. Пр.“, 1892, V, 146—157; Сумцовъ: Пушкинъ, 287—299; „Ж. Стар.“, III, 91—95; Polivka: Rybař a zlatá rybka — „Národop. Sb.“, I, 49—63; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 138—148.

33.

Платокъ, шляпа и топоръ.

Въ одномъ городѣ кто-то каждую ночь воровалъ у министра деньги изъ кассы, караульныхъ же солдатъ всѣхъ убивалъ. Наконецъ, вызвался сторожить младшій изъ 3-хъ братьевъ, взявъ съ собою освященное колесо съ золотыми буквами и

освященный мѣлъ. На посту онъ сталъ на этомъ колесѣ и не сходилъ съ него, хотя ночью поднялся страшный вихрь и шумъ и посыпало на него огнемъ. Тутъ пришла къ нему какая-то барыня, которой онъ позволилъ спать въ будкѣ, а въ 12 ч. ее разбудилъ, за что она подарила ему платокъ-невидимку. То-же самое повторилось и на другую ночь, причемъ барыня оставила ему на этотъ разъ шляпу, которая, если только повернуть ее на головѣ влѣво, давала владѣльцу множество войска. На третью ночь надлетѣли и все каркали надъ нимъ вороны, а пламя обжигало ему волосы и брови, барыня же, уходя, оставила ему топоръ, изъ котораго, если потрусить его, всегда сыплются деньги.

Сдѣлавшись, такимъ образомъ, обладателемъ трехъ такихъ волшебныхъ предметовъ, солдатъ покинулъ свою службу и отправился къ другому царю, который объявилъ, что тотъ, кто проиграетъ съ его дочерью цѣлую ночь въ карты, женится на ней. На деньги изъ волшебнаго топора солдатъ игралъ съ царевной до 3 ч. ночи, но затѣмъ послѣдняя, видя, что не можетъ обыграть его, напоила его снотворнымъ напиткомъ и подмѣнила ему топоръ другимъ, поддѣльнымъ, послѣ чего онъ скоро проигралъ всѣ деньги и былъ избитъ и выгнанъ вонъ. Тогда онъ, съ помощью волшебной шляпы, собралъ большое войско и пошелъ приступомъ на царскій дворецъ, но царевна лестью заманила его въ свою комнату и отняла шляпу, а его снова велѣла избить и прогнать. Тогда солдатъ, накрывшись платкомъ-невидимкой, пробрался во дворецъ подъ столъ и сталъ опрокидывать царскія кушанья, но часовой высмотрѣлъ его и сорвалъ съ него платокъ, послѣ чего его опять побили и прогнали прочь.

Тутъ уже солдатъ пошелъ и поступилъ на службу къ одному барину, который, уѣзжая изъ дому, запретилъ ему входить въ одну комнату, что завязана лыкомъ. Однако, онъ все-таки пошелъ туда и увидѣлъ по серединѣ комнаты столикъ, въ ящикѣ котораго онъ нашелъ коробку съ домовымъ своего барина. Взявъ эту коробку съ собою, онъ опять пошелъ въ тотъ городъ, гдѣ жила коварная царевна. Ночью онъ велѣлъ домовому принести къ себѣ царевну въ кровать, что тотъ сейчасъ и исполнилъ, на утро же отнесъ ее назадъ во дворецъ. Чтобы узнать, куда ее уносятъ, царь велѣлъ на другую ночь насыпать ей въ кровать маку, который, разсыпаясь, указалъ-бы дорогу, но домовой понесъ ее по такимъ дебрямъ, что нельзя было открыть

слѣда. На третью ночь приставили къ ней стражу, но домовой потушилъ лампы, побилъ часовыхъ и опять унесъ царевну къ солдату, на утро же отнесъ ее обратно. Тогда уже царь объявилъ, что тотъ, кто бралъ къ себѣ ночью его дочь, женится на ней, въ виду чего солдатъ открылся ему, а затѣмъ уже и женился на царевнѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 38—42; Гринченко: Этн. мат., II, 253—257; Малинка: Сб. мат., 302—304; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 181—195; Сумцовъ: Разб. Ром., 83; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 328—333; Худяковъ: Великор. ск., I, 40—42; Эрленвейнъ: Нар. ск., 78—82; Иваницкій: Мат. волог., 177—178; „Ж. Стар.", VIII, 105—106; „Этн. Об.", LIII, 101—108; „Сб. Кавк.", XXIII, 3, 35—38, XXXV, 2, 99—101, XLII, 2, 65—68; „Пам. Древн. Письм.", 1879, II, 140—147; „Mat. antr.", V, 45—47, 139—142; „Wisła", VIII, 531—535; Chełkowski: Pow. Przasn., I, 103—112; Ciszewski: Krakowiacy, I, 184—186; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 299—306; Трейландъ: Лат. ск., 196—199; „Č. Lid", VI, 194—195, 237—239; Václavek: Několik pohádek, 39—41; Ристић-Лончарски: Нар. прип., 83—90; „Arch. f. slav. Phil.", XXVI, 460—461; „Zs. öst. Vk.", II, 221, III, 376, IV, 160; Carnoy: Litt. or. Picard., 292—307; „Or. u. Occ.", II, 124—125; Grimm: K. H. M., I, 274—280, II, 173—180, III, 90—94, 201—205; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 464—485; Köhler: Kl. Schr., I, 186—187; Oesterley: Gesta Rom., 466—470, 731.

Мотивъ о домовомъ или чертѣ, носящемъ дѣвицу къ герою, см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 190—194; Добровольскій: Смол. сб., I, 556—559; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 56—60; Radloff: Proben, IV, 275—276; Grimm: K. H. M., II, 152—153, III, 196—197.— Ср. также любовный заговоръ у Чубинскаго: Труды, I, 91.—О домовомъ вообще см. выше—стр. 251—255.

34.

Собака, кошка и змѣя.

Выслужилъ парень за годъ 3 гроша и пошелъ съ ними въ свѣтъ. По пути онъ выкупилъ за одинъ грошъ у мужика собаку, которую тотъ собирался убить, затѣмъ за другой грошъ—кошку, которую другой мужикъ несъ топить, наконецъ, за послѣдній грошъ—змѣю, которую били мальчики. Послѣдняя велѣла ему взять ее къ себѣ на шею и нести къ ея отцу, въ награду же требовать у него не что иное, какъ только волшебный камышекъ изъ-подъ его языка, отъ котораго, если только повернуть его подъ языкомъ, исполняются всѣ желанія.

Получивъ этотъ камышекъ, парень пошелъ дальше и встрѣтилъ у большого болота толпу господъ, которымъ царь объявилъ, что выдастъ свою дочь за того, кто перейдетъ черезъ это болото. Парень взялъ 2 доски и, переставляя ихъ впереди себя, перешелъ черезъ болото къ царю. Однако, тотъ велѣлъ ему еще построить за ночь дворецъ въ 3 этажа, а въ немъ 12 погребовъ и въ каждомъ изъ нихъ по столику. Тутъ, благодаря камышку, явились къ нему 3 черта, которые до утра исполнили эту задачу, послѣ чего уже царь отдалъ ему свою дочь въ жены.

Черезъ нѣкоторое время жена вывѣдала у него тайну о камышкѣ, а затѣмъ во время сна вынула у него камышекъ и положила его себѣ подъ языкъ, когда же къ ней явились 3 черта, то приказала имъ соединить ее съ прежнимъ любовникомъ и отнести ихъ обоихъ вмѣстѣ, съ цѣлымъ дворцомъ, за море, а мужа оставить одного, лишь съ его собакой и кошкой, на мѣстѣ.

Покинутый мужъ пошелъ и нанялся гдѣ-то на службу, а его собака и кошка отправились искать камышекъ. Переправившись черезъ море, они пришли къ царевнѣ и стали здѣсь ловить крысъ, которыя, чтобы избавиться отъ этихъ преслѣдованій, заставили царевну во снѣ, посредствомъ щекотанія въ носу испачканнымъ хвостомъ, выплюнуть камышекъ на землю, а затѣмъ отдали его сейчасъ кошкѣ. Взявъ камышекъ въ ротъ, кошка пустилась вмѣстѣ съ собакой въ обратный путь, однако, на морѣ, отвѣчая на вопросъ собаки, уронила камышекъ въ воду. Выйдя на берегъ, она бросилась ловить рыбъ, пока одна краснопёрая рыбка безъ хвоста не принесла ей камышка обратно, послѣ чего они уже благополучно доставили его своему хозяину.

Получивъ опять свой камышекъ, мужъ тотчасъ велѣлъ явившимся къ нему тремъ чертямъ принести къ нему назадъ его дворецъ съ женой, но послѣднюю прогналъ прочь, а самъ уже остался жить во дворцѣ.

Параллели: Роздольскій: Казки, I, 13—17, II, 39—44, 95—98; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 197—202; S. Bar ą cz: Bajki, 95—97, 113—120; Чубинскій: Труды, II, 52—63; Гринченко: Этн. мат., I, 195—198; Манжура: Сказки, 56—57; его-же: Малор. сказки—„Харьк. Сб.", VI, 163—164; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 135—144; Малинка: Сб.

мат., 311—315; Шейнъ: Матеріалы, II, 15—18; Добровольскій: Смол. сб., I, 607—615; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 345—350, VI, 404—412; Federowski: Lud białor., II, 75—81; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 316—328; Эрленвейнъ: Нар. ск., 98—101; Худяковъ: Великор. ск., I, 35—40, III, 61—65; Садовниковъ: Сам. ск., 41—50; Ончуковъ: Сѣв. ск., 153—157; „Ж. Стар.", XI, 79—80; „Этн. Об.", XXII, 123; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", IX—1, 437; Смирновъ: Систем. указатель — „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVII—3, 146—154; „Сб. Кавк.", XV, 2, 179—184, XXXVI, 3, 194—208; „Zbiór wiad.", IX, 94—97, XVI, 43—44, XVIII, 339—344; „Mat. antr.", V, 92—96; „Lud", II, 56—62; „Wisła", VII, 152—155; Kolberg: Pokucie, IV, 281—286; его-же: Lud, III, 139—141; Ciszewski: Krakowiacy, I, 115—116; Gliński: Baj. pol., II, 101—114; Świętek: Lud nadr., 361—362; Václavek: Pohádky, I, 28—29; „Č. Lid", VI, 377—378; „Národop. Sb.", I, 144, II, 10—11, III, 116, 122; „Sl. Pohl.", 1896, 221—227; „Zb. Južn. Sl.", I, 124—128; Стефановић: Срп. прип., 50—56, 111—129; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 163—168; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 155—159, IX, 303; Поливка: Бѣлѣжки, 14, 23; „Arch. f. slav. Phil.", V, 26—27, 38—40, XVII, 575, XIX, 244, 248, 263, XXI, 269, XXVI, 462; Leskien-Brugmann: Lit. M., 460—464, 572—573; „Zs. öst. Vk.", II, 221, III, 189, 377, VII, 95, 98; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 109—114; Carnoy-Nicolaides: Trad. pop. Asie Min., 63—74; „Сб. Миллера", 174; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказ.—„Сб. Миллера", 201; Гомбоевъ: Шидди-Куръ, 62—67; Radloff: Proben, I, 88—117, III, 396—402, IV, 162—164; Клингеръ: Сказ. мот. Герод., 119, 124; Köhler: Kl. Schr., I, 63, 398, 437, 440—441; Dähnhardt: Natursagen, IV, 147—160.—Ср. также ниже—№ 35.

Мотивъ о благодарной змѣѣ вообще см. еще ниже—№ 38.

35.

Чудесная свѣча.

Бѣдный человѣкъ записалъ чертямъ свою душу, послѣ чего получилъ отъ нихъ волшебную свѣчу, отъ которой, если зажечь ее, исполняются всѣ желанія. Съ помощью послѣдней онъ сразу разбогатѣлъ и сдѣлался войтомъ.

Однажды зашелъ къ нему жидъ-тряпочникъ и вывѣдалъ у него тайну его успѣха, а затѣмъ, въ другой разъ, воспользовавшись его отсутствіемъ, купилъ у его жены, вмѣстѣ съ тряпками, и самую свѣчу, благодаря которой тутъ-же самъ сдѣлался войтомъ, а его пустилъ съ сумой.

Пошелъ человѣкъ со своей собачкой въ свѣтъ. По дорогѣ собачка вырыла кольцо, благодаря которому, когда человѣкъ

повернулъ его на пальцѣ, явился къ нему чертъ, возвратившій ему затѣмъ и чудесную свѣчу, и прежнее богатство и званіе войта. Коварный же жидъ былъ казненъ.

Параллели: Роздольскій: Казки, II, 28—32; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 26—29, IV, 154—159, V, 194—196; S. Barącz: Bajki, 88—89, 113—120, 188; Добровольскій: Смол. сб., I, 524—525, 557—559; „Zbiór wiad.", V, 247—248; Kolberg: Lud, III, 133—136; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 177—181; Dobšinský: Prostonár. pov., II, 74; A. G.: Nár. přip. Sošk., II, 20—33, III, 56—60; „Č. Lid", XI, 291—294; „Zs. öst. Vk.", II, 188; Grimm: K. H. M., II, 150—154, III, 196—197.—Ср. также выше—№ 34.

36.

Охъ.

Въ лѣсу, въ большомъ дубѣ, жилъ чертъ по имени Охъ, у котораго въ ученіи было 11 учениковъ. Къ нему привелъ одинъ отецъ своего глупаго сына, котораго Охъ тоже принялъ въ ученіе, но поставилъ при этомъ условіе, что черезъ годъ, если отецъ его не узнаетъ, онъ оставитъ его у себя совсѣмъ.

По уходѣ отца Охъ зажегъ 4 сажени дровъ и бросилъ мальчика въ огонь, гдѣ тотъ превратился въ яйцо, а затѣмъ, когда онъ бросилъ имъ объ землю, сдѣлался опять мальчикомъ, но оказался еще недостаточно умнымъ. Тогда Охъ зажегъ 6 саженей дровъ и бросилъ его снова въ огонь, послѣ чего онъ превратился въ орѣхъ, а затѣмъ, отъ удара объ землю, сдѣлался опять мальчикомъ. Такъ какъ онъ, однако, еще не былъ достаточно умнымъ, то Охъ зажегъ еще 8 саженей дровъ и бросилъ его третій разъ въ огонь, такъ что онъ превратился въ маковое зерно, изъ котораго опять вышелъ мальчикомъ, причемъ, однако, уже былъ мудрѣе самого Оха.

Послѣ этого Охъ заперъ своего ученика за 12 дверей, но тотъ обратился въ муху, вылетѣлъ въ замочную скважину и предупредилъ отца, что Охъ при опознаніи превратитъ его и другихъ 11 учениковъ въ 12 одинаковыхъ лошадей, въ 12 утокъ, въ 12 собакъ и въ 12 мухъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ также указалъ отцу примѣты, по которымъ онъ можетъ узнать его.

Затѣмъ онъ возвратился такимъ же образомъ назадъ къ Оху, а на другой день отецъ, по условленнымъ примѣтамъ, узналъ сына и взялъ его съ собою домой.

Дома сынъ превратился въ золотого коня и велѣлъ отцу продать себя за 9 сотенъ, но безъ узды. Между тѣмъ, отецъ продалъ его Оху вмѣстѣ съ уздой, а тотъ привязалъ его въ конюшнѣ такъ туго, что онъ едва задними ногами доставалъ до земли. Когда, однако, Охъ куда-то ушелъ, остальные его ученики освободили коня, который тутъ-же, топнувъ ногою, превратился въ муху и улетѣлъ къ отцу.

Черезъ нѣкоторое время онъ превратился опять въ золотую птицу въ золотой клѣткѣ и велѣлъ отцу продать себя за 5 сотенъ, но безъ клѣтки. Однако, отецъ снова продалъ его Оху съ клѣткою, а тотъ заперъ его у себя въ желѣзную клѣтку, но ученики опять выпустили его на свободу. Превратившись въ муху, онъ снова улетѣлъ къ отцу, избѣжавъ погони Оха.

Послѣ этого онъ превратился въ желѣзную перчатку (?), которой Охъ уже не хотѣлъ купить, въ виду чего отецъ продалъ ее за 3 сотни старому солдату. Ночью же онъ сдѣлался опять человѣкомъ и пошелъ въ свѣтъ.

Напечатано, съ указаніемъ важнѣйшей литературы предмета, въ „Живой Старинѣ“, VII, 443—445. Ср. нашу же рецензію на ст. Ю. И. Поливки—тамъ-же, X, 589—591.

Параллели: Гнатюкъ: Знадобы, I, 169; его-же: Етн. мат. Уг. Р., II, 30—33; Драгомановъ: Преданія, 326—328; Чубинскій: Труды, II, 368—379; Рудченко: Сказки, II, 107—114; Мордовцевъ: Малор. сб., 359—361; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 48—54; Nowosielski: Lud ukr., I, 301—304; Шейнъ: Матеріалы, II, 57—60; Добровольскій: Смол. сб., I, 615—619; Federowski: Lud białor., I, 91—93, 136, II, 78—79, 145—149; Худяковъ: Великор. ск., I, 65—69, III, 71—76; Эрленвейнъ: Нар. ск., 87—91; Садовниковъ: Сам. ск., 212—217; Иваницкій: Мат. волог., 182—184; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 127—136; „Ж. Стар.“, V, 456—459, IX, 140—143; „Этн. Об.,“ XXVIII, 131, XXXIV, 167—168, LVI, 1—24; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 348, 352—353; „Сб. Кавк.“, VI, 2, 197—200, VII, 1, 125—128, 2, 110—117, X, 2, 322—324, XVIII, 3, 23—26, XLII, 2, 151—156; Ждановъ: Р. был. эпосъ, 178—180; „Zbiór wiadom.“, V, 254—255, XI, 107—109, 241—243, XII, 38—40, XVI, 68—70; „Mat. antr.“, V, 21—22, X, 255—256; „Wisła“, XIV, 270—272; Kolberg: Lud, III, 136—138, XIV, 46—51; Ciszewski: Krakowiacy, I, 73—75; Gliński: Baj. pol., I, 172—185; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 417—421, II, 58—60, 385—389; Трейландъ: Лат. ск., 50; „Č. Lid“, VI, 182—184, IX, 91—94; „Národop. Sb.“, VII,

222; „Slov. Pohl.", 1896, 328—330; Václavek: Pohádky, II, 71; „Slavia", 22—23; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 243—245; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 262—263, IX, 315—316, 349, 450—452; Strausz: Die Bulgaren, 273—274; Поливка: Магьосникътъ и неговиятъ ученикъ, 1898; „Arch. f. slav. Phil.", XVII, 574, XIX, 242, XXVI, 459; „Zs. Ver. Vk.", XV, 455; Grimm: K. H. M., I, 366—368, III, 117—119, 287—288; Müllenhoff: Sagen, 466—467; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 51—53; Schott: Wal. M., 193—198; Hahn: Griech. u. alb. M., II, 34—38; Stier: Ung. M., 102; Gonzenbach: Sic. M., I, 93, 139—140; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказ.—„Сб. Миллера", 195, 210; „Or. u. Occ.", III, 374—375; Потанинъ: Очерки, IV, 198—199, 531—533; Radloff: Proben, IV, 157—160; Гомбоевъ: Шидди-Куръ, 7—9; Köhler: Kl. Schr., I, 138—140, 556—558; Dähnhardt: Natursagen, III, 460—462; Cosquin: Les Mongols et leur prétendu rôle dans la transmission des contes indiens vers l'Occident européen, 1912.

Мотивъ о чертовской школѣ см.: Jagić: Die südslav. Volkssagen von d. Grabancijaš dijak u. ihre Erklärung—„Arch. f. slav. Phil.", II, 437—481, IV, 611, VII, 281—290; „Сб. Кавк.", XVIII, 3, 348—349; Václavek: Pohádky, II, 72; Müllenhoff: Sagen, 192—193; Grundtvig: Dän. Vm., II, 280—308: Vinson: Folklore Basque, 6; „Albina Carpatilor", III, 54; Schmidt: Das Jahr Rum., 16; Graf: Naturgesch. d. Teufels, 249—250.

Къ мотиву о превращеніи мальчика въ яйцо вообще см.: Ю. А. Яворскій: Omne vivum ex ovo, 1909.

Мотивъ о превращеніяхъ во время борьбы или погони вообще см.: Чубинскій: Труды, V, 574—575, 704; Манжура: Сказки, 27; Перетцъ: Малор. вирши и пѣсни, II, 119; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 119, IV, 114, 118; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 167, 189, 195; Худяковъ: Великор. ск., III, 18—19; Ончуковъ: Сѣв. ск., 4—7; „Ж. Стар.", XII, 240; „Этн. Об.", II, 9, XXVIII, 131; Пыпинъ: Очеркъ, 109, 294—295; его-же: Памятники, III, 67; Тихонравовъ: Лѣтописи, IV, 118; Сиповскій: Русск. повѣсти, 12, 19—20; Веселовскій: Сол. и Китовр., 232—233; его-же: Разысканія, VI, 43—44, 67—78, X, 430—432, XIII, 198—199; Буслаевъ: Нар. поэзія, 33—34; Миллеръ: Очерки, I, 184—185; Шамбинаго: Къ лит. ист. старинъ о Вольгѣ—„Ж. М. Н. Пр.", 1905, XI, 140—145; Kolberg: Mazowsze, II, 54—56, III, 247, IV, 274—275; его-же: Lud, I, 134—135, IV, 19—20, XII, 97—100, XXI, 27—28, XXII, 102—103; Świętek: Lud nadr., 193; Трейландъ: Лат. ск., 50; Stier: Ung. M., 102; Petriceicu-Hasdeu: Cuvinte din bĕtrânū, 501—566, 694—705; Radloff: Proben, IV, 33.—Ср. также ниже—№ 41 и 98.

Мотивъ объ уздѣ, какъ орудіи или оберегѣ превращенія человѣка въ лошадь, см. еще: Гнатюкъ: Русины Пряш., 56; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 41—42; „Сб. Кавк.", XIII, 2, 11; Krauss: Slav. Volksforschungen, 52—53; Трейландъ: Лат. ск., 125.—См. также ниже—№ 37.

37.

Птичій языкъ.

Пошелъ парень искать службы и встрѣтилъ діявола, который сначала, узнавъ, что онъ грамотенъ, не хотѣлъ его принять на службу, но затѣмъ, когда онъ забѣжалъ впередъ и притворился неграмотнымъ, взялъ его съ собой и поручилъ ему стирать пыль съ книгъ и кормить коня впроголодь, а самъ уѣхалъ на цѣлый годъ изъ дому. Но парень прочелъ всѣ книги и выучился изъ нихъ понимать языкъ животныхъ, коня же холилъ и кормилъ вдоволь. Незадолго до возвращенія діявола конь велѣлъ парню накормить себя получше, чтобы онъ могъ бѣжать съ нимъ отъ діявола, который по возвращеніи превратилъ-бы и парня въ коня, какъ превратилъ когда-то и его самого. Затѣмъ конь вывезъ парня за границу, послѣ чего, когда тотъ снялъ съ него узду, сдѣлался сѣдымъ старикомъ, а уходя, запретилъ ему говорить кому-либо, даже собственной женѣ, правду о своемъ чудесномъ знаніи.

Парень пошелъ и встрѣтилъ 3-хъ купцовъ съ сукнами, къ одному изъ которыхъ онъ и нанялся на службу. Когда купцы, по случаю яснаго дня, рѣшили провѣтрить на солнцѣ свои сукна, новый слуга, узнавъ изъ разговора птицъ о предстоящемъ ливнѣ, убѣдилъ своего хозяина не раскладывать сукна, а наоборотъ, поскорѣе заѣхать въ корчму; другіе два купца не повѣрили, и дождь совершенно промочилъ ихъ и ихъ товары. Ночью парень опять подслушалъ разговоръ птицъ о томъ, что въ корчму ударитъ вскорѣ молнія, предупредилъ объ этомъ своего хозяина и выѣхалъ съ нимъ изъ корчмы, которая тутъ-же загорѣлась. Наконецъ, на ночлегѣ въ лѣсу парень снова услышалъ отъ птицъ, что дома у его хозяина разбойники украли дочь, а жена его съ горя хочетъ повѣситься. По указанію слуги, купецъ поспѣшилъ домой и предотвратилъ самоубійство жены, самъ же парень отправился въ лѣсъ къ разбойникамъ и освободилъ дѣвушку, на которой онъ затѣмъ и женился.

Однажды жена стала допрашивать мужа — откуда у него такое знаніе будущаго? Тотъ не хотѣлъ открыть ей правду, говоря, что долженъ-бы умереть, но жена все-таки настаивала. Тогда мужъ передъ смертью пошелъ еще осмотрѣть свое хозяйство и тутъ услышалъ, какъ пѣтухъ, клюя куръ, говорилъ

имъ, что онъ не такъ глупъ, какъ ихъ хозяинъ, и сумѣетъ управиться съ ними. Пристыженный мужъ побилъ тогда свою жену, послѣ чего она уже оставила его въ покоѣ.

Параллели: Основной разсказъ—о человѣкѣ, пріобрѣвшемъ (отъ змѣи, изъ волшебныхъ книгъ и т. п.) знаніе языка животныхъ, благодаря которому онъ узнаетъ будущее и предотвращаетъ угрожающія ему или его хозяину или другу опасности, а наконецъ, въ одной группѣ варіантовъ, избавляется также отъ опаснаго для него любопытства жены,—вообще см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 215; его-же: Етн. мат. Уг. Р., II, 96—101; Роздольскій: Казки, II, 86—88; „Наука“, 1897, I—III, 135—141; Сабовъ: Христоматія, 212; S. Bаrącz: Bajki, 124; Драгомановъ: Преданія, 75—76, 311—313; Манжура: Сказки, 72—73; Гринченко: Этн. мат., II, 121—122; „Кіев. Стар.“, XLIX, 2, 109—111; Романовъ: Бѣлор. сб., IV, 140—142, 217—219; Добровольскій: Смол. сб., I, 354—355; Federowski: Lud białor., II, 38—39; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 124—127; Худяковъ: Великор. ск., I, 135—144; Владиміровъ: Введеніе, 163; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 258—260, IV, 190—191; „Ж. Стар.“, IX, 195; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 346; „Изв. Каз. О-ва Археол.“, XIV—3, 251—258; „Сб. Кавк.“, VII, 2, 98—110, IX, 2, 181—183, XVIII, 2, 151—154, XXIV, 2, 72—81; „Lud“, IV, 299—304; „Wisła“, II, 179, 474—475, VI, 134—137; „Zbiór wiad.“, XI, 43—44, XVI, 4—5, XVIII, 479; „Mat. antr.“, IV, 115, VI, 352—353, VIII, 169—172, X, 281—282; Kolberg: Lud, VIII, 216—218; „Č. Lid“, VIII, 150—151; Dobšinský: Prostonár. pov., III, 83—86; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 439—444; его-же: Slav. Volksforschungen, 72—73; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 249—252, IX, 306—307, 321—322, 377—378; Поливка: Бѣлѣжки, 20, 24; „Národop. Sb.“, II, 100, III, 102, 122, IV—V, 134; „Arch. f. slav. Phil.“, VII, 318, XXI, 278—279, 300, XXIX, 474; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 218—219; Pedersen: Zur alb. Vk., 82—88; Fleury: Litt. or. B.-Normandie, 123—124; „Zs. Ver. Vk.“, VI, 339; Grimm: K. H. M., I, 93, 172—174, III, 27, 289, 364—367; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 131—134; Radloff: Proben, IV, 492—495; Rosen: Tuti-Nameh, II, 238—241; Benfey: Ein Märchen von d. Thiersprache—„Or. u. Occ.“, II, 33—171; его-же: Kl. Schr., II—3, 234—286; Oesterley: Gesta Rom., 208, 213, 221, 230; Liebrecht: Gerv. v. Tilbury, 155; Клингеръ: Животное, 162; Köhler: Kl. Schr., II, 336, 340, 342, 610—611, III, 539.—См. также ниже—№ 38 и въ особенности—№ 96.

Мотивъ о наймѣ діяволомъ неграмотнаго слуги см. еще: „Zbiór wiad.“, XI, 107—109; Трейландъ: Лат. ск., 49—50; Grimm: K. H. M., III, 117—118.

Мотивъ объ освобожденіи отъ волшебнаго превращенія посредствомъ снятія узды см. выше—№ 36.

